Николай
Васильевич
ГОГОЛЬ

Полное
собрание
сочинений
и писем

ТОМ
V

Николай Васильевич
ГОГОЛЬ

Н. Гоголь

Полное собрание сочинений и писем
в семнадцати томах

Н. Гоголь

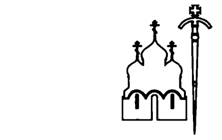
Николай Васильевич Гоголь

1809–1852

Н. В. Гоголь

Полное собрание сочинений и писем

в семнадцати томах



Издательство Московской Патриархии
Москва – Киев
2009

Н. В. Гоголь

Том V

Мертвые души

Поэма

Издательство Московской Патриархии
Москва – Киев
2009

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
КИРИЛЛА

По благословению
Блаженнейшего митрополита Киевского и всея Украины
ВЛАДИМИРА

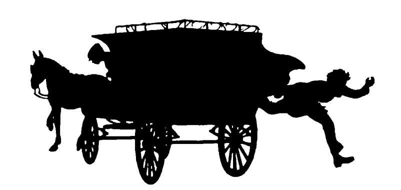
Составление, подготовка текстов и комментарии:

И. А. Виноградов, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН

В. А. Воропаев, доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова,
председатель Гоголевской комиссии
Научного совета «История мировой культуры» РАН

Издание выпущено при содействии
Некоммерческого партнерства
«Полтавское землячество» (Москва)
и Благотворительного фонда «Богуслав» (Киев)

Мертвые души



Том первый

К читателю от сочинителя

Кто бы ты ни был, мой читатель, на каком бы месте ни стоял, в каком бы звании ни находился, почтен ли ты высшим чином или человек простого сословия, но если тебя вразумил Бог грамоте и попалась уже тебе в руки моя книга, я прошу тебя помочь мне.

В книге, которая перед тобой, которую, вероятно, ты уже прочел в ее первом издании, изображен человек, взятый из нашего же государства. Ездит он по нашей Русской земле, встречается с людьми всяких сословий, от благородных до простых. Взят он больше затем, чтобы показать недостатки и пороки русского человека, а не его достоинства и добродетели, и все люди, которые окружают его, взяты также затем, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшие люди и характеры будут в других частях. В книге этой многое описано неверно, не так, как есть и как действительно происходит в Русской земле, потому что я не мог узнать всего: мало жизни человека на то, чтобы узнать одному и сотую часть того, что делается в нашей земле. Притом от моей собственной оплошности, незрелости и поспешности произошло множество всяких ошибок и промахов, так что на всякой странице есть что поправить: я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не пренебреги таким делом. Какого бы ни был ты сам высокого образования и жизни высокой, и какою бы ничтожною ни показалась в глазах твоих моя книга, и каким бы ни показалось тебе мелким делом ее исправлять и писать на нее замечания, — я прошу тебя это сделать. А ты, читатель невысокого образования и простого звания, не считай себя таким невежею, чтобы ты не мог меня чему-нибудь поучить. Всякий человек, кто жил и видел свет и встречался с людьми, заметил что-нибудь такое, чего другой не заметил, и узнал что-нибудь такое, чего другие не знают. А потому не лиши меня твоих замечаний: не может быть, чтобы ты не нашелся чего-нибудь сказать на какое-нибудь место во всей книге, если только внимательно прочтешь ее.

Как бы, например, хорошо было, если бы хотя один из тех, которые богаты опытом и познанием жизни и знают круг тех людей, которые мною описаны, сделал свои заметки сплошь на всю книгу, не пропуская ни одного листа ее, и принялся бы читать ее не иначе, как взявши в руки перо и положивши перед собою лист почтовой бумаги, и после прочтенья нескольких страниц

припомнил бы себе всю жизнь свою и всех людей, с которыми встречался, и все происшествия, случившиеся перед его глазами, и все, что видел сам или что слышал от других подобного тому, что изображено в моей книге, или же противоположного тому, все бы это описал в таком точно виде, в каком оно предстало его памяти, и посылал бы ко мне всякий лист по мере того, как он испишется, покуда таким образом не прочтется им вся книга. Какую бы кровную он оказал мне услугу! О слоге или красоте выражений здесь нечего заботиться; дело *в деле* и *в правде* дела, а не в слоге. Нечего ему также передо мною чиниться, если бы захотелось меня попрекнуть, или побранить, или указать мне вред, какой я произвел наместо пользы необдуманным и неверным изображением чего бы то ни было. За все буду ему благодарен.

Хорошо бы также, если бы кто нашелся из сословия высшего, отдаленный всем и самой жизнью и образованием от того круга людей, который изображен в моей книге, но знающий зато жизнь того сословия, среди которого живет, и решился бы таким же самым образом прочесть сызнова мою книгу и мысленно припомнить себе всех людей сословия высшего, с которыми встречался на веку своем, и рассмотреть внимательно, нет ли какого сближения между этими сословиями и не повторяется ли иногда то же самое в круге высшем, что делается в низшем? и все, что ни придет ему на ум по этому поводу, то есть всякое происшествие высшего круга, служащее в подтверждение или в опровержение этого, описал бы, как оно случилось перед его глазами, не пропуская ни людей с их нравами, склонностями и привычками, ни бездушных вещей, их окружающих, от одежд до мебелей и стен домов, в которых живут они. Мне нужно знать это сословие, которое есть цвет народа. Я не могу выдать последних томов моего сочинения по тех пор, покуда сколько-нибудь не узнаю русскую жизнь со всех ее сторон, хотя в такой мере, в какой мне нужно ее знать для моего сочинения.

Недурно также, если бы кто-нибудь такой, кто наделен способностью воображать или живо представлять себе различные положения людей и преследовать их мысленно, на разных поприщах, — словом, кто способен углубляться в мысль всякого читаемого им автора или развивать ее, проследил бы пристально всякое лицо, выведенное в моей книге, и сказал бы мне, как оно должно поступить в таких и таких случаях, что с ним, судя по началу,

должно случиться далее, какие могут ему представиться обстоятельства новые и что было бы хорошо прибавить к тому, что уже мной описано; все это желал бы я принять в соображение к тому времени, когда воспоследует издание новое этой книги, в другом и лучшем виде.

Об одном прошу крепко того, кто захотел бы наделить меня своими замечаниями: не думать в это время, как он будет писать, что пишет он их для человека ему равного по образованию, который одинаковых с ним вкусов и мыслей и может уже многое смекнуть и сам без объяснения; но вместо того воображать себе, что перед ним стоит человек, несравненно его низший образованьем, ничему почти не учившийся. Лучше даже, если наместо меня он себе представит какого-нибудь деревенского дикаря, которого вся жизнь прошла в глуши, с которым нужно входить в подробнейшее объяснение всякого обстоятельства и быть просту в речах, как с ребенком, опасаясь ежеминутно, чтоб не употребить выражений свыше его понятия. Если это беспрерывно будет иметь в виду тот, кто станет делать замечания на мою книгу, то его замечания выйдут более значительны и любопытны, чем он думает сам, а мне принесут истинную пользу.

Итак, если бы случилось, что моя сердечная просьба была бы уважена моими читателями и нашлись бы из них действительно такие добрые души, которые захотели бы сделать все так, как я хочу, то вот каким образом они могут переслать свои замечания: сделавши сначала пакет на мое имя, завернуть его потом в другой пакет, или на имя ректора С.-Петербургского университета, его превосходительства Петра Александровича Плетнева, адресуя прямо в С.-Петербургский университет, или на имя профессора Московского университета, его высокородия Степана Петровича Шевырева, адресуя в Московский университет, смотря по тому, к кому какой город ближе.

А всех, как журналистов, так и вообще литераторов, благодаря искренно за все их прежние отзывы о моей книге, которые, несмотря на некоторую неумеренность и увлечения, свойственные человеку, принесли, однако ж, пользу большую как голове, так и душе моей, прошу не оставить и на этот раз меня своими замечаниями. Уверяю искренно, что все, что ни будет ими сказано на вразумленье или поученье мое, будет принято мною с благодарностью.

Глава первая

В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка, в какой ездят холостяки: отставные подполковники, штабс-капитаны, помещики, имеющие около сотни душ крестьян, — словом, все те, которых называют господами средней руки. В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так чтобы слишком молод. Въезд его не произвел в городе совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным; только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания, относившиеся, впрочем, более к экипажу, чем к сидевшему в нем. «Вишь ты, — сказал один другому, — вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» — «Доедет», — отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» — «В Казань не доедет», — отвечал другой. Этим разговор и кончился. Да еще, когда бричка подъехала к гостинице, встретился молодой человек в белых канифасовых панталонах, весьма узких и коротких, во фраке с покушеньями на моду, из-под которого видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою с бронзовым пистолетом. Молодой человек оборотился назад, посмотрел экипаж, придержал рукою картуз, чуть не слетевший от ветра, и пошел своей дорогой.

Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен трактирным слугою, или половым, как их называют в русских трактирах, живым и вертлявым до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо. Он выбежал проворно, с салфеткой в руке, весь длинный и в длинном демикотонном сюртуке со спинкою чуть не на самом затылке, встряхнул волосами и повел проворно господина вверх по всей деревянной галдарее показывать ниспосланный ему Богом покой. Покой был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов, и дверью в соседнее помещение, всегда заставленную комодом, где устроивается

сосед, молчаливый и спокойный человек, но чрезвычайно любопытный, интересующийся знать о всех подробностях проезжающего. Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен и оставался в темно-красных кирпичиках, еще более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самих по себе; верхний был выкрашен вечною желтою краскою; внизу были лавочки с хомутами, веревками и баранками. В угольной из этих лавочек, или, лучше, в окне, помещался сбитенщик с самоваром из красной меди и лицом так же красным, как самовар, так что издали можно бы подумать, что на окне стояло два самовара, если б один самовар не был с черною как смоль бородою.

Пока приезжий господин осматривал свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего чемодан из белой кожи, несколько поистасканный, показывавший, что был не в первый раз в дороге. Чемодан внесли кучер Селифан, низенький человек в тулупчике, и лакей Петрушка, малый лет тридцати, в просторном подержанном сюртуке, как видно с барского плеча, малый немного суровый на взгляд, с очень крупными губами и носом. Вслед за чемоданом внесен был небольшой ларчик красного дерева с штучными выкладками из карельской березы, сапожные колодки и завернутая в синюю бумагу жареная курица. Когда все это было внесено, кучер Селифан отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка стал устроиваться в маленькой передней, очень темной конурке, куда уже успел притащить свою шинель и вместе с нею какой-то свой собственный запах, который был сообщен и принесенному вслед за тем мешку с разным лакейским туалетом. В этой конурке он приладил к стене узенькую трехногую кровать, накрыв ее небольшим подобием тюфяка, убитым и плоским, как блин, и, может быть, так же замаслившимся, как блин, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы.

Покамест слуги управлялись и возились, господин отправился в общую залу. Какие бывают эти общие залы — всякий проезжающий знает очень хорошо: те же стены, выкрашенные масляной краской, потемневшие вверху от трубочного дыма и залосненные снизу спинами разных проезжающих, а еще более туземными купеческими, ибо купцы по торговым дням приходили

сюда сам-шест и сам-сём испивать свою известную пару чаю; тот же закопченный потолок; та же копченая люстра со множеством висящих стеклышек, которые прыгали и звенели всякий раз, когда половой бегал по истертым клеенкам, помахивая бойко подносом, на котором сидела такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу; те же картины во всю стену, писанные масляными красками, — словом, все то же, что и везде; только и разницы, что на одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, каких читатель, верно, никогда не видывал. Подобная игра природы, впрочем, случается на разных исторических картинах, неизвестно в какое время, откуда и кем привезенных к нам в Россию, иной раз даже нашими вельможами, любителями искусств, накупившими их в Италии по совету везших их курьеров. Господин скинул с себя картуз и размотал с шеи шерстяную, радужных цветов косынку, какую женатым приготовляет своими руками супруга, снабжая приличными наставлениями, как закутываться, а холостым — наверное не могу сказать, кто делает. Бог их знает, я никогда не носил таких косынок. Размотавши косынку, господин велел подать себе обед. Покамест ему подавались разные обычные в трактирах блюда, как-то: щи с слоеным пирожком, нарочно сберегаемым для проезжающих в течение нескольких неделей, мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярка жареная, огурец соленый и вечный слоеный сладкий пирожок, всегда готовый к услугам; покамест ему все это подавалось и разогретое, и просто холодное, он заставил слугу, или полового, рассказывать всякий вздор о том, кто содержал прежде трактир и кто теперь, и много ли дает дохода, и большой ли подлец их хозяин; на что половой, по обыкновению, отвечал: «О, большой, сударь, мошенник». Как в просвещенной Европе, так и в просвещенной России есть теперь весьма много почтенных людей, которые без того не могут покушать в трактире, чтоб не поговорить с слугою, а иногда даже забавно пошутить над ним. Впрочем, приезжий делал не всё пустые вопросы; он с чрезвычайною точностию расспросил, кто в городе губернатор, кто председатель палаты, кто прокурор, — словом, не пропустил ни одного значительного чиновника; но еще с большею точностию, если даже не с участием, расспросил обо всех значительных помещиках: сколько кто имеет душ крестьян, как далеко живет от города, какого даже характера и как часто

приезжает в город; расспросил внимательно о состоянии края: не было ли каких болезней в их губернии — повальных горячек, убийственных каких-либо лихорадок, оспы и тому подобного, и все так обстоятельно и с такою точностию, которая показывала более, чем одно простое любопытство. В приемах своих господин имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал, как труба. Это, по-видимому, совершенно невинное достоинство приобрело, однако ж, ему много уважения со стороны трактирного слуги, так что он всякий раз, когда слышал этот звук, встряхивал волосами, выпрямливался почтительнее и, нагнувши с вышины свою голову, спрашивал: не нужно ли чего? После обеда господин выкушал чашку кофею и сел на диван, подложивши себе за спину подушку, которую в русских трактирах вместо эластической шерсти набивают чем-то чрезвычайно похожим на кирпич и булыжник. Тут начал он зевать и приказал отвести себя в свой нумер, где, прилегши, заснул два часа. Отдохнувши, он написал на лоскутке бумажки, по просьбе трактирного слуги, чин, имя и фамилию для сообщения куда следует, в полицию. На бумажке половой, спускаясь с лестницы, прочитал по складам следующее: «Коллежский советник Павел Иванович Чичиков, помещик, по своим надобностям». Когда половой все еще разбирал по складам записку, сам Павел Иванович Чичиков отправился посмотреть город, которым был, как казалось, удовлетворен, ибо нашел, что город никак не уступал другим губернским городам: сильно била в глаза желтая краска на каменных домах и скромно темнела серая на деревянных. Домы были в один, два и полтора этажа, с вечным мезонином, очень красивым, по мнению губернских архитекторов. Местами эти дома казались затерянными среди широкой, как поле, улицы и нескончаемых деревянных заборов; местами сбивались в кучу, и здесь было заметно более движения народа и живости. Попадались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: «Иностранец Василий Федоров»; где нарисован был бильярд с двумя игроками во фраках, в какие одеваются у нас на театрах гости, входящие в последнем акте на сцену. Игроки были изображены с прицелившимися

киями, несколько вывороченными назад руками и косыми ногами, только что сделавшими на воздухе антраша. Под всем этим было написано: «И вот заведение». Кое-где просто на улице стояли столы с орехами, мылом и пряниками, похожими на мыло; где харчевня с нарисованною толстою рыбою и воткнутою в нее вилкою. Чаще же всего заметно было потемневших двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены лаконическою надписью: «Питейный дом». Мостовая везде была плоховата. Он заглянул и в городской сад, который состоял из тоненьких дерев, дурно принявшихся, с подпорками внизу, в виде треугольников, очень красиво выкрашенных зеленою масляною краскою. Впрочем, хотя эти деревца были не выше тростника, о них было сказано в газетах при описании иллюминации, что «город наш украсился, благодаря попечению гражданского правителя, садом, состоящим из тенистых, широковетвистых дерев, дающих прохладу в знойный день», и что при этом «было очень умилительно глядеть, как сердца граждан трепетали в избытке благодарности и струили потоки слез в знак признательности к господину градоначальнику». Расспросивши подробно будочника, куда можно пройти ближе, если понадобится, к собору, к присутственным местам, к губернатору, он отправился взглянуть на реку, протекавшую посредине города, дорогою оторвал прибитую к столбу афишу, с тем чтобы, пришедши домой, прочитать ее хорошенько, посмотрел пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой следовал мальчик в военной ливрее, с узелком в руке, и, еще раз окинувши все глазами, как бы с тем, чтобы хорошо припомнить положение места, отправился домой прямо в свой нумер, поддерживаемый слегка на лестнице трактирным слугою. Накушавшись чаю, он уселся перед столом, велел подать себе свечу, вынул из кармана афишу, поднес ее к свече и стал читать, прищуря немного правый глаз. Впрочем, замечательного немного было в афишке: давалась драма г. Коцебу, в которой Ролла играл г. Поплёвин, Кору — девица Зяблова, прочие лица были и того менее замечательны; однако же он прочел их всех, добрался даже до цены партера и узнал, что афиша была напечатана в типографии губернского правления, потом переворотил на другую сторону: узнать, нет ли и там чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протер глаза, свернул опрятно и положил

в свой ларчик, куда имел обыкновение складывать все, что ни попадалось. День, кажется, был заключен порцией холодной телятины, бутылкою кислых щей и крепким сном во всю насосную завертку, как выражаются в иных местах обширного русского государства.

Весь следующий день посвящен был визитам; приезжий отправился делать визиты всем городским сановникам. Был с почтением у губернатора, который, как оказалось, подобно Чичикову был ни толст, ни тонок собой, имел на шее Анну, и поговаривали даже, что был представлен к звезде; впрочем, был большой добряк и даже сам вышивал иногда по тюлю. Потом отправился к вице-губернатору, потом был у прокурора, у председателя палаты, у полицеймейстера, у откупщика, у начальника над казенными фабриками... жаль, что несколько трудно упомнить всех сильных мира сего; но довольно сказать, что приезжий оказал необыкновенную деятельность насчет визитов: он явился даже засвидетельствовать почтение инспектору врачебной управы и городскому архитектору. И потом еще долго сидел в бричке, придумывая, кому бы еще отдать визит, да уж больше в городе не нашлось чиновников. В разговорах с сими властителями он очень искусно умел польстить каждому. Губернатору намекнул как-то вскользь, что в его губернию въезжаешь, как в рай, дороги везде бархатные, и что те правительства, которые назначают мудрых сановников, достойны большой похвалы. Полицеймейстеру сказал что-то очень лестное насчет городских будочников; а в разговорах с вице-губернатором и председателем палаты, которые были еще только статские советники, сказал даже ошибкою два раза: «ваше превосходительство», что очень им понравилось. Следствием этого было то, что губернатор сделал ему приглашение пожаловать к нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочие чиновники тоже, с своей стороны, кто на обед, кто на бостончик, кто на чашку чаю.

О себе приезжий, как казалось, избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами, с заметною скромностию, и разговор его в таких случаях принимал несколько книжные обороты: что он незначащий червь мира сего и не достоин того, чтобы много о нем заботились, что испытал много на веку своем, претерпел на службе за правду, имел много неприятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищет избрать наконец место для жительства, и что,

прибывши в этот город, почел за непременный долг засвидетельствовать свое почтение первым его сановникам. Вот все, что узнали в городе об этом новом лице, которое очень скоро не преминуло показать себя на губернаторской вечеринке. Приготовление к этой вечеринке заняло с лишком два часа времени, и здесь в приезжем оказалась такая внимательность к туалету, какой даже не везде видывано. После небольшого послеобеденного сна он приказал подать умыться и чрезвычайно долго тер мылом обе щеки, подперши их извнутри языком; потом, взявши с плеча трактирного слуги полотенце, вытер им со всех сторон полное свое лицо, начав из-за ушей и фыркнув прежде раза два в самое лицо трактирного слуги. Потом надел перед зеркалом манишку, выщипнул вылезшие из носу два волоска и непосредственно за тем очутился во фраке брусничного цвета с искрой. Таким образом одевшись, покатился он в собственном экипаже по бесконечно широким улицам, озаренным тощим освещением из кое-где мелькавших окон. Впрочем, губернаторский дом был так освещен, хоть бы и для бала; коляска с фонарями, перед подъездом два жандарма, форейторские крики вдали — словом, всё как нужно. Вошедши в зал, Чичиков должен был на минуту зажмурить глаза, потому что блеск от свечей, ламп и дамских платьев был страшный. Все было залито светом. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами там и там, как носятся мухи на белом сияющем рафинаде в пору жаркого июльского лета, когда старая ключница рубит и делит его на сверкающие обломки перед открытым окном; дети все глядят, собравшись вокруг, следя любопытно за движениями жестких рук ее, подымающих молот, а воздушные эскадроны мух, поднятые легким воздухом, влетают смело, как полные хозяева, и, пользуясь подслеповатостию старухи и солнцем, беспокоящим глаза ее, обсыпают лакомые куски где вразбитную, где густыми кучами. Насыщенные богатым летом, и без того на всяком шагу расставляющим лакомые блюда, они влетели вовсе не с тем, чтобы есть, но чтобы только показать себя, пройтись взад и вперед по сахарной куче, потереть одна о другую задние или передние ножки, или почесать ими у себя под крылышками, или, протянувши обе передние лапки, потереть ими у себя над головою, повернуться и опять улететь, и опять прилететь с новыми докучными эскадронами. Не успел Чичиков осмотреться, как уже

был схвачен под руку губернатором, который представил его тут же губернаторше. Приезжий гость и тут не уронил себя: он сказал какой-то комплимент, весьма приличный для человека средних лет, имеющего чин не слишком большой и не слишком малый. Когда установившиеся пары танцующих притиснули всех к стене, он, заложивши руки назад, глядел на них минуты две очень внимательно. Многие дамы были хорошо одеты и по моде, другие оделись во что Бог послал в губернский город. Мужчины здесь, как и везде, были двух родов: одни тоненькие, которые всё увивались около дам; некоторые из них были такого рода, что с трудом можно было отличить их от петербургских, имели так же весьма обдуманно и со вкусом зачесанные бакенбарды или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лиц, так же небрежно подседали к дамам, так же говорили по-французски и смешили дам так же, как и в Петербурге. Другой род мужчин составляли толстые или такие же, как Чичиков, то есть не так чтобы слишком толстые, однако ж и не тонкие. Эти, напротив того, косились и пятились от дам и посматривали только по сторонам, не расставлял ли где губернаторский слуга зеленого стола для виста. Лица у них были полные и круглые, на иных даже были бородавки, кое-кто был и рябоват, волос они на голове не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манер «черт меня побери», как говорят французы, — волосы у них были или низко подстрижены, или прилизаны, а черты лица больше закругленные и крепкие. Это были почетные чиновники в городе. Увы! толстые умеют лучше на этом свете обделывать дела свои, нежели тоненькие. Тоненькие служат больше по особенным поручениям или только числятся и виляют туда и сюда; их существование как-то слишком легко, воздушно и совсем ненадежно. Толстые же никогда не занимают косвенных мест, а всё прямые, и уж если сядут где, то сядут надежно и крепко, так что скорей место затрещит и угнется под ними, а уж они не слетят. Наружного блеска они не любят; на них фрак не так ловко скроен, как у тоненьких, зато в шкатулках благодать Божия. У тоненького в три года не остается ни одной души, не заложенной в ломбард; у толстого спокойно, глядь — и явился где-нибудь в конце города дом, купленный на имя жены, потом в другом конце другой дом, потом близ города деревенька, потом и село со всеми угодьями. Наконец толстый, послуживши Богу и государю, заслуживши

всеобщее уважение, оставляет службу, перебирается и делается помещиком, славным русским барином, хлебосолом, и живет, и хорошо живет. А после него опять тоненькие наследники спускают, по русскому обычаю, на курьерских все отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода размышления занимали Чичикова в то время, когда он рассматривал общество, и следствием этого было то, что он наконец присоединился к толстым, где встретил почти всё знакомые лица: прокурора с весьма черными густыми бровями и несколько подмигивавшим левым глазом так, как будто бы говорил: «Пойдем, брат, в другую комнату, там я тебе что-то скажу», — человека, впрочем, серьезного и молчаливого; почтмейстера, низенького человека, но остряка и философа; председателя палаты, весьма рассудительного и любезного человека, — которые все приветствовали его, как старинного знакомого, на что Чичиков раскланивался несколько набок, впрочем, не без приятности. Тут же познакомился он с весьма обходительным и учтивым помещиком Маниловым и несколько неуклюжим на взгляд Собакевичем, который с первого раза ему наступил на ногу, сказавши: «Прошу прощения». Тут же ему всунули карту на вист, которую он принял с таким же вежливым поклоном. Они сели за зеленый стол и не вставали уже до ужина. Все разговоры совершенно прекратились, как случается всегда, когда наконец предаются занятию дельному. Хотя почтмейстер был очень речист, но и тот, взявши в руки карты, тот же час выразил на лице своем мыслящую физиономию, покрыл нижнею губою верхнюю и сохранил такое положение во все время игры. Выходя с фигуры, он ударял по столу крепко рукою, приговаривая, если была дама: «Пошла, старая попадья!», если же король: «Пошел, тамбовский мужик!» А председатель приговаривал: «А я его по усам! А я ее по усам!» Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения: «А! была не была, не с чего, так с бубен!» Или же просто восклицания: «черви! червоточина! пикенция!» или: «пикендрас! пичурущух! пичура!» и даже просто: «пичук!» — названия, которыми перекрестили они масти в своем обществе. По окончании игры спорили, как водится, довольно громко. Приезжий наш гость также спорил, но как-то чрезвычайно искусно, так что все видели, что он спорил, а между тем приятно спорил. Никогда он не говорил: «вы пошли», но: «вы изволили пойти»,

«я имел честь покрыть вашу двойку» и тому подобное. Чтобы еще более согласить в чем-нибудь своих противников, он всякий раз подносил им всем свою серебряную с финифтью табакерку, на дне которой заметили две фиалки, положенные туда для запаха. Внимание приезжего особенно заняли помещики Манилов и Собакевич, о которых было упомянуто выше. Он тотчас же осведомился о них, отозвавши тут же несколько в сторону председателя и почтмейстера. Несколько вопросов, им сделанных, показали в госте не только любознательность, но и основательность; ибо прежде всего расспросил он, сколько у каждого из них душ крестьян и в каком положении находятся их имения, а потом уже осведомился, как имя и отчество. В немного времени он совершенно успел очаровать их. Помещик, еще вовсе человек не пожилой, имевший глаза сладкие, как сахар, и щуривший их всякий раз, когда смеялся, был от него без памяти. Он очень долго жал ему руку и просил убедительно сделать ему честь своим приездом в деревню, к которой, по его словам, было только пятнадцать верст от городской заставы. На что Чичиков с весьма вежливым наклонением головы и искренним пожатием руки отвечал, что он не только с большою охотою готов это исполнить, но даже почтет за священнейший долг. Собакевич тоже сказал несколько лаконически: «И ко мне прошу», — шаркнувши ногою, обутою в сапог такого исполинского размера, которому вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особливо в нынешнее время, когда и на Руси начинают выводиться богатыри.

На другой день Чичиков отправился на обед и вечер к полицеймейстеру, где с трех часов после обеда засели в вист и играли до двух часов ночи. Там, между прочим, он познакомился с помещиком Ноздревым, человеком лет тридцати, разбитным малым, который ему после трех-четырех слов начал говорить «ты». С полицеймейстером и прокурором Ноздрев тоже был на «ты» и обращался по-дружески; но, когда сели играть в большую игру, полицеймейстер и прокурор чрезвычайно внимательно рассматривали его взятки и следили почти за всякою картою, с которой он ходил. На другой день Чичиков провел вечер у председателя палаты, который принимал гостей своих в халате, несколько замасленном, и в том числе двух каких-то дам. Потом был на вечере у вице-губернатора, на большом обеде у откупщика,

на небольшом обеде у прокурора, который, впрочем, стоил большого; на закуске после обедни, данной городским главою, которая тоже стоила обеда. Словом, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и в гостиницу приезжал он с тем только, чтобы заснуть. Приезжий во всем как-то умел найтиться и показал в себе опытного светского человека. О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его: шла ли речь о лошадином заводе, он говорил и о лошадином заводе; говорили ли о хороших собаках, и здесь он сообщал очень дельные замечания; трактовали ли касательно следствия, произведенного казенною палатою, — он показал, что ему небезызвестны и судейские проделки; было ли рассуждение о бильярдной игре — и в бильярдной игре не давал он промаха; говорили ли о добродетели, и о добродетели рассуждал он очень хорошо, даже со слезами на глазах; об выделке горячего вина, и в горячем вине знал он прок; о таможенных надсмотрщиках и чиновниках, и о них он судил так, как будто бы сам был и чиновником и надсмотрщиком. Но замечательно, что он все это умел облекать какою-то степенностью, умел хорошо держать себя. Говорил ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует. Словом, куда ни повороти, был очень порядочный человек. Все чиновники были довольны приездом нового лица. Губернатор об нем изъяснился, что он благонамеренный человек; прокурор — что он дельный человек; жандармский полковник говорил, что он ученый человек; председатель палаты — что он знающий и почтенный человек; полицеймейстер — что он почтенный и любезный человек; жена полицеймейстера — что он любезнейший и обходительнейший человек. Даже сам Собакевич, который редко отзывался о комнибудь с хорошей стороны, приехавши довольно поздно из города и уже совершенно раздевшись и легши на кровать возле худощавой жены своей, сказал ей: «Я, душенька, был у губернатора на вечере, и у полицеймейстера обедал, и познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!» На что супруга отвечала: «Гм!» — и толкнула его ногою.

Такое мнение, весьма лестное для гостя, составилось о нем в городе, и оно держалось до тех пор, покамест одно странное свойство гостя и предприятие, или, как говорят в провинциях, пассаж, о котором читатель скоро узнает, не привело в совершенное недоумение почти всего города.

Глава вторая

Уже более недели приезжий господин жил в городе, разъезжая по вечеринкам и обедам и таким образом проводя, как говорится, очень приятно время. Наконец он решился перенести свои визиты за город и навестить помещиков Манилова и Собакевича, которым дал слово. Может быть, к сему побудила его другая, более существенная причина, дело более серьезное, близшее к сердцу... Но обо всем этом читатель узнает постепенно и в свое время, если только будет иметь терпение прочесть предлагаемую повесть, очень длинную, имеющую после раздвинуться шире и просторнее по мере приближения к концу, венчающему дело. Кучеру Селифану отдано было приказание рано поутру заложить лошадей в известную бричку; Петрушке приказано было оставаться дома, смотреть за комнатой и чемоданом. Для читателя будет не лишним познакомиться с сими двумя крепостными людьми нашего героя. Хотя, конечно, они лица не так заметные, и то, что называют второстепенные или даже третьестепенные, хотя главные ходы и пружины поэмы не на них утверждены и разве кое-где касаются и легко зацепляют их, — но автор любит чрезвычайно быть обстоятельным во всем и с этой стороны, несмотря на то что сам человек русский, хочет быть аккуратен, как немец. Это займет, впрочем, не много времени и места, потому что не много нужно прибавить к тому, что уже читатель знает, то есть что Петрушка ходил в несколько широком коричневом сюртуке с барского плеча и имел, по обычаю людей своего звания, крупный нос и губы. Характера он был больше молчаливого, чем разговорчивого; имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, — он всё читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает что и значит. Это чтение совершалось более в лежачем положении в передней, на кровати и на тюфяке, сделавшемся от такого обстоятельства убитым и тоненьким, как лепешка. Кроме страсти к чтению, он имел

еще два обыкновения, составлявшие две другие его характерические черты: спать не раздеваясь, так, как есть, в том же сюртуке, и носить всегда с собою какой-то свой особенный воздух, своего собственного запаха, отзывавшийся несколько жилым покоем, так что достаточно было ему только пристроить где-нибудь свою кровать, хоть даже в необитаемой дотоле комнате, да перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что в этой комнате лет десять жили люди. Чичиков, будучи человек весьма щекотливый и даже в некоторых случаях привередливый, потянувши к себе воздух на свежий нос поутру, только помарщивался да встряхивал головою, приговаривая: «Ты, брат, черт тебя знает, потеешь, что ли. Сходил бы ты хоть в баню». На что Петрушка ничего не отвечал и старался тут же заняться каким-нибудь делом; или подходил с щеткой к висевшему барскому фраку, или просто прибирал что-нибудь. Что думал он в то время, когда молчал, — может быть, он говорил про себя: «И ты, однако ж, хорош, не надоело тебе сорок раз повторять одно и то же», — Бог ведает, трудно знать, что думает дворовый крепостной человек в то время, когда барин ему дает наставление. Итак, вот что на первый раз можно сказать о Петрушке. Кучер Селифан был совершенно другой человек... Но автор весьма совестится занимать так долго читателей людьми низкого класса, зная по опыту, как неохотно они знакомятся с низкими сословиями. Таков уж русский человек: страсть сильная зазнаться с тем, который бы хотя одним чином был его повыше, и шапочное знакомство с графом или князем для него лучше всяких тесных дружеских отношений. Автор даже опасается за своего героя, который только коллежский советник. Надворные советники, может быть, и познакомятся с ним, но те, которые подобрались уже к чинам генеральским, те, Бог весть, может быть, даже бросят один из тех презрительных взглядов, которые бросаются гордо человеком на все, что ни пресмыкается у ног его, или, что еще хуже, может быть, пройдут убийственным для автора невниманием. Но как ни прискорбно то и другое, а все, однако ж, нужно возвратиться к герою. Итак, отдавши нужные приказания еще с вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись с ног до головы мокрою губкой, что делалось только по воскресным дням, а в тот день случись воскресенье, выбрившись таким образом, что щеки сделались настоящий атлас в рассуждении

гладкости и лоска, надевши фрак брусничного цвета с искрой и потом шинель на больших медведях, он сошел с лестницы, поддерживаемый под руку то с одной, то с другой стороны трактирным слугою, и сел в бричку. С громом выехала бричка из-под ворот гостиницы на улицу. Проходивший поп снял шляпу, несколько мальчишек в замаранных рубашках протянули руки, приговаривая: «Барин, подай сиротинке!» Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становиться на запятки, хлыснул его кнутом, и бричка пошла прыгать по камням. Не без радости был вдали узрет полосатый шлагбаум, дававший знать, что мостовой, как и всякой другой муке, будет скоро конец; и еще несколько раз ударившись довольно крепко головою в кузов, Чичиков понесся наконец по мягкой земле. Едва только ушел назад город, как уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор. Попадались вытянутые по снурку деревни, постройкою похожие на старые складенные дрова, покрытые серыми крышами с резными деревянными под ними украшениями в виде висячих шитых узорами утиральников. Несколько мужиков, по обыкновению, зевали, сидя на лавках перед воротами в своих овчинных тулупах. Бабы с толстыми лицами и перевязанными грудями смотрели из верхних окон; из нижних глядел теленок или высовывала слепую морду свою свинья. Словом, виды известные. Проехавши пятнадцатую версту, он вспомнил, что здесь, по словам Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетела мимо, а деревни все не было видно, и если бы не два мужика, попавшиеся навстречу, то вряд ли бы довелось им потрафить на лад. На вопрос, далеко ли деревня Заманиловка, мужики сняли шляпы, и один из них, бывший поумнее и носивший бороду клином, отвечал:

— Маниловка, может быть, а не Заманиловка?

— Ну да, Маниловка.

— Маниловка! а как проедешь еще одну версту, так вот тебе, то есть, так прямо направо.

— Направо? — отозвался кучер.

— Направо, — сказал мужик. — Это будет тебе дорога в Маниловку; а Заманиловки никакой нет. Она зовется так, то есть

ее прозвание Маниловка, а Заманиловки тут вовсе нет. Там прямо на горе увидишь дом, каменный, в два этажа, господский дом, в котором, то есть, живет сам господин. Вот это тебе и есть Маниловка, а Заманиловки совсем нет никакой здесь и не было.

Поехали отыскивать Маниловку. Проехавши две версты, встретили поворот на проселочную дорогу, но уже и две, и три, и четыре версты, кажется, сделали, а каменного дома в два этажа все еще не было видно. Тут Чичиков вспомнил, что если приятель приглашает к себе в деревню за пятнадцать верст, то значит, что к ней есть верных тридцать. Деревня Маниловка немногих могла заманить своим местоположением. Дом господский стоял одиночкой на юру, то есть на возвышении, открытом всем ветрам, каким только вздумается подуть; покатость горы, на которой он стоял, была одета подстриженным дерном. На ней были разбросаны по-английски две-три клумбы с кустами сиреней и желтых акаций; пять-шесть берез небольшими купами кое-где возносили свои мелколистные жиденькие вершины. Под двумя из них видна была беседка с плоским зеленым куполом, деревянными голубыми колоннами и надписью: «Храм уединенного размышления»; пониже пруд, покрытый зеленью, что, впрочем, не в диковинку в аглицких садах русских помещиков. У подошвы этого возвышения, и частию по самому скату, темнели вдоль и поперек серенькие бревенчатые избы, которые герой наш, неизвестно по каким причинам, в ту же минуту принялся считать и насчитал более двухсот; нигде между ними растущего деревца или какой-нибудь зелени; везде глядело только одно бревно. Вид оживляли две бабы, которые, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всех сторон, брели по колени в пруде, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, где видны были два запутавшиеся рака и блестела попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою в ссоре и за что-то перебранивались. Поодаль в стороне темнел каким-то скучно-синеватым цветом сосновый лес. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням. Для пополнения картины не было недостатка в петухе, предвозвестнике переменчивой погоды, который, несмотря на то что голова

продолблена была до самого мозгу носами других петухов по известным делам волокитства, горланил очень громко и даже похлопывал крыльями, обдерганными, как старые рогожки. Подъезжая ко двору, Чичиков заметил на крыльце самого хозяина, который стоял в зеленом шалоновом сюртуке, приставив руку ко лбу в виде зонтика над глазами, чтобы рассмотреть получше подъезжавший экипаж. По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее и улыбка раздвигалась более и более.

— Павел Иванович! — вскричал он наконец, когда Чичиков вылезал из брички. — Насилу вы таки нас вспомнили!

Оба приятеля очень крепко поцеловались, и Манилов увел своего гостя в комнату. Хотя время, в продолжение которого они будут проходить сени, переднюю и столовую, несколько коротковато, но попробуем, не успеем ли как-нибудь им воспользоваться и сказать кое-что о хозяине дома. Но тут автор должен признаться, что подобное предприятие очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большого размера; там просто бросай краски со всей руки на полотно, черные палящие глаза, нависшие брови, перерезанный морщиною лоб, перекинутый через плечо черный или алый, как огонь, плащ — и портрет готов; но вот эти все господа, которых много на свете, которые с вида очень похожи между собою, а между тем как приглядишься, увидишь много самых неуловимых особенностей, — эти господа страшно трудны для портретов. Тут придется сильно напрягать внимание, пока заставишь перед собою выступить все тонкие, почти невидимые черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный в науке выпытывания взгляд.

Один Бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы. Может быть, к ним следует примкнуть и Манилова. На взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару; в приемах и оборотах его было что-то заискивающее расположения и знакомства. Он улыбался заманчиво, был белокур, с голубыми глазами. В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: «Какой приятный и добрый человек!» В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: «Черт знает что

такое!» — и отойдешь подальше; если ж не отойдешь, почувствуешь скуку смертельную. От него не дождешься никакого живого или хоть даже заносчивого слова, какое можешь услышать почти от всякого, если коснешься задирающего его предмета. У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки и удивительно чувствует все глубокие места в ней; третий мастер лихо пообедать; четвертый сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; пятый, с желанием более ограниченным, спит и грезит о том, как бы пройтиться на гулянье с флигель-адъютантом, напоказ своим приятелям, знакомым и даже незнакомым; шестой уже одарен такою рукою, которая чувствует желание сверхъестественное заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке, тогда как рука седьмого так и лезет произвести где-нибудь порядок, подобраться поближе к личности станционного смотрителя или ямщиков, — словом, у всякого есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома он говорил очень мало и большею частию размышлял и думал, но о чем он думал, тоже разве Богу было известно. Хозяйством нельзя сказать чтобы он занимался, он даже никогда не ездил на поля, хозяйство шло как-то само собою. Когда приказчик говорил: «Хорошо бы, барин, то и то сделать», — «Да, недурно», — отвечал он обыкновенно, куря трубку, которую курить сделал привычку, когда еще служил в армии, где считался скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером. «Да, именно недурно», — повторял он. Когда приходил к нему мужик и, почесавши рукою затылок, говорил: «Барин, позволь отлучиться на работу, подать заработать», — «Ступай», — говорил он, куря трубку, и ему даже в голову не приходило, что мужик шел пьянствовать. Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или чрез пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. При этом глаза его делались чрезвычайно сладкими и лицо принимало самое довольное выражение, впрочем, все эти прожекты так и оканчивались только одними словами. В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно

читал уже два года. В доме его чего-нибудь вечно недоставало: в гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой материей, которая, верно, стоила весьма недешево; но на два кресла ее недостало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочем, хозяин в продолжение нескольких лет всякий раз предостерегал своего гостя словами: «Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы». В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя и было говорено в первые дни после женитьбы: «Душенька, нужно будет завтра похлопотать, чтобы в эту комнату хоть на время поставить мебель». Ввечеру подавался на стол очень щегольской подсвечник из темной бронзы с тремя античными грациями, с перламутным щегольским щитом, и рядом с ним ставился какой-то просто медный инвалид, хромой, свернувшийся на сторону и весь в сале, хотя этого не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги. Жена его... впрочем, они были совершенно довольны друг другом. Несмотря на то что минуло более восьми лет их супружеству, из них все еще каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек и говорил трогательно-нежным голосом, выражавшим совершенную любовь: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек». Само собою разумеется, что ротик раскрывался при этом случае очень грациозно. Ко дню рождения приготовляемы были сюрпризы: какой-нибудь бисерный чехольчик на зубочистку. И весьма часто, сидя на диване, вдруг, совершенно неизвестно из каких причин, один, оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась на ту пору в руках, они напечатлевали друг другу такой томный и длинный поцелуй, что в продолжение его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словом, они были, то что говорится, счастливы. Конечно, можно бы заметить, что в доме есть много других занятий, кроме продолжительных поцелуев и сюрпризов, и много бы можно сделать разных запросов. Зачем, например, глупо и без толку готовится на кухне? зачем довольно пусто в кладовой? зачем воровка ключница? зачем нечистоплотны и пьяницы слуги? зачем вся дворня спит немилосердным образом и повесничает все остальное время? Но все это предметы низкие, а Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитание, как известно, получается в пансионах. А в пансионах, как известно, три главные предмета составляют основу человеческих добродетелей: французский язык,

необходимый для счастия семейственной жизни, фортепьяно, для доставления приятных минут супругу, и, наконец, собственно хозяйственная часть: вязание кошельков и других сюрпризов. Впрочем, бывают разные усовершенствования и изменения в методах, особенно в нынешнее время; все это более зависит от благоразумия и способностей самих содержательниц пансиона. В других пансионах бывает таким образом, что прежде фортепьяно, потом французский язык, а там уже хозяйственная часть. А иногда бывает и так, что прежде хозяйственная часть, то есть вязание сюрпризов, потом французский язык, а там уже фортепьяно. Разные бывают методы. Не мешает сделать еще замечание, что Манилова... но, признаюсь, о дамах я очень боюсь говорить, да притом мне пора возвратиться к нашим героям, которые стояли уже несколько минут перед дверями гостиной, взаимно упрашивая друг друга пройти вперед.

— Сделайте милость, не беспокойтесь так для меня, я пройду после, — говорил Чичиков.

— Нет, Павел Иванович, нет, вы гость, — говорил Манилов, показывая ему рукою на дверь.

— Не затрудняйтесь, пожалуйста, не затрудняйтесь. Пожалуйста, проходите, — говорил Чичиков.

— Нет уж извините, не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю.

— Почему ж образованному?.. Пожалуйста, проходите.

— Ну да уж извольте проходить вы.

— Да отчего ж?

— Ну да уж оттого! — сказал с приятною улыбкою Манилов.

Наконец оба приятеля вошли в дверь боком и несколько притиснули друг друга.

— Позвольте мне вам представить жену мою, — сказал Манилов. — Душенька! Павел Иванович!

Чичиков, точно, увидел даму, которую он совершенно было не приметил, раскланиваясь в дверях с Маниловым. Она была недурна, одета к лицу. На ней хорошо сидел матерчатый шелковый капот бледного цвета; тонкая небольшая кисть руки ее что-то бросила поспешно на стол и сжала батистовый платок с вышитыми уголками. Она поднялась с дивана, на котором сидела; Чичиков не без удовольствия подошел к ее ручке. Манилова проговорила,

несколько даже картавя, что он очень обрадовал их своим приездом и что муж ее не проходило дня, чтобы не вспоминал о нем.

— Да, — примолвил Манилов, — уж она, бывало, все спрашивает меня: «Да что же твой приятель не едет?» — «Погоди, душенька, приедет». А вот вы наконец и удостоили нас своим посещением. Уж такое, право, доставили наслаждение... майский день... именины сердца...

Чичиков, услышавши, что дело уже дошло до именин сердца, несколько даже смутился и отвечал скромно, что ни громкого имени не имеет, ни даже ранга заметного.

— Вы всё имеете, — прервал Манилов с такою же приятною улыбкою, — всё имеете, даже еще более.

— Как вам показался наш город? — примолвила Манилова. — Приятно ли провели там время?

— Очень хороший город, прекрасный город, — отвечал Чичиков, — и время провел очень приятно: общество самое обходительное.

— А как вы нашли нашего губернатора? — сказала Манилова.

— Не правда ли, что препочтеннейший и прелюбезнейший человек? — прибавил Манилов.

— Совершенная правда, — сказал Чичиков, — препочтеннейший человек. И как он вошел в свою должность, как понимает ее! Нужно желать побольше таких людей.

— Как он может этак, знаете, принять всякого, наблюсти деликатность в своих поступках, — присовокупил Манилов с улыбкою и от удовольствия почти совсем зажмурил глаза, как кот, у которого слегка пощекотали за ушами пальцем.

— Очень обходительный и приятный человек, — продолжал Чичиков, — и какой искусник! я даже никак не мог предполагать этого. Как хорошо вышивает разные домашние узоры! Он мне показывал своей работы кошелек: редкая дама может так искусно вышить.

— А вице-губернатор, не правда ли, какой милый человек? — сказал Манилов, опять несколько прищурив глаза.

— Очень, очень достойный человек, — отвечал Чичиков.

— Ну, позвольте, а как вам показался полицеймейстер? Не правда ли, что очень приятный человек?

— Чрезвычайно приятный, и какой умный, какой начитанный человек! Мы у него проиграли в вист вместе с прокурором и председателем палаты до самых поздних петухов; очень, очень достойный человек.

— Ну, а какого вы мнения о жене полицеймейстера? — прибавила Манилова. — Не правда ли, прелюбезная женщина?

— О, это одна из достойнейших женщин, каких только я знаю, — отвечал Чичиков.

Засим не пропустили председателя палаты, почтмейстера и таким образом перебрали почти всех чиновников города, которые все оказались самыми достойными людьми.

— Вы всегда в деревне проводите время? — сделал наконец, в свою очередь, вопрос Чичиков.

— Больше в деревне, — отвечал Манилов. — Иногда, впрочем, приезжаем в город для того только, чтобы увидеться с образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить взаперти.

— Правда, правда, — сказал Чичиков.

— Конечно, — продолжал Манилов, — другое дело, если бы соседство было хорошее, если бы, например, такой человек, с которым бы в некотором роде можно было поговорить о любезности, о хорошем обращении, следить какую-нибудь этакую науку, чтобы этак расшевелило душу, дало бы, так сказать, паренье этакое... — Здесь он еще что-то хотел выразить, но, заметивши, что несколько зарапортовался, ковырнул только рукою в воздухе и продолжал: — Тогда, конечно, деревня и уединение имели бы очень много приятностей. Но решительно нет никого... Вот только иногда почитаешь «Сын Отечества».

Чичиков согласился с этим совершенно, прибавивши, что ничего не может быть приятнее, как жить в уединенье, наслаждаться зрелищем природы и почитать иногда какую-нибудь книгу...

— Но знаете ли, — прибавил Манилов, — все если нет друга, с которым бы можно поделиться...

— О, это справедливо, это совершенно справедливо! — прервал Чичиков. — Что все сокровища тогда в мире! «Не имей денег, имей хороших людей для обращения», сказал один мудрец!

— И знаете, Павел Иванович! — сказал Манилов, явя в лице своем выражение не только сладкое, но даже приторное, подобное

той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно, воображая ею обрадовать пациента. — Тогда чувствуешь какое-то, в некотором роде, духовное наслаждение... Вот как, например, теперь, когда случай мне доставил счастие, можно сказать образцовое, говорить с вами и наслаждаться приятным вашим разговором...

— Помилуйте, что ж за приятный разговор?.. Ничтожный человек, и больше ничего, — отвечал Чичиков.

— О! Павел Иванович, позвольте мне быть откровенным: я бы с радостию отдал половину всего моего состояния, чтобы иметь часть тех достоинств, которые имеете вы!..

— Напротив, я бы почел с своей стороны за величайшее...

Неизвестно, до чего бы дошло взаимное излияние чувств обоих приятелей, если бы вошедший слуга не доложил, что кушанье готово.

— Прошу покорнейше, — сказал Манилов. — Вы извините, если у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах, у нас просто, по русскому обычаю, щи, но от чистого сердца. Покорнейше прошу.

Тут они еще несколько времени поспорили о том, кому первому войти, и наконец Чичиков вошел боком в столовую.

В столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были в тех летах, когда сажают уже детей за стол, но еще на высоких стульях. При них стоял учитель, поклонившийся вежливо и с улыбкою. Хозяйка села за свою суповую чашку; гость был посажен между хозяином и хозяйкою, слуга завязал детям на шею салфетки.

— Какие миленькие дети, — сказал Чичиков, посмотрев на них, — а который год?

— Старшему осьмой, а меньшему вчера только минуло шесть, — сказала Манилова.

— Фемистоклюс! — сказал Манилов, обратившись к старшему, который старался освободить свой подбородок, завязанный лакеем в салфетку.

Чичиков поднял несколько бровь, услышав такое отчасти греческое имя, которому, неизвестно почему, Манилов дал окончание на «юс», но постарался тот же час привесть лицо в обыкновенное положение.

— Фемистоклюс, скажи мне, какой лучший город во Франции?

Здесь учитель обратил все внимание на Фемистоклюса, и казалось, хотел ему вскочить в глаза, но наконец совершенно успокоился и кивнул головою, когда Фемистоклюс сказал: «Париж».

— А у нас какой лучший город? — спросил опять Манилов.

Учитель опять настроил внимание.

— Петербург, — отвечал Фемистоклюс.

— А еще какой?

— Москва, — отвечал Фемистоклюс.

— Умница, душенька! — сказал на это Чичиков. — Скажите, однако ж... — продолжал он, обратившись тут же *с* некоторым видом изумления к Маниловым, — в такие лета и уже такие сведения! Я должен вам сказать, что в этом ребенке будут большие способности.

— О, вы еще не знаете его, — отвечал Манилов, — у него чрезвычайно много остроумия. Вот меньшой, Алкид, тот не так быстр, а этот сейчас, если что-нибудь встретит, букашку, козявку, так уж у него вдруг глазенки и забегают; побежит за ней следом и тотчас обратит внимание. Я его прочу по дипломатической части. Фемистоклюс, — продолжал он, снова обратясь к нему, — хочешь быть посланником?

— Хочу, — отвечал Фемистоклюс, жуя хлеб и болтая головой направо и налево.

В это время стоявший позади лакей утер посланнику нос, и очень хорошо сделал, иначе бы канула в суп препорядочная посторонняя капля. Разговор начался за столом об удовольствии спокойной жизни, прерываемый замечаниями хозяйки о городском театре и об актерах. Учитель очень внимательно глядел на разговаривающих и, как только замечал, что они были готовы усмехнуться, в ту же минуту открывал рот и смеялся с усердием. Вероятно, он был человек признательный и хотел заплатить этим хозяину за хорошее обращение. Один раз, впрочем, лицо его приняло суровый вид, и он строго застучал по столу, устремив глаза на сидевших насупротив его детей. Это было у места, потому что Фемистоклюс укусил за ухо Алкида, и Алкид, зажмурив глаза и открыв рот, готов был зарыдать самым жалким образом, но почувствовав, что за это

легко можно было лишиться блюда, привел рот в прежнее положение и начал со слезами грызть баранью кость, от которой у него обе щеки лоснились жиром. Хозяйка очень часто обращалась к Чичикову с словами: «Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли», — на что Чичиков отвечал всякий раз: «Покорнейше благодарю, я сыт, приятный разговор лучше всякого блюда».

Уже встали из-за стола. Манилов был доволен чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился таким образом препроводить его в гостиную, как вдруг гость объявил с весьма значительным видом, что он намерен с ним поговорить об одном очень нужном деле.

— В таком случае позвольте мне вас попросить в мой кабинет, — сказал Манилов и повел в небольшую комнату, обращенную окном на синевший лес. — Вот мой уголок, — сказал Манилов.

— Приятная комнатка, — сказал Чичиков, окинувши ее глазами.

Комната была, точно, не без приятности: стены были выкрашены какой-то голубенькой краской вроде серенькой, четыре стула, одно кресло, стол, на котором лежала книжка с заложенною закладкою, о которой мы уже имели случай упомянуть, несколько исписанных бумаг, но больше всего было табаку. Он был в разных видах: в картузах и в табачнице, и, наконец, насыпан был просто кучею на столе. На обоих окнах тоже помещены были горки выбитой из трубки золы, расставленные не без старания очень красивыми рядками. Заметно было, что это иногда доставляло хозяину препровождение времени.

— Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах, — сказал Манилов. — Здесь вам будет попокойнее.

— Позвольте, я сяду на стуле.

— Позвольте вам этого не позволить, — сказал Манилов с улыбкою. — Это кресло у меня уж ассигновано для гостя: ради или не ради, но должны сесть.

Чичиков сел.

— Позвольте мне вас попотчевать трубочкою.

— Нет, не курю, — отвечал Чичиков ласково и как бы с видом сожаления.

— Отчего? — сказал Манилов тоже ласково и с видом сожаления.

— Не сделал привычки, боюсь; говорят, трубка сушит.

— Позвольте мне вам заметить, что это предубеждение. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровее, нежели нюхать табак. В нашем полку был поручик, прекраснейший и образованнейший человек, который не выпускал изо рта трубки не только за столом, но даже, с позволения сказать, во всех прочих местах. И вот ему теперь уже сорок с лишком лет, но, благодаря Бога, до сих пор так здоров, как нельзя лучше.

Чичиков заметил, что это, точно, случается и что в натуре находится много вещей, неизъяснимых даже для обширного ума.

— Но позвольте прежде одну просьбу... — проговорил он голосом, в котором отдалось какое-то странное или почти странное выражение, и вслед за тем неизвестно отчего оглянулся назад. Манилов тоже неизвестно отчего оглянулся назад. — Как давно вы изволили подавать ревизскую сказку?

— Да уж давно; а лучше сказать, не припомню.

— Как с того времени много у вас умерло крестьян?

— А не могу знать; об этом, я полагаю, нужно спросить приказчика. Эй, человек, позови приказчика, он должен быть сегодня здесь.

Приказчик явился. Это был человек лет под сорок, бривший бороду, ходивший в сюртуке и, по-видимому, проводивший очень покойную жизнь, потому что лицо его глядело какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвет кожи и маленькие глаза показывали, что он знал слишком хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видеть тотчас, что он совершил свое поприще, как совершают его все господские приказчики: был прежде просто грамотным мальчишкой в доме, потом женился на какой-нибудь Агашке-ключнице, барыниной фаворитке, сделался сам ключником, а там и приказчиком. А сделавшись приказчиком, поступал, разумеется, как все приказчики: водился и кумился с теми, которые на деревне были побогаче, подбавлял на тягла победнее, проснувшись в девятом часу утра, поджидал самовара и пил чай.

— Послушай, любезный! сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию?

— Да как сколько? Многие умирали с тех пор, — сказал приказчик и при этом икнул, заслонив рот слегка рукою, наподобие щитка.

— Да, признаюсь, я сам так думал, — подхватил Манилов, — именно, очень многие умирали! — Тут он оборотился к Чичикову и прибавил еще: — Точно, очень многие.

— А как, например, числом? — спросил Чичиков.

— Да, сколько числом? — подхватил Манилов.

— Да как сказать числом? Ведь неизвестно, сколько умирало, их никто не считал.

— Да, именно, — сказал Манилов, обратясь к Чичикову, — я тоже предполагал, большая смертность; совсем неизвестно, сколько умерло.

— Ты, пожалуйста, их перечти, — сказал Чичиков, — и сделай подробный реестрик всех поименно.

— Да, всех поименно, — сказал Манилов.

Приказчик сказал: «Слушаю!» — и ушел.

— А для каких причин вам это нужно? — спросил по уходе приказчика Манилов.

Этот вопрос, казалось, затруднил гостя, в лице его показалось какое-то напряженное выражение, от которого он даже покраснел, — напряжение что-то выразить, не совсем покорное словам. И в самом деле, Манилов наконец услышал такие странные и необыкновенные вещи, каких еще никогда не слыхали человеческие уши.

— Вы спрашиваете, для каких причин? причины вот какие: я хотел бы купить крестьян... — сказал Чичиков, заикнулся и не кончил речи.

— Но позвольте спросить вас, — сказал Манилов, — как желаете вы купить крестьян: с землею или просто на вывод, то есть без земли?

— Нет, я не то чтобы совершенно крестьян, — сказал Чичиков, — я желаю иметь мертвых...

— Как-с? извините... я несколько туг на ухо, мне послышалось престранное слово...

— Я полагаю приобресть мертвых, которые, впрочем, значились бы по ревизии как живые, — сказал Чичиков.

Манилов выронил тут же чубук с трубкою на пол и как разинул рот, так и остался с разинутым ртом в продолжение нескольких минут. Оба приятеля, рассуждавшие о приятностях дружеской жизни, остались недвижимы, вперя друг в друга глаза, как

те портреты, которые вешались в старину один против другого по обеим сторонам зеркала. Наконец Манилов поднял трубку с чубуком и поглядел снизу ему в лицо, стараясь высмотреть, не видно ли какой усмешки на губах его, не пошутил ли он; но ничего не было видно такого, напротив, лицо даже казалось степеннее обыкновенного; потом подумал, не спятил ли гость как-нибудь невзначай с ума, и со страхом посмотрел на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны, не было в них дикого, беспокойного огня, какой бегает в глазах сумасшедшего человека, все было прилично и в порядке. Как ни придумывал Манилов, как ему быть и что ему сделать, но ничего другого не мог придумать, как только выпустить изо рта оставшийся дым очень тонкою струею.

— Итак, я бы желал знать, можете ли вы мне таковых, не живых в действительности, но живых относительно законной формы, передать, уступить или как вам заблагорассудится лучше?

Но Манилов так сконфузился и смешался, что только смотрел на него.

— Мне кажется, вы затрудняетесь?.. — заметил Чичиков.

— Я?.. нет, я не то, — сказал Манилов, — но я не могу постичь... извините... я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении; не имею высокого искусства выражаться... Может быть, здесь... в этом, вами сейчас выраженном изъяснении... скрыто другое... Может быть, вы изволили выразиться так для красоты слога?

— Нет, — подхватил Чичиков, — нет, я разумею предмет таков как есть, то есть те души, которые, точно, уже умерли.

Манилов совершенно растерялся. Он чувствовал, что ему нужно что-то сделать, предложить вопрос, а какой вопрос — черт его знает. Кончил он наконец тем, что выпустил опять дым, но только уже не ртом, а чрез носовые ноздри.

— Итак, если нет препятствий, то с Богом можно бы приступить к совершению купчей крепости, — сказал Чичиков.

— Как, на мертвые души купчую?

— А, нет! — сказал Чичиков. — Мы напишем, что они живы, так, как стоит действительно в ревизской сказке. Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, хотя за это

и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное, закон — я немею пред законом.

Последние слова понравились Манилову, но в толк самого дела он все-таки никак не вник и вместо ответа принялся насасывать свой чубук так сильно, что тот начал наконец хрипеть, как фагот. Казалось, как будто он хотел вытянуть из него мнение относительно такого неслыханного обстоятельства; но чубук хрипел и больше ничего.

— Может быть, вы имеете какие-нибудь сомнения?

— О! помилуйте, ничуть. Я не насчет того говорю, чтобы имел какое-нибудь, то есть, критическое предосуждение о вас. Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или, чтоб еще более, так сказать, выразиться, негоция, — так не будет ли эта негоция несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?

Здесь Манилов, сделавши некоторое движение головою, посмотрел очень значительно в лицо Чичикова, показав во всех чертах лица своего и в сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела.

Но Чичиков сказал просто, что подобное предприятие, или негоция, никак не будет несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России, а чрез минуту потом прибавил, что казна получит даже выгоды, ибо получит законные пошлины.

— Так вы полагаете?..

— Я полагаю, что это будет хорошо.

— А, если хорошо, это другое дело: я против этого ничего, — сказал Манилов и совершенно успокоился.

— Теперь остается условиться в цене.

— Как в цене? — сказал опять Манилов и остановился. — Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которые в некотором роде окончили свое существование? Если уж вам пришло этакое, так сказать, фантастическое желание, то с своей стороны я передаю их вам безынтересно и купчую беру на себя.

Великий упрек был бы историку предлагаемых событий, если бы он упустил сказать, что удовольствие одолело гостя после

таких слов, произнесенных Маниловым. Как он ни был степенен и рассудителен, но тут чуть не произвел даже скачок по образцу козла, что, как известно, производится только в самых сильных порывах радости. Он поворотился так сильно в креслах, что лопнула шерстяная материя, обтягивавшая подушку; сам Манилов посмотрел на него в некотором недоумении. Побужденный признательностию, он наговорил тут же столько благодарностей, что тот смешался, весь покраснел, производил головою отрицательный жест и наконец уже выразился, что это сущее ничего, что он, точно, хотел бы доказать чем-нибудь сердечное влечение, магнетизм души, а умершие души в некотором роде совершенная дрянь.

— Очень не дрянь, — сказал Чичиков, пожав ему руку. Здесь был испущен очень глубокий вздох. Казалось, он был настроен к сердечным излияниям; не без чувства и выражения произнес он наконец следующие слова: — Если б вы знали, какую услугу оказали сей, по-видимому, дрянью человеку без племени и роду! Да и действительно, чего не потерпел я? как барка какая-нибудь среди свирепых волн... Каких гонений, каких преследований не испытал, какого горя не вкусил, а за что? за то, что соблюдал правду, что был чист на своей совести, что подавал руку и вдовице беспомощной, и сироте-горемыке!.. — Тут даже он отер платком выкатившуюся слезу.

Манилов был совершенно растроган. Оба приятеля долго жали друг другу руку и долго смотрели молча один другому в глаза, в которых видны были навернувшиеся слезы. Манилов никак не хотел выпустить руки нашего героя и продолжал жать ее так горячо, что тот уже не знал, как ее выручить. Наконец, выдернувши ее потихоньку, он сказал, что не худо бы купчую совершить поскорее и хорошо бы, если бы он сам понаведался в город. Потом взял шляпу и стал откланиваться.

— Как? вы уж хотите ехать? — сказал Манилов, вдруг очнувшись и почти испугавшись.

В это время вошла в кабинет Манилова.

— Лизанька, — сказал Манилов с несколько жалостливым видом, — Павел Иванович оставляет нас!

— Потому что мы надоели Павлу Ивановичу, — отвечала Манилова.

— Сударыня! здесь, — сказал Чичиков, — здесь, вот где, — тут он положил руку на сердце, — да, здесь пребудет приятность времени, проведенного с вами! и поверьте, не было бы для меня большего блаженства, как жить с вами если не в одном доме, то по крайней мере в самом ближайшем соседстве.

— А знаете, Павел Иванович, — сказал Манилов, которому очень понравилась такая мысль, — как было бы в самом деле хорошо, если бы жить этак вместе, под одною кровлею, или под тенью какого-нибудь вяза пофилософствовать о чем-нибудь, углубиться!..

— О! это была бы райская жизнь! — сказал Чичиков, вздохнувши. — Прощайте, сударыня! — продолжал он, подходя к ручке Маниловой. — Прощайте, почтеннейший друг! Не позабудьте просьбы!

— О, будьте уверены! — отвечал Манилов. — Я с вами расстаюсь не долее как на два дни.

Все вышли в столовую.

— Прощайте, миленькие малютки! — сказал Чичиков, увидевши Алкида и Фемистоклюса, которые занимались каким-то деревянным гусаром, у которого уже не было ни руки, ни носа. — Прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привез вам гостинца, потому что, признаюсь, не знал даже, живете ли вы на свете; но теперь, как приеду, непременно привезу. Тебе привезу саблю; хочешь саблю?

— Хочу, — отвечал Фемистоклюс.

— А тебе барабан; не правда ли, тебе барабан? — продолжал он, наклонившись к Алкиду.

— Парапан, — отвечал шепотом и потупив голову Алкид.

— Хорошо, я тебе привезу барабан. Такой славный барабан, этак все будет: туррр... ру... тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! прощай! — Тут поцеловал он его в голову и обратился к Манилову и его супруге с небольшим смехом, с каким обыкновенно обращаются к родителям, давая им знать о невинности желаний их детей.

— Право, останьтесь, Павел Иванович! — сказал Манилов, когда уже все вышли на крыльцо. — Посмотрите, какие тучи.

— Это маленькие тучки, — отвечал Чичиков.

— Да знаете ли вы дорогу к Собакевичу?

— Об этом хочу спросить вас.

— Позвольте, я сейчас расскажу вашему кучеру. — Тут Манилов с такою же любезностью рассказал дело кучеру и сказал ему даже один раз «вы».

Кучер, услышав, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третий, сказал: «Потрафим, ваше благородие», — и Чичиков уехал, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочках хозяев.

Манилов долго стоял на крыльце, провожая глазами удалявшуюся бричку, и когда она уже совершенно стала невидна, он все еще стоял, куря трубку. Наконец вошел он в комнату, сел на стуле и предался размышлению, душевно радуясь, что доставил гостю своему небольшое удовольствие. Потом мысли его перенеслись незаметно к другим предметам и наконец занеслись Бог знает куда. Он думал о благополучии дружеской жизни, о том, как бы хорошо было жить с другом на берегу какой-нибудь реки, потом чрез эту реку начал строиться у него мост, потом огромнейший дом с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву и там пить вечером чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах. Потом, что они вместе с Чичиковым приехали в какое-то общество в хороших каретах, где обворожают всех приятностию обращения, и что будто бы государь, узнавши о такой их дружбе, пожаловал их генералами, и далее, наконец, Бог знает что такое, чего уже он и сам никак не мог разобрать. Странная просьба Чичикова прервала вдруг все его мечтания. Мысль о ней как-то особенно не варилась в его голове: как ни переворачивал он ее, но никак не мог изъяснить себе, и все время сидел он и курил трубку, что тянулось до самого ужина.

Глава третья

А Чичиков в довольном расположении духа сидел в своей бричке, катившейся давно по столбовой дороге. Из предыдущей главы уже видно, в чем состоял главный предмет его вкуса и склонностей, а потому не диво, что он скоро погрузился весь в него и телом и душою. Предположения, сметы и соображения, блуждавшие по лицу его, видно, были очень приятны, ибо ежеминутно оставляли после себя следы довольной усмешки. Занятый

ими, он не обращал никакого внимания на то, как его кучер, довольный приемом дворовых людей Манилова, делал весьма дельные замечания чубарому пристяжному коню, запряженному с правой стороны. Этот чубарый конь был сильно лукав и показывал только для вида, будто бы везет, тогда как коренной гнедой и пристяжной каурой масти, называвшийся Заседателем, потому что был приобретен от какого-то заседателя, трудилися от всего сердца, так что даже в глазах их было заметно получаемое ими от того удовольствие. «Хитри, хитри! вот я тебя перехитрю! — говорил Селифан, приподнявшись и хлыснув кнутом ленивца. — Ты знай свое дело, панталонник ты немецкий! Гнедой — почтенный конь, он сполняет свой долг, я ему с охотою дам лишнюю меру, потому что он почтенный конь, и Заседатель тож хороший конь... Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дурак, слушай, коли говорят! я тебя, невежа, не стану дурному учить. Ишь куда ползет!» Здесь он опять хлыснул его кнутом, примолвив: «У, варвар! Бонапарт ты проклятый!» Потом прикрикнул на всех: «Эй вы, любезные!» — и стегнул по всем по трем уже не в виде наказания, но чтобы показать, что был ими доволен. Доставив такое удовольствие, он опять обратил речь к чубарому: «Ты думаешь, что скроешь свое поведение. Нет, ты живи по правде, когда хочешь, чтобы тебе оказывали почтение. Вот у помещика, что мы были, хорошие люди. Я с удовольствием поговорю, коли хороший человек; с человеком хорошим мы всегда свои други, тонкие приятели: выпить ли чаю, или закусить — с охотою, коли хороший человек. Хорошему человеку всякой отдаст почтение. Вот барина нашего всякой уважает, потому что он, слышь ты, сполнял службу государскую, он сколеской советник...»

Так рассуждая, Селифан забрался наконец в самые отдаленные отвлеченности. Если бы Чичиков прислушался, то узнал бы много подробностей, относившихся лично к нему; но мысли его так были заняты своим предметом, что один только сильный удар грома заставил его очнуться и посмотреть вокруг себя: все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконец громовый удар раздался в другой раз громче и ближе, и дождь хлынул вдруг как из ведра. Сначала, принявши косое направление, хлестал он в одну сторону кузова кибитки, потом в другую, потом, изменивши образ

нападения и сделавшись совершенно прямым, барабанил прямо в верх его кузова; брызги наконец стали долетать ему в лицо. Это заставило его задернуться кожаными занавесками с двумя круглыми окошечками, определенными на рассматривание дорожных видов, и приказать Селифану ехать скорее. Селифан, прерванный тоже на самой середине речи, смекнул, что, точно, не нужно мешкать, вытащил тут же из-под козел какую-то дрянь из серого сукна, надел ее в рукава, схватил в руки вожжи и прикрикнул на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала приятное расслабление от поучительных речей. Но Селифан никак не мог припомнить, два или три поворота проехал. Сообразив и припоминая несколько дорогу, он догадался, что много было поворотов, которые все пропустил он мимо. Так как русский человек в решительные минуты найдется, что сделать, не вдаваясь в дальние рассуждения, то, поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, прикрикнул он: «Эй вы, други почтенные!» — и пустился вскачь, мало помышляя о том, куда приведет взятая дорога.

Дождь, однако же, казалось, зарядил надолго. Лежавшая на дороге пыль быстро замесилась в грязь, и лошадям ежеминутно становилось тяжеле тащить бричку. Чичиков уже начинал сильно беспокоиться, не видя так долго деревни Собакевича. По расчету его, давно бы пора было приехать. Он высматривал по сторонам, но темнота была такая, хоть глаз выколи.

— Селифан! — сказал он наконец, высунувшись из брички.

— Что, барин? — отвечал Селифан.

— Погляди-ка, не видно ли деревни?

— Нет, барин, нигде не видно! — После чего Селифан, помахивая кнутом, затянул песню не песню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда все вошло: все ободрительные и побудительные крики, которыми потчевают лошадей по всей России от одного конца до другого; прилагательные всех родов без дальнейшего разбора, как что первое попалось на язык. Таким образом дошло до того, что он начал называть их наконец секретарями.

Между тем Чичиков стал примечать, что бричка качалась на все стороны и наделяла его пресильными толчками; это дало ему почувствовать, что они своротили с дороги, и, вероятно, тащились

по взбороненному полю. Селифан, казалось, сам смекнул, но не говорил ни слова.

— Что, мошенник, по какой дороге ты едешь? — сказал Чичиков.

— Да что ж, барин, делать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма! — Сказавши это, он так покосил бричку, что Чичиков принужден был держаться обеими руками. Тут только заметил он, что Селифан подгулял.

— Держи, держи, опрокинешь! — кричал он ему.

— Нет, барин, как можно, чтоб я опрокинул, — говорил Селифан. — Это нехорошо опрокинуть, я уж сам знаю; уж я никак не опрокину. — Затем начал он слегка поворачивать бричку, поворачивал-поворачивал и наконец выворотил ее совершенно набок. Чичиков и руками и ногами шлепнулся в грязь. Селифан лошадей, однако ж, остановил, впрочем, они остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвиденный случай совершенно изумил его. Слезши с козел, он стал перед бричкою, подперся в бока обеими руками, в то время как барин барахтался в грязи, силясь оттуда вылезть, и сказал после некоторого размышления: «Вишь ты, и перекинулась!»

— Ты пьян как сапожник! — сказал Чичиков.

— Нет, барин, как можно, чтоб я был пьян! Я знаю, что это нехорошее дело быть пьяным. С приятелем поговорил, потому что с хорошим человеком можно поговорить, в том нет худого; и закусили вместе. Закуска не обидное дело; с хорошим человеком можно закусить.

— А что я тебе сказал последний раз, когда ты напился? а? забыл? — сказал Чичиков.

— Нет, ваше благородие, как можно, чтобы я позабыл. Я уже дело свое знаю. Я знаю, что нехорошо быть пьяным. С хорошим человеком поговорил, потому что...

— Вот я тебя как высеку, так ты у меня будешь знать, как говорить с хорошим человеком!

— Как милости вашей будет завгодно, — отвечал на все согласный Селифан, — коли высечь, то и высечь; я ничуть не прочь от того. Почему ж не посечь, коли за дело, на то воля господская. Оно нужно посечь, потому что мужик балуется, порядок нужно наблюдать. Коли за дело, то и посеки; почему ж не посечь?

На такое рассуждение барин совершенно не нашелся, что отвечать. Но в это время, казалось, как будто сама судьба решилась над ним сжалиться. Издали послышался собачий лай. Обрадованный Чичиков дал приказание погонять лошадей. Русский возница имеет доброе чутье вместо глаз, от этого случается, что он, зажмуря глаза, качает иногда во весь дух и всегда куда-нибудь да приезжает. Селифан, не видя ни зги, направил лошадей так прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударилася оглоблями в забор и когда решительно уже некуда было ехать. Чичиков только заметил сквозь густое покрывало лившего дождя что-то похожее на крышу. Он послал Селифана отыскивать ворота, что, без сомнения, продолжалось бы долго, если бы на Руси не было вместо швейцаров лихих собак, которые доложили о нем так звонко, что он поднес пальцы к ушам своим. Свет мелькнул в одном окошке и досягнул туманною струею до забора, указавши нашим дорожным ворота. Селифан принялся стучать, и скоро, отворив калитку, высунулась какая-то фигура, покрытая армяком, и барин со слугою услышали хриплый бабий голос:

— Кто стучит? чего расходились?

— Приезжие, матушка, пусти переночевать, — произнес Чичиков.

— Вишь ты, какой востроногий, — сказала старуха, — приехал в какое время! Здесь тебе не постоялый двор: помещица живет.

— Что ж делать, матушка: вишь, с дороги сбились. Не ночевать же в такое время в степи.

— Да, время темное, нехорошее время, — прибавил Селифан.

— Молчи, дурак, — сказал Чичиков.

— Да кто вы такой? — сказала старуха.

— Дворянин, матушка.

Слово «дворянин» заставило старуху как будто несколько подумать.

— Погодите, я скажу барыне, — произнесла она и минуты через две уже возвратилась с фонарем в руке.

Ворота отперлись. Огонек мелькнул и в другом окне. Бричка, въехавши на двор, остановилась перед небольшим домиком,

который за темнотою трудно было рассмотреть. Только одна половина его была озарена светом, исходившим из окон; видна была еще лужа перед домом, на которую прямо ударял тот же свет. Дождь стучал звучно по деревянной крыше и журчащими ручьями стекал в подставленную бочку. Между тем псы заливались всеми возможными голосами: один, забросивши вверх голову, выводил так протяжно и с таким старанием, как будто за это получал Бог знает какое жалованье; другой отхватывал наскоро, как пономарь; промеж них звенел, как почтовый звонок, неугомонный дискант, вероятно молодого щенка, и все это, наконец, повершал бас, может быть, старик, наделенный дюжею собачьей натурой, потому что хрипел, как хрипит певческий контрабас, когда концерт в полном разливе: тенора поднимаются на цыпочки от сильного желания вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается кверху, закидывая голову, а он один, засунувши небритый подбородок в галстук, присев и опустившись почти до земли, пропускает оттуда свою ноту, от которой трясутся и дребезжат стекла. Уже по одному собачьему лаю, составленному из таких музыкантов, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но промокший и озябший герой наш ни о чем не думал, как только о постели. Не успела бричка совершенно остановиться, как он уже соскочил на крыльцо, пошатнулся и чуть не упал. На крыльцо вышла опять какая-то женщина, помоложе прежней, но очень на нее похожая. Она проводила его в комнату. Чичиков кинул вскользь два взгляда: комната была обвешана старенькими полосатыми обоями; картины с какими-то птицами; между окон старинные маленькие зеркала с темными рамками в виде свернувшихся листьев; за всяким зеркалом заложены были или письмо, или старая колода карт, или чулок; стенные часы с нарисованными цветами на циферблате... невмочь было ничего более заметить. Он чувствовал, что глаза его липнули, как будто их кто-нибудь вымазал медом. Минуту спустя вошла хозяйка, женщина пожилых лет, в каком-то спальном чепце, надетом наскоро, с фланелью на шее, одна из тех матушек, небольших помещиц, которые плачутся на неурожаи, убытки и держат голову несколько набок, а между тем набирают понемногу деньжонок в пестрядевые мешочки, размещенные по ящикам комодов. В один мешочек отбирают всё целковики, в другой полтиннички,

в третий четвертачки, хотя с виду и кажется, будто бы в комоде ничего нет, кроме белья, да ночных кофточек, да нитяных моточков, да распоротого салопа, имеющего потом обратиться в платье, если старое как-нибудь прогорит во время печения праздничных лепешек со всякими пряженцами или поизотрется само собою. Но не сгорит платье и не изотрется само собою; бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго в распоротом виде, а потом достаться по духовному завещанию племяннице внучатой сестры вместе со всяким другим хламом.

Чичиков извинился, что побеспокоил неожиданным приездом.

— Ничего, ничего, — сказала хозяйка. — В какое это время вас Бог принес! Сумятица и вьюга такая... С дороги бы следовало поесть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя.

Слова хозяйки были прерваны странным шипением, так что гость было испугался; шум походил на то, как бы вся комната наполнилась змеями; но, взглянувши вверх, он успокоился, ибо смекнул, что стенным часам пришла охота бить. За шипеньем тотчас же последовало хрипенье, и наконец, понатужась всеми силами, они пробили два часа таким звуком, как бы кто колотил палкой по разбитому горшку, после чего маятник пошел опять покойно щелкать направо и налево.

Чичиков поблагодарил хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не беспокоилась ни о чем, что, кроме постели, он ничего не требует, и полюбопытствовал только знать, в какие места заехал он и далеко ли отсюда пути к помещику Собакевичу, на что старуха сказала, что и не слыхивала такого имени и что такого помещика вовсе нет.

— По крайней мере знаете Манилова? — сказал Чичиков.

— А кто таков Манилов?

— Помещик, матушка.

— Нет, не слыхивала, нет такого помещика.

— Какие же есть?

— Бобров, Свиньин, Канапатьев Харпакин, Трепакин, Плешаков.

— Богатые люди или нет?

— Нет, отец, богатых слишком нет. У кого двадцать душ, у кого тридцать, а таких, чтоб по сотне, таких нет.

Чичиков заметил, что он заехал в порядочную глушь.

— Далеко ли по крайней мере до города?

— А верст шестьдесят будет. Как жаль мне, что нечего вам покушать! не хотите ли, батюшка, выпить чаю?

— Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кроме постели.

— Правда, с такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вот здесь и расположитесь, батюшка, на этом диване. Эй, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время послал Бог: гром такой — у меня всю ночь горела свеча перед образом. Эх, отец мой, да у тебя-то, как у борова, вся спина и бок в грязи! где так изволил засалиться?

— Еще слава Богу, что только засалился, нужно благодарить, что не отломал совсем боков.

— Святители, какие страсти! Да не нужно ли чем потереть спину?

— Спасибо, спасибо. Не беспокойтесь, а прикажите только вашей девке повысушить и вычистить мое платье.

— Слышишь, Фетинья! — сказала хозяйка, обратясь к женщине, выходившей на крыльцо со свечою, которая успела уже притащить перину и, взбивши ее с обоих боков руками, напустила целый потоп перьев по всей комнате. — Ты возьми ихний-то кафтан вместе с исподним и прежде просуши их перед огнем, как делывали покойнику барину, а после перетри и выколоти хорошенько.

— Слушаю, сударыня! — говорила Фетинья, постилая сверх перины простыню и кладя подушки.

— Ну, вот тебе постель готова, — сказала хозяйка. — Прощай, батюшка, желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Может, ты привык, отец мой, чтобы кто-нибудь почесал на ночь пятки? Покойник мой без этого никак не засыпал.

Но гость отказался и от почесывания пяток. Хозяйка вышла, и он тот же час поспешил раздеться, отдав Фетинье всю снятую с себя сбрую, как верхнюю, так и нижнюю, и Фетинья, пожелав также с своей стороны покойной ночи, утащила эти мокрые доспехи. Оставшись один, он не без удовольствия взглянул на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, как видно, была мастерица взбивать перины. Когда, подставивши стул, взобрался он на постель, она опустилась под ним почти до самого

пола, и перья, вытесненные им из пределов, разлетелись во все углы комнаты. Погасив свечу, он накрылся ситцевым одеялом и, свернувшись под ним кренделем, заснул в ту же минуту. Проснулся на другой день он уже довольно поздним утром. Солнце сквозь окно блистало ему прямо в глаза, и мухи, которые вчера спали спокойно на стенах и на потолке, все обратились к нему: одна села ему на губу, другая на ухо, третья норовила как бы усесться на самый глаз, ту же, которая имела неосторожность подсесть близко к носовой ноздре, он потянул впросонках в самый нос, что заставило его крепко чихнуть, — обстоятельство, бывшее причиною его пробуждения. Окинувши взглядом комнату, он теперь заметил, что на картинах не всё были птицы: между ними висел портрет Кутузова и писанный масляными красками какой-то старик с красными обшлагами на мундире, как нашивали при Павле Петровиче. Часы опять испустили шипение и пробили десять; в дверь выглянуло женское лицо и в ту же минуту спряталось, ибо Чичиков, желая получше заснуть, скинул с себя совершенно все. Выглянувшее лицо показалось ему как будто несколько знакомо. Он стал припоминать себе: кто бы это был, и наконец вспомнил, что это была хозяйка. Он надел рубаху; платье, уже высушенное и вычищенное, лежало возле него. Одевшись, подошел он к зеркалу и чихнул опять так громко, что подошедший в это время к окну индейский петух — окно же было очень близко от земли — заболтал ему что-то вдруг и весьма скоро на своем странном языке, вероятно «желаю здравствовать», на что Чичиков сказал ему дурака. Подошедши к окну, он начал рассматривать бывшие перед ним виды: окно глядело едва ли не в курятник; по крайней мере, находившийся перед ним узенький дворик весь был наполнен птицами и всякой домашней тварью. Индейкам и курам не было числа; промеж них расхаживал петух мерными шагами, потряхивая гребнем и поворачивая голову набок, как будто к чему-то прислушиваясь; свинья с семейством очутилась тут же; тут же, разгребая кучу сора, съела она мимоходом цыпленка и, не замечая этого, продолжала уписывать арбузные корки своим порядком. Этот небольшой дворик, или курятник, переграждал дощатый забор, за которым тянулись пространные огороды с капустой, луком, картофелем, свеклой и прочим хозяйственным овощем. По огороду были разбросаны кое-где яблони и другие фруктовые

деревья, накрытые сетями для защиты от сорок и воробьев, из которых последние целыми косвенными тучами переносились с одного места на другое. Для этой же самой причины водружено было несколько чучел на длинных шестах, с растопыренными руками; на одном из них надет был чепец самой хозяйки. За огородами следовали крестьянские избы, которые хотя были выстроены врассыпную и не заключены в правильные улицы, но, по замечанию, сделанному Чичиковым, показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы как следует: изветшавший тес на крышах везде был заменен новым; ворота нигде не покосились, а в обращенных к нему крестьянских крытых сараях заметил он где стоявшую запасную почти новую телегу, а где и две. «Да у ней деревушка не маленька», — сказал он и положил тут же разговориться и познакомиться с хозяйкой покороче. Он заглянул в щелочку двери, из которой она было высунула голову, и, увидев ее, сидящую за чайным столиком, вошел к ней с веселым и ласковым видом.

— Здравствуйте, батюшка. Каково почивали? — сказала хозяйка, приподнимаясь с места. Она была одета лучше, нежели вчера, — в темном платье и уже не в спальном чепце, но на шее все так же было что-то навязано.

— Хорошо, хорошо, — говорил Чичиков, садясь в кресла. — Вы как, матушка?

— Плохо, отец мой.

— Как так?

— Бессонница. Все поясница болит, и нога, что повыше косточки, так вот и ломит.

— Пройдет, пройдет, матушка. На это нечего глядеть.

— Дай Бог, чтобы прошло. Я-то смазывала свиным салом и скипидаром тоже смачивала. А с чем прихлебнете чайку? Во фляжке фруктовая.

— Недурно, матушка, хлебнем и фруктовой.

Читатель, я думаю, уже заметил, что Чичиков, несмотря на ласковый вид, говорил, однако же, с большею свободою, нежели с Маниловым, и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у нас на Руси если не угнались еще кой в чем другом за иностранцами, то далеко перегнали их в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения. Француз

или немец век не смекнет и не поймет всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком, и с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым. У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а с тем, у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот, — словом, хоть восходи до миллиона, всё найдутся оттенки. Положим, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии. Прошу посмотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, — да просто от страха и слова не выговоришь! гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, решительный Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем сделается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожился в песчинку! «Да это не Иван Петрович, — говоришь, глядя на него. — Иван Петрович выше ростом, а этот и низенький, и худенький; тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот черт знает что: пищит птицей и все смеется». Подходишь ближе, глядишь — точно Иван Петрович! «Эхе-хе», — думаешь себе... Но, однако ж, обратимся к действующим лицам. Чичиков, как уж мы видели, решился вовсе не церемониться и потому, взявши в руки чашку с чаем и вливши туда фруктовой, повел такие речи:

— У вас, матушка, хорошая деревенька. Сколько в ней душ?

— Душ-то в ней, отец мой, без малого восемьдесят, — сказала хозяйка, — да беда, времена плохи, вот и прошлый год был такой неурожай, что Боже храни.

— Однако ж мужички на вид дюжие, избенки крепкие. А позвольте узнать фамилию вашу. Я так рассеялся... приехал в ночное время...

— Коробочка, коллежская секретарша.

— Покорнейше благодарю. А имя и отчество?

— Настасья Петровна.

— Настасья Петровна? хорошее имя Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна.

— А ваше имя как? — спросила помещица. — Ведь вы, я чай, заседатель?

— Нет, матушка, — отвечал Чичиков, усмехнувшись, — чай, не заседатель, а так ездим по своим делишкам.

— А, так вы покупщик! Как же жаль, право, что я продала мед купцам так дешево, а вот ты бы, отец мой, у меня, верно, его купил.

— А вот меду и не купил бы.

— Что же другое? Разве пеньку? Да вить и пеньки у меня теперь маловато: полпуда всего.

— Нет, матушка, другого рода товарец: скажите, у вас умирали крестьяне?

— Ох, батюшка, осьмнадцать человек! — сказала старуха, вздохнувши. — И умер такой всё славный народ, всё работники. После того, правда, народилось, да что в них: всё такая мелюзга; а заседатель подъехал — подать, говорит, уплачивать с души. Народ мертвый, а плати, как за живого. На прошлой неделе сгорел у меня кузнец, такой искусный кузнец и слесарное мастерство знал.

— Разве у вас был пожар, матушка?

— Бог приберег от такой беды, пожар бы еще хуже; сам сгорел, отец мой. Внутри у него как-то загорелось, чересчур выпил, только синий огонек пошел от него, весь истлел, истлел и почернел, как уголь, а такой был преискусный кузнец! и теперь мне выехать не на чем: некому лошадей подковать.

— На все воля Божья, матушка! — сказал Чичиков, вздохнувши, — против мудрости Божией ничего нельзя сказать... Уступите-ка их мне, Настасья Петровна?

— Кого, батюшка?

— Да вот этих-то всех, что умерли.

— Да как же уступить их?

— Да так просто. Или, пожалуй, продайте. Я вам за них дам деньги.

— Да как же? Я, право, в толк-то не возьму. Нешто хочешь ты их откапывать из земли?

Чичиков увидел, что старуха хватила далеко и что необходимо ей нужно растолковать, в чем дело. В немногих словах объяснил он ей, что перевод или покупка будет значиться только на бумаге и души будут прописаны как бы живые.

— Да на что ж они тебе? — сказала старуха, выпучив на него глаза.

— Это уж мое дело.

— Да ведь они ж мертвые.

— Да кто же говорит, что они живые? Потому-то и в убыток вам, что мертвые: вы за них платите, а теперь я вас избавлю от хлопот и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверх того дам вам пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?

— Право, не знаю, — произнесла хозяйка с расстановкой. — Ведь я мертвых никогда еще не продавала.

— Еще бы! Это бы скорей походило на диво, если бы вы их кому-нибудь продали. Или вы думаете, что в них есть в самом деле какой-нибудь прок?

— Нет, этого-то я не думаю. Что ж в них за прок, проку никакого нет. Меня только то и затрудняет, что они уже мертвые.

«Ну, баба, кажется, крепколобая!» — подумал про себя Чичиков.

— Послушайте, матушка. Да вы рассудите только хорошенько: ведь вы разоряетесь, платите за него подать, как за живого...

— Ох, отец мой, и не говори об этом! — подхватила помещица. — Еще третью неделю взнесла больше полутораста. Да заседателя подмаслила.

— Ну, видите, матушка. А теперь примите в соображение только то, что заседателя вам подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за них; я, а не вы; я принимаю на себя все повинности. Я совершу даже крепость на свои деньги, понимаете ли вы это?

Старуха задумалась. Она видела, что дело, точно, как будто выгодно, да только уж слишком новое и небывалое; а потому начала сильно побаиваться, чтобы как-нибудь не надул ее этот покупщик; приехал же Бог знает откуда, да еще и в ночное время.

— Так что ж, матушка, по рукам, что ли? — говорил Чичиков.

— Право, отец мой, никогда еще не случалось продавать мне покойников. Живых-то я уступила, вот и третьего года протопопу двух девок, по сту рублей каждую, и очень благодарил, такие вышли славные работницы: сами салфетки ткут.

— Ну, да не о живых дело; Бог с ними. Я спрашиваю мертвых.

— Право, я боюсь на первых-то порах, чтобы как-нибудь не понести убытку. Может быть, ты, отец мой, меня обманываешь, а они того... они больше как-нибудь стоят.

— Послушайте, матушка... эх, какие вы! что ж они могут стоить? Рассмотрите: ведь это прах. Понимаете ли? это просто прах. Вы возьмите всякую негодную, последнюю вещь, например даже простую тряпку, и тряпке есть цена: ее хоть по крайней мере купят на бумажную фабрику, а ведь это ни на что не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?

— Уж это, точно, правда. Уж совсем ни на что не нужно; да ведь меня одно только и останавливает, что ведь они уже мертвые.

«Эк ее, дубинноголовая какая! — сказал про себя Чичиков, уже начиная выходить из терпения. — Пойди ты сладь с нею! в пот бросила, проклятая старуха!» Тут он, вынувши из кармана платок, начал отирать пот, в самом деле выступивший на лбу. Впрочем, Чичиков напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человек, а на деле выходит совершенная Коробочка. Как зарубил что себе в голову, то уж ничем его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводов, ясных как день, все отскакивает от него, как резинный мяч отскакивает от стены. Отерши пот, Чичиков решился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною.

— Вы, матушка, — сказал он, — или не хотите понимать слов моих, или так нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить... Я вам даю деньги: пятнадцать рублей ассигнациями. Понимаете ли? Ведь это деньги. Вы их не сыщете на улице. Ну признайтесь, почем продали мед?

— По двенадцати рублей пуд.

— Хватили немножко греха на душу, матушка. По двенадцати не продали.

— Ей-Богу, продала.

— Ну видите ль? Так зато это мед. Вы собирали его, может быть, около года, с заботами, со старанием, хлопотами; ездили, морили пчел, кормили их в погребе целую зиму; а мертвые души дело не от мира сего. Тут вы с своей стороны никакого не прилагали старания, на то была воля Божия, чтоб они оставили мир сей, нанеся ущерб вашему хозяйству. Там вы получили за труд, за старание двенадцать рублей, а тут вы берете ни за что, даром, да и не двенадцать, а пятнадцать, да и не серебром, а всё синими ассигнациями. — После таких сильных убеждений Чичиков почти уже не сомневался, что старуха наконец подастся.

— Право, — отвечала помещица, — мое такое неопытное вдовье дело! лучше ж я маненько повремени, авось понаедут купцы, да применюсь к ценам.

— Страм, страм, матушка! просто страм! Ну что вы это говорите, подумайте сами! Кто же станет покупать их? Ну какое употребление он может из них сделать?

— А может, в хозяйстве-то как-нибудь под случай понадобятся... — возразила старуха, да и не кончила речи, открыла рот и смотрела на него почти со страхом, желая знать, что он на это скажет.

— Мертвые в хозяйстве? Эк куда хватили! Воробьев разве пугать по ночам в вашем огороде, что ли?

— С нами крестная сила! Какие ты страсти говоришь! — проговорила старуха, крестясь.

— Куда ж еще вы их хотели пристроить? Да, впрочем, ведь кости и могилы — все вам остается, перевод только на бумаге. Ну, так что же? Как же? отвечайте по крайней мере.

Старуха вновь задумалась.

— О чем же вы думаете, Настасья Петровна?

— Право, я все не приберу, как мне быть; лучше я вам пеньку продам.

— Да что ж пенька? Помилуйте, я вас прошу совсем о другом, а вы мне пеньку суете! Пенька пенькою, в другой раз приеду, заберу и пеньку. Так как же, Настасья Петровна?

— Ей-Богу, товар такой странный, совсем небывалый!

Здесь Чичиков вышел совершенно из границ всякого терпения, хватил в сердцах стулом об пол и посулил ей черта.

Черта помещица испугалась необыкновенно.

— Ох, не припоминай его, Бог с ним! — вскрикнула она, вся побледнев. — Еще третьего дня всю ночь мне снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картах после молитвы, да, видно, в наказание-то Бог и наслал его. Такой гадкий привиделся; а рога-то длиннее бычачьих.

— Я дивлюсь, как они вам десятками не снятся. Из одного христианского человеколюбия хотел: вижу, бедная вдова убивается, терпит нужду... да пропади и околей со всей вашей деревней!..

— Ах, какие ты забранки пригинаешь! — сказала старуха, глядя на него со страхом.

— Да не найдешь слов с вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурного слова, дворняжка, что лежит на сене: и сама не ест сена, и другим не дает. Я хотел было закупить у вас хозяйственные продукты разные, потому что я и казенные подряды тоже веду... — Здесь он прилгнул, хоть и вскользь и без всякого дальнейшего размышления, но неожиданно удачно. Казенные подряды подействовали сильно на Настасью Петровну, по крайней мере, она произнесла уже почти просительным голосом:

— Да чего ж ты рассердился так горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсем тебе и не прекословила.

— Есть из чего сердиться! Дело яйца выеденного не стоит, а я стану из-за него сердиться!

— Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнаций! Только смотри, отец мой, насчет подрядов-то: если случится муки брать ржаной, или гречневой, или круп, или скотины битой, так уж, пожалуйста, не обидь меня.

— Нет, матушка, не обижу, — говорил он, а между тем отирал рукою пот, который в три ручья катился по лицу его. Он расспросил ее, не имеет ли она в городе какого-нибудь поверенного или знакомого, которого бы могла уполномочить на совершение крепости и всего, что следует.

— Как же, протопопа, отца Кирила, сын служит в палате, — сказала Коробочка.

Чичиков попросил ее написать к нему доверенное письмо и, чтобы избавить от лишних затруднений, сам даже взялся сочинить.

«Хорошо бы было, — подумала между тем про себя Коробочка, — если бы он забирал у меня в казну муку и скотину. Нужно его задобрить: теста со вчерашнего вечера еще осталось, так пойти сказать Фетинье, чтоб спекла блинов; хорошо бы также загнуть пирог пресный с яйцом, у меня его славно загибают, да и времени берет немного». Хозяйка вышла, с тем чтобы привести в исполненье мысль насчет загнутия пирога и, вероятно, пополнить ее другими произведениями домашней пекарни и стряпни; а Чичиков вышел в гостиную, где провел ночь, с тем чтобы вынуть нужные бумаги из своей шкатулки. В гостиной давно уже было все прибрано, роскошные перины вынесены вон, перед диваном стоял покрытый стол. Поставив на него шкатулку, он несколько отдохнул, ибо чувствовал, что был весь в поту, как в реке: все, что ни было на нем, начиная от рубашки до чулок, все было мокро. «Эк уморила как проклятая старуха!» — сказал он, немного отдохнувши, и отпер шкатулку. Автор уверен, что есть читатели такие любопытные, которые пожелают даже узнать план и внутреннее расположение шкатулки. Пожалуй, почему же не удовлетворить! Вот оно, внутреннее расположение: в самой средине мыльница, за мыльницею шесть-семь узеньких перегородок для бритв; потом квадратные закоулки для песочницы и чернильницы с выдолбленною между ними лодочкой для перьев, сургучей и всего, что подлиннее; потом всякие перегородки с крышечками и без крышечек для того, что покороче, наполненные билетами визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхний ящик со всеми перегородками вынимался, и под ним находилось пространство, занятое кипами бумаг в лист, потом следовал маленький потаенный ящик для денег, выдвигавшийся незаметно сбоку шкатулки. Он всегда так поспешно выдвигался и задвигался в ту же минуту хозяином, что наверно нельзя сказать, сколько было там денег. Чичиков тут же занялся и, очинив перо, начал писать. В это время вошла хозяйка.

— Хорош у тебя ящик, отец мой, — сказала она, подсевши к нему. — Чай, в Москве купил его?

— В Москве, — отвечал Чичиков, продолжая писать.

— Я уж знала это: там все хорошая работа. Третьего года сестра моя привезла оттуда теплые сапожки для детей: такой

прочный товар, до сих пор носится. Ахти, сколько у тебя тут гербовой бумаги! — продолжала она, заглянувши к нему в шкатулку. И в самом деле, гербовой бумаги было там немало. — Хоть бы мне листок подарил! а у меня такой недостаток; случится в суд просьбу подать, а и не на чем.

Чичиков объяснил ей, что эта бумага не такого рода, что она назначена для совершения крепостей, а не для просьб. Впрочем, чтобы успокоить ее, он дал ей какой-то лист в рубль ценою. Написавши письмо, дал он ей подписаться и попросил маленький списочек мужиков. Оказалось, что помещица не вела никаких записок, ни списков, а знала почти всех наизусть; он заставил ее тут же продиктовать их. Некоторые крестьяне несколько изумили его своими фамилиями, а еще более прозвищами, так что он всякий раз, слыша их, прежде останавливался, а потом уже начинал писать. Особенно поразил его какой-то Петр Савельев Неуважай-Корыто, так что он не мог не сказать: «Экой длинный!» Другой имел прицепленный к имени «Коровий кирпич», иной оказался просто: Колесо Иван. Оканчивая писать, он потянул несколько к себе носом воздух и услышал завлекательный запах чего-то горячего в масле.

— Прошу покорно закусить, — сказала хозяйка.

Чичиков оглянулся и увидел, что на столе стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой с лучком, припекой с маком, припекой с творогом, припекой со сняточками, и невесть чего не было.

— Пресный пирог с яйцом! — сказала хозяйка.

Чичиков подвинулся к пресному пирогу с яйцом, и, съевши тут же с небольшим половину, похвалил его. И в самом деле, пирог сам по себе был вкусен, а после всей возни и проделок со старухой показался еще вкуснее.

— А блинков? — сказала хозяйка.

В ответ на это Чичиков свернул три блина вместе и, обмакнувши их в растопленное масло, отправил в рот, а губы и руки вытер салфеткой. Повторивши это раза три, он попросил хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тут же послала Фетинью, приказавши в то же время принести еще горячих блинов.

— У вас, матушка, блинцы очень вкусны, — сказал Чичиков, принимаясь за принесенные горячие.

— Да у меня-то их хорошо пекут, — сказала хозяйка, — да вот беда: урожай плох, мука уж такая неавантажная... Да что же, батюшка, вы так спешите? — проговорила она, увидя, что Чичиков взял в руки картуз, — ведь и бричка еще не заложена.

— Заложат, матушка, заложат. У меня скоро закладывают.

— Так уж, пожалуйста, не позабудьте насчет подрядов.

— Не забуду, не забуду, — говорил Чичиков, выходя в сени.

— А свиного сала не покупаете? — сказала хозяйка, следуя за ним.

— Почему не покупать? Покупаю, только после.

— У меня о святках и свиное сало будет.

— Купим, купим, всего купим, и свиного сала купим.

— Может быть, понадобится птичьих перьев. У меня к Филиппову посту будут и птичьи перья.

— Хорошо, хорошо, — говорил Чичиков.

— Вот видишь, отец мой, и бричка твоя еще не готова, — сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо.

— Будет, будет готова. Расскажите только мне, как добраться до большой дороги.

— Как же бы это сделать? — сказала хозяйка. — Рассказать-то мудрено, поворотов много; разве я тебе дам девчонку, чтобы проводила. Ведь у тебя, чай, место есть на козлах, где бы присесть ей.

— Как не быть.

— Пожалуй, я тебе дам девчонку; она у меня знает дорогу, только ты смотри! не завези ее, у меня уже одну завезли купцы.

Чичиков уверил ее, что не завезет, и Коробочка, успокоившись, уже стала рассматривать все что было во дворе ее; вперила глаза на ключницу, выносившую из кладовой деревянную побратиму с медом, на мужика, показавшегося в воротах, и мало-помалу вся переселилась в хозяйственную жизнь. Но зачем так долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли жизнь, или нехозяйственная — мимо их! Не то на свете дивно устроено: веселое мигом обратится в печальное, если только долго застоишься перед ним, и тогда Бог знает что взбредет в голову. Может быть, станешь даже думать: да полно, точно

ли Коробочка стоит так низко на бесконечной лестнице человеческого совершенствования? Точно ли так велика пропасть, отделяющая ее от сестры ее, недосягаемо огражденной стенами аристократического дома с благовонными чугунными лестницами, сияющей медью, красным деревом и коврами, зевающей за недочитанной книгой в ожидании остроумно-светского визита, где ей предстанет поле блеснуть умом и высказать вытверженные мысли, мысли, занимающие по законам моды на целую неделю город, мысли не о том, что делается в ее доме и в ее поместьях, запутанных и расстроенных благодаря незнанью хозяйственного дела, а о том, какой политический переворот готовится во Франции, какое направление принял модный католицизм. Но мимо, мимо! зачем говорить об этом? Но зачем же среди недумающих, веселых, беспечных минут сама собою вдруг пронесется иная чудная струя: еще смех не успел совершенно сбежать с лица, а уже стал другим среди тех же людей, и уже другим светом осветилось лицо...

— А вот бричка, вот бричка! — вскричал Чичиков, увидя наконец подъезжавшую свою бричку. — Что ты, болван, так долго копался? Видно, вчерашний хмель у тебя не весь еще выветрило.

Селифан на это ничего не отвечал.

— Прощайте, матушка! А что же, где ваша девчонка!

— Эй, Пелагея! — сказала помещица стоявшей около крыльца девчонке лет одиннадцати, в платье из домашней крашенины и с босыми ногами, которые издали можно было принять за сапоги, так они были облеплены свежею грязью. — Покажи-ка барину дорогу.

Селифан помог взлезть девчонке на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потом уже взобралась на верхушку и поместилась возле него. Вслед за нею и сам Чичиков занес ногу на ступеньку и, понагнувши бричку на правую сторону, потому что был тяжеленек, наконец поместился, сказавши:

— А! теперь хорошо! прощайте, матушка!

Кони тронулись.

Селифан был во всю дорогу суров и с тем вместе очень внимателен к своему делу, что случалося с ним всегда после того, когда либо в чем провинился, либо был пьян. Лошади были удивительно как вычищены. Хомут на одной из них, надевавшийся дотоле

почти всегда в разодранном виде, так что из-под кожи выглядывала пакля, был искусно зашит. Во всю дорогу был он молчалив, только похлестывал кнутом и не обращал никакой поучительной речи к лошадям, хотя чубарому коню, конечно, хотелось бы выслушать что-нибудь наставительное, ибо в это время вожжи всегда как-то лениво держались в руках словоохотного возницы и кнут только для формы гулял поверх спин. Но из угрюмых уст слышны были на сей раз одни однообразно-неприятные восклицания: «Ну же, ну, ворона! зевай! зевай!» — и больше ничего. Даже сам гнедой и Заседатель были недовольны, не услышавши ни разу ни «любезные», ни «почтенные». Чубарый чувствовал пренеприятные удары по своим полным и широким частям. «Вишь ты, как разнесло его! — думал он сам про себя, несколько припрядывая ушами. — Небось знает, где бить! Не хлыснет прямо по спине, а так и выбирает место, где поживее: по ушам зацепит или под брюхо захлыснет».

— Направо, что ли? — с таким сухим вопросом обратился Селифан к сидевшей возле него девчонке, показывая ей кнутом на почерневшую от дождя дорогу между ярко-зелеными, освеженными полями.

— Нет, нет, я уж покажу, — отвечала девчонка.

— Куда ж? — сказал Селифан, когда подъехали поближе.

— Вот куды, — отвечала девчонка, показывая рукою.

— Эх ты! — сказал Селифан. — Да это и есть направо: не знает, где право, где лево!

Хотя день был очень хорош, но земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сделались скоро покрытыми ею, как войлоком, что значительно отяжелило экипаж; к тому же почва была глиниста и цепка необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться из проселков раньше полудня. Без девчонки было бы трудно сделать и это, потому что дороги расползались во все стороны, как пойманные раки, когда их высыплют из мешка, и Селифану довелось бы поколесить уже не по своей вине. Скоро девчонка показала рукою на черневшее вдали строение, сказавши:

— Вон столбовая дорога!

— А строение? — спросил Селифан.

— Трактир, — сказала девчонка.

— Ну, теперь мы сами доедем, — сказал Селифан, — ступай себе домой.

Он остановился и помог ей сойти, проговорив сквозь зубы: «Эх ты, черноногая!»

Чичиков дал ей медный грош, и она побрела восвояси, уже довольная тем, что посидела на козлах.

Глава четвертая

Подъехавши к трактиру, Чичиков велел остановиться по двум причинам. С одной стороны, чтоб дать отдохнуть лошадям, а с другой стороны, чтоб и самому несколько закусить и подкрепиться. Автор должен признаться, что весьма завидует аппетиту и желудку такого рода людей. Для него решительно ничего не значат все господа большой руки, живущие в Петербурге и Москве, проводящие время в обдумывании, что бы такое поесть завтра и какой бы обед сочинить на послезавтра, и принимающиеся за этот обед не иначе, как отправивши прежде в рот пилюлю; глотающие устерс, морских пауков и прочих чуд, а потом отправляющиеся в Карлсбад или на Кавказ. Нет, эти господа никогда не возбуждали в нем зависти. Но господа средней руки, что на одной станции потребуют ветчины, на другой поросенка, на третьей ломоть осетра или какую-нибудь запеканную колбасу с луком и потом как ни в чем не бывало садятся за стол в какое хочешь время, и стерляжья уха с налимами и молоками шипит и ворчит у них меж зубами, заедаемая расстегаем или кулебякой с сомовьим плёсом, так что вчуже пронимает аппетит, — вот эти господа, точно, пользуются завидным даянием неба! Не один господин большой руки пожертвовал бы сию же минуту половину душ крестьян и половину имений, заложенных и незаложенных, со всеми улучшениями на иностранную и русскую ногу, с тем только, чтобы иметь такой желудок, какой имеет господин средней руки; но то беда, что ни за какие деньги, ниже имения, с улучшениями и без улучшений, нельзя приобресть такого желудка, какой бывает у господина средней руки.

Деревянный потемневший трактир принял Чичикова под свой узенький гостеприимный навес на деревянных выточенных столбиках, похожих на старинные церковные подсвечники.

Трактир был что-то вроде русской избы, несколько в большем размере. Резные узорочные карнизы из свежего дерева вокруг окон и под крышей резко и живо пестрили темные его стены; на ставнях были нарисованы кувшины с цветами.

Взобравшись узенькою деревянною лестницею наверх, в широкие сени, он встретил отворявшуюся со скрипом дверь и толстую старуху в пестрых ситцах, проговорившую: «Сюда пожалуйте!» В комнате попались всё старые приятели, попадающиеся всякому в небольших деревянных трактирах, каких немало выстроено по дорогам, а именно: заиндевевший самовар, выскобленные гладко сосновые стены, трехугольный шкаф с чайниками и чашками в углу, фарфоровые вызолоченные яички пред образами, висевшие на голубых и красных ленточках, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вместо двух четыре глаза, а вместо лица какую-то лепешку; наконец натыканные пучками душистые травы и гвоздики у образов, высохшие до такой степени, что желавший понюхать их только чихал и больше ничего.

— Поросенок есть? — с таким вопросом обратился Чичиков к стоявшей бабе.

— Есть.

— С хреном и со сметаною?

— С хреном и со сметаною.

— Давай его сюда!

Старуха пошла копаться и принесла тарелку, салфетку накрахмаленную до того, что дыбилась, как засохшая кора, потом нож с пожелтевшею костяною колодочкою, тоненький, как перочинный, двузубую вилку и солонку, которую никак нельзя было поставить прямо на стол.

Герой наш, по обыкновению, сейчас вступил с нею в разговор и расспросил, сама ли она держит трактир, или есть хозяин, и сколько дает доходу трактир, и с ними ли живут сыновья, и что старший сын холостой или женатый человек, и какую взял жену, с большим ли приданым, или нет, и доволен ли был тесть, и не сердился ли, что мало подарков получил на свадьбе, — словом, не пропустил ничего. Само собою разумеется, что полюбопытствовал узнать, какие в окружности находятся у них помещики, и узнал, что всякие есть помещики: Блохин, Почитаев, Мыльной, Чепраков — полковник, Собакевич. «А! Собакевича знаешь?» —

спросил он и тут же услышал, что старуха знает не только Собакевича, но и Манилова, и что Манилов будет повеликатней Собакевича: велит тотчас сварить курицу, спросит и телятинки; коли есть баранья печенка, то и бараньей печенки спросит, и всего только что попробует, а Собакевич одного чего-нибудь спросит, да уж зато всё съест, даже и подбавки потребует за ту же цену.

Когда он таким образом разговаривал, кушая поросенка, которого оставался уже последний кусок, послышался стук колес подъехавшего экипажа. Выглянувши в окно, увидел он остановившуюся перед трактиром легонькую бричку, запряженную тройкою добрых лошадей. Из брички вылезали двое каких-то мужчин. Один белокурый, высокого роста; другой немного пониже, чернявый. Белокурый был в темно-синей венгерке, чернявый просто в полосатом архалуке. Издали тащилась еще колясчонка, пустая, влекомая какой-то длинношерстной четверней с изорванными хомутами и веревочной упряжью. Белокурый тотчас же отправился по лестнице наверх, между тем как черномазый еще оставался и щупал что-то в бричке, разговаривая тут же со слугою и махая в то же время ехавшей за ними коляске. Голос его показался Чичикову как будто несколько знакомым. Пока он его рассматривал, белокурый успел уже нащупать дверь и отворить ее. Это был мужчина высокого роста, лицом худощавый, или что называют издержанный, с рыжими усиками. По загоревшему лицу его можно было заключить, что он знал, что такое дым, если не пороховой, то по крайней мере табачный. Он вежливо поклонился Чичикову, на что последний ответил тем же. В продолжение немногих минут они вероятно бы разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что уже начало было сделано, и оба почти в одно и то же время изъявили удовольствие, что пыль по дороге была совершенно прибита вчерашним дождем и теперь ехать и прохладно и приятно, как вошел чернявый его товарищ, сбросив с головы на стол картуз свой, молодцевато взъерошив рукой свои черные густые волосы. Это был среднего роста, очень недурно сложенный молодец с полными румяными щеками, с белыми, как снег, зубами и черными, как смоль, бакенбардами. Свеж он был, как кровь с молоком; здоровье, казалось, так и прыскало с лица его.

— Ба, ба, ба! — вскричал он вдруг, расставив обе руки при виде Чичикова. — Какими судьбами?

Чичиков узнал Ноздрева, того самого, с которым он вместе обедал у прокурора и который с ним в несколько минут сошелся на такую короткую ногу, что начал уже говорить «ты», хотя, впрочем, он с своей стороны не подал к тому никакого повода.

— Куда ездил? — говорил Ноздрев и, не дождавшись ответа, продолжал: — А я, брат, с ярмарки. Поздравь: продулся в пух! Веришь ли, что никогда в жизни так не продувался. Ведь я на обывательских приехал! Вот посмотри нарочно в окно! — Здесь он нагнул сам голову Чичикова, так что тот чуть не ударился ею об рамку. — Видишь, какая дрянь! Насилу дотащили, проклятые, я уже перелез вот в его бричку. — Говоря это, Ноздрев показал пальцем на своего товарища. — А вы еще не знакомы? Зять мой Мижуев! Мы с ним все утро говорили о тебе. «Ну смотри, говорю, если мы не встретим Чичикова». Ну, брат, если б ты знал, как я продулся! Поверишь ли, что не только убухал четырех рысаков — всё спустил. Ведь на мне нет ни цепочки, ни часов... — Чичиков взглянул и увидел точно, что на нем не было ни цепочки, ни часов. Ему даже показалось, что и один бакенбард был у него меньше и не так густ, как другой. — А ведь будь только двадцать рублей в кармане, — продолжал Ноздрев, — именно не больше как двадцать, я отыграл бы всё, то есть кроме того, что отыграл бы, вот как честный человек, тридцать тысяч сейчас положил бы в бумажник.

— Ты, однако, и тогда так говорил, — отвечал белокурый, — а когда я тебе дал пятьдесят рублей, тут же просадил их.

— И не просадил бы! ей-Богу, не просадил бы! Не сделай я сам глупость, право, не просадил бы. Не загни я после пароле на проклятой семерке утку, я бы мог сорвать весь банк.

— Однако ж не сорвал, — сказал белокурый.

— Не сорвал потому, что загнул утку не вовремя. А ты думаешь, майор твой хорошо играет?

— Хорошо или не хорошо, однако ж он тебя обыграл.

— Эка важность! — сказал Ноздрев, — этак и я его обыграю. Нет, вот попробуй он играть дублетом, так вот тогда я посмотрю, я посмотрю тогда, какой он игрок! Зато, брат Чичиков, как покутили мы в первые дни! Правда, ярмарка была отличнейшая.

Сами купцы говорят, что никогда не было такого съезда. У меня все, что ни привезли из деревни, продали по самой выгоднейшей цене. Эх, братец, как покутили! Теперь даже, как вспомнишь... черт возьми! то есть как жаль, что ты не был. Вообрази, что в трех верстах от города стоял драгунский полк. Веришь ли, что офицеры, сколько их ни было, сорок человек одних офицеров было в городе; как начали мы, братец, пить... Штабс-ротмистр Поцелуев... такой славный! усы, братец, такие! Бордо называет просто бурдашкой. «Принеси-ка, брат, говорит, бурдашки!» Поручик Кувшинников... Ах, братец, какой премилый человек! вот уж, можно сказать, во всей форме кутила. Мы всё были с ним вместе. Какого вина отпустил нам Пономарев! Нужно тебе знать, что он мошенник и в его лавке ничего нельзя брать: в вино мешает всякую дрянь: сандал, жженую пробку и даже бузиной, подлец, затирает; но зато уж если вытащит из дальней комнатки, которая называется у него особенной, какую-нибудь бутылочку — ну просто, брат, находишься в эмпиреях. Шампанское у нас было такое — что пред ним губернаторское? просто квас. Вообрази, не клико, а какое-то клико-матрадура, это значит двойное клико. И еще достал одну бутылочку французского под названием: бонбон. Запах? — розетка и все что хочешь. Уж так покутили!.. После нас приехал какой-то князь, послал в лавку за шампанским, нет ни одной бутылки во всем городе, всё офицеры выпили. Веришь ли, что я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского!

— Ну, семнадцать бутылок ты не выпьешь, — заметил белокурый.

— Как честный человек, говорю, что выпил, — отвечал Ноздрев.

— Ты можешь себе говорить, что хочешь, а я тебе говорю, что и десяти не выпьешь.

— Ну хочешь об заклад, что выпью!

— К чему же об заклад?

— Ну, поставь свое ружье, которое купил в городе.

— Не хочу.

— Ну да поставь попробуй!

— И пробовать не хочу.

— Да, был бы ты без ружья, как без шапки. Эх, брат Чичиков, то есть как я жалел, что тебя не было. Я знаю, что ты бы

не расстался с поручиком Кувшинниковым. Уж как бы вы с ним хорошо сошлись! Это не то что прокурор и все губернские скряги в нашем городе, которые так и трясутся за каждую копейку. Этот, братец, и в гальбик, и в банчишку, и во все что хочешь. Эх, Чичиков, ну что бы тебе стоило приехать? Право, свинтус ты за это, скотовод эдакой! Поцелуй меня, душка, смерть люблю тебя! Мижуев, смотри, вот судьба свела: ну что он мне или я ему? Он приехал Бог знает откуда, я тоже здесь живу... А сколько было, брат, карет, и все это en gros. В фортунку крутнул: выиграл две банки помады, фарфоровую чашку и гитару; потом опять поставил один раз и прокрутил, канальство, еще сверх шесть целковых. А какой, если б ты знал, волокита Кувшинников! Мы с ним были на всех почти балах. Одна была такая разодетая, рюши на ней, и трюши, и черт знает чего не было... я думаю себе только: «черт возьми!» А Кувшинников, то есть это такая бестия, подсел к ней и на французском языке подпускает ей такие комплименты... Поверишь ли, простых баб не пропустил. Это он называет: попользоваться насчет клубнички. Рыб и балыков навезли чудных. Я таки привез с собою один; хорошо, что догадался купить, когда были еще деньги. Ты куда теперь едешь?

— А я к человечку к одному, — сказал Чичиков.

— Ну, что человечек, брось его! поедем ко мне!

— Нет, нельзя, есть дело.

— Ну вот уж и дело! уж и выдумал! Ах ты, Оподелдок Иванович!

— Право, дело, да еще и нужное.

— Пари держу, врешь! Ну скажи только, к кому едешь?

— Ну, к Собакевичу.

Здесь Ноздрев захохотал тем звонким смехом, каким заливается только свежий, здоровый человек, у которого все до последнего выказываются белые, как сахар, зубы, дрожат и прыгают щеки, и сосед за двумя дверями, в третьей комнате, вскидывается со сна, вытаращив очи и произнося: «Эк его разобрало!»

— Что ж тут смешного? — сказал Чичиков, отчасти недовольный таким смехом.

Но Ноздрев продолжал хохотать во все горло, приговаривая:

— Ой, пощади, право, тресну со смеху!

— Ничего нет смешного: я дал ему слово, — сказал Чичиков.

— Да ведь ты жизни не будешь рад, когда приедешь к нему, это просто жидомор! Ведь я знаю твой характер. Ты жестоко опешишься, если думаешь найти там банчишку и добрую бутылку какого-нибудь бонбона. Послушай, братец: ну к черту Собакевича, поедем ко мне! каким балыком попотчую! Пономарев, бестия, так раскланивался, говорит: «Для вас только, всю ярмарку, говорит, обыщите, не найдете такого». Плут, однако ж, ужасный. Я ему в глаза это говорил: «Вы, говорю, с нашим откупщиком первые мошенники!» Смеется, бестия, поглаживая бороду. Мы с Кувшинниковым каждый день завтракали в его лавке. Ах, брат, вот позабыл тебе сказать: знаю, что ты теперь не отстанешь, но за десять тысяч не отдам, наперед говорю. Эй, Порфирий! — закричал он, подошедши к окну, на своего человека, который держал в одной руке ножик, а в другой корку хлеба с куском балыка, который посчастливилось ему мимоходом отрезать, вынимая что-то из брички. — Эй, Порфирий, — кричал Ноздрев, — принеси-ка щенка! Каков щенок! — продолжал он, обращаясь к Чичикову. — Краденый, ни за самого себя не отдавал хозяин. Я ему сулил каурую кобылу, которую, помнишь, выменял у Хвостырева... — Чичиков, впрочем, отроду не видел ни каурой кобылы, ни Хвостырева.

— Барин! ничего не хотите закусить? — сказала в это время, подходя к нему, старуха.

— Ничего. Эх, брат, как покутили! Впрочем, давай рюмку водки: какая у тебя есть?

— Анисовая, — отвечала старуха.

— Ну, давай анисовой, — сказал Ноздрев.

— Давай уж и мне рюмку! — сказал белокурый.

— В театре одна актриса так, каналья, пела, как канарейка! Кувшинников, который сидел возле меня, — «Вот, говорит, брат, попользоваться бы насчет клубнички!» Одних балаганов, я думаю, было пятьдесят. Фенарди четыре часа вертелся мельницею. — Здесь он принял рюмку из рук старухи, которая ему за то низко поклонилась. — А, давай его сюда! — закричал он, увидевши Порфирия, вошедшего с щенком. Порфирий был одет, так же как и барин, в каком-то архалуке, стеганном на вате, но несколько позамасленней.

— Давай его, клади сюда на пол!

Порфирий положил щенка на пол, который, растянувшись на все четыре лапы, нюхал землю.

— Вот щенок! — сказал Ноздрев, взявши его за спинку и приподнявши рукою. Щенок испустил довольно жалобный вой.

— Ты, однако ж, не сделал того, что я тебе говорил, — сказал Ноздрев, обратившись к Порфирию и рассматривая тщательно брюхо щенка, — и не подумал вычесать его?

— Нет, я его вычесывал.

— А отчего же блохи?

— Не могу знать. Статься может, как-нибудь из брички поналезли.

— Врешь, врешь, и не воображал чесать; я думаю, дурак, еще своих напустил. Вот посмотри-ка, Чичиков, посмотри, какие уши, на-ка пощупай рукою.

— Да зачем, я и так вижу: доброй породы! — отвечал Чичиков.

— Нет, возьми-ка нарочно, пощупай уши!

Чичиков в угодность ему пощупал уши, примолвивши:

— Да, хорошая будет собака.

— А нос, чувствуешь, какой холодный? возьми-ка рукою.

Не желая обидеть его, Чичиков взял и за нос, сказавши:

— Хорошее чутье.

— Настоящий мордаш, — продолжал Ноздрев, — я, признаюсь, давно острил зубы на мордаша. На, Порфирий, отнеси его!

Порфирий, взявши щенка под брюхо, унес его в бричку.

— Послушай, Чичиков, ты должен непременно теперь ехать ко мне, пять верст всего, духом домчимся, а там, пожалуй, можешь и к Собакевичу.

«А что ж, — подумал про себя Чичиков, — заеду я в самом деле к Ноздреву. Чем же он хуже других, такой же человек, да еще и проигрался. Горазд он, как видно, на все, стало быть, у него даром можно кое-что выпросить».

— Изволь, едем, — сказал он, — но чур не задержать, мне время дорого.

— Ну, душа, вот это так! Вот это хорошо, постой же, я тебя поцелую за это. — Здесь Ноздрев и Чичиков поцеловались. — И славно: втроем и покатим!

— Нет, ты уж, пожалуйста, меня-то отпусти, — говорил белокурый, — мне нужно домой.

— Пустяки, пустяки, брат, не пущу.

— Право, жена будет сердиться; теперь же ты можешь пересесть вот в ихнюю бричку.

— Ни, ни, ни! И не думай.

Белокурый был один из тех людей, в характере которых на первый взгляд есть какое-то упорство. Еще не успеешь открыть рта, как они уже готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся на то, что явно противуположно их образу мыслей, что никогда не назовут глупого умным и что в особенности не согласятся плясать по чужой дудке; а кончится всегда тем, что в характере их окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что отвергали, глупое назовут умным и пойдут потом поплясывать как нельзя лучше под чужую дудку, — словом, начнут гладью, а кончат гадью.

— Вздор! — сказал Ноздрев в ответ на какое-то представление белокурого, надел ему на голову картуз, и — белокурый отправился вслед за ними.

— За водочку, барин, не заплатили... — сказала старуха.

— А, хорошо, хорошо, матушка! Послушай, зятек! заплати, пожалуйста. У меня нет ни копейки в кармане.

— Сколько тебе? — сказал зятек.

— Да что, батюшка, двугривенник всего, — сказала старуха.

— Врешь, врешь. Дай ей полтину, предовольно с нее.

— Маловато, барин, — сказала старуха, однако ж взяла деньги с благодарностью и еще побежала впопыхах отворять им дверь. Она была не в убытке, потому что запросила вчетверо против того, что стоила водка.

Приезжие уселись. Бричка Чичикова ехала рядом с бричкой, в которой сидели Ноздрев и его зять, и потому они все трое могли свободно между собою разговаривать в продолжении дороги. За ними следовала, беспрестанно отставая, небольшая колясочка Ноздрева на тощих обывательских лошадях. В ней сидел Порфирий с щенком.

Так как разговор, который путешественники вели между собою, был не очень интересен для читателя, то сделаем лучше, если скажем что-нибудь о самом Ноздреве, которому, может быть, доведется сыграть не вовсе последнюю роль в нашей поэме.

Лицо Ноздрева верно уже сколько-нибудь знакомо читателю. Таких людей приходилось всякому встречать немало. Они называются разбитными малыми, слывут еще в детстве и в школе за хороших товарищей и при всем том бывают весьма больно поколачиваемы. В их лицах всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе «ты». Дружбу заведут, кажется, навек: но всегда почти так случается, что подружившийся подерется с ними того же вечера на дружеской пирушке. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народ видный. Ноздрев в тридцать пять лет был таков же совершенно, каким был в осьмнадцать и двадцать: охотник погулять. Женитьба его ничуть не переменила, тем более что жена скоро отправилась на тот свет, оставивши двух ребятишек, которые решительно ему были не нужны. За детьми, однако ж, присматривала смазливая нянька. Дома он больше дня никак не мог усидеть. Чуткий нос его слышал за несколько десятков верст, где была ярмарка со всякими съездами и балами; он уж в одно мгновенье ока был там, спорил и заводил сумятицу за зеленым столом, ибо имел, подобно всем таковым, страстишку к картишкам. В картишки, как мы уже видели из первой главы, играл он не совсем безгрешно и чисто, зная много разных передержек и других тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густым и очень хорошим бакенбардам, так что возвращался домой он иногда с одной только бакенбардой, и то довольно жидкой. Но здоровые и полные щеки его так хорошо были сотворены и вмещали в себе столько растительной силы, что бакенбарды скоро вырастали вновь, еще даже лучше прежних. И что всего страннее, что может только на одной Руси случиться, он чрез несколько времени уже встречался опять с теми приятелями, которые его тузили, и встречался как ни в чем не бывало, и он, как говорится, ничего, и они ничего.

Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. Какая-нибудь история непременно происходила: или выведут его под руки из зала жандармы, или принуждены бывают вытолкать свои же приятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будет такое, чего с другим никак не будет: или нарежется в буфете таким образом, что только смеется, или проврется самым

жестоким образом, так что наконец самому сделается совестно. И наврет совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти, и тому подобную чепуху, так что слушающие наконец все отходят, произнесши: «Ну, брат, ты, кажется, уже начал пули лить». Есть люди, имеющие страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе без всякой причины. Иной, например, даже человек в чинах, с благородною наружностью, со звездой на груди, будет вам жать руку, разговорится с вами о предметах глубоких, вызывающих на размышления, а потом, смотришь, тут же, пред вашими глазами, и нагадит вам. И нагадит так, как простой коллежский регистратор, а вовсе не так, как человек со звездой на груди, разговаривающий о предметах, вызывающих на размышление, так что стоишь только да дивишься, пожимая плечами, да и ничего более. Такую же странную страсть имел и Ноздрев. Чем кто ближе с ним сходился, тому он скорее всех насаливал: распускал небылицу, глупее которой трудно выдумать, расстроивал свадьбу, торговую сделку и вовсе не почитал себя вашим неприятелем; напротив, если случай приводил его опять встретиться с вами, он обходился вновь по-дружески и даже говорил: «Ведь ты такой подлец, никогда ко мне не заедешь». Ноздрев во многих отношениях был многосторонний человек, то есть человек на все руки. В ту же минуту он предлагал вам ехать куда угодно, хоть на край света, войти в какое хотите предприятие, менять все что ни есть на все, что хотите. Ружье, собака, лошадь — все было предметом мены, но вовсе не с тем, чтобы выиграть: это происходило просто от какой-то неугомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмарке посчастливилось напасть на простака и обыграть его, он накупал кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза в лавках: хомутов, курительных свечек, платков для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойник, голландского холста, крупичатой муки, табаку, пистолетов, селедок, картин, точильный инструмент, горшков, сапогов, фаянсовую посуду —насколько хватало денег. Впрочем, редко случалось, чтобы это было довезено домой; почти в тот же день спускалось оно все другому, счастливейшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка с кисетом и мундштуком, а в другой раз и вся четверня со всем: с коляской и кучером, так что сам хозяин отправлялся в коротеньком сюртучке или архалуке

искать какого-нибудь приятеля, чтобы попользоваться его экипажем. Вот какой был Ноздрев! Может быть, назовут его характером избитым, станут говорить, что теперь нет уже Ноздрева. Увы! несправедливы будут те, которые станут говорить так. Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно-непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком.

Между тем три экипажа подкатили уже к крыльцу дома Ноздрева. В доме не было никакого приготовления к их принятию. Посередине столовой стояли деревянные козлы, и два мужика, стоя на них, белили стены, затягивая какую-то бесконечную песню; пол весь был обрызган белилами. Ноздрев приказал тот же час мужиков и козлы вон и выбежал в другую комнату отдавать повеления. Гости слышали, как он заказывал повару обед; сообразив это, Чичиков, начинавший уже несколько чувствовать аппетит, увидел, что раньше пяти часов они не сядут за стол. Ноздрев, возвратившись, повел гостей осматривать все, что ни было у него на деревне, и в два часа с небольшим показал решительно все, так что ничего уж больше не осталось показывать. Прежде всего пошли они обсматривать конюшню, где видели двух кобыл, одну серую в яблоках, другую каурую, потом гнедого жеребца, на вид и неказистого, но за которого Ноздрев божился, что заплатил десять тысяч.

— Десять тысяч ты за него не дал, — заметил зять. — Он и одной не стоит.

— Ей-Богу, дал десять тысяч, — сказал Ноздрев.

— Ты себе можешь божиться, сколько хочешь, — отвечал зять.

— Ну, хочешь, побьемся об заклад! — сказал Ноздрев.

Об заклад зять не захотел биться.

Потом Ноздрев показал пустые стойла, где были прежде тоже хорошие лошади. В этой же конюшне видели козла, которого, по старому поверью, почитали необходимым держать при лошадях, который, как казалось, был с ними в ладу, гулял под их брюхами, как у себя дома. Потом Ноздрев повел их глядеть волчонка, бывшего на привязи. «Вот волчонок! — сказал он. — Я его нарочно кормлю сырым мясом. Мне хочется, чтоб он был

совершенным зверем!» Пошли смотреть пруд, в котором, по словам Ноздрева, водилась рыба такой величины, что два человека с трудом вытаскивали штуку, в чем, однако ж, родственник не преминул усомниться. «Я тебе, Чичиков, — сказал Ноздрев, — покажу отличнейшую пару собак: крепость черных мясов просто наводит изумление, щиток — игла!» — и повел их к выстроенному очень красиво маленькому домику, окруженному большим загороженным со всех сторон двором. Вошедши на двор, увидели там всяких собак, и густопсовых, и чистопсовых, всех возможных цветов и мастей: муругих, черных с подпалинами, полвопегих, муруго-пегих, красно-пегих, черноухих, сероухих... Тут были все клички, все повелительные наклонения: стреляй, обругай, порхай, пожар, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздрев был среди их совершенно как отец среди семейства; все они, тут же пустивши вверх хвосты, зовомые у собачеев правилами, полетели прямо навстречу гостям и стали с ними здороваться. Штук десять из них положили свои лапы Ноздреву на плеча. Обругай оказал такую же дружбу Чичикову и, поднявшись на задние ноги, лизнул его языком в самые губы, так что Чичиков тут же выплюнул. Осмотрели собак, наводивших изумление крепостью черных мясов, — хорошие были собаки. Потом пошли осматривать крымскую суку, которая была уже слепая и, по словам Ноздрева, должна была скоро издохнуть, но года два тому назад была очень хорошая сука; осмотрели и суку — сука, точно, была слепая. Потом пошли осматривать водяную мельницу, где недоставало порхлицы, в которую утверждается верхний камень, быстро вращающийся на веретене, — «порхающий», по чудному выражению русского мужика.

— А вот тут скоро будет и кузница! — сказал Ноздрев.

Немного прошедши, они увидели, точно, кузницу, осмотрели и кузницу.

— Вот на этом поле, — сказал Ноздрев, указывая пальцем на поле, — русаков такая гибель, что земли не видно; я сам своими руками поймал одного за задние ноги.

— Ну, русака ты не поймаешь рукою! — заметил зять.

— А вот же поймал, нарочно поймал! — отвечал Ноздрев. — Теперь я поведу тебя посмотреть, — продолжал он, обращаясь к Чичикову, — границу, где оканчивается моя земля.

Ноздрев повел своих гостей полем, которое во многих местах состояло из кочек. Гости должны были пробираться между перелогами и взбороненными нивами. Чичиков начинал чувствовать усталость. Во многих местах ноги их выдавливали под собою воду, до такой степени место было низко. Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потом, увидя, что это ни к чему не служит, брели прямо, не разбирая, где большая, а где меньшая грязь. Прошедши порядочное расстояние, увидели, точно, границу, состоявшую из деревянного столбика и узенького рва.

— Вот граница! — сказал Ноздрев. — Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синеет, и все, что за лесом, все мое.

— Да когда же этот лес сделался твоим? — спросил зять. — Разве ты недавно купил его? Ведь он не был твой.

— Да, я купил его недавно, — отвечал Ноздрев.

— Когда же ты успел его так скоро купить?

— Как же, я еще третьего дня купил, и дорого, черт возьми, дал.

— Да ведь ты был в то время на ярмарке.

— Эх ты, Софрон! Разве нельзя быть в одно время и на ярмарке и купить землю? Ну, я был на ярмарке, а приказчик мой тут без меня и купил.

— Да, ну разве приказчик! — сказал зять, но и тут усумнился и покачал головою.

Гости воротились тою же гадкою дорогою к дому. Ноздрев повел их в свой кабинет, в котором, впрочем, не было заметно следов того, что бывает в кабинетах, то есть книг или бумаги; висели только сабли и два ружья — одно в триста, а другое в восемьсот рублей. Зять, осмотревши, покачал только головою. Потом были показаны турецкие кинжалы, на одном из которых по ошибке было вырезано: «Мастер Савелий Сибиряков». Вслед за тем показалась гостям шарманка. Ноздрев тут же провертел пред ними кое-что. Шарманка играла не без приятности, но в средине ее, кажется, что-то случилось, ибо мазурка оканчивалась песнею: «Мальбруг в поход поехал», а «Мальбруг в поход поехал» неожиданно завершался каким-то давно знакомым вальсом. Уже Ноздрев давно перестал вертеть, но в шарманке была одна дудка очень бойкая, никак не хотевшая угомониться, и долго

еще потом свистела она одна. Потом показались трубки — деревянные, глиняные, пенковые, обкуренные и необкуренные, обтянутые замшею и необтянутые, чубук с янтарным мундштуком, недавно выигранный, кисет, вышитый какою-то графинею, где-то на почтовой станции влюбившеюся в него по уши, у которой ручки, по словам его, были самой субдительной сюперфлю, — слово, вероятно означавшее у него высочайшую точку совершенства. Закусивши балыком, они сели за стол близ пяти часов. Обед, как видно, не составлял у Ноздрева главного в жизни; блюда не играли большой роли: кое-что и пригорело, кое-что и вовсе не сварилось. Видно, что повар руководствовался более каким-то вдохновеньем и клал первое, что попадалось под руку: стоял ли возле него перец — он сыпал перец, капуста ли попалась — совал капусту, пичкал молоко, ветчину, горох, — словом, катай-валяй, было бы горячо, а вкус какой-нибудь, верно, выдет. Зато Ноздрев налег на вина: еще не подавали супа, он уже налил гостям по большому стакану портвейна и по другому госотерна, потому что в губернских и уездных городах не бывает простого сотерна. Потом Ноздрев велел принести бутылку мадеры, лучше которой не пивал сам фельдмаршал. Мадера, точно, даже горела во рту, ибо купцы, зная уже вкус помещиков, любивших добрую мадеру, заправляли ее беспощадно ромом, а иной раз вливали туда и царской водки, в надежде, что всё вынесут русские желудки. Потом Ноздрев велел еще принесть какую-то особенную бутылку, которая, по словам его, была и бургоньон и шампаньон вместе. Он наливал очень усердно в оба стакана, и направо и налево, и зятю и Чичикову; Чичиков заметил, однако же, как-то вскользь, что самому себе он не много прибавлял. Это заставило его быть осторожным, и как только Ноздрев как-нибудь заговаривался или наливал зятю, он опрокидывал в ту же минуту свой стакан в тарелку. В непродолжительном времени была принесена на стол рябиновка, имевшая, по словам Ноздрева, совершенный вкус сливок, но в которой, к изумлению, слышна была сивушища во всей своей силе. Потом пили какой-то бальзам, носивший такое имя, которое даже трудно было припомнить, да и сам хозяин в другой раз назвал его уже другим именем. Обед давно уже кончился, и вина были перепробованы, но гости всё еще сидели за столом. Чичиков никак не хотел заговорить с Ноздревым при зяте насчет главного предмета.

Все-таки зять был человек посторонний, а предмет требовал уединенного и дружеского разговора. Впрочем, зять вряд ли мог быть человеком опасным, потому что нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стуле, ежеминутно клевался носом. Заметив и сам, что находился не в надежном состоянии, он стал наконец отпрашиваться домой, но таким ленивым и вялым голосом, как будто бы, по русскому выражению, натаскивал клещами на лошадь хомут.

— И ни-ни! не пущу! — сказал Ноздрев.

— Нет, не обижай меня, друг мой, право, поеду, — говорил зять, — ты меня очень обидишь.

— Пустяки, пустяки! мы соорудим сию минуту банчишку.

— Нет, сооружай, брат, сам, а я не могу, жена будет в большой претензии, право, я должен ей рассказать о ярмарке. Нужно, брат, право, нужно доставить ей удовольствие. Нет, ты не держи меня!

— Ну ее, жену, к...! важное в самом деле дело станете делать вместе!

— Нет, брат! она такая почтенная и верная! Услуги оказывает такие... поверишь, у меня слезы на глазах. Нет, ты не держи меня; как честный человек, поеду. Я тебя в этом уверяю по истинной совести.

— Пусть его едет, что в нем проку! — сказал тихо Чичиков Ноздреву.

— А и вправду! — сказал Ноздрев. — Смерть не люблю таких растепелей! — и прибавил вслух: — Ну, черт с тобою, поезжай бабиться с женою, фетюк[1]!

— Нет, брат, ты не ругай меня фетюком, — отвечал зять, — я ей жизнью обязан. Такая, право, добрая, милая, такие ласки оказывает... до слез разбирает; спросит, что видел на ярмарке, нужно всё рассказать, такая, право, милая.

— Ну поезжай, ври ей чепуху! Вот картуз твой.

— Нет, брат, тебе совсем не следует о ней так отзываться; этим ты, можно сказать, меня самого обижаешь, она такая милая.

— Ну, так и убирайся к ней скорее!

[1] Фетюк — слово, обидное для мужчины, происходит от Ѳ — буквы, почитаемой некоторыми неприличною буквою.

— Да, брат, поеду, извини, что не могу остаться. Душой рад бы был, но не могу.

Зять еще долго повторял свои извинения, не замечая, что сам уже давно сидел в бричке, давно выехал за ворота и перед ним давно были одни пустые поля. Должно думать, что жена не много слышала подробностей о ярмарке.

— Такая дрянь! — говорил Ноздрев, стоя перед окном и глядя на уезжавший экипаж, — Вон как потащился! конек пристяжной недурен, я давно хотел подцепить его. Да ведь с ним нельзя никак сойтиться. Фетюк, просто фетюк!

Засим вошли они в комнату. Порфирий подал свечи, и Чичиков заметил в руках хозяина неизвестно откуда взявшуюся колоду карт.

— А что, брат, — говорил Ноздрев, прижавши бока колоды пальцами и несколько погнувши ее, так что треснула и отскочила бумажка. — Ну, для препровождения времени, держу триста рублей банку!

Но Чичиков прикинулся, как будто и не слышал, о чем речь, и сказал, как бы вдруг припомнив:

— А! чтоб не позабыть: у меня к тебе просьба.

— Какая?

— Дай прежде слово, что исполнишь.

— Да какая просьба?

— Ну, да уж дай слово!

— Изволь.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Вот какая просьба: у тебя есть, чай, много умерших крестьян, которые еще не вычеркнуты из ревизии?

— Ну есть, а что?

— Переведи их на меня, на мое имя.

— А на что тебе?

— Ну да мне нужно.

— Да на что?

— Ну да уж нужно... уж это мое дело, — словом, нужно.

— Ну уж, верно, что-нибудь затеял. Признайся, что?

— Да что ж затеял? из этакого пустяка и затеять ничего нельзя.

— Да зачем же они тебе?

— Ох, какой любопытный! ему всякую дрянь хотелось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!

— Да к чему ж ты не хочешь сказать?

— Да что же тебе за прибыль знать? ну, просто так пришла фантазия.

— Так вот же: до тех пор, пока не скажешь, не сделаю!

— Ну вот видишь, вот уж и нечестно с твоей стороны: слово дал, да и на попятный двор.

— Ну, как ты себе хочешь, а не сделаю, пока не скажешь, на что.

«Что бы такое сказать ему?» — подумал Чичиков и после минутного размышления объявил, что мертвые души нужны ему для приобретения весу в обществе, что он поместьев больших не имеет, так до того времени хоть бы какие-нибудь душонки.

— Врешь, врешь! — сказал Ноздрев, не давши окончить. — Врешь, брат!

Чичиков и сам заметил, что придумал не очень ловко и предлог довольно слаб.

— Ну, так я ж тебе скажу прямее, — сказал он, поправившись, — только, пожалуйста, не проговорись никому. Я задумал жениться; но нужно тебе знать, что отец и мать невесты преамбиционные люди. Такая, право, комиссия: не рад, что связался, хотят непременно, чтобы у жениха было никак не меньше трехсот душ, а так как у меня целых почти полутораста крестьян недостает...

— Ну врешь! врешь! — закричал опять Ноздрев.

— Ну вот уж здесь, — сказал Чичиков, — ни вот на столько не солгал, — и показал большим пальцем на своем мизинце самую маленькую часть.

— Голову ставлю, что врешь!

— Однако ж это обидно! что же я такое в самом деле! почему я непременно лгу?

— Ну да ведь я знаю тебя: ведь ты большой мошенник, позволь мне это сказать тебе по дружбе! Ежели бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве.

Чичиков оскорбился таким замечанием. Уже всякое выражение, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благопристойность, было ему неприятно. Он даже не любил допускать с собой

ни в каком случае фамильярного обращения, разве только если особа была слишком высокого звания. И потому теперь он совершенно обиделся.

— Ей-Богу, повесил бы, — повторил Ноздрев, — я тебе говорю это откровенно, не с тем чтобы тебя обидеть, а просто по-дружески говорю.

— Всему есть границы, — сказал Чичиков с чувством достоинства. — Если хочешь пощеголять подобными речами, так ступай в казармы. — И потом присовокупил: — Не хочешь подарить, так продай.

— Продать! Да ведь я знаю тебя, ведь ты подлец, ведь ты дорого не дашь за них?

— Эх, да ты ведь тоже хорош! смотри ты! что они у тебя бриллиантовые, что ли?

— Ну, так и есть. Я уж тебя знал.

— Помилуй, брат, что ж у тебя за жидовское побуждение! Ты бы должен просто отдать мне их.

— Ну, послушай, чтоб доказать тебе, что я вовсе не какой-нибудь скалдырник, я не возьму за них ничего. Купи у меня жеребца, я тебе дам их в придачу.

— Помилуй, на что ж мне жеребец? — сказал Чичиков, изумленный в самом деле таким предложением.

— Как на что? да ведь я за него заплатил десять тысяч, а тебе отдаю за четыре.

— Да на что мне жеребец? завода я не держу.

— Да послушай, ты не понимаешь: ведь я с тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мне после.

— Да не нужен мне жеребец, Бог с ним!

— Ну, купи каурую кобылу.

— И кобылы не нужно.

— За кобылу и за серого коня, которого ты у меня видел, возьму я с тебя только две тысячи.

— Да не нужны мне лошади.

— Ты их продашь, тебе на первой ярмарке дадут за них втрое больше.

— Так уж лучше ж ты их сам продай, когда уверен, что выиграешь втрое.

— Я знаю, что выиграю, да мне хочется, чтобы и ты получил выгоду.

Чичиков поблагодарил за расположение и напрямик отказался и от серого коня и от каурой кобылы.

— Ну так купи собак. Я тебе продам такую пару, просто мороз по коже подирает! брудастая, с усами, шерсть стоит вверх, как щетина. Бочковатость ребр уму непостижимая, лапа вся в комке, земли не заденет.

— Да зачем мне собаки? я не охотник.

— Да мне хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если уж не хочешь собак, так купи у меня шарманку, чудная шарманка; самому, как честный человек, обошлась в полторы тысячи: тебе отдаю за девятьсот рублей.

— Да зачем же мне шарманка? Ведь я не немец, чтобы, тащася с ней по дорогам, выпрашивать деньги.

— Да ведь это не такая шарманка, как носят немцы. Это орган; посмотри нарочно: вся из красного дерева. Вот я тебе покажу ее еще! — Здесь Ноздрев, схвативши за руку Чичикова, стал тащить его в другую комнату, и как тот ни упирался ногами в пол и ни уверял, что он знает уже, какая шарманка, но должен был услышать еще раз, каким образом поехал в поход Мальбруг. — Когда ты не хочешь на деньги, так вот что, слушай: я тебе дам шарманку и все, сколько ни есть у меня, мертвые души, а ты мне дай свою бричку и триста рублей придачи.

— Ну вот еще, а я-то в чем поеду?

— Я тебе дам другую бричку. Вот пойдем в сарай, я тебе покажу ее! Ты ее только перекрасишь, и будет чудо бричка.

«Эк его неугомонный бес как обуял!» — подумал про себя Чичиков и решился во что бы то ни стало отделаться от всяких бричек, шарманок и всех возможных собак, несмотря на непостижимую уму бочковатость ребр и комкость лап.

— Да ведь бричка, шарманка и мертвые души, всё вместе!

— Не хочу, — сказал еще раз Чичиков.

— Отчего ж ты не хочешь?

— Оттого, что просто не хочу, да и полно.

— Экой ты, право, такой! с тобой, как я вижу, нельзя, как водится между хорошими друзьями и товарищами, такой, право!.. Сейчас видно, что двуличный человек!

— Да что же я, дурак, что ли? ты посуди сам: зачем же приобретать вещь, решительно для меня ненужную?

— Ну уж, пожалуйста, не говори. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалия! Ну, послушай, хочешь метнем банчик? Я поставлю всех умерших на карту, шарманку тоже.

— Ну, решаться в банк, значит подвергаться неизвестности, — говорил Чичиков и между тем взглянул искоса на бывшие в руках у него карты. Обе талии ему показались очень похожими на искусственные, и самый крап глядел весьма подозрительно.

— Отчего ж неизвестности? — сказал Ноздрев. — Никакой неизвестности! будь только на твоей стороне счастие, ты можешь выиграть чертову пропасть. Вон она! Экое счастье! — говорил он, начиная метать для возбуждения задору. — Экое счастье! экое счастье! вон: так и колотит! вот та проклятая девятка, на которой я всё просадил! Чувствовал, что продаст, да уже, зажмурив глаза, думаю себе: «Черт тебя побери, продавай, проклятая!»

Когда Ноздрев это говорил, Порфирий принес бутылку. Но Чичиков отказался решительно как играть, так и пить.

— Отчего ж ты не хочешь играть? — сказал Ноздрев.

— Ну оттого, что не расположен. Да, признаться сказать, я вовсе не охотник играть.

— Отчего ж не охотник?

Чичиков пожал плечами и прибавил:

— Потому что не охотник.

— Дрянь же ты!

— Что ж делать? так Бог создал.

— Фетюк просто! Я думал было прежде, что ты хоть сколько-нибудь порядочный человек, а ты никакого не понимаешь обращения. С тобой никак нельзя говорить, как с человеком близким... никакого прямодушия, ни искренности! совершенный Собакевич, такой подлец!

— Да за что же ты бранишь меня? Виноват разве я, что не играю? Продай мне душ одних, если уж ты такой человек, что дрожишь из-за этого вздору.

— Черта лысого получишь! хотел, было, даром хотел отдать, но теперь вот не получишь же! Хоть три царства давай, не отдам! Такой шильник, печник гадкий! С этих пор с тобой никакого дела

не хочу иметь. Порфирий, ступай скажи конюху, чтобы не давал овса лошадям его, пусть их едят одно сено.

Последнего заключения Чичиков никак не ожидал.

— Лучше б ты мне просто на глаза не показывался! — сказал Ноздрев.

Несмотря, однако ж, на такую размолвку, гость и хозяин поужинали вместе, хотя на этот раз не стояло на столе никаких вин с затейливыми именами. Торчала одна только бутылка с каким-то кипрским, которое было то, что называют кислятина во всех отношениях. После ужина Ноздрев сказал Чичикову, отведя его в боковую комнату, где была приготовлена для него постель:

— Вот тебе постель! Не хочу и доброй ночи желать тебе!

Чичиков остался по уходе Ноздрева в самом неприятном расположении духа. Он внутренне досадовал на себя, бранил себя за то, что к нему заехал и потерял даром время. Но еще более бранил себя за то, что заговорил с ним о деле, поступил неосторожно, как ребенок, как дурак: ибо дело совсем не такого роду, чтобы быть вверену Ноздреву... Ноздрев человек-дрянь, Ноздрев может наврать, прибавить, распустить черт знает что, выйдут еще какие-нибудь сплетни — нехорошо, нехорошо. «Просто дурак я», — говорил он сам себе. Ночь спал он очень дурно. Какие-то маленькие пребойкие насекомые кусали его нестерпимо больно, так что он всей горстью скреб по уязвленному месту, приговаривая: «А, чтоб вас черт побрал вместе с Ноздревым!» Проснулся он ранним утром. Первым делом его было, надевши халат и сапоги, отправиться через двор в конюшню приказать Селифану сей же час закладывать бричку. Возвращаясь через двор, он встретился с Ноздревым, который был также в халате, с трубкою в зубах.

Ноздрев приветствовал его по-дружески и спросил, каково ему спалось.

— Так себе, — отвечал Чичиков весьма сухо.

— А я, брат, — говорил Ноздрев, — такая мерзость лезла всю ночь, что гнусно рассказывать, и во рту после вчерашнего точно эскадрон переночевал. Представь: снилось, что меня высекли, ей-ей! и вообрази, кто? Вот ни за что не угадаешь: штабс-ротмистр Поцелуев вместе с Кувшинниковым.

«Да, — подумал про себя Чичиков, — хорошо бы, если б тебя отодрали наяву».

— Ей-Богу! да пребольно! Проснулся: черт возьми, в самом деле что-то почесывается, — верно, ведьмы блохи. Ну, ты ступай теперь одевайся, я к тебе сейчас приду. Нужно только ругнуть подлеца приказчика.

Чичиков ушел в комнату одеться и умыться. Когда после того вышел он в столовую, там уже стоял на столе чайный прибор с бутылкою рома. В комнате были следы вчерашнего обеда и ужина; кажется, половая щетка не притрогивалась вовсе. На полу валялись хлебные крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти. Сам хозяин, не замедливший скоро войти, ничего не имел у себя под халатом, кроме открытой груди, на которой росла какая-то борода. Держа в руке чубук и прихлебывая из чашки, он был очень хорош для живописца, не любящего страх господ прилизанных и завитых, подобно цирюльным вывескам, или выстриженных под гребенку.

— Ну, так как же думаешь? — сказал Ноздрев, немного помолчавши. — Не хочешь играть на души?

— Я уже сказал тебе, брат, что не играю; купить — изволь, куплю.

— Продать я не хочу, это будет не по-приятельски. Я не стану снимать плевы с черт знает чего. В банчик — другое дело. Прокинем хоть талию!

— Я уже сказал, что нет.

— А меняться не хочешь?

— Не хочу.

— Ну, послушай, сыграем в шашки, выиграешь — твои все. Ведь у меня много таких, которых нужно вычеркнуть из ревизии. Эй, Порфирий, принеси-ка сюда шашечницу.

— Напрасен труд, я не буду играть.

— Да ведь это не в банк; тут никакого не может быть счастия или фальши: все ведь от искусства; я даже тебя предваряю, что я совсем не умею играть, разве что-нибудь мне дашь вперед.

«Сем-ка я, — подумал про себя Чичиков, — сыграю с ним в шашки! В шашки игрывал я недурно, а на штуки ему здесь трудно подняться».

— Изволь, так и быть, в шашки сыграю.

— Души идут в ста рублях!

— Зачем же? довольно, если пойдут в пятидесяти.

— Нет, что ж за куш пятьдесят? Лучше ж в эту сумму я включу тебе какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку к часам.

— Ну, изволь! — сказал Чичиков.

— Сколько же ты мне дашь вперед? — сказал Ноздрев.

— Это с какой стати? Конечно, ничего.

— По крайней мере пусть будут мои два хода.

— Не хочу, я сам плохо играю.

— Знаем мы вас, как вы плохо играете! — сказал Ноздрев, выступая шашкой.

— Давненько не брал я в руки шашек! — говорил Чичиков, подвигая тоже шашку.

— Знаем мы вас, как вы плохо играете! — сказал Ноздрев, выступая шашкой.

— Давненько не брал я в руки шашек! — говорил Чичиков, подвигая шашку.

— Знаем мы вас, как вы плохо играете! — сказал Ноздрев, подвигая шашку, да в то же самое время подвинул обшлагом рукава и другую шашку.

— Давненько не брал я в руки!.. Э, э! это, брат, что? отсади-ка ее назад! — говорил Чичиков.

— Кого?

— Да шашку-то, — сказал Чичиков и в то же время увидел почти перед самым носом своим и другую, которая, как казалось, пробиралась в дамки; откуда она взялась, это один только Бог знал. — Нет, — сказал Чичиков, вставши из-за стола, — с тобой нет никакой возможности играть! Этак не ходят, по три шашки вдруг!

— Отчего же по три? Это по ошибке. Одна подвинулась нечаянно, я ее отодвину, изволь.

— А другая-то откуда взялась?

— Какая другая?

— А вот эта, что пробирается в дамки?

— Вот тебе на, будто не помнишь!

— Нет, брат, я все ходы считал и всё помню; ты ее только теперь пристроил. Ей место вон где!

— Как, где место? — сказал Ноздрев, покрасневши. — Да ты, брат, как я вижу, сочинитель!

— Нет, брат, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно.

— За кого ж ты меня почитаешь? — говорил Ноздрев. — Стану я разве плутовать?

— Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть с этих пор никогда не буду.

— Нет, ты не можешь отказаться, — говорил Ноздрев, горячась, — игра начата!

— Я имею право отказаться, потому что ты не так играешь, как прилично честному человеку.

— Нет, врешь, ты этого не можешь сказать!

— Нет, брат, сам ты врешь!

— Я не плутовал, а ты отказаться не можешь, ты должен кончить партию!

— Этого ты меня не заставишь сделать, — сказал Чичиков хладнокровно и, подошедши к доске, смешал шашки.

Ноздрев вспыхнул и подошел к Чичикову так близко, что тот отступил шага два назад.

— Я тебя заставлю играть! Это ничего, что ты смешал шашки, я помню все ходы. Мы их поставим опять так, как были.

— Нет, брат, дело кончено, я с тобою не стану играть.

— Так ты не хочешь играть?

— Ты сам видишь, что с тобою нет возможности играть.

— Нет, скажи напрямик, ты не хочешь играть? — говорил Ноздрев, подступая еще ближе.

— Не хочу! — сказал Чичиков и поднес, однако ж, обе руки на всякий случай поближе к лицу, ибо дело становилось в самом деле жарко.

Эта предосторожность была весьма у места, потому что Ноздрев размахнулся рукой... и очень бы могло статься, что одна из приятных и полных щек нашего героя покрылась бы несмываемым бесчестием; но, счастливо отведши удар, он схватил Ноздрева за обе задорные его руки и держал его крепко.

— Порфирий, Павлушка! — кричал Ноздрев в бешенстве, порываясь вырваться.

Услыша эти слова, Чичиков, чтобы не сделать дворовых людей свидетелями соблазнительной сцены, и вместе с тем чувствуя, что держать Ноздрева было бесполезно, выпустил его руки. В это самое время вошел Порфирий и с ним Павлушка, парень дюжий, с которым иметь дело было совсем невыгодно.

— Так ты не хочешь оканчивать партии? — говорил Ноздрев. — Отвечай мне напрямик!

— Партии нет возможности оканчивать, — говорил Чичиков и заглянул в окно. Он увидел свою бричку, которая стояла совсем готовая, а Селифан ожидал, казалось, мановения, чтобы подкатить под крыльцо, но из комнаты не было никакой возможности выбраться: в дверях стояли два дюжих крепостных дурака.

— Так ты не хочешь доканчивать партии? — повторил Ноздрев с лицом, горевшим, как в огне.

— Если б ты играл, как прилично честному человеку. Но теперь не могу.

— А! так ты не можешь, подлец! когда увидел, что не твоя берет, так и не можешь! Бейте его! — кричал он исступленно, обратившись к Порфирию и Павлушке, а сам схватил в руку черешневый чубук. Чичиков стал бледен как полотно. Он хотел что-то сказать, но чувствовал, что губы его шевелились без звука.

— Бейте его! — кричал Ноздрев, порываясь вперед с черешневым чубуком, весь в жару, в поту, как будто подступал под неприступную крепость. — Бейте его! — кричал он таким же голосом, как во время великого приступа кричит своему взводу: «Ребята, вперед!» — какой-нибудь отчаянный поручик, которого взбалмошная храбрость уже приобрела такую известность, что дается нарочный приказ держать его за руки во время горячих дел. Но поручик уже почувствовал бранный задор, все пошло кругом в голове его; перед ним носится Суворов, он лезет на великое дело. «Ребята, вперед!» — кричит он, порываясь, не помышляя, что вредит уже обдуманному плану общего приступа, что миллионы ружейных дул выставились в амбразуры неприступных, уходящих за облака крепостных стен, что взлетит, как пух, на воздух его бессильный взвод и что уже свищет роковая пуля, готовясь захлопнуть его крикливую глотку. Но если Ноздрев выразил собою подступившего под крепость отчаянного, потерявшегося

поручика, то крепость, на которую он шел, никак не была похожа на неприступную. Напротив, крепость чувствовала такой страх, что душа ее спряталась в самые пятки. Уже стул, которым он вздумал было защищаться, был вырван крепостными людьми из рук его, уже, зажмурив глаза, ни жив ни мертв, он готовился отведать черкесского чубука своего хозяина, и Бог знает чего бы ни случилось с ним; но судьбам угодно было спасти бока, плеча и все благовоспитанные части нашего героя. Неожиданным образом звякнули вдруг, как с облаков, задребезжавшие звуки колокольчика, раздался ясно стук колес подлетевшей к крыльцу телеги, и отозвались даже в самой комнате тяжелый храп и тяжкая одышка разгоряченных коней остановившейся тройки. Все невольно глянули в окно: кто-то, с усами, в полувоенном сюртуке, вылезал из телеги. Осведомившись в передней, вошел он в ту самую минуту, когда Чичиков не успел еще опомниться от своего страха и был в самом жалком положении, в каком когда-либо находился смертный.

— Позвольте узнать, кто здесь господин Ноздрев? — сказал незнакомец, посмотревши в некотором недоумении на Ноздрева, который стоял с чубуком в руке, и на Чичикова, который едва начинал оправляться от своего невыгодного положения.

— Позвольте прежде узнать, с кем имею честь говорить? — сказал Ноздрев, подходя к нему ближе.

— Капитан-исправник.

— А что вам угодно?

— Я приехал вам объявить сообщенное мне извещение, что вы находитесь под судом до времени окончания решения по вашему делу.

— Что за вздор, по какому делу? — сказал Ноздрев.

— Вы были замешаны в историю, по случаю нанесения помещику Максимову личной обиды розгами в пьяном виде.

— Вы врете! я и в глаза не видал помещика Максимова!

— Милостивый государь! позвольте вам доложить, что я офицер. Вы можете это сказать вашему слуге, а не мне!

Здесь Чичиков, не дожидаясь, что будет отвечать на это Ноздрев, скорее за шапку да по-за спиною капитана-исправника выскользнул на крыльцо, сел в бричку и велел Селифану погонять лошадей во весь дух.

Глава пятая

Герой наш трухнул, однако ж, порядком. Хотя бричка мчалась во всю пропалую и деревня Ноздрева давно унеслась из вида, закрывшись полями, отлогостями и пригорками, но он все еще поглядывал назад со страхом, как бы ожидая, что вот-вот налетит погоня. Дыхание его переводилось с трудом, и когда он попробовал приложить руку к сердцу, то почувствовал, что оно билось, как перепелка в клетке. «Эк какую баню задал! смотри ты какой!» Тут много было посулено Ноздреву всяких нелегких и сильных желаний; попались даже и нехорошие слова. Что ж делать? Русский человек, да еще и в сердцах. К тому ж дело было совсем нешуточное. «Что ни говори, — сказал он сам в себе, — а не подоспей капитан-исправник, мне бы, может быть, не далось бы более и на свет Божий взглянуть! Пропал бы, как волдырь на воде, без всякого следа, не оставивши потомков, не доставив будущим детям ни состояния, ни честного имени!» Герой наш очень заботился о своих потомках.

«Экой скверный барин! — думал про себя Селифан. — Я еще не видал такого барина. То есть плюнуть бы ему за это! Ты лучше человеку не дай есть, а коня ты должен накормить, потому что конь любит овес. Это его продовольство: что, примером, нам кошт, то для него овес, он его продовольство».

Кони тоже, казалось, думали невыгодно об Ноздреве: не только гнедой и Заседатель, но и сам чубарый был не в духе. Хотя ему на часть и доставался всегда овес похуже и Селифан не иначе всыпал ему в корыто, как сказавши прежде: «Эх ты, подлец!» — но, однако ж, это все-таки был овес, а не простое сено, он жевал его с удовольствием и часто засовывал длинную морду свою в корытца к товарищам поотведать, какое у них было продовольствие, особливо когда Селифана не было в конюшне, но теперь одно сено... нехорошо; все были недовольны.

Но скоро все недовольные были прерваны среди излияний своих внезапным и совсем неожиданным образом. Все, не исключая и самого кучера, опомнились и очнулись только тогда, когда на них наскакала коляска с шестериком коней и почти над головами их раздалися крик сидевших в коляске дам, брань и угрозы чужого кучера: «Ах ты мошенник эдакой; ведь я тебе кричал

в голос: сворачивай, ворона, направо! Пьян ты, что ли?» Селифан почувствовал свою оплошность, но так как русский человек не любит сознаться перед другим, что он виноват, то тут же вымолвил он, приосанясь: «А ты что так расскакался? глаза-то свои в кабаке заложил, что ли?» Вслед за сим он принялся отсаживать назад бричку, чтобы высвободиться таким образом из чужой упряжи, но не тут-то было, все перепуталось. Чубарый с любопытством обнюхивал новых своих приятелей, которые очутились по обеим сторонам его. Между тем сидевшие в коляске дамы глядели на все это с выражением страха в лицах. Одна была старуха, другая молоденькая, шестнадцатилетняя, с золотистыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головке. Хорошенький овал лица ее круглился, как свеженькое яичко, и, подобно ему, белел какою-то прозрачною белизною, когда свежее, только что снесенное, оно держится против света в смуглых руках испытующей его ключницы и пропускает сквозь себя лучи сияющего солнца; ее тоненькие ушки также сквозили, рдея проникавшим их теплым светом. При этом испуг в открытых, остановившихся устах, на глазах слезы — все это в ней было так мило, что герой наш глядел на нее несколько минут, не обращая никакого внимания на происшедшую кутерьму между лошадьми и кучерами. «Отсаживай, что ли, нижегородская ворона!» — кричал чужой кучер. Селифан потянул поводья назад, чужой кучер сделал то же, лошади несколько попятились назад и потом опять сшиблись, переступивши постромки. При этом обстоятельстве чубарому коню так понравилось новое знакомство, что он никак не хотел выходить из колеи, в которую попал непредвиденными судьбами, и, положивши свою морду на шею своего нового приятеля, казалось, что-то нашептывал ему в самое ухо, вероятно, чепуху страшную, потому что приезжий беспрестанно встряхивал ушами.

На такую сумятицу успели, однако ж, собраться мужики из деревни, которая была, к счастию, неподалеку. Так как подобное зрелище для мужика сущая благодать, все равно что для немца газеты или клуб, то скоро около экипажа накопилась их бездна, и в деревне остались только старые бабы да малые ребята. Постромки отвязали; несколько тычков чубарому коню в морду заставили его попятиться; словом, их разрознили и развели.

Но досада ли, которую почувствовали приезжие кони за то, что разлучили их с приятелями, или просто дурь, только, сколько ни хлыстал их кучер, они не двигались и стояли как вкопанные. Участие мужиков возросло до невероятной степени. Каждый наперерыв совался с советом: «Ступай, Андрюшка, проведи-ка ты пристяжного, что с правой стороны, а дядя Митяй пусть сядет верхом на коренного! Садись, дядя Митяй!» Сухощавый и длинный дядя Митяй с рыжей бородой взобрался на коренного коня и сделался похожим на деревенскую колокольню, или, лучше, на крючок, которым достают воду в колодцах. Кучер ударил по лошадям, но не тут-то было, ничего не пособил дядя Митяй. «Стой, стой! — кричали мужики. — Садись-ка ты, дядя Митяй, на пристяжную, а на коренную пусть сядет дядя Миняй!» Дядя Миняй, широкоплечий мужик с черною как уголь бородою и брюхом, похожим на тот исполинский самовар, в котором варится сбитень для всего прозябнувшего рынка, с охотою сел на коренного, который чуть не пригнулся под ним до земли. «Теперь дело пойдет! — кричали мужики. — Накаливай, накаливай его! пришпандорь кнутом вон того, того, солового, что он корячится, как корамора!»[1] Но, увидевши, что дело не шло и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и дядя Миняй сели оба на коренного, а на пристяжного посадили Андрюшку. Наконец, кучер, потерявши терпение, прогнал и дядю Митяя и дядю Миняя, и хорошо сделал, потому что от лошадей пошел такой пар, как будто бы они отхватали не переводя духа станцию. Он дал им минуту отдохнуть, после чего они пошли сами собою. Во все продолжение этой проделки Чичиков глядел очень внимательно на молоденькую незнакомку. Он пытался несколько раз с нею заговорить, но как-то не пришлось так. А между тем дамы уехали, хорошенькая головка с тоненькими чертами лица и тоненьким станом скрылась, как что-то похожее на виденье, и опять осталась дорога, бричка, тройка знакомых читателю лошадей, Селифан, Чичиков, гладь и пустота окрестных полей. Везде, где бы ни было в жизни, среди ли черствых, шероховато-бедных и неопрятно-плеснеющих низменных

[1] *Корамора — большой, длинный, вялый комар; иногда залетает в комнату и торчит где-нибудь одиночкой на стене. К нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, в ответ на что он только топырится или корячится, как говорит народ.*

рядов ее, или среди однообразно-хладных и скучно-опрятных сословий высших, везде хоть раз встретится на пути человеку явленье, не похожее на все то, что случалось ему видеть дотоле, которое хоть раз пробудит в нем чувство, не похожее на те, которые суждено ему чувствовать всю жизнь. Везде поперек каким бы ни было печалям, из которых плетется жизнь наша, весело промчится блистающая радость, как иногда блестящий экипаж с золотой упряжью, картинными конями и сверкающим блеском стекол вдруг неожиданно пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бедной деревушки, не видавшей ничего, кроме сельской телеги, и долго мужики стоят, зевая, с открытыми ртами, не надевая шапок, хотя давно уже унесся и пропал из виду дивный экипаж. Так и блондинка тоже вдруг совершенно неожиданным образом показалась в нашей повести и так же скрылась. Попадись на ту пору вместо Чичикова какой-нибудь двадцатилетний юноша, гусар ли он, студент ли он, или просто только что начавший жизненное поприще, — и, Боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило в нем! Долго бы стоял он бесчувственно на одном месте, вперивши бессмысленно очи в даль, позабыв и дорогу, и все ожидающие впереди выговоры, и распеканья за промедление, позабыв и себя, и службу, и мир, и все, что ни есть в мире.

Но герой наш уже был средних лет и осмотрительно-охлажденного характера. Он тоже задумался и думал, но положительнее, не так безотчетны и даже отчасти очень основательны были его мысли. «Славная бабешка! — сказал он, открывши табакерку и понюхавши табаку. — Но ведь что, главное, в ней хорошо? Хорошо то, что она сейчас только, как видно, выпущена из какого-нибудь пансиона или института, что в ней, как говорится, нет еще ничего бабьего, то есть именно того, что у них есть самого неприятного. Она теперь как дитя, все в ней просто, она скажет, что ей вздумается, засмеется, где захочет засмеяться. Из нее все можно сделать, она может быть чудо, а может выйти и дрянь, и выйдет дрянь! Вот пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. В один год так ее наполнят всяким бабьем, что сам родной отец не узнает. Откуда возьмется и надутость, и чопорность, станет ворочаться по вытверженным наставлениям, станет ломать голову и придумывать, с кем, и как, и сколько нужно

говорить, как на кого смотреть, всякую минуту будет бояться, чтобы не сказать больше, чем нужно, запутается наконец сама, и кончится тем, что станет наконец врать всю жизнь, и выдет просто черт знает что!» Здесь он несколько времени помолчал и потом прибавил: «А любопытно бы знать, чьих она? что, как ее отец? богатый ли помещик почтенного нрава, или просто благомыслящий человек с капиталом, приобретенным на службе? Ведь если, положим, этой девушке да придать тысячонок двести приданого, из нее бы мог выйти очень, очень лакомый кусочек. Это бы могло составить, так сказать, счастье порядочного человека». Двести тысячонок так привлекательно стали рисоваться в голове его, что он внутренне начал досадовать на самого себя, зачем в продолжение хлопотни около экипажей не разведал от форейтора или кучера, кто такие были проезжающие. Скоро, однако ж, показавшаяся деревня Собакевича рассеяла его мысли и заставила их обратиться к своему постоянному предмету.

Деревня показалась ему довольно велика; два леса, березовый и сосновый, как два крыла, одно темнее, другое светлее, были у ней справа и слева; посреди виднелся деревянный дом с мезонином, красной крышей и темно-серыми или, лучше, дикими стенами, — дом вроде тех, как у нас строят для военных поселений и немецких колонистов. Было заметно, что при постройке его зодчий беспрестанно боролся со вкусом хозяина. Зодчий был педант и хотел симметрии, хозяин — удобства и, как видно, вследствие того заколотил на одной стороне все отвечающие окна и провертел на место их одно маленькое, вероятно понадобившееся для темного чулана. Фронтон тоже никак не пришелся посреди дома, как ни бился архитектор, потому что хозяин приказал одну колонну сбоку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, как было назначено, а только три. Двор окружен был крепкою и непомерно толстою деревянною решеткой. Помещик, казалось, хлопотал много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновесные и толстые бревна, определенные на вековое стояние. Деревенские избы мужиков тож срублены были на диво: не было кирчёных стен, резных узоров и прочих затей, но все было пригнано плотно и как следует. Даже колодец был обделан в такой крепкий дуб, какой идет только на мельницы да на корабли. Словом,

все, на что ни глядел он, было упористо, без пошатки, в каком-то крепком и неуклюжем порядке. Подъезжая к крыльцу, заметил он выглянувшие из окна почти в одно время два лица: женское, в чепце, узкое, длинное, как огурец, и мужское, круглое, широкое, как молдаванские тыквы, называемые горлянками, из которых делают на Руси балалайки, двухструнные легкие балалайки, красу и потеху ухватливого двадцатилетнего парня, мигача и щеголя, и подмигивающего, и посвистывающего на белогрудых и белошейных девиц, собравшихся послушать его тихострунного треньканья. Выглянувши, оба лица в ту же минуту спрятались. На крыльцо вышел лакей в серой куртке с голубым стоячим воротником и ввел Чичикова в сени, куда вышел уже сам хозяин. Увидев гостя, он сказал отрывисто: «Прошу!» — и повел его во внутренние жилья.

Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя. Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступал он и вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги. Цвет лица имел каленый, горячий, какой бывает на медном пятаке. Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: напильников, буравчиков и прочего, но просто рубила со всего плеча: хватила топором раз — вышел нос, хватила в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свет, сказавши: «Живет!» Такой же самый крепкий и на диво стаченный образ был у Собакевича: держал он его более вниз, чем вверх, шеей не ворочал вовсе и в силу такого неповорота редко глядел на того, с которым говорил, но всегда или на угол печки, или на дверь. Чичиков еще раз взглянул на него искоса, когда проходили они столовую: медведь! совершенный медведь! Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михаилом Семеновичем. Зная привычку его наступать на ноги, он очень осторожно передвигал своими и давал ему дорогу вперед. Хозяин, казалось, сам чувствовал за собою этот грех и тот же час спросил: «Не побеспокоил ли я вас?» Но Чичиков поблагодарил, сказав, что еще не произошло никакого беспокойства.

Вошед в гостиную, Собакевич показал на кресла, сказавши опять: «Прошу!» Садясь, Чичиков взглянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах всё были молодцы, всё греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Миаули, Канари. Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу. Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, поместился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках. Потом опять следовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех щеголей, которые наполняют нынешние гостиные. Хозяин, будучи сам человек здоровый и крепкий, казалось, хотел, чтобы и комнату его украшали тоже люди крепкие и здоровые. Возле Бобелины, у самого окна, висела клетка, из которой глядел дрозд темного цвета с белыми крапинками, очень похожий тоже на Собакевича. Гость и хозяин не успели помолчать двух минут, как дверь в гостиной отворилась и вошла хозяйка, дама весьма высокая, в чепце с лентами, перекрашенными домашнею краскою. Вошла она степенно, держа голову прямо, как пальма.

— Это моя Феодулия Ивановна! — сказал Собакевич.

Чичиков подошел к ручке Феодулии Ивановны, которую она почти впихнула ему в губы, причем он имел случай заметить, что руки были вымыты огуречным рассолом.

— Душенька, рекомендую тебе, — продолжал Собакевич, — Павел Иванович Чичиков! У губернатора и почтмейстера имел честь познакомиться.

Феодулия Ивановна попросила садиться, сказавши тоже: «Прошу!» — и сделав движение головою, подобно актрисам, представляющим королев. Затем она уселась на диване, накрылась своим мериносовым платком и уже не двигнула более ни глазом, ни бровью.

Чичиков опять поднял глаза вверх и опять увидел Канари с толстыми ляжками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда в клетке.

Почти в течение целых пяти минут все хранили молчание; раздавался только стук, производимый носом дрозда о дерево

деревянной клетки, на дне которой удил он хлебные зернышки. Чичиков еще раз окинул комнату, и все, что в ней ни было, — все было прочно, неуклюже в высочайшей степени и имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома; в углу гостиной стояло пузатое ореховое бюро на пренелепых четырех ногах, совершенный медведь. Стол, кресла, стулья — все было самого тяжелого и беспокойного свойства, — словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: «И я тоже Собакевич!» или: «И я тоже очень похож на Собакевича!»

— Мы об вас вспоминали у председателя палаты, у Ивана Григорьевича, — сказал наконец Чичиков, видя, что никто не располагается начинать разговора, — в прошедший четверг. Очень приятно провели там время.

— Да, я не был тогда у председателя, — отвечал Собакевич.

— А прекрасный человек!

— Кто такой? — сказал Собакевич, глядя на угол печи.

— Председатель.

— Ну, может быть, это вам так показалось: он только что масон, а такой дурак, какого свет не производил.

Чичиков немного озадачился таким отчасти резким определением, но потом, поправившись, продолжал:

— Конечно, всякий человек не без слабостей, но зато губернатор какой превосходный человек!

— Губернатор превосходный человек?

— Да, не правда ли?

— Первый разбойник в мире!

— Как, губернатор разбойник? — сказал Чичиков и совершенно не мог понять, как губернатор мог попасть в разбойники. — Признаюсь, этого я бы никак не подумал, — продолжал он. — Но позвольте, однако же, заметить: поступки его совершенно не такие, напротив, скорее даже мягкости в нем много. — Тут он привел в доказательство даже кошельки, вышитые его собственными руками, и отозвался с похвалою об ласковом выражении лица его.

— И лицо разбойничье! — сказал Собакевич. — Дайте ему только нож да выпустите на большую дорогу — зарежет, за копейку зарежет! Он да еще вице-губернатор — это Гога и Магога!

«Нет, он с ними не в ладах, — подумал про себя Чичиков. — А вот заговорю я с ним о полицеймейстере: он, кажется, друг его».

— Впрочем, что до меня, — сказал он, — мне, признаюсь, более всех нравится полицеймейстер. Какой-то этакой характер прямой, открытый; в лице видно что-то простосердечное.

— Мошенник! — сказал Собакевич очень хладнокровно, — продаст, обманет, еще и пообедает с вами! Я их знаю всех: это всё мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья.

После таких похвальных, хотя несколько кратких биографий Чичиков увидел, что о других чиновниках нечего упоминать, и вспомнил, что Собакевич не любил ни о ком хорошо отзываться.

— Что ж, душенька, пойдем обедать, — сказала Собакевичу его супруга.

— Прошу! — сказал Собакевич.

Засим, подошедши к столу, где была закуска, гость и хозяин выпили как следует по рюмке водки, закусили, как закусывает вся пространная Россия по городам и деревням, то есть всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли все в столовую; впереди их, как плавный гусь, понеслась хозяйка. Небольшой стол был накрыт на четыре прибора. На четвертое место явилась очень скоро, трудно сказать утвердительно, кто такая, дама или девица, родственница, домоводка или просто проживающая в доме: что-то без чепца, около тридцати лет, в пестром платке. Есть лица, которые существуют на свете не как предмет, а как посторонние крапинки или пятнышки на предмете. Сидят они на том же месте, одинаково держат голову, их почти готов принять за мебель и думаешь, что отроду еще не выходило слово из таких уст; а где-нибудь в девичьей или в кладовой окажется просто: ого-го!

— Щи, моя душа, сегодня очень хороши! — сказал Собакевич, хлебнувши щей и отваливши себе с блюда огромный кусок няни, известного блюда, которое подается к щам и состоит из бараньего желудка, начиненного гречневой кашей, мозгом

и ножками. — Эдакой няни, — продолжал он, обратившись к Чичикову, — вы не будете есть в городе, там вам черт знает что подадут!

— У губернатора, однако ж, недурен стол, — сказал Чичиков.

— Да знаете ли, из чего это все готовится? вы есть не станете, когда узнаете.

— Не знаю, как приготовляется, об этом я не могу судить, но свиные котлеты и разварная рыба были превосходны.

— Это вам так показалось. Ведь я знаю, что они на рынке покупают. Купит вон тот каналья повар, что выучился у француза, кота, обдерет его, да и подает на стол вместо зайца.

— Фу! какую ты неприятность говоришь, — сказала супруга Собакевича.

— А что ж, душенька, так у них делается, я не виноват, так у них у всех делается. Все что ни есть ненужного, что Акулька у нас бросает, с позволения сказать, в помойную лохань, они его в суп! да в суп! туда его!

— Ты за столом всегда эдакое расскажешь! — возразила опять супруга Собакевича.

— Что ж, душа моя, — сказал Собакевич, — если б я сам это делал, но я тебе прямо в глаза скажу, что я гадостей не стану есть. Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа. Возьмите барана, — продолжал он, обращаясь к Чичикову, — это бараний бок с кашей! Это не те фрикасе, что делаются на барских кухнях из баранины, какая суток по четыре на рынке валяется! Это все выдумали доктора немцы да французы, я бы их перевешал за это! Выдумали диету, лечить голодом! Что у них немецкая жидкостная натура, так они воображают, что и с русским желудком сладят! Нет, это все не то, это всё выдумки, это всё... — Здесь Собакевич даже сердито покачал головою. — Толкуют: просвещенье, просвещенье, а это просвещенье — фук! Сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично. У меня не так. У меня когда свинина — всю свинью давай на стол, баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся! Лучше я съем двух блюд, да съем в меру, как душа требует. — Собакевич подтвердил это делом: он опрокинул половину бараньего бока к себе на тарелку, съел все,

обгрыз, обсосал до последней косточки. «Да, — подумал Чичиков, — у этого губа не дура».

— У меня не так, — говорил Собакевич, вытирая салфеткою руки, — у меня не так, как у какого-нибудь Плюшкина: восемьсот душ имеет, а живет и обедает хуже моего пастуха!

— Кто такой этот Плюшкин? — спросил Чичиков.

— Мошенник, — отвечал Собакевич. — Такой скряга, какого вообразить трудно. В тюрьме колодники лучше живут, чем он: всех людей переморил голодом.

— Вправду! — подхватил с участием Чичиков. — И вы говорите, что у него, точно, люди умирают в большом количестве?

— Как мухи мрут.

— Неужели как мухи! А позвольте спросить, как далеко живет он от вас?

— В пяти верстах.

— В пяти верстах! — воскликнул Чичиков и даже почувствовал небольшое сердечное биение. — Но если выехать из ваших ворот, это будет направо или налево?

— Я вам даже не советую дороги знать к этой собаке! — сказал Собакевич. — Извинительней сходить в какое-нибудь непристойное место, чем к нему.

— Нет, я спросил не для каких-либо, а потому только, что интересуюсь познанием всякого рода мест, — отвечал на это Чичиков.

За бараньим боком последовали ватрушки, из которых каждая была гораздо больше тарелки, потом индюк ростом в теленка, набитый всяким добром: яйцами, рисом, печенками и невесть чем, что все ложилось комом в желудке. Этим обед и кончился; но когда встали из-за стола, Чичиков почувствовал в себе тяжести на целый пуд больше. Пошли в гостиную, где уже очутилось на блюдечке варенье — ни груша, ни слива, ни иная ягода, до которого, впрочем, не дотронулись ни гость, ни хозяин. Хозяйка вышла, с тем чтобы накласть его и на другие блюдечки. Воспользовавшись ее отсутствием, Чичиков обратился к Собакевичу, который, лежа в креслах, только покряхтывал после такого сытного обеда и издавал ртом какие-то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою. Чичиков обратился к нему с такими словами:

— Я хотел было поговорить с вами об одном дельце.

— Вот еще варенье, — сказала хозяйка, возвращаясь с блюдечком, — редька, варенная в меду!

— А вот мы его после! — сказал Собакевич. — Ты ступай теперь в свою комнату, мы с Павлом Ивановичем скинем фраки, маленько приотдохнем!

Хозяйка уже изъявила было готовность послать за пуховиками и подушками, но хозяин сказал: «Ничего, мы отдохнем в креслах», — и хозяйка ушла.

Собакевич слегка принагнул голову, приготовляясь слышать, в чем было дельце.

Чичиков начал как-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русского государства и отозвался с большою похвалою об его пространстве, сказал, что даже самая древняя римская монархия не была так велика, и иностранцы справедливо удивляются... Собакевич все слушал, наклонивши голову. И что по существующим положениям этого государства, в славе которому нет равного, ревизские души, окончивши жизненное поприще, числятся, однако ж, до подачи новой ревизской сказки наравне с живыми, чтоб таким образом не обременить присутственные места множеством мелочных и бесполезных справок и не увеличить сложность и без того уже весьма сложного государственного механизма... Собакевич все слушал, наклонивши голову, — и что, однако же, при всей справедливости этой меры она бывает отчасти тягостна для многих владельцев, обязывая их взносить подати так, как бы за живой предмет, и что он, чувствуя уважение личное к нему, готов бы даже отчасти принять на себя эту действительно тяжелую обязанность. Насчет главного предмета Чичиков выразился очень осторожно: никак не назвал души умершими, а только несуществующими.

Собакевич слушал все по-прежнему, нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь похожее на выражение показалось на лице его. Казалось, в этом теле совсем не было души, или она у него была, но вовсе не там, где следует, а, как у бессмертного Кощея, где-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на дне ее, не производило решительно никакого потрясения на поверхности.

— Итак?.. — сказал Чичиков, ожидая не без некоторого волнения ответа.

— Вам нужно мертвых душ? — спросил Собакевич очень просто, без малейшего удивления, как бы речь шла о хлебе.

— Да, — отвечал Чичиков и опять смягчил выражение, прибавивши, — несуществующих.

— Найдутся, почему не быть... — сказал Собакевич.

— А если найдутся, то вам, без сомнения... будет приятно от них избавиться?

— Извольте, я готов продать, — сказал Собакевич, уже несколько приподнявши голову и смекнувши, что покупщик, верно, должен иметь здесь какую-нибудь выгоду.

«Черт возьми, — подумал Чичиков про себя, — этот уж продает прежде, чем я заикнулся!» — и проговорил вслух:

— А, например, как же цена?.. хотя, впрочем, это такой предмет... что о цене даже странно...

— Да чтобы не запрашивать с вас лишнего, по сту рублей за штуку! — сказал Собакевич.

— По сту! — вскричал Чичиков, разинув рот и поглядевши ему в самые глаза, не зная, сам ли он ослышался, или язык Собакевича по своей тяжелой натуре, не так поворотившись, брякнул вместо одного другое слово.

— Что ж, разве это для вас дорого? — произнес Собакевич и потом прибавил: — А какая бы, однако ж, ваша цена?

— Моя цена! Мы, верно, как-нибудь ошиблись или не понимаем друг друга, позабыли, в чем состоит предмет. Я полагаю с своей стороны, положа руку на сердце: по восьми гривен за душу, это самая красная цена!

— Эк куда хватили — по восьми гривенок!

— Что ж, по моему суждению, как я думаю, больше нельзя.

— Ведь я продаю не лапти.

— Однако ж согласитесь сами: ведь это тоже и не люди.

— Так вы думаете, сыщете такого дурака, который бы вам продал по двугривенному ревизскую душу?

— Но позвольте: зачем вы их называете ревизскими, ведь души-то самые давно уже умерли, остался один неосязаемый чувствами звук. Впрочем, чтобы не входить в дальнейшие разговоры по этой части, по полтора рубля, извольте, дам, а больше не могу.

— Стыдно вам и говорить такую сумму! вы торгуйтесь, говорите настоящую цену!

— Не могу, Михаил Семенович, поверьте моей совести, не могу: чего уж невозможно сделать, того невозможно сделать, — говорил Чичиков, однако ж по полтинке еще прибавил.

— Да чего вы скупитесь? — сказал Собакевич. — Право, недорого! Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души, а у меня что ядреный орех, все на отбор: не мастеровой, так иной какой-нибудь здоровый мужик. Вы рассмотрите: вот, например, каретник Михеев! ведь больше никаких экипажей и не делал, как только рессорные. И не то как бывает московская работа, что на один час, — прочность такая, сам и обобьет, и лаком покроет!

Чичиков открыл рот, с тем чтобы заметить, что Михеева, однако же, давно нет на свете; но Собакевич вошел, как говорится, в самую силу речи, откуда взялась рысь и дар слова.

— А Пробка Степан, плотник? я голову прозакладую, если вы где сыщете такого мужика. Ведь что за силища была! Служи он в гвардии, ему бы Бог знает что дали, трех аршин с вершком ростом!

Чичиков опять хотел заметить, что и Пробки нет на свете; но Собакевича, как видно, пронесло: полились такие потоки речей, что только нужно было слушать:

— Милушкин, кирпичник! мог поставить печь в каком угодно доме. Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнет, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо, и хоть бы в рот хмельного. А Еремей Сорокоплёхин! да этот мужик один станет за всех, в Москве торговал, одного оброку приносил по пятисот рублей. Ведь вот какой народ! Это не то, что вам продаст какой-нибудь Плюшкин.

— Но позвольте, — сказал наконец Чичиков, изумленный таким обильным наводнением речей, которым, казалось, и конца не было, — зачем вы исчисляете все их качества, ведь в них толку теперь нет никакого, ведь это всё народ мертвый. Мертвым телом хоть забор подпирай, говорит пословица.

— Да, конечно, мертвые, — сказал Собакевич, как бы одумавшись и припомнив, что они в самом деле были уже мертвые, а потом прибавил: — Впрочем, и то сказать: что из этих людей, которые числятся теперь живущими? Что это за люди? мухи, а не люди.

— Да всё же они существуют, а это ведь мечта.

— Ну нет, не мечта! Я вам доложу, каков был Михеев, так вы таких людей не сыщете: машинища такая, что в эту комнату не войдет; нет, это не мечта! А в плечищах у него была такая силища, какой нет у лошади; хотел бы я знать, где бы вы в другом месте нашли такую мечту!

Последние слова он уже сказал, обратившись к висевшим на стене портретам Багратиона и Колокотрони, как обыкновенно случается с разговаривающими, когда один из них вдруг, неизвестно почему, обратится не к тому лицу, к которому относятся слова, а к какому-нибудь нечаянно пришедшему третьему, даже вовсе незнакомому, от которого, знает, что не услышит ни ответа, ни мнения, ни подтверждения, но на которого, однако ж, так устремит взгляд, как будто призывает его в посредники; и несколько смешавшийся в первую минуту незнакомец не знает, отвечать ли ему на то дело, о котором ничего не слышал, или так постоять, соблюдши надлежащее приличие, и потом уже уйти прочь.

— Нет, больше двух рублей я не могу дать, — сказал Чичиков.

— Извольте, чтоб не претендовали на меня, что дорого запрашиваю и не хочу сделать вам никакого одолжения, извольте — по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнациями, право, только для знакомства!

«Что он в самом деле, — подумал, про себя Чичиков, — за дурака, что ли, принимает меня?» — и прибавил потом вслух:

— Мне странно, право: кажется, между нами происходит какое-то театральное представление или комедия, иначе я не могу себе объяснить... Вы, кажется, человек довольно умный, владеете сведениями образованности. Ведь предмет просто фуфу. Что ж он стоит? кому нужен?

— Да вот вы же покупаете, стало быть нужен.

Здесь Чичиков закусил губу и не нашелся, что отвечать. Он стал было говорить про какие-то обстоятельства фамильные и семейственные, но Собакевич отвечал просто:

— Мне не нужно знать, какие у вас отношения; я в дела фамильные не мешаюсь, это ваше дело. Вам понадобились души, я и продаю вам, и будете раскаиваться, что не купили.

— Два рублика, — сказал Чичиков.

— Эк, право, затвердила сорока Якова одно про всякого, как говорит пословица; как наладили на два, так не хотите с них и съехать. Вы давайте настоящую цену!

«Ну, уж черт его побери, — подумал про себя Чичиков, — по полтине ему прибавлю, собаке, на орехи!»

— Извольте, по полтине прибавлю.

— Ну, извольте, и я вам скажу тоже мое последнее слово: пятьдесят рублей! право, убыток себе, дешевле нигде не купите такого хорошего народа!

«Экой кулак!» — сказал про себя Чичиков и потом продолжал вслух с некоторою досадою:

— Да что в самом деле... как будто точно сурьезное дело; да я в другом месте нипочем возьму. Еще мне всякий с охотой сбудет их, чтобы только поскорей избавиться. Дурак разве станет держать их при себе и платить за них подати!

— Но знаете ли, что такого рода покупки, я это говорю между нами, по дружбе, не всегда позволительны, и расскажи я или кто иной — такому человеку не будет никакой доверенности относительно контрактов или вступления в какие-нибудь выгодные обязательства.

«Вишь, куды метит, подлец!» — подумал Чичиков и тут же произнес с самым хладнокровным видом:

— Как вы себе хотите, я покупаю не для какой-либо надобности, как вы думаете, а так, по наклонности собственных мыслей. Два с полтиною не хотите — прощайте!

«Его не собьешь, неподатлив!» — подумал Собакевич.

— Ну, Бог с вами, давайте по тридцати и берите их себе!

— Нет, я вижу, вы не хотите продать, прощайте!

— Позвольте, позвольте! — сказал Собакевич, не выпуская его руки и наступив ему на ногу, ибо герой наш позабыл поберечься, в наказанье за что должен был зашипеть и подскочить на одной ноге.

— Прошу прощенья! я, кажется, вас побеспокоил. Пожалуйте, садитесь сюда! Прошу! — Здесь он усадил его в кресла с некоторою даже ловкостию, как такой медведь, который уже побывал в руках, умеет и перевертываться, и делать разные штуки на вопросы: «А покажи, Миша, как бабы парятся» или: «А как, Миша, малые ребята горох крадут?»

— Право, я напрасно время трачу, мне нужно спешить.

— Посидите одну минуточку, я вам сейчас скажу одно приятное для вас слово. — Тут Собакевич подсел поближе и сказал ему тихо на ухо, как будто секрет: — Хотите угол?

— То есть двадцать пять рублей? Ни-ни-ни, даже четверти угла не дам, копейки не прибавлю.

Собакевич замолчал. Чичиков тоже замолчал. Минуты две длилось молчание. Багратион с орлиным косом глядел со стены чрезвычайно внимательно на эту покупку.

— Какая ж ваша будет последняя цена? — сказал наконец Собакевич.

— Два с полтиною.

— Право, у вас душа человеческая все равно что пареная репа. Уж хоть по три рубли дайте!

— Не могу.

— Ну, нечего с вами делать, извольте! Убыток, да уж нрав такой собачий: не могу не доставить удовольствия ближнему. Ведь, я чай, нужно и купчую совершить, чтоб все было в порядке.

— Разумеется.

— Ну вот то-то же, нужно будет ехать в город.

Так совершилось дело. Оба решили, чтобы завтра же быть в городе и управиться с купчей крепостью. Чичиков попросил списочка крестьян. Собакевич согласился охотно и тут же, подошед к бюро, собственноручно принялся выписывать всех не только поименно, но даже с означением похвальных качеств.

А Чичиков от нечего делать занялся, находясь позади, рассматриваньем всего просторного его оклада. Как взглянул он на его спину, широкую, как у вятских приземистых лошадей, и на ноги его, походившие на чугунные тумбы, которые ставят на тротуарах, не мог не воскликнуть внутренне: «Эк наградил-то тебя Бог! вот уж точно, как говорят, неладно скроен, да крепко сшит!.. Родился ли ты уж так медведем, или омедведила тебя захолустная жизнь, хлебные посевы, возня с мужиками, и ты чрез них сделался то, что называют человек-кулак? Но нет: я думаю, ты все был бы тот же, хотя бы даже воспитали тебя по моде, пустили бы в ход и жил бы ты в Петербурге, а не в захолустье. Вся разница в том, что теперь ты упишешь полбараньего бока с кашей,

закусивши ватрушкою в тарелку, а тогда бы ты ел какие-нибудь котлетки с трюфелями. Да вот теперь у тебя под властью мужики: ты с ними в ладу и, конечно, их не обидишь, потому что они твои, тебе же будет хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которых бы ты сильно пощелкивал, смекнувши, что они не твои же крепостные, или грабил бы ты казну! Нет, кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь! А разогни кулаку один или два пальца, выдет еще хуже. Попробуй он слегка верхушек какой-нибудь науки, даст он знать потом, занявши место повиднее, всем тем, которые в самом деле узнали какую-нибудь науку. Да еще, пожалуй, скажет потом: «Дай-ка себя покажу!» Да такое выдумает мудрое постановление, что многим придется солоно... Эх, если бы все кулаки!..»

— Готова записка, — сказал Собакевич, оборотившись.

— Готова? Пожалуйте ее сюда! — Он пробежал ее глазами и подивился аккуратности и точности: не только было обстоятельно прописано ремесло, звание, лета и семейное состояние, но даже на полях находились особенные отметки насчет поведения, трезвости, — словом, любо было глядеть.

— Теперь пожалуйте же задаточек! — сказал Собакевич.

— К чему же вам задаточек? Вы получите в городе за одним разом все деньги.

— Все, знаете, так уж водится, — возразил Собакевич.

— Не знаю, как вам дать, я не взял с собою денег. Да, вот десять рублей есть.

— Что ж десять! Дайте по крайней мере хоть пятьдесят!

Чичиков стал было отговариваться, что нет; но Собакевич так сказал утвердительно, что у него есть деньги, что он вынул еще бумажку, сказавши:

— Пожалуй, вот вам еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйте только расписку?

— Да на что ж вам расписка?

— Все, знаете, лучше расписку. Не ровен час, все может случиться.

— Хорошо, дайте же сюда деньги!

— На что ж деньги? У меня вот они в руке! как только напишете расписку, в ту же минуту их возьмете.

— Да позвольте, как же мне писать расписку? Прежде нужно видеть деньги.

Чичиков выпустил из рук бумажки Собакевичу, который, приблизившись к столу и накрывши их пальцами левой руки, другою написал на лоскутке бумаги, что задаток двадцать пять рублей государственными ассигнациями за проданные души получил сполна. Написавши записку, он пересмотрел еще раз ассигнации.

— Бумажка-то старенькая! — произнес он, рассматривая одну из них на свете, — немножко разорвана, ну да между приятелями нечего на это глядеть.

«Кулак, кулак! — подумал про себя Чичиков, — да еще и бестия в придачу!»

— А женского пола не хотите?

— Нет, благодарю.

— Я бы недорого и взял. Для знакомства по рублику за штуку.

— Нет, в женском поле не нуждаюсь.

— Ну, когда не нуждаетесь, так нечего и говорить. На вкусы нет закона: кто любит попа, а кто попадью, говорит пословица.

— Еще я хотел вас попросить, чтобы эта сделка осталась между нами, — говорил Чичиков, прощаясь.

— Да уж само собою разумеется. Третьего сюда нечего мешать; что по искренности происходит между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной их дружбе. Прощайте! Благодарю, что посетили; прошу и вперед не забывать: коли выберется свободный часик, приезжайте пообедать, время провести. Может быть, опять случится услужить чем-нибудь друг другу.

«Да, как бы не так! — думал про себя Чичиков, садясь в бричку. — По два с полтиною содрал за мертвую душу, чертов кулак!»

Он был недоволен поведением Собакевича. Все-таки, как бы то ни было, человек знакомый, и у губернатора, и у полицеймейстера видались, а поступил как бы совершенно чужой, за дрянь взял деньги! Когда бричка выехала со двора, он оглянулся назад и увидел, что Собакевич все еще стоял на крыльце и, как казалось, приглядывался, желая знать, куда гость поедет.

— Подлец, до сих пор еще стоит! — проговорил он сквозь зубы и велел Селифану, поворотивши к крестьянским избам, отъехать таким образом, чтобы нельзя было видеть экипажа со

стороны господского двора. Ему хотелось заехать к Плюшкину, у которого, по словам Собакевича, люди умирали, как мухи, но не хотелось, чтобы Собакевич знал про это. Когда бричка была уже на конце деревни, он подозвал к себе первого мужика, который, попавши где-то на дороге претолстое бревно, тащил его на плече, подобно неутомимому муравью, к себе в избу.

— Эй, борода! а как проехать отсюда к Плюшкину, так чтоб не мимо господского дома?

Мужик, казалось, затруднился сим вопросом.

— Что ж, не знаешь?

— Нет, барин, не знаю.

— Эх, ты! А и седым волосом еще подернуло! скрягу Плюшкина не знаешь, того, что плохо кормит людей?

— А, заплатанной, заплатанной! — вскрикнул мужик.

Было им прибавлено и существительное к слову «заплатанной», очень удачное, но неупотребительное в светском разговоре, а потому мы его пропустим. Впрочем, можно догадываться, что оно выражено было очень метко, потому что Чичиков, хотя мужик давно уже пропал из виду и много уехали вперед, однако ж все еще усмехался, сидя в бричке. Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица. Произнесенное метко, все равно что писанное, не вырубливается топором. А уж куды бывает метко все то, что вышло из глубины Руси, где нет ни немецких, ни чухонских, ни всяких иных племен, а всё сам-самородок, живой и бойкий русский ум, что не лезет за словом в карман, не высиживает его, как наседка цыплят, а влепливает сразу, как пашпорт на вечную носку, и нечего прибавлять уже потом, какой у тебя нос или губы, — одной чертой обрисован ты с ног до головы!

Как несметное множество церквей, монастырей с куполами, главами, крестами, рассыпано на святой, благочестивой Руси, так несметное множество племен, поколений, народов толпится,

пестреет и мечется по лицу земли. И всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенности и других даров Бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выраженье его часть собственного своего характера. Сердцеведением и мудрым познаньем жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово.

Глава шестая

Прежде, давно, в лета моей юности, в лета невозвратно мелькнувшего моего детства, мне было весело подъезжать в первый раз к незнакомому месту: все равно, была ли то деревушка, бедный уездный городишка, село ли, слободка, — любопытного много открывал в нем детский любопытный взгляд. Всякое строение, все, что носило только на себе напечатленье какой-нибудь заметной особенности, — все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный дом, известной архитектуры с половиною фальшивых окон, один-одинешенек торчавший среди бревенчатой тесаной кучи одноэтажных мещанских обывательских домиков, круглый ли правильный купол, весь обитый листовым белым железом, вознесенный над выбеленною, как снег, новою церковью, рынок ли, франт ли уездный, попавшийся среди города, — ничто не ускользало от свежего тонкого вниманья, и, высунувши нос из походной телеги своей, я глядел и на невиданный дотоле покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики с гвоздями, с серой, желтевшей вдали, с изюмом и мылом, мелькавшие из дверей овощной лавки вместе с банками высохших московских конфект, глядел и на шедшего в стороне пехотного офицера, занесенного Бог знает из какой губернии на уездную скуку, и на купца, мелькнувшего в сибирке на беговых дрожках, и уносился мысленно за ними в бедную жизнь их. Уездный чиновник пройди мимо — я уже и задумывался: куда он идет, на вечер

ли к какому-нибудь своему брату, или прямо к себе домой, чтобы, посидевши с полчаса на крыльце, пока не совсем еще сгустились сумерки, сесть за ранний ужин с матушкой, с женой, с сестрой жены и всей семьей, и о чем будет веден разговор у них в то время, когда дворовая девка в монистах или мальчик в толстой куртке принесет уже после супа сальную свечу в долговечном домашнем подсвечнике. Подъезжая к деревне какого-нибудь помещика, я любопытно смотрел на высокую узкую деревянную колокольню или широкую темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мне издали сквозь древесную зелень красная крыша и белые трубы помещичьего дома, и я ждал нетерпеливо, пока разойдутся на обе стороны заступавшие его сады и он покажется весь с своею, тогда, увы! вовсе не пошлою, наружностью, и по нем старался я угадать, кто таков сам помещик, толст ли он, и сыновья ли у него, или целых шестеро дочерей с звонким девическим смехом, играми и вечною красавицей меньшею сестрицей, и черноглазы ли они, и весельчак ли он сам, или хмурен, как сентябрь в последних числах, глядит в календарь да говорит про скучную для юности рожь и пшеницу.

Теперь равнодушно подъезжаю ко всякой незнакомой деревне и равнодушно гляжу на ее пошлую наружность; моему охлажденному взору неприютно, мне не смешно, и то, что пробудило бы в прежние годы живое движенье в лице, смех и немолчные речи, то скользит теперь мимо, и безучастное молчание хранят мои недвижные уста. О моя юность! о моя свежесть!

Покамест Чичиков думал и внутренне посмеивался над прозвищем, отпущенным мужиками Плюшкину, он не заметил, как въехал в средину обширного села со множеством изб и улиц. Скоро, однако же, дал заметить ему это препорядочный толчок, произведенный бревенчатою мостовою, пред которою городская каменная была ничто. Эти бревна, как фортепьянные клавиши, подымались то вверх, то вниз, и необерегшийся ездок приобретал или шишку на затылок, или синее пятно на лоб, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостик собственного же языка. Какую-то особенную ветхость заметил он на всех деревенских строениях: бревно на избах было темно и старо; многие крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конек вверху да жерди по сторонам в виде ребр. Кажется, сами

хозяева снесли с них дранье и тес, рассуждая, и, конечно, справедливо, что в дождь избы не кроют, а в вёдро и сама не каплет, бабиться же в ней незачем, когда есть простор и в кабаке, и на большой дороге, — словом, где хочешь. Окна в избенках были без стекол, иные были заткнуты тряпкой или зипуном; балкончики под крышами с перилами, неизвестно для каких причин делаемые в иных русских избах, покосились и почернели даже не живописно. Из-за изб тянулись во многих местах рядами огромные клади хлеба, застоявшиеся, как видно, долго; цветом походили они на старый, плохо выжженный кирпич, на верхушке их росла всякая дрянь, и даже прицепился сбоку кустарник. Хлеб, как видно, был господский. Из-за хлебных кладей и ветхих крыш возносились и мелькали на чистом воздухе, то справа, то слева, по мере того как бричка делала повороты, две сельские церкви, одна возле другой: опустевшая деревянная и каменная, с желтенькими стенами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями стал выказываться господский дом и наконец глянул весь в том месте, где цепь изб прервалась и наместо их остался пустырем огород или капустник, обнесенный низкою, местами изломанною городьбою. Каким-то дряхлым инвалидом глядел сей странный замок, длинный, длинный непомерно. Местами был он в один этаж, местами в два; на темной крыше, не везде надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, один против другого, оба уже пошатнувшиеся, лишенные когда-то покрывавшей их краски. Стены дома ощеливали местами нагую штукатурную решетку и, как видно, много потерпели от всяких непогод, дождей, вихрей и осенних перемен. Из окон только два были открыты, прочие были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна, с своей стороны, были тоже подслеповаты; на одном из них темнел наклеенный треугольник из синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшийся позади дома сад, выходивший за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглохлый, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своем картинном опустении. Зелеными облаками и неправильными трепетолистными куполами лежали на небесном горизонте соединенные вершины разросшихся на свободе дерев. Белый колоссальный ствол березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался из этой зеленой гущи

и круглился на воздухе, как правильная мраморная сверкающая колонна; косой остроконечный излом его, которым он оканчивался кверху вместо капители, темнел на снежной белизне его, как шапка или черная птица. Хмель, глушивший внизу кусты бузины, рябины и лесного орешника и пробежавший потом по верхушке всего частокола, взбегал наконец вверх и обвивал до половины сломленную березу. Достигнув середины ее, он оттуда свешивался вниз и начинал уже цеплять вершины других дерев или же висел на воздухе, завязавши кольцами свои тонкие цепкие крючья, легко колеблемые воздухом. Местами расходились зеленые чащи, озаренные солнцем, и показывали неосвещенное между них углубление, зиявшее, как темная пасть; оно было все окинуто тенью, и чуть-чуть мелькали в черной глубине его: бежавшая узкая дорожка, обрушенные перилы, пошатнувшаяся беседка, дуплистый дряхлый ствол ивы, седой чапыжник, густой щетиною вытыкавший из-за ивы иссохшие от страшной глушины, перепутавшиеся и скрестившиеся листья и сучья, и, наконец, молодая ветвь клена, протянувшая сбоку свои зеленые лапы-листы, под один из которых забравшись Бог весть каким образом, солнце превращало его вдруг в прозрачный и огненный, чудно сиявший в этой густой темноте. В стороне, у самого края сада, несколько высокорослых, не вровень другим, осин подымали огромные вороньи гнезда на трепетные свои вершины. У иных из них отдернутые и не вполне отделенные ветви висели вниз вместе с иссохшими листьями. Словом, все было хорошо, как не выдумать ни природе, ни искусству, но как бывает только тогда, когда они соединятся вместе, когда по нагроможденному, часто без толку, труду человека пройдет окончательным резцом своим природа, облегчит тяжелые массы, уничтожит грубо-ощутительную правильность и нищенские прорехи, сквозь которые проглядывает нескрытый, нагой план, и даст чудную теплоту всему, что создалось в хладе размеренной чистоты и опрятности.

Сделав один или два поворота, герой наш очутился наконец перед самым домом, который показался теперь еще печальнее. Зеленая плесень уже покрыла ветхое дерево на ограде и воротах. Толпа строений: людских, амбаров, погребов, видимо ветшавших, — наполняла двор; возле них направо и налево видны были ворота в другие дворы. Все говорило, что здесь когда-то хозяйство

текло в обширном размере, и все глядело ныне пасмурно. Ничего не заметно было оживляющего картину: ни отворявшихся дверей, ни выходивших откуда-нибудь людей, никаких живых хлопот и забот дома! Только одни главные ворота были растворены, и то потому, что въехал мужик с нагруженною телегою, покрытою рогожею, показавшийся как бы нарочно для оживления сего вымершего места; в другое время и они были заперты наглухо, ибо в железной петле висел замок-исполин. У одного из строений Чичиков скоро заметил какую-то фигуру, которая начала вздорить с мужиком, приехавшим на телеге. Долго он не мог распознать, какого пола была фигура: баба или мужик. Платье на ней было совершенно неопределенное, похожее очень на женский капот, на голове колпак, какой носят деревенские дворовые бабы, только один голос показался ему несколько сиплым для женщины. «Ой, баба! — подумал он про себя и тут же прибавил: — Ой, нет!» — «Конечно, баба!» — наконец сказал он, рассмотрев попристальнее. Фигура с своей стороны глядела на него тоже пристально. Казалось, гость был для нее в диковинку, потому что она обсмотрела не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная с хвоста и до морды. По висевшим у ней за поясом ключам и по тому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиков заключил, что это, верно, ключница.

— Послушай, матушка, — сказал он, выходя из брички, — что барин?..

— Нет дома, — прервала ключница, не дожидаясь окончания вопроса, и потом, спустя минуту, прибавила: — А что вам нужно?

— Есть дело!

— Идите в комнаты! — сказала ключница, отворотившись и показав ему спину, запачканную мукою, с большой прорехою пониже.

Он вступил в темные широкие сени, от которых подуло холодом, как из погреба. Из сеней он попал в комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную светом, выходившим из-под широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, он наконец очутился в свету и был поражен представшим беспорядком. Казалось, как будто в доме происходило мытье полов и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одном столе стоял даже сломанный стул, и рядом с ним часы с остановившимся

маятником, к которому паук уже приладил паутину. Тут же стоял прислоненный боком к стене шкаф с старинным серебром, графинчиками и китайским фарфором. На бюре, выложенном перламутною мозаикой, которая местами уже выпала и оставила после себя одни желтенькие желобки, наполненные клеем, лежало множество всякой всячины: куча исписанных мелко бумажек, накрытых мраморным позеленевшим прессом с яичком наверху, какая-то старинная книга в кожаном переплете с красным обрезом, лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха, отломленная ручка кресел, рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом, кусочек сургучика, кусочек где-то поднятой тряпки, два пера, запачканные чернилами, высохшие, как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которою хозяин, может быть, ковырял в зубах своих еще до нашествия на Москву французов.

По стенам навешано было весьма тесно и бестолково несколько картин: длинный пожелтевший гравюр какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдатами в треугольных шляпах и тонущими конями, без стекла, вставленный в раму красного дерева с тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по углам. В ряд с ними занимала полстены огромная почерневшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цветы, фрукты, разрезанный арбуз, кабанью морду и висевшую головою вниз утку. С середины потолка висела люстра в холстинном мешке, от пыли сделавшаяся похожею на шелковый кокон, в котором сидит червяк. В углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубее и что недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высовывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никак бы нельзя было сказать, чтобы в комнате сей обитало живое существо, если бы не возвещал его пребыванье старый, поношенный колпак, лежавший на столе. Пока он рассматривал все странное убранство, отворилась боковая дверь и взошла та же самая ключница, которую встретил он на дворе. Но тут увидел он, что это был скорее ключник, чем ключница: ключница по крайней мере не бреет бороды, а этот, напротив того, брил, и, казалось,

довольно редко, потому что весь подбородок с нижней частью щеки походил у него на скребницу из железной проволоки, какою чистят на конюшне лошадей. Чичиков, давши вопросительное выражение лицу своему, ожидал с нетерпеньем, что хочет сказать ему ключник. Ключник тоже с своей стороны ожидал, что хочет ему сказать Чичиков. Наконец последний, удивленный таким странным недоумением, решился спросить:

— Что ж барин? у себя, что ли?

— Здесь хозяин, — сказал ключник.

— Где же? — повторил Чичиков.

— Что, батюшка, слепы-то, что ли? — сказал ключник. — Эхва! А вить хозяин-то я!

Здесь герой наш поневоле отступил назад и поглядел на него пристально. Ему случалось видеть немало всякого рода людей, даже таких, каких нам с читателем, может быть, никогда не придется увидать; но такого он еще не видывал. Лицо его не представляло ничего особенного; онô было почти такое же, как у многих худощавых стариков, один подбородок только выступал очень далеко вперед, так что он должен был всякий раз закрывать его платком, чтобы не заплевать; маленькие глазки еще не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунувши из темных нор остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалун мальчишка, и нюхает подозрительно самый воздух. Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идет на сапоги; назади вместо двух болталось четыре полы, из которых охлопьями лезла хлопчатая бумага. На шее у него тоже было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать: чулок ли, подвязка ли, или набрюшник, только никак не галстук. Словом, если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош. Ибо к чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и он не мог никак удержаться, чтобы не подать бедному человеку медного гроша. Но пред ним стоял не нищий, пред ним стоял помещик. У этого помещика была тысяча с лишком душ, и попробовал бы кто найти у кого другого

столько хлеба зерном, мукою и просто в кладях, у кого бы кладовые, амбары и сушилы загромождены были таким множеством холстов, сукон, овчин выделанных и сыромятных, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянул бы кто-нибудь к нему на рабочий двор, где наготовлено было на запас всякого дерева и посуды, никогда не употреблявшейся, — ему бы показалось, уж не попал ли он как-нибудь в Москву на щепной двор, куда ежедневно отправляются расторопные тещи и свекрухи, с кухарками позади, делать свои хозяйственные запасы и где горами белеет всякое дерево — шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересеки, ушаты, лагуны, жбаны с рыльцами и без рылец, побратимы, лукошки, мыкольники, куда бабы кладут свои мочки и прочий дрязг, коробья из тонкой гнутой осины, бураки из плетеной берестки и много всего, что идет на потребу богатой и бедной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобных изделий? во всю жизнь не пришлось бы их употребить даже на два таких имения, какие были у него, — но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь сим, он ходил еще каждый день по улицам своей деревни, заглядывал под мостики, под перекладины и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, — все тащил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты. «Вон уже рыболов пошел на охоту!» — говорили мужики, когда видели его, идущего на добычу. И в самом деле, после него незачем было мести улицу: случилось проезжавшему офицеру потерять шпору, шпора эта мигом отправилась в известную кучу; если баба, как-нибудь зазевавшись у колодца, позабывала ведро, он утаскивал и ведро. Впрочем, когда приметивший мужик уличал его тут же, он не спорил и отдавал похищенную вещь; но если только она попадала в кучу, тогда все кончено: он божился, что вещь его́, куплена им тогда-то, у того-то или досталась от деда. В комнате своей он подымал с пола все, что ни видел: сургучик, лоскуток бумажки, перышко, и все это клал на бюро или на окошко.

А ведь было время, когда он только был бережливым хозяином! был женат и семьянин, и сосед заезжал к нему пообедать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размеренным ходом: двигались мельницы, валяльни, работали суконные фабрики, столярные станки,

прядильни; везде во все входил зоркий взгляд хозяина и, как трудолюбивый паук, бегал хлопотливо, но расторопно, по всем концам своей хозяйственной паутины. Слишком сильные чувства не отражались в чертах лица его, но в глазах был виден ум; опытностию и познанием света была проникнута речь его, и гостю было приятно его слушать; приветливая и говорливая хозяйка славилась хлебосольством; навстречу выходили две миловидные дочки, обе белокурые и свежие, как розы; выбегал сын, разбитной мальчишка, и целовался со всеми, мало обращая внимания на то, рад ли, или не рад был этому гость. В доме были открыты все окна, антресоли были заняты квартирою учителя француза, который славно брился и был большой стрелок: приносил всегда к обеду тетерек или уток, а иногда и одни воробьиные яйца, из которых заказывал себе яичницу, потому что больше в целом доме никто ее не ел. На антресолях жила также его компатриотка, наставница двух девиц. Сам хозяин являлся к столу в сюртуке, хотя несколько поношенном, но опрятном, локти были в порядке: нигде никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а с ними мелких забот, перешла к нему. Плюшкин стал беспокойнее и, как все вдовцы, подозрительнее и скупее. На старшую дочь Александру Степановну он не мог во всем положиться, да и был прав, потому что Александра Степановна скоро убежала с штабс-ротмистром, Бог весть какого кавалерийского полка, и обвенчалась с ним где-то наскоро в деревенской церкви, зная, что отец не любит офицеров по странному предубеждению, будто бы все военные картежники и мотишки. Отец послал ей на дорогу проклятие, а преследовать не заботился. В доме стало еще пустее. Во владельце стала заметнее обнаруживаться скупость, сверкнувшая в жестких волосах его седина, верная подруга ее, помогла ей еще более развиться; учитель француз был отпущен, потому что сыну пришла пора на службу; мадам была прогнана, потому что оказалась не безгрешною в похищении Александры Степановны; сын, будучи отправлен в губернский город, с тем чтобы узнать в палате, по мнению отца, службу существенную, определился вместо того в полк и написал к отцу уже по своем определении, прося денег на обмундировку; весьма естественно, что он получил на это то, что называется в простонародии шиш. Наконец последняя дочь, оставшаяся с ним в доме, умерла, и старик очутился

один сторожем, хранителем и владетелем своих богатств. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, как известно, имеет волчий голод и чем более пожирает, тем становится ненасытнее; человеческие чувства, которые и без того не были в нем глубоки, мелели ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось в этой изношенной развалине. Случись же под такую минуту, как будто нарочно в подтверждение его мнения о военных, что сын его проигрался в карты; он послал ему от души свое отцовское проклятие и никогда уже не интересовался знать, существует ли он на свете, или нет. С каждым годом притворялись окна в его доме, наконец остались только два, из которых одно, как уже видел читатель, было заклеено бумагою; с каждым годом уходили из вида более и более главные части хозяйства, и мелкий взгляд его обращался к бумажкам и перышкам, которые он собирал в своей комнате; неуступчивее становился он к покупщикам, которые приезжали забирать у него хозяйственные произведения; покупщики торговались, торговались и наконец бросили его вовсе, сказавши, что это бес, а не человек; сено и хлеб гнили, клади и стоги обращались в чистый навоз, хоть разводи на них капусту, мука в подвалах превратилась в камень, и нужно было ее рубить, к сукнам, холстам и домашним материям страшно было притронуться: они обращались в пыль. Он уже позабывал сам, сколько у него было чего, и помнил только, в каком месте стоял у него в шкафу графинчик с остатком какой-нибудь настойки, на котором он сам сделал наметку, чтобы никто воровским образом ее не выпил, да где лежало перышко или сургучик. А между тем в хозяйстве доход собирался по-прежнему: столько же оброку должен был принесть мужик, таким же приносом орехов обложена была всякая баба, столько же поставов холста должна была наткать ткачиха, — все это сваливалось в кладовые, и все становилось гниль и прореха, и сам он обратился наконец в какую-то прореху на человечестве. Александра Степановна как-то приезжала раза два с маленьким сынком, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить; видно, походная жизнь с штабс-ротмистром не была так привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкин, однако же, ее простил и даже дал маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столе, но денег ничего не дал. В другой раз Александра Степановна приехала с двумя малютками и привезла ему кулич к чаю и новый

халат, потому что у батюшки был такой халат, на который глядеть не только было совестно, но даже стыдно. Плюшкин приласкал обоих внуков и, посадивши их к себе одного на правое колено, а другого на левое, покачал их совершенно таким образом, как будто они ехали на лошадях, кулич и халат взял, но дочери решительно ничего не дал; с тем и уехала Александра Степановна.

Итак, вот какого рода помещик стоял перед Чичиковым! Должно сказать, что подобное явление редко попадается на Руси, где все любит скорее развернуться, нежели съежиться, и тем поразительнее бывает оно, что тут же в соседстве подвернется помещик, кутящий во всю ширину русской удали и барства, прожигающий, как говорится, насквозь жизнь. Небывалый проезжий остановится с изумлением при виде его жилища, недоумевая, какой владетельный принц очутился внезапно среди маленьких, темных владельцев: дворцами глядят его белые каменные домы с бесчисленным множеством труб, бельведеров, флюгеров, окруженные стадом флигелей и всякими помещеньями для приезжих гостей. Чего нет у него? Театры, балы; всю ночь сияет убранный огнями и плошками, оглашенный громом музыки сад. Полгубернии разодето и весело гуляет под деревьями, и никому не является дикое и грозящее в сем насильственном освещении, когда театрально выскакивает из древесной гущи озаренная поддельным светом ветвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнее, и суровее, и в двадцать раз грознее является чрез то ночное небо и, далеко трепеща листьями в вышине, уходя глубже в непробудный мрак, негодуют суровые вершины дерев на сей мишурный блеск, осветивший снизу их корни.

Уже несколько минут стоял Плюшкин, не говоря ни слова, а Чичиков все еще не мог начать разговора, развлеченный как видом самого хозяина, так и всего того, что было в его комнате. Долго не мог он придумать, в каких бы словах изъяснить причину своего посещения. Он уже хотел было выразиться в таком духе, что, наслышась о добродетели и редких свойствах души его, почел долгом принести лично дань уважения, но спохватился и почувствовал, что это слишком. Искоса бросив еще один взгляд на все, что было в комнате, он почувствовал, что слово «добродетель» и «редкие свойства души» можно с успехом заменить словами «экономия» и «порядок»; и потому, преобразивши таким образом речь,

он сказал, что, наслышась об экономии его и редком управлении имениями, он почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение. Конечно, можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего иного не взбрело тогда на ум.

На это Плюшкин что-то пробормотал сквозь губы, ибо зубов не было, что именно, неизвестно, но, вероятно, смысл был таков: «А побрал бы тебя черт с твоим почтением!» Но так как гостеприимство у нас в таком ходу, что и скряга не в силах преступить его законов, то он прибавил тут же несколько внятнее: «Прошу покорнейше садиться!»

— Я давненько не вижу гостей, — сказал он, — да, признаться сказать, в них мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ездить друг к другу, а в хозяйстве-то упущения... да и лошадей их корми сеном! Я давно уж отобедал, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсем развалилась: начнешь топить, еще пожару наделаешь.

«Вон оно как! — подумал про себя Чичиков. — Хорошо же, что я у Собакевича перехватил ватрушку да ломоть бараньего бока».

— И такой скверный анекдот, что сена хоть бы клок в целом хозяйстве! — продолжал Плюшкин. — Да и в самом деле, как прибережешь его? землишка маленькая, мужик ленив, работать не любит, думает, как бы в кабак... того и гляди пойдешь на старости лет по миру!

— Мне, однако же, сказывали, — скромно заметил Чичиков, — что у вас более тысячи душ.

— А кто это сказывал? А вы бы, батюшка, наплевали в глаза тому, который это сказывал! Он, пересмешник, видно, хотел пошутить над вами. Вот, бают, тысячи душ, а поди-тка сосчитай, а и ничего не начтешь! Последние три года проклятая горячка выморила у меня здоровенный куш мужиков.

— Скажите! и много выморила? — воскликнул Чичиков с участием.

— Да, снесли многих.

— А позвольте узнать: сколько числом?

— Душ восемьдесят.

— Нет?

— Не стану лгать, батюшка.

— Позвольте еще спросить: ведь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи последней ревизии?

— Это бы еще слава Богу, — сказал Плюшкин, — да лихто, что с того времени до ста двадцати наберется.

— Вправду? Целых сто двадцать? — воскликнул Чичиков и даже разинул несколько рот от изумления.

— Стар я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десяток живу! — сказал Плюшкин. Он, казалось, обиделся таким почти радостным восклицанием. Чичиков заметил, что в самом деле неприлично подобное безучастие к чужому горю, и потому вздохнул тут же и сказал, что соболезнует.

— Да ведь соболезнование в карман не положишь, — сказал Плюшкин. — Вот возле меня живет капитан; черт знает его, откуда взялся, говорит — родственник: «Дядюшка, дядюшка!» — и в руку целует, а как начнет соболезновать, вой такой подымет, что уши береги. С лица весь красный: пеннику, чай, насмерть придерживается. Верно, спустил денежки, служа в офицерах, или театральная актриса выманила, так вот он теперь и соболезнует!

Чичиков постарался объяснить, что его соболезнование совсем не такого рода, как капитанское, и что он не пустыми словами, а делом готов доказать его и, не откладывая дела далее, без всяких обиняков, тут же изъявил готовность принять на себя обязанность платить подати за всех крестьян, умерших такими несчастными случаями. Предложение, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Он, вытаращив глаза, долго смотрел на него и наконец спросил:

— Да вы, батюшка, не служили ли в военной службе?

— Нет, — отвечал Чичиков довольно лукаво, — служил по статской.

— По статской? — повторил Плюшкин и стал жевать губами, как будто что-нибудь кушал. — Да ведь как же? Ведь это вам самим-то в убыток?

— Для удовольствия вашего готов и на убыток.

— Ах, батюшка! ах, благодетель мой! — вскрикнул Плюшкин, не замечая от радости, что у него из носа выглянул весьма некартинно табак, на образец густого кофия, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для рассматриванья. — Вот утешили старика! Ах, Господи Ты мой! ах, святители

вы мои!.. — Далее Плюшкин и говорить не мог. Но не прошло и минуты, как эта радость, так мгновенно показавшаяся на деревянном лице его, так же мгновенно и прошла, будто ее вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выражение. Он даже утерся платком и, свернувши его в комок, стал им возить себя по верхней губе.

— Как же, с позволения вашего, чтобы не рассердить вас, вы за всякий год беретесь платить за них подать? и деньги будете выдавать мне или в казну?

— Да мы вот как сделаем: мы совершим на них купчую крепость, как бы они были живые и как бы вы их мне продали.

— Да, купчую крепость... — сказал Плюшкин, задумался и стал опять кушать губами. — Ведь вот купчую крепость — всё издержки. Приказные такие бессовестные! Прежде, бывало, полтиной меди отделаешься да мешком муки, а теперь пошли целую подводу круп, да и красную бумажку прибавь, такое сребролюбие! Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание; сказал бы какое-нибудь поучение: ведь что ни говори, а против слова-то Божия не устоишь.

«Ну, ты, я думаю, устоишь!» — подумал про себя Чичиков и произнес тут же, что, из уважения к нему, он готов принять даже издержки по купчей на свой счет.

Услыша, что даже издержки по купчей он принимает на себя, Плюшкин заключил, что гость должен быть совершенно глуп и только прикидывается, будто служил по статской, а, верно, был в офицерах и волочился за актерками. При всем том он, однако ж, не мог скрыть своей радости и пожелал всяких утешений не только ему, но даже и деткам его, не спросив, были ли они у него, или нет. Подошед к окну, постучал он пальцами в стекло и закричал: «Эй, Прошка!» Чрез минуту было слышно, что кто-то вбежал впопыхах в сени, долго возился там и стучал сапогами, наконец дверь отворилась, и вошел Прошка, мальчик лет тринадцати, в таких больших сапогах, что, ступая, едва не вынул из них ноги. Почему у Прошки были такие большие сапоги, это можно узнать сейчас же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ее в доме, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться в сенях. Всякий призываемый в барские покои обыкновенно отплясывал через весь двор босиком, но, входя в сени, надевал сапоги

и таким уже образом являлся в комнату. Выходя из комнаты, он оставлял сапоги опять в сенях и отправлялся вновь на собственной подошве. Если бы кто взглянул из окошка в осеннее время и особенно когда по утрам начинаются маленькие изморози, то бы увидел, что вся дворня делала такие скачки, какие вряд ли удастся выделать на театрах самому бойкому танцовщику.

— Вот посмотрите, батюшка, какая рожа! — сказал Плюшкин Чичикову, указывая пальцем на лицо Прошки. — Глуп ведь как дерево, а попробуй что-нибудь положить, мигом украдет! Ну, чего ты пришел, дурак, скажи, чего? — Тут он произвел небольшое молчание, на которое Прошка отвечал тоже молчанием. — Поставь самовар, слышишь, да вот возьми ключ да отдай Мавре, чтобы пошла в кладовую: там на полке есть сухарь из кулича, который привезла Александра Степановна, чтобы подали его к чаю!.. Постой, куда же ты? Дурачина! Эхва, дурачина! Бес у тебя в ногах, что ли, чешется?.. ты выслушай прежде: сухарь-то сверху, чай, поиспортился, так пусть соскоблит его ножом да крох не бросает, а снесет в курятник. Да смотри ты, ты не входи, брат, в кладовую, не то я тебя, знаешь! березовым-то веником, чтобы для вкуса-то! Вот у тебя теперь славный аппетит, так чтобы еще был получше! Вот попробуй-ка пойти в кладовую, а я тем временем из окна стану глядеть. Им ни в чем нельзя доверять, — продолжал он, обратившись к Чичикову, после того как Прошка убрался вместе с своими сапогами. Вслед за тем он начал и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновенного великодушия стали ему казаться невероятными, и он подумал про себя: «Ведь черт его знает, может быть, он просто хвастун, как все эти мотишки: наврет, наврет, чтобы поговорить да напиться чаю, а потом и уедет!» А потому из предосторожности и вместе желая несколько поиспытать его, сказал он, что недурно бы совершить купчую поскорее, потому что-де в человеке не уверен: сегодня жив, а завтра и Бог весть.

Чичиков изъявил готовность совершить ее хоть сию же минуту и потребовал только списка всем крестьянам.

Это успокоило Плюшкина. Заметно было, что он придумывал что-то сделать, и точно, взявши ключи, приблизился к шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконец произнес:

— Ведь вот не сыщешь, а у меня был славный ликерчик, если только не выпили! народ такие воры! А вот разве не это ли он? — Чичиков увидел в руках его графинчик, который был весь в пыли, как в фуфайке. — Еще покойница делала, — продолжал Плюшкин, — мошенница ключница совсем было его забросила и даже не закупорила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь сор-то повынул, и теперь вот чистенькая; я вам налью рюмочку.

Но Чичиков постарался отказаться от такого ликерчика, сказавши, что он уже и пил, и ел.

— Пили уже и ели! — сказал Плюшкин. — Да, конечно, хорошего общества человека хоть где узнаешь: он не ест, а сыт; а как эдакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми... Ведь вот капитан — приедет: «Дядюшка, говорит, дайте чего-нибудь поесть!» А я ему такой же дядюшка, как он мне дедушка. У себя дома есть, верно, нечего, так вот он и шатается! Да, ведь вам нужен реестрик всех этих тунеядцев? Как же, я, как знал, всех их списал на особую бумажку, чтобы при первой подаче ревизии всех их вычеркнуть.

Плюшкин надел очки и стал рыться в бумагах. Развязывая всякие связки, он попотчевал своего гостя такою пылью, что тот чихнул. Наконец вытащил бумажку, всю исписанную кругом. Крестьянские имена усыпали ее тесно, как мошки. Были там всякие: и Парамонов, и Пименов, и Пантелеймонов, и даже выглянул какой-то Григорий Доезжай-не-доедешь; всех было сто двадцать с лишком. Чичиков улыбнулся при виде такой многочисленности. Спрятав ее в карман, он заметил Плюшкину, что ему нужно будет для совершения крепости приехать в город.

— В город? Да как же?.. а дом-то как оставить? Ведь у меня народ или вор, или мошенник: в день так оберут, что и кафтана не на чем будет повесить.

— Так не имеете ли кого-нибудь знакомого?

— Да кого же знакомого? Все мои знакомые перемерли или раззнакомились. Ах, батюшка! как не иметь, имею! — вскричал он. — Ведь знаком сам председатель, езжал даже в старые годы ко мне, как не знать! однокорытниками были, вместе по заборам лазили! как не знакомый? уж такой знакомый! так уж не к нему ли написать?

— И, конечно, к нему.

— Как же, уж такой знакомый! в школе были приятели.

И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то теплый луч, выразилось не чувство, а какое-то бледное отражение чувства, явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего, произведшему радостный крик в толпе, обступившей берег. Но напрасно обрадовавшиеся братья и сестры кидают с берега веревку и ждут, не мелькнет ли вновь спина или утомленные бореньем руки, — появление было последнее. Глухо все, и еще страшнее и пустыннее становится после того затихнувшая поверхность безответной стихии. Так и лицо Плюшкина вслед за мгновенно скользнувшим на нем чувством стало еще бесчувственней и еще пошлее.

— Лежала на столе четвертка чистой бумаги, — сказал он, — да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такие негодные! — Тут стал он заглядывать и под стол, и на стол, шарил везде и наконец закричал: — Мавра! а Мавра!

На зов явилась женщина с тарелкой в руках, на которой лежал сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошел такой разговор:

— Куда ты дела, разбойница, бумагу?

— Ей-Богу, барин, не видывала, опричь небольшого лоскутка, которым изволили прикрыть рюмку.

— А вот я по глазам вижу, что подтибрила.

— Да на что ж бы я подтибрила? Ведь мне проку с ней никакого; я грамоте не знаю.

— Врешь, ты снесла пономаренку: он маракует, так ты ему и снесла.

— Да пономаренок, если захочет, так достанет себе бумаги. Не видал он вашего лоскутка!

— Вот погоди-ка: на Страшном Суде черти припекут тебя за это железными рогатками! вот посмотришь, как припекут!

— Да за что же припекут, коли я не брала и в руки четвертки? Уж скорее другой какой бабьей слабостью, а воровством меня еще никто не попрекал.

— А вот черти-то тебя и припекут! скажут: «А вот тебе, мошенница, за то, что барина-то обманывала!», — да горячими-то тебя и припекут!

— А я скажу: «Не за что! ей-Богу, не за что, не брала я...» Да вон она лежит на столе. Всегда понапраслиной попрекаете!

Плюшкин увидел, точно, четвертку и на минуту остановился, пожевал губами и произнес:

— Ну, что ж ты расходилась так? Экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она уж в ответ десяток! Поди-ка принеси огоньку запечатать письмо. Да стой, ты схватишь сальную свечу, сало дело топкое: сгорит — да и нет, только убыток, а ты принеси-ка мне лучинку!

Мавра ушла, а Плюшкин, севши в кресла и взявши в руку перо, долго еще ворочал на все стороны четвертку, придумывая: нельзя ли отделить от нее еще осьмушку, но наконец убедился, что никак нельзя; всунул перо в чернильницу с какою-то заплесневшею жидкостью и множеством мух на дне и стал писать, выставляя буквы, похожие на музыкальные ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая расскакивалась по всей бумаге, лепя скупо строка на строку и не без сожаления подумывая о том, что все еще останется много чистого пробела.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости мог снизойти человек! мог так измениться! И похоже это на правду? Все похоже на правду, все может статься с человеком. Нынешний же пламенный юноша отскочил бы с ужасом, если бы показали ему его же портрет в старости. Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом! Грозна, страшна грядущая впереди старость, и ничего не отдает назад и обратно! Могила милосерднее ее, на могиле напишется: «Здесь погребен человек!» — но ничего не прочитаешь в хладных, бесчувственных чертах бесчеловечной старости.

— А не знаете ли вы какого-нибудь вашего приятеля, — сказал Плюшкин, складывая письмо, — которому бы понадобились беглые души?

— А у вас есть и беглые? — быстро спросил Чичиков, очнувшись.

— В том-то и дело, что есть. Зять делал выправки: говорит, будто и след простыл, но ведь он человек военный: мастер притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судам...

— А сколько их будет числом?

— Да десятков до семи тоже наберется.

— Нет?

— А ей-Богу, так! Ведь у меня что год, то бегают. Народ-то больно прожорлив, от праздности завел привычку трескать, а у меня есть и самому нечего... А уж я бы за них что ни дай взял бы. Так посоветуйте вашему приятелю-то: отыщись ведь только десяток, так вот уж у него славная деньга. Ведь ревизская душа сто́ит в пятистах рублях.

«Нет, этого мы приятелю и понюхать не дадим», — сказал про себя Чичиков и потом объяснил, что такого приятеля никак не найдется, что одни издержки по этому делу будут стоить более, ибо от судов нужно отрезать полы собственного кафтана да уходить подалее; но что если он уже действительно так стиснут, то, будучи подвигнут участием, он готов дать... но что это такая безделица, о которой даже не стоит и говорить.

— А сколько бы вы дали? — спросил Плюшкин и сам ожидовел: руки его задрожали, как ртуть.

— Я бы дал по двадцати пяти копеек за душу.

— А как вы покупаете, на чистые?

— Да, сейчас деньги.

— Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копеек.

— Почтеннейший! — сказал Чичиков, — не только по сорока копеек, по пятисот рублей заплатил бы! с удовольствием заплатил бы, потому что вижу — почтенный, добрый старик терпит по причине собственного добродушия.

— А ей-Богу, так! ей-Богу, правда! — сказал Плюшкин, свесив голову вниз и сокрушительно покачав ее. — Всё от добродушия.

— Ну, видите ли, я вдруг постигнул ваш характер. Итак, почему ж не дать бы мне по пятисот рублей за душу, но... состоянья нет; по пяти копеек, извольте, готов прибавить, чтобы каждая душа обошлась, таким образом, в тридцать копеек.

— Ну, батюшка, воля ваша, хоть по две копейки пристегните.

— По две копеечки пристегну, извольте. Сколько их у вас? Вы, кажется, говорили семьдесят?

— Нет. Всего наберется семьдесят восемь.

— Семьдесят восемь, семьдесят восемь, по тридцати копеек за душу, это будет... — здесь герой наш одну секунду, не более, подумал и сказал вдруг: — это будет двадцать четыре рубля девяносто шесть копеек, — он был в арифметике силен. Тут же заставил он Плюшкина написать расписку и выдал ему деньги, которые тот принял в обе руки и понес их к бюро с такою же осторожностью, как будто бы нес какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь расхлестать ее. Подошедши к бюро, он переглядел их еще раз и уложил, тоже чрезвычайно осторожно, в один из ящиков, где, верно, им суждено быть погребенными до тех пор, покамест отец Карп и отец Поликарп, два священника его деревни, не погребут его самого, к неописанной радости зятя и дочери, а может быть, и капитана, приписавшегося ему в родню. Спрятавши деньги, Плюшкин сел в кресла и уже, казалось, больше не мог найти материи, о чем говорить.

— А что, вы уж собираетесь ехать? — сказал он, заметив небольшое движение, которое сделал Чичиков для того только, чтобы достать из кармана платок.

Этот вопрос напомнил ему, что в самом деле незачем более мешкать.

— Да, мне пора! — произнес он, взявшись за шляпу.

— А чайку?

— Нет, уж чайку пусть лучше когда-нибудь в другое время.

— Как же, а я приказал самовар. Я, признаться сказать, не охотник до чаю: напиток дорогой, да и цена на сахар поднялась немилосердная. Прошка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Мавре, слышишь: пусть его положит на то же место, или нет, подай его сюда, я ужо снесу его сам. Прощайте, батюшка, да благословит вас Бог, а письмо-то председателю вы отдайте. Да! пусть прочтет, он мой старый знакомый. Как же! были с ним однокорытниками!

Засим это странное явление, этот съежившийся старичишка проводил его со двора, после чего велел ворота тот же час запереть, потом обошел кладовые, с тем чтобы осмотреть, на своих ли местах сторожа, которые стояли на всех углах, колотя деревянными лопатками в пустой бочонок, наместо чугунной доски; после того заглянул в кухню, где под видом того чтобы попробовать, хорошо ли едят люди, наелся препорядочно щей с кашею и, выбранивши

всех до последнего за воровство и дурное поведение, возвратился в свою комнату. Оставшись один, он даже подумал о том, как бы ему возблагодарить гостя за такое в самом деле беспримерное великодушие. «Я ему подарю, — подумал он про себя, — карманные часы: они ведь хорошие, серебряные часы, а не то чтобы какие-нибудь томпаковые или бронзовые; немножко поиспорчены, да ведь он себе переправит; он человек еще молодой, так ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невесте! Или нет, — прибавил он после некоторого размышления, — лучше я оставлю их ему после моей смерти, в духовной, чтобы вспоминал обо мне».

Но герой наш и без часов был в самом веселом расположении духа. Такое неожиданное приобретение было сущий подарок. В самом деле, что ни говори, не только одни мертвые души, но еще и беглые, и всего двести с лишком человек! Конечно, еще подъезжая к деревне Плюшкина, он уже предчувствовал, что будет кое-какая пожива, но такой прибыточной никак не ожидал. Всю дорогу он был весел необыкновенно, посвистывал, наигрывал губами, приставивши ко рту кулак, как будто играл на трубе, и наконец затянул какую-то песню, до такой степени необыкновенную, что сам Селифан слушал, слушал и потом, покачав слегка головой, сказал: «Вишь ты, как барин поет!» Были уже густые сумерки, когда подъехали они к городу. Тень со светом перемешалась совершенно, и казалось, самые предметы перемешалися тоже. Пестрый шлагбаум принял какой-то неопределенный цвет; усы у стоявшего на часах солдата казались на лбу и гораздо выше глаз, а носа как будто не было вовсе. Гром и прыжки дали заметить, что бричка взъехала на мостовую. Фонари еще не зажигались, кое-где только начинались освещаться окна домов, а в переулках и закоулках происходили сцены и разговоры, неразлучные с этим временем во всех городах, где много солдат, извозчиков, работников и особенного рода существ, в виде дам в красных шалях и башмаках без чулок, которые, как летучие мыши, шныряют по перекресткам. Чичиков не замечал их и даже не заметил многих тоненьких чиновников с тросточками, которые, вероятно сделавши прогулку за городом, возвращались домой. Изредка доходили до слуха его какие-то, казалось, женские восклицания: «Врешь, пьяница! я никогда не позволяла ему такого грубиянства!» — или:

«Ты не дерись, невежа, а ступай в часть, там я тебе докажу!..» Словом, те слова, которые вдруг обдадут, как варом, какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой и кудрями. Чего нет и что не грезится в голове его? он в небесах и к Шиллеру заехал в гости — и вдруг раздаются над ним, как гром, роковые слова, и видит он, что вновь очутился на земле, и даже на Сенной площади, и даже близ кабака, и вновь пошла по-будничному щеголять перед ним жизнь.

Наконец бричка, сделавши порядочный скачок, опустилась, как будто в яму, в ворота гостиницы, и Чичиков был встречен Петрушкою, который одною рукою придерживал полу своего сюртука, ибо не любил, чтобы расходились полы, а другою стал помогать ему вылезать из брички. Половой тоже выбежал, со свечою в руке и салфеткою на плече. Обрадовался ли Петрушка приезду барина, неизвестно, по крайней мере они перемигнулись с Селифаном, и обыкновенно суровая его наружность на этот раз как будто несколько прояснилась.

— Долго изволили погулять, — сказал половой, освещая лестницу.

— Да, — сказал Чичиков, когда взошел на лестницу. — Ну, а ты что?

— Слава Богу, — отвечал половой, кланяясь. — Вчера приехал поручик какой-то военный, занял шестнадцатый номер.

— Поручик?

— Неизвестно какой, из Рязани, гнедые лошади.

— Хорошо, хорошо, веди себя и вперед хорошо! — сказал Чичиков и вошел в свою комнату. Проходя переднюю, он покрутил носом и сказал Петрушке: — Ты бы по крайней мере хоть окна отпер!

— Да я их отпирал, — сказал Петрушка, да и соврал. Впрочем, барин и сам знал, что он соврал, но уж не хотел ничего возражать. После сделанной поездки он чувствовал сильную усталость. Потребовавши самый легкий ужин, состоявший только в поросенке, он тот же час разделся и, забравшись под одеяло, заснул сильно, крепко, заснул чудным образом, как спят одни только те счастливцы, которые не ведают ни геморроя, ни блох, ни слишком сильных умственных способностей.

Глава седьмая

Счастлив путник, который после длинной, скучной дороги с ее холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станционными смотрителями, бряканьями колокольчиков, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякого рода дорожными подлецами видит наконец знакомую крышу с несущимися навстречу огоньками, и предстанут пред ним знакомые комнаты, радостный крик выбежавших навстречу людей, шум и беготня детей и успокоительные тихие речи, прерываемые пылающими лобзаниями, властными истребить все печальное из памяти. Счастлив семьянин, у кого есть такой угол, но горе холостяку!

Счастлив писатель, который мимо характеров скучных, противных, поражающих печальною своею действительностью, приближается к характерам, являющим высокое достоинство человека, который из великого омута ежедневно вращающихся образов избрал одни немногие исключения, который не изменял ни разу возвышенного строя своей лиры, не ниспускался с вершины своей к бедным, ничтожным своим собратьям, и, не касаясь земли, весь повергался в свои далеко отторгнутые от нее и возвеличенные образы. Вдвойне завиден прекрасный удел его: он среди их как в родной семье; а между тем далеко и громко разносится его слава. Он окурил упоительным куревом людские очи; он чудно польстил им, сокрыв печальное в жизни, показав им прекрасного человека. Все, рукоплеща, несется за ним и мчится вслед за торжественной его колесницей. Великим всемирным поэтом именуют его, парящим высоко над всеми другими гениями мира, как парит орел над другими высоко летающими. При одном имени его уже объемлются трепетом молодые пылкие сердца, ответные слезы ему блещут во всех очах... Нет равного ему в силе — он Бог! Но не таков удел, и другая судьба писателя, дерзнувшего вызвать наружу все, что ежеминутно пред очами и чего не зрят равнодушные очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину холодных, раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога, и крепкою силою неумолимого резца дерзнувшего выставить их выпукло и ярко на всенародные очи! Ему не собрать народных рукоплесканий, ему не зреть признательных слез

и единодушного восторга взволнованных им душ; к нему не полетит навстречу шестнадцатилетняя девушка с закружившеюся головою и геройским увлеченьем; ему не позабыться в сладком обаянье им же исторгнутых звуков; ему не избежать, наконец, от современного суда, лицемерно-бесчувственного современного суда, который назовет ничтожными и низкими им лелеянные созданья, отведет ему презренный угол в ряду писателей, оскорбляющих человечество, придаст ему качества им же изображенных героев, отнимет от него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта. Ибо не признаёт современный суд, что равно чудны стекла, озирающие солнцы и передающие движенья незамеченных насекомых; ибо не признаёт современный суд, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести ее в перл созданья; ибо не признаёт современный суд, что высокий восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движеньем и что целая пропасть между ним и кривляньем балаганного скомороха! Не признаёт сего современный суд и все обратит в упрек и поношенье непризнанному писателю; без разделенья, без ответа, без участья, как бессемейный путник, останется он один посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствует он свое одиночество.

И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы! И далеко еще то время, когда иным ключом грозная вьюга вдохновенья подымется из облеченной в святый ужас и в блистанье главы и почуют в смущенном трепете величавый гром других речей...

В дорогу! в дорогу! прочь набежавшая на чело морщина и строгий сумрак лица! Разом и вдруг окунемся в жизнь со всей ее беззвучной трескотней и бубенчиками и посмотрим, что делает Чичиков.

Чичиков проснулся, потянул руки и ноги и почувствовал, что выспался хорошо. Полежав минуты две на спине, он щелкнул рукою и вспомнил с просиявшим лицом, что у него теперь без малого четыреста душ. Тут же вскочил он с постели, не посмотрел даже на свое лицо, которое любил искренно и в котором, как кажется, привлекательнее всего находил подбородок, ибо весьма

часто хвалился им пред кем-нибудь из приятелей, особливо если это происходило во время бритья. «Вот, посмотри, — говорил он обыкновенно, поглаживая его рукою, — какой у меня подбородок: совсем круглый!» Но теперь он не взглянул ни на подбородок, ни на лицо, а прямо, так, как был, надел сафьянные сапоги с резными выкладками всяких цветов, какими бойко торгует город Торжок благодаря халатным побуждениям русской натуры, и, по-шотландски, в одной короткой рубашке, позабыв свою степенность и приличные средние лета, произвел по комнате два прыжка, пришлепнув себя весьма ловко пяткой ноги. Потом в ту же минуту приступил к делу: перед шкатулкой потер руки с таким же удовольствием, как потирает их выехавший на следствие неподкупный земский суд, подходящий к закуске, и тот же час вынул из нее бумаги. Ему хотелось поскорее кончить все, не откладывая в долгий ящик. Сам решился он сочинить крепости, написать и переписать, чтоб не платить ничего подьячим. Форменный порядок был ему совершенно известен: бойко выставил он большими буквами: «Тысяча восемьсот такого-то года», потом вслед за тем мелкими: «помещик такой-то», и все что следует. В два часа готово было все. Когда взглянул он потом на эти листики, на мужиков, которые, точно, были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали бар, а может быть, и просто были хорошими мужиками, то какое-то странное, непонятное ему самому чувство овладело им. Каждая из записочек как будто имела какой-то особенный характер, и чрез то как будто бы самые мужики получали свой собственный характер. Мужики, принадлежавшие Коробочке, все почти были с придатками и прозвищами. Записка Плюшкина отличалась краткостию в слоге: часто были выставлены только начальные слова имен и отчеств и потом две точки. Реестр Собакевича поражал необыкновенною полнотою и обстоятельностию, ни одно из качеств мужика не было пропущено; об одном было сказано: «хороший столяр», к другому приписано: «дело смыслит и хмельного не берет». Означено было также обстоятельно, кто отец, и кто мать, и какого оба были поведения; у одного только какого-то Федотова было написано: «отец неизвестно кто, а родился от дворовой девки Капитолины, но хорошего нрава и не вор». Все сии подробности придавали какой-то особенный вид свежести: казалось, как

будто мужики еще вчера были живы. Смотря долго на имена их, он умилился духом и, вздохнувши, произнес: «Батюшки мои, сколько вас здесь напичкано! что вы, сердечные мои, поделывали на веку своем? как перебивались?» И глаза его невольно остановились на одной фамилии: это был известный Петр Савельев Неуважай-Корыто, принадлежавший когда-то помещице Коробочке. Он опять не утерпел, чтоб не сказать: «Эх, какой длинный, во всю строку разъехался! Мастер ли ты был, или просто мужик, и какою смертью тебя прибрало? в кабаке ли, или середи дороги переехал тебя сонного неуклюжий обоз? Пробка Степан, плотник, трезвости примерной. А! вот он, Степан Пробка, вот тот богатырь, что в гвардию годился бы! Чай, все губернии исходил с топором за поясом и сапогами на плечах, съедал на грош хлеба да на два сушеной рыбы, а в мошне, чай, притаскивал всякий раз домой целковиков по сту, а может, и государственную зашивал в холстяные штаны или затыкал в сапог. Где тебя прибрало? Взмостился ли ты для большего прибытку под церковный купол, а может быть, и на крест потащился и, поскользнувшись, оттуда, с перекладины, шлепнулся оземь, и только какой-нибудь стоявший возле тебя дядя Михей, почесав рукою в затылке, примолвил: «Эх, Ваня, угораздило тебя!» — а сам, подвязавшись веревкой, полез на твое место. Максим Телятников, сапожник. Хе, сапожник! «Пьян, как сапожник», говорит пословица. Знаю, знаю тебя, голубчик; если хочешь, всю историю твою расскажу: учился ты у немца, который кормил вас всех вместе, бил ремнем по спине за неаккуратность и не выпускал на улицу повесничать, и был ты чудо, а не сапожник, и не нахвалился тобою немец, говоря с женой или с камрадом. А как кончилось твое ученье: «А вот теперь я заведусь своим домиком, — сказал ты, — да не так, как немец, что из копейки тянется, а вдруг разбогатею». И вот, давши барину порядочный оброк, завел ты лавчонку, набрав заказов кучу, и пошел работать. Достал где-то втридешева гнилушки кожи и выиграл, точно, вдвое на всяком сапоге, да через недели две перелопались твои сапоги, и выбранили тебя подлейшим образом. И вот лавчонка твоя запустела, и ты пошел попивать да валяться по улицам, приговаривая: «Нет, плохо на свете! Нет житья русскому человеку, всё немцы мешают». Это что за мужик: Елизавета Воробей. Фу ты пропасть: баба! она как сюда затесалась? Подлец, Собакевич, и здесь надул!» Чичиков

был прав: это была, точно, баба. Как она забралась туда, неизвестно, но так искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика, и даже имя оканчивалось на букву ъ, то есть не Елизавета, а Елизаветъ. Однако же он это не принял в уваженье и тут же ее вычеркнул. «Григорий Доезжай-не-доедешь! Ты что был за человек? Извозом ли промышлял и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навеки от дому, от родной берлоги, и пошел тащиться с купцами на ярмарку. На дороге ли ты отдал душу Богу, или уходили тебя твои же приятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или пригляделись лесному бродяге ременные твои рукавицы и тройка приземистых, но крепких коньков, или, может, и сам, лежа на полатях, думал, думал, да ни с того ни с другого заворотил в кабак, а потом прямо в прорубь, и поминай как звали. Эх, русский народец! не любит умирать своею смертью! А вы что, мои голубчики? — продолжал он, переводя глаза на бумажку, где были помечены беглые души Плюшкина, — вы хоть и в живых еще, а что в вас толку! то же, что и мертвые, и где-то носят вас теперь ваши быстрые ноги? Плохо ли вам было у Плюшкина, или просто, по своей охоте, гуляете по лесам да дерете проезжих? По тюрьмам ли сидите, или пристали к другим господам и пашете землю? Еремей Карякин, Никита Волокита, сын его Антон Волокита — эти, и по прозвищу видно, что хорошие бегуны. Попов, дворовый человек, должен быть грамотей: ножа, я чай, не взял в руки, а проворовался благородным образом. Но вот уж тебя беспашпортного поймал капитан-исправник. Ты стоишь бодро на очной ставке. «Чей ты?» — говорит капитан-исправник, ввернувши тебе при сей верной оказии кое-какое крепкое словцо. «Такого-то и такого-то помещика», — отвечаешь ты бойко. «Зачем ты здесь?» — говорит капитан-исправник. «Отпущен на оброк», — отвечаешь ты без запинки. «Где твой пашпорт?» — «У хозяина, мещанина Пименова». — «Позвать Пименова! Ты Пименов?» — «Я Пименов». — «Давал он тебе пашпорт свой?» — «Нет, не давал он мне никакого пашпорта». — «Что ж ты врешь?» — говорит капитан-исправник с прибавкою кое-какого крепкого словца. «Так точно, — отвечаешь ты бойко, — я не давал ему, потому что пришел домой поздно, а отдал на подержание Антипу Прохорову, звонарю». — «Позвать звонаря! Давал он тебе пашпорт?» — «Нет, не получал

я от него пашпорта». — «Что ж ты опять врешь! — говорит капитан-исправник, скрепивши речь кое-каким крепким словцом. — Где ж твой пашпорт?» — «Он у меня был, — говоришь ты проворно, — да, статься может, видно, как-нибудь дорогой пообронил его». — «А солдатскую шинель, — говорит капитан-исправник, загвоздивши тебе опять в придачу кое-какое крепкое словцо, — зачем стащил? и у священника тоже сундук с медными деньгами?» — «Никак нет, — говоришь ты, не сдвинувшись, — в воровском деле никогда еще не оказывался». — «А почему же шинель нашли у тебя?» — «Не могу знать: верно, кто-нибудь другой принес ее». — «Ах ты бестия, бестия! — говорит капитан-исправник, покачивая головою и взявшись под бока. — А набейте ему на ноги колодки да сведите в тюрьму». — «Извольте! я с удовольствием», — отвечаешь ты. И вот, вынувши из кармана табакерку, ты потчеваешь дружелюбно каких-то двух инвалидов, набивающих на тебя колодки, и расспрашиваешь их, давно ли они в отставке и в какой войне бывали. И вот ты себе живешь в тюрьме, покамест в суде производится твое дело. И пишет суд: препроводить тебя из Царевококшайска в тюрьму такого-то города, а тот суд пишет опять: препроводить тебя в какой-нибудь Весьегонск, и ты переезжаешь себе из тюрьмы в тюрьму и говоришь, осматривая новое обиталище: «Нет, вот весьегонская тюрьма будет почище: там хоть и в бабки, так есть место, да и общества больше!» Абакум Фыров! ты, брат, что? где, в каких местах шатаешься? Занесло ли тебя на Волгу и взлюбил ты вольную жизнь, приставши к бурлакам?..» Тут Чичиков остановился и слегка задумался. Над чем он задумался? Задумался ли он над участью Абакума Фырова, или задумался так, сам собою, как задумывается всякий русский, каких бы ни был лет, чина и состояния, когда замыслит об разгуле широкой жизни? И в самом деле, где теперь Фыров? Гуляет шумно и весело на хлебной пристани, порядившись с купцами. Цветы и ленты на шляпе, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь с любовницами и женами, высокими, стройными, в монистах и лентах; хороводы, песни, кипит вся площадь, а носильщики между тем при криках, бранях и понуканьях, нацепляя крючком по девяти пудов себе на спину, с шумом сыплют горох и пшеницу в глубокие суда, валят кули с овсом и крупой, и далече виднеют по всей площади кучи наваленных

в пирамиду, как ядра, мешков, и громадно выглядывает весь хлебный арсенал, пока не перегрузится весь в глубокие суда-суряки и не понесется гусем вместе с весенними льдами бесконечный флот. Там-то вы наработаетесь, бурлаки! и дружно, как прежде гуляли и бесились, приметесь за труд и пот, таща лямку под одну бесконечную, как Русь, песню.

«Эхе, хе! двенадцать часов! — сказал наконец Чичиков, взглянув на часы. — Что ж я так закопался? Да еще пусть бы дело делал, а то ни с того ни с другого сначала загородил околесину, а потом задумался. Экой я дурак в самом деле!» Сказавши это, он переменил свой шотландский костюм на европейский, стянул покрепче пряжкой свой полный живот, вспрыснул себя одеколоном, взял в руки теплый картуз и бумаги под мышку и отправился в гражданскую палату совершать купчую. Он спешил не потому, что боялся опоздать, — опоздать он не боялся, ибо председатель был человек знакомый и мог продлить и укоротить по его желанью присутствие, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрые ночи, когда нужно было прекратить брань любезных ему героев или дать им средство додраться, но он сам в себе чувствовал желание скорее как можно привести дела к концу; до тех пор ему казалось все неспокойно и неловко; все-таки приходила мысль: что души не совсем настоящие и что в подобных случаях такую обузу всегда нужно поскорее с плеч. Не успел он выйти на улицу, размышляя об всем этом и в то же время таща на плечах медведя, крытого коричневым сукном, как на самом повороте в переулок столкнулся тоже с господином в медведях, крытых коричневым сукном, и в теплом картузе с ушами. Господин вскрикнул, это был Манилов. Они заключили тут же друг друга в объятия и минут пять оставались на улице в таком положении. Поцелуи с обеих сторон так были сильны, что у обоих весь день почти болели передние зубы. У Манилова от радости остались только нос да губы на лице, глаза совершенно исчезли. С четверть часа держал он обеими руками руку Чичикова и нагрел ее страшно. В оборотах самых тонких и приятных он рассказал, как летел обнять Павла Ивановича; речь была заключена таким комплиментом, какой разве только приличен одной девице, с которой идут танцевать. Чичиков открыл рот, еще не зная сам, как благодарить, как вдруг Манилов вынул из-под шубы

бумагу, свернутую в трубочку и связанную розовою ленточкой, и подал очень ловко двумя пальцами.

— Это что?

— Мужички.

— А! — Он тут же развернул ее, пробежал глазами и подивился чистоте и красоте почерка. — Славно написано, — сказал он, — не нужно и переписывать. Еще и каемка вокруг! кто это так искусно сделал каемку?

— Ну, уж не спрашивайте, — сказал Манилов.

— Вы?

— Жена.

— Ах, Боже мой! мне, право, совестно, что нанес столько затруднений.

— Для Павла Ивановича не существует затруднений.

Чичиков поклонился с признательностью. Узнавши, что он шел в палату за совершением купчей, Манилов изъявил готовность ему сопутствовать. Приятели взялись под руку и пошли вместе. При всяком небольшом возвышении, или горке, или ступеньке, Манилов поддерживал Чичикова и почти приподнимал его рукою, присовокупляя с приятной улыбкою, что он не допустит никак Павла Ивановича зашибить свои ножки. Чичиков совестился, не зная, как благодарить, ибо чувствовал, что несколько был тяжеленек. Во взаимных услугах они дошли наконец до площади, где находились присутственные места: большой трехэтажный каменный дом, весь белый как мел, вероятно для изображения чистоты душ помещавшихся в нем должностей; прочие здания на площади не отвечали огромностию каменному дому. Это были: караульная будка, у которой стоял солдат с ружьем, две-три извозчичьи биржи и, наконец, длинные заборы с известными заборными надписями и рисунками, нацарапанными углем и мелом; более не находилось ничего на сей уединенной, или, как у нас выражаются, красивой площади. Из окон второго и третьего этажа высовывались неподкупные головы жрецов Фемиды и в ту же минуту прятались опять: вероятно, в то время входил в комнату начальник. Приятели не взошли, а взбежали по лестнице, потому что Чичиков, стараясь избегнуть поддерживанья под руки со стороны Манилова, ускорял шаг, а Манилов тоже с своей стороны летел вперед, стараясь

не позволить Чичикову устать, и потому оба запыхались весьма сильно, когда вступили в темный коридор. Ни в коридорах, ни в комнатах взор их не был поражен чистотою. Тогда еще не заботились о ней, и то, что было грязно, так и оставалось грязным, не принимая привлекательной наружности. Фемида просто, какова есть, в неглиже и халате принимала гостей. Следовало бы описать канцелярские комнаты, которыми проходили наши герои, но автор питает сильную робость ко всем присутственным местам. Если и случалось ему проходить их даже в блистательном и облагороженном виде, с лакированными полами и столами, он старался пробежать как можно скорее, смиренно опустив и потупив глаза в землю, а потому совершенно не знает, как там все благоденствует и процветает. Герои наши видели много бумаги, и черновой и белой, наклонившиеся головы, широкие затылки, фраки, сертуки губернского покроя и даже просто какую-то светло-серую куртку, отделившуюся весьма резко, которая, своротив голову набок и положив ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протокол об оттяганье земли или описке имения, захваченного каким-нибудь мирным помещиком, покойно доживающим век свой под судом, нажившим себе и детей и внуков под его покровом, да слышались урывками короткие выражения, произносимые хриплым голосом: «Одолжите, Федосей Федосеевич, дельцо за № 368!» — «Вы всегда куда-нибудь затаскаете пробку с казенной чернильницы!» Иногда голос более величавый, без сомнения одного из начальников, раздавался повелительно: «На, перепиши! а не то снимут сапоги и просидишь ты у меня шесть суток не евши». Шум от перьев был большой и походил на то, как будто бы несколько телег с хворостом проезжали лес, заваленный на четверть аршина иссохшими листьями.

Чичиков и Манилов подошли к первому столу, где сидели два чиновника еще юных лет, и спросили:

— Позвольте узнать, где здесь дела по крепостям?

— А что вам нужно? — сказали оба чиновника, оборотившись.

— А мне нужно подать просьбу.

— А вы что купили такое?

— Я бы хотел прежде знать, где крепостной стол, здесь или в другом месте?

— Да скажите прежде, что купили и в какую цену, так мы вам тогда и скажем где, а так нельзя знать.

Чичиков тотчас увидел, что чиновники были просто любопытны, подобно всем молодым чиновникам, и хотели придать более весу и значения себе и своим занятиям.

— Послушайте, любезные, — сказал он, — я очень хорошо знаю, что все дела по крепостям, в какую бы ни было цену, находятся в одном месте, а потому прошу вас показать нам стол, а если вы не знаете, что у вас делается, так мы спросим у других.

Чиновники на это ничего не отвечали, один из них только тыкнул пальцем в угол комнаты, где сидел за столом какой-то старик, перемечавший какие-то бумаги. Чичиков и Манилов прошли промеж столами прямо к нему. Старик занимался очень внимательно.

— Позвольте узнать, — сказал Чичиков с поклоном, — здесь дела по крепостям?

Старик поднял глаза и произнес с расстановкою:

— Здесь нет дел по крепостям.

— А где же?

— Это в крепостной экспедиции.

— А где же крепостная экспедиция?

— Это у Ивана Антоновича.

— А где же Иван Антонович?

Старик тыкнул пальцем в другой угол комнаты. Чичиков и Манилов отправились к Ивану Антоновичу. Иван Антонович уже запустил один глаз назад и оглянул их искоса, но в ту же минуту погрузился еще внимательнее в писание.

— Позвольте узнать, — сказал Чичиков с поклоном, — здесь крепостной стол?

Иван Антонович как будто бы и не слыхал и углубился совершенно в бумаги, не отвечая ничего. Видно было вдруг, что это был уже человек благоразумных лет, не то что молодой болтун и вертопляс. Иван Антонович, казалось, имел уже далеко за сорок лет; волос на нем был черный, густой; вся середина лица выступала у него вперед и пошла в нос, — словом, это было то лицо, которое называют в общежитье кувшинным рылом.

— Позвольте узнать, здесь крепостная экспедиция? — сказал Чичиков.

— Здесь, — сказал Иван Антонович, поворотил свое кувшинное рыло и приложился опять писать.

— А у меня дело вот какое: куплены мною у разных владельцев здешнего уезда крестьяне на вывод: купчая есть, остается совершить.

— А продавцы налицо?

— Некоторые здесь, а от других доверенность.

— А просьбу принесли?

— Принес и просьбу. Я бы хотел... мне нужно поторопиться... так нельзя ли, например, кончить дело сегодня!

— Да, сегодня! сегодня нельзя, — сказал Иван Антонович. — Нужно навести еще справки, нет ли еще запрещений.

— Впрочем, что до того, чтоб ускорить дело, так Иван Григорьевич, председатель, мне большой друг...

— Да ведь Иван Григорьевич не один; бывают и другие, — сказал сурово Иван Антонович.

Чичиков понял закавыку, которую завернул Иван Антонович, и сказал:

— Другие тоже не будут в обиде, я сам служил, дело знаю...

— Идите к Ивану Григорьевичу, — сказал Иван Антонович голосом несколько поласковее, — пусть он даст приказ кому следует, а за нами дело не постоит.

Чичиков, вынув из кармана бумажку, положил ее перед Иваном Антоновичем, которую тот совершенно не заметил и накрыл тотчас ее книгою. Чичиков хотел было указать ему ее, но Иван Антонович движением головы дал знать, что не нужно показывать.

— Вот он вас проведет в присутствие! — сказал Иван Антонович, кивнув головою, и один из священнодействующих, тут же находившихся, приносивший с таким усердием жертвы Фемиде, что оба рукава лопнули на локтях и давно лезла оттуда подкладка, за что и получил в свое время коллежского регистратора, прислужился нашим приятелям, как некогда Виргилий прислужился Данту, и провел их в комнату присутствия, где стояли одни только широкие кресла и в них перед столом, за зерцалом и двумя толстыми книгами, сидел один, как солнце, председатель. В этом месте новый Виргилий почувствовал такое благоговение, что никак не осмелился занести туда ногу и поворотил

назад, показав свою спину, вытертую, как рогожка, с прилипнувшим где-то куриным пером. Вошедши в залу присутствия, они увидели, что председатель был не один, подле него сидел Собакевич, совершенно заслоненный зерцалом. Приход гостей произвел восклицание, правительственные кресла были отодвинуты с шумом. Собакевич тоже привстал со стула и стал виден со всех сторон с длинными своими рукавами. Председатель принял Чичикова в объятия, и комната присутствия огласилась поцелуями; спросили друг друга о здоровье; оказалось, что у обоих побаливает поясница, что тут же было отнесено к сидячей жизни. Председатель, казалось, уже был уведомлен Собакевичем о покупке, потому что принялся поздравлять, что сначала несколько смешало нашего героя, особливо когда он увидел, что и Собакевич и Манилов, оба продавцы, с которыми дело было улажено келейно, теперь стояли вместе лицом друг к другу. Однако же он поблагодарил председателя и, обратившись тут же к Собакевичу, спросил:

— А ваше как здоровье?

— Слава Богу, не пожалуюсь, — сказал Собакевич. И точно, не на что было жаловаться: скорее железо могло простудиться и кашлять, чем этот на диво сформированный помещик.

— Да вы всегда славились здоровьем, — сказал председатель, — и покойный ваш батюшка был также крепкий человек.

— Да, на медведя один хаживал, — отвечал Собакевич.

— Мне кажется, однако ж, — сказал председатель, — вы бы тоже повалили медведя, если бы захотели выйти против него.

— Нет, не повалю, — отвечал Собакевич, — покойник был меня покрепче, — и, вздохнувши, продолжал: — Нет, теперь не те люди; вот хоть и моя жизнь, что за жизнь? так как-то себе...

— Чем же ваша жизнь не красна? — сказал председатель.

— Нехорошо, нехорошо, — сказал Собакевич, покачав головою. — Вы посудите, Иван Григорьевич: пятый десяток живу, ни разу не был болен; хоть бы горло заболело, веред или чирей выскочил... Нет, не к добру! когда-нибудь придется поплатиться за это. — Тут Собакевич погрузился в меланхолию.

«Эк его, — подумали в одно время и Чичиков и председатель, — на что вздумал пенять!»

— К вам у меня есть письмецо, — сказал Чичиков, вынув из кармана письмо Плюшкина.

— От кого? — сказал председатель и, распечатавши, воскликнул: — А! от Плюшкина. Он еще до сих пор прозябает на свете. Вот судьба, ведь какой был умнейший, богатейший человек! а теперь...

— Собака, — сказал Собакевич, — мошенник, всех людей переморил голодом.

— Извольте, извольте, — сказал председатель, прочитав письмо, — я готов быть поверенным. Когда вы хотите совершить купчую, теперь или после?

— Теперь, — сказал Чичиков, — я буду просить даже вас, если можно, сегодня, потому что мне завтра хотелось бы выехать из города; я принес и крепости и просьбу.

— Все это хорошо, только, уж как хотите, мы вас не выпустим так рано. Крепости будут совершены сегодня, а вы все-таки с нами поживите. Вот я сейчас отдам приказ, — сказал он и отворил дверь в канцелярскую комнату, всю наполненную чиновниками, которые уподобились трудолюбивым пчелам, рассыпавшимся по сотам, если только соты можно уподобить канцелярским делам: — Иван Антонович здесь?

— Здесь, — отозвался голос изнутри.

— Позовите его сюда!

Уже известный читателям Иван Антонович кувшинное рыло показался в зале присутствия и почтительно поклонился.

— Вот возьмите, Иван Антонович, все эти крепости их...

— Да не позабудьте, Иван Григорьевич, — подхватил Собакевич, — нужно будет свидетелей, хотя по два с каждой стороны. Пошлите теперь же к прокурору, он человек праздный и, верно, сидит дома, за него все делает стряпчий Золотуха, первейший хапуга в мире. Инспектор врачебной управы, он также человек праздный и, верно, дома, если не поехал куда-нибудь играть в карты, да еще тут много есть, кто поближе, — Трухачевский, Бегушкин, они все даром бременят землю!

— Именно, именно! — сказал председатель и тот же час отрядил за ними всеми канцелярского.

— Еще я попрошу вас, — сказал Чичиков, — пошлите за поверенным одной помещицы, с которой я тоже совершил сделку, сыном протопопа отца Кирила; он служит у вас же.

— Как же, пошлем и за ним! — сказал председатель. — Все будет сделано, а чиновным вы никому не давайте ничего, об этом я вас прошу. Приятели мои не должны платить. — Сказавши это, он тут же дал какое-то приказанье Ивану Антоновичу, как видно ему не понравившееся. Крепости произвели, кажется, хорошее действие на председателя, особливо когда он увидел, что всех покупок было почти на сто тысяч рублей. Несколько минут он смотрел в глаза Чичикову с выраженьем большого удовольствия и наконец сказал:

— Так вот как! Этаким-то образом, Павел Иванович! так вот вы приобрели.

— Приобрел, — отвечал Чичиков.

— Благое дело, право, благое дело!

— Да я вижу сам, что более благого дела не мог бы предпринять. Как бы то ни было, цель человека все еще не определена, если он не стал наконец твердой стопою на прочное основание, а не на какую-нибудь вольнодумную химеру юности. — Тут он весьма кстати выбранил за либерализм, и поделом, всех молодых людей. Но замечательно, что в словах его была все какая-то нетвердость, как будто бы тут же сказал он сам себе: «Эх, брат, врешь ты, да еще и сильно!» Он даже не взглянул на Собакевича и Манилова из боязни встретить что-нибудь на их лицах. Но напрасно боялся он: лицо Собакевича не шевельнулось, а Манилов, обвороженный фразою, от удовольствия только потряхивал одобрительно головою, погрузясь в такое положение, в каком находится любитель музыки, когда певица перещеголяла самую скрыпку и пискнула такую тонкую ноту, какая невмочь и птичьему горлу.

— Да, что ж вы не скажете Ивану Григорьевичу, — отозвался Собакевич, — что такое именно вы приобрели; а вы, Иван Григорьевич, что вы не спросите, какое приобретение они сделали? Ведь какой народ! просто золото. Ведь я им продал и каретника Михеева.

— Нет, будто и Михеева продали? — сказал председатель. — Я знаю каретника Михеева: славный мастер; он мне дрожки переделал. Только позвольте, как же... Ведь вы мне сказывали, что он умер...

— Кто, Михеев умер? — сказал Собакевич, ничуть не смешавшись. — Это его брат умер, а он преживехонький и стал

здоровее прежнего. На днях такую бричку наладил, что и в Москве не сделать. Ему, по-настоящему, только на одного государя и работать.

— Да, Михеев славный мастер, — сказал председатель, — и я дивлюсь даже, как вы могли с ним расстаться.

— Да будто один Михеев! А Пробка Степан, плотник, Милушкин, кирпичник. Телятников Максим, сапожник, — ведь все пошли, всех продал! — А когда председатель спросил, зачем же они пошли, будучи людьми необходимыми для дому и мастеровыми, Собакевич отвечал, махнувши рукой: — А! так просто, нашла дурь: дай, говорю, продам, да и продал сдуру! — Засим он повесил голову так, как будто сам раскаивался в этом деле, и прибавил: — Вот и седой человек, а до сих пор не набрался ума.

— Но позвольте, Павел Иванович, — сказал председатель, — как же вы покупаете крестьян без земли? разве на вывод?

— На вывод.

— Ну, на вывод другое дело. А в какие места?

— В места... в Херсонскую губернию.

— О, там отличные земли! — сказал председатель и отозвался с большою похвалою насчет рослости тамошних трав. — А земли в достаточном количестве?

— В достаточном, столько, сколько нужно для купленных крестьян.

— Река или пруд?

— Река. Впрочем, и пруд есть. — Сказав это, Чичиков взглянул ненароком на Собакевича, и хотя Собакевич был по-прежнему неподвижен, но ему казалось, будто бы было написано на лице его: «Ой, врешь ты! вряд ли есть река, и пруд, да и вся земля!»

Пока продолжались разговоры, начали мало-помалу появляться свидетели: знакомый читателю прокурор-моргун, инспектор врачебной управы, Трухачевский, Бегушкин и прочие, по словам Собакевича, даром бременящие землю. Многие из них были совсем незнакомы Чичикову: недостававшие и лишние набраны были тут же, из палатских чиновников. Привели также не только сына протопопа отца Кирила, но даже и самого протопопа. Каждый из свидетелей поместил себя со всеми своими достоинствами и чинами, кто оборотным шрифтом, кто косяками, кто просто чуть не вверх ногами, помещая такие буквы, каких даже

и не видано было в русском алфавите. Известный Иван Антонович управился весьма проворно: крепости были записаны, помечены, занесены в книгу и куда следует, с принятием полупроцентовых и за припечатку в «Ведомостях», и Чичикову пришлось заплатить самую малость. Даже председатель дал приказание из пошлинных денег взять с него только половину, а другая, неизвестно каким образом, отнесена была на счет какого-то другого просителя.

— Итак, — сказал председатель, когда все было кончено, — остается теперь только вспрыснуть покупочку.

— Я готов, — сказал Чичиков. — От вас зависит только назначить время. Был бы грех с моей стороны, если бы для эдакого приятного общества да не раскупорить другую-третью бутылочку шипучего.

— Нет, вы не так приняли дело: шипучего мы сами поставим, — сказал председатель, — это наша обязанность, наш долг. Вы у нас гость: нам должно угощать. Знаете ли что, господа! Покамест что, а мы вот как сделаем: отправимтесь-ка все, так как есть, к полицеймейстеру; он у нас чудотворец: ему стоит только мигнуть, проходя мимо рыбного ряда или погреба, так мы, знаете ли, так закусим! да при этой оказии и в вистишку.

От такого предложения никто не мог отказаться. Свидетели уже при одном наименованье рыбного ряда почувствовали аппетит; взялись все тот же час за картузы и шапки, и присутствие кончилось. Когда проходили они канцелярию, Иван Антонович кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказал потихоньку Чичикову:

— Крестьян накупили на сто тысяч, а за труды дали только одну беленькую.

— Да ведь какие крестьяне, — отвечал ему на это тоже шепотом Чичиков, — препустой и преничтожный народ, и половины не стоит.

Иван Антонович понял, что посетитель был характера твердого и больше не даст.

— А почем купили душу у Плюшкина? — шепнул ему на другое ухо Собакевич.

— А Воробья зачем приписали? — сказал ему в ответ на это Чичиков.

— Какого Воробья? — сказал Собакевич.

— Да бабу, Елизавету Воробья, еще и букву ъ поставили на конце.

— Нет, никакого Воробья я не приписывал, — сказал Собакевич и отошел к другим гостям.

Гости добрались наконец гурьбой к дому полицеймейстера. Полицеймейстер, точно, был чудотворец: как только услышал он, в чем дело, в ту ж минуту кликнул квартального, бойкого малого в лакированных ботфортах, и, кажется, всего два слова шепнул ему на ухо да прибавил только: «Понимаешь!» — а уж там, в другой комнате, в продолжение того времени, как гости резалися в вист, появилась на столе белуга, осетры, семга, икра паюсная, икра свежепросольная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки, — это все было со стороны рыбного ряда. Потом появились прибавления с хозяйской стороны, изделия кухни: пирог с головизною, куда вошли хрящ и щеки девятипудового осетра, другой пирог — с груздями, пряженцы, маслянцы, взваренцы. Полицеймейстер был некоторым образом отец и благотворитель в городе. Он был среди граждан совершенно как в родной семье, а в лавки и в гостиный двор наведывался, как в собственную кладовую. Вообще он сидел, как говорится, на своем месте и должность свою постигнул в совершенстве. Трудно было даже и решить, он ли был создан для места, или место для него. Дело было так поведено умно, что он получал вдвое больше доходов противу всех своих предшественников, а между тем заслужил любовь всего города. Купцы первые его очень любили, именно за то, что не горд; и точно, он крестил у них детей, кумился с ними и хоть драл подчас с них сильно, но как-то чрезвычайно ловко: и по плечу потреплет, и засмеется, и чаем напоит, пообещается и сам прийти поиграть в шашки, расспросит обо всем: как делишки, что и как. Если узнает, что детеныш как-нибудь прихворнул, и лекарство присоветует, — словом, молодец! Поедет на дрожках, даст порядок, а между тем и словцо промолвит тому-другому: «Что, Михеич! нужно бы нам с тобою доиграть когда-нибудь в горку». — «Да, Алексей Иванович, — отвечал тот, снимая шапку, — нужно бы». — «Ну, брат, Илья Парамоныч, приходи ко мне поглядеть рысака: в обгон с твоим пойдет, да и своего заложи в беговые; попробуем». Купец, который на рысаке был помешан, улыбался на это с особенною, как говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорил:

«Попробуем, Алексей Иванович!» Даже все сидельцы обыкновенно в это время, снявши шапки, с удовольствием посматривали друг на друга и как будто бы хотели сказать: «Алексей Иванович хороший человек!» Словом, он успел приобресть совершенную народность, и мнение купцов было такое, что Алексей Иванович «хоть оно и возьмет, но зато уж никак тебя не выдаст».

Заметив, что закуска была готова, полицеймейстер предложил гостям окончить вист после завтрака, и все пошли в ту комнату, откуда несшийся запах давно начинал приятным образом щекотать ноздри гостей и куда уже Собакевич давно заглядывал в дверь, наметив издали осетра, лежавшего в стороне на большом блюде. Гости, выпивши по рюмке водки темного оливкового цвета, какой бывает только на сибирских прозрачных камнях, из которых режут на Руси печати, приступили со всех сторон с вилками к столу и стали обнаруживать, как говорится, каждый свой характер и склонности, налегая кто на икру, кто на семгу, кто на сыр. Собакевич, оставив без всякого внимания все эти мелочи, пристроился к осетру, и, покамест те пили, разговаривали и ели, он в четверть часа с небольшим доехал его всего, так что когда полицеймейстер вспомнил было о нем и, сказавши: «А каково вам, господа, покажется вот это произведенье природы?» — подошел было к нему с вилкою вместе с другими, то увидел, что от произведенья природы оставался всего один хвост; а Собакевич пришипился так, как будто и не он, и, подошедши к тарелке, которая была подальше прочих, тыкал вилкою в какую-то сушеную маленькую рыбку. Отделавши осетра, Собакевич сел в кресла и уж более не ел, не пил, а только жмурил и хлопал глазами. Полицеймейстер, кажется, не любил жалеть вина; тостам не было числа. Первый тост был выпит, как читатели, может быть, и сами догадаются, за здоровье нового херсонского помещика, потом за благоденствие крестьян его и счастливое их переселение, потом за здоровье будущей жены его, красавицы, что сорвало приятную улыбку с уст нашего героя. Приступили к нему со всех сторон и стали упрашивать убедительно остаться хоть на две недели в городе:

— Нет, Павел Иванович! как вы себе хотите, это выходит избу только выхолаживать: на порог, да и назад! нет, вы проведите время с нами! Вот мы вас женим: не правда ли, Иван Григорьевич, женим его?

— Женим, женим! — подхватил председатель. — Уж как ни упирайтесь руками и ногами, мы вас женим! Нет, батюшка, попали сюда, так не жалуйтесь. Мы шутить не любим.

— Что ж? зачем упираться руками и ногами, — сказал, усмехнувшись, Чичиков, — женитьба еще не такая вещь, чтобы того, была бы невеста.

— Будет и невеста, как не быть, все будет, все, что хотите!..

— А коли будет...

— Браво, остается! — закричали все. — Виват, ура, Павел Иванович! ура! — И все подошли к нему чокаться с бокалами в руках.

Чичиков перечокался со всеми. «Нет, нет, еще!» — говорили те, которые были позадорнее, и вновь перечокались; потом полезли в третий раз чокаться, перечокались и в третий раз. В непродолжительное время всем сделалось весело необыкновенно. Председатель, который был премилый человек, когда развеселялся, обнимал несколько раз Чичикова, произнеся в излиянии сердечном: «Душа ты моя! маменька моя!» — и даже, щелкнув пальцами, пошел приплясывать вокруг него, припевая известную песню: «Ах ты такой и этакой камаринский мужик». После шампанского раскупорили венгерское, которое придало еще более духу и развеселило общество. Об висте решительно позабыли; спорили, кричали, говорили обо всем: об политике, об военном даже деле, излагали вольные мысли, за которые в другое время сами бы высекли своих детей. Решили тут же множество самых затруднительных вопросов. Чичиков никогда не чувствовал себя в таком веселом расположении, воображал себя уже настоящим херсонским помещиком, говорил об разных улучшениях: о трехпольном хозяйстве, о счастии и блаженстве двух душ и стал читать Собакевичу послание в стихах Вертера к Шарлотте, на которое тот хлопал только глазами, сидя в креслах, ибо после осетра чувствовал большой позыв ко сну. Чичиков смекнул и сам, что начал уже слишком развязываться, попросил экипажа и воспользовался прокурорскими дрожками. Прокурорский кучер, как оказалось в дороге, был малый опытный, потому что правил одной только рукой, а другую засунув назад, придерживал ею барина. Таким образом, уже на прокурорских дрожках доехал он к себе в гостиницу, где долго еще у него вертелся на языке всякий вздор:

белокурая невеста с румянцем и ямочкой на правой щеке, херсонские деревни, капиталы. Селифану даже были даны кое-какие хозяйственные приказания: собрать всех вновь переселившихся мужиков, чтобы сделать всем лично поголовную перекличку. Селифан молча слушал очень долго и потом вышел из комнаты, сказавши Петрушке: «Ступай раздевать барина!» Петрушка принялся снимать с него сапоги и чуть не стащил вместе с ними на пол и самого барина. Но наконец сапоги были сняты, барин разделся как следует и, поворочавшись несколько времени на постеле, которая скрыпела немилосердно, заснул решительно херсонским помещиком. А Петрушка между тем вынес на коридор панталоны и фрак брусничного цвета с искрой, который, растопыривши на деревянную вешалку, начал бить хлыстом и щеткой, напустивши пыли на весь коридор. Готовясь уже снять их, он взглянул на галереи вниз и увидел Селифана, возвращавшегося из конюшни. Они встретились взглядами и чутьем поняли друг друга: барин-де завалился спать, можно и заглянуть кое-куда. Тот же час, отнесши в комнату фрак и панталоны, Петрушка сошел вниз, и оба пошли вместе, не говоря друг другу ничего о цели путешествия и балагуря дорогою совершенно о постороннем. Прогулку сделали они недалекую: именно, перешли только на другую сторону улицы, к дому, бывшему насупротив гостиницы, и вошли в низенькую стеклянную закоптившуюся дверь, приводившую почти в подвал, где уже сидело за деревянными столами много всяких: и бривших и не бривших бороды, и в нагольных тулупах и просто в рубахе, а кое-кто и во фризовой шинели. Что делали там Петрушка с Селифаном, Бог их ведает, но вышли они оттуда через час, взявшись за руки, сохраняя совершенное молчание, оказывая друг другу большое внимание и предостерегая взаимно от всяких углов. Рука в руку, не выпуская друг друга, они целые четверть часа взбирались на лестницу, наконец одолели ее и взошли. Петрушка остановился с минуту перед низенькою своею кроватью, придумывая, как бы лечь приличнее, и лег совершенно поперек, так что ноги его упирались в пол. Селифан лег и сам на той же кровати, поместив голову у Петрушки на брюхе и позабыв о том, что ему следовало спать вовсе не здесь, а, может быть, в людской, если не в конюшне близ лошадей. Оба заснули в ту же минуту, поднявши храп неслыханной густоты, на который барин

из другой комнаты отвечал тонким носовым свистом. Скоро вслед за ними все угомонились, и гостиница объялась непробудным сном; только в одном окошечке виден еще был свет, где жил какой-то приехавший из Рязани поручик, большой, по-видимому, охотник до сапогов, потому что заказал уже четыре пары и беспрестанно примеривал пятую. Несколько раз подходил он к постели, с тем чтобы их скинуть и лечь, но никак не мог: сапоги, точно, были хорошо сшиты, и долго еще поднимал он ногу и обсматривал бойко и на диво стачанный каблук.

Глава восьмая

Покупки Чичикова сделались предметом разговоров. В городе пошли толки, мнения, рассуждения о том, выгодно ли покупать на вывод крестьян. Из прений многие отзывались совершенным познанием предмета. «Конечно, — говорили иные, — это так, против этого и спору нет: земли в южных губерниях, точно, хороши и плодородны; но каково будет крестьянам Чичикова без воды? реки ведь нет никакой». — «Это бы еще ничего, что нет воды, это бы ничего, Степан Дмитриевич, но переселение-то ненадежная вещь. Дело известное, что мужик: на новой земле, да заняться еще хлебопашеством, да ничего у него нет, ни избы, ни двора, — убежит, как дважды два, навострит так лыжи, что и следа не отыщешь». — «Нет, Алексей Иванович, позвольте, позвольте, я не согласен с тем, что вы говорите, что мужик Чичикова убежит. Русский человек способен ко всему и привыкает ко всякому климату. Пошли его хоть в Камчатку, да дай только теплые рукавицы, он похлопает руками, топор в руки, и пошел рубить себе новую избу». — «Но, Иван Григорьевич, ты упустил из виду важное дело: ты не спросил еще, каков мужик у Чичикова. Позабыл то, что ведь хорошего человека не продаст помещик; я готов голову положить, если мужик Чичикова не вор и не пьяница в последней степени, праздношатайка и буйного поведения». — «Так, так, на это я согласен, это правда, никто не продаст хороших людей, и мужики Чичикова пьяницы, но нужно принять во внимание, что вот тут-то и есть мораль, тут-то и заключена мораль: они теперь негодяи, а, переселившись на новую землю, вдруг могут сделаться отличными подданными. Уж было немало таких примеров:

просто в мире, да и по истории, тоже». — «Никогда, никогда, — говорил управляющий казенными фабриками, — поверьте, никогда это не может быть. Ибо у крестьян Чичикова будут теперь два сильные врага. Первый враг есть близость губерний малороссийских, где, как известно, свободная продажа вина. Я вас уверяю: в две недели они изольются и будут стельки. Другой враг есть уже самая привычка к бродяжнической жизни, которая необходимо приобретется крестьянами во время переселения. Нужно разве, чтобы они вечно были пред глазами Чичикова и чтоб он держал их в ежовых рукавицах, гонял бы их за всякий вздор, да и не то чтобы полагаясь на другого, а чтобы сам таки лично, где следует, дал бы и зуботычину и подзатыльника». — «Зачем же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники, он может найти и управителя». — «Да, найдете управителя: все мошенники!» — «Мошенники потому, что господа не занимаются делом». — «Это правда, — подхватили многие. — Знай господин сам хотя сколько-нибудь толку в хозяйстве да умей различать людей — у него будет всегда хороший управитель». Но управляющий сказал, что меньше как за пять тысяч нельзя найти хорошего управителя. Но председатель сказал, что можно и за три тысячи сыскать. Но управляющий сказал: «Где же вы его сыщете? разве у себя в носу?» Но председатель сказал: «Нет, не в носу, а в здешнем же уезде, именно: Петр Петрович Самойлов: вот управитель, какой нужен для мужиков Чичикова!» Многие сильно входили в положение Чичикова, и трудность переселения такого огромного количества крестьян их чрезвычайно устрашала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между таким беспокойным народом, каковы крестьяне Чичикова. На это полицеймейстер заметил, что бунта нечего опасаться, что в отвращение его существует власть капитана-исправника, что капитан-исправник хоть сам и не езди, а пошли только на место себя один картуз свой, то один этот картуз погонит крестьян до самого места их жительства. Многие предложили свои мнения насчет того, как искоренить буйный дух, обуревавший крестьян Чичикова. Мнения были всякого рода: были такие, которые уже чересчур отзывались военною жестокостью и строгостию, едва ли не излишнею; были, однако же, и такие, которые дышали кротостию. Почтмейстер заметил, что Чичикову предстоит священная обязанность,

что он может сделаться среди своих крестьян некоторого рода отцом, по его выражению, ввести даже благодетельное просвещение, и при этом случае отозвался с большою похвалою об Ланкастеровой школе взаимного обученья.

Таким образом рассуждали и говорили в городе, и многие, побуждаемые участием, сообщили даже Чичикову лично некоторые из сих советов, предлагали даже конвой для безопасного препровожденья крестьян до места жительства. За советы Чичиков благодарил, говоря, что при случае не преминет ими воспользоваться, а от конвоя отказался решительно, говоря, что он совершенно не нужен, что купленные им крестьяне отменно смирного характера, чувствуют сами добровольное расположение к переселению и что бунта ни в каком случае между ними быть не может.

Все эти толки и рассуждения произвели, однако ж, самые благоприятные следствия, каких только мог ожидать Чичиков. Именно, пронесли слухи, что он не более не менее как миллионщик. Жители города и без того, как уже мы видели в первой главе, душевно полюбили Чичикова, а теперь, после таких слухов, полюбили еще душевнее. Впрочем, если сказать правду, они всё были народ добрый, жили между собою в ладу, обращались совершенно по-приятельски, и беседы их носили печать какого-то особенного простодушия и короткости: «Любезный друг Илья Ильич», «Послушай, брат, Антипатор Захарьевич!», «Ты заврался, мамочка, Иван Григорьевич». К почтмейстеру, которого звали Иван Андреевич, всегда прибавляли: «Шпрехен зи дейч, Иван Адрейч?» — словом, все было очень семейственно. Многие были не без образования: председатель палаты знал наизусть «Людмилу» Жуковского, которая еще была тогда непростывшею новостию, и мастерски читал многие места, особенно: «Бор заснул, долина спит», и словно «чу!» так, что в самом деле виделось, как будто долина спит; для большего сходства он даже в это время зажмуривал глаза. Почтмейстер вдался более в философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы «Ночи» и «Ключ к таинствам натуры» Эккартсгаузена, из которых делал весьма длинные выписки, но какого рода они были, это никому не было известно; впрочем, он был остряк, цветист в словах и любил, как сам выражался, уснастить речь. А уснащивал он речь множеством разных частиц, как-то:

«сударь ты мой, эдакой какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себе представить, относительно так сказать, некоторым образом», и прочими, которые сыпал он мешками; уснащивал он речь тоже довольно удачно подмаргиванием, прищуриванием одного глаза, что все придавало весьма едкое выражение многим его сатирическим намекам. Прочие тоже были более или менее люди просвещенные: кто читал Карамзина, кто «Московские Ведомости», кто даже и совсем ничего не читал. Кто был то, что называют тюрюк, то есть человек, которого нужно было подымать пинком на что-нибудь; кто был просто байбак, лежавший, как говорится, весь век на боку, которого даже напрасно было подымать: не встанет ни в каком случае. Насчет благовидности уже известно, все они были люди надежные, чахоточного между ними никого не было. Все были такого рода, которым жены в нежных разговорах, происходящих в уединении, давали названия: кубышки, толстунчика, пузантика, чернушки, кики, жужу и проч. Но вообще они были народ добрый, полны гостеприимства, и человек, вкусивший с ними хлеба-соли или просидевший вечер за вистом, уже становился чем-то близким, тем более Чичиков с своими обворожительными качествами и приемами, знавший в самом деле великую тайну нравиться. Они так полюбили его, что он не видел средств, как вырваться из города; только и слышал он: «Ну, недельку, еще одну недельку поживите с нами, Павел Иванович!» — словом, он был носим, как говорится, на руках. Но несравненно замечательнее было впечатление (совершенный предмет изумления!), которое произвел Чичиков на дам. Чтоб это сколько-нибудь изъяснить, следовало бы сказать многое о самих дамах, об их обществе, описать, как говорится, живыми красками их душевные качества; но для автора это очень трудно. С одной стороны, останавливает его неограниченное почтение к супругам сановников, а с другой стороны... с другой стороны — просто трудно. Дамы города N были... нет, никаким образом не могу: чувствуется точно робость. В дамах города N больше всего замечательно было то... Даже странно, совсем не подымается перо, точно будто свинец какой-нибудь сидит в нем. Так и быть: о характерах их, видно, нужно предоставить сказать тому, у которого поживее краски и побольше их на палитре, а нам придется разве слова два о наружности да о том, что поповерхностней. Дамы города N

были то, что называют презентабельны, и в этом отношении их можно было смело поставить в пример всем другим. Что до того, как вести себя, соблюсти тон, поддержать этикет, множество приличий самых тонких, а особенно наблюсти моду в самых последних мелочах, то в этом они опередили даже дам петербургских и московских. Одевались они с большим вкусом, разъезжали по городу в колясках, как предписывала последняя мода, сзади покачивался лакей, и ливрея в золотых позументах. Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойке или бубновом тузе, но вещь была очень священная. Из-за нее две дамы, большие приятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно, именно за то, что одна из них как-то манкировала контрвизитом. И уж как ни старались потом мужья и родственники примирить их, но нет, оказалось, что все можно сделать на свете, одного только нельзя: примирить двух дам, поссорившихся за манкировку визита. Так обе дамы и остались во взаимном нерасположении, по выражению городского света. Насчет занятия первых мест происходило тоже множество весьма сильных сцен, внушавших мужьям иногда совершенно рыцарские, великодушные понятия о заступничестве. Дуэли, конечно, между ними не происходило, потому что все были гражданские чиновники, но зато один другому старался напакостить, где было можно, что, как известно, подчас бывает тяжелее всякой дуэли. В нравах дамы города N были строги, исполнены благородного негодования противу всего порочного и всяких соблазнов, казнили без всякой пощады всякие слабости. Если же между ими и происходило какое-нибудь то, что называют *другое-третье*, то оно происходило втайне, так что не было подаваемо никакого вида, что происходило; сохранялось все достоинство, и самый муж так был приготовлен, что если и видел *другое-третье* или слышал о нем, то отвечал коротко и благоразумно пословицею: «Кому какое дело, что кума с кумом сидела». Еще нужно сказать, что дамы города N отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством платка». Ни в каком случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек

на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведет себя» — или что-нибудь вроде этого. Чтоб еще более облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе из разговора, и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку, зато уж там, по-французски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо пожестче упомянутых. Итак, вот что можно сказать о дамах города N, говоря поповерхностней. Но если заглянуть поглубже, то, конечно, откроется много иных вещей; но весьма опасно заглядывать поглубже в дамские сердца. Итак, ограничась поверхностью, будем продолжать. До сих пор все дамы как-то мало говорили о Чичикове, отдавая, впрочем, ему полную справедливость в приятности светского обращения; но с тех пор как пронеслись слухи об его миллионстве, отыскались и другие качества. Впрочем, дамы были вовсе не интересанки; виною всему слово «миллионщик», — не сам миллионщик, а именно одно слово; ибо в одном звуке этого слова, мимо всякого денежного мешка, заключается что-то такое, которое действует и на людей подлецов, и на людей ни се ни то, и на людей хороших, — словом, на всех действует. Миллионщик имеет ту выгоду, что может видеть подлость, совершенно бескорыстную, чистую подлость, не основанную ни на каких расчетах: многие очень хорошо знают, что ничего не получат от него и не имеют никакого права получить, но непременно хоть забегут ему вперед, хоть засмеются, хоть снимут шляпу, хоть напросятся насильно на тот обед, куда узнают, что приглашен миллионщик. Нельзя сказать, чтобы это нежное расположение к подлости было почувствовано дамами; однако же в многих гостиных стали говорить, что, конечно, Чичиков не первый красавец, но зато таков, как следует быть мужчине, что будь он немного толще или полнее, уж это было бы нехорошо. При этом было сказано как-то даже несколько обидно насчет тоненького мужчины: что он больше ничего, как что-то вроде зубочистки, а не человека. В дамских нарядах оказались многие разные прибавления. В гостином дворе сделалась толкотня, чуть не давка; образовалось даже гулянье, до такой степени наехало экипажей. Купцы изумились, увидя, как несколько кусков материй, привезенных ими с ярмарки и не сходивших с рук по причине цены, показавшейся высокою, пошли вдруг в ход и были раскуплены нарасхват. Во время обедни у одной

из дам заметили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, так что частный пристав, находившийся тут же, дал приказание подвинуться народу подалее, то есть поближе к паперти, чтоб как-нибудь не измялся туалет ее высокоблагородия. Сам даже Чичиков не мог отчасти не заметить такого необыкновенного внимания. Один раз, возвратясь к себе домой, он нашел на столе у себя письмо; откуда и кто принес его, ничего нельзя было узнать; трактирный слуга отозвался, что принесли-де и не велели сказывать от кого. Письмо начиналось очень решительно, именно так: «Нет, я должна к тебе писать!» Потом говорено было о том, что есть тайное сочувствие между душами; эта истина скреплена была несколькими точками, занявшими почти полстроки; потом следовало несколько мыслей, весьма замечательных по своей справедливости, так что считаем почти необходимым их выписать: «Что жизнь наша? — Долина, где поселились горести. Что свет? — Толпа людей, которая не чувствует». Затем писавшая упоминала, что омочает слезами строки нежной матери, которая, протекло двадцать пять лет, как уже не существует на свете; приглашали Чичикова в пустыню, оставить навсегда город, где люди в душных оградах не пользуются воздухом; окончание письма отзывалось даже решительным отчаяньем и заключалось такими стихами:

Две горлицы покажут
Тебе мой хладный прах,
Воркуя томно, скажут,
Что она умерла во слезах.

В последней строке не было размера, но это, впрочем, ничего: письмо было написано в духе тогдашнего времени. Никакой подписи тоже не было: ни имени, ни фамилии, ни даже месяца и числа. В postscriptum было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую и что на бале у губернатора, имеющем быть завтра, будет присутствовать сам оригинал.

Это очень его заинтересовало. В анониме было так много заманчивого и подстрекающего любопытство, что он перечел и в другой и в третий раз письмо и наконец сказал: «Любопытно бы, однако ж, знать, кто бы такая была писавшая!» Словом, дело, как видно, сделалось сурьезно; более часу он все думал об

этом, наконец, расставив руки и наклоня голову, сказал: «А письмо очень, очень кудряво написано!» Потом, само собой разумеется, письмо было свернуто и уложено в шкатулку, в соседстве с какою-то афишею и пригласительным свадебным билетом, семь лет сохранявшимся в том же положении и на том же месте. Немного спустя принесли к нему, точно, приглашенье на бал к губернатору, — дело весьма обыкновенное в губернских городах: где губернатор, там и бал, иначе никак не будет надлежащей любви и уважения со стороны дворянства.

Все постороннее было в ту ж минуту оставлено и отстранено прочь, и все было устремлено на приготовление к балу; ибо, точно, было много побудительных и задирающих причин. Зато, может быть, от самого создания света не было употреблено столько времени на туалет. Целый час был посвящен только на одно рассматривание лица в зеркале. Пробовалось сообщить ему множество разных выражений: то важное и степенное, то почтительное, но с некоторою улыбкою, то просто почтительное без улыбки; отпущено было в зеркало несколько поклонов в сопровождении неясных звуков, отчасти похожих на французские, хотя по-французски Чичиков не знал вовсе. Он сделал даже самому себе множество приятных сюрпризов, подмигнул бровью и губами и сделал кое-что даже языком; словом, мало ли чего не делаешь, оставшись один, чувствуя притом, что хорош, да к тому же будучи уверен, что никто не заглядывает в щелку. Наконец он слегка трепнул себя по подбородку, сказавши: «Ах ты мордашка эдакой!» — и стал одеваться. Самое довольное расположение сопровождало его во все время одевания: надевая подтяжки или повязывая галстук, он расшаркивался и кланялся с особенною ловкостию и хотя никогда не танцевал, но сделал антраша. Это антраша произвело маленькое невинное следствие: задрожал комод, и упала со стола щетка.

Появление его на бале произвело необыкновенное действие. Все, что ни было, обратилось к нему навстречу, кто с картами в руках, кто на самом интересном пункте разговора произнесши: «а нижний земский суд отвечает на это...», но что такое отвечает земский суд, уж это он бросил в сторону и спешил с приветствием к нашему герою. «Павел Иванович! Ах Боже мой, Павел Иванович! Любезный Павел Иванович! Почтеннейший

Павел Иванович! Душа моя Павел Иванович! Вот вы где, Павел Иванович! Вот он, наш Павел Иванович! Позвольте прижать вас, Павел Иванович! Давайте-ка его сюда, вот я его поцелую покрепче, моего дорогого Павла Ивановича!» Чичиков разом почувствовал себя в нескольких объятиях. Не успел совершенно выкарабкаться из объятий председателя, как очутился уже в объятиях полицеймейстера; полицеймейстер сдал его инспектору врачебной управы; инспектор врачебной управы — откупщику, откупщик — архитектору... Губернатор, который в то время стоял возле дам и держал в одной руке конфектный билет, а в другой болонку, увидя его, бросил на пол и билет и болонку, — только завизжала собачонка; словом, распространил он радость и веселье необыкновенное. Не было лица, на котором бы не выразилось удовольствие или по крайней мере отражение всеобщего удовольствия. Так бывает на лицах чиновников во время осмотра приехавшим начальником вверенных управлению их мест: после того как уже первый страх прошел, они увидели, что многое ему нравится, и он сам изволил наконец пошутить, то есть произнести с приятною усмешкой несколько слов. Смеются вдвое в ответ на это обступившие его приближенные чиновники; смеются от души те, которые, впрочем, несколько плохо услыхали произнесенные им слова, и, наконец, стоящий далеко у дверей у самого выхода какой-нибудь полицейский, отроду не смеявшийся во всю жизнь свою и только что показавший перед тем народу кулак, и тот по неизменным законам отражения выражает на лице своем какую-то улыбку, хотя эта улыбка более похожа на то, как бы кто-нибудь собирался чихнуть после крепкого табаку. Герой наш отвечал всем и каждому и чувствовал какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налево, по обыкновению своему несколько набок, но совершенно свободно, так что очаровал всех. Дамы тут же обступили его блистающею гирляндою и нанесли с собой целые облака всякого рода благоуханий: одна дышала розами, от другой несло весной и фиалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиков подымал только нос кверху да нюхал. В нарядах их вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были таких бледных модных цветов, каким даже и названья нельзя было прибрать (до такой степени дошла тонкость вкуса). Ленточные банты и цветочные букеты порхали там и там по платьям

в самом картинном беспорядке, хотя над этим беспорядком трудилась много порядочная голова. Легкий головной убор держался только на одних ушах, и казалось, говорил: «Эй, улечу, жаль только, что не подыму с собой красавицу!» Талии были обтянуты и имели самые крепкие и приятные для глаз формы (нужно заметить, что вообще все дамы города N были несколько полны, но шнуровались так искусно и имели такое приятное обращение, что толщины никак нельзя было приметить). Все было у них придумано и предусмотрено с необыкновенною осмотрительностию; шея, плечи были открыты именно настолько, насколько нужно, и никак не дальше; каждая обнажила свои владения до тех пор, пока чувствовала по собственному убеждению, что они способны погубить человека; остальное все было припрятано с необыкновенным вкусом: или какой-нибудь легонький галстучек из ленты, или шарф легче пирожного, известного под именем «поцелуя», эфирно обнимал шею, или выпущены были из-за плеч, из-под платья, маленькие зубчатые стенки из тонкого батиста, известные под именем «скромностей». Эти «скромности» скрывали напереди и сзади то, что уже не могло нанести гибели человеку, а между тем заставляли подозревать, что там-то именно и была самая погибель. Длинные перчатки были надеты не вплоть до рукавов, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительные части рук повыше локтя, которые у многих дышали завидною полнотою; у иных даже лопнули лайковые перчатки, побужденные надвинуться далее, — словом, кажется, как будто на всем было написано: нет, это не губерния, это столица, это сам Париж! Только местами вдруг высовывался какой-нибудь не виданный землею чепец или даже какое-то чуть не павлиное перо в противность всем модам, по собственному вкусу. Но уж без этого нельзя, таково свойство губернского города: где-нибудь уж он непременно оборвется. Чичиков, стоя перед ними, думал: «Которая, однако же, сочинительница письма?» — и высунул было вперед нос; но по самому носу дернул его целый ряд локтей, обшлагов, рукавов, концов лент, душистых шемизеток и платьев. Галопад летел во всю пропалую: почтмейстерша, капитан-исправник, дама с голубым пером, дама с белым пером, грузинский князь Чипхайхилидзев, чиновник из Петербурга, чиновник из Москвы, француз Куку, Перхуновский, Беребендовский — все поднялось и понеслось...

— Вона! пошла писать губерния! — проговорил Чичиков, попятившись назад, и как только дамы расселись по местам, он вновь начал выглядывать: нельзя ли по выражению в лице и в глазах узнать, которая была сочинительница; но никак нельзя было узнать ни по выражению в лице, ни по выражению в глазах, которая была сочинительница. Везде было заметно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неуловимо-тонкое, у! какое тонкое!.. «Нет, — сказал сам в себе Чичиков, — женщины, это такой предмет... — Здесь он и рукой махнул, — просто и говорить нечего! Поди-ка попробуй рассказать или передать все то, что бегает на их лицах, все те излучинки, намеки, — а вот просто ничего не передашь. Одни глаза их такое бесконечное государство, в которое заехал человек — и поминай как звали! Уж его оттуда ни крючком, ничем не вытащишь. Ну попробуй, например, рассказать один блеск их: влажный, бархатный, сахарный. Бог их знает какого нет еще! и жесткий, и мягкий, и даже совсем томный, или, как иные говорят, в неге, или без неги, но пуще, нежели в неге — так вот зацепит за сердце, да и поведет по всей душе, как будто смычком. Нет, просто не приберешь слова: галантёрная половина человеческого рода, да и ничего больше!»

Виноват! Кажется, из уст нашего героя излетело словцо, подмеченное на улице. Что ж делать? Таково на Руси положение писателя! Впрочем, если слово из улицы попало в книгу, не писатель виноват, виноваты читатели, и прежде всего читатели высшего общества: от них первых не услышишь ни одного порядочного русского слова, а французскими, немецкими и английскими они, пожалуй, наделят в таком количестве, что и не захочешь, и наделят даже с сохранением всех возможных произношений: по-французски в нос и картавя, по-английски произнесут, как следует птице, и даже физиономию сделают птичью, и даже посмеются над тем, кто не сумеет сделать птичьей физиономии; а вот только русским ничем не наделят, разве из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе. Вот каковы читатели высшего сословия, а за ними и все причитающие себя к высшему сословию! А между тем какая взыскательность! Хотят непременно, чтобы все было написано языком самым строгим, очищенным и благородным, — словом, хотят, чтобы русский язык сам собою опустился вдруг с облаков, обработанный как следует, и сел бы

им прямо на язык, а им бы больше ничего, как только разинуть рты да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человеческого рода; но почтенные читатели, надо признаться, бывают еще мудренее.

А Чичиков приходил между тем в совершенное недоумение решить, которая из дам была сочинительница письма. Попробовавши устремить внимательнее взор, он увидел, что с дамской стороны тоже выражалось что-то такое, ниспосылающее вместе и надежду, и сладкие муки в сердце бедного смертного, что он наконец сказал: «Нет, никак нельзя угадать!» Это, однако же, никак не уменьшило веселого расположения духа, в котором он находился. Он непринужденно и ловко разменялся с некоторыми из дам приятными словами, подходил к той и другой дробным, мелким шагом, или, как говорят, семенил ножками, как обыкновенно делают маленькие старички щеголи на высоких каблуках, называемые мышиными жеребчиками, забегающие весьма проворно около дам. Посеменивши с довольно ловкими поворотами направо и налево, он подшаркнул тут же ножкой в виде коротенького хвостика или наподобие запятой. Дамы были очень довольны и не только отыскали в нем кучу приятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выражение в лице, что-то даже марсовское и военное, что, как известно, очень нравится женщинам. Даже из-за него уже начинали несколько ссориться: заметивши, что он становился обыкновенно около дверей, некоторые наперерыв спешили занять стул поближе к дверям, и когда одной посчастливилось сделать это прежде, то едва не произошла пренеприятная история, и многим, желавшим себе сделать то же, показалась уже чересчур отвратительною подобная наглость.

Чичиков так занялся разговорами с дамами, или, лучше, дамы так заняли и закружили его своими разговорами, подсыпая кучу самых замысловатых и тонких аллегорий, которые все нужно было разгадывать, отчего даже выступил у него на лбу пот, — что он позабыл исполнить долг приличия и подойти прежде всего к хозяйке. Вспомнил он об этом уже тогда, когда услышал голос самой губернаторши, стоявшей перед ним уже несколько минут. Губернаторша произнесла несколько ласковым и лукавым голосом с приятным потряхиванием головы: «А, Павел Иванович, так вот как вы!..» В точности не могу передать слов губернаторши,

но было сказано что-то исполненное большой любезности, в том духе, в котором изъясняются дамы и кавалеры в повестях наших светских писателей, охотников описывать гостиные и похвалиться знанием высшего тона в духе того, что «неужели овладели так вашим сердцем, что в нем нет более ни места, ни самого тесного уголка для безжалостно позабытых вами». Герой наш поворотился в ту ж минуту к губернаторше и уже готов был отпустить ей ответ, вероятно ничем не хуже тех, какие отпускают в модных повестях Звонские, Линские, Лидины, Гремины и всякие ловкие военные люди, как, невзначай поднявши глаза, остановился вдруг, будто оглушенный ударом.

Перед ним стояла не одна губернаторша: она держала под руку молоденькую шестнадцатилетнюю девушку, свеженькую блондинку с тоненькими и стройными чертами лица, с остреньким подбородком, с очаровательно кругливым овалом лица, какое художник взял бы в образец для Мадонны и какое только редким случаем попадается на Руси, где любит все оказаться в широком размере, всё что ни есть: и горы и леса и степи, и лица и губы и ноги; ту самую блондинку, которую он встретил на дороге, ехавши от Ноздрева, когда, по глупости кучеров или лошадей, их экипажи так странно столкнулись, перепутавшись упряжью, и дядя Митяй с дядею Миняем взялись распутывать дело. Чичиков так смешался, что не мог произнести ни одного толкового слова, и пробормотал черт знает что такое, чего бы уж никак не сказал ни Гремин, ни Звонский, ни Лидин.

— Вы не знаете еще моей дочери? — сказала губернаторша, — институтка, только что выпущена.

Он отвечал, что уже имел счастие нечаянным образом познакомиться; попробовал еще кое-что прибавить, но кое-что совсем не вышло. Губернаторша, сказав два-три слова, наконец отошла с дочерью в другой конец залы к другим гостям, а Чичиков все еще стоял неподвижно на одном и том же месте, как человек, который весело вышел на улицу, с тем чтобы прогуляться, с глазами, расположенными глядеть на все, и вдруг неподвижно остановился, вспомнив, что он позабыл что-то, и уж тогда глупее ничего не может быть такого человека: вмиг беззаботное выражение слетает с лица его; он силится припомнить, что позабыл он, — не платок ли? но платок в кармане; не деньги ли? но деньги тоже в кармане,

все, кажется, при нем, а между тем какой-то неведомый дух шепчет ему в уши, что он позабыл что-то. И вот уже глядит он растерянно и смутно на движущуюся толпу перед ним, на летающие экипажи, на кивера и ружья проходящего полка, на вывеску — и ничего хорошо не видит. Так и Чичиков вдруг сделался чуждым всему, что ни происходило вокруг него. В это время из дамских благовонных уст к нему устремилось множество намеков и вопросов, проникнутых насквозь тонкостию и любезностию. «Позволено ли нам, бедным жителям земли, быть так дерзкими, чтобы спросить вас, о чем мечтаете?» — «Где находятся те счастливые места, в которых порхает мысль ваша?» — «Можно ли знать имя той, которая погрузила вас в эту сладкую долину задумчивости?» Но он отвечал на все решительным невниманием, и приятные фразы канули, как в воду. Он даже до того был неучтив, что скоро ушел от них в другую сторону, желая повысмотреть, куда ушла губернаторша с своей дочкой. Но дамы, кажется, не хотели оставить его так скоро; каждая внутренне решилась употребить всевозможные орудия, столь опасные для сердец наших, и пустить в ход все, что было лучшего. Нужно заметить, что у некоторых дам — я говорю у некоторых, это не то, что у всех, — есть маленькая слабость: если они заметят у себя что-нибудь особенно хорошее, лоб ли, рот ли, руки ли, то уже думают, что лучшая часть лица их так первая и бросится всем в глаза и все вдруг заговорят в один голос: «Посмотрите, посмотрите, какой у ней прекрасный греческий нос!» или: «Какой правильный, очаровательный лоб!» У которой же хороши плечи, та уверена заранее, что все молодые люди будут совершенно восхищены и то и дело станут повторять в то время, когда она будет проходить мимо: «Ах, какие чудесные у этой плечи», — а на лицо, волосы, нос, лоб даже не взглянут, если же и взглянут, то как на что-то постороннее. Таким образом думают иные дамы. Каждая дама дала себе внутренний обет быть как можно очаровательней в танцах и показать во всем блеске превосходство того, что у нее было самого превосходного. Почтмейстерша, вальсируя, с такой томностию опустила набок голову, что слышалось в самом деле что-то неземное. Одна очень любезная дама, — которая приехала вовсе не с тем чтобы танцевать, по причине приключившегося, как сама выразилась, небольшого инкомодите в виде горошинки на правой ноге, вследствие чего

должна была даже надеть плисовые сапоги, — не вытерпела, однако же, и сделала несколько кругов в плисовых сапогах, для того именно, чтобы почтмейстерша не забрала в самом деле слишком много себе в голову.

Но все это никак не произвело предполагаемого действия на Чичикова. Он даже не смотрел на круги, производимые дамами, но беспрестанно подымался на цыпочки выглядывать поверх голов, куда бы могла забраться занимательная блондинка; приседал и вниз тоже, высматривая промеж плечей и спин, наконец доискался и увидел ее, сидящую вместе с матерью, над которою величаво колебалась какая-то восточная чалма с пером. Казалось, как будто он хотел взять их приступом; весеннее ли расположение подействовало на него, или толкал его кто сзади, только он протеснялся решительно вперед, несмотря ни на что; откупщик получил от него такой толчок, что пошатнулся и чуть-чуть удержался на одной ноге, не то бы, конечно, повалил за собою целый ряд; почтмейстер тоже отступился и посмотрел на него с изумлением, смешанным с довольно тонкой иронией, но он на них не поглядел; он видел только вдали блондинку, надевавшую длинную перчатку и, без сомнения, сгоравшую желанием пуститься летать по паркету. А уж там в стороне четыре пары откалывали мазурку; каблуки ломали пол, и армейский штабс-капитан работал и душою и телом, и руками и ногами, отвертывая такие па, какие и во сне никому не случалось отвертывать. Чичиков прошмыгнул мимо мазурки почти по самым каблукам и прямо к тому месту, где сидела губернаторша с дочкой. Однако ж он подступил к ним очень робко, не семенил так бойко и франтовски ногами, даже несколько замялся, и во всех движениях оказалась какая-то неловкость.

Нельзя сказать наверно, точно ли пробудилось в нашем герое чувство любви, — даже сомнительно, чтобы господа такого рода, то есть не так чтобы толстые, однако ж и не то чтобы тонкие, способны были к любви; но при всем том здесь было что-то такое странное, что-то в таком роде, чего он сам не мог себе объяснить: ему показалось, как сам он потом сознавался, что весь бал, со всем своим говором и шумом, стал на несколько минут как будто где-то вдали; скрыпки и трубы нарезывали где-то за горами, и все подернулось туманом, похожим на небрежно

замалеванное поле на картине. И из этого мглистого, кое-как набросанного поля выходили ясно и оконченно только одни тонкие черты увлекательной блондинки: ее овально-кругливщееся личико, ее тоненький, тоненький стан, какой бывает у институтки в первые месяцы после выпуска, ее белое, почти простое платьице, легко и ловко обхвативщее во всех местах молоденькие стройные члены, которые означались в каких-то чистых линиях. Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную из слоновой кости; она только одна *белела* и выходила прозрачною и светлою из мутной и непрозрачной толпы.

Видно, так уж бывает на свете; видно, и Чичиковы на несколько минут в жизни обращаются в поэтов; но слово «поэт» будет уже слишком. По крайней мере он почувствовал себя совершенно чем-то вроде молодого человека, чуть-чуть не гусаром. Увидевши возле них пустой стул, он тотчас его занял. Разговор сначала не клеился, но после дело пошло, и он начал даже получать форс, но... здесь, к величайшему прискорбию, надобно заметить, что люди степенные и занимающие важные должности как-то немного тяжеловаты в разговорах с дамами; на это мастера господа поручики и никак не далее капитанских чинов. Как они делают, Бог их ведает: кажется, и не очень мудреные вещи говорят, а девица то и дело качается на стуле от смеха; статский же советник Бог знает что расскажет: или поведет речь о том, что Россия очень пространное государство, или отпустит комплимент, который, конечно, выдуман не без остроумия, но от него ужасно пахнет книгою; если же скажет что-нибудь смешное, то сам несравненно больше смеется, чем та, которая его слушает. Здесь это замечено для того, чтобы читатели видели, почему блондинка стала зевать во время рассказов нашего героя. Герой, однако же, совсем этого не замечал, рассказывая множество приятных вещей, которые уже случалось ему произносить в подобных случаях в разных местах: именно в Симбирской губернии у Софрона Ивановича Беспечного, где были тогда дочь его Аделаида Софроновна с тремя золовками: Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной; у Федора Федоровича Перекроева в Рязанской губернии; у Фрола Васильевича Победоносного в Пензенской губернии и у брата его Петра Васильевича, где были свояченица его Катерина Михайловна и внучатные сестры ее Роза

Федоровна и Эмилия Федоровна; в Вятской губернии у Петра Варсонофьевича, где была сестра невестки его Пелагея Егоровна с племянницей Софьей Ростиславной и двумя сводными сестрами — Софией Александровной и Маклатурой Александровной.

Всем дамам совершенно не понравилось такое обхождение Чичикова. Одна из них нарочно прошла мимо его, чтобы дать ему это заметить, и даже задела блондинку довольно небрежно толстым руло своего платья, а шарфом, который порхал вокруг плеч ее, распорядилась так, что он махнул концом своим ее по самому лицу; в то же самое время позади его из одних дамских уст изнеслось вместе с запахом фиалок довольно колкое и язвительное замечание. Но, или он не услышал в самом деле, или прикинулся, что не услышал, только это было нехорошо, ибо мнением дам нужно дорожить: в этом он и раскаялся, но уже после, стало быть поздно.

Негодование, во всех отношениях справедливое, изобразилось во многих лицах. Как ни велик был в обществе вес Чичикова, хотя он и миллионщик и в лице его выражалось величие и даже что-то марсовское и военное, но есть вещи, которых дамы не простят никому, будь он кто бы ни было, и тогда прямо пиши пропало! Есть случаи, где женщина, как ни слаба и бессильна характером в сравнении с мужчиною, но становится вдруг тверже не только мужчины, но и всего что ни есть на свете. Пренебрежение, оказанное Чичиковым, почти неумышленное, восстановило между дамами даже согласие, бывшее было на краю погибели по случаю завладения стулом. В произнесенных им невзначай каких-то сухих и обыкновенных словах нашли колкие намеки. В довершение бед какой-то из молодых людей сочинил тут же сатирические стихи на танцевавшее общество, без чего, как известно, никогда почти не обходится на губернских балах. Эти стихи были приписаны тут же Чичикову. Негодованье росло, и дамы стали говорить о нем в разных углах самым неблагоприятным образом; а бедная институтка была уничтожена совершенно, и приговор ее уже был подписан.

А между тем герою нашему готовилась пренеприятнейшая неожиданность: в то время, когда блондинка зевала, а он рассказывал ей кое-какие в разные времена случившиеся историйки, и даже коснулся было греческого философа Диогена, показался из

последней комнаты Ноздрев. Из буфета ли он вырвался, или из небольшой зеленой гостиной, где производилась игра посильнее, чем в обыкновенный вист, своей ли волею, или вытолкали его, только он явился веселый, радостный, ухвативши под руку прокурора, которого, вероятно, уже таскал несколько времени, потому что бедный прокурор поворачивал на все стороны свои густые брови, как бы придумывая средство выбраться из этого дружеского подручного путешествия. В самом деле, оно было невыносимо. Ноздрев, захлебнув куражу в двух чашках чаю, конечно не без рома, врал немилосердно. Завидев еще издали его, Чичиков решился даже на пожертвование, то есть оставить свое завидное место и сколько можно поспешнее удалиться: ничего хорошего не предвещала ему эта встреча. Но, как на беду, в это время подвернулся губернатор, изъявивший необыкновенную радость, что нашел Павла Ивановича, и остановил его, прося быть судиею в споре его с двумя дамами насчет того, продолжительна ли женская любовь, или нет; а между тем Ноздрев уже увидал его и шел прямо навстречу.

— А, херсонский помещик, херсонский помещик! — кричал он, подходя и заливаясь смехом, от которого дрожали его свежие, румяные, как весенняя роза, щеки. — Что? много наторговал мертвых? Ведь вы не знаете, ваше превосходительство, — горланил он тут же, обратившись к губернатору, — он торгует мертвыми душами! Ей-Богу! Послушай, Чичиков! ведь ты, — я тебе говорю по дружбе, вот мы все здесь твои друзья, вот и его превосходительство здесь, — я бы тебя повесил, ей-Богу повесил!

Чичиков просто не знал, где сидел.

— Поверите ли, ваше превосходительство, — продолжал Ноздрев, — как сказал он мне: «Продай мертвых душ», — я так и лопнул со смеха. Приезжаю сюда, мне говорят, что накупил на три миллиона крестьян на вывод: каких на вывод! да он торговал у меня мертвых. Послушай, Чичиков, да ты скотина, ей-Богу скотина, вот и его превосходительство здесь, не правда ли, прокурор?

Но прокурор, и Чичиков, и сам губернатор пришли в такое замешательство, что не нашлись совершенно, что отвечать, а между тем Ноздрев, нимало не обращая внимания, нес полутрезвую речь:

— Уж ты, брат, ты, ты... я не отойду от тебя, пока не узнаю, зачем ты покупал мертвые души. Послушай, Чичиков, ведь тебе, право, стыдно, у тебя, ты сам знаешь, нет лучшего друга, как я. Вот и его превосходительство здесь, не правда ли, прокурор? Вы не верите, ваше превосходительство, как мы друг к другу привязаны, то есть, просто если бы вы сказали, вот, я тут стою, а вы бы сказали: «Ноздрев! скажи по совести, кто тебе дороже, отец родной или Чичиков?» — скажу: «Чичиков», ей-Богу... Позволь, душа, я тебе влеплю один безе. Уж вы позвольте, ваше превосходительство, поцеловать мне его. Да, Чичиков, уж ты не противься, одну безешку позволь напечатлеть тебе в белоснежную щеку твою!

Ноздрев был так оттолкнут с своими безе, что чуть не полетел на землю: от него все отступились и не слушали больше; но все же слова его о покупке мертвых душ были произнесены во всю глотку и сопровождены таким громким смехом, что привлекли внимание даже тех, которые находились в самых дальних углах комнаты. Эта новость так показалась странною, что все остановились с каким-то деревянным, глупо-вопросительным выражением. Чичиков заметил, что многие дамы перемигнулись между собою с какою-то злобною, едкою усмешкою и в выражении некоторых лиц показалось что-то такое двусмысленное, которое еще более увеличило это смущение. Что Ноздрев лгун отъявленный, это было известно всем, и вовсе не было в диковинку слышать от него решительную бессмыслицу; но смертный, право, трудно даже понять, как устроен этот смертный: как бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, он непременно сообщит ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: «Посмотрите, какую ложь распустили!» — а другой смертный с удовольствием преклонит ухо, хотя после скажет сам: «Да это совершенно пошлая ложь, не стоящая никакого внимания!» — и вслед за тем сей же час отправится искать третьего смертного, чтобы, рассказавши ему, после вместе с ним воскликнуть с благородным негодованием: «Какая пошлая ложь!» И это непременно обойдет весь город, и все смертные, сколько их ни есть, наговорятся непременно досыта и потом признают, что это не стоит внимания и не достойно, чтобы о нем говорить.

Это вздорное, по-видимому, происшествие заметно расстроило нашего героя. Как ни глупы слова дурака, а иногда бывают они достаточны, чтобы смутить умного человека. Он стал чувствовать себя неловко, неладно: точь-в-точь как будто прекрасно вычищенным сапогом вступил вдруг в грязную, вонючую лужу; словом, нехорошо, совсем нехорошо! Он пробовал об этом не думать, старался рассеяться, развлечься, присел в вист, но все пошло как кривое колесо: два раза сходил он в чужую масть и, позабыв, что по третьей не бьют, размахнулся со всей руки и хватил сдуру свою же. Председатель никак не мог понять, как Павел Иванович, так хорошо и, можно сказать, тонко разумевший игру, мог сделать подобные ошибки и подвел даже под обух его пикового короля, на которого он, по собственному выражению, надеялся, как на Бога. Конечно, почтмейстер и председатель и даже сам полицеймейстер, как водится, подшучивали над нашим героем, что уж не влюблен ли он и что мы знаем, дескать, что у Павла Ивановича сердечишко прихрамывает, знаем, кем и подстрелено; но все это никак его не утешало, как он ни пробовал усмехаться и отшучиваться. За ужином тоже он никак не был в состоянии развернуться, несмотря на то что общество за столом было приятное и что Ноздрева давно уже вывели; ибо сами даже дамы наконец заметили, что поведение его чересчур становилось скандалезно. Посреди котильона он сел на пол и стал хватать за полы танцующих, что было уже ни на что не похоже, по выражению дам. Ужин был очень весел, все лица, мелькавшие перед тройными подсвечниками, цветами, конфектами и бутылками, были озарены самым непринужденным довольством. Офицеры, дамы, фраки — все сделалось любезно, даже до приторности. Мужчины вскакивали со стульев и бежали отнимать у слуг блюда, чтобы с необыкновенною ловкостию предложить их дамам. Один полковник подал даме тарелку с соусом на конце́ обнаженной шпаги. Мужчины почтенных лет, между которыми сидел Чичиков, спорили громко, заедая дельное слово рыбой или говядиной, обмакнутой нещадным образом в горчицу, и спорили о тех предметах, в которых он даже всегда принимал участие; но он был похож на какого-то человека, уставшего или разбитого дальней дорогой, которому ничто не лезет на ум и который не в силах войти ни во что. Даже не дождался он окончания ужина и уехал к себе несравненно ранее, чем имел обыкновение уезжать.

Там, в этой комнатке, так знакомой читателю, с дверью, заставленной комодом, и выглядывавшими иногда из углов тараканами, положение мыслей и духа его было так же неспокойно, как неспокойны те кресла, в которых он сидел. Неприятно, смутно было у него на сердце, какая-то тягостная пустота оставалась там. «Чтоб вас черт побрал всех, кто выдумал эти балы! — говорил он в сердцах. — Ну, чему сдуру обрадовались? В губернии неурожаи, дороговизна, так вот они за балы! Эк штука: разрядились в бабьи тряпки! Невидаль, что иная навертела на себя тысячу рублей! А ведь на счет же крестьянских оброков или, что еще хуже, на счет совести нашего брата. Ведь известно, зачем берешь взятку и покривишь душой: для того чтобы жене достать на шаль или на разные роброны, провал их возьми, как их называют. А из чего? чтобы не сказала какая-нибудь подстёга Сидоровна, что на почтмейстерше лучше было платье, да из-за нее бух тысячу рублей. Кричат: «Бал, бал, веселость!» — просто дрянь бал, не в русском духе, не в русской натуре; черт знает что такое: взрослый, совершеннолетний вдруг выскочит весь в черном, общипанный, обтянутый, как чертик, и давай месить ногами. Иной даже, стоя в паре, переговаривает с другим об важном деле, а ногами в то же время, как козленок, вензеля направо и налево... Всё из обезьянства, всё из обезьянства! Что француз в сорок лет такой же ребенок, каким был и в пятнадцать, так вот давай же и мы! Нет, право... после всякого бала точно как будто какой грех сделал; и вспоминать даже о нем не хочется. В голове просто ничего, как после разговора с светским человеком: всего он наговорит, всего слегка коснется, все скажет, что понадергал из книжек, пестро, красно, а в голове хоть бы что-нибудь из того вынес, и видишь потом, как даже разговор с простым купцом, знающим одно свое дело, но знающим его твердо и опытно, лучше всех этих побрякушек. Ну что из него выжмешь, из этого бала? Ну если бы, положим, какой-нибудь писатель вздумал описывать всю эту сцену так, как она есть? Ну и в книге, и там была бы она так же бестолкова, как в натуре. Что она такое: нравственная ли, безнравственная ли? просто черт знает что такое! Плюнешь, да и книгу потом закроешь». Так отзывался неблагоприятно Чичиков о балах вообще; но, кажется, сюда вмешалась другая причина негодованья. Главная досада была не на бал,

а на то, что случилось ему оборваться, что он вдруг показался пред всеми Бог знает в каком виде, что сыграл какую-то странную, двусмысленную роль. Конечно, взглянувши оком благоразумного человека, он видел, что все это вздор, что глупое слово ничего не значит, особливо теперь, когда главное дело уже обделано как следует. Но странен человек: его огорчало сильно нерасположенье тех самых, которых он не уважал и насчет которых отзывался резко, понося их суетность и наряды. Это тем более было ему досадно, что разобравши дело ясно, он видел, как причиной этого был отчасти сам. На себя, однако же, он не рассердился, и в том, конечно, был прав. Все мы имеем маленькую слабость немножко пощадить себя, а постараемся лучше приискать какого-нибудь ближнего, на ком бы выместить свою досаду, например на слуге, на чиновнике, нам подведомственном, который в пору подвернулся, на жене или, наконец, на стуле, который швырнется черт знает куда, к самым дверям, так что отлетит от него ручка и спинка: пусть, мол, его знает, что такое гнев. Так и Чичиков скоро нашел ближнего, который потащил на плечах своих все, что только могла внушить ему досада. Ближний этот был Ноздрев, и нечего сказать, он был так отделан со всех боков и сторон, как разве только какой-нибудь плут староста или ямщик бывает отделан каким-нибудь езжалым, опытным капитаном, а иногда и генералом, который сверх многих выражений, сделавшихся классическими, прибавляет еще много неизвестных, которых изобретение принадлежит ему собственно. Вся родословная Ноздрева была разобрана, и многие из членов его фамилии в восходящей линии сильно потерпели.

Но в продолжение того, как он сидел в жестких своих креслах, тревожимый мыслями и бессонницей, угощая усердно Ноздрева и всю родню его, и перед ним теплилась сальная свечка, которой светильня давно уже накрылась нагоревшею черною шапкою, ежеминутно грозя погаснуть, и глядела ему в окна слепая, темная ночь, готовая посинеть от приближавшегося рассвета, и пересвистывались вдали отдаленные петухи, и в совершенно заснувшем городе, может быть, плелась где-нибудь фризовая шинель, горемыка неизвестно какого класса и чина, знающая одну только (увы!) слишком протертую русским забубенным народом дорогу, — в это время на другом конце города происходило событие,

которое готовилось увеличить неприятность положения нашего героя. Именно, в отдаленных улицах и закоулках города дребезжал весьма странный экипаж, наводивший недоумение насчет своего названия. Он не был похож ни на тарантас, ни на коляску, ни на бричку, а был скорее похож на толстощекий выпуклый арбуз, поставленный на колеса. Щеки этого арбуза, то есть дверцы, носившие следы желтой краски, затворялись очень плохо по причине плохого состояния ручек и замков, кое-как связанных веревками. Арбуз был наполнен ситцевыми подушками в виде кисетов, валиков и просто подушек, напичкан мешками с хлебами, калачами, кокурками, скородумками и кренделями из заварного теста. Пирог-курник и пирог-рассольник выглядывали даже наверх. Запятки были заняты лицом лакейского происхожденья, в куртке из домашней пеструшки, с небритой бородою, подернутою легкой проседью, — лицо, известное под именем «малого». Шум и визг от железных скобок и ржавых винтов разбудили на другом конце города будочника, который, подняв свою алебарду, закричал спросонья что стало мочи: «Кто идет?» — но, увидев, что никто не шел, а слышалось только издали дребезжанье, поймал у себя на воротнике какого-то зверя и, подошед к фонарю, казнил его тут же у себя на ногте. После чего, отставивши алебарду, опять заснул по уставам своего рыцарства. Лошади то и дело падали на передние коленки, потому что не были подкованы, и притом, как видно, покойная городская мостовая была им мало знакома. Колымага, сделавши несколько поворотов из улицы в улицу, наконец поворотила в темный переулок мимо небольшой приходской церкви Николы на Недотычках и остановилась пред воротами дома протопопши. Из брички вылезла девка, с платком на голове, в телогрейке, и хватила обоими кулаками в ворота так сильно, хоть бы и мужчине (малый в куртке из пеструшки был уже потом стащен за ноги, ибо спал мертвецки). Собаки залаяли, и ворота, разинувшись наконец, проглотили, хотя с большим трудом, это неуклюжее дорожное произведение. Экипаж въехал в тесный двор, заваленный дровами, курятниками и всякими клетухами; из экипажа вылезла барыня: эта барыня была помещица, коллежская секретарша Коробочка. Старушка вскоре после отъезда нашего героя в такое пришла беспокойство насчет могущего произойти со стороны его обмана, что,

не поспавши три ночи сряду, решилась ехать в город, несмотря на то что лошади не были подкованы, и там узнать наверно, почем ходят мертвые души и уж не промахнулась ли она. Боже сохрани, продав их, может быть, втридешева. Какое произвело следствие это прибытие, читатель может узнать из одного разговора, который произошел между одними двумя дамами. Разговор сей... но пусть лучше сей разговор будет в следующей главе.

Глава девятая

Поутру, ранее даже того времени, которое назначено в городе N для визитов, из дверей оранжевого деревянного дома с мезонином и голубыми колоннами выпорхнула дама в клетчатом щегольском клоке, сопровождаемая лакеем в шинели с несколькими воротниками и золотым галуном на круглой лощеной шляпе. Дама вспорхнула в тот же час с необыкновенною поспешностью по откинутым ступенькам в стоявшую у подъезда коляску. Лакей тут же захлопнул даму дверцами, закидал ступеньками и, ухватясь за ремни сзади коляски, закричал кучеру: «Пошел!» Дама везла только что услышанную новость и чувствовала побуждение непреодолимое скорее сообщить ее. Всякую минуту выглядывала она из окна и видела, к несказанной досаде, что все еще остается полдороги. Всякий дом казался ей длиннее обыкновенного; белая каменная богадельня с узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, так что она наконец не вытерпела не сказать: «Проклятое строение, и конца нет!» Кучер уже два раза получал приказание: «Поскорее, поскорее, Андрюшка! ты сегодня несносно долго едешь!» Наконец цель была достигнута. Коляска остановилась перед деревянным же одноэтажным домом темно-серого цвета, с белыми барельефчиками над окнами, с высокою деревянною решеткою перед самыми окнами и узеньким палисадником, за решеткою которого находившиеся тоненькие деревца побелели от никогда не сходившей с них городской пыли. В окнах мелькали горшки с цветами, попугай, качавшийся в клетке, уцепясь носом за кольцо, и две собачонки, спавшие перед солнцем. В этом доме жила искренняя приятельница приехавшей дамы. Автор чрезвычайно затрудняется, как назвать ему обеих дам таким образом, чтобы опять не рассердились на него,

как серживались встарь. Назвать выдуманною фамилией опасно. Какое ни придумай имя, уж непременно найдется в каком-нибудь углу нашего государства, благо велико, кто-нибудь, носящий его, и непременно рассердится не на живот, а на смерть, станет говорить, что автор нарочно приезжал секретно, с тем чтобы выведать все, что он такое сам, и в каком тулупчике ходит, и к какой Аграфене Ивановне наведывается, и что любит покушать. Назови же по чинам — Боже сохрани, и того опасней. Теперь у нас все чины и сословия так раздражены, что все, что ни есть в печатной книге, уже кажется им личностью: таково уж, видно, расположенье в воздухе. Достаточно сказать только, что есть в одном городе глупый человек, это уже и личность; вдруг выскочит господин почтенной наружности и закричит: «Ведь я тоже человек, стало быть, я тоже глуп», — словом, вмиг смекнет, в чем дело. А потому, для избежания всего этого, будем называть даму, к которой приехала гостья, так, как она называлась почти единогласно в городе N: именно, дамою приятною во всех отношениях. Это название она приобрела законным образом, ибо, точно, ничего не пожалела, чтобы сделаться любезною в последней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась ух какая юркая прыть женского характера! и хотя подчас в каждом приятном слове ее торчала ух какая булавка! а уж не приведи Бог, что кипело в сердце против той, которая бы пролезла как-нибудь и чем-нибудь в первые. Но все это было облечено самою тонкою светскостью, какая только бывает в губернском городе. Всякое движение производила она со вкусом, даже любила стихи, даже иногда мечтательно умела держать голову, — и все согласились, что она, точно, дама приятная во всех отношениях. Другая же дама, то есть приехавшая, не имела такой многосторонности в характере, и потому будем называть ее: просто приятная дама. Приезд гостьи разбудил собачонок, спавших на солнце: мохнатую Адель, беспрестанно путавшуюся в собственной шерсти, и кобелька Попури на тоненьких ножках. Тот и другая с лаем понесли кольцами хвосты свои в переднюю, где гостья освобождалась от своего клока и очутилась в платье модного узора и цвета и в длинных хвостах на шее; жасмины понеслись по всей комнате. Едва только во всех отношениях приятная дама узнала о приезде просто приятной дамы, как уже вбежала в переднюю. Дамы ухватились за руки, поцеловались

и вскрикнули, как вскрикивают институтки, встретившиеся вскоре после выпуска, когда маменьки еще не успели объяснить им, что отец у одной беднее и ниже чином, нежели у другой. Поцелуй совершился звонко, потому что собачонки залаяли снова, за что были хлопнуты платком, и обе дамы отправились в гостиную, разумеется голубую, с диваном, овальным столом и даже ширмочками, обвитыми плющом; вслед за ними побежали, ворча, мохнатая Адель и высокий Попури на тоненьких ножках. «Сюда, сюда, вот в этот уголочек! — говорила хозяйка, усаживая гостью в угол дивана. — Вот так! вот так! вот вам и подушка!» Сказавши это, она запихнула ей за спину подушку, на которой был вышит шерстью рыцарь таким образом, как их всегда вышивают по канве: нос вышел лестницею, а губы четвероугольником. «Как же я рада, что вы... Я слышу, кто-то подъехал, да думаю себе, кто бы мог так рано. Параша говорит: «вице-губернаторша», а я говорю: «ну вот, опять приехала дура надоедать», и уж хотела сказать, что меня нет дома...»

Гостья уже хотела было приступить к делу и сообщить новость. Но восклицание, которое издала в это время дама приятная во всех отношениях, вдруг дало другое направление к разговору.

— Какой веселенький ситец! — воскликнула во всех отношениях приятная дама, глядя на платье просто приятной дамы.

— Да, очень веселенький. Прасковья Федоровна, однако же, находит, что лучше, если бы клеточки были помельче, и чтобы не коричневые были крапинки, а голубые. Сестре ее прислали материйку: это такое очарованье, которого просто нельзя выразить словами; вообразите себе: полосочки узенькие-узенькие, какие только может представить воображение человеческое, фон голубой и через полоску всё глазки и лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... Словом, бесподобно! Можно сказать решительно, что ничего еще не было подобного на свете.

— Милая, это пестро.

— Ах нет, не пестро.

— Ах, пестро!

Нужно заметить, что во всех отношениях приятная дама была отчасти материалистка, склонна к отрицанию и сомнению и отвергала весьма многое в жизни.

Здесь просто приятная дама объяснила, что это отнюдь не пестро, и вскрикнула:

— Да, поздравляю вас: оборок более не носят.

— Как не носят?

— На место их фестончики.

— Ах, это нехорошо, фестончики!

— Фестончики, всё фестончики: пелеринка из фестончиков, на рукавах фестончики, эполетцы из фестончиков, внизу фестончики, везде фестончики.

— Нехорошо, Софья Ивановна, если все фестончики.

— Мило, Анна Григорьевна, до невероятности; шьется в два рубчика: широкие проймы и сверху... Но вот, вот когда вы изумитесь, вот уж когда скажете, что... Ну, изумляйтесь: вообразите, лифчики пошли еще длиннее, впереди мыском, и передняя косточка совсем выходит из границ; юбка вся собирается вокруг, как, бывало, в старину фижмы, даже сзади немножко подкладывают ваты, чтобы была совершенная бель-фам.

— Ну уж это просто: признаюсь! — сказала дама приятная во всех отношениях, сделавши движенье головою с чувством достоинства.

— Именно, это уж, точно, признаюсь, — отвечала просто приятная дама.

— Уж как вы хотите, я ни за что не стану подражать этому.

— Я сама тоже... Право, как вообразишь, до чего иногда доходит мода... ни на что не похоже! Я выпросила у сестры выкройку нарочно для смеху; Меланья моя принялась шить.

— Так у вас разве есть выкройка? — вскрикнула во всех отношениях приятная дама не без заметного сердечного движенья.

— Как же, сестра привезла.

— Душа моя, дайте ее мне ради всего святого.

— Ах, я уж дала слово Прасковье Федоровне. Разве после нее.

— Кто ж станет носить после Прасковьи Федоровны? Это уже слишком странно будет с вашей стороны, если вы чужих предпочтете своим.

— Да ведь она тоже мне двоюродная тетка.

— Она вам тетка еще Бог знает какая: с мужниной стороны... Нет, Софья Ивановна, я и слышать не хочу, это выходит:

вы мне хотите нанесть такое оскорбленье... Видно, я вам наскучила уже, видно, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство.

Бедная Софья Ивановна не знала совершенно, что ей делать. Она чувствовала сама, между каких сильных огней себя поставила. Вот тебе и похвасталась! Она бы готова была исколоть за это иголками глупый язык.

— Ну что ж наш прелестник? — сказала между тем дама приятная во всех отношениях.

— Ах, Боже мой! что ж я так сижу перед вами! вот хорошо! Ведь вы знаете, Анна Григорьевна, с чем я приехала к вам? — Тут дыхание гостьи сперлось, слова, как ястребы, готовы были пуститься в погоню одно за другим, и только нужно было до такой степени быть бесчеловечной, какова была искренняя приятельница, чтобы решиться остановить ее.

— Как вы ни выхваляйте и ни превозносите его, — говорила она с живостью, более нежели обыкновенною, — а я скажу прямо, и ему в глаза скажу, что он негодный человек, негодный, негодный, негодный.

— Да послушайте только, что я вам открою...

— Распустили слухи, что он хорош, а он совсем не хорош, совсем не хорош, и нос у него... самый неприятный нос.

— Позвольте же, позвольте же только рассказать вам... душенька, Анна Григорьевна, позвольте рассказать! Ведь это история, понимаете ли: история, сконапель истоар, — говорила гостья с выражением почти отчаяния и совершенно умоляющим голосом. Не мешает заметить, что в разговор обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов и целиком иногда длинные французские фразы. Но как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне, но при всем том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму. Итак, станем продолжать по-русски.

— Какая же история?

— Ах, жизнь моя, Анна Григорьевна, если бы вы могли только представить то положение, в котором я находилась, вообразите:

приходит ко мне сегодня протопопша — протопопша, отца Кирилы жена — и что бы вы думали: наш-то смиренник, приезжий-то наш, каков, а?

— Как, неужели он и протопопше строил куры?

— Ах, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры, это бы еще ничего; слушайте только, что рассказала протопопша: приехала, говорит, к ней помещица Коробочка, перепуганная и бледная как смерть, и рассказывает, и как рассказывает, послушайте только, совершенный роман: вдруг в глухую полночь, когда все уже спало в доме, раздается в ворота стук, ужаснейший, какой только можно себе представить; кричат: «Отворите, отворите, не то будут выломаны ворота!» Каково вам это покажется? Каков же после этого прелестник?

— Да что Коробочка, разве молода и хороша собою?

— Ничуть, старуха.

— Ах, прелести! Так он за старуху принялся. Ну, хорош же после этого вкус наших дам, нашли в кого влюбиться.

— Да ведь нет, Анна Григорьевна, совсем не то, что вы полагаете. Вообразите себе только то, что является вооруженный с ног до головы, вроде Ринальда Ринальдина, и требует: «Продайте, говорит, все души, которые умерли». Коробочка отвечает очень резонно, говорит: «Я не могу продать, потому что они мертвые». — «Нет, говорит, они не мертвые, это мое, говорит, дело знать, мертвые ли они, или нет, они не мертвые, не мертвые, кричит, не мертвые». Словом, скандальозу наделал ужасного: вся деревня сбежалась, ребенки плачут, все кричит, никто никого не понимает, ну просто оррёр, оррёр, оррёр!.. Но вы себе представить не можете, Анна Григорьевна, как я перетревожилась, когда услышала все это. «Голубушка барыня, — говорит мне Машка, — посмотрите в зеркало: вы бледны». — «Не до зеркала, говорю, мне, я должна ехать рассказать Анне Григорьевне». В ту ж минуту приказываю заложить коляску: кучер Андрюшка спрашивает меня, куда ехать, а я ничего не могу и говорить, гляжу просто ему в глаза, как дура; я думаю, что он подумал, что я сумасшедшая. Ах, Анна Григорьевна, если б вы только могли себе представить, как я перетревожилась!

— Это, однако ж, странно, — сказала во всех отношениях приятная дама, — что бы такое могли значить эти мертвые души?

Я, признаюсь, тут ровно ничего не понимаю. Вот уже во второй раз я все слышу про эти мертвые души; а муж мой еще говорит, что Ноздрев врет; что-нибудь, верно же, есть.

— Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положение, когда я услышала это. «И теперь, — говорит Коробочка, — я не знаю, говорит, что мне делать. Заставил, говорит, подписать меня какую-то фальшивую бумагу, бросил пятнадцать рублей ассигнациями; я, говорит, неопытная беспомощная вдова, я ничего не знаю...» Так вот происшествия! Но только если бы вы могли сколько-нибудь себе представить, как я вся перетревожилась.

— Но только, воля ваша, здесь не мертвые души, здесь скрывается что-то другое.

— Я, признаюсь, тоже, — произнесла не без удивления просто приятная дама и почувствовала тут же сильное желание узнать, что бы такое могло здесь скрываться. Она даже произнесла с расстановкой: — А что ж, вы полагаете, здесь скрывается?

— Ну, как вы думаете?

— Как я думаю?.. Я, признаюсь, совершенно потеряна.

— Но, однако ж, я бы всё хотела знать, какие ваши насчет этого мысли?

Но приятная дама ничего не нашлась сказать. Она умела только тревожиться, но чтобы составить какое-нибудь сметливое предположение, для этого никак ее не ставало, и оттого, более нежели всякая другая, она имела потребность в нежной дружбе и советах.

— Ну, слушайте же, что такое эти мертвые души, — сказала дама приятная во всех отношениях, и гостья при таких словах вся обратилась в слух: ушки ее вытянулись сами собою, она приподнялась, почти не сидя и не держась на диване, и, несмотря на то что была отчасти тяжеловата, сделалась вдруг тонее, стала похожа на легкий пух, который вот так и полетит на воздух от дуновенья.

Так русский барин, собачей и иора-охотник, подъезжая к лесу, из которого вот-вот выскочит оттопанный доезжачими заяц, превращается весь с своим конем и поднятым арапником в один застывший миг, в порох, к которому вот-вот поднесут огонь. Весь впился он очами в мутный воздух и уж настигнет

зверя, уж допечет его неотбойный, как ни воздымайся против него вся мятущая снеговая степь, пускающая серебряные звезды ему в уста, в усы, в очи, в брови и в бобровую его шапку.

— Мертвые души... — произнесла во всех отношениях приятная дама.

— Что, что? — подхватила гостья, вся в волненье.

— Мертвые души!..

— Ах, говорите, ради Бога!

— Это просто выдумано только для прикрытья, а дело вот в чем: он хочет увезти губернаторскую дочку.

Это заключение, точно, было никак неожиданно и во всех отношениях необыкновенно. Приятная дама, услышав это, так и окаменела на месте, побледнела, побледнела как смерть и, точно, перетревожилась не на шутку.

— Ах, Боже мой! — вскрикнула она, всплеснув руками, — уж этого я бы никак не могла предполагать.

— А я, признаюсь, как только вы открыли рот, я уже смекнула, в чем дело, — отвечала дама приятная во всех отношениях.

— Но каково же после этого, Анна Григорьевна, институтское воспитание! ведь вот невинность!

— Какая невинность! Я слышала, как она говорила такие речи, что, признаюсь, у меня не станет духа произнести их.

— Знаете, Анна Григорьевна, ведь это просто раздирает сердце, когда видишь, до чего достигла наконец безнравственность.

— А мужчины от нее без ума. А по мне, так я, признаюсь, ничего не нахожу в ней... Манерна нестерпимо.

— Ах, жизнь моя, Анна Григорьевна, она статуя, и хоть бы какое-нибудь выраженье в лице.

— Ах, как манерна! ах, как манерна! Боже, как манерна! Кто выучил ее, я не знаю, но я еще не видывала женщины, в которой бы было столько жеманства.

— Душенька! она статуя и бледна как смерть.

— Ах, не говорите, Софья Ивановна: румянится безбожно.

— Ах, что это вы, Анна Григорьевна: она мел, мел, чистейший мел.

— Милая, я сидела возле нее: румянец в палец толщиной и отваливается, как штукатурка, кусками. Мать выучила, сама кокетка, а дочка еще превзойдет матушку.

— Ну позвольте, ну положите сами клятву, какую хотите, я готова сей же час лишиться детей, мужа, всего именья, если у ней есть хоть одна капелька, хоть частица, хоть тень какого-нибудь румянца!

— Ах, что вы это говорите, Софья Ивановна! — сказала дама приятная во всех отношениях и всплеснула руками.

— Ах, какие же вы, право, Анна Григорьевна! я с изумленьем на вас гляжу! — сказала приятная дама и всплеснула тоже руками.

Да не покажется читателю странным, что обе дамы были не согласны между собою в том, что видели почти в одно и то же время. Есть, точно, на свете много таких вещей, которые имеют уже такое свойство: если на них взглянет одна дама, они выйдут совершенно белые, а взглянет другая, выйдут красные, красные, как брусника.

— Ну, вот вам еще доказательство, что она бледна, — продолжала приятная дама, — я помню, как теперь, что я сижу возле Манилова и говорю ему: «Посмотрите, какая она бледная!» Право, нужно быть до такой степени бестолковыми, как наши мужчины, чтобы восхищаться ею. А наш-то прелестник... Ах, как он мне показался противным! Вы не можете себе представить, Анна Григорьевна, до какой степени он мне показался противным.

— Да, однако же, нашлись некоторые дамы, которые были неравнодушны к нему.

— Я, Анна Григорьевна? Вот уж никогда вы не можете сказать этого, никогда, никогда!

— Да я не говорю об вас, как будто, кроме вас, никого нет.

— Никогда, никогда, Анна Григорьевна! Позвольте мне вам заметить, что я очень хорошо себя знаю; а разве со стороны каких-нибудь иных дам, которые играют роль недоступных.

— Уж извините, Софья Ивановна! Уж позвольте вам сказать, что за мной подобных скандальозностей никогда еще не водилось. За кем другим разве, а уж за мной нет, уж позвольте мне вам это заметить.

— Отчего же вы обиделись? ведь там были и другие дамы, были даже такие, которые первые захватили стул у дверей, чтобы сидеть к нему поближе.

Ну, уж после таких слов, произнесенных приятною дамою, должна была неминуемо последовать буря, но, к величайшему изумлению, обе дамы вдруг приутихли, и совершенно ничего не последовало. Во всех отношениях приятная дама вспомнила, что выкройка для модного платья еще не находится в ее руках, а просто приятная дама смекнула, что она еще не успела выведать никаких подробностей насчет открытия, сделанного ее искреннею приятельницею, и потому мир последовал очень скоро. Впрочем, обе дамы нельзя сказать чтобы имели в своей натуре потребность наносить неприятность, и вообще в характерах их ничего не было злого, а так, нечувствительно, в разговоре рождалось само собою маленькое желание кольнуть друг друга; просто одна другой из небольшого наслаждения при случае всунет иное живое словцо: вот, мол, тебе! на, возьми, съешь! Разного рода бывают потребности в сердцах как мужеского, так и женского пола.

— Я не могу, однако же, понять только того, — сказала просто приятная дама, — как Чичиков, будучи человек заезжий, мог решиться на такой отважный пассаж. Не может быть, чтобы тут не было участников.

— А вы думаете, нет их?

— А кто же бы, полагаете, мог помогать ему?

— Ну да хоть и Ноздрев.

— Неужели Ноздрев?

— А что ж? ведь его на это станет. Вы знаете, он родного отца хотел продать или, еще лучше, проиграть в карты.

— Ах, Боже мой, какие интересные новости я узнаю от вас! Я бы никак не могла предполагать, чтобы и Ноздрев был замешан в эту историю!

— А я всегда предполагала.

— Как подумаешь, право, чего не происходит на свете! Ну можно ли было предполагать, когда, помните, Чичиков только что приехал к нам в город, что он произведет такой странный марш в свете? Ах, Анна Григорьевна, если бы вы знали, как я перетревожилась! Если бы не ваша благосклонность и дружба... вот уже, точно, на краю погибели... куда ж? Машка моя видит, что я бледна как смерть. «Душечка барыня, — говорит мне, — вы бледны как смерть». — «Машка, говорю, мне не до того теперь». Так вот какой случай! Так и Ноздрев здесь, прошу покорно!

Приятной даме очень хотелось выведать дальнейшие подробности насчет похищения, то есть в котором часу и прочее, но многого захотела. Во всех отношениях приятная дама прямо отозвалась незнанием. Она не умела лгать: предположить что-нибудь — это другое дело, но и то в таком случае, когда предположение основывалось на внутреннем убеждении; если ж было почувствовано внутреннее убеждение, тогда умела она постоять за себя, и попробовал бы какой-нибудь дока-адвокат, славящийся даром побеждать чужие мнения, попробовал бы он состязаться здесь, — увидел бы он, что значит внутреннее убеждение.

Что обе дамы наконец решительно убедились в том, что прежде предположили только как одно предположение, в этом ничего нет необыкновенного. Наша братья, народ умный, как мы называем себя, поступает почти так же, и доказательством служат наши ученые рассуждения. Сперва ученый подъезжает в них необыкновенным подлецом, начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна? или: не принадлежит ли этот документ к другому, позднейшему времени? или: не нужно ли под этим народом разуметь вот какой народ? Цитует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек или просто показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им запросы и сам даже отвечает за них, позабывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно, — и рассуждение заключено словами: «так это вот как было, так вот какой народ нужно разуметь, так вот с какой точки нужно смотреть на предмет!» Потом во всеуслышанье с кафедры, — и новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников.

В то время, когда обе дамы так удачно и остроумно решили такое запутанное обстоятельство, вошел в гостиную прокурор с вечно неподвижною своей физиономией, густыми бровями и моргавшим глазом. Дамы наперерыв принялись сообщать ему все события, рассказали о покупке мертвых душ, о намерении увезти губернаторскую дочку и сбили его совершенно с толку, так что сколько ни продолжал он стоять на одном и том же месте, хлопать левым глазом и бить себя платком по бороде, сметая оттуда табак,

но ничего решительно не мог понять. Так на том и оставили его обе дамы и отправились каждая в свою сторону бунтовать город. Это предприятие удалось произвести им с небольшим в полчаса. Город был решительно взбунтован; все пришло в брожение, и хоть бы кто-нибудь мог что-либо понять. Дамы умели напустить такого тумана в глаза всем, что все, а особенно чиновники, несколько времени оставались ошеломленными. Положение их в первую минуту было похоже на положение школьника, которому сонному товарищи, вставшие поранее, засунули в нос гусара, то есть бумажку, наполненную табаком. Потянувши впросонках весь табак к себе со всем усердием спящего, он пробуждается, вскакивает, глядит, как дурак, выпучив глаза, во все стороны, и не может понять, где он, что с ним было, и потом уже различает озаренные косвенным лучом солнца стены, смех товарищей, скрывшихся по углам, и глядящее в окно наступившее утро, с проснувшимся лесом, звучащим тысячами птичьих голосов, и с осветившеюся речкою, там и там пропадающею блещущими загогулинами между тонких тростников, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье, и потом уже наконец чувствует, что в носу у него сидит гусар. Таково совершенно было в первую минуту положение обитателей и чиновников города. Всякий, как баран, остановился, выпучив глаза. Мертвые души, губернаторская дочка и Чичиков сбились и смешались в головах их необыкновенно странно; и потом уже, после первого одурения, они как будто бы стали различать их порознь и отделять одно от другого, стали требовать отчета и сердиться, видя, что дело никак не хочет объясниться. Что ж за притча, в самом деле, что за притча эти мертвые души? Логики нет никакой в мертвых душах; как же покупать мертвые души? где ж дурак такой возьмется? и на какие слепые деньги станет он покупать их? и на какой конец, к какому делу можно приткнуть эти мертвые души? и зачем вмешалась сюда губернаторская дочка? Если же он хотел увезти ее, так зачем для этого покупать мертвые души? Если же покупать мертвые души, так зачем увозить губернаторскую дочку? подарить, что ли, он хотел ей эти мертвые души? Что ж за вздор, в самом деле, разнесли по городу? Что ж за направленье такое, что не успеешь поворотиться, а тут уж и выпустят историю, и хоть бы какой-нибудь смысл был... Однако ж разнесли, стало быть,

была же какая-нибудь причина? Какая же причина в мертвых душах? даже и причины нет. Это, выходит, просто: Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку! это просто черт побери!.. Словом, пошли толки, толки, и весь город заговорил про мертвые души и губернаторскую дочку и Чичикова, и все, что ни есть, поднялось. Как вихорь взметнулся дотоле, казалось, дремавший город! Вылезли из нор все тюрюки и байбаки, которые позалеживались в халатах по нескольку лет дома, сваливая вину то на сапожника, сшившего узкие сапоги, то на портного, то на пьяницу кучера. Все те, которые прекратили давно уже всякие знакомства и знались только, как выражаются, с помещиками Завалишиным да Полежаевым (знаменитые термины, произведенные от глаголов «полежать» и «завалиться», которые в большом ходу у нас на Руси, все равно как фраза: заехать к Сопикову и Храповицкому, означающая всякие мертвецкие сны на боку, на спине и во всех иных положениях, с захрапами, носовыми свистами и прочими принадлежностями); все те, которых нельзя было выманить из дому даже зазывом на расхлебку пятисотрублевой ухи с двухаршинными стерлядями и всякими тающими во рту кулебяками; словом, оказалось, что город и люден, и велик, и населен как следует. Показался какой-то Сысой Пафнутьевич и Макдональд Карлович, о которых и не слышно было никогда; в гостиных заторчал какой-то длинный, длинный, с простреленною рукою, такого высокого роста, какого даже и не видано было. На улицах показались крытые дрожки, неведомые линейки, дребезжалки, колесосвистки — и заварилась каша. В другое время и при других обстоятельствах подобные слухи, может быть, не обратили бы на себя никакого внимания; но город N уже давно не получал никаких совершенно вестей. Даже не происходило в продолжение трех месяцев ничего такого, что называют в столицах комеражами, что, как известно, для города то же, что своевременный подвоз съестных припасов. В городской толковне оказалось вдруг два совершенно противоположных мнения и образовалися вдруг две противоположные партии: мужская и женская. Мужская партия, самая бестолковая, обратила внимание на мертвые души. Женская занялась исключительно похищением губернаторской дочки. В этой партии, надо заметить к чести дам, было несравненно более порядка и осмотрительности. Таково уже, видно, самое назначение их быть хорошими

хозяйками и распорядительницами. Все у них скоро приняло живой определенный вид, облеклось в ясные и очевидные формы, объяснилось, очистилось, одним словом, вышла оконченная картина. Оказалось, что Чичиков давно уже был влюблен, и виделись они в саду при лунном свете, что губернатор даже бы отдал за него дочку, потому что Чичиков богат, как жид, если бы причиною не была жена его, которую он бросил (откуда они узнали, что Чичиков женат, — это никому не было ведомо), и что жена, которая страдает от безнадежной любви, написала письмо к губернатору самое трогательное, и что Чичиков, видя, что отец и мать никогда не согласятся, решился на похищение. В других домах рассказывалось это несколько иначе: что у Чичикова нет вовсе никакой жены, но что он, как человек тонкий и действующий наверняка, предпринял, с тем чтобы получить руку дочери, начать дело с матери и имел с нею сердечную тайную связь, и что потом сделал декларацию насчет руки дочери; но мать, испугавшись, чтобы не совершилось преступление, противное религии, и чувствуя в душе угрызение совести, отказала наотрез, и что вот потому Чичиков решился на похищение. Ко всему этому присоединялись многие объяснения и поправки по мере того, как слухи проникали наконец в самые глухие переулки. На Руси же общества низшие очень любят поговорить о сплетнях, бывающих в обществах высших, а потому начали обо всем этом говорить в таких домишках, где даже в глаза не видывали и не знали Чичикова, пошли прибавления и еще большие пояснения. Сюжет становился ежеминутно занимательнее, принимал с каждым днем более окончательные формы и наконец, так как есть, во всей своей окончательности, доставлен был в собственные уши губернаторши. Губернаторша, как мать семейства, как первая в городе дама, наконец как дама, не подозревавшая ничего подобного, была совершенно оскорблена подобными историями и пришла в негодование, во всех отношениях справедливое. Бедная блондинка выдержала самый неприятный tête-à-tête, какой только когда-либо случалось иметь шестнадцатилетней девушке. Полились целые потоки расспросов, допросов, выговоров, угроз, упреков, увещаний, так что девушка бросилась в слезы, рыдала и не могла понять ни одного слова; швейцару дан был строжайший приказ не принимать ни в какое время и ни под каким видом Чичикова.

Сделавши свое дело относительно губернаторши, дамы насели было на мужскую партию, пытаясь склонить их на свою сторону и утверждая, что мертвые души выдумка и употреблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрение и успешнее произвесть похищение. Многие даже из мужчин были совращены и пристали к их партии, несмотря на то что подвергнулись сильным нареканиям от своих же товарищей, обругавших их бабами и юбками — именами, как известно, очень обидными для мужеского пола.

Но как ни вооружались и ни противились мужчины, а в их партии совсем не было такого порядка, как в женской. Все у них было как-то черство, неотесанно, неладно, негоже, нестройно, нехорошо, и в голове кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность в мыслях, — одним словом, так и вызначилась во всем пустая природа мужчины, природа грубая, тяжелая, не способная ни к домостроительству, ни к сердечным убеждениям, маловерная, ленивая, исполненная беспрерывных сомнений и вечной боязни. Они говорили, что все это вздор, что похищенье губернаторской дочки более дело гусарское, нежели гражданское, что Чичиков не сделает этого, что бабы врут, что баба что мешок: что положат, то несет, что главный предмет, на который нужно обратить внимание, есть мертвые души, которые, впрочем, черт его знает, что значат, но в них заключено, однако ж, весьма скверное, нехорошее. Почему казалось мужчинам, что в них заключалось скверное и нехорошее, сию минуту узнаем: в губернию назначен был новый генерал-губернатор — событие, как известно, приводящее чиновников в тревожное состояние: пойдут переборки, распеканья, взбутетениванья и всякие должностные похлебки, которыми угощает начальник своих подчиненных. «Ну что, — думали чиновники, — если он узнает только просто, что в городе их вот-де какие глупые слухи, да за это одно может вскипятить не на жизнь, а на самую смерть». Инспектор врачебной управы вдруг побледнел; ему представилось Бог знает что: не разумеются ли под словом «мертвые души» больные, умершие в значительном количестве в лазаретах и в других местах от повальной горячки, против которой не было взято надлежащих мер, и что Чичиков не есть ли подосланный чиновник из канцелярии генерал-губернатора для произведения тайного следствия.

Он сообщил об этом председателю. Председатель отвечал, что это вздор, и потом вдруг побледнел сам, задав себе вопрос: а что, если души, купленные Чичиковым, в самом деле мертвые? а он допустил совершить на них крепость да еще сам сыграл роль поверенного Плюшкина, и дойдет это до сведения генерал-губернатора, что тогда? Он об этом больше ничего, как только сказал тому и другому, и вдруг побледнели и тот и другой; страх прилипчивее чумы и сообщается вмиг. Все вдруг отыскали в себе такие грехи, каких даже не было. Слово «мертвые души» так раздалось неопределенно, что стали подозревать даже, нет ли здесь какого намека на скоропостижно погребенные тела, вследствие двух не так давно случившихся событий. Первое событие было с какими-то сольвычегодскими купцами, приехавшими в город на ярмарку и задавшими после торгов пирушку приятелям своим устьсысольским купцам, пирушку на русскую ногу с немецкими затеями: аршадами, пуншами, бальзамами и проч. Пирушка, как водится, кончилась дракой. Сольвычегодские уходили насмерть устьсысольских, хотя и от них понесли крепкую ссадку на бока, под микитки и в подсочельник, свидетельствовавшую о непомерной величине кулаков, которыми были снабжены покойники. У одного из восторжествовавших даже был вплоть сколот носос, по выражению бойцов, то есть весь размозжен нос, так что не оставалось его на лице и на полпальца. В деле своем купцы повинились, изъясняясь, что немного пошалили; носились слухи, будто при повинной голове они приложили по четыре государственные каждый; впрочем, дело слишком темное; из учиненных выправок и следствий оказалось, что устьсысольские ребята умерли от угара, а потому так их и похоронили, как угоревших. Другое происшествие, недавно случившееся, было следующее: казенные крестьяне сельца Вшивая-спесь, соединившись с таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово-тож, снесли с лица земли будто бы земскую полицию в лице заседателя, какого-то Дробяжкина, что будто земская полиция, то есть заседатель Дробяжкин, повадился уж чересчур часто ездить в их деревню, что в иных случаях стоит повальной горячки, а причина-де та, что земская полиция, имея кое-какие слабости со стороны сердечной, приглядывался на баб и деревенских девок. Наверное, впрочем, неизвестно, хотя в показаниях крестьяне выразились прямо, что

земская полиция был-де блудлив, как кошка, и что уже не раз они его оберегали и один раз даже выгнали нагишом из какой-то избы, куда он было забрался. Конечно, земская полиция достоин был наказания за сердечные слабости, но мужиков как Вшивой-спеси, так и Задирайлова-тож нельзя было также оправдать за самоуправство, если они только действительно участвовали в убиении. Но дело было темно, земскую полицию нашли на дороге, мундир или сертук на земской полиции был хуже тряпки, а уж физиогномии и распознать нельзя было. Дело ходило по судам и поступило наконец в палату, где было сначала наедине рассужено в таком смысле: так как неизвестно, кто из крестьян именно участвовал, а всех их много, Дробяжкин же человек мертвый, стало быть, ему немного в том проку, если бы даже он и выиграл дело, а мужики были еще живы, стало быть, для них весьма важно решение в их пользу; то вследствие того решено было так: что заседатель Дробяжкин был сам причиною, оказывая несправедливые притеснения мужикам Вшивой-спеси и Задирайлова-тож, а умер-де он, возвращаясь в санях, от апоплексического удара. Дело, казалось бы, обделано было кругло, но чиновники, неизвестно почему, стали думать, что, верно, об этих мертвых душах идет теперь дело. Случись же так, что, как нарочно, в то время, когда господа чиновники и без того находились в затруднительном положении, пришли к губернатору разом две бумаги. В одной из них содержалось, что по дошедшим показаниям и донесениям находится в их губернии делатель фальшивых ассигнаций, скрывающийся под разными именами, и чтобы немедленно было учинено строжайшее разыскание. Другая бумага содержала в себе отношение губернатора соседственной губернии о убежавшем от законного преследования разбойнике, и что буде окажется в их губернии какой подозрительный человек, не предъявящий никаких свидетельств и пашпортов, то задержать его немедленно. Эти две бумаги так и ошеломили всех. Прежние заключения и догадки совсем были сбиты с толку. Конечно, никак нельзя было предполагать, чтобы тут относилось что-нибудь к Чичикову; однако ж все, как поразмыслили каждый с своей стороны, как припомнили, что они еще не знают, кто таков на самом деле есть Чичиков, что он сам весьма неясно отзывался насчет собственного лица, говорил, правда, что потерпел по службе за правду, да ведь все это как-то

неясно, и когда вспомнили при этом, что он даже выразился, будто имел много неприятелей, покушавшихся на жизнь его, то задумались еще более: стало быть, жизнь его была в опасности, стало быть, его преследовали, стало быть, он ведь сделал же что-нибудь такое... да кто же он в самом деле такой? Конечно, нельзя думать, чтобы он мог делать фальшивые бумажки, а тем более быть разбойником: наружность благонамеренна; но при всем том, кто же бы, однако ж, он был такой на самом деле? И вот господа чиновники задали себе теперь вопрос, который должны были задать себе в начале, то есть в первой главе нашей поэмы. Решено было еще сделать несколько расспросов тем, у которых были куплены души, чтобы по крайней мере узнать, что за покупка, и что именно нужно разуметь под этими мертвыми душами, и не объяснил ли он кому, хоть, может быть, невзначай, хоть вскользь как-нибудь настоящих своих намерений, и не сказал ли он кому-нибудь о том, кто он такой. Прежде всего отнеслись к Коробочке, но тут почерпнули не много: купил-де за пятнадцать рублей, и птичьи перья тоже покупает, и много всего обещался накупить, в казну сало тоже ставит, и потому, наверно, плут, ибо уж был один такой, который покупал птичьи перья и в казну сало поставлял, да обманул всех и протопопшу надул более чем на сто рублей. Все, что ни говорила она далее, было повторение почти одного и того же, и чиновники увидели только, что Коробочка была просто глупая старуха. Манилов отвечал, что за Павла Ивановича всегда готов он ручаться, как за самого себя, что он бы пожертвовал всем своим имением, чтобы иметь сотую долю качеств Павла Ивановича, и отозвался о нем вообще в самых лестных выражениях, присовокупив несколько мыслей насчет дружбы уже с зажмуренными глазами. Эти мысли, конечно, удовлетворительно объяснили нежное движение его сердца, но не объяснили чиновникам настоящего дела. Собакевич отвечал, что Чичиков, по его мнению, человек хороший, а что крестьян он ему продал на выбор и народ во всех отношениях живой; но что он не ручается за то, что случится вперед, что если они попримрут во время трудностей переселения в дороге, то не его вина, и в том властен Бог, а горячек и разных смертоносных болезней есть на свете немало, и бывают примеры, что вымирают-де целые деревни. Господа чиновники прибегнули еще к одному средству, не весьма благородному,

но которое, однако же, иногда употребляется, то есть стороною, посредством разных лакейских знакомств, расспросить людей Чичикова, не знают ли они каких подробностей насчет прежней жизни и обстоятельств барина, но услышали тоже не много. От Петрушки услышали только запах жилого покоя, а от Селифана, что сполнял службу государскую да служил прежде по таможне, и ничего более. У этого класса людей есть весьма странный обычай. Если его спросить прямо о чем-нибудь, он никогда не вспомнит, не приберет всего в голову и даже просто ответит, что не знает, а если спросить о чем другом, тут-то он и приплетет его, и расскажет с такими подробностями, которых и знать не захочешь. Все поиски, произведенные чиновниками, открыли им только то, что они наверное никак не знают, что такое Чичиков, а что, однако же, Чичиков что-нибудь да должен быть непременно. Они положили наконец потолковать окончательно об этом предмете и решить по крайней мере, что и как им делать, и какие меры предпринять, и что такое он именно: такой ли человек, которого нужно задержать и схватить, как неблагонамеренного, или же он такой человек, который может сам схватить и задержать их всех, как неблагонамеренных. Для всего этого предположено было собраться нарочно у полицеймейстера, уже известного читателям отца и благодетеля города.

Глава десятая

Собравшись у полицеймейстера, уже известного читателям отца и благодетеля города, чиновники имели случай заметить друг другу, что они даже похудели от этих забот и тревог. В самом деле, назначение нового генерал-губернатора, и эти полученные бумаги такого сурьезного содержания, и эти Бог знает какие слухи — всё это оставило заметные следы в их лицах, и фраки на многих сделались заметно просторней. Все подалось: и председатель похудел, и инспектор врачебной управы похудел, и прокурор похудел, и какой-то Семен Иванович, никогда не называвшийся по фамилии, носивший на указательном пальце перстень, который давал рассматривать дамам, даже и тот похудел. Конечно, нашлись, как и везде бывает, кое-кто неробкого десятка, которые не теряли присутствия духа, но их было весьма немного. Почтмейстер один

только. Он один не изменялся в постоянно ровном характере и всегда в подобных случаях имел обыкновение говорить: «Знаем мы вас, генерал-губернаторов! Вас, может быть, три-четыре переменится, а я вот уже тридцать лет, судырь мой, сижу на одном месте». На это обыкновенно замечали другие чиновники: «Хорошо тебе, шпрехен зи дейч Иван Андрейч, у тебя дело почтовое: принять да отправить экспедицию; разве только надуешь, заперши присутствие часом раньше, да возьмешь с опоздавшего купца за прием письма в неуказанное время или перешлешь иную посылку, которую не следует пересылать, — тут, конечно, всякий будет святой. А вот пусть к тебе повадится черт подвертываться всякий день под руку, так что вот и не хочешь брать, а он сам сует. Тебе, разумеется, сполагоря, у тебя один сынишка, а тут, брат, Прасковью Федоровну наделил Бог такою благодатию, что год, то несет: либо Праскушку, либо Петрушку; тут, брат, другое запоешь». Так говорили чиновники, а можно ли в самом деле устоять против черта, об этом судить не авторское дело. В собравшемся на сей раз совете очень заметно было отсутствие той необходимой вещи, которую в простонародье называют толком. Вообще мы как-то не создались для представительных заседаний. Во всех наших собраниях, начиная от крестьянской мирской сходки до всяких возможных ученых и прочих комитетов, если в них нет одной главы, управляющей всем, присутствует препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это, видно, уже народ такой, только и удаются те совещания, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать, как-то: клубы и всякие воксалы на немецкую ногу. А готовность всякую минуту есть, пожалуй, на все. Мы вдруг, как ветер повеет, заведем общества благотворительные, поощрительные и невесть какие. Цель будет прекрасна, а при всем том ничего не выйдет. Может быть, это происходит оттого, что мы вдруг удовлетворяемся в самом начале и уже почитаем, что все сделано. Например, затеявши какое-нибудь благотворительное общество для бедных и пожертвовавши значительные суммы, мы тотчас в ознаменование такого похвального поступка задаем обед всем первым сановникам города, разумеется, на половину всех пожертвованных сумм; на остальные нанимается тут же для комитета великолепная квартира, с отоплением и сторожами, а затем и остается всей суммы для бедных пять рублей с полтиною,

да и тут в распределении этой суммы еще не все члены согласны между собою, и всякий сует какую-нибудь свою куму. Впрочем, собравшееся ныне совещание было совершенно другого рода: оно образовалось вследствие необходимости. Не о каких-либо бедных или посторонних шло дело, дело касалось всякого чиновника лично, дело касалось беды, всем равно грозившей; стало быть, поневоле тут должно быть единодушнее, теснее. Но при всем том вышло черт знает что такое. Не говоря уже о разногласиях, свойственных всем советам, во мнении собравшихся обнаружилась какая-то даже непостижимая нерешительность: один говорил, что Чичиков делатель государственных ассигнаций, и потом сам прибавлял: «а может быть, и не делатель»; другой утверждал, что он чиновник генерал-губернаторской канцелярии, и тут же присовокуплял: «а впрочем, черт его знает, на лбу ведь не прочтешь». Против догадки, не переодетый ли разбойник, вооружились все; нашли, что сверх наружности, которая сама по себе была уже благонамеренна, в разговорах его ничего не было такого, которое бы показывало человека с буйными поступками. Вдруг почтмейстер, остававшийся несколько минут погруженным в какое-то размышление, вследствие ли внезапного вдохновения, осенившего его, или чего иного, вскрикнул неожиданно:

— Знаете ли, господа, кто это?

Голос, которым он произнес это, заключал в себе что-то потрясающее, так что заставил вскрикнуть всех в одно время:

— А кто?

— Это, господа, судырь мой, не кто другой, как капитан Копейкин!

А когда все тут же в один голос спросили: «Кто таков этот капитан Копейкин?» — почтмейстер сказал:

— Так вы не знаете, кто такой капитан Копейкин?

Все отвечали, что никак не знают, кто таков капитан Копейкин.

— Капитан Копейкин, — сказал почтмейстер, открывший свою табакерку только вполовину, из боязни, чтобы кто-нибудь из соседей не запустил туда своих пальцев, в чистоту которых он плохо верил и даже имел обыкновение приговаривать: «Знаем, батюшка: вы пальцами своими, может быть, невесть в какие места наведываетесь, а табак вещь, требующая чистоты». — Капитан

Копейкин, — сказал почтмейстер, уже понюхавши табаку, — да ведь это, впрочем, если рассказать, выйдет презанимательная для какого-нибудь писателя в некотором роде целая поэма.

Все присутствующие изъявили желание узнать эту историю, или, как выразился почтмейстер, презанимательную для писателя в некотором роде целую поэму, и он начал так:

Повесть о капитане Копейкине

«После кампании двенадцатого года, судырь ты мой, — так начал почтмейстер, несмотря на то что в комнате сидел не один сударь, а целых шестеро, — после кампании двенадцатого года вместе с ранеными прислан был и капитан Копейкин. Под Красным ли, или под Лейпцигом, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сделано было насчет раненых никаких, знаете, эдаких распоряжений; этот какой-нибудь инвалидный капитал был уже заведен, можете представить себе, в некотором роде, гораздо после. Капитан Копейкин видит: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, левая. Наведался было домой к отцу; отец говорит: «Мне нечем тебя кормить, я, — можете представить себе, — сам едва достаю хлеб». Вот мой капитан Копейкин решился отправиться, судырь мой, в Петербург, чтобы просить государя, не будет ли какой монаршей милости: «что вот-де, так и так, в некотором роде, так сказать, жизнию жертвовал, проливал кровь...» Ну, как-то там, знаете, с обозами или фурами казенными, — словом, судырь мой, дотащился он кое-как до Петербурга. Ну, можете представить себе: эдакой какой-нибудь, то есть, капитан Копейкин и очутился вдруг в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире! Вдруг перед ним свет, так сказать, некоторое поле жизни, сказочная Шехерезада. Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, черт возьми! или там эдакая какая-нибудь Литейная; там шпиц эдакой какой-нибудь в воздухе; мосты там висят эдаким чертом, можете представить себе, без всякого, то есть, прикосновения, — словом, Семирамида, судырь, да и полно. Понатолкался было нанять квартиры, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры — Персия целиком; ногой, так

сказать, попираешь капиталы. Ну просто, то есть, идешь по улице, а уж нос твой так и слышит, что пахнет тысячами; а у моего капитана Копейкина весь ассигнационный банк, понимаете, состоит из каких-нибудь десяти синюх. Ну, как-то там приютился в ревельском трактире за рубль в сутки; обед — щи, кусок битой говядины. Видит: заживаться нечего. Расспросил, куда обратиться. Говорят, есть, в некотором роде, высшая комиссия, правленье, понимаете, эдакое, и начальником генерал-аншеф такой-то. А государя, нужно вам знать, в то время не было еще в столице; войска, можете себе представить, еще не возвращались из Парижа, все было за границей. Копейкин мой, вставший поранее, поскреб себе левой рукой бороду, потому что платить цирюльнику — это составит, в некотором роде, счет, натащил на себя мундиришку и на деревяшке своей, можете вообразить, отправился к самому начальнику, к вельможе. Расспросил квартиру. «Вон», — говорят, указав ему дом на Дворцовой набережной. Избенка, понимаете, мужичья: стеклушки в окнах, можете себе представить, полуторасаженные зеркала, так что вазы и всё, что там ни есть в комнатах, кажутся как бы внаруже, — мог бы, в некотором роде, достать с улицы рукой; драгоценные марморы на стенах, металлические галантереи, какая-нибудь ручка у дверей, так что нужно, знаете, забежать наперед в мелочную лавочку, да купить на грош мыла, да прежде часа два тереть им руки, да потом уже решишься ухватиться за нее, — словом: лаки на всем такие — в некотором роде, ума помрачение. Один швейцар уже смотрит генералиссимусом: вызолоченная булава, графская физиогномия, как откормленный жирный мопс какой-нибудь; батистовые воротнички, канальство!.. Копейкин мой встащился кое-как с своей деревяшкой в приемную, прижался там в уголку себе, чтобы не толкнуть локтем, можете себе представить, какую-нибудь Америку или Индию — раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумеется, что он настоялся там вдоволь, потому что, можете представить себе, пришел еще в такое время, когда генерал, в некотором роде, едва поднялся с постели и камердинер, может быть, поднес ему какую-нибудь серебряную лоханку для разных, понимаете, умываний эдаких. Ждет мой Копейкин часа четыре, как вот входит наконец адъютант или там другой дежурный чиновник. «Генерал, говорит, сейчас выйдет

в приемную». А в приемной уж народу — как бобов на тарелке. Все это не то, что наш брат холоп, всё четвертого или пятого класса, полковники, а кое-где и толстый макарон блестит на эполете — генералитет, словом, такой. Вдруг в комнате, понимаете, пронеслась чуть заметная суета, как эфир какой-нибудь тонкий. Раздалось там и там: «Шу, шу», и наконец — тишина настала страшная. Вельможа входит. Ну... может представить себе: государственный человек! В лице, так сказать... ну, сообразно с званием, понимаете... с высоким чином... такое и выраженье, понимаете. Все, что ни было в передней, разумеется, в ту же минуту в струнку, ожидает, дрожит, ждет решенья, в некотором роде, судьбы. Министр, или вельможа, подходит к одному, к другому: «Зачем вы? зачем вы? что вам угодно? какое ваше дело?» Наконец, судырь мой, к Копейкину. Копейкин, собравшись с духом: «Так и так, ваше превосходительство: проливал кровь, лишился, в некотором роде, руки и ноги, работать не могу, осмеливаюсь просить монаршей милости». Министр видит: человек на деревяшке и правый рукав пустой пристегнут к мундиру: «Хорошо, говорит, понаведайтесь на днях». Копейкин мой выходит чуть не в восторге: одно то, что удостоился аудиенции, так сказать, с первостатейным вельможею; а другое то, что вот теперь наконец решится, в некотором роде, насчет пенсиона. В духе, понимаете, таком, подпрыгивает по тротуару. Зашел в Палкинский трактир выпить рюмку водки, пообедал, судырь мой, в Лондоне, приказал подать себе котлетку с каперсами, пулярку спросил с разными финтерлеями; спросил бутылку вина, ввечеру отправился в театр — одним словом, понимаете, кутнул. На тротуаре, видит, идет какая-то стройная англичанка, как лебедь, можете себе представить эдакой. Мой Копейкин — кровь-то, знаете, разыгралась в нем — побежал было за ней на своей деревяшке, трюх-трюх следом — «да нет, подумал, пусть после, когда получу пенсион, теперь уж я что-то расходился слишком». Вот, судырь мой, каких-нибудь через три-четыре дня является Копейкин мой снова к министру, дождался выходу. «Так и так, говорит, пришел, говорит, услышать приказ вашего высокопревосходительства по одержимым болезням и за ранами...», — и тому подобное, понимаете, в должностном слоге. Вельможа, можете вообразить, тотчас его узнал: «А, говорит, хорошо, говорит, на этот раз ничего не могу сказать вам более, как только то, что вам нужно будет ожидать

приезда государя; тогда, без сомнения, будут сделаны распоряжения насчет раненых, а без монаршей, так сказать, воли я ничего не могу сделать». Поклон, понимаете, и — прощайте. Копейкин, можете вообразить себе, вышел в положении самом неопределенном. Он-то уже думал, что вот ему завтра так и выдадут деньги: «На тебе, голубчик, пей да веселись»; а вместо того ему приказано ждать, да и время не назначено. Вот он совой такой вышел с крыльца, как пудель, понимаете, которого повар облил водой: и хвост у него между ног, и уши повесил. «Ну, нет, — думает себе, — пойду в другой раз, объясню, что последний кусок доедаю, — не поможете, должен умереть, в некотором роде, с голода». Словом, приходит он, судырь мой, опять на Дворцовую набережную; говорят: «Нельзя, не принимает, приходите завтра». На другой день — то же; а швейцар на него просто и смотреть не хочет. А между тем у него из синюх-то, понимаете, уж остается только одна в кармане. То, бывало, едал щи, говядины кусок, а теперь в лавочке возьмет какую-нибудь селедку или огурец соленый да хлеба на два гроша, — словом, голодает бедняга, а между тем аппетит просто волчий. Проходит мимо эдакого какого-нибудь ресторана — повар там, можете себе представить, иностранец, француз эдакой с открытой физиогномией, белье на нем голландское, фартук, белизною равный снегам, работает там фензерв какой-нибудь, котлетки с трюфелями, — словом, рассупеделикатес такой, что просто себя, то есть, съел бы от аппетита. Пройдет ли мимо Милютинских лавок, там из окна выглядывает, в некотором роде, семга эдакая, вишенки — по пяти рублей штучка, арбуз-громадище, дилижанс эдакой, высунулся из окна, и, так сказать, ищет дурака, который бы заплатил сто рублей, — словом, на всяком шагу соблазн такой, слюнки текут, а он слышит между тем всё «завтра». Так можете вообразить себе, каково его положение: тут, с одной стороны, так сказать, семга и арбуз, а с другой-то — ему подносят все одно и то же блюдо: «завтра». Наконец сделалось бедняге, в некотором роде, невтерпеж, решился во что бы то ни стало пролезть штурмом, понимаете. Дождался у подъезда, не пройдет ли еще какой проситель, и там с каким-то генералом, понимаете, проскользнул с своей деревяшкой в приемную. Вельможа, по обыкновению, выходит: «Зачем вы? Зачем вы? А! — говорит, увидевши Копейкина, — ведь я уже объявил вам, что вы

должны ожидать решения». — «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, не имею, так сказать, куска хлеба...» — «Что же делать? Я для вас ничего не могу сделать; старайтесь покамест помочь себе сами, ищите сами средств». — «Но, ваше высокопревосходительство, сами можете, в некотором роде, судить, какие средства могу сыскать, не имея ни руки, ни ноги». — «Но, — говорит сановник, — согласитесь: я не могу вас содержать, в некотором роде, на свой счет; у меня много раненых, все они имеют равное право... Вооружитесь терпением. Приедет государь, я могу вам дать честное слово, что его монаршая милость вас не оставит». — «Но, ваше высокопревосходительство, я не могу ждать», — говорит Копейкин, и говорит, в некотором отношении, грубо. Вельможе, понимаете, сделалось уже досадно. В самом деле: тут со всех сторон генералы ожидают решений, приказаний; дела, так сказать, важные, государственные, требующие самоскорейшего исполнения, — минута упущения может быть важна, — а тут еще привязался сбоку неотвязчивый черт. «Извините, говорит, мне некогда... меня ждут дела важнее ваших». Напоминает способом, в некотором роде, тонким, что пора наконец и выйти. А мой Копейкин, — голод-то, знаете, пришпорил его: «Как хотите, ваше высокопревосходительство, говорит, не сойду с места до тех пор, пока не дадите резолюцию». Ну... можете представить: отвечать таким образом вельможе, которому стоит только слово — так вот уж и полетел вверх тарашки, так что и черт тебя не отыщет... Тут если нашему брату скажет чиновник, одним чином поменьше, подобное, так уж и грубость. Ну, а там размер-то, размер каков: генерал-аншеф и какой-нибудь капитан Копейкин! Девяносто рублей и нуль! Генерал, понимаете, больше ничего, как только взглянул, а взгляд — огнестрельное оружие: души уж нет — уж она ушла в пятки. А мой Копейкин, можете вообразить, ни с места, стоит как вкопанный. «Что же вы?» — говорит генерал и принял его, как говорится, в лопатки. Впрочем, сказать правду, обошелся он еще довольно милостиво: иной бы пугнул так, что дня три вертелась бы после того улица вверх ногами, а он сказал только: «Хорошо, говорит, если вам здесь дорого жить и вы не можете в столице покойно ожидать решенья вашей участи, так я вас вышлю на казенный счет. Позвать фельдъегеря! препроводить его на место жительства!» А фельдъегерь уж там, понимаете, и стоит:

трехаршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиков, — словом, дантист эдакой... Вот его, раба Божия, схватили, судырь мой, да в тележку, с фельдъегерем. «Ну, — Копейкин думает, — по крайней мере не нужно платить прогонов, спасибо и за то». Вот он, судырь мой, едет на фельдъегере, да, едучи на фельдъегере, в некотором роде, так сказать, рассуждает сам себе: «Когда генерал говорит, чтобы я поискал сам средств помочь себе, — хорошо, говорит, я, говорит, найду средства!» Ну, уж как только его доставили на место и куда именно привезли, ничего этого неизвестно. Так, понимаете, и слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь эдакую Лету, как называют поэты. Но, позвольте, господа, вот тут-то и начинается, можно сказать, нить, завязка романа. Итак, куда делся Копейкин, неизвестно; но не прошло, можете представить себе, двух месяцев, как появилась в рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был, судырь мой, не кто другой...»

— Только позволь, Иван Андреевич, — сказал вдруг, прервавши его, полицеймейстер, — ведь капитан Копейкин, ты сам сказал, без руки и ноги, а у Чичикова...

Здесь почтмейстер вскрикнул и хлопнул со всего размаха рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всех телятиной. Он не мог понять, как подобное обстоятельство не пришло ему в самом начале рассказа, и сознался, что совершенно справедлива поговорка: «Русский человек задним умом крепок». Однако ж минуту спустя он тут же стал хитрить и попробовал было вывернуться, говоря, что, впрочем, в Англии очень усовершенствована механика, что видно по газетам, как один изобрел деревянные ноги таким образом, что при одном прикосновении к незаметной пружинке уносили эти ноги человека Бог знает в какие места, так что после нигде и отыскать его нельзя было.

Но все очень усомнились, чтобы Чичиков был капитан Копейкин, и нашли, что почтмейстер хватил уже слишком далеко. Впрочем, они, с своей стороны, тоже не ударили лицом в грязь и, наведенные остроумной догадкой почтмейстера, забрели едва ли не далее. Из числа многих в своем роде сметливых предположений было наконец одно — странно даже и сказать:

что не есть ли Чичиков переодетый Наполеон, что англичанин издавна завидует, что, дескать, Россия так велика и обширна, что даже несколько раз выходили и карикатуры, где русский изображен разговаривающим с англичанином. Англичанин стоит и сзади держит на веревке собаку, и под собакой разумеется Наполеон: «Смотри, мол, говорит, если что не так, так я на тебя сейчас выпущу эту собаку!» — и вот теперь они, может быть, и выпустили его с острова Елены, и вот он теперь и пробирается в Россию, будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков.

Конечно, поверить этому чиновники не поверили, а, впрочем, призадумались и, рассматривая это дело каждый про себя, нашли, что лицо Чичикова, если он поворотится и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона. Полицеймейстер, который служил в кампанию двенадцатого года и лично видел Наполеона, не мог тоже не сознаться, что ростом он никак не будет выше Чичикова и что складом своей фигуры Наполеон тоже нельзя сказать чтобы слишком толст, однако ж и не так чтобы тонок. Может быть, некоторые читатели назовут все это невероятным; автор тоже в угоду им готов бы назвать все это невероятным; но, как на беду, все именно произошло так, как рассказывается, и тем еще изумительнее, что город был не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц. Впрочем, нужно помнить, что все это происходило вскоре после достославного изгнания французов. В это время все наши помещики, чиновники, купцы, сидельцы и всякий грамотный и даже неграмотный народ сделались по крайней мере на целые восемь лет заклятыми политиками. «Московские Ведомости» и «Сын Отечества» зачитывались немилосердо и доходили к последнему чтецу в кусочках, не годных ни на какое употребление. Вместо вопросов: «Почем, батюшка, продали меру овса? как воспользовались вчерашней порошей?» — говорили: «А что пишут в газетах, не выпустили ли опять Наполеона из острова?» Купцы этого сильно опасались, ибо совершенно верили предсказанию одного пророка, уже три года сидевшего в остроге; пророк пришел неизвестно откуда в лаптях и нагольном тулупе, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвестил, что Наполеон есть антихрист и держится на каменной цепи, за шестью стенами и семью морями, но после разорвет цепь и овладеет всем миром. Пророк за предсказание попал, как следует, в острог, но тем не

менее дело свое сделал и смутил совершенно купцов. Долго еще, во время даже самых прибыточных сделок, купцы, отправляясь в трактир запивать их чаем, поговаривали об антихристе. Многие из чиновников и благородного дворянства тоже невольно подумывали об этом и, зараженные мистицизмом, который, как известно, был тогда в большой моде, видели в каждой букве, из которых было составлено слово «Наполеон», какое-то особенное значение; многие даже открыли в нем апокалипсические цифры. Итак, ничего нет удивительного, что чиновники невольно задумались на этом пункте; скоро, однако же, спохватились, заметив, что воображение их уже чересчур рысисто и что все это не то. Думали, думали, толковали, толковали и наконец решили, что не худо бы еще расспросить хорошенько Ноздрева. Так как он первый вынес историю о мертвых душах и был, как говорится, в каких-то тесных отношениях с Чичиковым, стало быть, без сомнения, знает кое-что из обстоятельств его жизни, то попробовать еще, что скажет Ноздрев.

Странные люди эти господа чиновники, а за ними и все прочие звания: ведь очень хорошо знали, что Ноздрев лгун, что ему нельзя верить ни в одном слове, ни в самой безделице, а между тем именно прибегнули к нему. Поди ты сладь с человеком! не верит в Бога, а верит, что если почешется переносье, то непременно умрет; пропустит мимо создание поэта, ясное как день, все проникнутое согласием и высокою мудростью простоты, а бросится именно на то, где какой-нибудь удалец напутает, наплетет, изломает, выворотит природу, и ему оно понравится, и он станет кричать: «Вот оно, вот настоящее знание тайн сердца!» Всю жизнь не ставит в грош докторов, а кончится тем, что обратится наконец к бабе, которая лечит зашептываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумает сам какой-нибудь декохт из невесть какой дряни, которая, Бог знает почему, вообразится ему именно средством против его болезни. Конечно, можно отчасти извинить господ чиновников действительно затруднительным их положением. Утопающий, говорят, хватается и за маленькую щепку, и у него нет в это время рассудка подумать, что на щепке может разве прокатиться верхом муха, а в нем весу чуть не четыре пуда, если даже не целых пять; но не приходит ему в то время соображение в голову, и он хватается за щепку. Так и господа наши ухватились

наконец и за Ноздрева. Полицеймейстер в ту же минуту написал к нему записочку пожаловать на вечер, и квартальный, в ботфортах, с привлекательным румянцем на щеках, побежал в ту же минуту, придерживая шпагу, вприскочку на квартиру Ноздрева. Ноздрев был занят важным делом; целые четыре дня уже не выходил он из комнаты, не впускал никого и получал обед в окошко, — словом, даже исхудал и позеленел. Дело требовало большой внимательности: оно состояло в подбирании из нескольких десятков дюжин карт одной талии, но самой меткой, на которую можно было бы понадеяться, как на вернейшего друга. Работы оставалось еще по крайней мере на две недели; во все продолжение этого времени Порфирий должен был чистить меделянскому щенку пуп особенной щеточкой и мыть его три раза на день в мыле. Ноздрев был очень рассержен за то, что потревожили его уединение; прежде всего он отправил квартального к черту, но, когда прочитал в записке городничего, что может случиться пожива, потому что на вечер ожидают какого-то новичка, смягчился в ту ж минуту, запер комнату наскоро ключом, оделся как попало и отправился к ним. Показания, свидетельства и предположения Ноздрева представили такую резкую противоположность таковым же господ чиновников, что и последние их догадки были сбиты с толку. Это был решительно человек, для которого не существовало сомнений вовсе; и сколько у них заметно было шаткости и робости в предположениях, столько у него твердости и уверенности. Он отвечал на все пункты даже не заикнувшись, объявил, что Чичиков накупил мертвых душ на несколько тысяч и что он сам продал ему, потому что не видит причины, почему не продать; на вопрос, не шпион ли он и не старается ли что-нибудь разведать, Ноздрев отвечал, что шпион, что еще в школе, где он с ним вместе учился, его называли фискалом, и что за это товарищи, а в том числе и он, несколько его поизмяли, так что нужно было потом приставить к одним вискам двести сорок пьявок, — то есть он хотел было сказать сорок, но двести сказалось как-то само собою. На вопрос, не делатель ли он фальшивых бумажек, он отвечал, что делатель, и при этом случае рассказал анекдот о необыкновенной ловкости Чичикова: как, узнавши, что в его доме находилось на два миллиона фальшивых ассигнаций, опечатали дом его и приставили караул, на каждую дверь по два солдата, и как

Чичиков переменил их все в одну ночь, так что на другой день, когда сняли печати, увидели, что все были ассигнации настоящие. На вопрос, точно ли Чичиков имел намерение увезти губернаторскую дочку и правда ли, что он сам взялся помогать и участвовать в этом деле, Ноздрев отвечал, что помогал и что если бы не он, то не вышло бы ничего, — тут он и спохватился было, видя, что солгал вовсе напрасно и мог таким образом накликать на себя беду, но языка никак уже не мог придержать. Впрочем, и трудно было, потому что представились сами собою такие интересные подробности, от которых никак нельзя было отказаться: даже названа была по имени деревня, где находилась та приходская церковь, в которой положено было венчаться, именно деревня Трухмачевка, поп — отец Сидор, за венчание — семьдесят пять рублей, и то не согласился бы, если бы он не припугнул его, обещаясь донести на него, что перевенчал лабазника Михаила на куме, что он уступил даже свою коляску и заготовил на всех станциях переменных лошадей. Подробности дошли до того, что уже начинал называть по именам ямщиков. Попробовали было заикнуться о Наполеоне, но и сами были не рады, что попробовали, потому что Ноздрев понес такую околесину, которая не только не имела никакого подобия правды, но даже просто ни на что не имела подобия, так что чиновники, вздохнувши, все отошли прочь; один только полицеймейстер долго еще слушал, думая, не будет ли по крайней мере чего-нибудь далее, но наконец и рукой махнул, сказавши: «Черт знает что такое!» И все согласились в том, что как с быком ни биться, а все молока от него не добиться. И остались чиновники еще в худшем положении, чем были прежде, и решилось дело тем, что никак не могли узнать, что такое был Чичиков. И оказалось ясно, какого рода созданье человек: мудр, умен и толков он бывает во всем, что касается других, а не себя; какими осмотрительными, твердыми советами снабдит он в трудных случаях жизни! «Экая расторопная голова! — кричит толпа. — Какой неколебимый характер!» А нанесись на эту расторопную голову какая-нибудь беда и доведись ему самому быть поставлену в трудные случаи жизни, куды делся характер, весь растерялся неколебимый муж, и вышел из него жалкий трусишка, ничтожный, слабый ребенок, или просто фетюк, как называет Ноздрев.

Все эти толки, мнения и слухи, неизвестно по какой причине, больше всего подействовали на бедного прокурора. Они подействовали на него до такой степени, что он, пришедши домой, стал думать, думать и вдруг, как говорится, ни с того ни с другого умер. Параличом ли его, или чем другим прихватило, только он как сидел, так и хлопнулся со стула навзничь. Вскрикнули, как водится, всплеснув руками: «Ах, Боже мой!» — послали за доктором, чтобы пустить кровь, но увидели, что прокурор был уже одно бездушное тело. Тогда только с соболезнованием узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя он по скромности своей никогда ее не показывал. А между тем появленье смерти так же было страшно в малом, как страшно оно и в великом человеке: тот, кто еще не так давно ходил, двигался, играл в вист, подписывал разные бумаги и был так часто виден между чиновников с своими густыми бровями и мигающим глазом, теперь лежал на столе, левый глаз уже не мигал вовсе, но бровь одна все еще была приподнята с каким-то вопросительным выражением. О чем покойник спрашивал, зачем он умер или зачем жил, об этом один Бог ведает.

Но это, однако ж, несообразно! это несогласно ни с чем! это невозможно, чтобы чиновники так могли сами напугать себя; создать такой вздор, так отдалиться от истины, когда даже ребенку видно, в чем дело! Так скажут многие читатели и укорят автора в несообразностях или назовут бедных чиновников дураками, потому что щедр человек на слово *«дурак»* и готов прислужиться им двадцать раз на день своему ближнему. Довольно из десяти сторон иметь одну глупую, чтобы быть признану дураком мимо девяти хороших. Читателям легко судить, глядя из своего покойного угла и верхушки, откуда открыт весь горизонт на все, что делается внизу, где человеку виден только близкий предмет. И во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужные. Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребенок. Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги. Всех других путей шире

и роскошнее он, озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями, но мимо его в глухой темноте текли люди. И сколько раз уже наведенные нисходившим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход, где дорога? Видит теперь все ясно текущее поколение, дивится заблужденьям, смеется над неразумием своих предков, не зря, что небесным огнем исчерчена сия летопись, что кричит в ней каждая буква, что отвсюду устремлен пронзительный перст на него же, на него, на текущее поколение; но смеется текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также потом посмеются потомки.

Чичиков ничего обо всем этом не знал совершенно. Как нарочно, в то время он получил легкую простуду — флюс и небольшое воспаление в горле, в раздаче которых чрезвычайно щедр климат многих наших губернских городов. Чтобы не прекратилась, Боже сохрани, как-нибудь жизнь без потомков, он решился лучше посидеть денька три в комнате. В продолжение сих дней он полоскал беспрестанно горло молоком с фигой, которую потом съедал, и носил привязанную к щеке подушечку из ромашки и камфоры. Желая чем-нибудь занять время, он сделал несколько новых и подробных списков всем накупленным крестьянам, прочитал даже какой-то том герцогини Лавальер, отыскавшийся в чемодане, пересмотрел в ларце разные находившиеся там предметы и записочки, кое-что перечел и в другой раз, и все это прискучило ему сильно. Никак не мог он понять, что бы значило, что ни один из городских чиновников не приехал к нему хоть бы раз наведаться о здоровье, тогда как еще недавно то и дело стояли перед гостиницей дрожки — то почтмейстерские, то прокурорские, то председательские. Он пожимал только плечами, ходя по комнате. Наконец почувствовал он себя лучше и обрадовался Бог знает как, когда увидел возможность выйти на свежий воздух. Не откладывая, принялся он немедленно за туалет, отпер свою шкатулку, налил в стакан горячей воды, вынул щетку и мыло и расположился бриться, чему, впрочем, давно была пора и время, потому что, пощупав бороду рукою и взглянув в зеркало, он уже произнес:

«Эк какие пошли писать леса!» И в самом деле, леса не леса, а по всей щеке и подбородку высыпал довольно густой посев. Выбрившись, принялся он за одеванье живо и скоро, так что чуть не выпрыгнул из панталон. Наконец он был одет, вспрыснут одеколоном и, закутанный потеплее, выбрался на улицу, завязавши из предосторожности щеку. Выход его, как всякого выздоровевшего человека, был точно праздничный. Все, что ни попадалось ему, приняло вид смеющийся: и домы, и проходившие мужики, довольно, впрочем, сурьезные, из которых иной уже успел съездить своего брата в ухо. Первый визит он намерен был сделать губернатору. Дорогою много приходило ему всяких мыслей на ум; вертелась в голове блондинка, воображенье начало даже слегка шалить, и он уже сам стал немного шутить и подсмеиваться над собою. В таком духе очутился он перед губернаторским подъездом. Уже стал он было в сенях поспешно сбрасывать с себя шинель, как швейцар поразил его совершенно неожиданными словами:

— Не приказано принимать!

— Как, что ты, ты, видно, не узнал меня? Ты всмотрись хорошенько в лицо! — говорил ему Чичиков.

— Как не узнать, ведь я вас не впервой вижу, — сказал швейцар. — Да вас-то именно одних и не велено пускать, других всех можно.

— Вот тебе на! Отчего? почему?

— Такой приказ, так уж, видно, следует, — сказал швейцар и прибавил к тому слово: «да». После чего стал перед ним совершенно непринужденно, не сохраняя того ласкового вида, с каким прежде торопился снимать с него шинель. Казалось, он думал, глядя на него: «Эге! уж коли тебя бары гоняют с крыльца, так ты, видно, так себе, шушера какой-нибудь!»

«Непонятно!» — подумал про себя Чичиков и отправился тут же к председателю палаты, но председатель палаты так смутился, увидя его, что не мог связать двух слов, и наговорил такую дрянь, что даже им обоим сделалось совестно. Уходя от него, как ни старался Чичиков изъяснить дорогою и добраться, что такое разумел председатель и насчет чего могли относиться слова его, но ничего не мог понять. Потом зашел к другим: к полицеймейстеру, к вице-губернатору, к почтмейстеру, но все или не приняли его, или приняли так странно, такой принужденный и непонят-

ный вели разговор, так растерялись, и такая вышла бестолковщина изо всего, что он усомнился в здоровье их мозга. Попробовал было еще зайти кое к кому, чтобы узнать по крайней мере причину, и не добрался никакой причины. Как полусонный, бродил он без цели по городу, не будучи в состоянии решить, он ли сошел с ума, чиновники ли потеряли голову, во сне ли все это делается, или наяву заварилась дурь почище сна. Поздно уже, почти в сумерки, возвратился он к себе в гостиницу, из которой было вышел в таком хорошем расположении духа, и от скуки велел подать себе чаю. В задумчивости и в каком-то бессмысленном рассуждении о странности положения своего стал он разливать чай, как вдруг отворилась дверь его комнаты, и предстал Ноздрев никак неожиданным образом.

— Вот говорит пословица: «Для друга семь верст не околица!» — говорил он, снимая картуз. — Прохожу мимо, вижу свет в окне, дай, думаю себе, зайду, верно, не спит. А! вот хорошо, что у тебя на столе чай, выпью с удовольствием чашечку: сегодня за обедом объелся всякой дряни, чувствую, что уж начинается в желудке возня. Прикажи-ка мне набить трубку! Где твоя трубка?

— Да ведь я не курю трубки, — сказал сухо Чичиков.

— Пустое, будто я не знаю, что ты куряка. Эй! как, бишь, зовут твоего человека? Эй, Вахрамей, послушай!

— Да не Вахрамей, а Петрушка.

— Как же? да у тебя ведь прежде был Вахрамей.

— Никакого не было у меня Вахрамея.

— Да, точно, это у Деребина Вахрамей. Вообрази, Деребину какое счастье: тетка его поссорилась с сыном за то, что женился на крепостной, и теперь записала ему все именье. Я думаю себе, вот если бы эдакую тетку иметь для дальнейших! Да что ты, брат, так отдалился от всех, нигде не бываешь? Конечно, я знаю, что ты занят иногда учеными предметами, любишь читать (уж почему Ноздрев заключил, что герой наш занимается учеными предметами и любит почитать, этого, признаемся, мы никак не можем сказать, а Чичиков и того менее). Ах, брат Чичиков, если бы ты только увидал... вот уж, точно, была бы пища твоему сатирическому уму (почему у Чичикова был сатирический ум, это тоже неизвестно). Вообрази, брат, у купца Лихачева играли в горку, вот уж где смех был! Перепендев, который был со мною:

«Вот, говорит, если бы теперь Чичиков, уж вот бы ему точно!..» (между тем Чичиков отроду не знал никакого Перепендева). А ведь признайся, брат, ведь ты, право, преподло поступил тогда со мною, помнишь, как играли в шашки, ведь я выиграл... Да, брат, ты просто поддедюлил меня. Но ведь я, черт меня знает, никак не могу сердиться. Намедни с председателем... Ах, да! я ведь тебе должен сказать, что в городе все против тебя; они думают, что ты делаешь фальшивые бумажки, пристали ко мне, да я за тебя горой, наговорил им, что с тобой учился и отца знал; ну и, уж нечего говорить, слил им пулю порядочную.

— Я делаю фальшивые бумажки? — вскрикнул Чичиков, приподнявшись со стула.

— Зачем ты, однако ж, так напугал их? — продолжал Ноздрев. — Они, черт знает, с ума сошли со страху: нарядили тебя в разбойники и в шпионы... А прокурор с испугу умер, завтра будет погребение. Ты не будешь? Они, сказать правду, боятся нового генерал-губернатора, чтобы из-за тебя чего-нибудь не вышло; а я насчет генерал-губернатора такого мнения, что если он подымет нос и заважничает, то с дворянством решительно ничего не сделает. Дворянство требует радушия, не правда ли? Конечно, можно запрятаться к себе в кабинет и не дать ни одного бала, да ведь этим что ж? Ведь этим ничего не выиграешь. А ведь ты, однако ж, Чичиков, рискованное дело затеял.

— Какое рискованное дело? — спросил беспокойно Чичиков.

— Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь, ждал этого, ей-Богу, ждал! В первый раз, как только увидел вас вместе на бале, ну уж, думаю себе, Чичиков, верно, недаром... Впрочем, напрасно ты сделал такой выбор, я ничего в ней не нахожу хорошего. А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, так вот уж девушка! можно сказать: чудо коленкор!

— Да что ты, что ты путаешь? Как увезти губернаторскую дочку, что ты? — говорил Чичиков, выпуча глаза.

— Ну, полно, брат, экой скрытный человек! Я, признаюсь, к тебе с тем пришел: изволь, я готов тебе помогать. Так и быть: подержу венец тебе, коляска и переменные лошади будут мои, только с уговором: ты должен мне дать три тысячи взаймы. Нужны, брат, хоть зарежь!

В продолжение всей болтовни Ноздрева Чичиков протирал несколько раз себе глаза, желая увериться, не во сне ли он все это слышит. Делатель фальшивых ассигнаций, увоз губернаторской дочки, смерть прокурора, которой причиною будто бы он, приезд генерал-губернатора — все это навело на него порядочный испуг. «Ну, уж коли пошло на то, — подумал он сам в себе, — так мешкать более нечего, нужно отсюда убираться поскорей».

Он постарался сбыть поскорее Ноздрева, призвал к себе тот же час Селифана и велел ему быть готовым на заре, с тем чтобы завтра же в шесть часов утра выехать из города непременно, чтобы все было пересмотрено, бричка подмазана и прочее, и прочее. Селифан произнес: «Слушаю, Павел Иванович!» — и остановился, однако ж, несколько времени у дверей, не двигаясь с места. Барин тут же велел Петрушке выдвинуть из-под кровати чемодан, покрывшийся уже порядочно пылью, и принялся укладывать вместе с ним, без большого разбора, чулки, рубашки, белье мытое и немытое, сапожные колодки, календарь... Все это укладывалось как попало; он хотел непременно быть готовым с вечера, чтобы назавтра не могло случиться никакой задержки. Селифан, постоявши минуты две у дверей, наконец очень медленно вышел из комнаты. Медленно, как только можно вообразить себе медленно, спускался он с лестницы, отпечатывая своими мокрыми сапогами следы по сходившим вниз избитым ступеням, и долго почесывал у себя рукою в затылке. Что означало это почесыванье? и что вообще оно значит? Досада ли на то, что вот не удалась задуманная назавтра сходка с своим братом в неприглядном тулупе, опоясанном кушаком, где-нибудь во царевом кабаке, или уже завязалась в новом месте какая зазнобушка сердечная и приходится оставлять вечернее стоянье у ворот и политичное держанье за белы ручки в тот час, как нахлобучиваются на город сумерки, детина в красной рубахе бренчит на балалайке перед дворовой челядью и плетет тихие речи разночинный отработавшийся народ? Или просто жаль оставлять отогретое уже место на людской кухне под тулупом, близ печи, да щей с городским мягким пирогом, с тем чтобы вновь тащиться под дождь, и слякоть, и всякую дорожную невзгоду? Бог весть, не угадаешь. Многое разное значит у русского народа почесыванье в затылке.

Глава одиннадцатая

Ничто, однако же, не случилось так, как предполагал Чичиков. Во-первых, проснулся он позже, нежели думал, — это была первая неприятность. Вставши, он послал тот же час узнать, заложена ли бричка и все ли готово; но донесли, что бричка еще была не заложена и ничего не было готово. Это была вторая неприятность. Он рассердился, приготовился даже задать что-то вроде потасовки приятелю нашему Селифану и ожидал только с нетерпением, какую тот с своей стороны приведет причину в оправдание. Скоро Селифан показался в дверях, и барин имел удовольствие услышать те же самые речи, какие обыкновенно слышатся от прислуги в таком случае, когда нужно скоро ехать.

— Да ведь, Павел Иванович, нужно будет лошадей ковать.

— Ах ты чушка! чурбан! а прежде зачем об этом не сказал? Не было разве времени?

— Да время-то было... Да вот и колесо тоже, Павел Иванович, шину нужно будет совсем перетянуть, потому что теперь дорога ухабиста, шибень такой везде пошел... Да если позволите доложить: перед у брички совсем расшатался, так что она, может быть, и двух станций не сделает.

— Подлец ты! — вскрикнул Чичиков, всплеснув руками, и подошел к нему так близко, что Селифан из боязни, чтобы не получить от барина подарка, попятился несколько назад и посторонился. — Убить ты меня собрался? а? зарезать меня хочешь? На большой дороге меня собрался зарезать, разбойник, чушка ты проклятый, страшилище морское! а? а? Три недели сидели на месте, а? Хоть бы заикнулся, беспутный, — а вот теперь к последнему часу и пригнал! когда уж почти начеку: сесть бы да и ехать, а? а ты вот тут-то и напакостил, а? а? Ведь ты знал это прежде? ведь ты знал это, а? а? Отвечай. Знал? А?

— Знал, — отвечал Селифан, потупивши голову.

— Ну так зачем же тогда не сказал, а?

На этот вопрос Селифан ничего не отвечал, но, потупивши голову, казалось, говорил сам себе: «Вишь ты, как оно мудрено случилось: и знал ведь, да не сказал!»

— А вот теперь ступай приведи кузнеца, да чтоб в два часа все было сделано. Слышишь? непременно в два часа, а если не будет,

так я тебя... в рог согну и узлом завяжу! — Герой наш был сильно рассержен.

Селифан оборотился было к дверям, с тем чтоб идти выполнить приказание, но остановился и сказал:

— Да еще, сударь, чубарого коня, право, хоть бы продать, потому что он, Павел Иванович, совсем подлец; он такой конь, просто не приведи Бог, только помеха.

— Да! вот пойду, побегу на рынок продавать!

— Ей-Богу, Павел Иванович, он только что на вид казистый, а на деле самый лукавый конь; такого коня нигде...

— Дурак! когда захочу продать, так продам. Еще пустился в рассужденья! Вот посмотрю я: если ты мне не приведешь сейчас кузнецов да в два часа не будет все готово, так я тебе такую дам потасовку... сам на себе лица не увидишь! Пошел! ступай!

Селифан вышел.

Чичиков сделался совершенно не в духе и швырнул на пол саблю, которая ездила с ним в дороге для внушения надлежащего страха кому следует. Около четверти часа с лишком провозился он с кузнецами, покамест сладил, потому что кузнецы, как водится, были отъявленные подлецы и, смекнув, что работа нужна к спеху, заломили ровно вшестеро. Как он ни горячился, называл их мошенниками, разбойниками, грабителями проезжающих, намекнул даже на Страшный Суд, но кузнецов ничем не пронял: они совершенно выдержали характер — не только не отступились от цены, но даже провозились за работой вместо двух часов целых пять с половиною. В продолжение этого времени он имел удовольствие испытать приятные минуты, известные всякому путешественнику, когда в чемодане все уложено и в комнате валяются только веревочки, бумажки да разный сор, когда человек не принадлежит ни к дороге, ни к сиденью на месте, видит из окна проходящих плетущихся людей, толкующих об своих гривнах и с каким-то глупым любопытством поднимающих глаза, чтобы, взглянув на него, опять продолжать свою дорогу, что еще более растравляет нерасположение духа бедного неедущего путешественника. Все, что ни есть, все, что ни видит он: и лавчонка против его окон, и голова старухи, живущей в супротивном доме, подходящей к окну с коротенькими занавесками, — все ему гадко, однако же он не отходит от окна. Стоит, то позабываясь,

то обращая вновь какое-то притупленное внимание на все, что перед ним движется и не движется, и душит с досады какую-нибудь муху, которая в это время жужжит и бьется об стекло под его пальцем. Но всему бывает конец, и желанная минута настала: все было готово, перед у брички как следует был налажен, колесо было обтянуто новою шиною, кони приведены с водопоя, и разбойники кузнецы отправились, пересчитав полученные целковые и пожелав благополучия. Наконец и бричка была заложена, и два горячие калача, только что купленные, положены туда, и Селифан уже засунул кое-что для себя в карман, бывший у кучерских козел, и сам герой наконец, при взмахивании картузом полового, стоявшего в том же демикотоновом сюртуке, при трактирных и чужих лакеях и кучерах, собравшихся позевать, как выезжает чужой барин, и при всяких других обстоятельствах, сопровождающих выезд, сел в экипаж, — и бричка, в которой ездят холостяки, которая так долго застоялась в городе и так, может быть, надоела читателю, наконец выехала из ворот гостиницы. «Слава Те, Господи!» — подумал Чичиков и перекрестился. Селифан хлыснул кнутом; к нему подсел сперва повисевший несколько времени на подножке Петрушка, и герой наш, усевшись получше на грузинском коврике, заложил за спину себе кожаную подушку, притиснул два горячие калача, и экипаж пошел опять подплясывать и покачиваться благодаря мостовой, которая, как известно, имела подкидывающую силу. С каким-то неопределенным чувством глядел он на домы, стены, забор и улицы, которые также с своей стороны, как будто подскакивая, медленно уходили назад и которые, Бог знает, судила ли ему участь увидеть еще когда-либо в продолжение своей жизни. При повороте в одну из улиц бричка должна была остановиться, потому что во всю длину ее проходила бесконечная погребальная процессия. Чичиков, высунувшись, велел Петрушке спросить, кого хоронят, и узнал, что хоронят прокурора. Исполненный неприятных ощущений, он тот же час спрятался в угол, закрыл себя кожею и задернул занавески. В это время, когда экипаж был таким образом остановлен, Селифан и Петрушка, набожно снявши шляпу, рассматривали, кто, как, в чем и на чем ехал, считая числом, сколько было всех и пéших и ехавших, а барин, приказавши им не признаваться и не кланяться никому из знакомых лакеев, тоже принялся

рассматривать робко сквозь стеклышка, находившиеся в кожаных занавесках: за гробом шли, снявши шляпы, все чиновники. Он начал было побаиваться, чтобы не узнали его экипажа, но им было не до того. Они даже не занялись разными житейскими разговорами, какие обыкновенно ведут между собою провожающие покойника. Все мысли их были сосредоточены в это время в самих себе: они думали, каков-то будет новый генерал-губернатор, как возьмется за дело и как примет их. За чиновниками, шедшими пешком, следовали кареты, из которых выглядывали дамы в траурных чепцах. По движениям губ и рук их видно было, что они были заняты живым разговором; может быть, они тоже говорили о приезде нового генерал-губернатора и делали предположения насчет балов, какие он даст, и хлопотали о вечных своих фестончиках и нашивочках. Наконец за каретами следовало несколько пустых дрожек, вытянувшихся гуськом, наконец и ничего уже не осталось, и герой наш мог ехать. Открывши кожаные занавески, он вздохнул, произнесши от души: «Вот, прокурор! жил, жил, а потом и умер! И вот напечатают в газетах, что скончался, к прискорбию подчиненных и всего человечества, почтенный гражданин, редкий отец, примерный супруг, и много напишут всякой всячины; прибавят, пожалуй, что был сопровождаем плачем вдов и сирот; а ведь если разобрать хорошенько дело, так на поверку у тебя всего только и было, что густые брови». Тут он приказал Селифану ехать поскорее и между тем подумал про себя: «Это, однако ж, хорошо, что встретились похороны; говорят, значит счастие, если встретишь покойника».

Бричка между тем поворотила в более пустынные улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвещавшие конец города. Вот уже и мостовая кончилась, и шлагбаум, и город назади, и ничего нет, и опять в дороге. И опять по обеим сторонам столбового пути пошли вновь писать версты, станционные смотрители, колодцы, обозы, серые деревни с самоварами, бабами и бойким бородатым хозяином, бегущим из постоялого двора с овсом в руке, пешеход в протертых лаптях, плетущийся за восемьсот верст, городишки, выстроенные живьем, с деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядные и по ту сторону и по другую, помещичьи рыдваны,

солдат верхом на лошади, везущий зеленый ящик с свинцовым горохом и подписью: такой-то артиллерийской батареи, зеленые, желтые и свежеразрытые черные полосы, мелькающие по степям, затянутая вдали песня, сосновые верхушки в тумане, пропадающий далече колокольный звон, вороны как мухи и горизонт без конца... Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприютно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчанные дерзкими дивами искусства, города с многооконными высокими дворцами, вросшими в утесы, картинные дерева и плющи, вросшие в домы, в шуме и в вечной пыли водопадов; не опрокинется назад голова посмотреть на громоздящиеся без конца над нею и в вышине каменные глыбы; не блеснут сквозь наброшенные одна на другую темные арки, опутанные виноградными сучьями, плющами и несметными миллионами диких роз, не блеснут сквозь них вдали вечные линии сияющих гор, несущихся в серебряные ясные небеса. Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают, и стремятся в душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль пред твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца?

Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..

— Держи, держи, дурак! — кричал Чичиков Селифану.

— Вот я тебя палашом! — кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин. — Не видишь, леший дери твою душу: казенный экипаж! — И, как призрак, исчезнула с громом и пылью тройка.

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога! и как чудна она сама, эта дорога: ясный день, осенние листья, холодный воздух... покрепче в дорожную шинель, шапку, на уши, тесней и уютней прижмемся к углу! В последний раз пробежавшая дрожь прохватила члены, и уже сменила ее приятная теплота. Кони мчатся... как соблазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сон слышатся и «Не белы снеги», и сап лошадей, и шум колес, и уже храпишь, прижавши к углу своего соседа. Проснулся: пять станций убежало назад; луна, неведомый город, церкви с старинными деревянными куполами и чернеющими остроконечьями, темные бревенчатые и белые каменные дома. Сияние месяца там и там: будто белые полотняные платки развешались по стенам, по мостовой, по улицам; косяками пересекают их черные, как уголь, тени; подобно сверкающему металлу блистают вкось озаренные деревянные крыши, и нигде ни души — все спит. Один-одинешенек, разве где-нибудь в окошке брезжит огонек: мещанин ли городской тачает свою пару сапогов, пекарь ли возится в печурке — что до них? А ночь! Небесные силы! какая ночь совершается в вышине! А воздух, а небо, далекое, высокое, там, в недоступной глубине своей, так необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. Но дышит свежо в самые очи холодное ночное дыхание и убаюкивает тебя, и вот уже дремлешь и забываешься, и храпишь, и ворочается сердито, почувствовав на себе тяжесть, бедный, притиснутый в углу сосед. Проснулся — и уже опять перед тобою поля и степи, нигде ничего — везде пустырь, все открыто. Верста с цифрой летит тебе в очи; занимается утро; на побелевшем холодном небосклоне золотая бледная полоса; свежее и жестче становится ветер: покрепче в теплую шинель!.. какой славный холод! какой чудный, вновь обнимающий тебя сон! Толчок — и опять проснулся. На вершине неба солнце. «Полегче! легче!» — слышится голос, телега спускается с кручи: внизу плотина широкая и широкий ясный пруд, сияющий, как медное дно, перед солнцем; деревня, избы рассыпались на косогоре; как звезда, блестит в стороне крест сельской

церкви; болтовня мужиков и невыносимый аппетит в желудке... Боже! как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез, сколько перечувствовалось дивных впечатлений!.. Но и друг наш Чичиков чувствовал в это время не вовсе прозаические грезы. А посмотрим, что он чувствовал. Сначала он не чувствовал ничего и поглядывал только назад, желая увериться, точно ли выехал из города; но когда увидел, что город уже давно скрылся, ни кузниц, ни мельниц, ни всего того, что находится вокруг городов, не было видно и даже белые верхушки каменных церквей давно ушли в землю, он занялся только одной дорогою, посматривал только направо и налево, и город N как будто не бывал в его памяти, как будто проезжал он его давно, в детстве. Наконец и дорога перестала занимать его, и он стал слегка закрывать глаза и склонять голову к подушке. Автор, признается, этому даже рад, находя, таким образом, случай поговорить о своем герое; ибо доселе, как читатель видел, ему беспрестанно мешали то Ноздрев, то балы, то дамы, то городские сплетни, то, наконец, тысячи тех мелочей, которые кажутся только тогда мелочами, когда внесены в книгу, а покамест обращаются в свете, почитаются за весьма важные дела. Но теперь отложим совершенно все в сторону и прямо займемся делом.

Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателям. Дамам он не понравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуют, чтоб герой был решительное совершенство, и если какое-нибудь душевное или телесное пятнышко, тогда беда! Как глубоко ни загляни автор ему в душу, хоть отрази чище зеркала его образ, ему не дадут никакой цены. Самая полнота и средние лета Чичикова много повредят ему: полноты ни в каком случае не простят герою, и весьма многие дамы, отворотившись, скажут: «Фи, такой гадкий!» Увы! все это известно автору, и при всем том он не может взять в герои добродетельного человека, но... может быть, в сей же самой повести почуются иные, еще доселе не бранные струны, предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божескими доблестями, или чудная русская девица, какой не сыскать нигде в мире, со всей дивной красотой женской души, вся из великодушного стремления

и самоотвержения. И мертвыми покажутся пред ними все добродетельные люди других племен, как мертва книга пред живым словом! Подымутся русские движения... и увидят, как глубоко заронилось в славянскую природу то, что скользнуло только по природе других народов... Но к чему и зачем говорить о том, что впереди? Неприлично автору, будучи давно уже мужем, воспитанному суровой внутренней жизнью и свежительной трезвостью уединения, забываться подобно юноше. Всему свой черед, и место, и время! А добродетельный человек все-таки не взят в герои. Можно даже сказать, почему не взят. Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку, потому что праздно вращается на устах слово «добродетельный человек»; потому что обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом и всем чем ни попало; потому что изморили добродетельного человека до того, что теперь нет на нем и тени добродетели, а остались только ребра да кожа вместо тела; потому что лицемерно призывают добродетельного человека; потому что не уважают добродетельного человека. Нет, пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца!

Темно и скромно происхождение нашего героя. Родители были дворяне, но столбовые или личные — Бог ведает; лицом он на них не походил: по крайней мере родственница, бывшая при его рождении, низенькая, коротенькая женщина, которых обыкновенно называют пигалицами, взявши в руки ребенка, вскрикнула: «Совсем вышел не такой, как я думала! Ему бы следовало пойти в бабку с матерней стороны, что было бы и лучше, а он родился просто, как говорит пословица: ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца». Жизнь при начале взглянула на него как-то кисло-неприютно, сквозь какое-то мутное, занесенное снегом окошко: ни друга, ни товарища в детстве! Маленькая горенка с маленькими окнами, не отворявшимися ни в зиму, ни в лето, отец, больной человек, в длинном сюртуке на мерлушках и в вязаных хлопанцах, надетых на босую ногу, беспрестанно вздыхавший, ходя по комнате, и плевавший в стоявшую в углу песочницу, вечное сиденье на лавке, с пером в руках, чернилами на пальцах и даже на губах, вечная пропись перед глазами: «не лги, послушествуй старшим и носи добродетель в сердце»;

вечный шарк и шлепанье по комнате хлопанцев, знакомый, но всегда суровый голос: «опять задурил!», отзывавшийся в то время, когда ребенок, наскуча однообразием труда, приделывал к букве какую-нибудь кавыку или хвост; и вечно знакомое, всегда неприятное чувство, когда вслед за сими словами краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинных протянувшихся сзади пальцев: вот бедная картина первоначального его детства, о котором едва сохранил он бледную память. Но в жизни все меняется быстро и живо: и в один день, с первым весенним солнцем и разлившимися потоками, отец, взявши сына, выехал с ним на тележке, которую потащила мухортая пегая лошадка, известная у лошадиных барышников под именем сороки; ею правил кучер, маленький горбунок, родоначальник единственной крепостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавший почти все должности в доме. На соро́ке тащились они полтора дни с лишком; на дороге ночевали, переправлялись через реку, закусывали холодным пирогом и жареною бараниною, и только на третий день утром добрались до города. Перед мальчиком блеснули нежданным великолепием городские улицы, заставившие его на несколько минут разинуть рот. Потом соро́ка бултыхнула вместе с тележкою в яму, которою начинался узкий переулок, весь стремившийся вниз и запруженный грязью; долго работала она там всеми силами и месила ногами, подстрекаемая и горбуном и самим барином, и наконец втащила их в небольшой дворик, стоявший на косогоре с двумя расцветшими яблонями пред стареньким домиком и садиком позади его, низеньким, маленьким, состоявшим только из рябины, бузины и скрывавшейся во глубине ее деревянной будочки, крытой драньем, с узеньким матовым окошечком. Тут жила родственница их, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынок и сушившая потом чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щеке и полюбовалась его полнотою. Тут должен был он остаться и ходить ежедневно в классы городского училища. Отец, переночевавши, на другой же день выбрался в дорогу. При расставании слез не было пролито из родительских глаз; дана была полтина меди на расход и лакомства и, что гораздо важнее, умное наставление: «Смотри же, Павлуша, учись, не дури и не повесничай, а больше всего угождай учителям и начальникам. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть

и в науке не успеешь и таланту Бог не дал, все пойдешь в ход и всех опередишь. С товарищами не водись, они тебя добру не научат; а если уж пошло на то, так водись с теми, которые побогаче, чтобы при случае могли быть тебе полезными. Не угощай и не потчевай никого, а веди себя лучше так, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку: эта вещь надежнее всего на свете. Товарищ или приятель тебя надует и в беде первый тебя выдаст, а копейка не выдаст, в какой бы беде ты ни был. Все сделаешь и все прошибешь на свете копейкой». Давши такое наставление, отец расстался с сыном и потащился вновь домой на своей соро́ке, и с тех пор уже никогда он больше его не видел, но слова и наставления заронились глубоко ему в душу.

Павлуша с другого же дни принялся ходить в классы. Особенных способностей к какой-нибудь науке в нем не оказалось; отличился он больше прилежанием и опрятностию; но зато оказался в нем большой ум с другой стороны, со стороны практической. Он вдруг смекнул и понял дело и повел себя в отношении к товарищам точно таким образом, что они его угощали, а он их не только никогда, но даже иногда, припрятав полученное угощенье, потом продавал им же. Еще ребенком он умел уже отказать себе во всем. Из данной отцом полтины не издержал ни копейки, напротив — в тот же год уже сделал к ней приращения, показав оборотливость почти необыкновенную: слепил из воску снегиря, выкрасил его и продал очень выгодно. Потом в продолжение некоторого времени пустился на другие спекуляции, именно вот какие: накупивши на рынке съестного, садился в классе возле тех, которые были побогаче, и как только замечал, что товарища начинало тошнить, — признак подступающего голода, — он высовывал ему из-под скамьи будто невзначай угол пряника или булки и, раззадоривши его, брал деньги, соображаяся с аппетитом. Два месяца он провозился у себя на квартире без отдыха около мыши, которую засадил в маленькую деревянную клеточку, и добился наконец до того, что мышь становилась на задние лапки, ложилась и вставала по приказу, и продал потом ее тоже очень выгодно. Когда набралось денег до пяти рублей, он мешочек зашил и стал копить в другой. В отношении к начальству он повел себя еще умнее. Сидеть на лавке никто не умел так смирно. Надобно заметить, что учитель был большой любитель тишины и хорошего

поведения и терпеть не мог умных и острых мальчиков; ему казалось, что они непременно должны над ним смеяться. Достаточно было тому, который попал на замечание со стороны остроумия, достаточно было ему только пошевелиться или как-нибудь ненароком мигнуть бровью, чтобы подпасть вдруг под гнев. Он его гнал и наказывал немилосердно. «Я, брат, из тебя выгоню заносчивость и непокорность! — говорил он. — Я тебя знаю насквозь, как ты сам себя не знаешь. Вот ты у меня постоишь на коленях! ты у меня поголодаешь!» И бедный мальчишка, сам не зная за что, натирал себе колени и голодал по суткам. «Способности и дарования? это все вздор, — говаривал он, — я смотрю только на поведенье. Я поставлю полные баллы во всех науках тому, кто ни аза не знает, да ведет себя похвально; а в ком я вижу дурной дух да насмешливость, я тому нуль, хотя он Солона заткни за пояс!» Так говорил учитель, не любивший насмерть Крылова за то, что он сказал: «По мне, уж лучше пей, да дело разумей», — и всегда рассказывавший с наслаждением в лице и в глазах, как в том училище, где он преподавал прежде, такая была тишина, что слышно было, как муха летит; что ни один из учеников в течение круглого года не кашлянул и не высморкался в классе и что до самого звонка нельзя было узнать, был ли кто там, или нет. Чичиков вдруг постигнул дух начальника и в чем должно состоять поведение. Не шевельнул он ни глазом, ни бровью во все время класса, как ни щипали его сзади; как только раздавался звонок, он бросался опрометью и подавал учителю прежде всех треух (учитель ходил в треухе); подавши треух, он выходил первый из класса и старался ему попасться раза три на дороге, беспрестанно снимая шапку. Дело имело совершенный успех. Во все время пребывания в училище был он на отличном счету и при выпуске получил полное удостоение во всех науках, аттестат и книгу с золотыми буквами *за примерное прилежание и благонадежное поведение*. Вышед из училища, он очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, с подбородком, потребовавшим бритвы. В это время умер отец его. В наследстве оказались четыре заношенные безвозвратно фуфайки, два старых сертука, подбитых мерлушками, и незначительная сумма денег. Отец, как видно, был сведущ только в совете копить копейку, а сам накопил ее немного. Чичиков продал тут же ветхий дворишко с ничтожной землицей за тысячу рублей,

а семью людей перевел в город, располагаясь основаться в нем и заняться службой. В это же время был выгнан из училища за глупость или другую вину бедный учитель, любитель тишины и похвального поведения. Учитель с горя принялся пить; наконец и пить уже было ему не на что; больной, без куска хлеба и помощи, пропадал он где-то в нетопленой, забытой конурке. Бывшие ученики его, умники и остряки, в которых ему мерещилась беспрестанно непокорность и заносчивое поведение, узнавши об жалком его положении, собрали тут же для него деньги, продав даже многое нужное; один только Павлуша Чичиков отговорился неимением и дал какой-то пятак серебра, который тут же товарищи ему бросили, сказавши: «Эх, ты, жила!» Закрыл лицо руками бедный учитель, когда услышал о таком поступке бывших учеников своих; слезы градом полились из погасавших очей, как у бессильного дитяти. «При смерти на одре привел Бог заплакать», — произнес он слабым голосом и тяжело вздохнул, услышав о Чичикове, прибавя тут же: «Эх, Павлуша! вот как переменяется человек! ведь какой был благонравный, ничего буйного, шелк! Надул, сильно надул...»

Нельзя, однако же, сказать, чтобы природа героя нашего была так сурова и черства и чувства его были до того притуплены, чтобы он не знал ни жалости, ни сострадания; он чувствовал и то и другое, он бы даже хотел помочь, но только, чтобы не заключалось это в значительной сумме, чтобы не трогать уже тех денег, которых положено было не трогать; словом, отцовское наставление: береги и копи копейку — пошло впрок. Но в нем не было привязанности собственно к деньгам для денег; им не владели скряжничество и скупость. Нет, не они двигали им: ему мерещилась впереди жизнь во всех довольствах, со всякими достатками; экипажи, дом, отлично устроенный, вкусные обеды — вот что беспрерывно носилось в голове его. Чтобы наконец потом, со временем, вкусить непременно все это, вот для чего береглась копейка, скупо отказываемая до времени и себе и другому. Когда проносился мимо его богач на пролетных красивых дрожках, на рысаках в богатой упряжи, он как вкопанный останавливался на месте и потом, очнувшись, как после долгого сна, говорил: «А ведь был конторщик, волосы носил в кружок!» И все, что ни отзывалось богатством и довольством, производило на него

впечатление, непостижимое им самим. Вышед из училища, он не хотел даже отдохнуть: так сильно было у него желанье скорее приняться за дело и службу. Однако же, несмотря на похвальные аттестаты, с большим трудом определился он в казенную палату. И в дальних захолустьях нужна протекция! Местечко досталось ему ничтожное, жалованья тридцать или сорок рублей в год. Но решился он жарко заняться службою, все победить и преодолеть. И точно, самоотвержение, терпенье и ограничение нужд показал он неслыханное. С раннего утра до позднего вечера, не уставая ни душевными, ни телесными силами, писал он, погрязнув весь в канцелярские бумаги, не ходил домой, спал в канцелярских комнатах на столах, обедал подчас с сторожами и при всем том умел сохранить опрятность, порядочно одеться, сообщить лицу приятное выражение и даже что-то благородное в движениях. Надобно сказать, что палатские чиновники особенно отличались невзрачностью и неблагообразием. У иных были лица, точно дурно выпеченный хлеб: щеку раздуло в одну сторону, подбородок покосило в другую, верхнюю губу взнесло пузырем, которая в прибавку к тому еще и треснула; словом, совсем некрасиво. Говорили они все как-то сурово, таким голосом, как бы собирались кого прибить; приносили частые жертвы Вакху, показав таким образом, что в славянской природе есть еще много остатков язычества; приходили даже подчас в присутствие, как говорится, нализавшись, отчего в присутствии было нехорошо и воздух был вовсе не ароматический. Между такими чиновниками не мог не быть замечен и отличен Чичиков, представляя во всем совершенную противоположность и взрачностью лица, и приветливостью голоса, и совершенным неупотребленьем никаких крепких напитков. Но при всем том трудна была его дорога; он попал под начальство уже престарелому повытчику, который был образ какой-то каменной бесчувственности и непотрясаемости: вечно тот же, неприступный, никогда в жизни не явивший на лице своем усмешки, не приветствовавший ни разу никого даже запросом о здоровье. Никто не видал, чтобы он хоть раз был не тем, чем всегда, хоть на улице, хоть у себя дома; хоть бы раз показал он в чем-нибудь участье, хоть бы напился пьян и в пьянстве рассмеялся бы; хоть бы даже предался дикому веселью, какому предается разбойник в пьяную минуту, но даже тени не было

в нем ничего такого. Ничего не было в нем ровно: ни злодейского, ни доброго, и что-то страшное являлось в сем отсутствии всего. Черство-мраморное лицо его, без всякой резкой неправильности, не намекало ни на какое сходство; в суровой соразмерности между собою были черты его. Одни только частые рябины и ухабины, истыкавшие их, причисляли его к числу тех лиц, на которых, по народному выражению, черт приходил по ночам молотить горох. Казалось, не было сил человеческих подбиться к такому человеку и привлечь его расположение, но Чичиков попробовал. Сначала он принялся угождать во всяких незаметных мелочах: рассмотрел внимательно чинку перьев, какими писал он, и, приготовивши несколько по образцу их, клал ему всякий раз их под руку; сдувал и сметал со стола его песок и табак; завел новую тряпку для его чернильницы; отыскал где-то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала в мире, и всякий раз клал ее возле него за минуту до окончания присутствия; чистил ему спину, если тот запачкал ее мелом у стены, — но все это осталось решительно без всякого замечания, так, как будто ничего этого не было и делано. Наконец он пронюхал его домашнюю, семейственную жизнь, узнал, что у него была зрелая дочь, с лицом, тоже похожим на то, как будто бы на нем происходила по ночам молотьба гороху. С этой-то стороны придумал он навести приступ. Узнал, в какую церковь приходила она по воскресным дням, становился всякий раз насупротив ее, чисто одетый, накрахмаливши сильно манишку, — и дело возымело успех: пошатнулся суровый повытчик и зазвал его на чай! И в канцелярии не успели оглянуться, как устроилось дело так, что Чичиков переехал к нему в дом, сделался нужным и необходимым человеком, закупал и муку и сахар, с дочерью обращался, как с невестой, повытчика звал папенькой и целовал его в руку; все положили в палате, что в конце февраля перед Великим Постом будет свадьба. Суровый повытчик стал даже хлопотать за него у начальства, и чрез несколько времени Чичиков сам сел повытчиком на одно открывшееся вакантное место. В этом, казалось, и заключалась главная цель связей его с старым повытчиком, потому что тут же сундук свой он отправил секретно домой и на другой день очутился уже на другой квартире. Повытчика перестал звать папенькой и не целовал больше его руки, а о свадьбе так дело и замялось, как будто вовсе ничего

не происходило. Однако же, встречаясь с ним, он всякий раз ласково жал ему руку и приглашал его на чай, так что старый повытчик, несмотря на вечную неподвижность и черствое равнодушие, всякий раз встряхивал головою и произносил себе под нос: «Надул, надул, чертов сын!»

Это был самый трудный порог, через который перешагнул он. С этих пор пошло легче и успешнее. Он стал человеком заметным. Все оказалось в нем, что нужно для этого мира: и приятность в оборотах и поступках, и бойкость в деловых делах. С такими средствами добыл он в непродолжительное время то, что называют хлебное местечко, и воспользовался им отличным образом. Нужно знать, что в то же самое время начались строжайшие преследования всяких взяток; преследований он не испугался и обратил их тот же час в свою пользу, показав таким образом прямо русскую изобретательность, являющуюся только во время прижимок. Дело устроено было вот как: как только приходил проситель и засовывал руку в карман, с тем чтобы вытащить оттуда известные рекомендательные письма за подписью князя Хованского, как выражаются у нас на Руси: «Нет, нет, — говорил он с улыбкой, удерживая его руки, — вы думаете, что я... нет, нет. Это наш долг, наша обязанность, без всяких возмездий мы должны сделать! С этой стороны уж будьте покойны: завтра же все будет сделано. Позвольте узнать вашу квартиру, вам и заботиться не нужно самим, все будет принесено к вам на дом». Очарованный проситель возвращался домой чуть не в восторге, думая: «Вот наконец человек, каких нужно побольше, это просто драгоценный алмаз!» Но ждет проситель день, другой, не приносят дела на дом, на третий тоже. Он в канцелярию, дело не начиналось; он к драгоценному алмазу. «Ах, извините! — говорил Чичиков очень учтиво, схвативши его за обе руки, — у нас было столько дел; но завтра же все будет сделано, завтра непременно, право, мне даже совестно!» И все это сопровождалось движениями обворожительными. Если при этом распахивалась как-нибудь пола халата, то рука в ту же минуту старалась дело поправить и придержать полу. Но ни завтра, ни послезавтра, ни на третий день не несут дела на дом. Проситель берется за ум: да полно, нет ли чего? Выведывает; говорят, нужно дать писарям. «Почему ж не дать? Я готов четвертак,

другой». — «Нет, не четвертак, а по беленькой». — «По беленькой писарям!» — вскрикивает проситель. «Да чего вы так горячитесь? — отвечают ему, — оно так и выйдет, писарям и достанется по четвертаку, а остальное пойдет к начальству». Бьет себя по лбу недогадливый проситель и бранит на чем свет стоит новый порядок вещей, преследование взяток и вежливые, облагороженные обращения чиновников. Прежде было знаешь по крайней мере, что делать: принес правителю дел красную, да и дело в шляпе, а теперь по беленькой, да еще неделю провозишься, пока догадаешься; черт бы побрал бескорыстие и чиновное благородство! Проситель, конечно, прав, но зато теперь нет взяточников: все правители дел честнейшие и благороднейшие люди, секретари только да писаря мошенники. Скоро представилось Чичикову поле гораздо пространнее: образовалась комиссия для построения какого-то казенного весьма капитального строения. В эту комиссию пристроился и он, и оказался одним из деятельнейших членов. Комиссия немедленно приступила к делу. Шесть лет возилась около здания; но климат, что ли, мешал или материал уже был такой, только никак не шло казенное здание выше фундамента. А между тем в других концах города очутилось у каждого из членов по красивому дому гражданской архитектуры: видно, грунт земли был там получше. Члены уже начинали благоденствовать и стали заводиться семейством. Тут только и теперь только стал Чичиков понемногу выпутываться из-под суровых законов воздержанья и неумолимого своего самоотверженья. Тут только долговременный пост наконец был смягчен, и оказалось, что он всегда не был чужд разных наслаждений, от которых умел удержаться в лета пылкой молодости, когда ни один человек совершенно не властен над собою. Оказались кое-какие излишества: он завел довольно хорошего повара, тонкие голландские рубашки. Уже сукна купил он себе такого, какого не носила вся губерния, и с этих пор стал держаться более коричневых и красноватых цветов с искрою; уже приобрел он отличную пару и сам держал одну вожжу, заставляя пристяжную виться кольцом; уже завел он обычай вытираться губкой, намоченной в воде, смешанной с одеколоном; уже покупал он весьма недешево какое-то мыло для сообщения гладкости коже, уже.

Но вдруг на место прежнего тюфяка был прислан новый начальник, человек военный, строгий, враг взяточников и всего, что зовется неправдой. На другой же день пугнул он всех до одного, потребовал отчеты, увидел недочеты, на каждом шагу недостающие суммы, заметил в ту же минуту дома красивой гражданской архитектуры, и пошла переборка. Чиновники были отставлены от должности; дома гражданской архитектуры поступили в казну и обращены были на разные богоугодные заведения и школы для кантонистов, все распушено было в пух, и Чичиков более других. Лицо его вдруг, несмотря на приятность, не понравилось начальнику, почему именно, Бог ведает, — иногда даже просто не бывает на это причин, — и он возненавидел его насмерть. И грозен был сильно для всех неумолимый начальник. Но так как все же он был человек военный, стало быть, не знал всех тонкостей гражданских проделок, то чрез несколько времени, посредством правдивой наружности и уменья подделаться ко всему, втерлись к нему в милость другие чиновники, и генерал скоро очутился в руках еще больших мошенников, которых он вовсе не почитал такими; даже был доволен, что выбрал наконец людей как следует, и хвастался не в шутку тонким уменьем различать способности. Чиновники вдруг постигнули дух его и характер. Все, что ни было под начальством его, сделалось страшными гонителями неправды; везде, во всех делах они преследовали ее, как рыбак острогой преследует какую-нибудь мясистую белугу, и преследовали ее с таким успехом, что в скором времени у каждого очутилось по нескольку тысяч капиталу. В это время обратились на путь истины многие из прежних чиновников и были вновь приняты на службу. Но Чичиков уж никаким образом не мог втереться, как ни старался и ни стоял за него подстрекнутый письмами князя Хованского первый генеральский секретарь, постигнувший совершенно управленье генеральским носом, но тут он ничего решительно не мог сделать. Генерал был такого рода человек, которого хотя и водили за нос (впрочем, без его ведома), но зато уже, если в голову ему западала какая-нибудь мысль, то она там была все равно что железный гвоздь: ничем нельзя было ее оттуда вытеребить. Все, что мог сделать умный секретарь, было уничтоженье запачканного послужного списка, и на то уже он

подвинул начальника не иначе, как состраданием, изобразив ему в живых красках трогательную судьбу несчастного семейства Чичикова, которого, к счастию, у него не было.

«Ну, что ж! — сказал Чичиков, — зацепил — поволок, сорвалось — не спрашивай. Плачем горю не пособить, нужно дело делать». И вот решился он сызнова начать карьер, вновь вооружиться терпением, вновь ограничиться во всем, как ни привольно и ни хорошо было развернулся прежде. Нужно было переехать в другой город, там еще приводить себя в известность. Все как-то не клеилось. Две, три должности должен он был переменить в самое короткое время. Должности как-то были грязны, низменны. Нужно знать, что Чичиков был самый благопристойный человек, какой когда-либо существовал в свете. Хотя он и должен был вначале протираться в грязном обществе, но в душе всегда сохранял чистоту, любил, чтобы в канцеляриях были столы из лакированного дерева и все бы было благородно. Никогда не позволял он себе в речи неблагопристойного слова и оскорблялся всегда, если в словах других видел отсутствие должного уважения к чину или званию. Читателю, я думаю, приятно будет узнать, что он всякие два дни переменял на себе белье, а летом во время жаров даже и всякий день: всякий сколько-нибудь неприятный запах уже оскорблял его. По этой причине он всякий раз, когда Петрушка приходил раздевать его и скидавать сапоги, клал себе в нос гвоздичку, и во многих случаях нервы у него были щекотливые, как у девушки; и потому тяжело ему было очутиться вновь в тех рядах, где все отзывалось пенником и неприличьем в поступках. Как ни крепился он духом, однако же похудел и даже позеленел во время таких невзгод. Уже начинал было он полнеть и приходить в те круглые и приличные формы, в каких читатель застал его при заключении с ним знакомства, и уже не раз, поглядывая в зеркало, подумывал он о многом приятном: о бабенке, о детской, и улыбка следовала за такими мыслями; но теперь, когда он взглянул на себя как-то ненароком в зеркало, не мог не вскрикнуть: «Мать Ты моя Пресвятая! какой же я стал гадкий!» И после долго не хотел смотреться. Но переносил все герой наш, переносил сильно, терпеливо переносил, и — перешел наконец в службу по таможне. Надобно сказать, что эта служба давно составляла тайный предмет его помышлений. Он видел, какими щегольскими

заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какие фарфоры и батиста пересылали кумушкам, тетушкам и сестрам. Не раз давно уже он говорил со вздохом: «Вот бы куда перебраться: и граница близко, и просвещенные люди, а какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись!» Надобно прибавить, что при этом он подумывал еще об особенном сорте французского мыла, сообщавшего необыкновенную белизну коже и свежесть щекам; как оно называлось, Бог ведает, но, по его предположениям, непременно находилось на границе. Итак, он давно бы хотел в таможню, но удерживали текущие разные выгоды по строительной комиссии, и он рассуждал справедливо, что таможня, как бы то ни было, все еще не более как журавль в небе, а комиссия уже была синица в руках. Теперь же решился он во что бы то ни стало добраться до таможни, и добрался. За службу свою принялся он с ревностью необыкновенною. Казалось, сама судьба определила ему быть таможенным чиновником. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слыхано. В три-четыре недели он уже так набил руку в таможенном деле, что знал решительно все: даже не весил, не мерил, а по фактуре узнавал, сколько в какой штуке аршин сукна или иной материи; взявши в руку сверток, он мог сказать вдруг, сколько в нем фунтов. Что же касается до обысков, то здесь, как выражались даже сами товарищи, у него просто было собачье чутье: нельзя было не изумиться, видя, как у него доставало столько терпения, чтобы ощупать всякую пуговку, и все это производилось с убийственным хладнокровием, вежливым до невероятности. И в то время, когда обыскиваемые бесились, выходили из себя и чувствовали злобное побуждение избить щелчками приятную его наружность, он, не изменяясь ни в лице, ни в вежливых поступках, приговаривал только: «Не угодно ли вам будет немножко побеспокоиться и привстать?» Или: «Не угодно ли вам будет, сударыня, пожаловать в другую комнату? там супруга одного из наших чиновников объяснится с вами». Или: «Позвольте, вот я ножичком немного распорю подкладку вашей шинели» — и, говоря это, он вытаскивал оттуда шали, платки, хладнокровно, как из собственного сундука. Даже начальство изъяснилось, что это был черт, а не человек: он отыскивал в колесах, дышлах, лошадиных ушах и невесть в каких местах, куда бы никакому автору

не пришло в мысль забраться и куда позволяется забираться только одним таможенным чиновникам. Так что бедный путешественник, переехавший через границу, все еще в продолжение нескольких минут не мог опомниться и, отирая пот, выступивший мелкою сыпью по всему телу, только крестился да приговаривал: «Ну, ну!» Положение его весьма походило на положение школьника, выбежавшего из секретной комнаты, куда начальник призвал его, с тем чтобы дать кое-какое наставление, но вместо того высек совершенно неожиданным образом. В непродолжительное время не было от него никакого житья контрабандистам. Эта была гроза и отчаяние всего польского жидовства. Честность и неподкупность его были неодолимы, почти неестественны. Он даже не составил себе небольшого капитальца из разных конфискованных товаров и отбираемых кое-каких вещиц, не поступающих в казну во избежание лишней переписки. Такая ревностно-бескорыстная служба не могла не сделаться предметом общего удивления и не дойти наконец до сведения начальства. Он получил чин и повышение и вслед за тем представил проект изловить всех контрабандистов, прося только средств исполнить его самому. Ему тот же час вручена была команда и неограниченное право производить всякие поиски. Этого только ему и хотелось. В то время образовалось сильное общество контрабандистов обдуманно-правильным образом; на миллионы сулило выгод дерзкое предприятие. Он давно уже имел сведение о нем и даже отказал подосланным подкупить, сказавши сухо: «Еще не время». Получив же в свое распоряжение все, в ту же минуту дал знать обществу, сказавши: «Теперь пора». Расчет был слишком верен. Тут в один год он мог получить то, чего не выиграл бы в двадцать лет самой ревностной службы. Прежде он не хотел вступать ни в какие сношения с ними, потому что был не более как простой пешкой, стало быть, немного получил бы; но теперь... теперь совсем другое дело: он мог предложить какие угодно условия. Чтобы дело шло беспрепятственней, он склонил и другого чиновника, своего товарища, который не устоял против соблазна, несмотря на то что волосом был сед. Условия были заключены, и общество приступило к действиям. Действия начались блистательно: читатель, без сомнения, слышал так часто повторяемую историю об остроумном путешествии испанских

баранов, которые, совершив переход через границу в двойных тулупчиках, пронесли под тулупчиками на миллион брабантских кружев. Это происшествие случилось именно тогда, когда Чичиков служил при таможне. Не участвуй он сам в этом предприятии, никаким жидам в мире не удалось бы привести в исполнение подобного дела. После трех или четырех бараньих походов через границу у обоих чиновников очутилось по четыреста тысяч капиталу. У Чичикова, говорят, даже перевалило и за пятьсот, потому что был побойчее. Бог знает до какой бы громадной цифры не возросли благодатные суммы, если бы какой-то нелегкий зверь не перебежал поперек всему. Черт сбил с толку обоих чиновников: чиновники, говоря попросту, перебесились и поссорились ни за что. Как-то в жарком разговоре, а может быть, несколько и выпивши, Чичиков назвал другого чиновника поповичем, а тот, хотя действительно был попович, неизвестно почему обиделся жестоко и ответил ему тут же сильно и необыкновенно резко, именно вот как: «Нет, врешь, я статский советник, а не попович, а вот ты так попович!» И потом еще прибавил ему в пику для большей досады: «Да вот, мол, что!» Хотя он отбрил таким образом его кругом, обратив на него им же приданное название, и хотя выражение «вот, мол, что!» могло быть сильно, но, недовольный сим, он послал еще на него тайный донос. Впрочем, говорят, что и без того была у них ссора за какую-то бабенку, свежую и крепкую, как ядреная репа, по выражению таможенных чиновников; что были даже подкуплены люди, чтобы под вечерок в темном переулке поизбить нашего героя; но что оба чиновника были в дураках и бабенкой воспользовался какой-то штабс-капитан Шамшарев. Как было дело в самом деле, Бог их ведает; пусть лучше читатель-охотник досочинит сам. Главное в том, что тайные сношения с контрабандистами сделались явными. Статский советник хоть и сам пропал, но таки упек своего товарища. Чиновников взяли под суд, конфисковали, описали все, что у них ни было, и все это разрешилось вдруг как гром над головами их. Как после чаду опомнились они и увидели с ужасом, что наделали. Статский советник, по русскому обычаю, с горя запил, но коллежский устоял. Он умел затаить часть деньжонок, как ни чутко было обоняние наехавшего на следствие начальства. Употребил все тонкие извороты ума, уже слишком опытного, слишком знающего хорошо

людей: где подействовал приятностью оборотов, где трогательною речью, где покурил лестью, ни в каком случае не портящею дела, где всунул деньжонку, — словом, обработал дело по крайней мере так, что отставлен был не с таким бесчестьем, как товарищ, и увернулся из-под уголовного суда. Но уже ни капитала, ни разных заграничных вещиц, ничего не осталось ему; на все это нашлись другие охотники. Удержалось у него тысячонок десяток, запрятанных про черный день, да дюжины две голландских рубашек, да небольшая бричка, в какой ездят холостяки, да два крепостных человека, кучер Селифан и лакей Петрушка, да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему пять или шесть кусков мыла для сбережения свежести щек — вот и все. Итак, вот в каком положении вновь очутился герой наш! Вот какая громада бедствий обрушилась ему на голову! Это называл он: потерпеть по службе за правду. Теперь можно бы заключить, что после таких бурь, испытаний, превратностей судьбы и жизненного горя он удалится с оставшимися кровными десятью тысячонками в какое-нибудь мирное захолустье уездного городишка и там заклекнет навеки в ситцевом халате у окна низенького домика, разбирая по воскресным дням драку мужиков, возникшую пред окнами, или для освежения пройдясь в курятник пощупать лично курицу, назначенную в суп, и проведет таким образом нешумный, но в своем роде тоже небесполезный век. Но так не случилось. Надобно отдать справедливость непреодолимой силе его характера. После всего того, что бы достаточно было если не убить, то охладить и усмирить навсегда человека, в нем не потухла непостижимая страсть. Он был в горе, в досаде, роптал на весь свет, сердился на несправедливость судьбы, негодовал на несправедливость людей и, однако же, не мог отказаться от новых попыток. Словом, он показал терпенье, пред которым ничто деревянное терпенье немца, заключенное уже в медленном, ленивом обращении крови его. Кровь Чичикова, напротив, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтоб набросить узду на все то, что хотело бы выпрыгнуть и погулять на свободе. Он рассуждал, и в рассуждении его видна была некоторая сторона справедливости: «Почему ж я? зачем на меня обрушилась беда? Кто ж зевает теперь на должности? — все приобретают. Несчастным я не сделал никого: я не ограбил вдову,

я не пустил никого по миру, пользовался я от избытков, брал там, где всякий брал бы; не воспользуйся я, другие воспользовались бы. За что же другие благоденствуют, и почему должен я пропасть червем? И что я теперь? Куда я гожусь? какими глазами я стану смотреть теперь в глаза всякому почтенному отцу семейства? Как не чувствовать мне угрызения совести, зная, что даром бременю землю, и что скажут потом мои дети? Вот, скажут, отец, скотина, не оставил нам никакого состояния!»

Уже известно, что Чичиков сильно заботился о своих потомках. Такой чувствительный предмет! Иной, может быть, и не так бы глубоко запустил руку, если бы не вопрос, который, неизвестно почему, приходит сам собою: а что скажут дети? И вот будущий родоначальник, как осторожный кот, покося только одним глазом вбок, не глядит ли откуда хозяин, хватает поспешно все, что к нему поближе: мыло ли стоит, свечи ли, сало, канарейка ли попалась под лапу — словом, не пропускает ничего. Так жаловался и плакал герой наш, а между тем деятельность никак не умирала в голове его; там все хотело что-то строиться и ждало только плана. Вновь съежился он, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничил себя во всем, вновь из чистоты и приличного положения опустился в грязь и низменную жизнь. И в ожидании лучшего принужден был даже заняться званием поверенного, званием, еще не приобретшим у нас гражданства, толкаемым со всех сторон, плохо уважаемым мелкою приказною тварью и даже самими доверителями, осужденным на пресмыканье в передних, грубости и прочее, но нужда заставила решиться на все. Из поручений досталось ему, между прочим, одно: похлопотать о заложении в Опекунский совет нескольких сот крестьян. Имение было расстроено в последней степени. Расстроено оно было скотскими падежами, плутами приказчиками, неурожаями, повальными болезнями, истребившими лучших работников, и, наконец, бестолковьем самого помещика, убиравшего себе в Москве дом в последнем вкусе и убившего на эту уборку все состояние свое до последней копейки, так что уж не на что было есть. По этой-то причине понадобилось наконец заложить последнее оставшееся имение. Заклад в казну был тогда еще дело новое, на которое решались не без страха. Чичиков в качестве поверенного, прежде расположивши всех (без предварительного

расположения, как известно, не может быть даже взята простая справка или выправка, все же хоть по бутылке мадеры придется влить во всякую глотку), — итак, расположивши всех, кого следует, объяснил он, что вот какое, между прочим, обстоятельство: половина крестьян вымерла, так чтобы не было каких-нибудь потом привязок...

— Да ведь они по ревизской сказке числятся? — сказал секретарь.

— Числятся, — отвечал Чичиков.

— Ну, так чего же вы оробели? — сказал секретарь, — один умер, другой родится, а все в дело годится.

Секретарь, как видно, умел говорить и в рифму. А между тем героя нашего осенила вдохновеннейшая мысль, какая когда-либо приходила в человеческую голову. «Эх я Аким-простота, — сказал он сам в себе, — ищу рукавиц, а обе за поясом! Да накупи я всех этих, которые вымерли, пока еще не подавали новых ревизских сказок, приобрети их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уж двести тысяч капиталу! А теперь же время удобное, недавно была эпидемия, народу вымерло, слава Богу, немало. Помещики попроигрывались в карты, закутили и промотались как следует; все полезло в Петербург служить; имения брошены, управляются как ни попало, подати уплачиваются с каждым годом труднее, так мне с радостью уступит их каждый уже потому только, чтобы не платить за них подушных денег; может, в другой раз так случится, что с иного и я еще зашибу за это копейку. Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы как-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести из этого истории. Ну да ведь дан же человеку на что-нибудь ум. А главное то хорошо, что предмет-то покажется всем невероятным, никто не поверит. Правда, без земли нельзя ни купить, ни заложить. Да ведь я куплю на вывод, на вывод; теперь земли в Таврической и Херсонской губерниях отдаются даром, только заселяй. Туда я их всех и переселю! в Херсонскую их! пусть их там живут! А переселение можно сделать законным образом, как следует по судам. Если захотят освидетельствовать крестьян: пожалуй, я и тут не прочь, почему же нет? я представлю и свидетельство за собственноручным подписанием капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка или

по имени, данному при крещении: сельцо Павловское». И вот таким образом составился в голове нашего героя сей странный сюжет, за который, не знаю, будут ли благодарны ему читатели, а уж как благодарен автор, так и выразить трудно. Ибо, что ни говори, не приди в голову Чичикову эта мысль, не явилась бы на свет сия поэма.

Перекрестясь по русскому обычаю, приступил он к исполнению. Под видом избрания места для жительства и под другими предлогами предпринял он заглянуть в те и другие углы нашего государства, и преимущественно в те, которые более других пострадали от несчастных случаев, неурожаев, смертностей и прочего и прочего, — словом, где бы можно удобнее и дешевле накупить потребного народа. Он не обращался наобум ко всякому помещику, но избирал людей более по своему вкусу или таких, с которыми бы можно было с меньшими затруднениями делать подобные сделки, стараясь прежде познакомиться, расположить к себе, чтобы, если можно, более дружбою, а не покупкою приобрести мужиков. Итак, читатели не должны негодовать на автора, если лица, доныне являвшиеся, не пришлись по его вкусу; это вина Чичикова, здесь он полный хозяин, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться. С нашей стороны, если, точно, падет обвинение за бледность и невзрачность лиц и характеров, скажем только то, что никогда вначале не видно всего широкого теченья и объема дела. Въезд в какой бы ни было город, хоть даже в столицу, всегда как-то бледен; сначала все серо и однообразно: тянутся бесконечные заводы да фабрики, закопченные дымом, а потом уже выглянут углы шестиэтажных домов, магазины, вывески, громадные перспективы улиц, все в колокольнях, колоннах, статуях, башнях, с городским блеском, шумом и громом и всем, что на диво произвела рука и мысль человека. Как произвелись первые покупки, читатель уже видел; как пойдет дело далее, какие будут удачи и неудачи герою, как придется разрешить и преодолеть ему более трудные препятствия, как предстанут колоссальные образы, как двигнутся сокровенные рычаги широкой повести, раздастся далече ее горизонт и вся она примет величавое лирическое течение, то увидит потом. Еще много пути предстоит совершить всему походному экипажу, состоящему из господина средних лет, брички, в которой ездят холостяки, лакея Петрушки, кучера

расположения, как известно, не может быть даже взята простая справка или выправка, все же хоть по бутылке мадеры придется влить во всякую глотку), — итак, расположивши всех, кого следует, объяснил он, что вот какое, между прочим, обстоятельство: половина крестьян вымерла, так чтобы не было каких-нибудь потом привязок...

— Да ведь они по ревизской сказке числятся? — сказал секретарь.

— Числятся, — отвечал Чичиков.

— Ну, так чего же вы оробели? — сказал секретарь, — один умер, другой родится, а все в дело годится.

Секретарь, как видно, умел говорить и в рифму. А между тем героя нашего осенила вдохновеннейшая мысль, какая когда-либо приходила в человеческую голову. «Эх я Аким-простота, — сказал он сам в себе, — ищу рукавиц, а обе за поясом! Да накупи я всех этих, которые вымерли, пока еще не подавали новых ревизских сказок, приобрети их, положим, тысячу, да, положим, опекунский совет даст по двести рублей на душу: вот уж двести тысяч капиталу! А теперь же время удобное, недавно была эпидемия, народу вымерло, слава Богу, немало. Помещики попроигрывались в карты, закутили и промотались как следует; все полезло в Петербург служить; имения брошены, управляются как ни попало, подати уплачиваются с каждым годом труднее, так мне с радостью уступит их каждый уже потому только, чтобы не платить за них подушных денег; может, в другой раз так случится, что с иного и я еще зашибу за это копейку. Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы как-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести из этого истории. Ну да ведь дан же человеку на что-нибудь ум. А главное то хорошо, что предмет-то покажется всем невероятным, никто не поверит. Правда, без земли нельзя ни купить, ни заложить. Да ведь я куплю на вывод, на вывод; теперь земли в Таврической и Херсонской губерниях отдаются даром, только заселяй. Туда я их всех и переселю! в Херсонскую их! пусть их там живут! А переселение можно сделать законным образом, как следует по судам. Если захотят освидетельствовать крестьян: пожалуй, я и тут не прочь, почему же нет? я представлю и свидетельство за собственноручным подписанием капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка или

по имени, данному при крещении: сельцо Павловское». И вот таким образом составился в голове нашего героя сей странный сюжет, за который, не знаю, будут ли благодарны ему читатели, а уж как благодарен автор, так и выразить трудно. Ибо, что ни говори, не приди в голову Чичикову эта мысль, не явилась бы на свет сия поэма.

Перекрестясь по русскому обычаю, приступил он к исполнению. Под видом избрания места для жительства и под другими предлогами предпринял он заглянуть в те и другие углы нашего государства, и преимущественно в те, которые более других пострадали от несчастных случаев, неурожаев, смертностей и прочего и прочего, — словом, где бы можно удобнее и дешевле накупить потребного народа. Он не обращался наобум ко всякому помещику, но избирал людей более по своему вкусу или таких, с которыми бы можно было с меньшими затруднениями делать подобные сделки, стараясь прежде познакомиться, расположить к себе, чтобы, если можно, более дружбою, а не покупкою приобрести мужиков. Итак, читатели не должны негодовать на автора, если лица, доныне являвшиеся, не пришлись по его вкусу; это вина Чичикова, здесь он полный хозяин, и куда ему вздумается, туда и мы должны тащиться. С нашей стороны, если, точно, падет обвинение за бледность и невзрачность лиц и характеров, скажем только то, что никогда вначале не видно всего широкого теченья и объема дела. Въезд в какой бы ни было город, хоть даже в столицу, всегда как-то бледен; сначала все серо и однообразно: тянутся бесконечные заводы да фабрики, закопченные дымом, а потом уже выглянут углы шестиэтажных домов, магазины, вывески, громадные перспективы улиц, все в колокольнях, колоннах, статуях, башнях, с городским блеском, шумом и громом и всем, что на диво произвела рука и мысль человека. Как произвелись первые покупки, читатель уже видел; как пойдет дело далее, какие будут удачи и неудачи герою, как придется разрешить и преодолеть ему более трудные препятствия, как предстанут колоссальные образы, как двигнутся сокровенные рычаги широкой повести, раздастся далече ее горизонт и вся она примет величавое лирическое течение, то увидит потом. Еще много пути предстоит совершить всему походному экипажу, состоящему из господина средних лет, брички, в которой ездят холостяки, лакея Петрушки, кучера

Селифана и тройки коней, уже известных поименно от Заседателя до подлеца чубарого. Итак, вот весь налицо герой наш, каков он есть! Но потребуют, может быть, заключительного определения одной чертою: кто же он относительно качеств нравственных? Что он не герой, исполненный совершенств и добродетелей, это видно. Кто же он? стало быть, подлец? Почему ж подлец, зачем же быть так строгу к другим? Теперь у нас подлецов не бывает, есть люди благонамеренные, приятные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиогномию под публичную оплеуху, отыщется разве каких-нибудь два, три человека, да и те уже говорят теперь о добродетели. Справедливее всего назвать его: хозяин, приобретатель. Приобретение — вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название *не очень чистых*. Правда, в таком характере есть уже что-то отталкивающее, и тот же читатель, который на жизненной своей дороге будет дружен с таким человеком, будет водить с ним хлеб-соль и проводить приятно время, станет глядеть на него косо, если он очутится героем драмы или поэмы. Но мудр тот, кто не гнушается никаким характером, но, вперя в него испытующий взгляд, изведывает его до первоначальных причин. Быстро все превращается в человеке; не успеешь оглянуться, как уже вырос внутри страшный червь, самовластно обративший к себе все жизненные соки. И не раз не только широкая страсть, но ничтожная страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в рожденном на лучшие подвиги, заставляла его позабывать великие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое. Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все не похожи одна на другую, и все они, низкие и прекрасные, вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его. Блажен избравший себе из всех прекраснейшую страсть; растет и десятерится с каждым часом и минутой безмерное его блаженство, и входит он глубже и глубже в бесконечный рай своей души. Но есть страсти, которых избранье не от человека. Уже родились они с ним в минуту рожденья его в свет, и не дано ему сил отклониться от них. Высшими начертаньями они ведутся, и есть в них что-то вечно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить им: все равно, в мрачном ли образе, или пронестись светлым явленьем, возрадующим

мир, — одинаково вызваны они для неведомого человеком блага. И, может быть, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес. И еще тайна, почему сей образ предстал в ныне являющейся на свет поэме.

Но не то тяжело, что будут недовольны героем, тяжело то, что живет в душе неотразимая уверенность, что тем же самым героем, тем же самым Чичиковым были бы довольны читатели. Не загляни автор поглубже ему в душу, не шевельни на дне ее того, что ускользает и прячется от света, не обнаружь сокровеннейших мыслей, которых никому другому не вверяет человек, а покажи его таким, каким он показался всему городу, Манилову и другим людям, и все были бы радешеньки и приняли бы его за интересного человека. Нет нужды, что ни лицо, ни весь образ его не метался бы как живой пред глазами; зато по окончании чтения душа не встревожена ничем, и можно обратиться вновь к карточному столу, тешащему всю Россию. Да, мои добрые читатели, вам бы не хотелось видеть обнаруженную человеческую бедность. Зачем, говорите вы, к чему это? Разве мы не знаем сами, что есть много презренного и глупого в жизни? И без того случается нам часто видеть то, что вовсе не утешительно. Лучше же представляйте нам прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемся мы! «Зачем ты, брат, говоришь мне, что дела в хозяйстве идут скверно? — говорит помещик приказчику. — Я, брат, это знаю без тебя, да у тебя речей разве нет других, что ли? Ты дай мне позабыть это, не знать этого, я тогда счастлив». И вот те деньги, которые бы поправили сколько-нибудь дело, идут на разные средства для приведения себя в забвенье. Спит ум, может быть обретший бы внезапный родник великих средств; а там имение бух с аукциона, и пошел помещик забываться по миру с душою, от крайности готовою на низости, которых бы сам ужаснулся прежде.

Еще падет обвинение на автора со стороны так называемых патриотов, которые спокойно сидят себе по углам и занимаются совершенно посторонними делами, накопляют себе капитальцы, устроивая судьбу свою на счет других; но как только случится что-нибудь, по мненью их, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, в которой скажется иногда горькая правда,

они выбегут со всех углов, как пауки, увидевшие, что запуталась в паутину муха, и подымут вдруг крики: «Да хорошо ли выводить это на свет, провозглашать об этом? Ведь это все, что ни описано здесь, это все наше, — хорошо ли это? А что скажут иностранцы? Разве весело слышать дурное мнение о себе? Думают, разве это не больно? Думают, разве мы не патриоты?» На такие мудрые замечания, особенно насчет мнения иностранцев, признаюсь, ничего нельзя прибрать в ответ. А разве вот что: жили в одном отдаленном уголке России два обитателя. Один был отец семейства, по имени Кифа Мокиевич, человек нрава кроткого, проводивший жизнь халатным образом. Семейством своим он не занимался; существованье его было обращено более в умозрительную сторону и занято следующим, как он называл, философическим вопросом: «Вот, например, зверь, — говорил он, ходя по комнате, — зверь родится нагишом. Почему же именно нагишом? Почему не так, как птица, почему не вылупливается из яйца? Как, право, того: совсем не поймешь натуры, как побольше в нее углубишься!» Так мыслил обитатель Кифа Мокиевич. Но не в этом еще главное дело. Другой обитатель был Мокий Кифович, родной сын его. Был он то, что называют на Руси богатырь, и в то время, когда отец занимался рожденьем зверя, двадцатилетняя плечистая натура его так и порывалась развернуться. Ни за что не умел он взяться слегка: все или рука у кого-нибудь затрещит, или волдырь вскочит на чьем-нибудь носу. В доме и в соседстве все, от дворовой девки до дворовой собаки, бежало прочь, его завидя; даже собственную кровать в спальне изломал он в куски. Таков был Мокий Кифович, а впрочем, был он доброй души. Но не в этом еще главное дело. А главное дело вот в чем: «Помилуй, батюшка барин, Кифа Мокиевич, — говорила отцу и своя и чужая дворня, — что у тебя за Мокий Кифович? Никому нет от него покоя, такой припертень!» — «Да, шаловлив, шаловлив, — говорил обыкновенно на это отец, — да ведь как быть: драться с ним поздно, да и меня же все обвинят в жестокости; а человек он честолюбивый, укори его при другом-третьем, он уймется, да ведь гласность-то — вот беда! город узнает, назовет его совсем собакой. Что, право, думают, мне разве не больно? разве я не отец? Что занимаюсь философией да иной раз нет времени, так уж я и не отец? ан вот нет же, отец! отец, черт их побери,

отец! У меня Мокий Кифович вот тут сидит, в сердце! — Тут Кифа Мокиевич бил себя весьма сильно в грудь кулаком и приходил в совершенный азарт. — Уж если он и останется собакой, так пусть же не от меня об этом узнают, пусть не я выдал его». И, показав такое отеческое чувство, он оставлял Мокия Кифовича продолжать богатырские свои подвиги, а сам обращался вновь к любимому предмету, задав себе вдруг какой-нибудь подобный вопрос: «Ну а если бы слон родился в яйце, ведь скорлупа, чай, сильно бы толста была, пушкой не прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрельное орудие выдумать». Так проводили жизнь два обитателя мирного уголка, которые нежданно, как из окошка, выглянули в конце нашей поэмы, выглянули для того, чтобы отвечать скромно на обвиненье со стороны некоторых горячих патриотов, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философией или приращениями на счет сумм нежно любимого ими отечества, думающих не о том, чтобы не делать дурного, а о том, чтобы только не говорили, что они делают дурное. Но нет, не патриотизм и не первое чувство суть причины обвинений, другое скрывается под ними. К чему таить слово? Кто же, как не автор, должен сказать святую правду? Вы боитесь глубоко устремленного взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокий взор, вы любите скользнуть по всему недумающими глазами. Вы посмеетесь даже от души над Чичиковым, может быть, даже похвалите автора, скажете: «Однако ж кое-что он ловко подметил, должен быть веселого нрава человек!» И после таких слов с удвоившеюся гордостию обратитесь к себе, самодовольная улыбка покажется на лице вашем, и вы прибавите: «А ведь должно согласиться, престранные и пресмешные бывают люди в некоторых провинциях, да и подлецы притом немалые!» А кто из вас, полный христианского смиренья, не гласно, а в тишине, один, в минуты уединенных бесед с самим собой, углубит вовнутрь собственной души сей тяжелый запрос: «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» Да, как бы не так! А вот пройди в это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имеющий чин ни слишком большой, ни слишком малый, он в ту же минуту толкнет под руку своего соседа и скажет ему, чуть не фыркнув от смеха: «Смотри, смотри, вон Чичиков, Чичиков пошел!» И потом, как ребенок, позабыв

всякое приличие, должное званию и летам, побежит за ним вдогонку, поддразнивая сзади и приговаривая: «Чичиков! Чичиков! Чичиков!»

Но мы стали говорить довольно громко, позабыв, что герой наш, спавший во все время рассказа его повести, уже проснулся и легко может услышать так часто повторяемую свою фамилию. Он же человек обидчивый и недоволен, если о нем изъясняются неуважительно. Читателю сполагоря, рассердится ли на него Чичиков, или нет, но что до автора, то он ни в каком случае не должен ссориться с своим героем: еще не мало пути и дороги придется им пройти вдвоем рука в руку; две большие части впереди — это не безделица.

— Эхе-хе! что ж ты? — сказал Чичиков Селифану, — ты?

— Что? — сказал Селифан медленным голосом.

— Как что? Гусь ты! как ты едешь! Ну же, потрогивай!

И в самом деле, Селифан давно уже ехал зажмуря глаза, изредка только потряхивая впросонках вожжами по бокам дремавших тоже лошадей; а с Петрушки уже давно невесть в каком месте слетел картуз, и он сам, опрокинувшись назад, уткнул свою голову в колено Чичикову, так что тот должен был дать ей щелчка. Селифан приободрился и, отшлепавши несколько раз по спине чубарого, после чего тот пустился рысцой, да помахнувши сверху кнутом на всех, примолвил тонким певучим голоском: «Не бойся!» Лошадки расшевелились и понесли, как пух, легонькую бричку. Селифан только помахивал да покрикивал: «Эх! эх! эх!» — плавно подскакивая на козлах, по мере того как тройка то взлетала на пригорок, то неслась духом с пригорка, которыми была усеяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть заметным накатом вниз. Чичиков только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушке, ибо любил быструю езду. И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «черт побери все!» — его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то востороженно-чудное? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога

невесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканье, где не успевает означиться пропадающий предмет, — только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны. Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход — и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный Божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная Богом!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

Мертвые души

Том второй
Сохранившиеся главы

Ранняя редакция

Глава первая

Зачем же выставлять напоказ бедность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства? Что ж делать, если такого свойства сочинитель, и так уже заболел он сам собственным несовершенством, и так уже устроен талант его, чтобы изображать ему бедность нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства! И вот опять попали мы в глушь, опять наткнулись на закоулок.

Зато какая глушь и какой закоулок!

На тысячу с лишком верст неслись, извиваясь, горные возвышения. Точно как бы исполинский вал какой-то бесконечной крепости, возвышались они над равнинами то желтоватым отломом, в виде стены, с промоинами и рытвинами, то зеленой кругловидной выпуклиной, покрытой, как мерлушками, молодым кустарником, подымавшимся от срубленных дерев, то наконец темным лесом, еще уцелевшим от топора. Река то, верная своим высоким берегам, давала вместе с ними углы и колена по всему пространству, то иногда уходила от них прочь, в луга, затем, чтобы, извившись там в несколько извивов, блеснуть, как огонь, перед солнцем, скрыться в рощи берез, осин и ольх, и выбежать оттуда в торжестве, в сопровожденье мостов, мельниц и плотин, как бы гонявшихся за нею на всяком повороте.

В одном месте крутой бок возвышений воздымался выше прочих и весь от низу до верху убирался в зелень столпившихся густо дерев. Тут было все вместе: и клен, и груша, и низкорослый ракитник, и чилига, и березка, и ель, и рябина, опутанная хмелем; тут...[1] мелькали красные крышки господских строений, коньки и гребни сзади скрывшихся изб и верхняя надстройка господского дома, а над всей этой кучей дерев и крыш старинная церковь возносила свои пять играющих верхушек. На всех их были золотые прорезные кресты, золотыми прорезными цепями прикрепленные к куполам, так что издали сверкало, как бы на воздухе, ни к чему

[1] *В рукописи стерто два слова.*

не прикрепленное, висевшее золото. И вся эта куча дерев, крыш, вместе с церковью, опрокинувшись верхушками вниз, отдавалась в реке, где картинно-безобразные старые ивы, одни стоя у берегов, другие совсем в воде, опустивши туда и ветви и листья, точно как бы рассматривали это изображение, которым не могли налюбоваться во все продолженье своей многолетней жизни.

Вид был очень недурен, но вид сверху вниз, с надстройки дома на равнины и отдаленья, был еще лучше. Равнодушно не мог выстоять на балконе никакой гость и посетитель. У него захватывало в груди, и он мог только произнесть: «Господи, как здесь просторно!» Пространства открывались без конца. За лугами, усеянными рощами и водяными мельницами, зеленели и синели густые леса, как моря или туман, далеко разливавшийся. За лесами, сквозь мглистый воздух, желтели пески. За песками лежали гребнем на отдаленном небосклоне меловые горы, блиставшие ослепительной белизной даже и в ненастное время, как бы освещало их вечное солнце. Кое-где дымились по ним легкие туманно-сизые пятна. Это были отдаленные деревни, но их уже не мог рассмотреть человеческий глаз. Только вспыхивавшая, подобно искре, золотая церковная маковка давала знать, что это было людное, большое селенье. Все это облечено было в тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшие до слуха отголоски воздушных певцов, наполнявших воздух. Словом, не мог равнодушно выстоять на балконе никакой гость и посетитель, и после какого-нибудь двухчасового созерцания издавал он то же самое восклицание, как и в первую минуту: «Силы Небес, как здесь просторно!»

Кто ж был жилец этой деревни, к которой, как к неприступной крепости, нельзя было и подъехать отсюда, а нужно было подъезжать с другой стороны — полями, хлебами и наконец редкой дубровой, раскинутой картинно по зелени, вплоть до самых изб и господского дома? Кто был жилец, господин и владетель этой деревни? Какому счастливцу принадлежал этот закоулок?

А помещику Тремалаханского уезда Андрею Ивановичу Тентетникову, молодому тридцатитрехлетнему господину, коллежскому секретарю, неженатому человеку.

Что же за человек такой, какого нрава, каких свойств и какого характера был помещик Андрей Иванович Тентетников?

Разумеется, следует расспросить у соседей. Сосед, принадлежавший к фамилии отставных штаб-офицеров, брандеров, выражался о нем лаконическим выраженьем: «Естественнейший скотина!» Генерал, проживавший в десяти верстах, говорил: «Молодой человек, неглупый, но много забрал себе в голову. Я бы мог быть ему полезным, потому что у меня и в Петербурге, и даже при...» Генерал речи не оканчивал. Капитан-исправник замечал: «Да ведь чинишка на нем — дрянь; а вот я завтра же к нему за недоимкой!» Мужик его деревни, на вопрос о том, какой у них барин, ничего не отвечал. Словом, общественное мненье о нем было скорее неблагоприятное, чем благоприятное.

А между тем в существе своем Андрей Иванович был не то доброе, не то дурное существо, а просто — коптитель неба. Так как уже немало есть на белом свете людей, коптящих небо, то почему же и Тентетникову не коптить его? Впрочем, вот в немногих словах весь журнал его дня, и пусть из него судит читатель сам, какой у него был характер.

Поутру просыпался он очень поздно и, приподнявшись, долго еще сидел на своей кровати, протирая глаза. Глаза же, как на беду, были маленькие, и потому протиранье их производилось необыкновенно долго. Во все это время стоял у дверей человек Михаиле с рукомойником и полотенцем. Стоял этот бедный Михаиле час, другой, отправлялся потом на кухню, потом вновь приходил, — барин все еще протирал глаза и сидел на кровати. Наконец подымался он с постели, умывался, надевал халат и выходил в гостиную затем, чтобы пить чай, кофий, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлеба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы бессовестно. Два часа просиживал он за чаем; этого мало: он брал еще холодную чашку и с ней подвигался к окну, обращенному на двор. У окна же происходила всякий раз следующая сцена.

Прежде всего ревел небритый буфетчик Григорий, относившийся к Перфильевне, ключнице, в сих выражениях:

— Душонка ты мелкопоместная, ничтожность этакая! Тебе бы, гнусной бабе, молчать, да и только.

— Уж тебя-то не послушаюсь, ненасытное горло! — выкрикивала ничтожность, или Перфильевна.

— Да ведь с тобой никто не уживется, ведь ты и с приказчиком сцепишься, мелочь ты анбарная! — ревел Григорий.

— Да и приказчик — вор такой же, как и ты! — выкрикивала ничтожность так, что было на деревне слышно. — Вы оба пиющие, губители господского, бездонные бочки! Ты думаешь, барин не знает вас? Ведь он здесь, ведь он вас слышит.

— Где барин?

— Да вот он сидит у окна; он все видит.

И точно, барин сидел у окна и все видел.

К довершению этого, кричал кричмя дворовый ребятишка, получивший от матери затрещину; визжал борзой кобель, присев задом к земле, по поводу горячего кипятка, которым обкатил его, выглянувши из кухни, повар. Словом, все голосило и верещало невыносимо. Барин все видел и слышал. И только тогда, когда это делалось до такой степени несносно, что даже мешало барину ничем не заниматься, высылал он сказать, чтоб шумели потише.

За два часа до обеда Андрей Иванович уходил к себе в кабинет затем, чтобы заняться сурьезно и действительно. Занятие было, точно, сурьезное. Оно состояло в обдумыванье сочинения, которое уже издавна и постоянно обдумывалось. Сочинение это долженствовало обнять всю Россию со всех точек — с гражданской, политической, религиозной, философической, разрешить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временем, и определить ясно ее великую будущность — словом, большого объема. Но покуда все оканчивалось одним обдумыванием; изгрызалось перо, являлись на бумаге рисунки, и потом все это отодвигалось на сторону, бралась наместо того в руки книга и уже не выпускалась до самого обеда. Книга эта читалась вместе с супом, соусом, жарким и даже с пирожным, так что иные блюда оттого стыли, а другие принимались вовсе не тронутыми. Потом следовала прихлебка чашки кофию с трубкой, потом игра в шахматы с самим собой. Что же делалось потом до самого ужина — право, уже и сказать трудно. Кажется, просто ничего не делалось.

И этак проводил время, один-одинешенек в целом <мире>, молодой тридцатидвухлетний человек, сидень сиднем, в халате, без галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотелось даже подняться вверх взглянуть на отдаленности и виды, не хотелось даже растворять окна затем, чтобы забрать свежего воздуха в комнату,

и прекрасный вид деревни, которым не мог равнодушно любоваться никакой посетитель, точно не существовал для самого хозяина.

Из этого журнала читатель может видеть, что Андрей Иванович Тентетников принадлежал к семейству тех людей, которых на Руси много, которым имена — увальни, лежебоки, байбаки и тому подобные.

Родятся ли уже сами собою такие характеры, или создаются потом, как отвечать на это. Я думаю, что лучше вместо ответа рассказать историю детства и воспитания Андрея Ивановича.

В детстве был он остроумный, талантливый мальчик, то живой, то задумчивый. Счастливым или несчастливым случаем попал он в такое училище, где был директором человек, в своем роде необыкновенный, несмотря на некоторые причуды. Александр Петрович имел дар слышать природу русского человека и знал язык, которым нужно говорить с ним. Никто из детей не уходил от него с повиснувшим носом; напротив, даже после строжайшего выговора чувствовал он какую-то бодрость и желанье загладить сделанную пакость и проступок. Толпа воспитанников его с виду казалась так шаловлива, развязна и жива, что иной принял бы ее за беспорядочную, необузданную вольницу. Но он обманулся бы: власть одного слишком была слышна в этой вольнице. Не было проказника и шалуна, который бы не пришел к нему сам и не рассказал всего, что ни напроказил. Малейшее движенье их помышлений было ему известно. Во всем поступал он необыкновенно. Он говорил, что прежде всего следует пробудить в человеке честолюбье, — честолюбье называл он силою, толкающею вперед человека, — без которого не подвигнешь его на деятельность. Многих резвостей и шалостей он не удерживал вовсе: в первоначальных резвостях видел он начало развитья свойств душевных. Они были ему нужны затем, чтобы видеть, что такое именно таится в ребенке. Так умный врач глядит спокойно на появляющиеся временные припадки и сыпи, показывающиеся на теле, не истребляет их, но всматривается внимательно, дабы узнать достоверно, что именно заключено внутри человека.

Учителей у него было немного: большую часть наук читал он сам. И надо сказать правду, что, без всяких педантских терминов, огромных воззрений и взглядов, которыми любят пощеголять

молодые профессора, он умел в немногих словах передать самую душу науки, так что и малолетнему было очевидно, на что именно она ему нужна, наука. Он утверждал, что всего нужнее человеку наука жизни, что, узнав ее, он узнает тогда сам, чем он должен заняться преимущественнее.

Эту-то науку жизни сделал он предметом отдельного курса воспитания, в который поступали только одни самые отличные. Малоспособных выпускал он на службу из первого курса, утверждая, что их не нужно много мучить: довольно с них, если приучились быть терпеливыми, работящими исполнителями, не приобретая заносчивости и всяких видов вдаль. «Но с умниками, но с даровитыми мне нужно долго повозиться», — обыкновенно говорил он. И становился в этом курсе совершенно другой Александр Петрович и с первых же раз возвещал, что доселе он требовал от них простого ума, теперь потребует ума высшего. Не того ума, который умеет подтрунить над дураком и посмеяться, но умеющего вынесть всякое оскорбление, спустить дураку — и не раздражиться. Здесь-то стал он требовать того, что другие требуют от детей. Это-то называл он высшей степенью ума. Сохранить посреди каких бы то ни было огорчений высокий покой, в котором вечно должен пребывать человек, — вот что называл он умом! В этом-то курсе Александр Петрович показал, что знает, точно, науку жизни. Из наук были избраны только те, которые способны образовать из человека гражданина земли своей. Большая часть лекций состояла в рассказах о том, что ожидает впереди человека на всех поприщах и ступенях государственной службы и частных занятий. Все огорченья и преграды, какие только воздвигаются человеку на пути его, все искушенья и соблазны, ему предстоящие, собирал он перед ними во всей наготе, не скрывая ничего. Все было ему известно, точно как бы перебыл он сам во всех званьях и должностях. Словом, чертил он перед ними вовсе не радужную будущность. Странное дело! оттого ли, что честолюбие уже так сильно было в них возбуждено; оттого ли, что в самых глазах необыкновенного наставника было что-то говорящее юноше: вперед! — это слово, производящее такие чудеса над русским человеком, — то ли, другое ли, но юноша с самого начала искал только трудностей, алча действовать только там, где трудно, где нужно было показать большую силу души. Было что-то

трезвое в их жизни. Александр Петрович делал с ними всякие опыты и пробы, наносил им <то> сам чувствительные оскорбления, то посредством их же товарищей, но, проникнувши это, они становились еще осторожней. Из этого курса вышло немного, но эти немногие были крепыши, были обкуренные порохом люди. В службе они удержались на самых шатких местах, тогда как многие, гораздо их умнейшие, не вытерпев, бросили службу из-за мелочных личных неприятностей, бросили вовсе, или же, не ведая ничего, очутились в руках взяточников и плутов. Но воспитанные Александ<ром Петровичем> не только не пошатнулись, но, умудренные познаньем человека и души, возымели высокое нравственное влияние даже на взяточников и дурных людей.

Но этого ученья не удалось попробовать бедному Андрею Ивановичу. Только что он был удостоен перевода в этот высший курс, как один из самых лучших, — вдруг несчастье: необыкновенный наставник, которого одно одобрительное слово уже бросало его в сладкий трепет, скоропостижно умер. Все переменилось в училище: на место Александра Петровича поступил какой-то Федор Иванович, человек добрый и старательный, но совершенно другого взгляда на вещи. В свободной развязности детей первого курса почудилось ему что-то необузданное. Начал он заводить между ними какие-то внешние порядки, требовал, чтобы молодой народ пребывал в какой-то безмолвной тишине, чтобы ни в каком случае иначе все не ходили, как попарно. Начал даже сам аршином размерять расстоянье от пары до пары. За столом, для лучшего вида, рассадил всех по росту, а не по уму, так что ослам доставались лучшие куски, умным — оглодки. Все это произвело ропот, особенно когда новый начальник, точно как наперекор своему предместнику, объявил, что для него ум и хорошие успехи в науках ничего не значат, что он смотрит только на поведенье, что если человек и плохо учится, но хорошо ведет себя, он предпочтет его умнику. Но именно того-то и не получил Федор Иванович, чего добивался. Завелись шалости потаенные, которые, как известно, хуже открытых. Все было в струнку днем, а по ночам — кутежи.

В образе преподавания наук он все переворотил вверх дном. С самыми благими намерениями завел он всякие нововведения — и все невпопад. Выписал новых преподавателей, с новыми

взглядами и новыми точками воззрений. Читали они учено, забросали слушателей множеством новых терминов и слов. Видна была и логическая связь, и следованье за новыми открытиями, но увы! не было только жизни в самой науке. Мертвечиной стало все это казаться в глазах уже начинавших понимать слушателей. Все пошло навыворот. Но хуже всего было то, что потерялось уваженье к начальству и власти: стали насмехаться и над наставниками и над преподавателями, директора стали называть Федькой, Булкой и другими разными именами; завелись такие дела, что нужно было многих выключить и выгнать.

Андрей Иванович был нрава тихого. Он не участвовал в ночных оргиях с товарищами, которые, несмотря на строжайший присмотр, завели на стороне любовницу — одну на восемь человек, — ни также в других шалостях, доходивших до кощунства и насмешек над самою религиею из-за того только, что директор требовал частого хожденья в церковь и попался плохой священник. Но он повесил нос. Честолюбье было возбуждено в нем сильно, а деятельности и поприща ему не было. Лучше б было и не возбуждать его! Он слушал горячившихся на кафедре профессоров, а вспоминал прежнего наставника, который, не горячась, умел говорить понятно. Он слушал и химию, и философию прав, и профессорские углубления во все тонкости политических наук, и всеобщую историю человечества в таком огромном виде, что профессор в три года успел только прочесть введение да развитие общин каких-то немецких городов; но все это оставалось в голове его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму он чувствовал только, что не так должно преподаваться, а как — не знал. И вспоминал он часто об Александре Петровиче, и так ему бывало грустно, что не знал он, куда деться от тоски.

Но у молодости есть будущее. По мере того как приближалось время к выпуску, сердце у него билось. Он говорил себе: «Ведь это еще не жизнь, это только приготовленье к жизни: настоящая жизнь на службе. Там подвиги». И, не взглянувши на прекрасный уголок, так поражавший всякого гостя-посетителя, не поклонившись праху своих родителей, по обычаю всех честолюбцев понесся он в Петербург, куда, как известно, стремится ото всех сторон России наша пылкая молодежь — служить, блистать, выслуживаться или же просто схватывать вершки бесцветного,

холодного как лед, общественного обманчивого образованья. Честолюбивое стремление Андрея Ивановича осадил, однако же, с самого начала его дядя, действительный статский советник Онуфрий Иванович. Он объявил, что главное дело — в хорошем почерке, а не в чем-либо другом, что без этого не попадешь ни в министры, ни в государственные советники, а Тентетников писал тем самым письмом, о котором говорят: «Писала сорока лапой, а не человек».

С большим трудом и с помощью дядиных протекций, проведя два месяца в каллиграфических уроках, достал он наконец место списывателя бумаг в каком-то департаменте. Когда взошел он в светлый зал, где повсюду за письменными лакированными столами сидели пишущие господа, шумя перьями и наклоня голову набок, и когда посадили его самого, предложа ему тут же переписать какую-то бумагу, — необыкновенно странное чувство его проникнуло. Ему на время показалось, как бы он очутился в какой-то малолетней школе, затем, чтобы сызнова учиться азбуке, как бы за проступок перевели его из верхнего класса в нижний. Сидевшие вокруг его господа показались ему так похожими на учеников. Иные из них читали роман, засунув его в большие листы разбираемого дела, как бы занимались они самым делом, и в то же время вздрагивая при всяком появленье начальника. Ему вдруг представилось, как невозвратно-потерянный рай, школьное время его. Так высокими сделались вдруг занятья ученьем перед этим мелким письменным занятьем. Как это учебное приготовленье к службе казалось ему теперь выше самой службы. И вдруг предстал в его мыслях, как живой, его ни с кем не сравненный, чудесный воспитатель, никем не заменимый Александр Петрович, — и в три ручья потекли вдруг слезы из глаз его. Закружилась комната, задвигались столы, перемешались чиновники, и чуть не упал он от мгновенного потемненья. «Нет, — сказал он в себе, очнувшись, — примусь за дело, как бы оно ни казалось вначале мелким!» Скрепясь духом и сердцем, решился он служить по примеру прочих.

Где не бывает наслаждений? Живут они и в Петербурге, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещит по улицам сердитый тридцатиградусный мороз, визжит отчаянным бесом ведьма-вьюга, нахлобучивая на голову воротники шуб

и шинелей, пудря усы людей и морды скотов, но приветливо светит вверху окошко где-нибудь, даже и в четвертом этаже; в уютной комнатке, при скромных стеариновых свечках, под шумок самовара, ведется согревающий и сердце и душу разговор, читается светлая страница вдохновенного русского поэта, какими наградил Бог свою Россию, и так возвышенно-пылко трепещет молодое сердце юноши, как не случается нигде в других землях и под полуденным роскошным небом.

Скоро Тентетников свыкнулся с службою, но только она сделалась у него не первым делом и целью, как он полагал было вначале, но чем-то вторым. Она служила ему распределеньем времени, заставив его более дорожить остававшимися минутами. Дядя, действительный статский советник, уже начинал было думать, что в племяннике будет прок, как вдруг племянник подгадил. Надобно сказать, что в числе друзей Андрея Ивановича попалось два человека, которые были то, что называется огорченные люди. Это были те беспокойно-странные характеры, которые не могут переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется в их глазах несправедливостью. Добрые поначалу, но беспорядочные сами в своих действиях, они исполнены нетерпимости к другим. Пылкая речь их и благородный образ негодованья подействовали на него сильно. Разбудивши в нем нервы и дух раздражительности, они заставили замечать все те мелочи, на которые он прежде и не думал обращать внимание. Федор Федорович Леницын, начальник того отделения, в котором он числился, человек наиприятнейшей наружности, вдруг ему не понравился. Он стал отыскивать в нем бездну недостатков и возненавидел его за то, будто бы он выражал в лице своем чересчур много сахару, когда говорил с высшим, и тут же, оборотившись к низшему, становился весь уксус. «Я бы ему простил, — говорил Тентетников, — если бы эта перемена происходила не так скоро в его лице; но как тут же, при моих глазах, и сахар и уксус в одно и то же время!» С этих пор он стал замечать всякий шаг. Ему казалось, что и важничал Федор Федорович уже чересчур, что имел он все замашки мелких начальников, как-то: брать на замечанье тех, которые не являлись к нему с поздравленьем в праздники, даже мстить всем тем, которых имена не находились у швейцара на листе,

и множество разных тех грешных принадлежностей, без которых не обходится ни добрый, ни злой человек. Он почувствовал к нему отвращенье нервическое. Какой-то злой дух толкал его сделать что-нибудь неприятное Федору Федоровичу. Он наискивался на это с каким-то особым наслаждением, и в том успел. Раз поговорил он с ним до того крупно, что ему объявлено было от начальства — или просить извинения, или выходить в отставку. Он подал в отставку. Дядя, действительный статский советник, приехал к нему перепуганный и умоляющий.

— Ради Самого Христа! помилуй, Андрей Иванович, что это ты делаешь! Оставлять так выгодно начатый карьер из-за того только, что попался начальник не того... Что ж это? Ведь если на это глядеть, тогда и в службе никто бы не остался. Образумься, образумься. Еще есть время! Отринь гордость и самолюбье, поезжай и объяснись с ним!

— Не в том дело, дядюшка, — сказал племянник. — Мне не трудно попросить у него извиненья, тем более что я, точно, виноват. Он мне начальник, и мне ни в каком случае не следовало так говорить с ним. Но дело вот в чем: вы позабыли, что у меня есть другая служба; у меня триста душ крестьян, именье в расстройстве, а управляющий — дурак. Государству утраты немного, если вместо меня сядет в канцелярию другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человек не заплатят податей. Я помещик: званье это также не бездельно. Если я позабочусь о сохраненье, сбереженье и улучшенье участи вверенных мне людей и представлю государству триста исправнейших, трезвых, работящих подданных — чем моя служба будет хуже службы какого-нибудь начальника отделения Леницына?

Действительный статский советник остался с открытым ртом от изумленья. Такого потока слов он не ожидал. Немного подумавши, начал он было в таком роде:

— Но все же таки... но как же таки... как же запропастить себя в деревне? Какое же общество может быть между мужичьем? Здесь все-таки на улице попадется навстречу генерал или князь. Захочешь — и сам пройдешь мимо каких-нибудь публичных красивых зданий, на Неву пойдешь взглянуть, а ведь там, что ни попадется, все это или мужик, или баба. За что ж себя осудить на невежество на всю жизнь свою?

Так говорил дядя, действительный статский советник. Сам же он во всю жизнь свою не ходил по другой улице, кроме той, которая вела к месту его службы, где не было никаких публичных красивых зданий; не замечал никого из встречных, был ли он генерал, или князь; в глаза не знал прихотей, какие дразнят в столицах людей, падких на невоздержанье, и даже отроду не был в театре. Все это он говорил единственно затем, чтобы затеребить честолюбье и подействовать на воображенье молодого человека. В этом, однако же, не успел: Тентетников стоял на своем упрямо. Департаменты и столица стали ему надоедать. Деревня начинала представляться каким-то привольным приютом, воспоительницею дум и помышлений, единственным поприщем полезной деятельности. Через недели две после этого разговора был он уже в окрестности мест, где пронеслось его детство. Как стало все припоминаться, как забилось в нем сердце, когда почувствовал, что он уже вблизи отцовской деревни! Он уже многие места позабыл вовсе и смотрел любопытно, как новичок, на прекрасные виды. Когда дорога понеслась узким оврагом в чащу огромного заглохнувшего леса и он увидел вверху, внизу, над собой и под собой трехсотлетние дубы, трем человекам в обхват, вперемежку с пихтой, вязом и осокором, перераставшим вершину тополя, и когда на вопрос: «Чей лес?» — ему сказали: «Тентетникова»; когда, выбравшись из леса, понеслась дорога лугами, мимо осиновых рощ, молодых и старых ив и лоз, в виду тянувшихся вдали возвышений, и перелетела мостами в разных местах одну и ту же реку, оставляя ее то вправо, то влево от себя, и когда на вопрос: «Чьи луга и поемные места?» — отвечали ему: «Тентетникова»; когда поднялась потом дорога на гору и пошла по ровной возвышенности с одной стороны мимо неснятых хлебов: пшеницы, ржи и ячменя, с другой же стороны мимо всех прежде проеханных им мест, которые все вдруг показались в картинном отдалении, и когда, постепенно темнея, входила и вошла потом дорога под тень широких развилистых дерев, разместившихся врассыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали кирченые избы мужиков и крытые красными крышами господские строения; когда пылко забившееся сердце и без вопроса знало, куды приехало, — ощущенья, непрестанно накоплявшиеся, исторгнулись наконец почти такими словами: «Ну, не дурак ли я был

доселе? Судьба назначила мне быть обладателем земного рая, принцем, а я закабалил себя в канцелярию писцом! Учившись, воспитавшись, просветившись, сделавши порядочный запас тех именно сведений, какие требуются для управления людьми, улучшенья целой области, для исполнения многообразных обязанностей помещика, являющегося и судьей, и распорядителем, и блюстителем порядка, вверить это место невеже-управителю! И выбрать вместо этого что же? — переписыванье бумаг, что может несравненно лучше производить ничему не учившийся кантонист!» И еще раз дал себе названье дурака Андрей Иванович Тентетников.

А между тем его ожидало другое зрелище. Узнавши о приезде барина, населенье всей деревни собралося к крыльцу. Пестрые платки, повязки, повойники, зипуны, бороды всех родов: заступом, лопатой и клином, рыжие, русые и белые, как серебро, покрыли всю площадь. Мужики загремели: «Кормилец, дождались мы тебя!» Бабы заголосили: «Золото, серебро ты сердечное!» Стоявшие подале даже подрались от усердья продраться. Дряблая старушонка, похожая на сушеную грушу, прошмыгнула промеж ног других, подступила к нему, всплеснула руками и взвизгнула: «Соплюнчик ты наш, да какой же ты жиденький! изморила тебя окаянная немчура!» — «Пошла ты, баба! — закричали ей тут же бороды заступом, лопатой и клином. — Ишь куды полезла, корявая!» Кто-то приворотил к этому такое словцо, от которого один только русский мужик мог не засмеяться. Барин не выдержал и рассмеялся, но тем не менее, он тронут был глубоко в душе своей. «Столько любви! и за что? — думал он в себе. — За то, что я никогда не видал их, никогда не занимался ими! Отныне же даю слово разделить с вами труды и занятья ваши! Употреблю все, чтобы помочь вам сделаться тем, чем вы должны быть, чем вам назначила быть ваша добрая, внутри вас же самих заключенная природа ваша, чтобы не даром была любовь ваша ко мне, чтобы я, точно, был кормилец ваш!»

И действительно, Тентетников не шутя принялся хозяйничать и распоряжаться. Он увидел на месте, что приказчик был баба и дурак со всеми качествами дрянного приказчика, то есть вел аккуратно счет кур и яиц, пряжи и полотна, приносимых бабами, но не знал ни бельмеса в уборке хлеба и посевах, а в прибавленье

ко всему подозревал мужиков в покушенье на жизнь свою. Дурака приказчика он выгнал, наместо его выбрал другого, бойкого. Оставил мелочи, обратил вниманье на главные части, уменьшил барщину, убавил дни работы на себя, прибавил времени мужикам работать на них самих и думал, что теперь дела пойдут наиотличнейшим порядком. Сам стал входить во все, показываться на полях, на гумне, в овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке барок и плоскодонов.

«Да он, вишь ты, востроногой!» — стали говорить мужики и даже почесывать в затылках, потому что от долговременного бабьего управления они все изрядно поизленились. Но это продолжалось не долго. Русский мужик сметлив и умен: он понял скоро, что барин хоть и прыток и есть в нем охота взяться за многое, но как именно, каким образом взяться, — этого еще не смыслит, говорит как-то чересчур грамотно и затейливо, мужику невдолбеж и не в науку. Вышло то, что барин и мужик как-то не то чтобы совершенно не поняли друг друга, но просто не спелись вместе, не приспособились выводить одну и ту же ноту. Тентетников стал замечать, что на господской земле все выходило как-то хуже, чем на мужичьей: сеялось раньше, всходило позже. А работали, казалось, хорошо: он сам присутствовал и приказал выдать даже по чапорухе водки за усердные труды. У мужиков уже давно колосилась рожь, высыпался овес и кустилось просо, а у него едва начинал только идти хлеб в трубку, пятка колоса еще не завязывалась. Словом, стал замечать барин, что мужик просто плутует, несмотря на все льготы. Попробовал было укорить, но получил такой ответ: «Как можно, барин, чтобы мы о господской, то есть, выгоде не радели? Сами изволили видеть, как старались, когда пахали и сеяли: по чапорухе водки приказали подать». Что было на это возражать? «Да отчего ж теперь вышло скверно?» — допрашивал барин. «Кто его знает! Видно, червь подъел снизу, да и лето, вишь ты, какое: совсем дождей не было». Но барин видел, что у мужиков червь не подъедал снизу, да и дождь шел как-то странно, полосою: мужику угодил, а на барскую ниву хоть бы каплю выронил. Еще трудней ему было ладить с бабами. То и дело отпрашивались они от работ, жалуясь на тягость барщины. Странное дело! Он уничтожил вовсе всякие приносы холста, ягод, грибов и орехов, наполовину сбавил

с них других работ, думая, что бабы обратят это время на домашнее хозяйство, обошьют, оденут своих мужей, умножат огороды. Не тут-то было! Праздность, драка, сплетни и всякие ссоры завелись между прекрасным полом такие, что мужья то и дело приходили к нему с такими словами: «Барин, уйми беса-бабу! Точно черт какой! житья нет от ней!» Несколько раз, скрепя свое сердце, хотел он приняться за строгость. Но как быть строгим? Баба приходила такой бабой, так развизгивалась, такая была хворая, больная, таких скверных, гадких наворачивала на себя тряпок — уж откуда она их набирала, Бог ее весть. «Ступай, ступай себе только с глаз моих, Бог с тобой!» — говорил бедный Тентетников и вослед за тем имел удовольствие видеть, как больная, вышед за ворота, схватывалась с соседкой за какую-нибудь репу и так отламывала ей бока, как не сумеет и здоровый мужик. Вздумал он было попробовать какую-то школу между ними завести, но от этого вышла такая чепуха, что он и голову повесил, — лучше было и не задумывать! Все это значительно охладило его рвенье и к хозяйству, и к разбирательному судейскому делу, и вообще к деятельности. При работах он уже присутствовал почти без вниманья: мысли были далеко, глаза отыскивали посторонние предметы. Во время покосов не глядел он на быстрое подыманье шестидесяти разом кос и мерное с легким шумом паденье под ними рядами высокой травы; он глядел вместо того на какой-нибудь в стороне извив реки, по берегам которой ходил красноносый, красноногий мартын — разумеется, птица, а не человек; он глядел, как этот мартын, поймав рыбу, держал ее впоперек в носу, как бы раздумывая, глотать или не глотать, и глядя в то же время пристально вздоль реки, где в отдаленье виден был другой мартын, еще не поймавший рыбы, но глядевший пристально на мартына, уже поймавшего рыбу. Во время уборки хлебов не глядел он на то, как складывали снопы копнами, крестами, а иногда и просто шишом. Ему не было дела до того, лениво или шибко метали стога и клали клади. Зажмуря глаза и приподняв голову кверху, к пространствам небесным, предоставлял он обонянью впивать запах полей, а слуху — поражаться голосами воздушного певучего населенья, когда оно отовсюду, от небес и от земли, соединяется в один звукосогласный хор, не переча друг другу. Бьет перепел, дергает в траве дергун, урчат и чиликают

перелетающие коноплянки, по невидимой воздушной лестнице сыплются трели жаворонков, и турлыканье журавлей, несущихся в стороне вереницею, — точный звон серебряных труб, — слышится в пустоте звонко сотрясающейся пустыни воздушной. Вблизи ли производилась работа — он был вдали от нее; была ли она вдали — его глаза отыскивали, что было поближе. И был он похож на того рассеянного ученика, который глядит в книгу, но в то же время видит и фигу, подставленную ему товарищем. Наконец и совсем перестал он ходить на работы, бросил совершенно и суд, и всякие расправы, засел в комнаты и перестал принимать к себе даже с докладами приказчика.

Временами из соседей завернет к нему, бывало, отставной гусар-поручик, прокуренный насквозь трубочный куряка, или брандер-полковник, мастер и охотник на разговоры обо всем. Но и это стало ему надоедать. Разговоры их начали ему казаться как-то поверхностными; живое, ловкое обращенье, потрепки по колену и прочие развязности начали ему казаться уже чересчур прямыми и открытыми. Он решился с ними раззнакомиться и произвел это даже довольно резко. Именно, когда представитель всех полковников-брандеров, наиприятнейший во всех поверхностных разговорах обо всем, Варвар Николаич Вишнепокромов приехал к нему затем именно, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философии, и литературы и морали, и даже состоянья финансов в Англии, он выслал сказать, что его нет дома, и в то же время имел неосторожность показаться перед окошком. Гость и хозяин встретились взорами. Один, разумеется, проворчал сквозь зубы: «Скотина!», другой послал ему тоже что-то вроде свиньи. Так и кончилось знакомство. С тех пор не заезжал к нему никто. Уединенье полное водворилось в доме. Хозяин залез в халат безвыходно, предавши тело бездействию, а мысль — обдумыванью большого сочиненья о России. Как обдумывалось это сочинение, читатель уже видел. День приходил и уходил, однообразный и бесцветный. Нельзя сказать, однако же, чтобы не было минут, в которые как будто пробуждался он ото сна. Когда привозила почта газеты, новые книги и журналы и попадалось ему в печати знакомое имя прежнего товарища, уже преуспевшего на видном поприще государственной службы или приносившего посильную дань наукам и образованью всемирному,

тайная тихая грусть подступала ему под сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездействие свое прорывалось невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. С необыкновенной силой воскресало пред ним школьное минувшее время и представал вдруг, как живой, Александр Петрович... Градом лились из глаз его слезы, и рыданья продолжались почти весь день.

Что значили эти рыданья? Обнаруживала ли ими болеющая душа скорбную тайну своей болезни, что не успел образоваться и окрепнуть начинавший в нем строиться высокий внутренний человек; что, не испытанный измлада в борьбе с неудачами, не достигнул он до высокого состоянья возвышаться и крепнуть от преград и препятствий; что, растопившись, подобно разогретому металлу, богатый запас великих ощущений не принял последней закалки, и теперь, без упругости, бессильна его воля; что слишком для него рано умер необыкновенный наставник и нет теперь никого во всем свете, кто бы был в силах воздвигнуть и поднять шатаемые вечными колебаньями силы и лишенную упругости немощную волю, — кто бы крикнул живым, пробуждающим голосом, — крикнул душе пробуждающее слово: *вперед!* — которого жаждет повсюду, на всех ступенях стоящий, всех сословий, званий и промыслов, русский человек?

Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово: *вперед?* кто, зная все силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, одним чародейным мановеньем мог бы устремить на высокую жизнь русского человека? Какими словами, какой любовью заплатил бы ему благодарный русский человек. Но веки проходят за веками; полмиллиона сидней, увальней и байбаков дремлют непробудно, и редко рождается на Руси муж, умеющий произносить его, это всемогущее слово.

Одно обстоятельство чуть было, однако же, не разбудило Тентетникова и чуть было не произвело переворота в его характере. Случилось что-то вроде любви, но и тут дело как-то свелось на ничего. В соседстве, в десяти верстах от его деревни, проживал генерал, отзывавшийся, как мы уже видели, не совсем благосклонно о Тентетникове. Генерал жил генералом, хлебосольствовал, любил, чтобы соседи приезжали изъявлять ему почтенье;

сам, разумеется, визитов не платил, говорил хрипло, читал книги и имел дочь, существо невиданное, странное, которую скорей можно было почесть каким-то фантастическим видением, чем женщиной. Иногда случается человеку во сне увидеть что-то подобное, и с тех пор он уже во всю жизнь свою грезит этим сновиденьем, действительность для него пропадает навсегда, и он решительно ни на что не годится. Имя ей было Улинька. Воспиталась она как-то странно. Ее воспитывала англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще в детстве. Отцу было некогда. Впрочем, любя дочь до безумия, он мог только избаловать ее. Необыкновенно трудно изобразить портрет ее. Это было что-то живое, как сама жизнь. Она была миловидней, чем красавица; лучше, чем умна; стройней, воздушней классической женщины. Никак бы нельзя было сказать, какая страна положила на нее свой отпечаток, потому что подобного профиля и очертанья лица трудно было где-нибудь отыскать, разве только на античных камеях. Как в ребенке, воспитанном на свободе, в ней было все своенравно. Если бы кто увидел, как внезапный гнев собирал вдруг строгие морщины на прекрасном челе ее и как она спорила пылко с отцом своим, он бы подумал, что это было капризнейшее созданье. Но гнев бывал у нее только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или жестоком поступке с кем бы то ни было. Но как вдруг исчезнул бы этот гнев, если бы она увидела в несчастии того самого, на кого гневалась, как бы вдруг бросила она ему свой кошелек, не размышляя, умно ли это, или глупо, и разорвала на себе платье для перевязки, если б он был ранен! Было в ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вослед за мыслью: выраженье лица, выраженье разговора, движенье рук, самые складки платья как бы стремились в ту же сторону, и казалось, как бы она сама вот улетит вослед за собственными ее словами. Ничего не было в ней утаенного. Ни перед кем не побоялась бы она обнаружить своих мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотелось говорить. Ее очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того бестрепетно-свободна, что все ей уступало бы невольно дорогу. При ней как-то смущался недобрый человек и немел, а добрый, даже самый застенчивый, мог разговориться с нею, как никогда

в жизни своей ни с кем, и — странный обман! — с первых минут разговора ему уже казалось, что где-то и когда-то он знал ее, что случилось это во дни какого-то незапамятного младенчества, в каком-то родном доме, веселым вечером, при радостных играх детской толпы, и надолго после того как-то становился ему скучным разумный возраст человека.

Андрей Иванович Тентетников не мог бы никак рассказать, как это случилось, что с первого же дни он стал с ней так, как бы знаком был вечно. Неизъяснимое, новое чувство вошло к нему в душу. Скучная жизнь его на мгновенье озарилась. Халат на время был оставлен. Не так долго копался он на кровати, не так долго стоял Михайло с рукомойником в руках. Растворялись окна в комнатах, и часто владетель картинного поместья долго ходил по темным излучинам своего сада и останавливался по часам перед пленительными видами на отдаленья.

Генерал принимал сначала Тентетникова довольно хорошо и радушно; но совершенно сойтись между собою они не могли. Разговоры у них всегда оканчивались спором и каким-то неприятным ощущеньем с обеих сторон. Генерал не любил противуречья и возраженья, хотя в то же время любил поговорить даже и о том, чего не знал вовсе. Тентетников, со своей стороны, тоже был человек щекотливый. Впрочем, ради дочери прощалось многое отцу, и мир у них держался до тех пор, покуда не приехали гостить к генералу родственницы, графиня Болдырева и княжна Юзякина: одна — вдова, другая — старая девка, обе фрейлины прежних времен, обе болтуньи, обе сплетницы, не весьма обворожительные любезностью своей, но, однако же, имевшие значительные связи в Петербурге, и перед которыми генерал немножко даже подличал. Тентетникову показалось, что с самого дня приезда их генерал стал к нему как-то холоднее, почти не замечал его и обращался как с лицом бессловесным или с чиновником, употребляемым для переписки, самым мелким. Он говорил ему то *братец,* то *любезнейший,* и один раз сказал ему даже *ты.* Андрея Ивановича взорвало; кровь бросилась ему в голову. Скрепя сердце и стиснув зубы, он, однако же, имел присутствие духа сказать необыкновенно учтивым и мягким голосом, между тем как пятна выступили на лице его и все внутри его кипело:

— Я должен благодарить вас, генерал, за ваше расположение. Вы приглашаете и вызываете меня словом *ты* на самую тесную дружбу, обязывая и меня также говорить вам *ты*. Но позвольте вам заметить, что я помню различие наше в летах, совершенно препятствующее такому фамилиарному между нами обращению.

Генерал смутился. Собирая слова и мысли, стал он говорить, хотя несколько несвязно, что слово *ты* было им сказано не в том смысле, что старику иной раз позволительно сказать молодому человеку *ты* (о чине своем он не упомянул ни слова).

Разумеется, с этих пор знакомство между ними прекратилось, и любовь кончилась при самом начале. Потухнул свет, на минуту было перед ним блеснувший, и последовавшие за ним сумерки стали еще сумрачней. Байбак сызнова залез в халат свой. Все поворотило сызнова на лежанье и бездействие. В доме завелись гадость и беспорядок. Половая щетка оставалась по целому дню посреди комнаты вместе с сором. Панталоны заходили даже в гостиную. На щеголеватом столе перед диваном лежали засаленные подтяжки, точно какое угощенье гостю, и до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но даже чуть не клевали домашние куры. Бессильно чертил он на бумаге по целым часам рогульки, домики, избы, телеги, тройки или же выписывал «Милостивый государь!» с восклицательным знаком всеми почерками и характерами. А иногда же, все позабывши, перо чертило само собой, без ведома хозяина, маленькую головку с тонкими, острыми чертами, с приподнятой легкой прядью волос, упадавшей из-под гребня длинными тонкими кудрями, молодыми обнаженными руками, как бы летевшую, — и в изумленье видел хозяин, как выходил портрет той, с которой портрета не мог бы написать никакой живописец. И еще грустнее становилось ему потом, и, веря тому, что нет на земле счастья, оставался он на целый день скучным и безответным.

Таковы были обстоятельства Андрея Ивановича Тентетникова. Вдруг в один день, подходя к окну обычным порядком, с трубкой и чашкой в руках, заметил он во дворе движенье и некоторую суету. Поварчонок и поломойка бежали отворять ворота, и в воротах показались кони, точь-в-точь как лепят иль рисуют

их на триумфальных воротах: морда направо, морда налево, морда посередине. Свыше их, на козлах — кучер и лакей в широком сюртуке, опоясавший себя носовым платком. За ними господин в картузе и шинели, закутанный в косынку радужных цветов. Когда экипаж изворотился перед крыльцом, оказалось, что был он не что другое, как рессорная легкая бричка. Господин необыкновенно приличной наружности соскочил на крыльцо с быстротой и ловкостью почти военного человека.

Андрей Иванович струсил. Он принял его за чиновника от правительства. Надобно сказать, что в молодости своей он было замешался в одно неразумное дело. Какие-то философы из гусар, да недоучившийся студент, да промотавшийся игрок затеяли какое-то филантропическое общество, под верховным распоряжением старого плута, и масона, и карточного игрока, пьяницы и красноречивейшего человека. Общество было устроено с целью доставить прочное счастье всему человечеству от берегов Темзы до Камчатки. Касса денег потребовалась огромная, пожертвованья собирались с великодушных членов неимоверные. Куда это все пошло — знал об этом только один верховный распорядитель. В общество это затянули его два приятеля, принадлежавшие к классу огорченных людей, добрые люди, но которые от частых тостов во имя науки, просвещения и прогресса сделались потом формальными пьяницами. Тентетников скоро спохватился и выбыл из этого круга. Но общество успело уже запутаться в каких-то других действиях, даже не совсем приличных дворянину, так что потом завязались дела и с полицией... А потому не мудрено, что хотя и вышедши и разорвавши всякие сношения с благодетелем человечества, Тентетников не мог, однако же, оставаться покоен. На совести у него было не совсем ловко. Не без страха глядел он и теперь на растворявшуюся дверь.

Страх его, однако же, прошел вдруг, когда гость раскланялся с ловкостью неимоверной, сохраняя почтительное положение головы несколько набок. В коротких, но определительных словах изъяснил, что уже издавна ездит он по России, побуждаемый и потребностями, и любознательностью; что государство наше преизобилует предметами замечательными, не говоря уже о красоте мест, обилии промыслов и разнообразии почв; что он увлекся картинностью местоположенья его деревни; что, несмотря,

однако же, на картинность местоположенья, он не дерзнул бы никак обеспокоить его неуместным заездом своим, если бы не случилось что-то в бричке его, требующее руки помощи со стороны кузнецов и мастеров; что при всем том, однако же, если бы даже и ничего не случилось в его бричке, он бы не мог отказать себе в удовольствии засвидетельствовать ему лично свое почтенье.

Окончив речь, гость с обворожительной приятностью подшаркнул ножкой и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнул тут же несколько назад с легкостью резинового мячика.

Андрей Иванович подумал, что это должен быть какой-нибудь любознательный ученый-профессор, который ездит по России затем, чтобы собирать какие-нибудь растения или даже предметы ископаемые. Он изъявил ему всякую готовность споспешествовать; предложил своих мастеров, колесников и кузнецов для поправки брички; просил расположиться у него как в собственном доме; усадил обходительного гостя в большие вольтеровские <кресла> и приготовился слушать его рассказ, без сомнения, об ученых предметах и естественных.

Гость, однако же, коснулся больше событий внутреннего мира. Заговорил о превратностях судьбы; уподобил жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду ветрами; упомянул о том, что должен был переменить много мест и должностей, что много потерпел за правду, что даже самая жизнь его была не раз в опасности со стороны врагов, и много еще рассказал он такого, из чего Тентетников мог видеть, что гость его был скорее практический человек. В заключенье всего, он высморкался в белый батистовый платок так громко, как Андрей Иванович еще и не слыхивал. Подчас попадается в оркестре такая пройдоха-труба, которая когда хватит, покажется, что крякнуло не в оркестре, но в собственном ухе. Точно такой же звук раздался в пробужденных покоях дремавшего дома, и немедленно вослед за ним воспоследовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное ловким встряхнутьем носового батистового платка.

Читатель, может быть, уже догадался, что гость был не другой кто, как наш почтенный, давно нами оставленный Павел Иванович Чичиков. Он немножко постарел: как видно, не без бурь и тревог было для него это время. Казалось, как бы и самый фрак на нем немножко поустарел, и бричка, и кучер, и слуга, и лошади,

и упряжь как бы поистерлись и поизносились. Казалось, как бы и самые финансы не были в завидном состоянии. Но выраженье лица, приличье, обхожденье остались те же. Даже как бы еще приятнее стал он в поступках и оборотах, еще ловче подвертывал под ножку, когда садился в кресла; еще более было мягкости в выговоре речей, осторожной умеренности в словах и выраженьях, более уменья держать себя и более такту во всем. Белей и чище снегов были на нем воротнички и манишка, и, несмотря на то что был он с дороги, ни пушинки не село к нему на фрак, — хоть на именинный обед! Щеки и подбородок выбриты были так, что один разве только слепой мог не полюбоваться приятной выпуклостью и круглотой их.

В доме произошло преобразованье. Половина его, дотоле пребывавшая в слепоте, с заколоченными ставнями, вдруг прозрела и озарилась. Из брички стали выносить поклажу. Все начало размещаться в осветившихся комнатах, и скоро все приняло такой вид: комната, определенная быть спальней, вместила в себе вещи, необходимые для ночного туалета; комната, определенная быть кабинетом... Но прежде необходимо знать, что в этой комнате было три стола: один письменный — перед диваном, другой ломберный — между окнами у стены, третий угольный — в углу, между дверью в спальню и дверью в необитаемый зал с инвалидною мебелью. На этом угольном столе поместилось вынутое из чемодана платье, а именно: панталоны под фрак, панталоны под сюртук, панталоны серенькие, два бархатные жилета и два атласных, сюртук и два фрака. (Жилеты же белого пике и летние брюки отошли к белью в комод.) Все это разместилось один на другом пирамидкой и прикрылось сверху носовым шелковым платком. В другом углу, между дверью и окном, выстроились рядком сапоги: сапоги не совсем новые, сапоги совсем новые, сапоги с новыми головками и лакированные полусапожки. Они также стыдливо занавесились шелковым носовым платком — так, как бы их там вовсе не было. На столе перед двумя окнами поместилася шкатулка. На письменном столе перед диваном — портфель, банка с одеколоном, сургуч, зубные щетки, новый календарь и два какие-то романа, оба вторые тома. Чистое белье поместилось в комоде, уже находившемся в спальне; белье же, которое следовало прачке, завязано было

в узел и подсунуто под кровать. Чемодан, по опростанье его, был тоже подсунут под кровать. Сабля поместилась также в спальне, повиснувши на гвозде невдалеке от кровати. Та и другая комната приняли вид чистоты и опрятности необыкновенной. Нигде ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздух как-то облагородился. В нем утвердился приятный запах здорового, свежего мужчины, который белья не занашивает, в баню ходит и вытирает себя мокрой губкой по воскресным дням. В вестибульной комнате покушался было утвердиться на время запах служителя Петрушки, но Петрушка скоро перемещен был на кухню, как оно и следовало.

В первые дни Андрей Иванович опасался за свою независимость, чтобы как-нибудь гость не связал его, не стеснил какими-нибудь измененьями в образе жизни, и не разрушился бы порядок дня его, так удачно заведенный, — но опасенья были напрасны. Павел Иванович наш показал необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрил философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обещает столетнюю жизнь. Об уединении выразился весьма счастливо — именно, что оно питает великие мысли в человеке. Взглянув на библиотеку и отозвавшись с похвалой о книгах вообще, заметил, что они спасают от праздности человека. Словом, выронил слов не много, но значительных. В поступках же своих поступал еще более кстати. Вовремя являлся, вовремя уходил; не затруднял хозяина запросами в часы неразговорчивости его; с удовольствием играл с ним в шахматы, с удовольствием молчал. В то время, когда один пускал кудреватыми облаками трубочный дым, другой, не куря трубки, придумывал, однако же, соответствовавшее тому занятие: вынимал, например, из кармана серебряную с чернью табакерку и, утвердив ее между двух пальцев левой руки, оборачивал ее быстро пальцем правой, в подобье того как земная сфера обращается около своей оси, или же просто барабанил по табакерке пальцами, насвистывая какое-нибудь ни то ни се. Словом, он не мешал хозяину никак. «Я в первый раз вижу человека, с которым можно жить, — говорил про себя Тентетников. — Вообще этого искусства у нас мало. Между нами есть довольно людей и умных, и образованных, и добрых, но людей постоянно приятных, людей постоянно ровного характера, людей, с которыми

можно прожить век и не поссориться,— я не знаю, много ли у нас можно отыскать таких людей! Вот первый, единственный человек, которого я вижу!» Так отзывался Тентетников о своем госте.

Чичиков, со своей стороны, был очень рад, что поселился на время у такого мирного и смирного хозяина. Цыганская жизнь ему надоела. Приотдохнуть, хотя на месяц, в прекрасной деревне, в виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и в геморроидальном отношении. Трудно было найти лучший уголок для отдохновения. Весна убрала его красотой несказанной. Что яркости в зелени! Что свежести в воздухе! Что птичьего крику в садах! Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пела, как будто новорожденная.

Чичиков ходил много. То направлял он прогулку свою по плоской вершине возвышений, в виду расстилавшихся внизу долин, по которым повсюду оставались еще большие озера от разлития воды; или же вступал в овраги, где едва начинавшие убираться листьями дерева отягчены птичьими гнездами, оглушенный карканьем ворон, разговорами галок и граньями грачей, перекрестными летаньями помрачавшими небо; или же спускался вниз к поемным местам и разорванным плотинам — глядеть, как с оглушительным шумом неслась повергаться вода на мельничные колеса; или же пробирался далее к пристани, откуда неслись, вместе с течью воды, первые суда, нагруженные горохом, овсом, ячменем и пшеницей; или отправлялся в поля на первые весенние работы глядеть, как свежая орань черной полосою проходила по зелени, или же как ловкий сеятель бросал из горсти семена ровно, метко, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону. Толковал и говорил и с приказчиком, и с мужиком, и мельником — и что, и как, и каковых урожаев можно ожидать, и на какой лад идет у них запашка, и по сколько хлеба продается, и что выбирают весной и осенью за умол муки, и как зовут каждого мужика, и кто с кем в родстве, и где купил корову, и чем кормит свинью — словом, все. Узнал и то, сколько перемерло мужиков. Оказалось, немного. Как умный человек, заметил он вдруг, что незавидно идет хозяйство у Андрея Ивановича. Повсюду упущенья, нераденье, воровство, немало и пьянства. И мысленно говорил он сам в себе: «Какая, однако же, скотина Тентетников!

Запустить так имение, которое могло бы приносить по малой мере пятьдесят тысяч годового доходу!» И, не будучи в силах удержать справедливого негодования, повторял он: «Решительно скотина!» Не раз посреди таких прогулок приходило ему на мысль сделаться когда-нибудь самому, — то есть, разумеется, не теперь, но после, когда обделается главное дело и будут средства в руках, — сделаться самому мирным владельцем подобного поместья. Тут обыкновенно представлялась ему молодая хозяйка, свежая, белолицая бабенка, может быть, даже из купеческого сословия, впрочем, однако же, образованная и воспитанная так, как и дворянка, — чтобы понимала и музыку, хотя, конечно, музыка и не главное, но почему же, если уже так заведено, зачем же идти противу общего мнения? Представлялось ему и молодое поколение, долженствовавшее увековечить фамилью Чичиковых: резвунчик мальчишка и красавица дочка, или даже два мальчугана, две и даже три девчонки, чтобы было всем известно, что он действительно жил и существовал, а не то что прошел по земле какой-нибудь тенью или призраком, — чтобы не было стыдно и перед отечеством. Представлялось ему даже и то, что недурно бы и к чину некоторое прибавление: статский советник, например, чин почтенный и уважительный... И много приходило ему в голову того, что так часто уносит человека от скучной настоящей минуты, теребит, дразнит, шевелит его и бывает ему любо даже и тогда, когда уверен он сам, что это никогда не сбудется.

Людям Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они так же, как и он, обжились в ней. Петрушка сошелся очень скоро с буфетчиком Григорием, хотя сначала они оба важничали и дулись друг перед другом нестерпимо. Петрушка пустил Григорию пыль в глаза тем, что он бывал в Костроме, Ярославле, Нижнем и даже в Москве; Григорий же осадил его сразу Петербургом, в котором Петрушка не был. Последний хотел было подняться и выехать на дальности расстояний тех мест, в которых он бывал; но Григорий назвал ему такое место, какого ни на какой карте нельзя было отыскать, и насчитал тридцать тысяч с лишком верст, так что Петрушка осовел, разинул рот и был поднят на смех тут же всею дворней. Впрочем, дело кончилось между ними самой тесной дружбой: дядя лысый Пимен держал в конце деревни

знаменитый кабак, которому имя было: «Акулька»; в этом заведенье видели их все часы дня. Там стали они свои други, или то, что называют в народе — кабацкие завсегдатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревне, что ни вечер, пелись песни, заплетались и расплетались весенние хороводы. Породистые, стройные девки, каких трудно было найти в другом месте, заставляли его по нескольким часам стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: все белогрудые, белошейные, у всех глаза репой, у всех глаза с поволокой, походка павлином и коса до пояса. Когда, взявшись обеими руками за белые руки, медленно двигался он с ними в хороводе или же выходил на них стеной, в ряду других парней, и погасал горячо рдеющий вечер, и тихо померкала вокруг окольность, и далече за рекой отдавался верный отголосок неизменно грустного напева, — не знал он и сам тогда, что с ним делалось. Долго потом во сне и наяву, утром и в сумерки все мерещилось ему, что в обеих руках его белые руки и движется он с ними в хороводе. Махнув рукой, говорил он: «Проклятые девки!»

Коням Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и пристяжной каурой масти, называемый Заседателем, и самый чубарый, о котором выражался Селифан: «подлец-лошадь», нашли пребыванье у Тентетникова совсем нескучным, овес отличным, а расположенье конюшен необыкновенно удобным. У всякого стойло, хотя и отгороженное, но через перегородки можно было видеть и других лошадей, так что, если бы пришла кому-нибудь из них, даже самому дальнему, фантазия вдруг заржать, то можно было ему ответствовать тем же тот же час.

Словом, все обжились, как дома. Читатель, может быть, изумляется, что Чичиков доселе не заикнулся по части известных душ. Как бы не так! Павел Иванович стал очень осторожен насчет этого предмета. Если бы даже пришлось вести дело с дураками круглыми, он бы и тут не вдруг начал. Тентетников же, как бы то ни было, читает книги, философствует, старается изъяснить себе всякие причины всего — и отчего, и почему... «Нет, черт его возьми! разве начать с другого конца?» — Так думал Чичиков. Раздобаривая почасту с дворовыми людьми, он, между прочим, от них разведал, что барин ездил прежде довольно нередко к соседу генералу, что у генерала барышня, что барин

было к барышне, да и барышня тоже к барину... но потом вдруг за что-то не поладили и разошлись. Он заметил и сам, что Андрей Иванович карандашом и пером все рисовал какие-то головки, одна на другую похожие. Один раз после обеда, оборачивая, по обыкновению, пальцем серебряную табакерку вокруг ее оси, сказал он так:

— У вас всё есть, Андрей Иванович; одного только недостает.

— Чего? — спросил тот, выпуская кудреватый дым.

— Подруги жизни! — сказал Чичиков.

Ничего не сказал Андрей Иванович. Тем разговор и кончился.

Чичиков не смутился, выбрал другое время, уже перед ужином, и, разговаривая о том и о сем, сказал вдруг:

— А право, Андрей Иванович, вам бы очень не мешало жениться.

Хоть бы слово сказал на это Тентетников, точно как бы и самая речь об этом была ему неприятна.

Чичиков не смутился. В третий раз выбрал он время, уже после ужина, и сказал так:

— А все-таки, как ни переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вам жениться: впадете в ипохондрию.

Слова ли Чичикова были на этот раз так убедительны, или же расположение духа у Андрея Ивановича было как-то особенно настроено к откровенности, — он вздохнул и сказал, пустивши кверху трубочный дым: «На все нужно родиться счастливцем, Павел Иванович», — и рассказал все, как было, всю историю знакомства с генералом и разрыв.

Когда услышал Чичиков, от слова до слова, все дело и увидел, что из-за одного слова *ты* произошла такая история, он оторопел. Несколько минут смотрел пристально в глаза Тентетникова и заключил: «Да он просто круглый дурак!»

— Андрей Иванович, помилуйте! — сказал он, взявши его за обе руки. — Какое ж оскорбление? что ж тут оскорбительного в слове *ты*?

— В самом слове нет ничего оскорбительного, — сказал Тентетников, — но в смысле слова, но в голосе, с которым сказано оно, заключается оскорбление. *Ты* — это значит: «Помни, что

ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нет никого лучше, а приехала какая-нибудь княжна Юзякина, — ты знай свое место, стой у порога». Вот что это значит!

Говоря это, смирный и кроткий Андрей Иванович засверкал глазами; в голосе его послышалось раздражение оскорбленного чувства.

— Да хоть бы даже и в этом смысле, — что ж тут такого? — сказал Чичиков.

— Как? — сказал Тентетников, смотря пристально в глаза Чичикову. — Вы хотите, чтобы <я> продолжал бывать у него после такого поступка?

— Да какой же это поступок? это даже не поступок! — сказал Чичиков.

«Какой странный человек этот Чичиков!» — подумал про себя Тентетников.

«Какой странный человек этот Тентетников!» — подумал про себя Чичиков.

— Это не поступок, Андрей Иванович. Это просто генеральская привычка: они всем говорят *ты*. Да, впрочем, уж почему этого и не позволить заслуженному, почтенному человеку?

— Это другое дело, — сказал Тентетников. — Если бы он был старик, бедняк, не горд, не чванлив, не генерал, я бы тогда позволил ему говорить мне *ты* и принял бы даже почтительно.

«Он совсем дурак! — подумал про себя Чичиков. — Оборвышу позволить, а генералу не позволить!» И вслед за таким размышлением так возразил ему вслух:

— Хорошо; положим, он вас оскорбил, зато вы и поквитались с ним: он вам, и вы ему. Но расставаться навсегда из пустяка — помилуйте, на что же это похоже? Как же оставлять дело, которое только что началось? Если уже избрана цель, так тут уже нужно идти напролом. Что глядеть на то, что человек плюется! Человек всегда плюется; да вы не отыщете теперь во всем свете такого, который бы не плевался.

Тентетников совершенно озадачился этими словами, оторопел, глядел в глаза Павлу Ивановичу и думал про себя: «Престранный, однако ж, человек этот Чичиков!»

«Какой, однако же, чудак этот Тентетников!» — думал между тем Чичиков.

— Позвольте мне как-нибудь обделать это дело, — сказал он вслух. — Я могу съездить к его превосходительству и объясню, что случилось это с вашей стороны по недоразумению, по молодости и незнанью людей и света.

— Подличать перед ним я не намерен! — сказал сильно Тентетников.

— Сохрани Бог подличать! — сказал Чичиков и перекрестился. — Подействовать словом увещания, как благоразумный посредник, но подличать... Извините, Андрей Иванович, за мое доброе желанье и преданность, я даже не ожидал, чтобы слова <мои> принимали вы в таком обидном смысле!

— Простите, Павел Иванович, я виноват! — сказал тронутый Тентетников, схвативши признательно обе его руки. — Ваше доброе участие мне дорого, клянусь! Но оставим этот разговор, не будем больше никогда об этом говорить.

— В таком случае я поеду просто к генералу без причины, — сказал Чичиков.

— Зачем? — спросил Тентетников, в недоумении смотря на Чичикова.

— Засвидетельствовать почтенье, — сказал Чичиков. «Какой странный человек этот Чичиков!» — подумал Тентетников.

«Какой странный человек этот Тентетников!» — подумал Чичиков.

— Так как моя бричка, — сказал Чичиков, — не пришла еще в надлежащее состояние, то позвольте мне взять у вас коляску. Я бы завтра же, эдак около десяти часов, к нему съездил.

— Помилуйте, что за просьба! Вы — полный господин, выбирайте какой хотите экипаж: всё в вашем распоряжении.

Они простились и разошлись спать, не без рассуждения о странностях друг друга.

Чудная, однако же, вещь: на другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочил он в коляску с легкостью почти военного человека, одетый в новый фрак, белый галстук и жилет, и покатился свидетельствовать почтение генералу, Тентетников пришел в такое волненье духа, какого давно не испытывал. Весь этот ржавый и дремлющий ход его мыслей превратился в деятельно-беспокойный. Возмущенье нервическое обуяло вдруг всеми чувствами доселе погруженного в беспечную лень байбака.

То садился он на диван, то подходил к окну, то принимался за книгу, то хотел мыслить, — безуспешное хотенье! — мысль не лезла к нему в голову. То старался ни о чем не мыслить, — безуспешное старание! — отрывки чего-то похожего на мысли, концы и хвостики мыслей лезли и отовсюду наклевывались к нему в голову. «Странное состоянье!» — сказал он и придвинулся к окну глядеть на дорогу, прорезавшую дуброву, в конце которой еще курилась не успевшая улечься пыль, поднятая уехавшей коляской. Но оставим Тентетникова и последуем за Чичиковым.

Глава вторая

В полчаса с небольшим кони пронесли Чичикова чрез десятиверстное пространство — сначала дубровою, потом хлебами, начинавшими зеленеть посреди свежей орани, потом горной окраиной, с которой поминутно открывались виды на отдаленья, — и широкою аллеею раскидистых лип внесли его в генеральскую деревню. Аллея лип превратилась в аллею тополей, огороженных снизу плетеными коробками, и уперлась в чугунные сквозные ворота, сквозь которые глядел кудряво-великолепный резной фронтон генеральского дома, опиравшийся на восемь колонн с коринфскими капителями. Пахнуло повсюду масляной краской, которою беспрерывно обновлялося все, ничему не давая состареться. Двор чистотой подобен был паркету. Подкативши к подъезду, Чичиков с почтеньем соскочил на крыльцо, приказал о себе доложить и был введен прямо в кабинет к генералу.

Генерал поразил его величественной наружностью. Он был на ту пору в атласном малиновом халате. Открытый взгляд, лицо мужественное, бакенбарды и большие усы с проседью, стрижка низкая, а на затылке даже под гребенку, шея толстая, широкая, та́к называемая в три этажа или в три складки с трещиной поперек, голос — бас с некоторою охрипью, движения генеральские. Генерал Бетрищев, как и все мы грешные, был одарен многими достоинствами и многими недостатками. То и другое, как случается в русском человеке, было набросано в нем в каком-то картинном беспорядке. Самопожертвованье, великодушье в решительные минуты, храбрость, ум — и ко всему этому — изрядная подмесь себялюбья, честолюбья, самолюбия, мелочной щекотливости

личной и многого того, без чего уже не обходится человек. Всех, которые ушли вперед его по службе, он не любил, выражался о них едко, в сардонических, колких эпиграммах. Всего больше доставалось от него его прежнему сотоварищу, которого считал он ниже себя и умом и способностями и который, однако же, обогнал его и был уже генерал-губернатором двух губерний, и как нарочно тех, в которых находились его поместья, так что он очутился как бы в зависимости от него. В отместку язвил он его при всяком случае, критиковал всякое распоряженье и видел во всех мерах и действиях его верх неразумия. Несмотря на доброе сердце, генерал был насмешлив. Вообще говоря, он любил первенствовать, любил фимиам, любил блеснуть и похвастаться умом, любил знать то, чего другие не знают, и не любил тех людей, которые знают что-нибудь такое, чего он не знает. Воспитанный полуиностранным воспитаньем, он хотел сыграть в то же время роль русского барина. С такой неровностью в характере, с такими крупными, яркими противуположностями, он должен был неминуемо встретить по службе кучу неприятностей, вследствие которых и вышел в отставку, обвиняя во всем какую-то враждебную партию и не имея великодушия обвинить в чем-либо себя самого. В отставке сохранил он ту же картинную, величавую осанку. В сертуке ли, во фраке ли, в халате — он был все тот же. От голоса до малейшего телодвиженья в нем все было властительное, повелевающее, внушавшее в низших чинах если не уважение, то по крайней мере робость.

Чичиков почувствовал то и другое: и уваженье и робость. Наклоня почтительно голову набок, начал он так:

— Счел долгом представиться вашему превосходительству. Питая уваженье к доблестям мужей, спасавших отечество на бранном поле, счел долгом представиться лично вашему превосходительству.

Генералу, как видно, не не понравился такой приступ. Сделавши весьма милостивое движенье головою, он сказал:

— Весьма рад познакомиться. Милости просим садиться. Вы где служили?

— Поприще службы моей, — сказал Чичиков, садясь в кресла не в середине, но наискось, и ухватившись рукою за ручку кресел, — началось в казенной палате, ваше превосходительство;

дальнейшее же теченье оной продолжал в разных местах: был и в надворном суде, и в комиссии построения, и в таможне. Жизнь мою можно уподобить судну среди волн, ваше превосходительство. На терпенье, можно сказать, вырос, терпеньем воспоен, терпеньем спеленат, и сам, так сказать, не что другое, как одно терпенье. А уж сколько претерпел от врагов, так ни слова, ни краски не сумеют передать. Теперь же, на вечере, так сказать, жизни своей, ищу уголка, где бы провесть остаток дней. Приостановился же покуда у близкого соседа вашего превосходительства...

— У кого это?

— У Тентетникова, ваше превосходительство.

Генерал поморщился.

— Он, ваше превосходительство, весьма раскаивается в том, что не оказал должного уважения...

— К чему?

— К заслугам вашего превосходительства. Не находит слов. Говорит: «Если бы я только мог чему-нибудь... потому что, точно, говорит, умею ценить мужей, спасавших отечество», — говорит.

— Помилуйте, что ж он?.. Да ведь я не сержусь! — сказал смягчившийся генерал. — В душе моей я искренно полюбил его и уверен, что со временем он будет преполезный человек.

— Совершенно справедливо изволите выразиться, ваше превосходительство, преполезный человек, обладает даром слова и владеет пером.

— Но пишет, я чай, пустяки, какие-нибудь стишки?

— Нет, ваше превосходительство, не пустяки...

— Что ж такое?

— Он пишет... историю, ваше превосходительство.

— Историю! о чем историю?

— Историю... — Тут Чичиков остановился, и оттого ли, что перед ним сидел генерал, или просто чтобы придать более важности предмету, прибавил: — историю о генералах, ваше превосходительство.

— Как о генералах? о каких генералах?

— Вообще о генералах, ваше превосходительство, в общности... то есть, говоря собственно, об отечественных генералах, — сказал Чичиков, а сам подумал: «Чтой-то я за вздор такой несу!»

— Извините, я не очень понимаю... что ж это выходит, историю какого-нибудь времени, или отдельные биографии, и притом всех ли, или только участвовавших в двенадцатом году?

— Точно так, ваше превосходительство, участвовавших в двенадцатом году! — проговоривши это, он подумал в себе: «Хоть убей, не понимаю».

— Так что же он ко мне не приедет? Я бы мог собрать ему весьма много любопытных материалов.

— Не смеет, ваше превосходительство.

— Какой вздор! Из какого-нибудь пустого слова... Да я совсем не такой человек. Я, пожалуй, к нему сам готов приехать.

— Он к тому не допустит, он сам приедет, — сказал Чичиков, и в то же время подумал в себе: «Генералы пришлись, однако же, кстати; между тем ведь язык совершенно взболтнул сдуру».

В кабинете послышался шорох. Ореховая дверь резного шкафа отворилась сама собою. На обратной половине растворенной двери, ухватившись чудесной рукой за ручку двери, явилась живая фигурка. Если бы в темной комнате вдруг вспыхнула прозрачная картина, освещенная сзади лампою, она бы не поразила так, как эта сиявшая жизнью фигурка, которая точно предстала затем, чтобы осветить комнату. Казалось, как бы вместе с нею влетел солнечный луч в комнату, озаривши вдруг потолок, карниз и темные углы ее. Она казалась блистающего роста. Это было обольщенье; происходило это от необыкновенной стройности и гармонического соотношенья между собой всех частей тела, от головы до пальчиков. Одноцветное платье, на ней наброшенное, было наброшено с таким <вкусом>, что, казалось, швеи столиц делали совещанье между собой, как бы получше убрать ее. Это был обман. Оделась она кое-как, сама собой; в двух, трех местах схватила неизрезанный кусок ткани, и он прильнул и расположился вокруг нее в таких складках, что ваятель перенес бы их тотчас же на мрамор, и барышни, одетые по моде, все казались перед ней какими-то пеструшками. Несмотря на то что Чичикову почти знакомо было лицо ее по рисункам Андрея Ивановича, он смотрел на нее как оторопелый и после, уже очнувшись, заметил, что у ней был существенный недостаток, именно — недостаток толщины.

— Рекомендую вам мою баловницу! — сказал генерал, обратясь к Чичикову. — Однако ж, я вашего имени и отчества до сих пор не знаю.

— Впрочем, должно ли быть знаемо имя и отчество человека, не ознаменовавшего себя доблестями? — сказал Чичиков.

— Все же, однако ж, нужно знать...

— Павел Иванович, ваше превосходительство, — проговорил Чичиков, с легким наклоном головы набок.

— Уленька! Павел Иванович сейчас сказал преинтересную новость. Сосед наш Тентетников совсем не такой глупый человек, как мы полагали. Он занимается довольно важным делом: историей генералов двенадцатого года.

Улинька вдруг как бы вспыхнула и оживилась.

— Да кто же думал, что он глупый человек? — проговорила она быстро. — Это мог думать разве один только Вишнепокромов, которому ты веришь, папа, который и пустой и низкий человек!

— Зачем же низкий? Он пустоват, это правда, — сказал генерал.

— Он подловат и гадковат, не только что пустоват, — подхватила живо Улинька. — Кто так обидел своих братьев и выгнал из дому родную сестру, тот гадкий человек...

— Да ведь это рассказывают только.

— Рассказывать не будут напрасно. У тебя, отец, добрейшая душа и редкое сердце, но ты поступаешь так, что иной подумает о тебе совсем другое. Ты будешь принимать человека, о котором сам знаешь, что он дурен, потому что он только краснобай и мастер перед тобой увиваться.

— Душа моя! ведь мне ж не прогнать его, — сказал генерал.

— Зачем прогонять, но зачем и любить?!

— А вот и нет, ваше превосходительство, — сказал Чичиков Улиньке, с легким наклоном головы, с приятной улыбкой. — По христианству именно таких мы должны любить.

И тут же, обратясь к генералу, сказал с улыбкой, уже несколько плутоватой:

— Изволили ли, ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о том, что такое — «полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит»?

— Нет, не слыхал.

— А это преказусный анекдот, — сказал Чичиков с плутоватой улыбкой. — В имении, ваше превосходительство, у князя Гукзовского, которого, без сомнения, ваше превосходительство, изволите знать...

— Не знаю.

— Был управитель, ваше превосходительство, из немцев, молодой человек. По случаю поставки рекрут и прочего имел он надобность приезжать в город и, разумеется, подмазывать судейских. — Тут Чичиков, прищуря глаз, выразил в лице своем, как подмазываются судейские. — Впрочем, и они тоже полюбили, угощали его. Вот как-то один раз у них на обеде говорит он: «Что ж, господа, когда-нибудь и ко мне, в имение к князю». Говорят: «Приедем». Скоро после того случилось выехать суду на следствие, по делу, случившемуся во владениях графа Трехметьева, которого, ваше превосходительство, без сомнения, тоже изволите знать.

— Не знаю.

— Самого-то следствия они не делали, а всем судом заворотили на экономический двор, к старику, графскому эконому, да три дни и три ночи без просыпу — в карты. Самовар и пунш, разумеется, со стола не сходят. Старику-то они уж и надоели. Чтобы как-нибудь от них отделаться, он и говорит: «Вы бы, господа, заехали к княжому управителю немцу: он недалеко отсюда и вас ждет». — «А и в самом деле», — говорят, и сполупьяна, небритые и заспанные, как были, на телеги да к немцу... А немец, ваше превосходительство, надобно знать, в это время только что женился. Женился на институтке, молоденькой, субтильной (Чичиков выразил в лице своем субтильность). Сидят они двое за чаем, ни о чем не думая, вдруг отворяются двери — и ввалилось сонмище.

— Воображаю — хороши! — сказал генерал, смеясь.

— Управитель так и оторопел, говорит: «Что вам угодно?» — «А! говорят, так вот ты как!» И вдруг, с этим словом, перемена лиц и физиогномии... «За делом! Сколько вина выкуривается по именью? Покажите книги!» Тот сюды-туды. «Эй, понятых!» Взяли, связали, да в город, да полтора года и просидел немец в тюрьме.

— Вот на! — сказал генерал.

Улинька всплеснула руками.

— Жена — хлопотать! — продолжал Чичиков. — Ну, что ж может какая-нибудь неопытная молодая женщина? Спасибо, что случились добрые люди, которые посоветовали пойти на мировую. Отделался он двумя тысячами да угостительным обедом. И на обеде, когда все уже развеселились, и он также, вот и говорят они ему: «Не стыдно ли тебе так поступить с нами? Ты все бы хотел нас видеть прибранными, да выбритыми, да во фраках. Нет, ты *полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит*».

Генерал расхохотался; болезненно застонала Улинька.

— Я не понимаю, папа, как ты можешь смеяться! — сказала она быстро. Гнев отемнил прекрасный лоб ее... — Бесчестнейший поступок, за который я не знаю, куды бы их следовало всех услать...

— Друг мой, я их ничуть не оправдываю, — сказал генерал, — но что ж делать, если смешно? Как бишь: «полюби нас беленькими»?..

— Черненькими, ваше превосходительство, — подхватил Чичиков.

— Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит. Ха, ха, ха, ха!

И туловище генерала стало колебаться от смеха. Плечи, носившие некогда густые эполеты, тряслись, точно как бы носили и поныне густые эполеты.

Чичиков разрешился тоже междуиметием смеха, но, из уважения к генералу, пустил его на букву э: хе, хе, хе, хе, хе! И туловище его также стало колебаться от смеха, хотя плечи и не тряслись, потому что не носили густых эполет.

— Воображаю, хорош был небритый суд! — говорил генерал, продолжая смеяться.

— Да, ваше превосходительство, как бы то ни было... без просыпу... трехдневное бдение — тот же пост: поизнурились, поизнурились! — говорил Чичиков, продолжая смеяться.

Улинька опустилась в кресла и закрыла рукой прекрасные глаза: как бы досадуя на то, что не с кем было поделиться негодованием, сказала она:

— Я не знаю, меня только берет одна досада.

В самом деле, необыкновенно странны были своею противуположностью те чувства, которые родились в сердцах троих беседовавших людей. Одному была смешна неповоротливая ненаходчивость немца. Другому смешно было оттого, что смешно изворотились плуты. Третьему было грустно, что безнаказанно совершился несправедливый поступок. Не было только четвертого, который бы задумался именно над этими словами, произведшими смех в одном и грусть в другом. Что значит, однако же, что и в паденье своем гибнущий грязный человек требует любви к себе? Животный ли инстинкт это? или слабый крик души, заглушенный тяжелым гнетом подлых страстей, еще пробивающийся сквозь деревенеющую кору мерзостей, еще вопиющий: «Брат, спаси!» Не было четвертого, которому бы тяжелей всего была погибающая душа его брата.

— Я не знаю, — говорила Улинька, отнимая от лица руку, — меня одна только досада берет.

— Только, пожалуйста, не гневайся на нас, — сказал генерал. — Мы тут ни в чем не виноваты. Поцелуй меня и уходи к себе, потому что я сейчас буду одеваться к обеду. Ведь ты, — сказал генерал, вдруг обратясь к Чичикову, — обедаешь у меня?

— Если только ваше превосходительство...

— Без церемонии. Щи есть!

Чичиков приятно наклонил голову, и когда приподнял потом ее вверх, он уже не увидал Улиньки. Она исчезнула. Наместо ее предстал, в густых усах и бакенбардах, великан-камердинер, с серебряной лоханкой и рукомойником в руках.

— Ты мне позволишь одеваться при тебе? — сказал генерал, скидая халат и засучивая рукава рубашки на богатырских руках.

— Помилуйте, не только одеваться, но можете совершать при мне все, что угодно вашему превосходительству, — сказал Чичиков.

Генерал стал умываться, брызгаясь и фыркая, как утка. Вода с мылом летела во все стороны.

— Как бишь? — сказал он, вытирая со всех сторон свою толстую шею, — полюби нас беленькими?..

— Черненькими, ваше превосходительство.

— Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит. Очень, очень хорошо!

Чичиков был в духе необыкновенном; он чувствовал какое-то вдохновенье.

— Ваше превосходительство! — сказал он.

— Что? — сказал генерал.

— Есть еще одна история.

— Какая?

— История тоже смешная, но мне-то от ней не смешно. Даже так, что если ваше превосходительство...

— Как так?

— Да вот, ваше превосходительство, как!.. — Тут Чичиков осмотрелся и, увидя, что камердинер с лоханкой вышел, начал так: — Есть у меня дядя, дряхлый старик. У него триста душ и, кроме меня, наследников никого. Сам управлять именьем, по дряхлости, не может, а мне не передает тоже. И какой странный приводит резон: «Я, говорит, племянника не знаю; может быть, он мот. Пусть он докажет мне, что он надежный человек, пусть приобретет прежде сам собой триста душ, тогда я ему отдам и свои триста душ».

— Какой дурак!

— Справедливо изволили заметить, ваше превосходительство. Но представьте же теперь мое положение... — Тут Чичиков, понизивши голос, стал говорить как бы по секрету: — У него в доме, ваше превосходительство, есть ключница, а у ключницы дети. Того и смотри, все перейдет им.

— Выжил глупый старик из ума и больше ничего, — сказал генерал. — Только я не вижу, чем тут я могу пособить.

— Я придумал вот что. Теперь, покуда новые ревижские сказки не поданы, у помещиков больших имений наберется немало, наряду с душами живыми, отбывших и умерших... Так если, например, ваше превосходительство передадите мне их в таком виде, как бы они были живые, с совершением купчей крепости, я бы тогда эту крепость представил старику, и он, как ни вертись, а наследство бы мне отдал.

Тут генерал разразился таким смехом, каким вряд ли когда смеялся человек: как был, так и повалился он в кресла; голову забросил назад и чуть не захлебнулся. Весь дом встревожился. Предстал камердинер. Дочь прибежала в испуге.

— Папа, что с тобой случилось?

— Ничего, мой друг. Ха, ха, ха! Ступай к себе, мы сейчас явимся обедать. Ха, ха, ха!

И несколько раз задохнувшись, вырывался с новою силой генеральский хохот, раздаваясь от передней до последней комнаты в высоких, звонких генеральских покоях.

Чичиков с беспокойством ожидал конца этому необыкновенному смеху.

— Ну, брат, извини: тебя сам черт угораздил на такую штуку. Ха, ха, ха! Попотчевать старика, подсунуть ему мертвых! Ха, ха, ха, ха! Дядя-то, дядя! В каких дураках дядя! Ха, ха, ха, ха!

Положение Чичикова было конфузное: тут же стоял камердинер, разинувши рот и выпуча глаза.

— Ваше превосходительство, ведь смех этот выдумали слезы, — сказал он.

— Извини, брат! Ну, уморил. Да я бы пятьсот тысяч дал за то только, чтобы посмотреть на твоего дядю в то время, как ты поднесешь ему купчую на мертвые души. Да что, он слишком стар? Сколько ему лет?

— Восемьдесят лет, ваше превосходительство. Но это келейное, я бы... чтобы... — Чичиков посмотрел значительно в лицо генерала и в то же время искоса на камердинера.

— Поди вон, братец. Придешь после, — сказал генерал камердинеру. Усач удалился.

— Да, ваше превосходительство... Это, ваше превосходительство, дело такое, что я бы хотел его подержать в секрете...

— Разумеется, я это очень понимаю. Экой дурак старик! Ведь придет же в восемьдесят лет этакая дурь в голову! Да что, он с виду как? бодр? держится еще на ногах?

— Держится, но с трудом.

— Экой дурак! И зубы есть?

— Два зуба всего, ваше превосходительство.

— Экой осел! Ты, братец, не сердись... а ведь он осел.

— Точно так, ваше превосходительство. Хоть он мне и родственник, и тяжело сознаваться в этом, но действительно — осел.

Впрочем, как читатель может смекнуть и сам, Чичикову не тяжело было в этом сознаться, тем более что вряд ли у него был когда-либо какой дядя.

— Так если, ваше превосходительство, будете уже так добры...

— Чтобы отдать тебе мертвых душ? Да за такую выдумку я их тебе с землей, с жильем! Возьми себе все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старик-то, старик! Ха, ха, ха, ха! В каких дураках! Ха, ха, ха, ха!

И генеральский смех пошел отдаваться вновь по генеральским покоям[1].

Глава третья

«Нет, я не так, — говорил Чичиков, очутившись опять посреди открытых полей и пространств, — нет, я не так распоряжусь. Как только, даст Бог, все покончу благополучно и сделаюсь действительно состоятельным, зажиточным человеком, я поступлю тогда совсем иначе: будет у меня и повар, и дом, как полная чаша, но будет и хозяйственная часть в порядке. Концы сведутся с концами, да понемножку всякий год будет откладываться сумма и для потомства, если только Бог пошлет жене плодородье...» — Эй ты — дурачина!

Селифан и Петрушка оглянулись оба с козел.

— А куда ты едешь?

— Да так изволили приказывать, Павел Иванович, — к полковнику Кошкареву, — сказал Селифан.

— А дорогу расспросил?

— Я, Павел Иванович, изволите видеть, так как все хлопотал около коляски, так оно-с... генеральского конюха только видел... А Петрушка расспрашивал у кучера.

— Вот и дурак! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка бревно.

— Ведь тут не мудрость какая, — сказал Петрушка, глядя искоса, — окроме того, что, опустясь с горы, взять попрямей, ничего больше и нет.

— А ты, окроме сивухи, ничего больше, чай, и в рот не брал? Чай, и теперь налимонился?

[1] *Окончание главы отсутствует. В первом издании глав второго тома «Мертвых душ» (1855) имеется примечание: «Здесь пропущено примирение генерала Бетрищева с Тентетниковым; обед у генерала и беседа их о двенадцатом годе; помолвка Улиньки за Тентетниковым; молитва ее и плач на гробе матери; беседа помолвленных в саду. Чичиков отправляется, по поручению генерала Бетрищева, к родственникам его, для извещения о помолвке дочери, и едет к одному из этих родственников, полковнику Кошкареву».*

Увидя, что речь повернула вона в какую сторону, Петрушка закрутил только носом. Хотел он было сказать, что даже и не пробовал, да уж как-то и самому стало стыдно.

— В коляске-с хорошо-с ехать, — сказал Селифан, оборотившись.

— Что?

— Говорю, Павел Иванович, что в коляске-де вашей милости хорошо-с ехать, получше-с, как в бричке — не трясет.

— Пошел, пошел! Тебя ведь не спрашивают об этом.

Селифан хлыснул слегка бичом по крутым бокам лошадей и поворотил речь к Петрушке:

— Слышь, мужика Кошкарев барин одел, говорят, как немца; поодаль и не распознаешь, — выступает по-журавлиному, как немец. И на бабе не то чтобы платок, как бывает, пирогом или кокошник на голове, а немецкий капор такой, как немки ходят, знашь, в капорах, — так капор называется, знашь, капор. Немецкий такой капор.

— А тебя как бы нарядить немцем да в капор! — сказал Петрушка, острясь над Селифаном и ухмыльнувшись. Но, что за рожа вышла из этой усмешки! И подобья не было на усмешку, а точно как бы человек, доставши себе в нос насморк и силясь при насморке чихнуть, не чихнул, но так и остался в положенье человека, собирающегося чихнуть.

Чичиков заглянул из-под низа ему в рожу, желая знать, что там делается, и сказал: «Хорош! а еще воображает, что красавец!» Надобно сказать, что Павел Иванович был сурьезно уверен в том, что Петрушка влюблен в красоту свою, тогда как последний временами позабывал, есть ли у него даже вовсе рожа.

— Вот как бы догадались было, Павел Иванович, — сказал Селифан, оборотившись с козел, — чтобы выпросить у Андрея Ивановича другого коня, в обмен на чубарого; он бы, по дружественному расположению к вам, не отказал бы, а это конь-с, право, подлец-лошадь и помеха.

— Пошел, пошел, не болтай! — сказал Чичиков и про себя подумал: «В самом деле, напрасно я не догадался».

Легким ходом неслась тем временем легкая на ходу коляска. Легко подымалась и вверх, хотя подчас и неровна был дорога; легко опускалась и под гору, хотя и беспокойны были спуски

проселочных дорог. С горы спустились. Дорога шла лугами через извивы реки, мимо мельниц. Вдали мелькали пески, выступали картинно одна из-за другой осиновые рощи; быстро пролетали мимо их кусты лоз, тонкие ольхи и серебристые тополи, ударявшие ветвями сидевших на козлах Селифана и Петрушку. С последнего ежеминутно сбрасывали они картуз. Суровый служитель соскакивал с козел, бранил глупое дерево и хозяина, который насадил его, но привязать картуза или даже придержать рукою не догадался, все надеясь на то, что авось дальше не случится. Деревья же становились гуще: к осинам и ольхам начала присоединяться береза, и скоро образовалась вокруг лесная гущина. Свет солнца сокрылся. Затемнели сосны и ели. Непробудный мрак бесконечного леса сгущался и, казалось, готовился превратиться в ночь. И вдруг промеж дерев — свет, там и там промеж ветвей и пней, точно живое серебро или зеркало. Лес стал освещаться, деревья редеть, послышались крики — и вдруг перед ними озеро. Водная равнина версты четыре в поперечнике, вокруг дерева, позади их избы. Человек двадцать, по пояс, по плеча и по горло в воде, тянули к супротивному берегу невод. Посреди их плавал проворно, кричал и хлопотал за всех человек, почти такой же меры в вышину, как и в толщину, круглый кругом, точный арбуз. По причине толщины, он уже не мог ни в каком случае потонуть и как бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выносила наверх; и если бы село к нему на спину еще двое человек, он бы, как упрямый пузырь, остался с ними на верхушке воды, слегка только под ними покряхтывал да пускал носом и ртом пузыри.

— Этот, Павел Иванович, — сказал Селифан, оборотясь с козел, — должен быть барин, полковник Кошкарев.

— Отчего?

— Оттого, что тело у него, изволите видеть, побелей, чем у других, и дородство почтительное, как у барина.

Крики между тем становились явственней. Скороговоркой и звонко выкрикивал барин-арбуз:

— Передавай, передавай, Денис, Козьме! Козьма, бери хвост у Дениса! Фома Большой, напирай туды же, где и Фома Меньшой! Заходи справа, справа заходи! Стой, стой, черт вас побери обеих! Запутали меня самого в невод! Зацепили, говорю, проклятые, зацепили за пуп.

Влачители правого крыла остановились, увидя, что действительно случилась непредвиденная оказия: барин запутался в сети.

— Вишь ты, — сказал Селифан Петрушке, — потащили барина, как рыбу.

Барин барахтался и, желая выпутаться, перевернулся на спину, брюхом вверх, запутавшись еще в сетку. Боясь оборвать сеть, плыл он вместе с пойманною рыбою, приказавши себя перехватить только поперек веревкой. Перевязавши его веревкой, бросили конец ее на берег. Человек с двадцать рыбаков, стоявших на берегу, подхватили конец и стали бережно тащить его. Добравшись до мелкого места, барин стал на ноги, покрытый клетками сети, как в летнее время дамская ручка под сквозной перчаткой, — взглянул вверх и увидел гостя, в коляске въезжавшего на плотину. Увидя гостя, кивнул он головой. Чичиков снял картуз и учтиво раскланялся с коляски.

— Обедали? — закричал барин, подходя с пойманною рыбою на берег, держа одну руку над глазами козырьком в защиту от солнца, другую же пониже — на манер Венеры Медицейской, выходящей из бани.

— Нет, — сказал Чичиков.

— Ну, так благодарите же Бога.

— А что? — спросил Чичиков любопытно, держа над головою картуз.

— А вот что! — сказал барин, очутившись на берегу вместе с коропами и карасями, которые бились у ног его и прыгали на аршин от земли. — Это ничего, на это не глядите; а вот штука, вон где!.. А покажите-ка, Фома Большой, осетра. — Два здоровых мужика вытащили из кадушки какое-то чудовище. — Каков князек? из реки зашел!

— Да это целый князь! — сказал Чичиков.

— Вот то-то же. Поезжайте-ка вы теперь вперед, а я за вами. Кучер, ты, братец, возьми дорогу пониже, через огород. Побеги, телепень Фома Меньшой, снять перегородку. А я за вами — как тут, прежде чем успеете оглянуться.

«Полковник чудаковат», — подумал <Чичиков>, проехавши наконец бесконечную плотину и подъезжая к избам, из которых одни, подобно стаду уток, рассыпались по косогору возвышенья,

а другие стояли внизу на сваях, как цапли. Сети, невода, бредни развешаны были повсюду. Фома Меньшой снял перегородку, коляска проехала огородом и очутилась на площади возле устаревшей деревянной церкви. За церковью, подальше, видны были крыши господских строений.

— А вот я и здесь! — раздался голос сбоку. Чичиков оглянулся. Барин уже ехал возле него, одетый, на дрожках — травяно-зеленый нанковый сюртук, желтые штаны и шея без галстука, на манер купидона! Боком сидел он на дрожках, занявши собою все дрожки. Чичиков хотел было что-то сказать ему, но толстяк уже исчез. Дрожки показались на другой стороне, и только слышался голос: «Щуку и семь карасей отнесите повару-телепню, а осетра подавай сюда: я его свезу сам на дрожках». Раздались снова голоса: «Фома Большой да Фома Меньшой! Козьма да Денис!» Когда же подъехал он к крыльцу дома, к величайшему изумленью его, толстый барин был уже на крыльце и принял его в свои объятья. Как он успел так слетать, было непостижимо. Они поцеловались троекратно навкрест.

— Я привез вам поклон от его превосходительства, — сказал Чичиков.

— От какого превосходительства?

— От родственника вашего, от генерала Александра Дмитриевича.

— Кто это Александр Дмитриевич?

— Генерал Бетрищев, — отвечал Чичиков с некоторым изумлением.

— Не знаю-с, незнаком.

Чичиков пришел еще в большее изумление.

— Как же это?.. Я надеюсь по крайней мере, что имею удовольствие говорить с полковником Кошкаревым?

— Петр Петрович Петух, Петух Петр Петрович! — подхватил хозяин.

Чичиков остолбенел.

— Вот тебе на! Как же вы, дураки, — сказал он, оборотившись к Селифану и Петрушке, которые оба разинули рты и выпучили глаза, один сидя на козлах, другой стоя у дверец коляски, — как же вы, дураки? Ведь вам сказано — к полковнику Кошкареву... А ведь это Петр Петрович Петух...

— Ребята сделали отлично! — сказал Петр Петрович. — За это вам по чапорухе водки и кулебяка в придачу. Откладывайте коней и ступайте сей же час в людскую!

— Я совещусь, — говорил Чичиков, раскланиваясь, — такая нежданная ошибка...

— Не ошибка, — живо проговорил Петр Петрович Петух, — не ошибка. Вы прежде попробуйте, каков обед, да потом скажете: ошибка ли это? Покорнейше прошу, — сказал <он>, взявши Чичикова под руку и вводя его во внутренние покои.

Чичиков, чинясь, проходил в дверь боком, чтоб дать и хозяину пройти с ним вместе; но это было напрасно: хозяин бы не прошел, да его уж и не было. Слышно было только, как раздавались его речи по двору: «Да что ж Фома Большой? Зачем он до сих пор не здесь? Ротозей Емельян, беги к повару-телепню, чтобы потрошил поскорей осетра. Молоки, икру, потроха и лещей в уху, а карасей — в соус. Да раки, раки! Ротозей Фома Меньшой, где же раки? раки, говорю, раки?!» И долго раздавалися всё — раки да раки.

— Ну, хозяин захлопотался, — сказал Чичиков, садясь в кресла и осматривая углы и стены.

— А вот я и здесь, — сказал, входя, хозяин и ведя за собой двух юношей, в летних сюртуках. Тонкие, точно ивовые хлысты, выгнало их вверх почти на целый аршин выше Петра Петровича.

— Сыны мои, гимназисты. Приехали на праздники. Николаша, ты побудь с гостем, а ты, Алексаша, ступай за мной.

И снова исчезнул Петр Петрович Петух.

Чичиков занялся с Николашей. Николаша был говорлив. Он рассказал, что у них в гимназии не очень хорошо учат, что больше благоволят к тем, которых маменьки шлют побогаче подарки, что в городе стоит Ингерманландский гусарский полк; что у ротмистра Ветвицкого лучше лошадь, нежели у самого полковника, хотя поручик Взъемцев ездит гораздо его почище.

— А что, в каком состоянье имение вашего батюшки? — спросил Чичиков.

— Заложено, — сказал на это сам батюшка, снова очутившийся в гостиной, — заложено.

Чичикову осталось сделать то же самое движенье губами, которое делает человек, как дело идет на нуль и оканчивается ничем.

— Зачем же вы заложили? — спросил он.

— Да так. Все пошли закладывать, так зачем же отставать от других! Говорят, выгодно. Притом же все жил здесь, дай-ка еще попробую прожить в Москве.

«Дурак, дурак! — думал Чичиков, — промотает все, да и детей сделает мотишками. Оставался бы себе, кулебяка, в деревне».

— А ведь я знаю, что вы думаете, — сказал Петух.

— Что? — спросил Чичиков, смутившись.

— Вы думаете: «Дурак, дурак этот Петух! зазвал обедать, а обеда до сих пор нет». Будет готов, почтеннейший. Не успеет стриженая девка косы заплесть, как он поспеет.

— Батюшка, Платон Михалыч едет! — сказал Алексаша, глядя в окно.

— Верхом на гнедой лошади! — подхватил Николаша, нагибаясь к окну. — Ты думаешь, Алексаша, наш чагравый хуже его?

— Хуже не хуже, но выступка не такая. Между ними завязался спор о гнедом и чагравом.

Между тем вошел в комнату красавец — стройного роста, светло-русые блестящие кудри и темные глаза. Гремя медным ошейником, мордатый пес, собака-страшилище, вошел вослед за ним.

— Обедали? — спросил Петр Петрович Петух.

— Обедал, — сказал гость.

— Что ж вы, смеяться, что ли, надо мной приехали? — сказал, сердясь, Петух. — Что мне в вас после обеда?

— Впрочем, Петр Петрович, — сказал гость, усмехнувшись, — могу вас утешить тем, что ничего не ел за обедом: совсем нет аппетита.

— А каков был улов, если б вы видели! Какой осетрище пожаловал! Карасей и не считали.

— Даже завидно вас слушать, — сказал гость. — Научите меня быть так же веселым, как вы.

— Да от <чего> же скучать? помилуйте! — сказал хозяин.

— Как отчего скучать? — оттого, что скучно.

— Мало едите, вот и все. Попробуйте-ка хорошенько пообедать. Ведь это в последнее время выдумали скуку. Прежде никто не скучал.

— Да полно хвастать! Будто уж вы никогда не скучали?

— Никогда! Да и не знаю, даже и времени нет для скучанья. Поутру проснешься — ведь нужно пить чай, и тут ведь приказчик, а тут и на рыбную ловлю, а тут и обед. После обеда не успеешь всхрапнуть, а тут и ужин, а после пришел повар — заказывать нужно на завтра обед. Когда же скучать?

Во все время разговора Чичиков рассматривал гостя.

Платон Михалыч Платонов был Ахиллес и Парид вместе: стройное сложенье, картинный рост, свежесть — все было собрано в нем. Приятная усмешка с легким выраженьем иронии как бы еще усиливала его красоту. Но, несмотря на все это, было в нем что-то неоживленное и сонное. Страсти, печали и потрясения не навели морщины на девственное, свежее его лицо, но с тем вместе и не оживили его.

— Признаюсь, я тоже, — произнес Чичиков, — не могу понять, если позволите так заметить, не могу понять, как при такой наружности, как ваша, скучать. Конечно, могут быть причины другие: недостача денег, притесненья от каких-нибудь злоумышленников, как есть иногда такие, которые готовы покуситься даже на самую жизнь.

— В том-то <и дело>, что ничего этого нет, — сказал Платонов. — Поверите ли, что иной раз я бы хотел, чтобы это было, чтобы какая-нибудь тревога и волненья. Ну, хоть бы просто рассердил меня кто-нибудь. Но нет! Скучно — да и только.

— Не понимаю. Но, может быть, именье у вас недостаточное, малое количество душ?

— Ничуть, у нас с братом земли на десять тысяч десятин и при них тысяча душ крестьян.

— И при этом скучать. Непонятно! Но, может быть, именье в беспорядке? были неурожаи, много людей вымерло?

— Напротив, всё в наилучшем порядке, и брат мой отличнейший хозяин.

— Не понимаю! — сказал Чичиков и пожал плечами.

— А вот мы скуку сейчас прогоним, — сказал хозяин. — Бежи, Алексаша, проворней на кухню и скажи повару, чтобы поскорей прислал нам расстегайчиков. Да где ж ротозей Емельян и вор Антошка? Зачем не дают закуски?

Но дверь растворилась. Ротозей Емельян и вор Антошка явились с салфетками, накрыли стол, поставили поднос с шестью

графинами разноцветных настоек. Скоро вокруг подносов и графинов обстановилось ожерелье тарелок — икра, сыры, соленые грузди, опенки, да новые приносы из кухни чего-то в закрытых тарелках, сквозь которые слышно было ворчавшее масло. Ротозей Емельян и вор Антошка были народ хороший и расторопный. Названья эти хозяин давал только потому, что без прозвищ все как-то выходило пресно, а он пресного не любил; сам был добр душой, но словцо любил пряное. Впрочем, и люди за это не сердились.

Закуске последовал обед. Здесь добродушный хозяин сделался совершенным разбойником. Чуть замечал у кого один кусок, подкладывал ему тут же другой, приговаривая: «Без пары ни человек, ни птица не могут жить на свете». Съедал гость два — подваливал ему третий, приговаривая: «Что ж за число два? Бог любит троицу». Съедал гость три — он ему: «Где ж бывает телега о трех колесах? Кто ж строит избу о трех углах?» На четыре у него была опять поговорка, на пять — тоже. Чичиков съел чего-то чуть не двенадцать ломтей и думал: «Ну, теперь ничего не приберет больше хозяин». Не тут-то было: хозяин, не говоря ни слова, положил ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренного на вертеле, лучшую часть, какая ни была, с почками, да и какого теленка!

— Два года воспитывал на молоке, — сказал хозяин, — ухаживал, как за сыном!

— Не могу, — сказал Чичиков.

— Да вы попробуйте, да потом скажите: не могу!

— Не взойдет. Нет места.

— Да ведь и в церкви не было места. Взошел городничий — нашлось. А ведь была такая давка, что и яблоку негде было упасть. Вы только попробуйте: этот кусок — тот же городничий.

Попробовал Чичиков — действительно, кусок был вроде городничего. Нашлось ему место, а казалось, ничего нельзя было поместить.

С винами была тоже история. Получивши деньги из ломбарда, Петр Петрович запасся провизией на десять лет вперед. Он то и дело подливал да подливал; чего ж не допивали гости, давал допить Алексаше и Николаше, которые так и хлопали рюмка за рюмкой, а встали из-за стола — как бы ни в чем не бывали, точно выпили по стакану воды. С гостьми было не то: в силу,

в силу перетащились они на балкон и в силу поместились в креслах. Хозяин, как сел в свое, какое-то четырехместное, так тут же и заснул. Тучная собственность его превратилась в кузнецкий мех. Через открытый рот и носовые ноздри начала она издавать какие-то звуки, какие не бывают и в новой музыке. Тут было все — и барабан, и флейта, и какой-то отрывистый звук, точно собачий лай.

— Эк его насвистывает! — сказал Платонов.

Чичиков рассмеялся.

— Разумеется, если этак пообедать, — заговорил Платонов, — как тут прийти скуке! тут сон придет.

— Да, — говорил Чичиков лениво. Глазки стали у него необыкновенно маленькие. — А все-таки, однако ж, извините, не могу понять, как можно скучать. Против скуки есть так много средств.

— Какие же?

— Да мало ли для молодого человека! Можно танцевать, играть на каком-нибудь инструменте... а не то — жениться.

— На ком? скажите.

— Да будто в окружности нет хороших и богатых невест?

— Да нет.

— Ну, поискать в других местах, поездить. — Тут богатая мысль сверкнула в голове Чичикова, глаза его стали побольше. — Да вот прекрасное средство! — сказал он, глядя в глаза Платонову.

— Какое?

— Путешествие.

— Куды ж ехать?

— Да если вам свободно, так поедем со мной, — сказал Чичиков и подумал про себя, глядя на Платонова: «А это было бы хорошо: тогда бы можно издержки пополам, а подчинку коляски отнести вовсе на его счет».

— А вы куда едете?

— Да как сказать — куда? Еду я покуда не столько по своей надобности, сколько по надобности другого. Генерал Бетрищев, близкий приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить родственников... Конечно, родственники родственниками, но отчасти, так сказать, и для самого себя; ибо видеть свет,

коловращенье людей — кто что ни говори, есть как бы живая книга, вторая наука.

Платонов задумался.

Чичиков между тем так помышлял: «Право, было <бы> хорошо! Можно даже и так, что все издержки будут на его счет. Можно даже сделать и так, чтобы отправиться на его лошадях, а мои покормятся у него в деревне. Для сбереженья можно и коляску оставить у него в деревне, а в дорогу взять его коляску».

«Что ж? Почему ж не проездиться? — думал между тем Платонов. — Авось-либо будет повеселее. Дома же мне делать нечего, хозяйство и без того на руках у брата; стало быть, расстройства никакого. Почему ж, в самом деле, не проездиться?»

— А согласны ли вы, — сказал он вслух, — погостить у брата денька два? Иначе он меня не отпустит.

— С большим удовольствием. Хоть три.

— Ну, если так — по рукам! Едем! — сказал, оживляясь, Платонов.

— Браво! — сказал Чичиков, хлопнув по руке его. — Едем!

— Куда? куда? — воскликнул хозяин, проснувшись и выпуча на них глаза. — Нет, государи, и колеса приказано снять с вашей коляски, а ваш жеребец, Платон Михайлыч, отсюда теперь за пятнадцать верст. Нет, вот вы сегодня переночуйте, а завтра после раннего обеда и поезжайте себе.

«Вот тебе на!» — подумал Чичиков. Платонов ничего на это не сказал, зная, что Петух держался обычаев своих крепко. Нужно было остаться.

Зато награждены они были удивительным весенним вечером. Хозяин устроил гулянье на реке. Двенадцать гребцов, в двадцать четыре весла, с песнями, понесли их по гладкому хребту зеркального озера. Из озера они пронеслись в реку, беспредельную, с пологими берегами по обе стороны. Хоть бы струйкой шевельнулись воды. На катере они пили с калачами чай, подходя ежеминутно под протянутые вполперек реки канаты для ловли рыбы снастью. Еще до чаю <хозяин> успел раздеться и выпрыгнуть в реку, где барахтался и шумел с полчаса с рыбаками, покрикивая на Фому Большого и Кузьму, и, накричавшись, нахлопотавшись, намерзнувшись в воде, очутился на катере с аппетитом и так пил чай, что было завидно. Тем временем солнце зашло. Осталась небесная

ясность. Крики отдавались звонче. Наместо рыбаков показались повсюду у берегов группы купающихся ребятишек: хлопанье по воде, смех отдавались далече. Гребцы, хвативши разом в двадцать четыре весла, подымали вдруг все весла вверх, и катер сам собой, как легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Здоровый, свежий, как девка, детина, третий от руля, запевал звонко один, вырабатывая чистым голосом; пятеро подхватывало, шестеро выносило — и разливалась беспредельная, как Русь, песня; и, заслонивши ухо рукой, как бы терялись сами певцы в ее беспредельности. Становилося как-то льготно, и думал Чичиков: «Эх, право, заведу себе когда-нибудь деревеньку!» — «Ну, что тут хорошего, — думал Платонов, — в этой заунывной песне? от ней еще большая тоска находит на душу».

Возвращались назад уже сумерками. Весла ударяли впотьмах по водам, уже не отражавшим неба. Едва видны были по берегам озера огоньки. Месяц подымался, когда они пристали к берегу. Повсюду на треногах варили рыбаки уху, все из ершей да из животрепещущей рыбы. Все уже было дома. Гуси, коровы, козы давно уже были пригнаны, и самая пыль от них уже давно улеглась, и пастухи, пригнавшие их, стояли у ворот, ожидая крынки молока и приглашенья к ухе. Там и там слышались говор и гомон людской, громкое лаянье собак своей деревни и отдаленное — чужих деревень. Месяц подымался, стали озаряться потемки; и все наконец озарилось — и озеро и избы; побледнели огни; стал виден дым из труб, осеребренный лучами. Николаша и Алексаша пронеслись в это время перед ними на двух лихих жеребцах, в обгонку друг друга; пыль за ними поднялась, как от стада баранов. «Эх, право, заведу себе когда-нибудь деревеньку!» — думал Чичиков. Бабенка и маленькие Чичонки начали ему снова представляться. Кого ж не разогреет такой вечер?

А за ужином опять объелись. Когда вошел Павел Иванович в отведенную комнату для спанья и, ложась в постель, пощупал животик свой: «Барабан! — сказал, — никакой городничий не взойдет!» Надобно же было такому стеченью обстоятельств: за стеной был кабинет хозяина. Стена была тонкая, и слышалось все, что там ни говорилось. Хозяин заказывал повару, под видом раннего завтрака, на завтрашний день, решительный обед. И как заказывал! У мертвого родился бы аппетит. И губами подсасывал,

и причмокивал. Раздавалось только: «Да поджарь, да дай взопреть хорошенько!» А повар приговаривал тоненькой фистулой: «Слушаю-с. Можно-с. Можно-с и такой».

— Да кулебяку сделай на четыре угла. В один угол положи ты мне щеки осетра да вязигу, в другой запусти гречневой кашицы, да грибочков с лучком, да молок сладких, да мозгов, да еще чего знаешь там этакого...

— Слушаю-с. Можно будет и так.

— Да чтобы с одного боку она, понимаешь — зарумянилась бы, а с другого пусти ее полегче. Да исподку-то, исподку-то, понимаешь, пропеки ее так, чтобы рассыпалась, чтобы всю ее проняло, знаешь, соком, чтобы и не услышал ее во рту — как снег бы растаяла.

«Черт побери! — думал Чичиков, ворочаясь. — Просто не даст спать!»

— Да сделай ты мне свиной сычуг. Положи в середку кусочек льду, чтобы он взбухнул хорошенько. Да чтобы к осетру обкладка, гарнир-то, гарнир-то чтобы был побогаче! Обложи его раками, да поджаренной маленькой рыбкой, да проложи фаршецом из снеточков, да подбавь мелкой сечки, хренку, да груздочков, да репушки, да морковки, да бобков, да нет ли еще там какого коренья?

— Можно будет подпустить брюкву или свеклу звездочкой, — сказал повар.

— Подпусти и брюкву и свеклу. А к жаркому ты сделай мне вот какую обкладку...

— Пропал совершенно сон! — сказал Чичиков, переворачиваясь на другую сторону, закутал голову в подушки и закрыл себя всего одеялом, чтобы не слышать ничего. Но сквозь одеяло слышалось беспрестанно: «Да поджарь, да подпеки, да дай взопреть хорошенько». Заснул он уже на каком-то индюке.

На другой день до того объелись гости, что Платонов уже не мог ехать верхом; жеребец был отправлен с конюхом Петуха. Они сели в коляску. Мордатый пес лениво пошел за коляской: он тоже объелся.

— Нет, это уже слишком, — сказал Чичиков, когда выехали со двора. — Это даже по-свински. Не беспокойно ли вам, Платон Михалыч? Препокойная была коляска, и вдруг стало беспокойно.

Петрушка, ты, верно, по глупости стал перекладывать? отовсюду торчат какие-то коробки!

Платон усмехнулся.

— Это, я вам объясню, — сказал он, — Петр Петрович насовал в дорогу.

— Точно так, — сказал Петрушка, оборотясь с козел, — приказано было все поставить в коляску — пашкеты и пироги.

— Точно-с, Павел Иванович, — сказал Селифан, оборотясь с козел, веселый, — очень почтенный барин. Угостительный помещик! По рюмке шампанского выслал. Точно-с, и приказал от стола отпустить блюда — оченно хорошего блюда, деликатного скусу. Такого почтительного господина еще и не было.

— Видите ли? он всех удовлетворил, — сказал Платонов. — Однако же, скажите просто: есть ли у вас время, что <бы> заехать в одну деревню, отсюда верст десять? Мне бы хотелось проститься с сестрой и зятем.

— С большим удовольствием, — сказал Чичиков.

— От этого вы не будете в накладе: зять мой — весьма замечательный человек.

— По какой части? — спросил Чичиков.

— Это первый хозяин, какой когда-либо бывал на Руси. Он в десять лет с небольшим, купивши расстроенное имение, едва дававшее двадцать тысяч, возвел его до того, что теперь он получает двести тысяч.

— А, почтенный человек! Вот этакого человека жизнь стоит того, чтобы быть переданной в поученье людям! Очень, очень будет приятно познакомиться. А как по фамилии?

— Скудронжогло.

— А имя и отчество?

— Константин Федорович.

— Константин Федорович Скудронжогло. Очень приятно познакомиться. Поучительно узнать этакого человека. — И Чичиков пустился в расспросы о Скудронжогле, и все, что он узнал о нем от Платонова, было, точно, изумительно.

— Вот смотрите, в этом месте уже начинаются его земли, — говорил Платонов, указывая на поля. — Вы увидите тотчас отличье от других. Кучер, здесь возьмешь дорогу налево. Видите ли этот молодняк — лес? Это — сеяный. У другого в пятнадцать лет

не поднялся <бы> так, а у него в восемь вырос. Смотрите, вот лес и кончился. Начались уже хлеба; а через пятьдесят десятин опять будет лес, тоже сеяный, а там опять. Смотрите на хлеба, во сколько раз они гуще, чем у другого.

— Вижу. Да как же он это делает?

— Ну, расспросите у него, вы увидите, что...[1] Это всезнай, такой всезнай, какого вы нигде не найдете. Он мало того что знает, какую почву что любит, знает, какое соседство для кого нужно, поблизости какого леса нужно сеять какой хлеб. У нас у всех земля трескается от засух, а у него нет. Он рассчитает, насколько нужно влажности, столько и дерева разведет; у него все играет две-три роли: лес лесом, а полю удобренье от листьев да от тени. И это во всем так.

— Изумительный человек! — сказал Чичиков и с любопытством посматривал на поля.

Все было в порядке необыкновенном. Леса были загороженные; повсюду попадались скотные дворы, тоже не без причины обстроенные, завидно содержимые; хлебные клади росту великанского. Обильно и хлебно было повсюду. Видно было вдруг, что живет туз-хозяин. Поднявшись на небольшую возвышенность, <увидели> на супротивной стороне большую деревню, рассыпавшуюся на трех горных возвышениях. Все тут было богато: торные улицы, крепкие избы; стояла ли где телега — телега была крепкая и новешенькая; попадался ли конь — конь был откормленный и добрый; рогатый скот — как на отбор. Даже мужичья свинья глядела дворянином. Так и видно, что здесь именно живут те мужики, которые гребут, как поется в песне, серебро лопатой. Не было тут аглицких парков, беседок и мостов с затеями и разных проспектов перед домом. От изб до господского двора потянулись рабочьи дворы. На крыше большой фонарь, не для видов, но для рассматривания, где и в каком месте и как производились работы.

Они подъехали к дому. Хозяина не было; встретила их жена, родная сестра Платонова, белокурая, белоликая, с прямо русским выраженьем, так же красавица, но так же полусонная, как он. Кажется, как будто ее мало заботило то, о чем заботятся, или оттого, что всепоглощающая деятельность мужа ничего не оставила

[1] *В рукописи четыре слова не разобрано.*

на ее долю, или оттого, что она принадлежала, по самому сложению своему, к тому философическому разряду людей, которые, имея и чувства, и мысли, и ум, живут как-то вполовину, на жизнь глядят вполглаза и, видя возмутительные тревоги и борьбы, говорят: «<Пусть> их, дураки, бесятся! Им же хуже».

— Здравствуй, сестра! — сказал Платонов. — Где же Константин?

— Не знаю. Ему следовало быть давно уже здесь. Верно, захлопотался.

Чичиков на хозяйку не обратил <вниманья>. Ему было интересно рассмотреть жилище этого необыкновенного человека. Он думал отыскать в нем свойства самого хозяина, — как по раковине можно судить, какого рода сидела в ней устрица или улитка. Но этого-то и не было. Комнаты были бесхарактерны совершенно — просторны, и ничего больше. Ни фресков, ни картин по стенам, ни бронзы по столам, ни этажерок с фарфором или чашками, ни ваз, ни цветов, ни статуек — словом, как-то голо. Простая обыкновенная мебель да рояль стоял в стороне, и тот покрыт был пылью: как видно, хозяйка редко за него садилась. Из гостиной отворена <была дверь в кабинет хозяина>[1]; но и там было так же — просто и голо. Видно было, что хозяин приходил в дом только отдохнуть, а не то чтобы жить в нем; что для обдумыванья своих планов и мыслей ему не надобно было кабинета с пружинными креслами и всякими покойными удобствами и что жизнь его заключалась не в очаровательных грезах у пылающего камина, но прямо в деле. Мысль исходила вдруг из обстоятельств, в ту минуту, как они представлялись, и обращалась вдруг в дело, не имея никакой надобности в том, чтобы быть записанной.

— А! вот он! Идет, идет! — сказал Платонов.

Чичиков тоже устремился к окну. К крыльцу подходил лет сорока человек, живой, смуглой наружности. На нем был триповый картуз. По обеим сторонам его, сняв шапки, шли двое нижнего сословия, — шли, разговаривая и о чем-то с <ним> толкуя. Один, казалось, был простой мужик; другой, в синей сибирке, какой-то заезжий кулак и пройдоха.

[1] *В рукописи фраза не дописана. Стоящие в скобках слова прибавлены П. Кулишом в издании «Сочинения и письма Н. В. Гоголя». СПб., 1857.*

— Так уж прикажите, батюшка, принять! — говорил мужик, кланяясь.

— Да нет, братец, я уж двадцать раз вам повторял: не возите больше. У меня материалу столько накопилось, что девать некуда.

— Да у вас, батюшка Константин Федорович, весь пойдет в дело. Уж эдакого умного человека во всем свете нельзя сыскать. Ваше здоровье всяку вещь в место поставит. Так уж прикажите принять.

— Мне, братец, руки нужны; мне работников доставляй, а не материал.

— Да уж в работниках не будете иметь недостатку. У нас целые деревни пойдут в работы: бесхлебье такое, что и не запомним. Уж вот беда-то, что не хотите нас совсем взять, а отслужили бы верою вам, ей-Богу, отслужили. У вас всякому уму научишься, Константин Федорович. Так прикажите принять в последний раз.

— Да ведь ты и тогда говорил: в последний раз, а ведь вот опять привез.

— Уж в последний раз, Константин Федорович. Если вы не возьмете, то у меня никто не возьмет. Так уж прикажите, батюшка, принять.

— Ну, слушай, этот раз возьму, и то из сожаления только, чтобы не провозился напрасно. Но если ты привезешь в другой раз, хоть три недели канючь — не возьму.

— Слушаю-с, Константин Федорович; уж будьте покойны, в другой, раз уж никак не привезу. Покорнейше благодарю. — Мужик отошел, довольный. Врет, однако же, привезет: авось — великое словцо.

— Так уж того-с, Константин Федорович, уж сделайте милость... посбавьте, — говорил шедший по другую сторону заезжий кулак в синей сибирке.

— Ведь я тебе на первых порах объявил. Торговаться я не охотник. Я тебе говорю опять: я не то, что другой помещик, к которому ты подъедешь под самый срок уплаты в ломбард. Ведь я вас знаю всех. У вас есть списки всех, кому когда следует уплачивать. Что ж тут мудреного? Ему приспичит, он тебе и отдаст за полцены. А мне что твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи! Мне в ломбард не нужно уплачивать...

— Настоящее дело, Константин Федорович. Да ведь я того-с... оттого только, чтобы и впредь иметь с вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять.

Кулак вынул из-за пазухи пук засаленных ассигнаций. Скудронжогло прехладнокровно взял их и, не считая, сунул в задний карман своего сюртука.

«Гм, — подумал Чичиков, — точно как бы носовой платок!»

Минуту спустя Скудронжогло показался в дверях гостиной.

— Ба, брат, ты здесь! — сказал он, увидев Платонова. Они обнялись и поцеловались. Платонов рекомендовал Чичикова. Чичиков благоговейно подступил к хозяину, лобызнул его в щеку, принявши и от него впечатленье поцелуя.

Лицо Скудронжогла было очень замечательно. В нем было заметно южное происхожденье. Волосы на голове и на бровях темны и густы, глаза говорящие, блеску сильного. Ум сверкал во всяком выраженье лица, и уж ничего не было в нем сонного. Но заметна, однако же, была примесь чего-то желчного и озлобленного. Какой, собственно, был он нации? Есть много на Руси русских нерусского происхожденья, в душе, однако же, русские. Скудронжогло не занимался своим происхожденьем, находя, что это в строку нейдет и в хозяйстве вещь лишняя. Притом не знал и другого языка, кроме русского.

— Знаешь ли, Константин, что я выдумал? — сказал Платонов.

— А что?

— Выдумал я проездиться по разным губерниям; авось-либо это вылечит от хандры.

— Что ж? это очень может быть.

— Вот вместе с Павлом Ивановичем.

— Прекрасно! В какие же места, — спросил Скудронжогло, приветливо обращаясь к Чичикову, — предполагаете теперь ехать?

— Признаюсь, — сказал Чичиков, наклоня голову набок и взявшись рукою за ручку кресел, — еду я, покамест, не столько по своей нужде, сколько по нужде другого. Генерал Бетрищев, близкий приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить родственников. Родственники, конечно, родственниками,

но отчасти, так сказать, и для самого себя; потому что, точно, не говоря уже о пользе, которая может быть в геморроидальном отношенье, одно уже то, чтоб увидать свет, коловращенье людей... кто что ни говори, есть, так сказать, живая книга, та же наука.

— Да, заглянуть в иные уголки не мешает.

— Превосходно изволили заметить, — отнесся Чичиков, — точно, не мешает. Видишь вещи, которых бы не видел; встречаешь людей, которых бы не встретил. Разговор с иным тот же червонец. Научите, почтеннейший Константин Федорович, научите, к вам прибегаю. Жду, как манны, сладких слов ваших.

Скудронжогло смутился.

— Чему же, однако?.. чему научить? Я и сам учился на медные деньги.

— Мудрости, почтеннейший, мудрости! мудрости управлять хозяйством, подобно вам; подобно вам уметь извлекать доходы верные; приобресть, подобно вам, имущество не мечтательное, а существенное, и тем исполнить долг гражданина, заслужить уваженье соотечественников.

— Знаете ли что? — сказал Скудронжогло, — останьтесь денек у меня. Я покажу вам все управление и расскажу обо всем. Мудрости тут, как вы увидите, никакой нет.

— Брат, оставайся этот день, — сказала хозяйка, обращаясь к Платонову.

— Пожалуй, мне все равно, — произнес тот равнодушно, — как, Павел Иванович?

— Я тоже, я с большим удовольствием... Но вот обстоятельство — нужно посетить родственника генерала Бетрищева. Есть некто полковник Кошкарев...

— Да ведь он... знаете ли вы это? Ведь он дурак и помешан.

— Об этом я уже слышал. Мне к нему и дела нет. Но так как генерал Бетрищев — близкий приятель и, даже так сказать, благотворитель... так уж как-то и неловко.

— В таком случае, знаете ли что, — сказал <Скудронжогло>, — поезжайте к нему теперь же. У меня стоят готовые пролетки. К нему и десяти верст <нет>, так вы слетаете духом. Вы даже раньше ужина возвратитесь назад.

Чичиков с радостью воспользовался предложеньем. Пролетки были поданы, и он поехал тот же час к полковнику, который

изумил его так, как еще никогда ему не случалось изумляться. Все было у полковника необыкновенно. Вся деревня была вразброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревен по всем улицам. Выстроены были какие-то дома вроде присутственных мест. На одном было написано золотыми буквами: «Депо земледельческих орудий», на другом: «Главная счетная экспедиция», на третьем: «Комитет сельских дел»; «Школа нормального просвещенья поселян», — словом, черт знает, чего не было! Он думал, не въехал ли в губернский город. Сам полковник был какой-то чопорный. Лицо какое-то чинное в виде треугольника. Бакенбарды по щекам его были протянуты в струнку; волосы, прическа, нос, губы, подбородок — все как бы лежало дотоле под прессом. Начал он говорить, как бы и дельный человек. С первых начал он ему жаловаться на необразованность окружающих помещиков, на великие труды, которые ему предстоят. Принял он Чичикова отменно ласково и радушно, ввел его совершенно в доверенность и рассказал с самоуслажденьем, скольких и скольких стоило ему трудов возвесть именье до нынешнего благосостояния; как трудно было дать понять простому мужику, что есть высшие побуждения, которые доставляют человеку просвещенная роскошь, искусство и художества; сколько нужно было бороться с невежеством русского мужика, чтобы одеть его в немецкие штаны и заставить почувствовать, хотя сколько-нибудь, высшее достоинство человека; что баб, несмотря на все усилия, он до сих <пор> не мог заставить надеть корсет, тогда как в Германии, где он стоял с полком в 14-м году, дочь мельника умела играть даже на фортепиано, говорила по-французски и делала книксен. С соболезнованием рассказывал он, как велика необразованность соседей помещиков; как мало думают они о своих подвластных; как они даже смеялись, когда он старался изъяснить, как необходимо для хозяйства устроенье письменной конторы, контор комиссии и даже комитетов, чтобы тем предохранить всякие кражи и всякая вещь была бы известна, чтобы писарь, управитель и бухгалтер образовались бы не как-нибудь, но оканчивали бы университетское воспитанье; как, несмотря на все убеждения, он не мог убедить помещиков в том, что какая бы выгода была их имениям, если бы каждый крестьянин был воспитан так, чтобы, идя за плугом, мог читать в то же время книгу о громовых отводах.

На это Чичиков <подумал>: «Ну, вряд ли выберется такое время. Вот я выучился грамоте, а «Графиня Лаварьер» до сих пор еще не прочитана».

— Ужасное невежество! — сказал в заключенье полковник Кошкарев. — Тьма средних веков, и нет средств помочь... Поверьте, нет! А я бы мог всему помочь; я знаю одно средство, вернейшее средство.

— Какое?

— Одеть всех до одного в России, как ходят в Германии. Ничего больше, как только это, и я вам ручаюсь, что все пойдет как по маслу: науки возвысятся, торговля подымется, золотой век настанет в России.

Чичиков глядел на него пристально и думал: «Что ж? с этим, кажется, чиниться нечего». Не отлагая дела в дальний ящик, он объяснил полковнику тут же, что так и так: имеется надобность вот в каких душках, с совершеньем таких-то крепостей.

— Сколько могу видеть из слов ваших, — сказал полковник, нимало не смутясь, — это просьба; не так ли?

— Так точно.

— В таком случае, изложите ее письменно. Она пойдет в комиссию всяких прошений. Комиссия всяких прошений, пометивши, препроводит ее ко мне. От меня поступит она в комитет сельских дел, там сделают всякие справки и выправки по этому делу. Главноуправляющий вместе с конторою в самоскорейшем времени положит свою резолюцию, и дело будет сделано.

Чичиков оторопел.

— Позвольте, — сказал <он>, — этак дело затянется.

— А! — сказал с улыбкой полковник, — вот тут-то и выгода бумажного производства! Оно, точно, несколько затянется, но зато ничто не ускользнет: всякая мелочь будет видна.

— Но позвольте... Как же трактовать об этом письменно? Ведь это такого рода дело... Души ведь некоторым образом... мертвые.

— Очень хорошо. Вы так и напишите, что души некоторым образом мертвые.

— Но ведь как же — мертвые? Ведь этак же нельзя написать. Они хотя и мертвые, но нужно, чтобы казались как бы были живые.

— Хорошо. Вы так и напишите: «но нужно, или требуется, чтобы казалось, как бы живые».

Что было делать с полковником? Чичиков решился отправиться сам поглядеть, что это за комиссии и комитеты; и что нашел он там, то было не только изумительно, но превышало решительно всякое понятье. Комиссия всяких прошений существовала только на вывеске. Председатель ее, прежний камердинер, был переведен во вновь образовавшийся комитет сельских построек. Место его заступил конторщик Тимошка, откомандированный на следствие — разбирать пьяницу приказчика с старостой, мошенником и плутом. Чиновника — нигде.

— Да где ж тут?.. да как добиться какого-нибудь <толку>? — сказал Чичиков своему сопутнику, чиновнику по особенным поручениям, которого полковник дал ему в проводники.

— Да никакого толку не добьетесь, — сказал проводник, — у нас бестолковщина. У нас всем, изволите видеть, распоряжается комиссия построения, отрывает всех от дела, посылает куды угодно. Только и выгодно у нас, что в комиссии построения. — Он, как видно, был недоволен на комиссию построенья. — У нас так заведено, что все водят за нос барина. Он думает, что всё-с как следует, а ведь это названье только одно.

«Это, однако же, нужно ему сказать», — подумал Чичиков и, пришедши к полковнику, объявил, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссия построений ворует напропалую.

Полковник воскипел благородным негодованьем. Тут же, схвативши бумагу и перо, написал восемь строжайших запросов: на каком основании комиссия построений самоуправно распорядилась с неподведомственными ей чиновниками? Как мог допустить главноуправляющий, чтобы председатель, не сдавши своего поста, отправился на следствие? и как мог видеть равнодушно комитет сельских дел, что даже не существует комиссии прошений?

«Ну, пойдет кутерьма», — подумал Чичиков и начал раскланиваться.

— Нет, я вас не отпущу. В два часа, не более, вы будете удовлетворены во всем. Дело ваше я поручу теперь особенному человеку, который только что окончил университетский курс. Посидите у меня в библиотеке. Тут все, что для вас нужно:

книги, бумага, перья, карандаши — все. Пользуйтесь, пользуйтесь всем — вы господин.

Так говорил Кошкарев, введя его в книгохранилище. Это был огромный зал, снизу доверху уставленный книгами. Были там даже и чучела животных. Книги по всем частям — по части лесоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства, тысячи всяких журналов, руководств и множество журналов, представлявших самые позднейшие развития и усовершенствования и по коннозаводству и естественным наукам. Были и такие названия: «Свиноводство как наука». Видя, что здесь вещи не приятного препровождения <времени>, он обратился к другому шкафу. Из огня — в полымя. Тут были всё книги философии. На одной было заглавие: «Философия, в смысле науки»; шесть томов в ряд под названием: «Предуготовительное вступление к теории мышления в их общности, совокупности, сущности и во применении к уразумению органических начал обоюдного раздвоенья общественной производительности». Что ни разворачивал Чичиков книгу, на всякой странице — проявленье, развитье, абстракт, замкнутость и сомкнутость, и черт знает, чего там не было. «Нет, это все не по мне», — сказал Чичиков и оборотился к третьему шкафу, где были книги всё по части искусств. Тут вытащил он какую-то огромную книгу с нескромными мифологическими картинками и начал их рассматривать. Это было по его вкусу. Такого рода картинки нравятся холостякам средних <лет>. Говорят, что в последнее время стали они нравиться даже и старичкам, изощрившим вкус на балетах. Что ж делать, человечество нашего века пряные коренья любит. Окончивши рассматриванье этой книги, Чичиков вытащил уже было и другую в том же роде, как вдруг появился полковник Кошкарев, с сияющим видом и бумагою.

— Все сделано, и сделано отлично. Человек этот решительно понимает один за всех. За это я его поставлю выше всех: заведу особенное, высшее управление и поставлю его президентом. Вот что он пишет...

«Ну слава Те, Господи», — подумал Чичиков и приготовился слушать. Полковник стал читать:

— «Приступая к обдумыванью возложенного на меня вашим высокородием поручения, честь имею сим донести на оное: 1) В самой просьбе господина коллежского советника и кавалера

Павла Ивановича Чичикова есть уже некоторое недоразумение: в изъясненье того, что требуются ревижские души, постигнутые всякими внезапностями, вставлены и умершие. Под сим, вероятно, они изволили разуметь близкие к смерти, а не умершие; ибо умершие не приобретаются. Что ж и приобретать, если ничего нет? Об этом говорит и самая логика. Да и в словесных науках они, как видно, не далеко уходили...» — Тут на минуту Кошкарев остановился и сказал: — В этом месте, плут... он немножко кольнул вас. Но судите, однако же, какое бойкое перо — статс-секретарский слог; а ведь всего три года побыл в университете, даже не кончил курса. — Кошкарев продолжал: «...в словесных науках, как видно, не далеко... ибо выразились о душах *умершие,* тогда как всякому, изучавшему курс познаний человеческих, известно заподлинно, что душа бессмертна. 2) Оных упомянутых ревижских душ, пришлых, или прибылых, или, как они неправильно изволили выразиться, умерших, нет налицо таковых, которые бы не были в залоге, ибо все в совокупности не только заложены без изъятия, но и перезаложены, с прибавкой по полутораста рублей на душу, кроме небольшой деревни Гурмайловка, находящейся в спорном положении по случаю тяжбы с помещиком Предищевым, и потому ни в продажу, ни в залог поступить не может».

— Так зачем же вы мне этого не объявили прежде? Зачем из пустяков держали? — сказал с сердцем Чичиков.

— Да ведь как же я мог знать об этом сначала? В этом-то и выгода бумажного производства, что вот теперь все, как на ладони, оказалось ясно.

«Дурак ты, глупая скотина! — думал про себя Чичиков. — В книгах копался, а чему выучился?» Мимо всяких учтивств и приличий, схватил он шапку — из дома. Кучер стоял, пролетки наготове и лошадей не откладывал: о корме пошла бы письменная просьба, и резолюция — выдать овес лошадям — вышла бы только на другой день. Как ни был Чичиков груб и неучтив, но Кошкарев, несмотря на все, был с ним необыкновенно учтив и деликатен. Он насильно пожал ему руку, и прижал ее к сердцу, и благодарил его за то, что он дал ему случай увидеть на деле ход производства; что передрягу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать и пружины сельского управленья заржавеют

и ослабеют; что вследствии этого события пришла ему счастливая мысль: устроить новую комиссию, которая будет называться комиссией наблюдения за комиссией построения, так что уже тогда никто не осмелится украсть.

«Осел! дурак!» — думал Чичиков, сердитый и недовольный во всю дорогу. Ехал он уже при звездах. Ночь была на небе. В деревнях были огни. Подъезжая к крыльцу, он увидел в окнах, что уже стол был накрыт для ужина.

— Что это вы так запоздали? — сказал Скудронжогло, когда он показался в дверях.

— О чем вы это так долго с ним толковали? — сказал Платонов.

— Уморил! — сказал Чичиков. — Этакого дурака я еще отроду не видывал.

— Это еще ничего! — сказал Скудронжогло. — Кошкарев — утешительное явление. Он нужен затем, что в нем отражаются карикатурно и видней глупости умных людей. Завели конторы и присутствия, и управителей, и мануфактуры, и фабрики, и школы, и комиссию, и черт их знает что такое. Точно как будто бы у них государство какое! Как вам это нравится? я спрашиваю. Помещик, у которого пахотные земли и недостает крестьян обрабатывать, а он завел свечной завод, из Лондона мастеров выписал свечных, торгашом сделался! Вон другой дурак еще лучше: фабрику шелковых материй завел!

— Да ведь и у тебя же есть фабрики, — заметил Платонов.

— А кто их заводил? Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуды, я и начал ткать сукна, да и сукна толстые, простые; по дешевой цене их тут же на рынках у меня и разбирают. Рыбью шелуху, например, сбрасывали на мой берег шесть лет сряду; ну, куды ее девать? я начал с нее варить клей, да сорок тысяч и взял. Ведь у меня всё так.

«Экой черт! — думал Чичиков, глядя на него в оба глаза, — загребистая какая лапа!»

— Да я и строений для этого не строю; у меня нет зданий с колоннами да фронтонами. Мастеров я не выписываю из-за границы. А уж крестьян от хлебопашенства ни за что не оторву. На фабриках у меня работают только в голодный год, всё пришлые, из-за куска хлеба. Этаких фабрик наберется много.

Рассмотри только попристальнее свое хозяйство, то увидишь — всякая тряпка пойдет в дело, всякая дрянь даст доход, так что после отталкиваешь только да говоришь: не нужно.

— Это изумительно! Изумительнее же всего то, что всякая дрянь даст доход! — сказал Чичиков.

— Гм! да не только это!.. — Речи Скудронжогло не кончил: желчь в нем пробудилась, и ему хотелось побранить соседей помещиков. — Вон опять один умник — что вы думаете у себя завел? Богоугодные заведения, каменное строение в деревне! Христолюбивое дело!.. Уж хочешь помогать, так ты помогай всякому исполнить этот долг, а не отрывай его от христианского долга. Помоги сыну пригреть у себя больного отца, а не давай ему возможности сбросить его с плеч своих. Дай лучше ему средства приютить у себя в дому ближнего и брата, дай ему на это денег, помоги всеми силами, а не отлучай его: он совсем отстанет от всяких христианских обязанностей. Дон-Кишоты просто по всем частям!.. Двести рублей выходит на человека в год в богоугодном заведении!.. Да я на эти деньги буду у себя в деревне десять человек содержать! — Скудронжогло рассердился и плюнул.

Чичиков не интересовался богоугодным заведеньем: он хотел повести речь о том, как всякая дрянь дает доход. Но Скудронжогло уже рассердился, желчь в нем закипела, и слова полились.

— А вот другой Дон-Кишот просвещенья: завел школы! Ну, что, например, полезнее человеку, как знанье грамоты? А ведь как распорядился? Ведь ко мне приходят мужики из его деревни. «Что это, говорят, батюшка, такое? сыновья наши совсем от рук отбились, помогать в работах не хотят, все в писаря хотят, а ведь писарь нужен один». Ведь вот что вышло!

Чичикову тоже не было надобности до школ, но Платонов подхватил этот предмет:

— Да ведь этим нечего останавливаться, что теперь не надобны писаря: после будет надобность. Работать нужно для потомства.

— Да будь, братец, хоть ты умен! Ну, что вам далось это потомство? Все думают, что они какие-то Петры Великие. Да ты смотри себе под ноги, а не гляди в потомство; хлопочи о том, чтобы мужика сделать достаточным да богатым, да чтобы было у него время учиться по охоте своей, а не то что с палкой в руке говорить: «Учись!» Черт знает, с которого конца начинают!.. Ну, послушайте:

ну, вот я вам на суд... — Тут Скудронжогло подвинулся ближе к Чичикову и, чтобы заставить его получше вникнуть в дело, взял его на абордаж, другими словами — засунул палец в петлю его фрака. — Ну, что может быть яснее? У тебя крестьяне затем, чтобы ты им покровительствовал в их крестьянском быту. В чем же быт? в чем же занятия крестьянина? В хлебопашенстве? Так старайся, чтобы он был хорошим хлебопашцем. Ясно? Нет, нашлись умники, говорят: «Из этого состоянья его нужно вывести. Он ведет слишком грубую, простую жизнь: нужно познакомить его с предметами роскоши». Что сами благодаря этой роскоши стали тряпки, а не люди, и болезней черт знает каких понабрались, и уж нет осьмнадцатилетнего мальчишки, который бы не испробовал всего: и зубов у него нет, и плешив, — так хотят теперь и этих заразить. Да слава Богу, что у нас осталось хотя одно еще здоровое сословие, которое не познакомилось с этими прихотями! За это мы просто должны благодарить Бога. Да, хлебопашцы для меня всех почтеннее. Дай Бог, чтобы все были хлебопашцы!

— Так вы полагаете, что хлебопашеством всего выгоднее заниматься? — спросил Чичиков.

— Законнее, а не то, что выгоднее. Возделывай землю в поте лица своего. Это нам всем сказано; это недаром сказано. Опытом веков уже это доказано, что в земледельческом звании человек чище нравами. Где хлебопашество легло в основанье быта общественного, там изобилье и довольство; бедности нет, роскоши нет, а есть довольство. Возделывай землю — сказано человеку, трудись... что тут хитрить! Я говорю мужику: «Кому бы ты ни трудился, мне ли, себе ли, соседу ли, только трудись. В деятельности я твой первый помощник. Нет у тебя скотины, вот тебе лошадь, вот тебе корова, вот тебе телега... Всем, что нужно, готов тебя снабдить, но трудись. Для меня смерть, если хозяйство у тебя не в устройстве и вижу у тебя беспорядок и бедность. Не потерплю праздности. Я затем над тобой, чтобы ты трудился». Гм! думают увеличить доходы заведеньями да фабриками! Да ты подумай прежде о том, чтобы всякий мужик был у тебя богат, так тогда ты и сам будешь богат без фабрик, и без заводов, и без глупых <затей>.

— Чем больше слушаешь вас, почтеннейший Константин Федорович, — сказал Чичиков, — тем большее получаешь желание слушать. Скажите, досточтимый мною: если бы, например,

я возымел намерение сделаться помещиком, положим, здешней губернии, на что преимущественно обратить внимание? как быть, как поступить, чтобы в непродолжительное <время> разбогатеть, чтобы тем, так сказать, исполнить существенную обязанность гражданина?

— Как поступить, чтобы разбогатеть? А вот как... — сказал Скудронжогло.

— Пойдем ужинать! — сказала хозяйка, поднявшись с дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая в шаль молодые продрогнувшие свои члены.

Чичиков схватился со стула с ловкостью почти военного человека, подлетел к хозяйке с мягким выраженьем в улыбке деликатного штатского человека, коромыслом подставил ей руку и повел ее парадно через две комнаты в столовую, сохраняя во всем приятное наклоненье головы несколько набок. Служитель снял крышку с суповой чашки; все со стульями придвинулись ближе к столу, и началось хлебанье супа.

Отделавши суп и запивши рюмкой наливки (наливка была отличная), Чичиков сказал так Скудронжоглу:

— Позвольте, почтеннейший, вновь обратить вас к предмету прекращенного разговора. Я спрашивал вас о том, как быть, как поступить, как лучше приняться...[1]

— Именье, за которое если бы он запросил и сорок тысяч, я бы ему тут же отсчитал.

— Гм! — Чичиков задумался. — А отчего же вы сами, — проговорил он с некоторою робостью, — не покупаете его?

— Да нужно знать наконец пределы. У меня и без того много хлопот около своих имений. Притом у нас дворяне и без того уже кричат на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными их положеньями, скупаю земли за бесценок. Это мне уж наконец надоело.

[1] *Далее в рукописи отсутствуют две страницы. В первом издании второго тома «Мертвых душ» (1855) примечание: «Здесь в разговоре Костанжогло (в этой редакции Скудронжогло. — Ред.) с Чичиковым пропуск. Должно полагать, что Костанжогло предложил Чичикову приобрести покупкою именье соседа его, помещика Хлобуева».*

— Дворянство способно к злословью! — сказал Чичиков.

— А уж у нас, в нашей губернии... Вы не можете себе представить, что они говорят обо мне. Они меня иначе и не называют, как сквалыгой и скупердяем первой степени. Себя они во всем извиняют. «Я, говорит, конечно, промотался, но потому, что жил высшими потребностями жизни. Мне нужны книги, я должен жить роскошно, чтобы промышленность поощрять; а этак, пожалуй, можно прожить и не разорившись, если бы жить такой свиньею, как Скудронжогло». Ведь вот как!

— Желал бы я быть этакой свиньей! — сказал Чичиков.

— И ведь это всё оттого, что не задаю обедов да не занимаю им денег. Обедов я потому не даю, что меня бы тяготило, я к этому не привык. А приезжай ко мне есть то, что я ем, — милости просим! Не даю денег взаймы — это вздор. Приезжай ко мне в самом деле нуждающийся, да расскажи мне обстоятельно, как ты распорядишься с моими деньгами. Если я увижу из твоих слов, что ты употребишь их умно и деньги принесут тебе явную прибыль, — я тебе не откажу и не возьму даже процентов. Но бросать денег на ветер я не стану. Уж пусть меня в этом извинят! Он затевает какой-нибудь обед своей любовнице или на сумасшедшую ногу убирает мебелями дом, а ему давай деньги взаймы!..

Здесь Скудронжогло плюнул и чуть-чуть не выговорил несколько неприличных и бранных слов в присутствии супруги. Суровая тень темной ипохондрии омрачила его живое лицо. Вздоль лба и впоперек его собрались морщины, обличители гневного движенья взволнованной желчи.

Чичиков выпил рюмку малиновки и сказал так:

— Позвольте мне, досточтимый мною, обратить вас вновь к предмету прекращенного разговора. Если бы, положим, я прио́брел то самое имение, о котором вы изволили упомянуть, то во сколько времени и как скоро можно разбогатеть в такой степени...

— Если вы хотите, — подхватил сурово и отрывисто Скудронжогло, еще полный нерасположенья духа, — разбогатеть скоро, так вы никогда не разбогатеете; если же хотите разбогатеть, не спрашивая о времени, то разбогатеете скоро.

— Вот оно как! — сказал Чичиков.

— Да, — сказал Скудронжогло отрывисто, точно как бы он сердился на самого Чичикова. — Надобно иметь любовь к труду; без этого ничего нельзя сделать. Надобно полюбить хозяйство, да! И, поверьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что в деревне тоска... да я бы умер от тоски, если бы хотя один день провел в городе так, как проводят они! Хозяину нет времени скучать. В жизни его нет пустоты — все полнота. Нужно только рассмотреть весь этот многообразный круг годовых занятий — и каких занятий! занятий, истинно возвышающих дух, не говоря уже о разнообразии. Тут человек идет рядом с природой, с временами года, соучастник и собеседник всему, что совершается в творенье. Еще не появилась весна, а уж зачинаются работы: подвозы и дров, и всего на время распутицы; подготовка семян; переборка, перемерка по амбарам хлеба и пересушка; установленье новых тягол. Прошли снега и реки, — работы так вдруг и закипят: там погрузки на суда, здесь расчистка дерев по лесам, пересадка дерев по садам, и пошли взрывать повсюду землю, в огородах работает заступ, в полях — соха и борона. И начинаются посевы. Безделица! Грядущий урожай сеют! Наступило лето — покосы, первейший праздник хлебопашца. Безделица! Пойдут жатва за жатвой: за рожью пшеница, за ячменем овес, а тут и дерганье конопли. Мечут стога, кладут клади. А тут и август перевалил за половину — пошла свозка всего на гумны. Наступила осень — запашки и посевы озимых хлебов, чинка амбаров, риг, скотных дворов, хлебный опыт и первый умолот. Наступит зима — и тут не дремлют работы: первые подвозы в город, молотьба по всем гумнам, перевозка перемолотого хлеба из риг в амбары, по лесам рубка и пиленье дров, подвоз кирпичу и материалу для весенних построек. Да просто я и обнять всего не в состоянье. Какое разнообразие работ! Сюда и туда взглянуть идешь; и на мельницу, и на рабочий двор, и на фабрики, и на гумна! Идешь и к мужику взглянуть, как он на себя работает. Безделица! Да для меня праздник, если плотник хорошо владеет топором; я два часа готов пред ним простоять: так веселит меня работа. А если видишь еще, с какой целью все это творится, как вокруг тебя все множится да множится, принося плод да доход. Да я и рассказать вам не могу, какое удовольствие. И не потому, что растут деньги, — деньги деньгами, — но потому, что все это — дело рук твоих; потому, что видишь, как ты всему причина и творец всего,

и от тебя, как от какого-нибудь мага, сыплется изобилье и добро на все. Да где вы найдете мне равное наслажденье? — сказал Скудронжогло, и лицо его поднялось кверху, все морщины исчезнули. Как царь в день торжественного венчанья своего, сиял он. — Да в целом мире не отыщете вы подобного наслажденья! Здесь, именно здесь подражает Богу человек: Бог предоставил Себе дело творенья, как высшее наслажденье, и требует от человека также, чтобы он был творцом благоденствия и стройного теченья дел. И это называют скучным делом!

Как пенья райской птички, заслушался Чичиков сладкозвучных хозяйских речей. Глотали слюнку его уста. Глаза умаслились и выражали сладость, и все бы он слушал.

— Константин! пора вставать, — сказала хозяйка, приподнявшись со стула. Платонов приподнялся, Скудронжогло приподнялся, Чичиков приподнялся, хотя хотелось ему все сидеть да слушать. Подставив руку коромыслом, повел он обратно хозяйку. Но голова его не была склонена приветливо набок, недоставало ловкости в его оборотах, потому что мысли были заняты существенными оборотами и соображениями.

— Что ни рассказывай, а все, однако же, скучно, — говорил, идя позади их, Платонов.

«Гость, кажется, очень неглупый человек, — думал хозяин, — степенен в словах и не щелкопер». И, подумавши так, стал он еще веселее, точно как бы сам разогрелся от своего разговора и как бы празднуя, что нашел человека, готового слушать умные советы.

Когда потом поместились они все в маленькой, уютной комнатке, озаренной свечками, насупротив балконной стеклянной двери наместо окна, Чичикову сделалось так приютно, как не бывало давно. Точно как бы после долгих странствований приняла уже его родная крыша и, по совершенье всего, он уже получил все желаемое и бросил скитальческий посох, сказавши: «Довольно!» Такое обаятельное расположенье навел ему на душу разумный разговор хозяина. Есть для всякого человека такие речи, которые как бы ближе и родственней ему других речей. И часто неожиданно, в глухом, забытом захолустье, на безлюдье безлюдном, встретишь человека, которого греющая беседа заставит позабыть тебя и бездорожье дороги, и бесприютность ночлегов, и современный свет, полный глупостей людских,

обманов, обманывающих человека. И живо потом навсегда и навеки останется проведенный таким образом вечер, и все, что тогда случилось и было, удержит верная память: и кто соприсутствовал, и кто на каком месте стоял, и что было в руках его, — стены, углы и всякую безделушку.

Так и Чичикову заметилось все в тот вечер: и эта малая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженье, воцарившееся в лице хозяина, и поданная Платонову трубка с янтарным мундштуком, и дым, который он стал пускать в толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смех миловидной хозяйки, прерываемый словами: «Полно, не мучь его», — и веселые свечки, и сверчок в углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, которая оттоле на них глядела, облокотясь на вершины дерев, из чащи которых высвистывали весенние соловьи.

— Сладки мне ваши речи, досточтимый мною Константин Федорович, — произнес Чичиков. — Могу сказать, что не встречал во всей России человека, подобного вам по уму.

Он улыбнулся.

— Нет, Павел Иванович, — сказал он, — уж если хотите знать умного человека, так у нас, действительно, есть один, о котором, точно, можно сказать: «умный человек», которого я и подметки не стою.

— Кто это? — с изумленьем спросил Чичиков.

— Это наш откупщик Муразов.

— В другой уже раз про него слышу! — вскрикнул Чичиков.

— Это человек, который не то что именьем помещика, — целым государством управит. Будь у меня государство, я бы его сей же час сделал министром финансов.

— Слышал. Говорят, человек, превосходящий меру всякого вероятия, десять миллионов, говорят, нажил.

— Какое десять! перевалило за сорок. Скоро половина России будет в его руках.

— Что вы говорите! — вскрикнул Чичиков, оторопев.

— Всенепременно. У него теперь приращенье должно идти с быстротой невероятной. Это ясно. Медленно богатеет только тот, у кого какие-нибудь сотни тысяч; а у кого миллионы, у того радиус велик: что ни захватит, так вдвое и втрое противу самого

себя. Поле-то, поприще слишком просторно. Тут уж и соперников нет. С ним некому тягаться. Какую цену чему ни назначит, такая и останется: некому перебить.

Вытаращив глаза и разинувши рот, как вкопанный смотрел Чичиков в глаза Скудронжогло. Захватило дух в груди ему.

— Уму непостижимо! — сказал он, приходя немного в себя. — Каменеет мысль от страха. Изумляются мудрости Промысла в рассматриванье букашки; для меня более изумительно то, что в руках смертного могут обращаться такие громадные суммы! Позвольте предложить вам вопрос насчет одного обстоятельства; скажите, ведь это, разумеется, вначале приобретено не без греха?

— Самым безукоризненным путем и самыми справедливыми средствами.

— Не поверю, почтеннейший, извините, не поверю. Если б это были тысячи, еще бы так, но миллионы... извините, не поверю.

— Напротив, тысячи — трудно без греха, а миллионы наживаются легко. Миллионщику нечего прибегать к кривым путям. Прямой таки дорогой так и ступай, все бери, что ни лежит перед тобой! Другой не подымет.

— Уму непостижимо! И что всего непостижимей, это то, что дело ведь началось из копейки!

— Да иначе и не бывает. Это законный порядок вещей, — сказал Скудронжогло. — Кто родился с тысячами, воспитался на тысячах, тот уже не приобретет: у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нет! Начинать нужно с начала, а не с середины. Снизу, снизу нужно начинать. Тут только узнаешь хорошо люд и быт, среди которых придется потом изворачиваться. Как вытерпишь на собственной коже то да другое, да как узнаешь, что всякая копейка алтынным гвоздем прибита, да как перейдешь все мытарства, тогда тебя умудрит и вышколит <так>, что уж не дашь промаха ни в каком предприятье и не оборвешься. Поверьте, это правда. С начала нужно начинать, а не с середины. Кто говорит мне: «Дайте мне сто тысяч, я сейчас разбогатею», — я тому не поверю: он бьет наудачу, а не наверняка. С копейки нужно начинать!

— В таком случае я разбогатею, — сказал Чичиков, — потому что начинаю почти, так сказать, с ничего.

Он разумел мертвые души.

— Константин, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать, — сказала хозяйка, — а ты все болтаешь.

— И непременно разбогатеете, — сказал Скудронжогло, не слушая хозяйки. — К вам потекут реки, реки золота. Не будете знать, куда девать доходы.

Как очарованный сидел Павел Иванович, и в золотой области возрастающих грез и мечтаний закружилися его мысли.

— Право, Константин, Павлу Ивановичу пора спать.

— Да что ж тебе? Ну, и ступай, если захотелось! — сказал хозяин и остановился: громко, по всей комнате раздалось храпенье Платонова, а вслед за ним Ярб захрапел еще громче. Уже давно слышался отдаленный стук в чугунные доски. Дело потянуло за полночь. Скудронжогло заметил, что в самом деле пора на покой. Все разбрелись, пожелав спокойного сна друг другу, и не замедлили им воспользоваться.

Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Он обдумывал, как сделаться помещиком, подобным Скудронжогло. После разговора с хозяином все становилось так ясно; возможность разбогатеть казалась так очевидной. Трудное дело хозяйства становилось теперь так легко и понятно и так казалось свойственно самой его натуре, что начал помышлять он сурьезно о приобретении не воображаемого, но действительного поместья; он определил тут же на деньги, которые будут выданы ему из ломбарда за фантастические души, приобресть поместье уже не фантастическое. Уже он видел себя действующим и правящим именно так, как поучал Скудронжогло, — расторопно, осмотрительно, ничего не заводя нового, не узнавши насквозь всего старого, все высмотревши собственными глазами, всех мужиков узнавши, все излишества от себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству. Уже заранее предвкушал он то удовольствие, которое будет он чувствовать, когда заведется стройный порядок и бойким ходом двигнутся все пружины хозяйства, деятельно толкая друг друга. Труд закипит, и, подобно тому <как> в ходкой мельнице шибко вымалывается из зерна мука, пойдет вымалываться изо всякого дрязгу и хламу чистоган да чистоган. Чудный хозяин так и стоял пред ним ежеминутно. Это был первый человек во всей России, к которому почувствовал

он уважение личное. Доселе уважал он человека или за хороший чин, или за большие достатки! Собственно за ум он не уважал еще ни одного человека. Скудронжогло был первый. Чичиков понял и то, что с этаким нечего толковать о мертвых душах и самая речь об этом будет неуместна. Его занимал теперь другой прожект — купить именье Хлобуева. Десять тысяч у него было: другие десять тысяч предполагал он призанять у Скудронжогло, так как он сам объявил уже, что готов помочь всякому, желающему разбогатеть и заняться хозяйством. Остальные десять тысяч можно было обязаться потом, по заложении душ. Заложить все накупленные души еще нельзя было, потому, что не было еще земель, на которые следовало переселить их. Хотя <уверял> он, что в Херсонской губернии есть у него земли, но они существовали больше в предположенье. Предполагалось еще и скупить их в Херсонской губернии, потому что они там продавались за бесценок и даже отдавались даром, лишь бы только на них селились. Думал он также и о том, что надобно торопиться закупать, у кого какие еще находятся беглецы и мертвецы, ибо помещики друг перед другом спешат закладывать имения и скоро во всей России может не остаться и угла, не заложенного в казну. Все эти мысли попеременно наполняли его голову и мешали сну. Наконец сон, который уже целые четыре часа держал весь дом, как говорится, в объятиях, принял наконец и Чичикова в свои объятия. Он заснул крепко.

Глава четвертая

На другой день все обделалось как нельзя лучше. Скудронжогло дал с радостью десять тысяч без процентов, без поручительства — просто под одну расписку. Так был он готов помогать всякому на пути к приобретенью. Этого мало: он сам взялся сопровождать Чичикова к Хлобуеву, с тем чтобы осмотреть вместе с ним имение. После сытного завтрака все они отправились, севши все трое в коляску Павла Ивановича; пролетки хозяина следовали порожняком за ними. Ярб бежал впереди, сгоняя с дороги птиц. В полтора часа с небольшим сделали они восемнадцать верст и увидели деревушку с двумя домами. Один большой и новый, недостроенный и остававшийся вчерне несколько лет,

другой маленький и старенький. Хозяина нашли они растрепанного, заспанного, недавно проснувшегося; на сертуке у него была заплата, а на сапоге дырка.

Приезду гостей он обрадовался, как Бог весть чему. Точно как бы увидел он братьев, с которыми надолго расстался.

— Константин Федорович! Платон Михайлович! — вскрикнул он. — Отцы родные! вот одолжили приездом! Дайте протереть глаза! А уж, право, думал, что ко мне никто не заедет. Всяк бегает меня, как чумы: думает — попрошу взаймы. Ох, трудно, трудно, Константин Федорович! Вижу — сам всему виной! Что делать? свинья свиньей зажил. Извините, господа, что принимаю вас в таком наряде: сапоги, как видите, с дырами. Да чем вас потчевать, скажите?

— Пожалуйста, без околичностей. Мы к вам приехали за делом, — сказал Скудронжогло. — Вот вам покупщик, Павел Иванович Чичиков.

— Душевно рад познакомиться. Дайте прижать мне вашу руку.

Чичиков дал ему обе.

— Хотел бы очень, почтеннейший Павел Иванович, показать вам имение, стоящее внимания... Да что, господа, позвольте спросить, вы обедали?

— Обедали, обедали, — сказал Скудронжогло, желая отделаться. — Не будем и мешкать и пойдем теперь же.

— В таком случае пойдем.

Хлобуев взял в руки картуз. Гости надели на головы картузы, и все отправились пешком осматривать деревню.

— Пойдем осматривать беспорядки и беспутство мое, — говорил Хлобуев. — Конечно, вы сделали хорошо, что пообедали. Поверите ли, Константин Федорович, курицы нет в доме, — до того дожил. Свиньей себя веду, просто свиньей!

Он, глубоко вздохнув и как бы чувствуя, что мало будет участия со стороны Константина Федоровича и жестковато его сердце, подхватил под руку Платонова и пошел с ним вперед, прижимая крепко его к груди своей. Скудронжогло и Чичиков остались позади и, взявшись под руки, следовали за ними в отдалении.

— Трудно, Платон Михалыч, трудно! — говорил Хлобуев Платонову. — Не можете вообразить, как трудно! Безденежье,

бесхлебье, бессапожье! Трын-трава бы это было все, если бы был молод и один. Но когда все эти невзгоды станут тебя ломать под старость, а под боком жена, пятеро детей, — сгрустнется, поневоле сгрустнется...

Платонову стало жалко.

— Ну, а если вы продадите деревню, это вас поправит? — спросил он.

— Какое поправит! — сказал Хлобуев, махнувши рукой. — Все пойдет на уплату необходимейших долгов, а затем для себя не останется и тысячи.

— Так что ж вы будете делать?

— А Бог знает, — говорил Хлобуев, пожимая плечами.

Платонов удивился.

— Как же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться из таких обстоятельств?

— Что ж предпринять?

— Будто нет уже средств?

— Никаких.

— Ну, ищите должности, возьмите какое-нибудь место.

— Ведь я губернский секретарь. Какое ж мне могут дать выгодное место? Жалованье дадут ничтожное, а ведь у меня жена, пятеро детей.

— Ну, частную какую-нибудь должность. Пойдите в управляющие.

— Да кто ж мне поверит имение! я промотал свое.

— Ну, да если голод и смерть грозят, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не может ли брат мой через кого-либо в городе выхлопотать какую-нибудь должность.

— Нет, Платон Михайлович, — сказал Хлобуев, вздохнувши и сжавши крепко его руку, — не гожусь я теперь никуды. Одряхлел прежде старости своей, и поясница болит от прежних грехов, и ревматизм в плече. Куды мне! Что разорять казну! И без того теперь завелось много служащих ради доходных мест. Храни Бог, чтобы из-за меня, из-за доставки мне жалованья прибавлены были подати на бедное сословие: и без того ему трудно при этом множестве сосущих. Нет, Платон Михайлович, Бог с ним.

«Вот положение! — думал Платонов. — Это хуже моей спячки».

Тем временем Скудронжогло и Чичиков, идя позади их на порядочном расстоянии, так между собой говорили:

— Вон запустил как все! — говорил Скудронжогло, указывая пальцем. — Довел мужика до какой бедности! Когда случился падеж, так уж тут нечего глядеть на свое добро. Тут все свое продай, да снабди мужика скотиной, чтобы он не оставался и одного дни без средств производить работу. А ведь теперь и годами не поправишь: и мужик уже изленился, и загулял, и стал пьяница.

— Так, стало быть, теперь не совсем выгодно и покупать эдакое имение? — спросил Чичиков.

Тут Скудронжогло взглянул на него так, как бы хотел ему сказать: «Ты что за невежа! С азбуки, что ли, нужно с тобой начинать?»

— Невыгодно! да через три года я буду получать двадцать тысяч годового дохода с этого именья. Вот оно как невыгодно! В пятнадцати верстах. Безделица! А земля-то какова? разглядите землю! Всё поемные места. Да я засею льну, да тысяч на пять одного льну отпущу; репой засею — на репе выручу тысячи четыре. А вон смотрите — по косогору рожь поднялась; ведь это все падаль. Он хлеба не сеял — я это знаю. Да этому именью полтораста тысяч, а не сорок.

Чичиков стал опасаться, чтобы Хлобуев не услышал, и потому отстал еще подальше.

— Вон сколько земли оставил впусте! — говорил, начиная сердиться, Скудронжогло. — Хоть бы повестил вперед, так набрели бы охотники. Ну, уж если нечем пахать, так копай под огород. Огородом бы взял. Мужика заставил пробыть четыре года без труда. Безделица! Да ведь этим одним ты уже его развратил и навеки погубил. Уж он успел привыкнуть к лохмотью и бродяжничеству! Это стало уже жизнью его. — И, сказавши это, плюнул Скудронжогло, и желчное расположение осенило сумрачным облаком его чело...

— Я не могу здесь больше оставаться: мне смерть глядеть на этот беспорядок и запустенье! Вы теперь можете с ним покончить и без меня. Отберите у этого дурака поскорее сокровище. Он только бесчестит Божий дар!

И, сказавши это, Скудронжогло простился с Чичиковым и, нагнавши хозяина, стал также прощаться.

— Помилуйте, Константин Федорович, — говорил удивленный хозяин, — только что приехали — и назад!

— Не могу. Мне крайняя надобность быть дома, — сказал Скудронжогло, простился, сел и уехал на своих пролетках.

Казалось, как будто Хлобуев понял причину его отъезда.

— Не выдержал Константин Федорович, — сказал он. — Чувствую, что не весело такому хозяину, каков он, глядеть на эдакое беспутное управленье. Верите ли, что не могу, не могу, Павел Иванович... что почти вовсе не сеял хлеба в этом году! Как честный человек. Семян не было, не говоря уже о том, что нечем пахать. Ваш братец, Платон Михайлыч, говорят, необыкновенный хозяин; о Константине Федоровиче что уж говорить — это Наполеон своего рода. Часто, право, думаю: «Ну, зачем столько ума дается в одну голову? ну, что бы хоть каплю его в мою глупую, хоть бы на то, чтобы сумел дом свой держать! Ничего не умею, ничего не могу». Ах, Павел Иванович, [возьмите] в свое распоряжение! Жаль больше всего мне мужичков бедных. Чувствую, что не умел быть...[1] что прикажете делать, не могу быть взыскательным и строгим. Да и как мог приучить их к порядку, когда сам беспорядочен! Я бы их отпустил сейчас же на волю, да как-то устроен русский человек, как-то не может без понукателя... Так и задремлет, так и заплеснет.

— Ведь это, точно, странно, — сказал Платонов, — отчего это у вас так, что, если не смотришь во все глаза за простым человеком, сделается и пьяницей и негодяем?

— От недостатка просвещения, — заметил Чичиков.

— Ну, Бог весть отчего. Вот мы и просветились, а ведь как живем? Я и в университете был, и слушал лекции по всем частям, и искусству и порядку жить не только не выучился, а еще как бы больше выучился искусству побольше издерживать деньги на всякие новые утонченности да комфорты, больше познакомился с такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я бестолково учился? Только нет: ведь так и другие товарищи. Может быть, два-три человека извлекли себе настоящую пользу, да и то оттого, может, что и без того были умны, а прочие ведь только и стараются узнать то, что портит

[1] *Одно слово в рукописи не прочитано.*

здоровье, да и выманивает деньги. Ей-Богу! Ведь учиться приходили только затем, чтобы аплодировать профессорам, раздавать им награды, а не самим от них получать. Так из просвещенья-то мы все-таки выберем то, что погаже; наружность его схватим, а его самого <не> возьмем. Нет, Павел Иванович, не умеем мы жить отчего-то другого, а отчего, ей-Богу, я не знаю.

— Причины должны быть, — сказал Чичиков.

Вздохнул глубоко бедный Хлобуев и сказал так:

— Иной раз, право, мне кажется, что будто русский человек — какой-то пропащий человек. Нет силы воли, нет отваги на постоянство. Хочешь все сделать — и ничего не можешь. Все думаешь — с завтрашнего дни начнешь новую жизнь, с завтрашнего дни примешься за все как следует, с завтрашнего дни сядешь на диету, — ничуть не бывало: к вечеру того же дни так объешься, что только хлопаешь глазами и язык не ворочается, как сова, сидишь, глядя на всех, — право и эдак все.

— Нужно в запасе держать благоразумие, — сказал Чичиков, — ежеминутно совещаться с благоразумием, вести с ним дружескую беседу.

— Да что! — сказал Хлобуев. — Право, мне кажется, мы совсем не для благоразумия рождены. Я не верю, чтобы из нас был кто-нибудь благоразумным. Если я вижу, что иной даже и порядочно живет, собирает и копит деньгу, — не верю я и тому! На старости и его черт попутает — спустит потом всё вдруг! И все у нас так: и благородные, и мужики, и просвещенные, и непросвещенные. Вон какой был умный мужик: из ничего нажил сто тысяч, а как нажил сто тысяч, пришла в голову дурь сделать ванну из шампанского, и выкупался в шампанском. Но вот мы, кажется, и все обсмотрели. Больше ничего нет. Хотите разве взглянуть на мельницу! Впрочем, в ней нет колеса, да и строенье никуда не годится.

— Что ж и рассматривать ее! — сказал Чичиков.

— В таком случае пойдем домой. — И они все направили шаги к дому.

На возвратном пути были виды те же. Неопрятный беспорядок так и выказывал отовсюду безобразную свою наружность. Все было опущено и запущено. Прибавилась только новая лужа посреди улицы. Сердитая баба, в замасленной дерюге, прибила

до полусмерти бедную девчонку и ругала на все бока всех чертей. Поодаль два мужика глядели с равнодушием стоическим на гнев пьяной бабы. Один чесал у себя пониже спины, другой зевал. Зевота видна была на строениях. Крыши также зевали. Платонов, глядя на них, зевнул. «Мое-то будущее достоянье — мужики, — подумал Чичиков, — дыра на дыре и заплата на заплате!» И точно, на одной избе, вместо крыши, лежали целиком ворота; провалившиеся окна подперты были жердями, стащенными с господского амбара. Словом, в хозяйство введена была, кажется, система Тришкина кафтана: отрезывались обшлага и фалды на заплату локтей.

Они вошли в комнаты, Чичикова несколько поразило смешение нищеты с некоторыми блестящими безделушками позднейшей роскоши. Посреди изорванной утвари и мебели — новенькие бронзы. Какой-то Шекспир сидел на чернильнице; на столе лежала щегольская ручка слоновой кости для почесыванья себе самому спины. Хлобуев отрекомендовал им хозяйку жену. Она была хоть куда. В Москве не ударила бы лицом в <грязь>. Платье на ней было со вкусом, по моде. Говорить любила больше о городе да о театре, который там завелся. По всему было видно, что деревню она любила еще меньше, чем муж, и что зевала она больше Платонова, когда оставалась одна. Скоро комната наполнилась детьми, девочками и мальчиками. Их было пятеро. Шестое принеслось на руках. Все были прекрасны. Мальчики и девочки — загляденье. Они были одеты мило и со вкусом, были резвы и веселы. И от этого было еще грустнее глядеть на них. Лучше бы одеты они были дурно, в простых пестрядевых юбках и рубашках, бегали себе по двору и ничем не отличались от простых крестьянских детей! К хозяйке приехала гостья. Дамы ушли на свою половину. Дети убежали вслед за ними. Мужчины остались одни.

Чичиков приступил к покупке. По обычаю всех покупщиков, сначала он охаял покупаемое имение. И, охаявши его со всех сторон, сказал:

— Какая же будет ваша цена?

— Видите ли что? — сказал Хлобуев. — Запрашивать с вас дорого не буду, да и не люблю: это было бы с моей стороны и бессовестно. Я от вас не скрою также и того, что в деревне моей из

ста душ, числящихся по ревизии, и пятидесяти нет налицо: прочие или померли от эпидемической болезни, или отлучились беспаспортно, так что вы почитайте их как бы умершими. Поэтому-то я и прошу с вас всего только тридцать тысяч.

— Ну вот — тридцать тысяч! Именье запущено, люди мертвы, и тридцать тысяч! Возьмите двадцать пять тысяч.

— Павел Иванович! Я могу его заложить в ломбард в двадцать пять тысяч, понимаете ли это! Тогда я получаю двадцать пять тысяч и имение при мне. Продаю я единственно затем, что мне нужны скоро деньги, а при закладке была бы проволочка, надобно бы платить приказным, а платить нечем.

— Ну, да все-таки возьмите двадцать пять тысяч.

Платонову сделалось совестно за Чичикова.

— Покупайте, Павел Иванович, — сказал он. — За именье можно всегда дать эту <цену>. Если вы не дадите за него тридцать тысяч, мы с братом складываемся и покупаем.

Чичиков испугался...

— Хорошо! — сказал он. — Даю тридцать тысяч. Вот две тысячи задатку дам вам теперь, восемь тысяч через неделю, а остальные двадцать тысяч через месяц.

— Нет, Павел Иванович, только на том условии, чтобы деньги как можно скорее. Теперь вы мне дайте пятнадцать тысяч по крайней мере, а остальные никак не дальше, как через две недели.

— Да нет пятнадцати тысяч! Десять у меня всего теперь. Дайте соберу.

То есть Чичиков лгал: у него было двадцать тысяч.

— Нет, пожалуйста, Павел Иванович! я говорю, что необходимо мне нужны пятнадцать тысяч.

— Да, право, недостает пяти тысяч. Не знаю сам, откуда взять.

— Я вам займу, — подхватил Платонов.

— Разве эдак! — сказал Чичиков и подумал про себя: «А это, однако же, кстати, что он дает взаймы: в таком случае завтра можно будет привезти». Из коляски была принесена шкатулка и тут же было из нее вынуто десять тысяч Хлобуеву; остальные же пять тысяч обещано было привезти ему завтра: то есть обещано; предполагалось же привезти три; другие потом, денька через два или

три, а если можно, то и еще несколько просрочить. Павел Иванович как-то особенно не любил выпускать из рук денег. Если ж настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То есть он поступал как все мы! Ведь нам приятно же поводить просителя. Пусть его натрет себе спину в передней! Будто уж и нельзя подождать ему! Какое нам дело до того, что, может быть, всякий час ему дорог и терпят оттого дела его! «Приходи, братец, завтра, а сегодня мне как-то некогда».

— Где ж вы после этого будете жить? — спросил Платонов Хлобуева. — Есть у вас другая деревушка?

— Деревушки нет, а я перееду в город. Все же равно это было нужно сделать не для себя, а для детей. Им нужны будут учителя Закону Божию, музыке, танцеванью. Ведь в деревне нельзя достать.

«Куска хлеба нет, а детей хочет учить танцеванью!» — подумал Чичиков.

«Странно!» — подумал Платонов.

— Что ж, нужно нам чем-нибудь вспрыснуть сделку, — сказал Хлобуев. — Эй, Кирюшка, принеси, брат, бутылку шампанского.

«Куска хлеба нет, а шампанское есть!» — подумал Чичиков.

Платонов не знал, что и думать.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуев развязался, стал умен и мил. Остроты и анекдоты сыпались у него беспрерывно. В речах его оказалось столько познанья людей и света! Так хорошо и верно видел он многие вещи, так метко и ловко очерчивал в немногих словах соседей помещиков, так видел ясно недостатки и ошибки всех, так хорошо знал историю разорившихся бар — и почему, и как, и отчего они разорились, так оригинально и метко умел передавать малейшие их привычки, что они оба были совершенно обворожены его речами и готовы были признать его за умнейшего человека.

— Послушайте, — сказал Платонов, схвативши его за руку, — как вам, при таком уме, опытности и познаниях житейских не найти средств выпутаться из вашего затруднительного положения?

— Средства-то есть, — сказал Хлобуев и вслед за тем выгрузил им целую кучу прожектов. Все они были до того нелепы, так странны, так мало истекали из познанья людей и света, что оставалось только пожимать плечами да говорить: «Господи Боже! какое необъятное расстояние между *знаньем света* и уменьем пользоваться этим знаньем!» Почти все прожекты основывались на потребности вдруг достать откуда-нибудь сто или двести тысяч. Тогда, казалось ему, все бы устроилось как следует, и хозяйство бы пошло, и прорехи все бы заплатались, и доходы можно учетверить, и себя привести в возможность выплатить все долги. И оканчивал он речь свою: — Но что прикажете делать? Нет, да и нет такого благодетеля, который бы решился дать двести или хоть сто тысяч взаймы! Видно, уж Бог не хочет.

«Еще бы, — подумал Чичиков, — эдакому дураку послал Бог двести тысяч!»

— Есть у меня, пожалуй, трехмиллионная тетушка, — сказал Хлобуев, — старушка богомольная: на церкви и монастыри дает, но помогать ближнему тугенька. А старушка очень замечательная. Прежних времен тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней одних канареек сотни четыре. Моськи, и приживалки, и слуги, каких уж теперь нет. Меньшому из слуг будет лет шестьдесят, хоть она и зовет его: «Эй, малый!» Если гость как-нибудь себя не так поведет, так она за обедом прикажет обнести его блюдом. И обнесут, право.

Платонов усмехнулся.

— А как ее фамилия и где она проживает? — спросил Чичиков.

— Живет она у нас же в городе — Александра Ивановна Ханасарова.

— Отчего ж вы не обратитесь к ней? — сказал с участием Платонов. — Мне кажется, если бы она только поближе вошла в положенье вашего семейства, она бы не в силах была отказать вам, как бы ни была туга.

— Ну нет, в силах! У тетушки натура крепковата. Это старушка — кремень, Платон Михайлыч! Да к тому ж есть и без меня угодники, которые около нее увиваются. Там есть один, который метит в губернаторы, приплелся ей в родню... Бог с ним!

может быть, и успеет! Бог с ними со всеми! Я подъезжать и прежде не умел, а теперь и подавно: спина уж не гнется.

«Дурак! — подумал Чичиков. — Да я бы за этакой тетушкой ухаживал, как нянька за ребенком!»

— Что ж, ведь этак разговаривать сухо, — сказал Хлобуев. — Эй, Кирюшка! принеси-ка еще другую бутылку шампанского.

— Нет, нет, я больше не буду пить, — сказал Платонов.

— Я также, — сказал Чичиков. И оба отказались они решительно.

— Ну, так по крайней мере дайте мне слово побывать у меня в городе: восьмого июня я даю обед нашим городским сановникам.

— Помилуйте! — воскликнул Платонов. — В таком состоянии, разорившись совершенно, — и еще обед?

— Что же делать? нельзя. Это долг, — сказал Хлобуев. — Они меня также угощали.

«Что с ним делать?» — подумал Платонов. Он еще не знал того, что на Руси, на Москве и других городах, водятся такие мудрецы, которых жизнь — необъяснимая загадка. Все, кажется, прожил, кругом в долгах, ниоткуда никаких средств, и обед, который задается, кажется, последний; и думают обедающие, что завтра же хозяина потащут в тюрьму. Проходит после того десять лет — мудрец все еще держится на свете, еще больше прежнего кругом в долгах и так же задает обед, и все думают, что он последний, и все уверены, что завтра же потащут хозяина в тюрьму. Такой же мудрец был Хлобуев. Только на одной Руси можно было существовать таким образом. Не имея ничего, он угощал и хлебосольничал, и даже оказывал покровительство, поощрял всяких артистов, приезжавших в город, давал им у себя приют и квартиру. Если <бы> кто заглянул в дом его, находившийся в городе, он бы никак не узнал, кто в нем хозяин. Сегодня поп в ризе служил там молебен, завтра давали репетицию французские актеры. В иной день какой-нибудь, не известный никому почти в дому, поселялся в самой гостиной с бумагами и заводил там кабинет, и это не смущало, не беспокоило никого в доме, как бы было житейское дело. Иногда по целым дням не бывало крохи в доме, иногда же задавали в нем такой обед, который удовлетворил бы вкусу

утонченнейшего гастронома. Хозяин являлся праздничный, веселый, с осанкой богатого барина, с походкой человека, которого жизнь протекает в избытке и довольстве. Зато временами бывали такие тяжелые минуты, что другой давно бы на его месте повесился или застрелился. Но его спасало религиозное настроение, которое странным образом совмещалось в нем с беспутною его жизнью. В эти горькие, тяжелые минуты развертывал он книгу и читал жития страдальцев и тружеников, воспитывавших дух свой быть превыше страданий и несчастий. Душа его в это время вся размягчалась, умилялся дух и слезами исполнялись глаза его. И — странное дело! — почти всегда приходила к нему в то время откуда-нибудь неожиданная помощь. Или кто-нибудь из старых друзей его вспоминал о нем и присылал ему деньги; или какая-нибудь проезжая незнакомка, нечаянно услышав о нем историю, с стремительным великодушьем женского сердца присылала ему богатую подачу; или выигрывалось где-нибудь в пользу его дело, о котором он никогда и не слышал. Благоговейно, благодарно признавал он тогда необъятное милосердье Провиденья, служил благодарственный молебен и — вновь начинал беспутную жизнь свою.

— Жалок он мне, право, жалок! — сказал Чичикову Платонов, когда они, простившись с ним, выехали от него.

— Блудный сын! — сказал Чичиков. — О таких людях и жалеть нечего.

И скоро они оба перестали о нем думать: Платонов — потому, что лениво и полусонно смотрел на положенья людей, так же как и на все в мире. Сердце его сострадало и щемило при виде страданий других, но впечатленья как-то не впечатлевались глубоко в его душе. Он потому не думал о Хлобуеве, что и о себе самом не думал. Чичиков потому не думал о Хлобуеве, что все мысли были заняты приобретенною покупкою. Он исчислял, рассчитывал и соображал все выгоды купленного имения. И как ни рассматривал, на какую сторону ни оборачивал дело, видел, что во всяком случае покупка была выгодна. Можно было поступить и так, чтобы заложить именье в ломбард. Можно было поступить и так, чтобы заложить одних только мертвецов и беглых. Можно было поступить и так, чтобы прежде выпродать по частям все лучшие земли, а потом уже заложить в ломбард.

Можно было распорядиться и так, чтобы заняться самому хозяйством и сделаться помещиком, по образцу Попонжогла[1], пользуясь его советами, как соседа и благодетеля. Можно было поступить даже и так, чтобы перепродать в частные <руки> имение (разумеется, если не захочется самому хозяйничать), оставивши при себе беглых и мертвецов. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть из этих мест и не заплатить Скудронжогле денег, взятых у него взаймы. Словом, всячески, как ни оборачивал он это дело, видел, что во всяком случае покупка была выгодна. Он почувствовал удовольствие, — удовольствие оттого, что стал теперь помещиком, помещиком не фантастическим, но действительным, помещиком, у которого есть уже и земли, и угодья, и люди — люди не мечтательные, не в воображенье пребываемые, но существующие. И понемногу начал он и подпрыгивать, и потирать себе руки, и подпевать, и приговаривать, и вытрубил на кулаке, приставивши его себе ко рту, как бы на трубе, какой-то марш, и даже выговорил вслух несколько поощрительных слов и названий себе самому, вроде мордашки и каплунчика. Но потом, вспомнивши, что он не один, притихнул вдруг, постарался кое-как замять неумеренный порыв восторгновенья, и когда Платонов, принявши кое-какие из этих звуков за обращенную к нему речь, спросил у него: «Чего?» — он отвечал: «Ничего».

Тут только, оглянувшись вокруг себя, он заметил, что они ехали прекрасною рощей; миловидная березовая ограда тянулась у них справа и слева. Между дерев мелькала белая каменная церковь. В конце улицы показался господин, шедший к ним навстречу, в картузе, с суковатой палкой в руке. Облизанный аглицкий пес на высоких ножках бежал перед ним.

— Стой! — сказал Платонов кучеру и выскочил из коляски.

Чичиков вышел вслед за ним также из коляски. Они пошли пешком навстречу господину. Ярб уже успел облобызаться с аглицким псом, с которым, как видно, был знаком уже давно, потому, что принял равнодушно в свою толстую морду живое лобызанье Азора (так назывался аглицкий пес). Проворный пес, именем Азор, облобызавши Ярба, подбежал к Платонову, лизнул

[1] *То есть Скудронжогло.*

проворным языком ему руки, вскочил на грудь Чичикова с намереньем лизнуть его в губы, но не достал и, оттолкнутый им, побежал снова к Платонову, пробуя лизнуть его хоть в ухо.

Платон и господин, шедший навстречу, в это время сошлись и обнялись.

— Помилуй, брат Платон! что это ты со мною делаешь? — живо спросил господин.

— Как что? — равнодушно отвечал Платонов.

— Да как же в самом деле: три дни от тебя ни слуху ни духу! Конюх от Петуха привел твоего жеребца. «Поехал, говорит, с каким-то барином». Ну, хоть бы слово сказал: куды, зачем, на сколько времени? Помилуй, братец, как же можно этак поступать? А я Бог знает чего не передумал в эти дни!

— Ну что ж делать? позабыл, — сказал Платонов. — Мы заехали к Константину Федоровичу... Он тебе кланяется, сестра также. Рекомендую тебе Павла Ивановича Чичикова. Павел Иванович, — брат Василий. Прошу полюбить его так же, как и меня.

Брат Василий и Чичиков, снявши картузы, поцеловались.

«Кто бы такой был этот Чичиков? — думал брат Василий. — Брат Платон на знакомства неразборчив и, верно, не узнал, что он за человек». И оглянул он Чичикова, насколько позволяло приличие, и увидел, что он стоял, несколько наклонивши голову и сохранив приятное выраженье в лице.

Со своей стороны Чичиков оглянул также, насколько позволяло приличие, брата Василия. Он был ростом пониже Платона, волосом темней его и лицом далеко не так красив; но в чертах его лица было много жизни и одушевленья. Видно было, что он не пребывал в дремоте и спячке.

— Знаешь ли, Василий, что я придумал? — сказал брат Платон.

— Что? — спросил Василий.

— Проездиться по святой Руси, вот именно с Павлом Ивановичем: авось-либо это размычет и растеребит хандру мою.

— Как же так вдруг решился?.. — начал было говорить Василий, озадаченный не на шутку таким решеньем, и чуть было не прибавил: «И еще замыслил ехать с человеком, которого видишь в первый раз, который, может быть, и дрянь, и черт знает что!»

И, полный недоверия, стал он рассматривать искоса Чичикова и увидел, что он держался необыкновенно прилично, сохраняя все то же приятное наклоненье головы несколько набок и почтительно-приветное выражение в лице, так что никак нельзя было узнать, какого роду был Чичиков.

В молчанье они пошли все трое по дороге, по левую руку которой находилась мелькавшая промеж дерев белая каменная церковь, по правую — начинавшие показываться, также промеж дерев, строенья господского двора. Наконец показались и ворота. Они вступили на двор, где был старинный господский дом под высокой крышей. Две огромные липы, росшие посреди двора, покрывали почти половину его своею тенью. Сквозь опущенные вниз развесистые их ветви едва сквозили стены дома, находившегося позади их. Под липами стояло несколько длинных скамеек. Брат Василий пригласил Чичикова садиться. Чичиков сел, и Платонов сел. По всему двору разливалось благоуханье цветущих сиреней и черемух, которые, нависши отовсюду из саду в двор через миловидную березовую ограду, кругом его обходившую, казалися цветущею цепью или бисерным ожерельем, его короновавшим.

Ухватливый и ловкий детина лет семнадцати, в красивой рубашке розовой ксандрейки, принес и поставил перед ними графины с водой и разноцветными квасами всех сортов, шипевшими, как газовые лимонады. Поставивши пред ними графины, он подошел к дереву и, взявши прислоненный к нему заступ, отправился в сад. У братьев Платоновых вся дворня работала в саду, все слуги были садовники, или лучше сказать, слуг не было, но садовники исправляли иногда эту должность. Брат Василий все утверждал, что без слуг можно обойтись. Подать что-нибудь может всякий, и для этого не стоит заводить особого сословья; что будто русский человек по тех пор только хорош, и расторопен, и красив, и развязен, и много работает, покуда он ходит в рубашке и зипуне, но что как только заберется в немецкий сертук — станет и неуклюж, и некрасив, и нерасторопен, и лентяй. Он утверждал, что и чистоплотность у него содержится по тех пор, покуда он еще носит рубашку и зипун, и что, как только заберется в немецкий сертук — и рубашки не переменяет, и в баню не ходит, и спит в сертуке, и заведутся у него

под сертуком и клопы, и блохи, и черт знает что. В этом, может быть, он был и прав. В деревне их народ одевался как-то особенно щеголевато и опрятно, и таких красивых рубашек и зипунов нужно было далеко поискать.

— Не угодно ли вам прохладиться? — сказал брат Василий Чичикову, указывая на графины. — Это квасы нашей фабрики; ими издавна славится дом наш.

Чичиков налил стакан из первого графина — точно липец, который он некогда пивал в Польше: игра как у шампанского, а газ так и шибнул приятным кручком изо рта в нос.

— Нектар! — сказал Чичиков. Выпил стакан от другого графина — еще лучше.

— В какую же сторону и в какие места предполагаете преимущественно ехать? — спросил брат Василий.

— Еду я, — сказал Чичиков, потирая себе рукой по колену, в сопровожденье легкого покачиванья всего туловища и наклоняя голову набок, — не столько по своей нужде, сколько по нужде другого. Генерал Бетрищев, близкий приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить родственников. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, так сказать, и для самого себя, ибо, — не говоря уже о пользе в геморроидальном отношении, — видеть свет и коловращенье людей — есть уже само по себе, так сказать, живая книга и вторая наука.

Брат Василий задумался. «Говорит этот человек несколько витиевато, но в словах его есть правда, — думал <он>. — Брату моему Платону недостает познания людей, света и жизни». Несколько помолчав, сказал так вслух:

— Я начинаю думать, Платон, что путешествие может, точно, расшевелить тебя. У тебя душевная спячка. Ты просто заснул, и заснул не от пресыщения или усталости, но от недостатка живых впечатлений и ощущений. Вот я совершенно напротив. Я бы очень желал не так живо чувствовать и не так близко принимать к сердцу все, что ни случается.

— Вольно ж принимать все близко к сердцу! — сказал Платон. — Ты выискиваешь себе беспокойства и сам сочиняешь себе тревоги.

— Как сочинять, когда и без того на всяком шагу неприятность? — сказал Василий. — Слышал ты, какую без тебя сыграл

с нами штуку Леницын? Захватил пустошь, где у нас празднуют Красную горку.

— Не знает, потому и захватил, — сказал Платон, — человек новый, только что приехал из Петербурга. Ему нужно объяснить, растолковать.

— Знает, очень знает. Я посылал ему сказать, но он отвечал грубостью.

— Тебе нужно было съездить самому растолковать. Переговори с ним сам.

— Ну, нет. Он чересчур уже заважничал. Я к нему не поеду. Поезжай, если хочешь, ты.

— Я бы поехал, но ведь я не мешаюсь. Он может меня и провести и обмануть.

— Да если угодно, так я поеду, — сказал Чичиков.

Василий взглянул на него и подумал: «Экой охотник ездить!»

— Вы мне подайте только понятие, какого рода он человек, — сказал Чичиков, — и в чем дело.

— Мне совестно наложить на вас такую неприятную комиссию, потому что одно изъяснение с таким человеком для меня уже неприятная комиссия. Надобно вам сказать, что он из простых, мелкопоместных дворян нашей губернии, выслужился в Петербурге, вышел кое-как в люди, женившись там на чьей-то побочной дочери, и заважничал. Задает здесь тоны. Да у нас в губернии, слава Богу, народ живет не глупый: мода нам не указ, а Петербург — не Церковь.

— Конечно, — сказал Чичиков, — а дело в чем?

— А дело, по-настоящему, вздор. У него нет достаточно земли, — ну, он и захватил чужую пустошь, то есть он рассчитывал, что она не нужна, и о ней хозяева <забыли>, а у нас, как нарочно, уже испокон века собираются крестьяне праздновать там Красную горку. По этому-то поводу я готов пожертвовать лучше другими, лучшими землями, чем отдать ее. Обычай для меня — святыня.

— Стало быть, вы готовы уступить ему другие земли?

— То есть, если бы он не так со мной поступил; но он хочет, как я вижу, знаться судом. Пожалуй, посмотрим, кто выиграет. Хоть на плане и не так ясно, но есть свидетели — старики еще живы и помнят.

«Гм! — подумал Чичиков. — Оба-то, как вижу, с душком». И сказал вслух:

— А мне кажется, что это дело обделать можно миролюбно. Все зависит от посредника. Письмен...[1]

...что и для вас самих будет очень выгодно перевесть, например, на мое имя всех умерших душ, какие по сказкам последней ревизии числятся в имениях ваших, так, чтобы я за них платил подати. А чтобы не подать какого соблазна, то передачу эту вы совершите посредством купчей крепости, как бы эти души были живые.

«Вот тебе на! — подумал Леницын. — Это что-то престранное». И несколько даже отодвинулся со стулом назад, потому что совершенно озадачился.

— Я никак в том не сомневаюсь, что вы на это дело совершенно будете согласны, — сказал Чичиков, — потому что это дело совершенно в том роде, как мы сейчас говорили. Совершенно оно будет между солидными людьми втайне, и соблазна никому.

Что тут делать? Леницын очутился в затруднительном положении. Он никак не мог предвидеть, чтобы мнение, им незадолго изъявленное, привело его к такому быстрому осуществленью на деле. Предложение было до крайности неожиданно. Конечно, ничего вредоносного ни для кого не могло быть в этом поступке: помещики все равно заложили бы также эти души наравне с живыми, стало быть, казне убытку не может быть никакого; разница в том, что они были бы в одних руках, а тогда были бы в разных. Но тем не менее он затруднился. Он был законник и делец, и делец в хорошую сторону: неправо не решил бы он дела ни за какие подкупы. Но тут он остановился, не зная, какое имя дать этому действию — правое ли оно, или неправое. Если бы кто-нибудь другой обратился к нему с таким предложением, он мог бы сказать: «Это вздор! пустяки! Я не хочу играть в куклы или дурачиться». Но гость уже так ему понравился, так они сошлись

[1] *В рукописи отсутствуют две страницы. В первом издании глав второго тома «Мертвых душ» (1855) примечание: «Здесь пропуск, в котором, вероятно, содержался рассказ о том, как Чичиков отправился к помещику Леницыну».*

во многом насчет успехов просвещенья и наук, — как отказать? Леницын находился в презатруднительном положении.

Но в это время, точно как будто затем, чтобы помочь горю, вошла в комнату молодая курносенькая хозяйка, супруга Леницына, и бледная, и худенькая, и низенькая, и одетая со вкусом, как все петербургские дамы. За нею был вынесен мамкой на руках ребенок-первенец, плод нежной любви недавно бракосочетавшихся супругов. Чичиков, разумеется, подошел тот же час к даме и, не говоря уже о приличном приветствии, одним приятным наклоненьем головы набок много расположил ее в свою пользу. Затем подбежал к ребенку. Тот было разревелся; но, однако же, Чичикову удалось словами: «Агу, агу, душенька!» — пощелкиваньем пальцев и сердоликовой печаткой от часов переманить его на руки к себе. Взявши его к себе на руки, начал он приподымать его кверху и тем возбудил в ребенке приятную усмешку, которая очень обрадовала обоих родителей.

Но от удовольствия ли, или от чего-нибудь другого, ребенок вдруг повел себя нехорошо. Жена Леницына закричала:

— Ах, Боже мой! он вам испортил весь фрак! Чичиков посмотрел: рукав новешенького фрака был весь испорчен. «Пострел бы тебя побрал, чертенок проклятый!» — пробормотал он в сердцах про себя.

Хозяин, и хозяйка, и мамка — все побежали за одеколоном; со всех сторон принялись его вытирать.

— Ничего, ничего, совершенно ничего, — говорил Чичиков. — Может ли что-нибудь невинный ребенок? — И в то же время думал про себя: «Да ведь как метко обделал канальчонок проклятый!» — Золотой возраст! — сказал он, когда уже его совершенно вытерли и приятное выражение возвратилось на его лицо.

— А ведь точно, — сказал хозяин, обратившись к Чичикову, тоже с приятной улыбкой, — что может быть завидней ребяческого возраста: никаких забот, никаких мыслей о будущем...

— Состоянье, на которое можно сей же час поменяться, — сказал Чичиков.

— За глаза, — сказал Леницын.

Но, кажется, оба соврали: предложи им такой обмен, они бы тут же на попятный двор. Да и что за радость сидеть у мамки на руках да портить фраки!

Молодая хозяйка и первенец удалились с мамкой, потому что и на нем требовалось кое-что поправить: наградив Чичикова, он и себя не позабыл.

Это, по-видимому, незначительное обстоятельство совершенно преклонило хозяина к удовлетворению Чичикова. Как, в самом деле, отказать такому гостю, который столько ласк оказал его малютке и великодушно поплатился за то собственным фраком? Леницын думал так: «Почему ж, в самом деле, не исполнить его просьбы, если уж такое его желание?»[1].

<Заключительная глава>[2]

В то самое время, когда Чичиков в персидском новом халате из золотистой термаламы, развалясь на диване, торговался с заезжим контрабандистом-купцом жидовского происхождения и немецкого выговора, и перед ними уже лежали купленная штука первейшего голландского полотна на рубашки и две бумажные коробки с отличнейшим мылом первостатейнейшего свойства (это было мыло то именно, которое он некогда приобретал на радзивилловской таможне; оно имело действительно свойство сообщать нежность и белизну щекам изумительную), — в то время, когда он, как знаток, покупал эти необходимые для воспитанного человека продукты, раздался гром подъехавшей кареты, отозвавшийся легким дрожаньем комнатных окон и стен, и вошел его превосходительство Алексей Иванович Леницын.

— На суд вашего превосходительства представляю: каково полотно, и каково мыло, и какова эта вчерашнего дни купленная вещица! — При этом Чичиков надел на голову ермолку, вышитую золотом и бусами, и очутился, как персидский шах, исполненный достоинства и величия.

Но его превосходительство, не отвечая на вопрос, сказал с озабоченным видом:

— Мне нужно с вами поговорить об деле.

[1] *Окончание главы в рукописи отсутствует.*

[2] *Из более ранней, чем остальные главы, редакции.*

В лице его заметно было расстройство. Почтенный купец немецкого выговора был тот же час выслан, и они остались <одни>.

— Знаете ли вы, какая неприятность? Отыскалось другое завещание старухи, сделанное назад тому пять <лет>. Половина именья отдается на монастырь, а другая — обеим воспитанницам пополам и ничего больше никому.

Чичиков оторопел.

— Ну это завещанье — вздор. Оно ничего не значит, оно уничтожено вторым.

— Но ведь это не сказано в последнем завещании, что им уничтожается первое.

— Это само собою разумеется: последнее уничтожает первое. Первое завещанье никуда не годится. Я знаю хорошо волю покойницы. Я был при ней. Кто его подписал? кто были свидетели?

— Засвидетельствовано оно, как следует, в суде. Свидетелем был бывший совестный судья Бурмилов и Хаванов.

«Худо, — подумал Чичиков, — Хаванов, говорят, честен; Бурмилов — старый ханжа, читает по праздникам Апостола в церквах».

— Но вздор, вздор, — сказал он вслух и тут же почувствовал решимость на все штуки. — Я знаю это лучше: я участвовал при последних минутах покойницы. Мне это лучше всех известно. Я готов присягнуть самолично.

Слова эти и решимость на минуту успокоили Леницына. Он был очень взволнован и уже начинал было подозревать, не было ли со стороны Чичикова какой-нибудь фабрикации относительно завещания. Теперь укорил себя в подозрении. Готовность присягнуть была явным доказательством, что Чичиков <невинен>. Не знаем мы, точно ли достало бы духу у Павла Ивановича присягнуть на святом, но сказать это достало духа.

— Будьте покойны, я переговорю об этом деле с некоторыми юрисконсультами. С вашей стороны тут ничего не должно прилагать; вы должны быть совершенно в стороне. Я же теперь могу жить в городе, сколько мне угодно.

Чичиков тот же час приказал подать экипаж и отправился к юрисконсульту. Этот юрисконсульт был опытности необыкновенной. Уже пятнадцать лет как он находился под судом, и так умел распорядиться, что никак нельзя было отрешить от должности.

Все знали его, за подвиги его следовало бы шесть раз уже послать на поселенье. Кругом и со всех сторон был он в подозрениях, но никаких нельзя было возвести явных и доказанных улик. Тут было действительно что-то таинственное, и его бы можно было смело признать колдуном, если бы история, нами описанная, принадлежала временам невежества.

Юрисконсульт поразил холодностью своего вида, замасленностью своего халата, представлявшего совершенную противуположность хорошим мебелям красного дерева, золотым часам под стеклянным колпаком, люстре, сквозившей сквозь кисейный чехол, ее сохранявший, и вообще всему, что было вокруг и носило на себе яркую печать блистательного европейского просвещения.

Не останавливаясь, однако ж, скептической наружностью юрисконсульта, Чичиков объяснил затруднительные пункты дела и в заманчивой перспективе изобразил необходимо последующую благодарность за добрый совет и участие.

Юрисконсульт отвечал на это изображеньем неверности всего земного и дал тоже искусно заметить, что журавль в небе ничего не значит, а нужно синицу в руку.

Нечего делать: нужно было дать синицу в руки. Скептическая холодность философа вдруг исчезла. Оказалось, что это был наидобродушнейший человек, наиразговорчивый и наиприятнейший в разговорах, не уступавший ловкостью оборотов самому Чичикову.

— Позвольте вам вместо того чтобы заводить длинное дело, вы, верно, не хорошо рассмотрели самое завещание: там, верно, есть какая-нибудь приписочка. Вы возьмите его на время к себе. Хотя, конечно, подобных вещей на дом брать запрещено, но если хорошенько попросить некоторых чиновников... Я с своей стороны употреблю мое участие.

«Понимаю», — подумал Чичиков и сказал:

— В самом деле, я, точно, хорошо не помню, есть ли там приписочка, или нет, — точно как будто и не сам писал это завещание.

— Лучше всего вы это посмотрите. Впрочем, во всяком случае, — продолжал он весьма добродушно, — будьте всегда покойны и не смущайтесь ничем, даже если бы и хуже что произошло. Никогда и ни в чем не отчаивайтесь: нет дела неисправимого.

Смотрите на меня: я всегда покоен. Какие бы ни были возводимы на меня казусы, спокойствие мое непоколебимо.

Лицо юрисконсульта-философа пребывало действительно в необыкновенном спокойствии, так что Чичиков много...[1]

— Конечно, это первая вещь, — сказал <он>. — Но согласитесь, однако ж, что могут быть такие случаи и дела, такие дела и такие поклепы со стороны врагов, и такие затруднительные положения, что отлетит всякое спокойствие.

— Поверьте мне, это малодушие, — отвечал очень покойно и добродушно философ-юрист. — Старайтесь только, чтобы производство дела было все основано на бумагах, чтобы на словах ничего не было. И как только увидите, что дело идет к развязке и удобно к решению, старайтесь — не то чтобы оправдывать и защищать себя, — нет, просто спутать новыми вводными и так посторонними статьями.

— То есть, чтобы...

— Спутать, спутать, — и ничего больше, — отвечал философ, — ввести в это дело посторонние, другие обстоятельства, которые запутали <бы> сюда и других, сделать сложным — и ничего больше. И там пусть приезжий петербургский чиновник разбирает. Пусть разбирает, пусть его разбирает! — повторил он, смотря с необыкновенным удовольствием в глаза Чичикову, как смотрит учитель ученику, когда объясняет ему заманчивое место из русской грамматики.

— Да, хорошо, если подберешь такие обстоятельства, которые способны пустить в глаза мглу, — сказал Чичиков, смотря тоже с удовольствием в глаза философа, как ученик, который понял заманчивое место, объясняемое учителем.

— Подберутся обстоятельства, подберутся! Поверьте: от частого упражнения и голова сделается находчивою. Прежде всего помните, что вам будут помогать. В сложности дела выигрыш многим: и чиновников нужно больше, и жалованья им больше... Словом, втянуть в дело побольше лиц. Нет нужды, что иные напрасно попадут: да ведь им же оправдаться легко, им нужно отвечать на бумаги, им нужно окупиться... Вот уж и хлеб... Поверьте мне, что, как только обстоятельства становятся критические, первое дело

[1] *Фраза в рукописи не дописана.*

спутать. Так можно спутать, так все перепутать, что никто ничего не поймет. Я почему спокоен? Потому что знаю: пусть только дела мои пойдут похуже, да я всех впутаю в свое — и губернатора, и вице-губернатора, и полицеймейстера, и казначея, — всех запутаю. Я знаю все их обстоятельства: и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочет упечь. Там, пожалуй, пусть их выпутываются, да покуда они выпутаются, другие успеют нажиться. Ведь только в мутной воде и ловятся раки. Все только ждут, чтобы запутать. — Здесь юрист-философ посмотрел Чичикову в глаза опять с тем наслаждением, с каким учитель объясняет ученику еще заманчивейшее место из русской грамматики.

«Нет, этот человек, точно, мудрец», — подумал про себя Чичиков и расстался с юрисконсультом в наиприятнейшем и в наилучшем расположении духа.

Совершенно успокоившись и укрепившись, он с небрежною ловкостью бросился на эластические подушки коляски, приказал Селифану откинуть кузов назад (к юрисконсульту он ехал с поднятым кузовом и даже застегнутой кожей) и расположился, точь-в-точь как отставной гусарский полковник или сам Вишнепокромов — ловко подвернувши одну ножку под другую, обратя с приятностью ко встречным лицо, сиявшее из-под шелковой новой шляпы, надвинутой несколько на ухо. Селифану было приказано держать направленье к гостиному двору. Купцы, и приезжие и туземные, стоя у дверей лавок, почтительно снимали шляпы, и Чичиков, не без достоинства, приподнимал им в ответ свою. Многие из них уже были ему знакомы; другие были хоть приезжие, но, очарованные ловким видом умеющего держать себя господина, приветствовали его, как знакомые. Ярмарка в городе Тьфуславле не прекращалась. Отошла конная и земледельческая, началась — с красными товарами для господ просвещенья высшего. Купцы, приехавшие на колесах, располагали назад не иначе возвращаться, как на санях.

— Пожалуте-с, пожалуте-с! — говорил у суконной лавки, учтиво рисуясь, с открытою головою, немецкий сюртук московского шитья, с шляпой в руке на отлете, только чуть державший двумя пальцами бритый круглый подбородок и выраженье тонкости просвещенья в лице.

Чичиков вошел в лавку.

— Покажите-ка мне, любезнейший, суконца.

Благоприятный купец тотчас приподнял вверх открывавшуюся доску с стола и, сделавши таким образом себе проход, очутился в лавке, спиною к товару и лицом к покупателю.

Ставши спиной к товарам и лицом к покупателю, купец, с обнаженной головою и шляпой на отлете, еще раз приветствовал Чичикова. Потом надел шляпу и, приятно нагнувшись, обеими же руками упершись в стол, сказал так:

— Какого рода сукон-с? английских мануфактур или отечественной фабрикации предпочитаете?

— Отечественной фабрикации, — сказал Чичиков, — но только именно лучшего сорта, который называется аглицким.

— Каких цветов пожелаете иметь? — вопросил купец, все так <же> приятно колеблясь на двух упершихся в стол руках.

— Цветов темных, оливковых или бутылочных с искрою, приближающихся, так сказать, к бруснике, — сказал Чичиков.

— Могу сказать, что получите первейшего сорта, лучше которого <нет> в обеих столицах, — говорил купец, потащившись доставать сверху штуку; бросил ее ловко на стол, разворотил с другого конца и поднес к свету. — Каков отлив-с! Самого модного, последнего вкуса!

Сукно блистало, как шелковое. Купец чутьем пронюхал, что пред ним стоит знаток сукон, и не захотел начинать с десятирублевого.

— Порядочное, — сказал Чичиков, слегка погладивши. — Но знаете ли, почтеннейший? покажите мне сразу то, что вы напоследок показываете, да и цвету больше того... больше искрасна, чтобы искры были.

— Понимаю-с: вы истинно желаете такого цвета, какой нонче в Пе<тербурге в моду> входит. Есть у меня сукно отличнейшего свойства. Предуведомляю, что высокой цены, но и высокого достоинства.

— Давайте.

О цене ни слова.

Штука упала сверху. Купец ее развернул еще с большим искусством, поймал другой конец и развернул точно шелковую материю, поднес ее Чичикову так, что <тот> имел возможность не только рассмотреть его, но даже понюхать, сказавши только:

— Вот-с сукно-с! цвету наваринского дыму с пламенем.

О цене условились. Железный аршин, подобный жезлу чародея, отхватал тут же Чичикову на фрак <и> на панталоны. Сделавши ножницами нарезку, купец произвел обеими руками ловкое дранье сукна во всю его ширину, при окончанье которого поклонился Чичикову с наиобольстительнейшею приятностью. Сукно тут же было свернуто и ловко заворочено в бумагу; сверток завертелся под легкой бечевкой. Чичиков хотел было лезть в карман, но почувствовал <что> поясницу его приятно окружает чья-то весьма деликатная рука, и уши его услышали:

— Что вы здесь покупаете, почтеннейший?

— А, приятнейше неожиданная встреча! — сказал Чичиков.

— Приятное столкновенье, — сказал голос того же самого, который окружил его поясницу. Это был Вишнепокромов. — Готовился было пройти лавку без вниманья, вдруг вижу знакомое лицо — как отказаться от приятного удовольствия! Нечего сказать, сукна в этом году несравненно лучше. Ведь это стыд, срам! Я никак не мог было отыскать... Я готов тридцать рублей, сорок рублей... возьми пятьдесят даже, но дай хорошего. По мне, или иметь вещь, которая бы, точно, была уже отличнейшая, или уж лучше вовсе не иметь. Не так ли?

— Совершенно так! — сказал Чичиков. — Зачем же трудиться, как не затем, чтобы, точно, иметь хорошую вещь?

— Покажите мне сукна средних цен, — раздался позади голос, показавшийся Чичикову знакомым. Он оборотился: это был Хлобуев. По всему видно было, что он покупал сукно не для прихоти, потому что сертучок был больно протерт.

— Ах, Павел Иванович! позвольте мне с вами наконец поговорить. Вас нигде не встретишь. Я был несколько раз — все вас нет и нет.

— Почтеннейший, я так был занят, что, ей-ей, нет времени. — Он поглядел по сторонам, как бы от объясненья улизнуть, и увидел входящего в лавку Муразова. — Афанасий Васильевич! Ах, Боже мой! — сказал Чичиков. — Вот приятное столкновение!

И вслед за ним повторил Вишнепокромов:

— Афанасий Васильевич!

<Хлобуев> повторил:

— Афанасий Васильевич!

И, наконец, благовоспитанный купец, отнеся шляпу от головы настолько, сколько могла рука, и, весь подавшись вперед, произнес:

— Афанасию Васильевичу наше нижайшее почтенье!

На лицах напечатлелась та собачья услужливость, какую оказывает миллионщикам собачье отродье людей.

Старик раскланялся со всеми и обратился прямо к Хлобуеву:

— Извините меня: я, увидевши издали, как вы вошли в лавку, решился вас побеспокоить. Если вам будет после свободно и по дороге мимо моего дома, так сделайте милость, зайдите на малость времени. Мне с вами нужно будет переговорить.

Хлобуев сказал:

— Очень хорошо, Афанасий Васильевич.

— Какая прекрасная погода у нас, Афанасий Васильевич, — сказал Чичиков.

— Не правда ли, Афанасий Васильевич, — подхватил Вишнепокромов, — ведь это необыкновенно.

— Да-с, благодаря Бога недурно. Но нужно бы дождичка для посева.

— Очень, очень бы нужно, — сказал Вишнепокромов, — даже и для охоты хорошо.

— Да, дождичка бы очень не мешало, — сказал Чичиков, которому не нужно было дождика, но как уже приятно согласиться с тем, у кого миллион.

И старик, раскланявшись снова со всеми, вышел.

— У меня просто голова кружится, — сказал Чичиков, — как подумаешь, что у этого человека десять миллионов. Это просто даже невероятно.

— Противузаконная, однако ж, вещь, — сказал Вишнепокромов, — капиталы не должны быть в одних <руках>. Это теперь предмет трактатов во всей Европе. Имеешь деньги, — ну, сообщай другим: угощай, давай балы, производи благодетельную роскошь, которая дает хлеб мастерам, ремесленникам.

— Это я не могу понять, — сказал Чичиков. — Десять миллионов — и живет как простой мужик! Ведь это с десятью мильонами черт знает что можно сделать. Ведь это можно так завести, что и общества другого у тебя не будет, как генералы да князья.

— Да-с, — прибавил купец, — у Афанасия Васильевича при всех почтенных качествах непросветительности много. Если купец почтенный, так уж он не купец, он некоторым образом есть уже негоциант. Я уж тогда должен себе взять и ложу в театре, и дочь уж я за простого полковника — нет-с, не выдам: я за генерала, иначе я ее не выдам. Что мне полковник? Обед мне уж должен кондитер поставлять, а не то что кухарка...

— Да что говорить! помилуйте, — сказал Вишнепокромов, — с десятью миллионами чего не сделать? Дайте мне десять миллионов, — вы посмотрите, что я сделаю!

«Нет, — подумал Чичиков, — ты-то не много сделаешь толку с десятью миллионами. А вот если б мне десять миллионов, я бы, точно, кое-что сделал».

«Нет, если бы мне теперь, после этих страшных опытов, десять миллионов! — подумал Хлобуев. — Э, теперь бы я не так: опытом узнаешь цену всякой копейки». И потом, минуту подумавши, спросил себя внутренне: «Точно ли бы теперь умней распорядился?» И, махнувши рукой, прибавил: «Кой черт! я думаю, так же бы растратил, как и прежде», — и вышел из лавки, сгорая жела<нием> знать, что объявит ему Муразов.

— Вас жду, Петр Петрович! — сказал Муразов, увидевши входящего Хлобуева. — Пожалуста ко мне в комнатку.

И он повел Хлобуева в комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливее которой нельзя было найти и у чиновника, получающего семьсот рублей в год жалованья.

— Скажите, ведь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши получше? После тетушки все-таки вам досталось кое-что?

— Да как вам сказать, Афанасий Васильевич? Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мне досталось всего пя<тьдесят> душ крестьян и тридцать тысяч денег, которыми я должен был расплатиться с частью моих долгов, — и у меня вновь ровно ничего. А главное дело, что дело по этому завещанью самое нечистое. Тут, Афанасий Васильевич, завелись такие мошенничества! Я вам сейчас расскажу, и вы подивитесь, что такое делается. Этот Чичиков...

— Позвольте, Петр Петрович: прежде чем говорить об этом Чичикове, позвольте поговорить собственно о вас. Скажите мне: сколько, по вашему заключению, было бы для вас

удовлетворительно и достаточно затем, чтобы совершенно выпутаться из обстоятельств?

— Мои обстоятельства трудные, — сказал Хлобуев. — Да чтобы выпутаться из обстоятельств, расплатиться совсем и быть в возможности жить самым умеренным образом, мне нужно по крайней мере сто тысяч, если не больше. Словом, мне это невозможно.

— Ну, если бы это у вас было, как бы вы тогда повели жизнь свою?

— Ну, я бы тогда нанял себе квартирку, занялся бы воспитаньем детей, потому что мне самому не служить: я уж никуды не гожусь.

— А почему ж вы никуды не годитесь?

— Да куды ж мне, сами посудите! Мне нельзя начинать с канцелярского писца. Вы позабыли, что у меня семейство. Мне сорок, у меня уж и поясница болит, я обленился; а должности мне поважнее не дадут; я ведь не на хорошем счету. Я признаюсь вам: я бы и сам не взял наживной должности. Я человек хоть и дрянной, и картежник, и все что хотите, но взятков брать я не стану. Мне не ужиться с Красноносовым да Самосвистовым.

— Но все, извините-с, я не могу понять, как же быть без дороги; как идти не по дороге; как ехать, когда нет земли под ногами; как плыть, когда челн не на воде? А ведь жизнь — путешествие. Извините, Петр Петрович, те господа ведь, про которых вы говорите, всё же они на какой-нибудь дороге, всё же они трудятся. Ну, положим, как-нибудь своротили, как случается со всяким грешным; да есть надежда, что опять набредут. Кто идет — нельзя, чтоб не пришел; есть надежда, что и набредет. Но как тому попасть на какую-нибудь дорогу, кто остается праздно? Ведь дорога не придет ко мне.

— Поверьте мне, Афанасий Васильевич, я чувствую совершенно справедливость <вашу>, но говорю вам, что во мне решительно погибла, умерла всякая деятельность; не вижу я, что могу сделать какую-нибудь пользу кому-нибудь на свете. Я чувствую, что я решительно бесполезное бревно. Прежде, покамест был помоложе, так мне казалось, что все дело в деньгах, что если бы мне в руки сотни тысяч, я бы осчастливил множество: помог бы бедным художникам, завел бы библиотеки, полезные

заведения, собрал бы коллекции. Я человек не без вкуса и, знаю, во многом мог бы гораздо лучше распорядиться тех наших богачей, которые все это делают бестолково. А теперь вижу, что и это суета, и в этом немного толку. Нет, Афанасий Васильевич, никуда не гожусь, ровно никуда, говорю вам. На малейшее дело не способен.

— Послушайте, Петр <Петрович>! Но ведь вы же молитесь, ходите в церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни. Вам хоть и не хочется рано вставать, но ведь вы встаете и идете, — идете в четыре часа утра, когда никто не подымается.

— Это — другое дело, Афанасий Васильевич. Я это делаю для спасения души, потому что в убеждении, что этим хоть сколько-нибудь заглажу праздную жизнь, что как я ни дурен, но молитвы все-таки что-нибудь значат у Бога. Скажу вам, что я молюсь, — даже и без веры, но все-таки молюсь. Слышится только, что есть Господин, от Которого все зависит, как лошадь и скотина, которою пашем, знает чутьем того, <кто> запрягает.

— Стало быть, вы молитесь затем, чтобы угодить Тому, Которому молитесь, чтобы спасти свою душу, и это дает вам силы и заставляет вас подыматься рано с постели. Поверьте, что если <бы> вы взялись за должность свою таким образом, как бы в уверенности, что служите Тому, Кому вы молитесь, у вас бы появилась деятельность, и вас никто из людей не в силах <был бы> охладить.

— Афанасий Васильевич! вновь скажу вам — это другое. В первом случае я вижу, что я все-таки делаю. Говорю вам, что я готов пойти в монастырь и самые тяжкие, какие на меня ни наложат, труды и подвиги я буду исполнять там. Я уверен, что не мое дело рассуждать, что взыщется <с тех>, которые заставили меня делать; там я повинуюсь и знаю, что Богу повинуюсь.

— А зачем же так вы не рассуждаете и в делах света? Ведь и в свете мы должны служить Богу, а не кому иному. Если и другому кому служим, мы потому только служим, будучи уверены, что так Бог велит, а без того мы бы и не служили. Что ж другое все способности и дары, которые розные у всякого? Ведь это орудия моленья нашего: то — словами, а это делом. Ведь вам же в монастырь нельзя идти: вы прикреплены к миру, у вас семейство.

Здесь Муразов замолчал. Хлобуев тоже замолчал.

— Так вы полагаете, что если бы, например, у <вас> было двести тысяч, так вы могли <бы> упрочить жизнь и повести отныне жизнь расчетливее?

— То есть по крайней мере я займусь тем, что можно будет сделать, — займусь воспитаньем детей, буду иметь в возможности доставить им хороших учителей.

— А сказать ли вам на это, Петр Петрович, что чрез два года будете опять кругом в долгах, как шнурках?

Хлобуев несколько помолчал и начал с расстановкою:

— Однако ж нет, после этаких опытов...

— Да что ж опыты, — сказал Муразов. — Ведь я вас знаю. Вы человек с доброй душой: к вам придет приятель попросить взаймы — вы ему дадите; увидите бедного человека — вы захотите помочь; приятный гость придет к вам — захотите получше угостить, да и покоритесь первому доброму движенью, а расчет и позабываете. И позвольте вам наконец сказать по искренности, что детей-то своих вы не в состоянии воспитать. Детей своих воспитать может только тот отец, который уж сам выполнил долг свой. Да и супруга ваша... она и доброй души... она совсем не так воспитана, чтобы детей воспитать. Я даже думаю — извините меня, Петр Петрович, — не во вред ли детям будет даже и быть с вами!

Хлобуев призадумался; он начал себя мысленно осматривать со всех сторон и наконец почувствовал, что Муразов был прав отчасти.

— Знаете ли, Петр Петрович? отдайте мне на руки это — детей, дела; оставьте и семью вашу, и детей: я их приберегу. Ведь обстоятельства ваши таковы, что вы в моих руках; ведь дело идет к тому, чтобы умирать с голоду. Тут уже на все нужно решаться. Знаете ли вы Ивана Потапыча?

— И очень уважаю, даже несмотря на то что он ходит в сибирке.

— Иван Потапыч был миллионщик, выдал дочерей своих за чиновников, жил как царь; а как обанкрутился — что ж делать? — пошел в приказчики. Не весело-то было ему с серебряного блюда перейти за простую миску: казалось-то, что и руки ни к чему не подымались. Теперь Иван Потапыч мог бы хлебать с серебряного блюда, да уж не хочет. У него уж набралось бы опять, да он говорит:

«Нет, Афанасий Иванович, служу я теперь уж не себе, и <не> для себя, а потому, что Бог так <судил>. По своей воле не хочу ничего делать. Слушаю вас, потому что Бога хочу слушаться, а не людей, и так как Бог устами лучших людей только говорит. Вы умнее меня, а потому не я отвечаю, а вы». Вот что говорит Иван Потапыч; а он, если сказать по правде, в несколько раз умнее меня.

— Афанасий Васильевич! вашу власть и я готов над собою <признать>, ваш слуга и что хотите: отдаюсь вам. Но не давайте работы свыше сил: я не Потапыч и говорю вам, что ни на что доброе не гожусь.

— Не я-с, Петр Петрович, наложу-с <на> вас, а так как вы хотели бы послужить, как говорите сами, так вот богоугодное дело. Строится в одном месте церковь доброхотным дательством благочестивых людей. Денег нестает, нужен сбор. Наденьте простую сибирку... ведь вы теперь простой человек, разорившийся дворянин и тот же нищий: что ж тут чиниться? — да с книгой в руках, на простой тележке и отправляйтесь по городам и деревням. От архиерея вы получите благословенье и шнурованную книгу, да и с Богом.

Петр Петрович был изумлен этой совершенно новой должностью. Ему, все-таки дворянину некогда древнего рода, отправиться с книгой в руках просить на церковь, притом трястись на телеге! А между тем вывернуться и уклониться нельзя: дело богоугодное.

— Призадумались? — сказал Муразов. — Вы здесь две службы сослужите: одну службу Богу, а другую — мне.

— Какую же вам?

— А вот какую. Так как вы отправитесь по тем местам, где я еще не был, так вы узнаете-с на месте все: как там живут мужички, где побогаче, где терпят нужду и в каком состоянье все. Скажу вам, что мужичков люблю оттого, может быть, что я и сам из мужиков. Но дело в том, что завелось меж ними много всякой мерзости. Раскольники там и всякие-с бродяги смущают их, против властей их восстановляют, против властей и порядков, а если человек притеснен, так он легко восстает. Что ж, будто трудно подстрекнуть человека, который, точно, терпит. Да дело в том, что не снизу должна начинаться расправа. Уж тогда плохо, когда пойдут на кулаки: уж тут толку не будет — только ворам пожива.

Вы человек умный, вы рассмотрите, узнаете, где действительно терпит человек от других, а где от собственного неспокойного нрава, да и расскажете мне потом все это. Я вам на всякий случай небольшую сумму дам на раздачу тем, которые уже и действительно терпят безвинно. С вашей стороны будет также полезно утешить их словом и получше истолковать им то, что Бог велит переносить безропотно, и молиться в это время, когда несчастлив, а не буйствовать и расправляться самому. Словом, говорите им, никого не возбуждая ни против кого, а всех примиряя. Если увидите в ком противу кого бы то ни было ненависть, употребите все усилие.

— Афанасий Васильевич! дело, которое вы мне поручаете, — сказал Хлобуев, — святое дело; но вы вспомните, кому вы его поручаете. Поручить его можно человеку почти святой жизни, который бы и сам уже <умел> прощать другим.

— Да я и не говорю, чтобы все это вы исполнили, а по возможности, что можно. Дело-то в том, что вы все-таки приедете с познаньями тех мест, и будете иметь понятие, в каком положении находится тот край. Чиновник никогда не столкнется с лицом, да и мужик-то с ним не будет откровенен. А вы, прося на церковь, заглянете ко всякому — и к мещанину и к купцу, и будете иметь случай расспросить всякого. Говорю-с вам это по той причине, что генерал-губернатор особенно теперь нуждается в таких людях; и вы, мимо всяких канцелярских повышений, получите такое место, где не бесполезна будет ваша жизнь.

— Попробую, приложу старанья, сколько хватит сил, — сказал Хлобуев. И в голосе его было заметно ободренье, спина распрямилась, и голова приподнялась, как у человека, которому светит надежда. — Вижу, что вас Бог наградил разуменьем, и вы знаете иное лучше нас, близоруких людей.

— Теперь позвольте вас спросить, — сказал Муразов, — что ж Чичиков и какого роду <дело>?

— А <про> Чичикова я вам расскажу вещи неслыханные. Делает он такие дела... Знаете ли, Афанасий Васильевич, что завещание ведь ложное? Отыскалось настоящее, где все имение принадлежит воспитанницам.

— Что вы говорите? Да ложное-то завещание кто смастерил?

— В том-то и дело, что премерзейшее дело! Говорят, что Чичиков и что подписано завещание уже после смерти: нарядили какую-то бабу, наместо покойницы, и она уж подписала. Словом, дело соблазнительнейшее. Говорят, тысячи просьб поступило с разных сторон. К Марье Еремеевне теперь подъезжают женихи; двое уж чиновных лиц из-за нее дерутся. Вот какого роду дело, Афанасий Васильевич!

— Не слышал я об этом ничего, а дело, точно, не без греха. Павел Иванович Чичиков, признаюсь, для меня презагадочен, — сказал Муразов.

— Я подал от себя также просьбу, затем, чтобы напомнить, что существует ближайший наследник...

«А мне пусть их все передерутся, — думал Хлобуев, выходя. — Афанасий Васильевич не глуп. Он дал мне это порученье, верно, обдумавши. Исполнить его — вот и все». Он стал думать о дороге, в то время, когда Муразов все еще повторял в себе: «Презагадочный для меня человек Павел Иванович Чичиков! Ведь если бы с этакой волей и настойчивостью да на доброе дело!»

А между тем, в самом деле, по судам шли просьбы за просьбой. Оказались родственники, о которых и не слышал никто. Как птицы слетаются на мертвечину, так все налетело на несметное имущество, оставшееся после старухи. Доносы на Чичикова, на подложность последнего завещания, доносы на подложность и первого завещания, улики в покраже и в утаении сумм. Явились улики на Чичикова в покупке мертвых душ, в провозе контрабанды во время бытности его еще при таможне. Выкопали все, разузнали его прежнюю историю. Бог весть откуда все это пронюхали и знали. Только были улики даже и в таких делах, об которых, думал Чичиков, кроме его и четырех стен никто не знал. Покамест все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя верная записка юрисконсульта, которую он вскоре получил, несколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткого содержания: «Спешу вас уведомить, что по делу будет возня: но помните, что тревожиться никак не следует. Главное дело — спокойствие. Обделаем все». Записка эта успокоила совершенно его. «Этот человек, точно гений», — сказал Чичиков.

В довершение хорошего, портной в это время принес <платье>. <Чичиков> получил желанье сильное посмотреть на самого

себя в новом фраке наваринского пламени с дымом. Натянул штаны, которые обхватили его чудесным образом со всех сторон, так что хоть рисуй. Ляжки так славно обтянуло, икры тоже, сукно обхватило все малости, сообща им еще большую упругость. Как затянул он позади себя пряжку, живот стал точно барабан. Он ударил по нем тут щеткой, прибавив: «Ведь какой дурак, а в целом он составляет картину!» Фрак, казалось, был сшит еще лучше штанов: ни морщинки, все бока обтянул, выгнулся на перехвате, показавши весь его перегиб. Под правой мышкой немного жало, но от этого еще лучше прихватывало на талии. Портной, который стоял в полном торжестве, говорил только: «Будьте покойны, кроме Петербурга, нигде так не сошьют». Портной был сам из Петербурга и на вывеске выставил: «Иностранец из Лондона и Парижа». Шутить он не любил и двумя городами разом хотел заткнуть глотку всем другим портным, так, чтобы впредь никто не появился с такими городами, а пусть себе пишет из какого-нибудь «Карлсеру» или «Копенгара».

Чичиков великодушно расплатился с портным и, оставшись один, стал рассматривать себя на досуге в зеркале, как артист с эстетическим чувством и con amore. Оказалось, что все как-то было еще лучше, чем прежде: щечки интереснее, подбородок заманчивей, белые воротнички давали тон щеке, атласный синий галстук давал тон воротничкам; новомодные складки манишки давали тон галстуку, богатый бархатный <жилет> давал <тон> манишке, а фрак наваринского дыма с пламенем, блистая, как шелк, давал тон всему. Поворотился направо — хорошо! Поворотился налево — еще лучше! Перегиб такой, как у камергера или у такого господина, который так чешет по-французски, что перед ним сам француз ничего, который, даже и рассердясь, не срамит себя непристойно русским словом, даже и выбраниться не умеет на русском языке, а распечет французским диалектом. Деликатность такая! Он попробовал, склоня головку несколько набок, принять позу, как бы адресовался к даме средних лет и последнего просвещения: выходила просто картина. Художник, бери кисть и пиши! В удовольствии, он совершил тут же легкий прыжок, вроде антраша. Вздрогнул комод и шлепнулась на землю склянка с одеколоном; но это не причинило никакого помешательства. Он назвал, как и следовало, глупую склянку

дурой и подумал: «К кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше...»

Как вдруг в передней — вроде некоторого бряканья сапогов с шпорами, и жандарм в полном вооружении, как <будто> в лице его было целое войско. «Приказано сей же час явиться к генерал-губернатору!» Чичиков так и обомлел. Перед ним торчало страшилище с усами, лошадиный хвост на голове, через плечо перевязь, через другое перевязь, огромнейший палаш привешен к боку. Ему показалось, что при другом боку висело и ружье, и черт знает что: целое войско в одном только! Он начал было возражать, страшило грубо заговорило: «Приказано сей же час!» Сквозь дверь в переднюю он увидел, что там мелькало и другое страшило, взглянул в окошко — и экипаж. Что тут делать? Так, как был, в фраке наваринского пламени с дымом, должен был сесть и, дрожа всем телом, отправился к генерал-губернатору, и жандарм с ним.

В передней не дали даже и опомниться ему. «Ступайте! вас князь уже ждет», — сказал дежурный чиновник. Перед ним, как в тумане, мелькнула передняя с курьерами, принимавшими пакеты, потом зала, через которую он прошел, думая только: «Вот как схватит, да без суда, без всего, прямо в Сибирь!» Сердце его забилось с такой силою, с какой не бьется даже у наиревнивейшего любовника. Наконец растворилась пред ним дверь: предстал кабинет, с портфелями, шкафами, и книгами, и князь гневный, как сам гнев.

— Губитель, губитель! — сказал Чичиков. — Он мою душу погубит, зарежет, как волк агнца!

— Я вас пощадил, я позволил вам остаться в городе, тогда как вам следовало бы в острог; а вы запятнали себя вновь бесчестнейшим мошенничеством, каким когда-либо запятнал себя человек.

Губы князя дрожали от гнева.

— Каким же, ваше сиятельство, бесчестнейшим поступком и мошенничеством? — спросил Чичиков, дрожа всем телом.

— Женщина, — произнес князь, подступая несколько ближе и смотря прямо в глаза Чичикову, — женщина, которая подписывала по вашей диктовке завещание, схвачена и станет с вами на очную ставку.

Чичиков стал бледен как полотно.

— Ваше сиятельство! Скажу всю истину дела. Я виноват; точно, виноват; но не так виноват. Меня обнесли враги.

— Вас не может никто обнесть, потому что в вас мерзостей в несколько раз больше того, что может <выдумать> последний лжец. Вы во всю свою жизнь, я думаю, не делали небесчестного дела. Всякая копейка, добытая вами, добыта бесчестно, есть воровство и бесчестнейшее дело, за которое кнут и Сибирь! Нет, теперь полно! С сей же минуты будешь отведен в острог и там, наряду с последними мерзавцами и разбойниками, ты должен <ждать> разрешенья участи своей. И это милостиво еще, потому что <ты> хуже их в несколько <раз>: они в армяке и тулупе, а ты...

Он взглянул на фрак наваринского пламени с дымом и, взявшись за шнурок, позвонил.

— Ваше сиятельство, — вскрикнул Чичиков, — умилосердитесь! Вы отец семейства. Не меня пощадите — старуха мать!

— Врешь! — вскрикнул гневно князь. — Так же ты меня тогда умолял детьми и семейством, которых у тебя никогда не было, теперь — матерью!

— Ваше сиятельство, я мерзавец и последний негодяй, — сказал Чичиков голосом...[1] — Я действительно лгал, я не имел ни детей, ни семейства; но, вот Бог свидетель, я всегда хотел иметь жену, исполнить долг человека и гражданина, чтобы действительно потом заслужить уваженье граждан и начальства... Но что за бедственные стечения обстоятельств! Кровью, ваше сиятельство, кровью нужно было добывать насущное существование. На всяком шагу соблазны и искушенье... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была — точно вихорь буйный или судно среди волн по воле ветров. Я — человек, ваше сиятельство!

Слезы вдруг хлынули ручьями из глаз его. Он повалился в ноги князю, так, как был, во фраке наваринского пламени с дымом, в бархатном жилете с атласным галстуком, новых штанах и причесанных волосах, изливавших чистый запах одеколона.

— Поди прочь от меня! Позвать, чтобы его взяли, солдат! — сказал князь взошедшим.

[1] *В рукописи не дописано.*

— Ваше сиятельство! — кричал <Чичиков> и обхватил обеими руками сапог князя.

Чувство содроганья пробежало по всем жилам <князя>.

— Подите прочь, говорю вам! — сказал он, усиливаясь вырвать свою ногу из объятья Чичикова.

— Ваше сиятельство! не сойду с места, покуда не получу милости! — говорил <Чичиков>, не выпуская сапог князя и проехавшись, вместе с ногой, по полу в фраке наваринского пламени и дыма.

— Подите, говорю вам! — говорил он с тем неизъяснимым чувством отвращенья, какое чувствует человек при виде безобразнейшего насекомого, которого нет духу раздавить ногой. Он стряхнул так, что Чичиков почувствовал удар сапога в нос, губы и округленный подбородок, но не выпустил сапога и еще с большей силой держал ногу в своих объятьях. Два дюжих жандарма в силах оттащили его и, взявши под руки, повели через все комнаты. Он был бледный, убитый, в том бесчувственно-страшном состоянии, в каком бывает человек, видящий перед собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему...

В самых дверях на лестницу навстречу — Муразов. Луч надежды вдруг скользнул. В один миг с силой неестественной вырвался он из рук обоих жандармов и бросился в ноги изумленному старику.

— Батюшка, Павел Иванович, что с вами?

— Спасите! ведут в острог, на смерть.

Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промозглый сырой чулан с запахом сапогов и онуч гарнизонных солдат, некрашеный стол, два скверных стула, с железною решеткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой шел дым и не давало тепла, — вот обиталище, где помещен был наш <герой>, уже было начинавший вкушать сладость жизни и привлекать вниманье соотечественников в тонком новом фраке наваринского пламени и дыма. Не дали даже ему распорядиться взять с собой необходимые вещи, взять шкатулку, где были деньги. Бумаги, крепости на мертвые <души> — все было теперь у чиновников! Он повалился на землю, и плотоядный червь грусти страшной,

безнадежной обвился около его сердца. С возрастающей быстротой стала точить она это сердце, ничем не защищенное. Еще день такой, день такой грусти, и не было <бы> Чичикова вовсе на свете. Но и над Чичиковым не дремствовала чья-то всеспасающая рука. Час спустя двери тюрьмы растворились: взошел старик Муразов.

Если бы терзаемому палящей жаждой влил кто в засохнувшее горло струю ключевой воды, то он бы не оживился так, как оживился бедный Чичиков.

— Спаситель мой! — сказал Чичиков и, схвативши вдруг его руку, быстро поцеловал и прижал к груди. — Бог да наградит вас за то, что посетили несчастного!

Он залился слезами.

Старик глядел на него скорбно-болезненным взором и говорил только:

— Ах, Павел, Павел Иванович! Павел Иванович, что вы сделали?

— Я подлец... Виноват... Я преступил... Но посудите, посудите, разве можно так поступать? Я — дворянин. Без суда, без следствия, бросить в тюрьму, отобрать все от меня: вещи, шкатулка... там деньги, там все имущество, там все мое имущество, Афанасий Васильевич, — имущество, которое кровным потом приобрел...

И, не в силах будучи удерживать порыва вновь подступившей к сердцу грусти, он громко зарыдал голосом, проникнувшим толщу стен острога и глухо отозвавшимся в отдаленье, сорвал с себя атласный галстук и, схвативши рукою около воротника, разорвал на себе фрак наваринского пламени с дымом.

— Павел Иванович, все равно: и с имуществом, и со всем, что ни есть на свете, вы должны проститься. Вы подпали под неумолимый закон, а не под власть какого человека.

— Сам погубил себя, сам знаю — не умел вовремя остановиться. Но за что же такая страшная <кара>, Афанасий Васильевич? Я разве разбойник? От меня разве пострадал кто-нибудь? Разве я сделал кого несчастным? Трудом и потом, кровавым потом добывал копейку. Зачем добывал копейку? Затем, чтобы в довольстве прожить остаток дней, оставить что-нибудь детям, которых намеревался приобресть для блага, для службы

отечеству. Покривил, не спорю, покривил... что ж делать? Но ведь покривил, увидя, что прямой дорогой не возьмешь и что косой дорогой больше напрямик. Но ведь я трудился, я изощрялся. А эти мерзавцы, которые по судам берут тысячи с казны, иль небогатых людей грабят, последнюю копейку сдирают с того, у кого нет ничего!.. Афанасий Васильевич! Я не блудничал, я не пьянствовал. Да ведь сколько трудов, сколько железного терпенья! Да я, можно сказать, выкупил всякую добытую копейку страданьями, страданьями! Пусть их кто-нибудь выстрадает то, что я! Ведь что вся жизнь моя: лютая борьба, судно среди волн. И потеряно, Афанасий Васильевич, то, что приобретено такой борьбой...

Он не договорил и зарыдал громко от нестерпимой боли сердца, упал на стул, и оторвал совсем висевшую разорванную полу фрака, и швырнул ее прочь от себя, и, запустивши обе руки себе в волосы, об укрепленье которых прежде старался, безжалостно рвал их, услаждаясь болью, которую хотел заглушить ничем не угасимую боль сердца.

— Ах, Павел Иванович, Павел Иванович! — говорил <Муразов>, скорбно смотря на него и качая <головой>. — Я все думаю о том, какой бы из вас был человек, если бы так же, и силою и терпеньем, да подвизались бы на добрый труд и для лучшей <цели>! Если бы хоть кто-нибудь из тех людей, которые любят добро, да употребили бы столько усилий для него, как вы для добыванья своей копейки!.. да умели бы так пожертвовать для добра и собственным самолюбием, и честолюбием, не жалея себя, как вы не жалели для добыванья своей копейки!..

— Афанасий Васильевич! — сказал бедный Чичиков и схватил его обеими руками за руки. — О, если бы удалось мне освободиться, возвратить мое имущество! клянусь вам, повел бы отныне совсем другую жизнь! Спасите, благодетель, спасите!

— Что ж могу я сделать? Я должен воевать с законом. Положим, если бы я даже и решился на это, но ведь князь справедлив, — он ни за что не отступит.

— Благодетель! вы все можете сделать. Не закон меня страшит, — я перед законом найду средства, — но то, что непов<инно> я брошен в тюрьму, что я пропаду здесь, как собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... спасите!

Он обнял ноги старика, облил их слезами.

— Ах, Павел Иванович, Павел Иванович! — говорил старик Муразов, качая <головою>. — Как вас ослепило это имущество! Из-за него вы и бедной души своей не слышите!

— Подумаю и о душе, но спасите!

— Павел Иванович! — сказал старик Муразов и остановился. — Спасти вас не в моей власти, — вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сделать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павел Иванович, — я попрошу у вас награды за труды: бросьте все эти поползновенья на эти приобретения. Говорю вам по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества, — а у меня его больше, чем у вас, — я бы не заплакал. Ей-ей, <дело> не в этом имуществе, которое могут у меня конфисковать, а в том, которого никто не может украсть и отнять! Вы уж пожили на свете довольно. Вы сами называете жизнь свою судном среди волн. У вас есть уже чем прожить остаток дней. Поселитесь себе в тихом уголке, поближе к церкви и простым, добрым людям; или, если знобит сильное желанье оставить по себе потомков, женитесь на небогатой доброй девушке, привыкшей к умеренности и простому хозяйству. Забудьте этот шумный мир и все его обольстительные прихоти; пусть и он вас позабудет. В нем нет успокоенья. Вы видите: все в нем враг, искуситель или предатель.

Чичиков задумался. Что-то странное, какие-то неведомые дотоле, незнаемые чувства, ему необъяснимые, пришли к нему: как будто хотело в нем что-то пробудиться, что-то подавленное из детства суровым, мертвым поученьем, бесприветностью скучного детства, пустынностью родного жилища, бессемейным одиночеством, нищетой и бедностью первоначальных впечатлений, суровым взглядом судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутно занесенное зимней вьюгой окно.

— Спасите только, Афанасий Васильевич! — вскричал он, — поведу другую жизнь, последую вашему совету! Вот вам мое слово!

— Смотрите же, Павел Иванович, от слова не отступитесь, — сказал Муразов, держа его руку.

— Отступился бы, может быть, если бы не такой страшный урок, — сказал, вздохнувши, бедный Чичиков и прибавил: — Но урок тяжел; тяжел, тяжел урок, Афанасий Васильевич!

— Хорошо, что тяжел. Благодарите за это Бога, помолитесь. Я пойду о вас стараться.

Сказавши это, старик вышел.

Чичиков уже не плакал, не рвал на себе фрака и волос: он успокоился.

— Нет, полно! — сказал он наконец, — другую, другую жизнь. Пора в самом деле сделаться порядочным. О, если бы мне как-нибудь только выпутаться и уехать хоть с небольшим капиталом, поселюсь вдали от... А купчие?.. — Он подумал: «Что ж? зачем оставить это дело, стольким трудом приобретенное?.. Больше не стану покупать, но заложить те нужно. Ведь приобретенье это стоило трудов! Это я заложу, заложу, с тем чтобы купить на деньги поместье. Сделаюсь помещиком, потому что тут можно сделать много хорошего». И в мыслях его пробудились те чувства, которые овладели им, когда он был <у> Гоброжогло[1], и милая, при греющем свете вечернем, умная беседа хозяина о том, как плодотворно и полезно занятье поместьем. Деревня так вдруг представилась ему прекрасно, точно как бы он в силах был почувствовать все прелести деревни.

— Глупы мы, за суетой гоняемся! — сказал он наконец. — Право, от безделья! Все близко, все под рукой, а мы бежим за тридевять <земель>. Чем не жизнь, если займешься хоть бы и в глуши? Ведь удовольствие действительно в труде. И ничего нет слаще, как плод собственных трудов... Нет, займусь трудом, поселюсь в деревне, и займусь честно, так, чтобы иметь доброе влиянье и на других. Что ж в самом деле, будто я уже совсем негодный? У меня есть способности к хозяйству; я имею качества и бережливости, и расторопности, благоразумия, даже постоянства. Стоит только решиться, чувствую, что есть. Теперь только истинно и ясно чувствую, что есть какой-то долг, который нужно исполнять человеку на земле, не отрываясь от того места и угла, на котором он постановлен.

И трудолюбивая жизнь, удаленная от шума городов и тех обольщений, которые от праздности выдумал, позабывши труд, человек, так сильно стала перед ним рисоваться, что он уже почти позабыл всю неприятность своего положения и, может быть, готов

[1] *То есть Скудронжогло.*

был даже возблагодарить Провиденье за этот тяжелый <урок>, если только выпустят его и отдадут хотя часть. Но... одностворчатая дверь его нечистого чулана растворилась, вошла чиновная особа — Самосвистов, эпикуреец, собой лихач, отличный товарищ, кутила и продувная бестия, как выражались о нем сами товарищи. В военное время человек этот наделал бы чудес: его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимые, опасные места, украсть перед носом у самого неприятеля пушку, — это его бы дело. Но, за неимением военного поприща, на котором бы, может быть, он был честным человеком, он пакостил и гадил. Непостижимое дело! с товарищами он был хорош, никого не продавал и, давши слово, держал; но высшее над собою начальство он считал чем-то вроде неприятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всяким слабым местом, проломом или упущением...

— Знаем все об вашем положении, все услышали! — сказал он, когда увидел, что дверь за ним плотно затворилась. — Ничего, ничего! Не робейте: все будет поправлено. Все станет работать за вас и — ваши слуги! Тридцать тысяч на всех — и ничего больше.

— Будто? — вскрикнул Чичиков. — И я буду совершенно оправдан?

— Кругом! еще и вознагражденье получите за убытки.

— И за труд?..

— Тридцать тысяч. Тут уже все вместе — и нашим, и генерал-губернаторским, и секретарю.

— Но позвольте, как же я могу? Мои все вещи... шкатулка... все это теперь запечатано, под присмотром...

— Через час получите все. По рукам, что ли?

Чичиков дал руку. Сердце его билось, и он не доверял, чтобы это было возможно...

— Пока прощайте! Поручил вам <сказать> наш общий приятель, что главное дело — спокойствие и присутствие духа.

«Гм! — подумал Чичиков, — понимаю: юрисконсульт!»

Самосвистов скрылся. Чичиков, оставшись, все еще не доверял словам, как не прошло часа после этого разговора, как была принесена шкатулка: бумаги, деньги — и всё в наилучшем порядке. Самосвистов явился в качестве распорядителя: выбранил

поставленных часовых за то, что небдительно смотрели, приказал приставить еще лишних солдат для усиленья присмотра, взял не только шкатулку, но отобрал даже все такие бумаги, которые могли бы чем-нибудь компрометировать Чичикова; связал все это вместе, запечатал и повелел самому солдату отнести немедленно к самому Чичикову, в виде необходимых ночных и спальных вещей, так что Чичиков, вместе с бумагами, получил даже и все теплое, что нужно было для покрытия бренного его тела. Это скорое доставление обрадовало его несказанно. Он возымел сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какие приманки: вечером театр, плясунья, за которою он волочился. Деревня и тишина стали бледней, город и шум — опять ярче, ясней... О, жизнь!

А между тем завязалось дело размера беспредельного в судах и палатах. Работали перья писцов, и, понюхивая табак, трудились казусные головы, любуясь как художники, крючковатой строкой. Юрисконсульт, как скрытый маг, незримо ворочал всем механизмом; всех опутал решительно, прежде чем кто успел осмотреться. Путаница увеличилась. Самосвистов превзошел самого себя отважностью и дерзостью неслыханною. Узнавши, где караулилась схваченная женщина, он явился прямо и вошел таким молодцом и начальником, что часовой сделал ему честь и вытянулся в струнку.

— Давно ты здесь стоишь?

— С утра, ваше благородие!

— Долго до смены?

— Три часа, ваше благородие!

— Ты мне будешь нужен. Я скажу офицеру, чтобы наместо тебя отрядил другого.

— Слушаю, ваше благородие!

И, уехав домой, ни минуты не медля, чтобы не замешивать никого и все концы в воду, сам нарядился жандармом, оказался в усах и бакенбардах — сам черт бы не узнал. Явился в доме, где был Чичиков, и, схвативши первую бабу, какая попалась, сдал ее двум чиновным молодцам, докам тоже, а сам прямо явился в усах и с ружьем, как следует, к часовым:

— Ступай, меня прислал командир выстоять, наместо тебя, смену. — Обменился к часовым и стал сам с ружьем.

Только этого было и нужно. В это время наместо прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куды-то так, что и потом не узнали, куда она делась. В то время, когда Самосвистов подвизался в лице воина, юрисконсульт произвел чудеса на гражданском поприще: губернатору дал знать стороною, что прокурор на него пишет донос; жандармскому чиновнику дал знать, <что> секретно проживающий чиновник пишет на него доносы; секретно проживавшего чиновника уверил, что есть еще секретнейший чиновник, который на него доносит, — и всех привел в такое положение, что к нему должны были обратиться за советами. Произошла такая бестолковщина: донос сел верхом на доносе, и пошли открываться такие дела, которых и солнце не видало, и даже такие, которых и. не было. Все пошло в работу и в дело: и кто незаконнорожденный сын, и какого рода и званья у кого любовница, и чья жена за кем волочится. Скандалы, соблазны и все так замешалось и сплелось вместе с историей Чичикова, с мертвыми душами, что никоим образом нельзя было понять, которое из этих дел было главнейшая чепуха: оба казались равного достоинства. Когда стали наконец поступать бумаги к генерал-губернатору, бедный князь ничего не мог понять. Весьма умный и расторопный чиновник, которому поручено было сделать экстракт, чуть не сошел с ума: никаким образом нельзя было поймать нити дела. Князь был в это время озабочен множеством других дел, одно другого неприятнейших. В одной части губернии оказался голод. Чиновники, посланные раздать хлеб, как-то не так распорядились, как следовало. В другой части губернии расшевелились раскольники. Кто-то пропустил между ними, что народился антихрист, который и мертвым не дает покоя, скупая какие-то мертвые души. Каялись и грешили и, под видом изловить антихриста, укокошили неантихристов. В другом месте мужики взбунтовались против помещиков и капитан-исправников. Какие-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступает такое время, что мужики должны <быть> помещики и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и будут мужики, — и целая волость, не размысля того, что слишком много выйдет тогда помещиков и капитан-исправников, отказалась платить всякую подать. Нужно было прибегнуть к насильственным мерам. Бедный князь был

в самом расстроенном состоянии духа. В это время доложили ему, что пришел откупщик.

— Пусть войдет, — сказал князь.

Старик взошел...

— Вот вам Чичиков! Вы стояли за него и защищали. Теперь он попался в таком деле, на какое последний вор не решится.

— Позвольте вам доложить, ваше сиятельство, что я не очень понимаю это дело.

— Подлог завещания, и еще какой!.. Публичное наказание плетьми за этакое дело!

— Ваше сиятельство, скажу не с тем, чтобы защищать Чичикова. Но ведь это дело не доказанное: следствие еще не сделано.

— Улика: женщина, которая была наряжена наместо умершей, схвачена. Я ее хочу расспросить нарочно при вас. — Князь позвонил и дал приказ позвать ту женщину.

Муразов замолчал.

— Бесчестнейшее дело! И, к стыду, замешались первые чиновники города, сам губернатор. Он не должен быть там, где воры и бездельники! — сказал князь с жаром.

— Ведь губернатор — наследник; он имеет право на притязания; а что другие-то со всех сторон прицепились, так это-с, ваше сиятельство, человеческое дело. Умерла-с богатая, распоряженья умного и справедливого не сделала; слетелись со всех сторон охотники поживиться — человеческое дело...

— Но ведь мерзости зачем же делать?.. Подлецы! — сказал князь с чувством негодованья. — Ни одного чиновника нет у меня хорошего: все — мерзавцы!

— Ваше сиятельство! да кто же из нас, как следует, хорош? Все чиновники нашего города — люди, имеют достоинства и многие очень знающие в деле, а от греха всяк близок.

— Послушайте, Афанасий Васильевич, скажите мне, я вас одного знаю за честного человека, что у вас за страсть защищать всякого рода мерзавцев?

— Ваше сиятельство, — сказал Муразов, — кто бы ни был человек, которого вы называете мерзавцем, но ведь он человек. Как же не защищать человека, когда знаешь, что он половину зол делает от грубости и неведенья? Ведь мы делаем несправедливости на всяком шагу и всякую минуту бываем причиной несчастья

другого, даже и не с дурным намереньем. Ведь ваше сиятельство сделали также большую несправедливость.

— Как! — воскликнул в изумлении князь, совершенно пораженный таким нежданным оборотом речи.

Муразов остановился, помолчал, как бы соображая что-то, и наконец сказал:

— Да вот хоть бы по делу Дерпенникова.

— Афанасий Васильевич! Преступленье против коренных государственных законов, равное измене земле своей!..

— Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который по неопытности своей был обольщен и сманен другими, осудить так, как и того, который был один из зачинщиков? Ведь участь постигла ровная и Дерпенникова, и какого-нибудь Вороного-Дрянного; а ведь преступленья их не равны.

— Ради Бога... — сказал князь с заметным волненьем, — вы что-нибудь знаете об этом? скажите. Я именно недавно послал еще прямо в Петербург об смягчении его участи.

— Нет, ваше сиятельство, я не насчет того говорю, чтобы я знал что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило в его пользу, да он сам не согласится, потому <что> через это пострадал бы другой. А я думаю только то, что не изволили ли вы тогда слишком поспешить. Извините, ваше сиятельство, я сужу по своему слабому разуму. Вы несколько раз приказывали мне откровенно говорить. У меня-с, когда я еще был начальником, много было всяких работников, и дурных и хороших... Следовало бы тоже принять во внимание и прежнюю жизнь человека, потому что, если не рассмотришь все хладнокровно, а накричишь с первого раза, — запугаешь только его, да и признанья настоящего не добьешься: а как с участием его расспросишь, как брат брата, — сам все выскажет и даже не просит о смягчении, и ожесточенья ни против кого нет, потому что ясно видит, что не я его наказываю, а закон.

Князь задумался. В это время вошел молодой чиновник и почтительно остановился с портфелем. Забота, труд выражались на его молодом и еще свежем лице. Видно было, что он недаром служил по особым порученьям. Это был один из числа тех немногих, который занимался делопроизводством con amore. Не сгорая ни честолюбьем, ни желаньем прибытков, ни подражаньем другим,

он занимался только потому, что был убежден, что ему нужно быть здесь, а не на другом месте, что для этого дана ему жизнь. Следить, разобрать по частям, и, поймавши все нити запутаннейшего дела, разъяснить его — это было его дело. И труды, и старания, и бессонные ночи вознаграждались ему изобильно, если дело наконец начинало перед ним объясняться, сокровенные причины обнаруживаться, и он чувствовал, что может передать его все в немногих словах, отчетливо и ясно, так что всякому будет очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученик, когда пред ним раскрывалась какая-<нибудь> труднейшая фраза и обнаруживается настоящий смысл мысли великого писателя, как радовался он, когда пред ним распутывалось запутаннейшее дело. Зато...[1]

[2] ...хлебом в местах, где голод; я эту часть получше знаю чиновников: рассмотрю самолично, что кому нужно. Да если позволите, ваше сиятельство, я поговорю и с раскольниками. Они-то с нашим братом, с простым человеком, охотнее разговорятся. Так, Бог весть, может быть, помогу уладить с ними миролюбиво. А денег-то от вас я не возьму, потому что, ей-Богу, стыдно в такое время думать о своей прибыли, когда умирают с голода. У меня есть в запасе готовый хлеб; я и теперь еще послал в Сибирь, и к будущему лету вновь подвезут.

— Вас может только наградить один Бог за такую службу, Афанасий Васильевич. А я вам не скажу ни одного слова, потому что, — вы сами можете чувствовать, — всякое слово тут бессильно. Но позвольте мне одно сказать насчет той просьбы. Скажите сами: имею ли я право оставить это дело без внимания и справедливо ли, честно ли с моей стороны будет простить мерзавцев.

— Ваше сиятельство, ей-Богу, этак нельзя называть, тем более что из <них> есть многие весьма достойные. Затруднительны положенья человека, ваше сиятельство, очень, очень затруднительны. Бывает так, что, кажется, кругом виноват человек; а как войдешь — даже и не он.

— Но что скажут они сами, если оставлю? Ведь есть из них, которые после этого еще больше подымут нос и будут даже говорить, что они напугали. Они первые будут не уважать...

[1] *Далее часть рукописи отсутствует.*

[2] *Текст начинается с новой страницы, начало фразы в рукописи отсутствует.*

— Ваше сиятельство, позвольте мне вам дать свое мнение: соберите их всех, дайте им знать, что вам все известно, и представьте им ваше собственное положение точно таким самым образом, как вы его изволили изобразить сейчас передо мной, и спросите у них совета: что <бы> из них каждый сделал на вашем положении?

— Да вы думаете, им будут доступны движенья благороднейшие, чем каверзничать и наживаться? Поверьте, они надо мной посмеются.

— Не думаю-с, ваше сиятельство. У [русского] человека, даже и у того, кто похуже других, все-таки чувство справедливо. Разве жид какой-нибудь, а не русский. Нет, ваше сиятельство, вам нечего скрываться. Скажите так точно, как изволили перед <мной>. Ведь они вас поносят, как человека честолюбивого, гордого, который и слышать ничего не хочет, уверен в себе, — так пусть же увидят всё, как оно есть. Что ж вам? Ведь ваше дело правое. Скажите им так, как бы вы не пред ними, а пред Самим Богом принесли свою исповедь.

— Афанасий Васильевич, — сказал князь в раздумье, — я об этом подумаю, а покуда благодарю вас очень за совет.

— А Чичикова, ваше сиятельство, прикажите отпустить.

— Скажите этому Чичикову, чтобы он убирался отсюда как можно поскорей, и чем дальше, тем лучше. Его-то уже я бы никогда не простил.

Муразов поклонился и прямо от князя отправился к Чичикову. Он нашел Чичикова уже в духе, весьма покойно занимавшегося довольно порядочным обедом, который был ему принесен в фаянсовых судках из какой-то весьма порядочной кухни. По первым фразам разговора старик заметил тотчас, что Чичиков уже успел переговорить кое с кем из чиновников-казусников. Он даже понял, что сюда вмешалось невидимое участие знатока-юрисконсульта.

— Послушайте-с, Павел Иванович, — сказал он, — я привез вам свободу на таком условии, чтобы сейчас вас не было в городе. Собирайте все пожитки свои — да и с Богом, не откладывая ни минуту, потому что дело еще хуже. Я знаю-с, вас тут один человек настраивает; так объявляю вам по секрету, что такое еще дело одно открывается, что уж никакие силы не спасут этого. Он, конечно,

рад других топить, чтобы нескучно, да дело к разделке. Я вас оставил в расположенье хорошем, — лучшем, нежели в каком теперь. Советую вам-с не в шутку. Ей <ей> дело не в этом имуществе, из-за которого спорят и режут друг друга люди, точно как можно завести благоустройство в здешней жизни, не помысливши о другой жизни. Поверьте-с, Павел Иванович, что покамест, бросят все то, из-за чего грызут и едят друг друга на земле, не подумают о благоустройстве душевного имущества, не установится благоустройство и земного имущества. Наступят времена голода и бедности, как во всем народе, так и порознь во всяком... Это-с ясно. Что ни говорите, ведь от души зависит тело. Как же хотеть, чтобы <шло> как следует. Подумайте не о мертвых душах, а <о> своей живой душе, да и с Богом на другую дорогу! Я тож выезжаю завтрашний день. Поторопитесь! не то без меня беда будет.

Сказавши это, старик вышел. Чичиков задумался. Значенье жизни опять показалось немаловажным. «Муразов прав, — сказал он, — пора на другую дорогу!» Сказавши это, он вышел из тюрьмы. Часовой потащил за ним шкатулку, другой — чемодан белья. Селифан и Петрушка обрадовались, как Бог знает чему, освобожденью барина.

— Ну, любезные, — сказал Чичиков, обратившись <к ним> милостиво, — нужно укладываться да ехать.

— Покатим, Павел Иванович, — сказал Селифан. — Дорога, должно быть, установилась: снегу выпало довольно. Пора уж, право, выбраться из города. Надоел он так, что и глядеть на него не хотел бы.

— Ступай к каретнику, чтобы поставил коляску на полозки, — сказал Чичиков, а сам пошел в город, но ни <к> кому не хотел заходить отдавать прощальных визитов. После всего этого события было и неловко, — тем более, что о нем множество ходило в городе самых неблагоприятных историй. Он избегал всяких встреч и зашел потихоньку только к тому купцу, у которого купил сукна наваринского пламени с дымом, взял вновь четыре аршина на фрак и на штаны и отправился сам к тому же портному. За двойную <цену> мастер решился усилить рвение и засадил всю ночь работать при свечах портное народонаселение — иглами, утюгами и зубами, и фрак на другой день был готов, хотя и немножко поздно. Лошади все были запряжены.

Чичиков, однако ж, фрак примерил. Он был хорош, точь-точь как прежний. Но, увы! он заметил, что в голове уже белело что-то гладкое, и примолвил грустно: «И зачем было предаваться так сильно сокрушенью? А рвать волос не следовало бы и подавно». Расплатившись с портным, он выехал наконец из города в каком-то странном положении. Это был не прежний Чичиков. Это была какая-то развалина прежнего Чичикова. Можно было сравнить его внутреннее состояние души с разобранным строеньем, которое разобрано с тем, чтобы строить из него же новое; а новое еще не начиналось, потому что не пришел от архитектора определительный план и работники остались в недоуменье. Часом прежде его отправился старик Муразов, в рогоженной кибитке, вместе с Потапычем, а часом после отъезда Чичикова пошло приказание, что князь, по случаю отъезда в Петербург, желает видеть всех чиновников до едина.

В большом зале генерал-губернаторского дома собралось все чиновное сословие города, начиная от губернатора до титулярного советника: правители канцелярий и дел, советники, асессоры, Кислоедов, Красноносов, Самосвистов, не бравшие, бравшие, кривившие душой, полукривившие и вовсе не кривившие, — все ожидало с некоторым не совсем спокойным ожиданием генеральского выхода. Князь вышел ни мрачный, ни ясный: взор его был тверд, так же как и шаг... Все чиновное собрание поклонилось, многие — в пояс. Ответив легким поклоном, князь начал:

— Уезжая в Петербург, я почел приличным повидаться с вами всеми и даже объяснить вам отчасти причину. У нас завязалось дело очень соблазнительное. Я полагаю, что многие из предстоящих знают, о каком деле я говорю. Дело это повело за собою открытие и других, не менее бесчестных дел, в которых замешались даже наконец и такие люди, которых я доселе почитал честными. Известна мне даже и сокровенная цель спутать таким образом все, чтобы оказалась полная невозможность решить формальным порядком. Знаю даже, и кто главная пружина и чьим сокровенным...[1], хотя он и очень искусно скрыл свое участие. Но дело в том, что я намерен это следить не формальным следованьем по бумагам, а военным быстрым судом, как в военное <время>,

[1] *В рукописи не дописано.*

и надеюсь, что государь мне даст это право, когда я изложу все это дело. В таком случае, когда нет возможности произвести дело гражданским образом, когда горят шкафы с <бумагами> и, наконец, излишеством лживых посторонних показаний и ложными доносами стараются затемнить и без того довольно темное дело, — я полагаю военный суд единственным средством и желаю знать мнение ваше.

Князь остановился, как <бы> ожидая ответа. Все стояло, потупив глаза в землю. Многие были бледны.

— Известно мне также еще одно дело, хотя производившие его в полной уверенности, что оно никому не может быть известно. Производство его уже пойдет не по бумагам, потому что истцом и челобитчиком я буду уже сам и представлю очевидные доказательства.

Кто-то вздрогнул среди чиновного собрания; некоторые из боязливейших тоже смутились.

— Само по себе, что главным зачинщикам должно последовать лишенье чинов и имущества, прочим — отрешенье от мест. Само собою разумеется, что в числе их пострадает и множество невинных. Что ж делать? Дело слишком бесчестное и вопиет о правосудии. Хотя я знаю, что это будет даже и не в урок другим, потому что наместо выгнанных явятся другие, и те самые, которые дотоле были честны, сделаются бесчестными, и те самые, которые удостоены будут доверенности, обманут и продадут, — несмотря на все это, я должен поступить жестоко, потому что вопиет правосудие. Знаю, что меня будут обвинять в суровой жестокости, но знаю, что те будут еще...[1] меня те же обвинять...[2] Я должен обратиться теперь только в одно бесчувственное орудие правосудия, в топор, который должен упасть на головы.

Содроганье невольно пробежало по всем лицам. Князь был спокоен. Ни гнева, ни возмущенья душевного не выражало его лицо.

— Теперь тот самый, у которого в руках участь многих и которого никакие просьбы не в силах были умолить, тот самый бросается теперь к ногам вашим, вас всех просит. Все будет позабыто,

[1] *Край листа рукописи оторван.*
[2] *Край листа рукописи оторван.*

изглажено, прощено; я буду сам ходатаем за всех, если исполните мою просьбу. Вот моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаниями нельзя искоренить неправды: она слишком уже глубоко вкоренилась. Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными. Знаю, что уже почти невозможно многим идти противу всеобщего теченья. Но я теперь должен, как в решительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякий гражданин несет все и жертвует всем, — я должен сделать клич хотя к тем, у которых еще есть в груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово «благородство». Что тут говорить о том, кто более из нас виноват! Я, может быть, больше всех виноват; я, может быть, слишком сурово вас принял вначале; может быть, излишней подозрительностью я оттолкнул из вас тех, которые искренно хотели мне быть полезными, хотя и я, с своей стороны, мог бы также сделать <им упрек>. Если они уже действительно любили справедливость и добро своей земли, не следовало бы им оскорбиться на надменность моего обращения, следовало бы им подавить в себе собственное честолюбие и пожертвовать своей личностью. Не может быть, чтобы я не заметил их самоотверженья и высокой любви к добру и не принял бы наконец от них полезных и умных советов. Все-таки скорей подчиненному следует применяться к нраву начальника, чем начальнику к нраву подчиненного. Это законней по крайней мере и легче, потому что у подчиненных один начальник, а у начальника сотни подчиненных. Но оставим теперь в сторону, кто кого больше виноват. Дело в том, что пришло нам спасать нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управленья, образовалось другое правленье, гораздо сильнейшее всякого законного. Установились свои условия; все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как <ни> ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. Все будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстанья народ вооружался против <врагов>, так должен восстать

против неправды. Как русский, как связанный с вами единокровным родством, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь <к> вам. Я обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятье какое-нибудь о том, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва...[1]

[1] *На этом рукопись обрывается.*

Позднейшая редакция

Глава первая

Зачем же изображать бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства? Что ж делать, если уже такого свойства сочинитель, и, заболев собственным несовершенством, уже и не может изображать он ничего другого, как только бедность, да бедность, да несовершенство нашей жизни, выкапывая людей из глуши, из отдаленных закоулков государства. И вот опять попали мы в глушь, опять наткнулись на закоулок.

Зато какая глушь и какой закоулок?

Как бы исполинский вал какой-то бесконечной крепости, с наугольниками и бойницами, шли, извиваясь, на тысячу с лишком верст горные возвышения. Великолепно возносились они над бесконечными пространствами равнин, то отломами, в виде отвесных стен, известковато-глинистого свойства, исчерченных проточинами и рытвинами, то миловидно круглившимися зелеными выпуклинами, покрытыми, как мерлушками, молодым кустарником, подымавшимся от срубленных дерев, то, наконец, темными гущами леса, каким-то чудом еще уцелевшими от топора. Река то, верная своим берегам, давала вместе с ними колена и повороты, то отлучалась прочь в луга, затем, чтобы, извившись там в несколько извивов, блеснуть, как огонь, перед солнцем, скрыться в рощи берез, осин и ольх и выбежать оттуда в торжестве, в сопровождении мостов, мельниц и плотин, как бы гонявшихся за нею на всяком повороте.

В одном месте крутой бок возвышений убирался гуще в зеленые кудри дерев. Искусственным насажденьем благодаря неровности гористого оврага север и юг растительного царства собрались сюда вместе. Дуб, ель, лесная груша, клен, вишняк и терновник, чилига и рябина, опутанная хмелем, то помогая друг <другу> в росте, то заглушая друг друга, карабкались по всей горе, от низу до верху. Вверху же, у самого ее темени, примешивались к их зеленым верхушкам красные крышки господских строений, коньки и гребни сзади скрывшихся изб, верхняя надстройка господского дома с резным балконом и большим полукруглым окном.

И над всем этим собраньем дерев и крыш возносилась свыше всего своими пятью позлащенными, играющими верхушками старинная деревенская церковь. На всех ее главах стояли золотые прорезные кресты, утвержденные золотыми прорезными же цепями, так что издали казалось — висело на воздухе ничем не поддержанное, сверкавшее горячими червонцами золото. И все это в опрокинутом виде, верхушками, крышками, крестами вниз, миловидно отражалось в реке, где безобразно-дуплистые ивы, одни стоят у берегов, другие совсем в воде, опустивши туда и ветви и листья, точно как рассматривали это чудное изображение, где только не мешала им склизкая бодяга с пловучей яркой зеленью желтых кувшинчиков.

Вид был очень хорош, но вид сверху вниз, с надстройки дома на отдаленья, был еще лучше. Равнодушно не мог выстоять на балконе никакой гость и посетитель. От изумленья у него захватывало в груди дух, и он только вскрикивал: «Господи, как здесь просторно!» Без конца, без пределов открывались пространства. За лугами, усеянными рощами и водяными мельницами, в несколько зеленых поясов зеленели леса; за лесами, сквозь воздух, уже начинавший становиться мглистым, желтели пески — и вновь леса, уже синевшие, как моря или туман, далеко разливавшийся; и вновь пески, еще бледней, но все желтевшие. На отдаленном небосклоне лежали гребнем меловые горы, блиставшие белизною даже и в ненастное время, как бы освещало их вечное солнце. По ослепительной белизне их, у подошв, местами мелькали как бы дымившиеся туманно-сизые пятна. Это были отдаленные деревни; но их уже не мог рассмотреть человеческий глаз. Только вспыхивавшая при солнечном освещении искра золотой церковной маковки давала знать, что это было людное большое селение. Все это облечено было в тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшие до слуха отголоски воздушных певцов, пропадавшие в пространствах. Гость, стоявший на балконе, и после какого-нибудь двухчасового созерцания ничего другого не мог выговорить, как только: «Господи, как здесь просторно!»

Кто ж был жилец и владетель этой деревни, к которой, как к неприступной крепости, нельзя было и подъехать отсюда, а нужно было подъезжать с другой стороны, где врассыпку дубы

встречали приветливо подъезжавшего гостя, расставляя широко распростертые ветви, как дружеские объятья, и провожая его к лицу того самого дома, которого верхушку видели мы сзади и который стоял теперь весь налицо, имея по одну сторону ряд изб, выказывавших коньки и резные гребни, а по другую — церковь, блиставшую золотом крестов и золотыми прорезными узорами висевших в воздухе цепей? Какому счастливцу принадлежал этот закоулок?

Помещику Тремалаханского уезда, Андрею Ивановичу Тентетникову, молодому тридцатитрехлетнему счастливцу и притом еще и неженатому человеку.

Кто ж он, что ж он, каких качеств, каких свойств человек? У соседей, читательницы, у соседей следует расспросить. Сосед, принадлежавший к фамилии ловких, уже ныне вовсе исчезающих, отставных штаб-офицеров брандеров, изъяснялся о нем выраженьем: «Естественнейший скотина!» Генерал, проживавший в десяти верстах, говорил: «Молодой человек неглупый, но много забрал себе в голову. Я бы мог быть ему полезным, потому что у меня не без связей и в Петербурге, и даже при...» — генерал речи не оканчивал. Капитан-исправник давал такой оборот ответу: «[Да ведь чинишка на нем дрянь] — а вот я завтра же к нему за недоимкой!» Мужик его деревни на вопрос о том, какой у них барин, ничего не отвечал. Стало быть, мненье о нем было неблагоприятное.

Беспристрастно же сказать — он не был дурной человек, он просто коптитель неба. Так как уже не мало есть на белом свете людей, которые коптят небо, то почему ж и Тентетникову не коптить его? Впрочем, вот на выдержку день из его жизни, совершенно похожий на все другие, и пусть из него судит читатель сам, какой у него был характер и как его жизнь соответствовала окружавшим его красотам.

Поутру просыпался он очень поздно и, приподнявшись, долго сидел на своей кровати, протирая глаза. И так как глаза, на беду, были маленькие, то протиранье их производилось необыкновенно долго, и во все это время стоял у дверей человек Михайло с рукомойником и полотенцем. Стоял этот бедный Михайло час, другой, отправлялся потом на кухню, потом вновь приходил — барин все еще протирал глаза и сидел на кровати.

Наконец подымался он с постели, умывался, надевал халат и выходил в гостиную затем, чтобы пить чай, кофий, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлеба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы бессовестно. И два часа просиживал он за чаем. И этого мало: он брал еще холодную чашку и с ней подвигался к окну, обращенному на двор. У окна же происходила всякий день следующая сцена.

Прежде всего ревел Григорий, дворовый человек в качестве буфетчика, относившийся к домоводке Перфильевне почти в сих выражениях:

— Душонка ты возмутительная, ничтожность этакая! Тебе бы, гнусной, молчать!

— А не хочешь ли вот этого? — выкрикивала ничтожность, или Перфильевна, показывая кукиш, — баба жесткая в поступках, несмотря на то что охотница была до изюму, пастилы и всяких сластей, бывших у нее под замком.

— Ведь ты и с приказчиком сцепишься, мелочь ты анбарная! — ревел Григорий.

— Да и приказчик вор такой же, как и ты. Думаешь, барин не знает вас? ведь он здесь, ведь он все слышит.

— Где барин?

— Да вот он сидит у окна; он все видит.

И точно, барин сидел у окна и все видел.

К довершению содома кричал кричмя дворовый ребятишка, получивший от матери затрещину, визжал борзой кобель, присев задом к земле, по поводу горячего кипятка, которым обкатил его, выглянувши из кухни, повар. Словом, все голосило и верещало невыносимо. Барин все видел и слышал. И только тогда, когда это делалось до такой степени несносно, что мешало даже ничем не заниматься, высылал он сказать, чтобы шумели потише...

За два часа до обеда уходил он к себе в кабинет затем, чтобы заняться сурьезно сочинением, долженствовавшим обнять всю Россию со всех точек — с гражданской, политической, религиозной, философической, разрешить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временем, и определить ясно ее великую будущность; словом — все так и в том виде, как любит задавать себе современный человек. Впрочем, колоссальное предприятие больше ограничивалось одним обдумыванием: изгрызалось перо,

являлись на бумаге рисунки, и потом все это отодвигалось на сторону, бралась наместо того в руки книга и уже не выпускалась до самого обеда. Книга эта читалась вместе с супом, соусом, жарким и даже с пирожным, так что иные блюда оттого стыли, а другие принимались вовсе нетронутыми. Затем следовала трубка с кофием, игра в шахматы с самим собой; что же делалось потом до самого ужина — право, и сказать трудно. Кажется, просто ничего не делалось.

И этак проводил время, один-одинешенек в целом <мире>, молодой тридцатидвухлетний человек, сидень сиднем, в халате и без галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотелось даже подняться вверх, не хотелось даже растворять окна затем, чтобы забрать свежего воздуха в комнату, и прекрасный вид деревни, которым не мог равнодушно любоваться никакой посетитель, точно не существовал для самого хозяина.

Из этого может читатель видеть, что Андрей Иванович Тентетников принадлежал к семейству тех людей, которые на Руси не переводятся, которым прежде имена были: увальни, лежебоки, байбаки, и которых теперь, право, не знаю, как назвать. Родятся ли уже такие характеры, или потом образуются, как порождение печальных обстоятельств, сурово обстанавливающих человека? Вместо ответа на это лучше рассказать историю его воспитания и детства.

Казалось, все клонилось к тому, чтобы вышло из него что-то путное. Двенадцатилетний мальчик, остроумный, полузадумчивого свойства, полуболезненный, попал он в учебное заведение, которого начальником на ту пору был человек необыкновенный. Идол юношей, диво воспитателей, несравненный Александр Петрович одарен был чутьем слышать природу человека. Как знал он свойства русского человека! Как знал он детей! Как умел двигать! Не было шалуна, который, сделавши шалость, не пришел <бы> к нему сам и не повинился во всем. Этого мало, он получал строгий <выговор>, но уходил от него, не повесивши нос, но подняв его. И было что-то ободряющее, что-то говорившее: «Вперед! Поднимайся скорее на ноги несмотря, что ты упал». Не было у него и речи к ним о хорошем поведении. Он обыкновенно говорил: «Я требую ума, а не чего-либо другого. Кто помышляет о том, чтобы быть умным, тому некогда шалить: шалость должна

исчезнуть сама собою». И точно, шалости исчезали сами собою. Презрению товарищей подвергался тот, кто не стремился быть <лучше>. Обиднейшие прозвища должны были переносить взрослые ослы и дураки от самых малолетних и не смели их тронуть пальцем. «Это уж слишком! — говорили многие, — умники выйдут люди заносчивые». — «Нет, это не слишком, — говорил он, — неспособных я не держу долго; с них довольно одного курса, а для умных у меня другой курс». И точно, все способные выдерживали у него другой курс. Многих резвостей он не удерживал, видя в них начало развитья свойств душевных и говоря, что они ему нужны, как сыпи врачу, — затем, чтобы узнать достоверно, что именно заключено внутри человека.

Как любили его все мальчики! Нет, никогда не бывает такой привязанности у детей к своим родителям. Нет, ни даже в безумные годы безумных увлечений не бывает так сильна неугасимая страсть, как сильна была любовь <к нему>. До гроба, до поздних дней благодарный воспитанник, подняв бокал в день рождения своего чудного воспитателя, уже давно бывшего в могиле, оставался, закрыв глаза, и лил слезы по нем. Его малейшее ободренье уже бросало в дрожь, в радость и в трепет и толкало честолюбивое желание всех превзойти. Малоспособных он не держал долго; для них у него был коротенький курс. Но способные должны были у него выдерживать двойное ученье. И последний класс, который был у него для одних избранных, вовсе не походил на те, какие бывают в других заведеньях. Тут только он требовал от воспитанника всего того, что иные неблагоразумно <требуют> от детей, — того высшего ума, который умеет не посмеяться, но вывести всякую насмешку, спустить дураку и не раздражиться, и не выйти из себя, не мстить ни в коем <случае> и пребывать в гордом покое невозмущенной души; и все, что способно образовать из человека твердого мужа, тут было употреблено в действие, и он сам делал с ними беспрерывные пробы. О, как он знал науку жизни!

Учителей у него не было много: большую часть наук читал он сам. Без педантских терминов, напыщенных воззрений и взглядов умел он передать самую душу науки, так что и малолетнему было видно, на что она ему нужна. Из наук была избрана только та, что способна образовать из человека гражданина земли своей. Большая часть лекций состояла в рассказах о том, что ожидает

юношу впереди, и весь горизонт его поприща умел он очертить <так>, что юноша, еще находясь на лавке, мыслями и душой жил уже там, на службе. Ничего не скрывал: все огорченья и преграды, какие только воздвигаются человеку на пути его, все искушения и соблазны, ему предстоящие, собирал он пред ним во всей наготе, не скрывая ничего. Все было ему известно, точно как бы перебывал он сам во всех званьях и должностях. Оттого ли, что сильно уже развилось честолюбие, оттого ли, что в самых глазах необыкновенного наставника было что-то говорящее юноше: *вперед!* — это слово, знакомое русскому человеку, производящее такие чудеса над его чуткой природой, — но юноша с самого начала искал только трудностей, алча действовать только там, где трудно, где больше препятствий, где нужно было показать большую силу души. Немногие выходили из этого курса, но зато это были обкуренные порохом люди. В службе они удержались на самых шатких местах, тогда как многие и умнейшие их, не вытерпев, из-за мелочных личных неприятностей, бросили все или же, осовев, обленясь, обезумев и опустившись, очутились в руках взяточников и плутов. Но они не пошатнулись и, зная и жизнь и человека и умудренные мудростью, возымели сильное влияние даже на дурных людей.

Пылкое сердце честолюбивого мальчишки долго билось при одной мысли о том, что он попадет наконец в это отделение. Что, казалось, могло быть лучше этого воспитателя для нашего Тентетникова! Но нужно же, чтобы в то самое время, когда он переведен был в этот курс избранных, — чего так сильно желал, — необыкновенный наставник скоропостижно [умер]! О, какой был для него удар, какая страшная первая потеря! Все переменилось в училище. На место Александра Петровича поступил какой-то Федор Иванович. Налег он тот же час на какие-то внешние порядки, стал требовать от детей того, чего можно требовать только от взрослых. В свободной их развязности почудилось ему что-то необузданное. И точно как бы назло своему предшественнику объявил с первого дня, что для него ум и успехи ничего не значат, что он будет смотреть только на хорошее поведение. Странно: хорошего-то поведения и не добился Федор Иванович. Завелись шалости потаенные. Все было в струнку днем и шло попарно, а по ночам развелись кутежи.

С науками тоже случилось что-то странное. Выписаны были новые преподаватели, с новыми взглядами и новыми углами и точками воззрений. Забросали слушателей множеством новых терминов и слов; показали они в своем изложении и логическую связь, и горячку собственного увлечения, но, увы! не было только жизни в самой науке. Мертвечиной отозвалась в устах их мертвая наука. Одним словом, все пошло навыворот. Потерялось уважение к начальству и власти: стали насмехаться и над наставниками и над преподавателями. Директора стали называть Федькой, Булкой и другими разными именами. Разврат завелся уже вовсе не детский: завелись такие дела, что нужно было многих выключить и выгнать. В два года узнать нельзя было заведения.

Андрей Иванович был нрава тихого. Его не могли увлечь ни ночные оргии товарищей, которые обзавелись какой-то дамой перед самыми окнами директорской квартиры, ни кощунство их над святыней из-за того только, что попался не весьма умный поп. Нет, душа его и сквозь сон слышала небесное свое происхождение. Его не могли увлечь, но он повесил нос. Честолюбие уже было возбуждено, а деятельности и поприща ему не было. Лучше б было и не возбуждать его. Он слушал горячившихся на кафедрах профессоров, а вспоминал прежнего наставника, который, не горячась, умел говорить понятно. Каких предметов и каких курсов он не слушал: медицину, химию, философию, и даже право, и всеобщую историю человечества в таком огромном виде, что профессор в три года успел только прочесть введение да развитие общин каких-то немецких городов, — и Бог знает чего он не слушал! Но все это оставалось в голове его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму он слышал только, что не так должно преподаваться, а как — не знал. И вспоминал он часто об Александре Петровиче, и так ему бывало грустно, что не знал он, куда деться от тоски.

Но молодость счастлива тем, что у ней есть будущее. По мере того как приближалось время к выпуску, сердце его билось. Он говорил себе: «Ведь это еще не жизнь; это только приготовленье к жизни; настоящая жизнь на службе. Там подвиги». И, не взглянувши на прекрасный уголок, так поражавший всякого гостя-посетителя, не поклонившись праху своих родителей, по обычаю всех честолюбцев понесся он в Петербург, куда, как

известно, стремится ото всех сторон России наша пылкая молодежь, — служить, блистать, выслуживаться или же просто схватывать вершки бесцветного, холодного, как лед, общественного обманчивого образованья. Честолюбивое стремление Андрея Ивановича осадил, однако же, с самого начала его дядя, действительный статский советник Онуфрий Иванович. Он объявил, что главное дело в хорошем почерке, что нужно прежде начать с чистописанья.

С большим трудом и с помощью дядиных протекций наконец он определился в какой-то департамент. Когда ввели его в великолепный светлый зал с паркетами и письменными лакированными столами, походивший на то, как <бы> заседали здесь первые вельможи государства, трактовавшие о судьбе всего государства, и увидел <он> легионы красивых пишущих господ, шумевших перьями и склонивших голову набок, и посадили его самого за стол, предложа тут же переписать какую-то бумагу, как нарочно несколько мелкого содержания — переписка шла о трех рублях, производившаяся полгода, — необыкновенно странное чувство проникнуло неопытного юношу, как бы за проступок перевели его из верхнего класса в нижний; сидевшие вокруг его господа показались ему так похожими на учеников! К довершению сходства иные из них читали глупый пе<реводный> роман, засунув его в большие листы разбираемого дела, как бы занимались самым делом, и в то же время вздрагивая при всяком появлении начальника. Так это все ему показалось странно, так занятия прежние значительнее нынешних, приуготовление к службе лучше самой службы! Ему стало жалко по школе. И вдруг как живой предстал пред ним Александр Петрович, — и чуть-чуть он не заплакал. Комната закружилась, перемешались чиновники и столы, и чуть удержался он от мгновенного потемнения. «Нет, — подумал он в себе, очнувшись, — примусь за дело, как бы оно ни казалось вначале мелким!» Скрепясь духом и сердцем, решился он служить по примеру прочих.

Где не бывает наслаждений? Живут они и в Петербурге, несмотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещит по улицам сердитый тридцатиградусный мороз; взвизгивает исчадье севера, ведьма-вьюга, заметая тротуары, слепя глаза, пудря меховые воротники, усы людей и морды мохнатых скотов, но приветливо

и сквозь летающие перекрестие охлопья светит вверху окошко где-нибудь и в четвертом этаже: в уютной комнатке, при скромных стеариновых свечках, под шумок самовара, ведется согревающий и сердце и душу разговор, читается светлая страница вдохновенного русского поэта, какими наградил Бог свою Россию, и так возвышенно пылко трепещет молодое сердце юноши, как не водится и под полуденным небом.

Скоро Тентетников свыкнулся с службою, но только она сделалась у него не первым делом и целью, как он полагал было вначале, но чем-то вторым. Она служила ему распределеньем времени, заставив его более дорожить остававшимися минутами. Дядя, действительный статский советник, уже начинал было думать, что в племяннике будет прок, как вдруг племянник подгадил. В числе друзей Андрея Ивановича, которых у него было довольно, попалось два человека, которые были то, что называется огорченные люди. Это были те беспокойно странные характеры, которые не могут переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется в их глазах несправедливостью. Добрые поначалу, но беспорядочные сами в своих действиях, требуя к себе снисхождения и в то же время исполненные нетерпимости к другим, они подействовали на него сильно и пылкой речью, и образом благородного негодованья против общества. Разбудивши в нем нервы и дух раздражительности, они заставили замечать все те мелочи, на которые он прежде и не думал обращать внимание. Федор Федорович Леницын, начальник одного из отделений, помещавшихся в великолепных залах, вдруг ему не понравился. Он стал отыскивать в нем бездну недостатков. Ему показалось, что Леницын в разговорах с высшими весь превращался в какой-то приторный сахар и — в уксус, когда обращался к нему подчиненный; что будто, по примеру всех мелких людей, брал он на замечанье тех, которые не являлись к нему с поздравлением в праздники, мстил тем, которых имена не находились у швейцара на листе; и вследствие этого он почувствовал к нему отвращенье нервическое. Какой-то злой дух толкал его сделать что-нибудь неприятное Федору Федоровичу. Он на то наискивался с каким-то особым наслаждением и в том успел. Раз поговорил он с ним до того крупно, что ему объявлено было от начальства — либо просить извинения, либо выходить

в отставку. Он подал в отставку. Дядя, действительный статский советник, приехал к нему перепуганный и умоляющий:

— Ради Самого Христа! помилуй, Андрей Иванович, что это ты делаешь? Оставлять так выгодно начатый карьер из-за того только, что попался не такой, как хочется, начальник! Помилуй! что ты? что ты? Ведь если на это глядеть, тогда и в службе никто бы не остался. Образумься, отринь гордость, самолюбье, поезжай и объяснись с ним!

— Не в том дело, дядюшка, — сказал племянник. — Мне не трудно попросить у него извиненья. Я виноват: он начальник, и так не следовало говорить с ним. Но дело вот в чем. У меня есть другая служба: триста душ крестьян, имение в расстройстве, управляющий — дурак. Государству утраты немного, если вместо меня сядет в канцелярию другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человек не заплатят податей. Я — что вы подумаете? — помещик [званье это также не бездельно]. Если я позабочусь о сохраненье, сбереженье и улучшенье участи вверенных мне людей и представлю государству триста исправнейших, трезвых, работящих подданных — чем моя служба будет хуже службы какого-нибудь начальника отделения Леницына?

Действительный статский советник остался с открытым ртом от изумленья. Такого потока слов он не ожидал. Немного подумавши, начал он было в таком роде:

— Но все же... но как же таки?.. как же запропастить себя в деревню? Какое же общество может быть между мужичьем? Здесь все-таки на улице попадется навстречу генерал, князь. Пройдешь и сам мимо какого-нибудь... там... ну, и газовое освещение, промышленная Европа; а ведь там, что ни попадется — все это или мужик, или баба. За что ж так, за что ж себя осудить на невежество на всю жизнь свою?

Но убедительные представления дяди на его племянника не произвели действия. Деревня начинала представляться каким-то привольным приютом, воспоительницею дум и помышлений, единственным поприщем полезной деятельности. Уже он откопал и новейшие книги по части сельского хозяйства. Словом — через недели две после этого разговора был он уже в окрестности тех мест, где пронеслось его детство, невдалеке от того прекрасного уголка, которым не мог налюбоваться никакой гость и посетитель.

Новое чувство в нем встрепенулось. В его душе стали просыпаться прежние, давно не выходившие наружу впечатления. Он уже многие места позабыл вовсе и смотрел любопытно, как новичок, на прекрасные виды. И вот, неизвестно отчего, вдруг забилось у него сердце. Когда же дорога понеслась узким оврагом в чащу огромного заглохнувшего леса и он увидел вверху, внизу, над собой и под собой трехсотлетние дубы, трем человекам в обхват, вперемежку с пихтой, вязом и осокором, перераставшим вершину тополя, и когда на вопрос «чей лес?» ему сказали: «Тентетникова»; когда, выбравшись из леса, понеслась дорога лугами, мимо осиновых рощ, молодых и старых ив и лоз, в виду тянувшихся вдали возвышений, и двумя мостами перелетела в разных местах одну и ту же реку, оставляя ее то вправо, то влево от себя, и когда на вопрос «чьи луга и поемные места?» отвечали ему: «Тентетникова»; когда поднялась потом дорога на гору и пошла по ровной возвышенности — с одной стороны мимо неснятых хлебов, пшеницы, ржи и ячменя, с другой же стороны мимо всех прежних проеханных им мест, которые все вдруг показались в сокращенном отдалении, и когда, постепенно темнея, входила и вошла потом дорога под тень широких развилистых дерев, разместившихся врассыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали резные избы мужиков и красные крыши каменных господских строений, большой дом и старинная церковь, и блеснули золотые верхи; когда пылко забившееся сердце и без вопроса знало, куда приехало, — ощущенья, непрестанно накоплявшиеся, исторгнулись наконец в громогласных словах: «Ну, не дурак ли я был доселе? Судьба назначила мне быть обладателем земного рая, а я закабалил себя в кропатели мертвых бумаг. Воспитавшись, просветясь, сделав запас сведений, нужных для распространения добра между подвластными, для улучшения целой области, для исполнения многообразных обязанностей помещика, который является в одно и то же время и судьей, и распорядителем, и блюстителем порядка, вверить это место невеже управителю, а себе предпочесть заочное производство дел между людьми, которых я и в глаза не видал, которых я ни характеров, ни качеств не знаю, — предпочесть настоящему управлению это бумажное, фантастическое управление провинциями, отстоящими за тысячи верст, где не была никогда нога моя и где могу наделать только кучи несообразностей и глупостей!»

А между тем его ожидало другое зрелище. Узнавши о приезде барина, мужики собрались к крыльцу. Кички, повязки, повойники, сороки, зипуны и картинно окладистые бороды красивого населения обступили его кругом. Когда раздались слова: «Кормилец наш! вспомнил...» — и невольно заплакали старики и старухи, помнившие и его деда и прадеда, не мог он сам удержаться от слез. И думал он про себя: «Сколько любви! и за что? За то, что я никогда не видал их, никогда не занимался ими!» И дал он себе обет разделить с <ними> труды и занятья.

И стал он хозяйничать, распоряжаться. Уменьшил барщину, убавив дни работ на помещика и прибавив времени мужику. Дурака управителя выгнал. Сам стал входить во все, показываться на полях, на гумне, в овинах, на мельницах, у пристани, при грузке и сплавке барок и плоскодонов, так что ленивые начинали даже почесываться. Но продолжалось это не долго. Мужик сметлив и понял скоро, что барин хоть и прыток и есть в нем тоже охота взяться за многое, но как именно, каким образом взяться, этого еще не смыслит, говорит грамотейно и невдолбеж. Вышло то, что барин и мужик как-то не то чтобы совершенно не поняли друг друга, но просто не спелись вместе, не приспособились выводить одну и ту же ноту. Тентетников стал замечать, что на господской земле все выходило как-то хуже, чем на мужичьей. Сеялось раньше, всходило позже, а работали, казалось, хорошо — он сам присутствовал и приказал выдать даже по чапорухе водки за усердные труды. У мужиков уже давно колосилась рожь, высыпался овес, кустилось просо, а у него едва начинал только идти хлеб в трубку, пятка колоса еще не завязывалась. Словом, стал замечать барин, что мужик просто плутует, несмотря на все льготы. Попробовал было укорить, но получил такой ответ: «Как можно, барин, чтобы мы о господской то есть выгоде не радели! Сами изволили видеть, как старались, когда пахали и сеяли, — по чапорухе водки приказали подать». Что было на это возражать? «Да отчего ж теперь вышло скверно?» — допрашивал барин. «Кто его знает? Видно, червь подъел снизу. Да и лето вишь ты какое: совсем дождей не было». Но барин видел, что у мужиков червь не подъедал снизу, да и дождь шел как-то странно, полосою: мужику угодил, а на барскую ниву хоть бы каплю выронил.

Еще трудней ему было ладить с бабами. То и дело отпрашивались они от работ, жалуясь на тягость барщины. Странное дело! он уничтожил вовсе всякие приносы холста, ягод, грибов и орехов, на половину сбавил с них других работ, думая, что бабы обратят это время на домашнее хозяйство, обошьют, оденут своих мужей, умножат огороды. Не тут-то было. Праздность, драка, сплетни и всякие ссоры завелись между прекрасным полом такие, что мужья то и дело приходили к нему с такими словами: «Барин, уйми беса-бабу! Точно черт какой — житья нет от ней!»

Хотел он было, скрепя свое сердце, приняться за строгость; но как быть строгим? Баба приходила такой бабой, так развизгивалась, такая была хворая, больная, таких скверных, гадких наворачивала на себя тряпок, — уж откуда она их набирала, Бог ее весть. «Ступай, ступай себе только с глаз моих! Бог с тобой!» — говорил бедный Тентетников и вослед за тем видел, как больная, вышед за ворота, схватывалась с соседкой за какую-нибудь репу и так отламывала ей бока, как не сумеет и здоровый мужик.

Вздумал он было попробовать какую-то школу между ними завести, но от этого вышла такая чепуха, что он и голову повесил; лучше было и не задумывать. Какая школа! И времени никому не было: мальчик с десяти лет уже был помощником во всех работах и там воспитывался.

В делах судейских и разбирательствах оказались ровно ни к чему все эти юридические тонкости, на которые навели его профессора-философы. И та сторона врет, и другая врет, и черт их разберет! И видел он, что нужней было тонкостей юридических и философских книг простое познанье человека; и видел он, что в нем чего-то недостает, а чего — Бог весть. И случилось обстоятельство, так часто случающееся: ни мужик не узнал барина, ни барин мужика; и мужик стал дурной стороной, и барин дурной стороной; и рвенье помещика [охладело]. При работах он уже присутствовал без внимания. Шумели ли тихо косы в покосах, метали ль стога, клались ли клади, вблизи ль ладилось сельское дело — его глаза глядели подальше; вдали ль производилась работа — они отыскивали предметы поближе или смотрели в сторону, на какой-нибудь извив реки, по берегам которой ходил красноносый, красноногий мартын, разумеется — птица, а не человек. Они смотрели любопытно, как этот мартын, поймав

у берега рыбу, держал ее впоперек в носу, как бы раздумывая, глотать или не глотать, — и глядя в то же время пристально вздоль реки, где в отдалении белелся другой мартын, еще не поймавший рыбы, но глядевший пристально на мартына, уже поймавшего рыбу. Или же, зажмурив вовсе глаза и приподняв голову кверху, к пространствам небесным, предоставлял он обонянью впивать запах полей, а слуху поражаться голосами воздушного певучего населения, когда оно отовсюду, от небес и от земли, соединяется в один звукосогласный хор, не переча друг другу. Во ржи бьет перепел, в траве дергает дергун, над <ним> урчат и чиликают перелетающие коноплянки, блеет поднявшийся на воздух барашек, трелит жаворонок, исчезая в свете, и звонами труб отдается турлыканье журавлей, строящих в треугольники свои вереницы в небесах высоко. Откликается вся в звуки превратившаяся окрестность. Творец! как еще прекрасен Твой мир в глуши, в деревушке, вдали от подлых больших дорог и городов. Но и это стало ему наскучать. Скоро он и вовсе перестал ходить в поля, засел в комнаты, отказался принимать даже с докладами приказчика.

Прежде из соседей завернет к нему, бывало, отставной гусар-поручик, прокуренный насквозь трубочный куряка, или же резкого направления недоучившийся студент, набравшийся мудрости из современных брошюр и газет. Но и это стало ему надоедать. Разговоры их начали ему казаться как-то поверхностными, европейски открытое обращение, с потрепкой по колену, также и низкопоклонства и развязности начали ему казаться уже чересчур прямыми и открытыми. Он решился с ними раззнакомиться со всеми и произвел это даже довольно резко. Именно, когда наиприятнейший во всех поверхностных разговорах обо всем представитель уже ныне отходящих полковников-брандеров и с тем вместе передовой начинавшегося нового образа мыслей, Варвар Николаич Вишнепокромов, приехал к нему затем, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философии, и литературы, и морали, и даже состояния финансов в Англии, — он выслал сказать, что его нет дома, и в то же время имел неосторожность показаться перед окошком. Гость и хозяин встретились взорами. Один, разумеется, проворчал сквозь зубы «скотина!», другой послал ему с досады тоже что-то вроде свиньи. Тем и кончились сношения. С тех пор не заезжал к нему никто.

Он этому был рад и предался обдумыванию большого сочинения о России. Как обдумывалось это сочинение — читатель уже видел. Установился странный, беспорядочный порядок. Нельзя сказать, однако же, чтобы не было минут, в которые как будто пробуждался он ото сна. Когда привозила почта газеты и журналы и попадалось ему в печати знакомое имя прежнего товарища, уже преуспевавшего на видном поприще государственной службы или приносившего посильную дань наукам и делу всемирному, тайная тихая грусть подступала ему под сердце и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездействие свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. С необыкновенной силой воскресало пред ним школьное минувшее время, и представал вдруг как живой Александр Петрович... Градом лились из глаз его слезы [и рыданья продолжались почти весь день].

Что значили эти рыданья? Обнаруживала ли ими болеющая душа скорбную тайну своей болезни, — что не успел образоваться и окрепнуть начинавший в нем строиться высокий внутренний человек; что, не испытанный измлада в борьбе с неудачами, не достигнул он высокого состояния возвышаться и крепнуть от преград и препятствий; что, растопившись подобно разогретому металлу, богатый запас великих ощущений не принял последней закалки, и что слишком для него рано умер необыкновенный наставник, и что нет теперь никого во всем свете, кто бы был в силах воздвигнуть шатаемые вечными колебаниями силы и лишенную упругости немощную волю, кто бы крикнул душе пробуждающим криком это бодрящее слово: *вперед,* которого жаждет повсюду, на всех ступенях стоящий, всех сословий, и званий, и промыслов, русский человек?

Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово: *вперед!* кто, зная все силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, одним чародейным мановеньем мог бы устремить нас на высокую жизнь? Какими слезами, какою любовью заплатил бы ему благодарный русский человек! Но веки проходят за веками [— полмиллиона сидней, увальней и байбаков дремлет непробудно, и редко рождается на Руси муж, умеющий произносить это всемогущее слово].

Одно обстоятельство чуть было не разбудило его, чуть было не произвело переворота в его характере. Случилось что-то похожее на любовь. Но и тут дело кончилось ничем. В соседстве, в десяти верстах от его деревни, проживал генерал, отзывавшийся, как мы уже видели, не весьма благосклонно о Тентетникове. Генерал жил генералом, хлебосольствовал, любил, чтобы соседи приезжали изъявлять ему почтенье, сам визитов не платил, говорил хрипло, читал книги и имел дочь, существо дотоле невиданное, странное. Оно <было> что-то живое, как сама жизнь. Имя ей было Улинька. Воспиталась она как-то странно. Ее учила англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще в детстве. Отцу было некогда. Впрочем, любя дочь до безумия, он мог только избаловать ее. Как в ребенке, возросшем на свободе, в ней было все своенравно. Если бы кто увидал, как внезапный гнев собирал вдруг строгие морщины на прекрасном челе ее и как она спорила пылко с отцом своим, он бы подумал, что это было капризнейшее создание. Но гнев ее вспыхивал только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или дурном поступке с кем бы то ни было. Но никогда не гневалась и никогда не споривала она за себя самоё и не оправдывала себя. Гнев этот исчезнул бы в минуту, если бы она увидела в несчастии того самого, на кого гневалась. При первой просьбе о подаянии кого бы то ни было она готова была бросить ему весь свой кошелек, со всем, что в нем ни <было>, не вдаваясь ни в какие рассуждения и расчеты. Было в ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, всё стремилось вослед за мыслью — выражение лица, выраженье разговора, движенье рук; самые складки платья как бы стремились в ту же сторону, и казалось, как бы она сама вот улетит вослед за собственными словами. Ничего не было в ней утаенного. Ни перед кем не боялась бы она обнаружить своих мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотелось говорить. Ее очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того бестрепетно-свободна, что все ей уступало бы невольно дорогу. При ней как-то смущался недобрый человек и немел; самый развязный и бойкий на слова не находил с нею слова и терялся, а застенчивый мог разговориться с нею, как никогда в жизни своей ни с кем, и с первых минут разговора ему уже казалось, что

где-то и когда-то он знал ее и как бы эти самые черты ее ему где-то уже виделись, что случилось это во дни какого-то незапамятного младенчества, в каком-то родном доме, веселым вечером при радостных играх детской толпы, и надолго после того становился ему скучным разумный возраст человека.

Точно то же случилось с нею и с Тентетниковым. Неизъяснимое новое чувство вошло к нему в душу. Скучная жизнь его на мгновенье озарилась.

Генерал принимал сначала Тентетникова довольно хорошо и радушно, но сойтись между собою они не могли. Разговоры их оканчивались спором и каким-то неприятным ощущением с обеих сторон, потому что генерал не любил противуречья и возраженья; а Тентетников, с своей стороны, тоже был человек щекотливый. Разумеется, что ради дочери прощалось многое отцу, и мир у них держался, покуда не приехали гостить к генералу родственницы: графиня Болдырева и княжна Юзякина, отсталые фрейлены прежнего двора, но удержавшие и доныне кое-какие связи, вследствие чего генерал перед ними немножко подличал. С самого их приезда Тентетникову показалось, что он стал к нему холоднее, не замечал его или обращался, как с лицом бессловесным; говорил ему как-то пренебрежительно — *любезнейший, послушай, братец*, и даже *ты*. Это его наконец взорвало. Скрепя сердце и стиснув зубы, он, однако же, имел присутствие духа сказать необыкновенно учтивым и мягким голосом, между тем как пятна выступили на лице его и все внутри его кипело: «Я благодарю вас, генерал, за расположение. Словом *ты* вы меня вызываете на тесную дружбу, обязывая и меня говорить вам *ты*. Но различие в летах препятствует такому фамильярному между нами обращению».

Генерал смутился. Собирая слова и мысли, стал он говорить, хотя несколько несвязно, что слово *ты* было им сказано не в том смысле, что старику иной раз позволительно сказать молодому человеку *ты* (о чине своем он не упомянул ни слова).

Разумеется, с этих пор знакомство между ними прекратилось, и любовь кончилась при самом начале. Потухнул свет, на минуту было блеснувший, и последовавшие за ним сумерки стали еще сумрачней. Все поворотило на жизнь, которую читатель видел в начале главы, — на лежанье и бездействие. В доме завелись гадость и беспорядок. Половая щетка оставалась по целому

дню посреди комнаты вместе с сором. Панталоны заходили даже в гостиную. На щеголеватом столе перед диваном лежали засаленные подтяжки, точно какое угощенье гостю, и до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но чуть не клевали домашние куры. Взявши перо, бессмысленно чертил он на бумаге по целым часам рогульки, домики, избы, телеги, тройки. Но иногда, все позабывши, перо чертило само собой, без ведома хозяина, маленькую головку с тонкими чертами, с быстрым пронзительным взглядом и приподнятой прядью волос, и в изумлении видел хозяин, как выходил портрет той, с которой портрета не написал бы никакой знам<енитый> художник. И еще грустнее ему становилось, и, веря тому, что нет на земле счастья, оставался он еще более после того скучным и безответным.

Таково было состояние души Андрея Ивановича Тентетникова. [Вдруг, в один день, подходя к окну обычным порядком, с трубкой и чашкой в руках, заметил он во дворе некоторое движенье и некоторую суету.] Поварчонок и поломойка бежали отворять ворота. В воротах показались кони, точь-в-точь как лепят иль рисуют их на триумфальных воротах: морда направо, морда налево, морда посередине. Свыше их, на козлах, — кучер и лакей, в широком сертуке, опоясавший себя носовым платком. За ними господин в картузе и шинели, закутанный в косынку радужных цветов. Когда экипаж изворотился перед крыльцом, оказалось, что был он не что другое, как рессорная легкая бричка. Господин, необыкновенно приличной наружности, соскочил на крыльцо с быстротой и ловкостью почти военного человека.

Андрей Иванович струсил. Он принял его за чиновника от правительства. Надобно сказать, что в молодости своей он было замешался в одно неразумное дело. Два философа из гусар, начитавшиеся всяких брошюр, да недокончивший учебного курса эстетик, да промотавшийся игрок затеяли какое-то филантропическое общество, под верховным распоряженьем старого плута и масона и тоже карточного игрока, но красноречивейшего человека. Общество было устроено с обширною целью — доставить прочное счастие всему человечеству, от берегов Темзы до Камчатки. Касса денег потребовалась огромная; пожертвованья собирались с великодушных членов неимоверные. Куды это все

пошло — знал об этом только один верховный распорядитель. В общество это затянули его два приятеля, принадлежавшие к классу огорченных людей, добрые люди, но которые от частых тостов во имя науки, просвещенья и будущих одолжений человечеству сделались потом формальными пьяницами. Тентетников скоро спохватился и выбыл из этого круга. Но общество успело уже запутаться в каких-то других действиях, даже не совсем приличных дворянину, так что потом завязались дела и с полицией... А потому не мудрено, что, и вышедши и разорвавши всякие сношения с ними, Тентетников не мог, однако же, оставаться покоен. На совести у него было не совсем ловко. Не без страха глядел он и теперь на растворявшуюся дверь.

Страх его, однако же, прошел вдруг, когда гость раскланялся с ловкостью неимоверной, сохраняя почтительное положенье головы, несколько набок, и в коротких, но определительных словах изъяснил, что уже издавна ездит он по России, побуждаемый и потребностями и любознательностью; что государство наше преизобилует предметами замечательными, не говоря уже об обилии промыслов и разнообразии почв; что он увлекся картинным местоположением его деревни; что, несмотря, однако же, на местоположенье, он не дерзнул бы обеспокоить его неуместным заездом своим, если б не случилось, по поводу весенних разлитий и дурных дорог, внезапной изломки в экипаже; что при всем том, однако же, если бы даже и ничего не случилось в его бричке, он бы не мог отказать себе в удовольствии засвидетельствовать ему лично свое почтенье.

Окончив речь, гость с обворожительной приятностью подшаркнул ногой, обутой в щегольской лайковый полусапожек, застегнутый на перламутровые пуговки, и, несмотря на полноту корпуса, отпрыгнул тут же несколько назад с легкостью резинного мячика.

Успокоившийся Андрей Иванович заключил, что это должен быть какой-нибудь любознательный ученый профессор, который ездит по России, может быть затем, чтобы собирать какие-нибудь растения или, может быть, предметы ископаемые. Тот же час изъявил он ему всякую готовность споспешествовать во всем, предложил своих мастеров, колесников и кузнецов, просил расположиться как в собственном доме, усадил его в большие

вольтеровские <кресла> и приготовился слушать его рассказ по части естественных наук.

Гость, однако же, коснулся больше событий внутреннего мира. Уподобил жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вероломными ветрами; упомянул о том, что должен был переменить много должностей, что много потерпел за правду, что даже самая жизнь его была не раз в опасности со стороны врагов; и много еще рассказал он такого, что показывало в нем скорее практического человека. В заключенье же речи высморкался он в белый батистовый платок так громко, как Андрей Иванович еще и не слыхивал. Подчас попадается в оркестре такая пройдоха-труба, которая когда хватит, то кажется, что крякнуло не в оркестре, но в собственном ухе. Точно такой же звук раздался в пробужденных покоях дремавшего дома, и немедленно вослед за ним воспоследовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное ловким встряхнутьем носового батистового платка.

Читатель, может быть, уже догадался, что гость был не другой кто, как наш почтенный, давно нами оставленный Павел Иванович Чичиков. Он немножко постарел; как видно, не без бурь и тревог было для него это время. Казалось, как бы и самый фрак на нем немножко поизветшал, и бричка, и кучер, и слуга, и лошади, и упряжь как бы поистерлись и поизносились. Казалось, как бы и самые финансы даже не были в завидном состоянии. Но выраженье лица, приличье, обхожденье остались те же. Даже как бы еще приятнее стал он в поступках и оборотах, еще ловче подвертывал под ножку, когда садился в кресла, еще более было мягкости в выговоре речей, осторожной умеренности в словах и выраженьях, более уменья держать себя и более такту во всем. Белей и чище снегов были на нем воротнички и манишка, и, несмотря на то что был он с дороги, ни пушинки не село к нему на фрак, — хоть приглашай сей же час его на именинный обед. Щеки и подбородок выбриты были так, что один слепой мог не полюбоваться приятной выпуклостью круглоты их.

В доме тот же час произошло преобразованье. Половина его, дотоле пребывавшая в слепоте, с заколоченными ставнями, вдруг прозрела и озарилась. Все начало размещаться в осветившихся комнатах, и скоро все приняло такой вид: комната,

определенная быть спальней, вместила в себя вещи, необходимые для ночного туалета; комната, определенная быть кабинетом... но прежде необходимо знать, что в этой комнате было три стола; один письменный — перед диваном, другой ломберный — между окнами перед зеркалом, третий угольный — в углу, между дверью в спальню и дверью в необитаемый зал с инвалидною мебелью, служивший теперь передней, в который дотоле с год не заходил никто. На этом угольном столе поместилось вынутое из чемодана платье, а именно: панталоны под фрак, панталоны новые, панталоны серенькие, два бархатных жилета и два атласных, сюртук и [два фрака]. Все это разместилось один на другом пирамидкой и прикрылось сверху носовым шелковым платком. В другом углу, между дверью и окном, выстроились рядком сапоги: одни не совсем новые, другие совсем новые, лакированные полусапожки и спальные. Они также стыдливо занавесились шелковым носовым платком, — так, как бы их там вовсе не было. На письменном столе тотчас же в большом порядке разместились шкатулка, банка с одеколоном, календарь и два какие-то романа, оба вторые тома. Чистое белье поместилось в комоде, уже находившемся в спальне; белье же, которое следовало прачке, завязано было в узел и подсунуто под кровать. Чемодан, по опростанье его, был тоже подсунут под кровать. Сабля, ездившая по дорогам для внушения страха ворам, поместилась также в спальне, повиснувши на гвозде невдалеке от кровати. Все приняло вид чистоты и опрятности необыкновенной. Нигде ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздух как-то облагородился: в нем утвердился приятный запах здорового, свежего мужчины, который белья не занашивает, в баню ходит и вытирает себя мокрой губкой по воскресным дням. В переднем зале покушался было утвердиться на время запах служителя Петрушки. Но Петрушка скоро перемещен был на кухню, как оно и следовало.

В первые дни Андрей Иванович опасался за свою независимость, чтобы как-нибудь гость не связал его, не стеснил какими-нибудь измененьями в образе жизни и не разрушился бы порядок дня его, так удачно заведенный; но опасенья были напрасны. Павел Иванович наш показал необыкновенно гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрил философическую

неторопливость хозяина, сказавши, что она обещает столетнюю жизнь. Об уединенье выразился весьма счастливо: именно что оно питает великие мысли в человеке. Взглянув на библиотеку и отозвавшись с похвалой о книгах вообще, заметил, что они спасают от праздности человека. Выронил слов немного, но с весом. В поступках же своих показался он также еще более кстати. Вовремя являлся, вовремя уходил; не затруднял хозяина запросами в часы неразговорчивости его; с удовольствием играл с ним в шахматы, с удовольствием молчал. В то время, когда один пускал кудреватыми облаками трубочный дым, другой, не куря трубки, придумывал, однако же, соответствовавшее тому занятие: вынимал, например, из кармана серебряную с чернью табакерку и, утвердив ее между двух пальцев левой руки, оборачивал ее быстро пальцем правой, в подобье того, как земная сфера обращается около своей оси, или же так по ней барабанил пальцем, в присвистку. Словом — не мешал хозяину. «Я в первый раз вижу человека, с которым можно жить, — говорил про себя Тентетников, — вообще этого искусства у нас мало. Между нами есть довольно людей и умных, и образованных, и добрых, но людей постоянно-ровного характера, людей, с которыми можно бы прожить век и не поссориться, — я не знаю, много ли у нас можно отыскать таких людей. Вот первый человек, которого я вижу». Так отзывался Тентетников о своем госте.

Чичиков, с своей стороны, был очень рад, что поселился на время у такого мирного и смирного хозяина. Цыганская жизнь ему надоела. Приотдохнуть, хотя на месяц, в прекрасной деревне, в виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и в геморроидальном отношении.

Трудно было найти лучший уголок для отдохновения. Весна, долго задерживаемая холодами, вдруг началась во всей красе своей, и жизнь заиграла повсюду. Уже голубели пролески, и по свежему изумруду первой зелени желтел одуванчик, лилово-розовый анемон наклонял нежную головку. Рои мошек и кучи насекомых показались на болотах: за ними вдогон бегал уж водяной паук; а за ним и всякая птица в сухие тростники собралась отовсюду. И все собиралось поближе смо<треть> друг друга. Вдруг населилась земля, проснулись леса, луга. В деревне пошли хороводы. Гулянью был простор. Что яркости в зелени!

что свежести в воздухе! что птичьего крику в садах! Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пела как бы на свадьбе.

Чичиков ходил много. Прогулкам и гуляньям был раздол повсюду. То направлял он прогулку свою по плоской вершине возвышений, в виду расстилавшихся внизу долин, по которым повсюду оставались еще большие озера от водополья, и островами на них темнели еще безлистные леса; или же вступал в гущи, в лесные овраги, где столплялись густо дерева, отягченные птичьими гнездами, вместилищами каркающих воронов, перекрестными летаньями помрачавших небо. По просохнувшей земле можно было отправляться к пристани, откуда с горохом, ячменем и пшеницей отчаливали первые суда, между тем <как> в то же время с оглушительным шумом неслась повергаться вода на колеса начинавшей работать мельницы. Ходил он наблюдать первые весенние работы, глядеть, как свежая орань черной полосою проходила по зелени, а засеватель, постукивая рукою о сито, висевшей у него на груди, горстью разбрасывал семена ровно, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону.

Чичиков везде побывал. Перетолковал и переговорил и с приказчиком, и с мужиком, и с мельником. Узнал все, обо всем, и что и как, и каким образом хозяйство идет, и по сколько хлеба продается, и что выбирают весной и осенью за умол муки, и как зовут каждого мужика, и кто с кем в родстве, и где купил корову, и чем кормит свинью. Словом — все. Узнал и то, сколько перемерло мужиков. Оказалось немного. Как умный человек, заметил он вдруг, что незавидно идет хозяйство у Андрея Ивановича. Повсюду упущенья, нераденье, воровство, немало и пьянства. И думал внутренне: «Какая, однако же, скотина Тентетников! Этакое имение и этак запустить! Можно бы иметь пятьдесят тысяч годового доходу!»

Не раз посреди таких прогулок приходило ему на мысль сделаться когда-нибудь самому, — то есть, разумеется, не теперь, но после, когда обделается главное дело и будут средства в руках, — сделаться самому мирным владельцем подобного поместья. Тут, разумеется, сейчас представлялась ему даже и молодая, свежая белолицая бабенка, из купеческого или другого богатого сословия, которая бы даже знала и музыку. Представлялось ему и молодое поколение, долженствовавшее увековечить фамилью Чичиковых:

резвунчик мальчишка и красавица дочка, или даже два мальчугана, две и даже три девчонки, чтобы было всем известно, что он действительно жил и существовал, а не то что прошел какой-нибудь тенью или призраком по земле, — чтобы не было стыдно и перед отечеством. Тогда ему начинало представляться даже и то, что недурно бы и к чину некоторое прибавление: статский советник, например, чин почтенный и уважительный... Мало ли чего не приходит в ум во время прогулок человеку, что так часто уносит человека от скучной настоящей минуты, теребит, дразнит, шевелит воображенье и бывает ему любо даже тогда, когда уверен он сам, что это никогда не сбудется!

Людям Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они так же, как и он, обжились в ней. Петрушка сошелся очень скоро с буфетчиком Григорием, хотя сначала они оба важничали и дулись друг перед другом нестерпимо. Петрушка пустил Григорию пыль в глаза своею бывалостью в разных местах; Григорий же осадил его сразу Петербургом, в котором Петрушка не был. Последний хотел было подняться и выехать на дальности расстояний тех мест, в которых он бывал, но Григорий назвал ему такое место, какого ни на какой карте нельзя было отыскать, и насчитал тридцать тысяч с лишком верст, так что служитель Павла Ивановича совсем осовел, разинул рот и был поднят на смех тут же всею дворней. Дело, однако ж, кончилось между ними самой тесной дружбой. В конце деревни Лысый Пимен, дядя всех крестьян, держал кабак, которому имя было Акулька. В этом заведенье видели их все часы дня. Там стали они свои други, или то, что называют в народе — кабацкие завсегдатели.

У Селифана была другого рода приманка. На деревне, что ни вечер, пелись песни, заплетались и расплетались весенние хороводы. Породистые стройные девки, каких уже трудно теперь найти в больших деревнях, заставляли его по нескольким часам стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: все белогрудые, белошейные, у всех глаза репой, у всех глаза с поволокой, походка павлином и коса до пояса. Когда, взявшись обеими руками за белые руки, медленно двигался он с ними в хороводе или же выходил на них стеной в ряду других парней, и, выходя, также стеной, навстречу им, громко выпевали, усмехаясь, горластые девки: «Бояре, покажите жениха!» — и тихо померкала вокруг

окольность, и раздававшийся далеко за рекой возвращался грустным назад отголосок напева, — не знал он и сам тогда, что с ним делалось. Во сне и наяву, утром и в сумерки, все мерещилось ему потом, что в обеих руках его белые руки и движется он в хороводе. [Махнув рукой, говорил он: «Проклятые девки!»]

Коням Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и Заседатель, и самый чубарый нашли пребыванье у Тентетникова совсем не скучным, овес отличным, а расположенье конюшен необыкновенно удобным: у всякого стойло, хотя и отгороженное, но через перегородки можно было видеть и других лошадей, — так что, если бы пришла кому-нибудь из них, даже самому дальнему, блажь вдруг заржать, можно было ему ответствовать тем же тот же час.

Словом, все обжились, как дома. Что же касается до той надобности, ради которой Павел Иванович объезжал пространную Россию, — то есть до мертвых душ, то насчет этого предмета он сделался очень осторожен и деликатен. Если бы даже пришлось вести дело с дураками круглыми, [он бы и тут не вдруг его начал]. Тентетников же, как бы то ни было, читает книги, философствует, старается изъяснить себе всякие причины всего — зачем и почему? Нет, лучше поискать, нельзя ли с другого конца. Так думал он. Разговаривая почасту с дворовыми людьми, он, между прочим, от них разведал, что барин ездил прежде довольно нередко к соседу-генералу, что у генерала барышня, что барин было к барышне, да и барышня тоже к барину... но потом вдруг за что-то не поладили и разошлись. Он заметил и сам, что Андрей Иванович карандашом и пером все рисовал какие-то головки, одна на другую похожие.

Один раз, после обеда, оборачивая, по обыкновению, пальцем серебряную табакерку вокруг ее оси, сказал он так:

— У вас все есть, Андрей Иванович, одного только недостает.

— Чего? — спросил тот, выпуская кудреватый дым.

— Подруги жизни, — сказал Чичиков.

Ничего не сказал Андрей Иванович. Тем разговор и кончился.

Чичиков не смутился, выбрал другое время, уже перед ужином, и, разговаривая о том и о сем, сказал вдруг:

— А право, Андрей Иванович, вам бы очень не мешало жениться.

Хоть бы слово сказал на это Тентетников, точно как бы и самая речь об этом была ему неприятна.

Чичиков не смутился. В третий раз выбрал он время уже после ужина и сказал так:

— А все-таки, как ни переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вам жениться: впадете в ипохондрию.

Слова ли Чичикова были на этот раз так убедительны, или же расположенье духа в этот день у него [было как-то] особенно настроено к откровенности — он вздохнул, сказал, пустивши кверху трубочный дым:

— На все нужно родиться счастливцем, Павел Иванович, — и рассказал все, как было, всю историю знакомства с генералом и разрыва.

Когда услышал Чичиков от слова до слова все дело и увидел, что из-за одного слова *ты* произошла такая история, он оторопел. С минуту смотрел пристально в глаза Тентетникову, не зная, как решить об нем: дурак ли он круглый, или только придурковат, и наконец:

— Андрей Иванович! помилуйте! — сказал он, взявши его за обе руки, — какое же оскорбление? что ж тут оскорбительного в слове «ты»?

— В самом слове нет ничего оскорбительного, — сказал Тентетников, — но в смысле слова, но в голосе, с которым сказано оно, заключается оскорбленье. *Ты* — это значит: «Помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нет никого лучше; а приехала какая-нибудь княжна Юзякина — ты знай свое место, стой у порога». Вот что это значит! — Говоря это, смирный и кроткий Андрей Иванович засверкал глазами, в голосе его послышалось раздраженье оскорбленного чувства.

— Да хоть бы даже и в этом смысле, что ж тут такого? — сказал Чичиков.

— Как! Вы хотите, чтобы <я> продолжал бывать у него после такого поступка?

— Да какой же это поступок! Это даже не поступок, — сказал хладнокровно Чичиков.

— Как не поступок? — спросил в изумленье Тентетников.

— Это генеральская привычка, а не поступок: они всем говорят «ты». Да впрочем, почему ж этого и не позволить заслуженному, почтенному человеку?..

— Это другое дело, — сказал Тентетников. — Если бы он был старик, бедняк, не горд, не чванлив, не генерал, я бы тогда позволил ему говорить мне *ты* и принял бы даже почтительно.

«Он совсем дурак, — подумал про себя Чичиков, — оборвышу позволить, а генералу не позволить!..»

— Хорошо, — сказал он вслух, — положим, он вас оскорбил, зато вы и поквитались с ним: он вам, и вы ему. Ссориться, оставляя личное, собственное, — это извините...Если уже избрана цель, уж нужно идти напролом. Что глядеть на то, что человек плюется! Человек всегда плюется: он так уж создан. Да вы не отыщете теперь во всем свете такого, который бы не плевался.

«Странный человек этот Чичиков!» — думал про себя в недоумении Тентетников, совершенно озадаченный такими словами.

«Какой, однако же, чудак этот Тентетников!» — думал между тем Чичиков.

— Андрей Иванович! я буду с вами говорить, как брат с братом. Вы человек неопытный — позвольте мне обделать это дело. Я съезжу к его превосходительству и объясню, что случилось это с вашей стороны по недоразумению, по молодости и незнанью людей и света.

— Подличать перед ним я не намерен, — сказал, оскорбившись, Тентетников, — да и вас не могу на это уполномочить.

— Подличать я не способен, — сказал, оскорбившись, Чичиков. — Провиниться в другом проступке, по человечеству, могу, но в подлости — никогда... Извините, Андрей Иванович, за мое доброе желанье, я не ожидал, чтобы слова <мои> принимали вы в таком обидном смысле.

Все это было сказано с чувством достоинства.

— Я виноват, простите! — сказал торопливо тронутый Тентетников, схватив его за обе руки. — Я не думал вас оскорбить. Клянусь, ваше доброе участие мне дорого! Но оставим этот разговор. Не будем больше никогда об этом говорить.

— В таком случае я так поеду к генералу.

— Зачем? — спросил Тентетников, смотря в недоумении ему в глаза.

— Засвидетельствовать почтенье.

«Странный человек этот Чичиков!» — подумал Тентетников.

«Странный человек этот Тентетников!» — подумал Чичиков.

— Я завтра же, Андрей Иванович, около десяти часов утра к нему и поеду. По-моему, чем скорей засвидетельствовать почтенье человеку, тем лучше. Так как бричка моя еще не пришла в надлежащее состояние, то позвольте мне взять у вас коляску.

— Помилуйте, что за просьба? Вы полный господин: и экипаж и все в вашем расположении.

После такого разговора они простились и разошлись спать, не без рассуждения о странностях друг друга.

Чудная, однако же, вещь! На другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочил он в коляску с легкостью почти военного человека, одетый в новый фрак, белый галстук и жилет, и покатился свидетельствовать почтенье генералу, Тентетников пришел в такое волнение духа, какого давно не испытывал. Весь этот ржавый и дремлющий ход его мыслей превратился в деятельно-беспокойный. Возмущенье нервическое обуяло вдруг всеми чувствами доселе погруженного в беспечную лень байбака. То садился он на диван, то подходил к окну, то принимался за книгу; то хотел мыслить — безуспешное хотенье! — мысль не лезла к нему в голову; то старался ни о чем не мыслить, — безуспешное старанье! — отрывки чего-то похожего на мысли, концы и хвостики мыслей лезли и отовсюду наклевывались к нему в голову. «Странное состоянье!» — сказал он и придвинулся к окну — глядеть на дорогу, прорезавшую дуброву, в конце которой еще курилась не успевшая улечься пыль. Но, оставив Тентетникова, последуем за Чичиковым.

Глава вторая

Добрые кони в полчаса с небольшим пронесли Чичикова чрез десятиверстное пространство: сначала дубровою, потом хлебами, начинавшими зеленеть посреди свежей орани, потом горной окраиной, с которой поминутно открывались виды на отдаленья; потом широкою аллеею лип, едва начинавших развиваться, внесли его в самую середину деревни. Тут аллея лип своротила направо и, превратясь в улицу овальных тополей, огороженных

снизу плетеными коробками, уперлась в чугунные сквозные ворота, сквозь которые глядел кудряво богатый резной фронтон генеральского дома, опиравшийся на восемь коринфских колонн. Повсюду несло масляной краской, все обновлявшей и ничему не дававшей состареться. Двор чистотой подобен был паркету. С почтеньем соскочил Чичиков, приказал о себе доложить генералу и был введен к нему прямо в кабинет. Генерал поразил его величественной наружностью. Он был в атласном стеганом халате великолепного пурпура. Открытый взгляд, лицо мужественное, усы и большие бакенбарды с проседью, стрижка на затылке низкая, под гребенку, шея сзади толстая, называемая в три этажа, или в три складки, с трещиной поперек; словом — это был один из тех картинных генералов, которыми так богат был знаменитый двенадцатый год. Генерал Бетрищев, как и многие из нас, заключал в себе при куче достоинств и кучу недостатков. То и другое, как водится в русском человеке, было набросано в него в каком-то картинном беспорядке. В решительные минуты — великодушье, храбрость, безграничная щедрость, ум во всем, — и, в примесь к этому, капризы, честолюбье, самолюбие и те мелкие личности, без которых не обходится ни один русский, когда он сидит без дела. Он не любил всех, которые ушли вперед его по службе, и выражался о них едко, в колких эпиграммах. Всего больше доставалось его прежнему сотоварищу, которого считал он ниже себя и умом и способностями и который, однако же, обогнал его и был уже генерал-губернатором двух губерний, и, как нарочно, тех, в которых находились его поместья, так что он очутился как бы в зависимости от него. В отместку язвил он его при всяком случае, порочил всякое распоряженье и видел во всех мерах и действиях его верх неразумия. В нем было все как-то странно, начиная с просвещения, которого он был поборник и ревнитель; любил блеснуть и любил также знать то, чего другие не знают, и не любил тех людей, которые знают что-нибудь такое, чего он не знает. Словом, он любил немного похвастать умом. Воспитанный полуиностранным воспитаньем, он хотел сыграть в то же время роль русского барина. И не мудрено, что с такой неровностью в характере и такими крупными яркими противуположностями он должен был неминуемо встретить множество неприятностей по службе,

вследствие которых и вышел в отставку, обвиняя во всем какую-то враждебную партию и не имея великодушия обвинить в чем-либо себя самого. В отставке сохранил он ту же картинную величавую осанку. В сертуке ли, во фраке ли, в халате — он был все тот же. От голоса до малейшего телодвиженья в нем все было властительное, повелевающее, внушавшее в низших чинах если не уважение, то по крайней мере робость.

Чичиков почувствовал то и другое: и уваженье и робость. Наклоня почтительно голову набок и расставив руки наотлет, как бы готовился приподнять ими поднос с чашками, он изумительно ловко нагнулся всем корпусом и сказал:

— Счел долгом представиться вашему превосходительству. Питая уваженье к доблестям мужей, спасавших отечество на бранном поле, счел долгом представиться лично вашему превосходительству.

Генералу, как видно, не понравился такой приступ. Сделавши весьма благосклонное движенье головою, он сказал:

— Весьма рад познакомиться. Милости просим садиться. Вы где служили?

— Поприще службы моей, — сказал Чичиков, садясь в кресла не посередине, но наискось и ухватившись рукою за ручку кресел, — началось в казенной палате, ваше превосходительство. Дальнейшее же течение оной совершал по разным местам: был и в надворном суде, и в комиссии построения, и в таможне. Жизнь мою можно уподобить как бы судну среди волн, ваше превосходительство. Терпеньем, можно сказать, повит, спеленат и, будучи, так сказать, сам одно олицетворенное терпенье... А что было от врагов, покушавшихся на самую жизнь, так это ни слова, ни краски, ни самая, так сказать, кисть не сумеет передать, так что на склоне жизни своей ищу только уголка, где бы провесть остаток дней. Приостановился же покуда у близкого соседа вашего превосходительства...

— У кого это?

— У Тентетникова, ваше превосходительство.

Генерал поморщился.

— Он, ваше превосходительство, весьма раскаивается в том, что не оказал должного уважения...

— К чему?

— К заслугам вашего превосходительства. Не находит слов. Говорит: «Если бы я только мог чем-нибудь... потому что точно, говорит, умею ценить мужей, спасавших отечество».

— Помилуйте, что ж он? Да ведь я не сержусь! — сказал смягчившийся генерал. — В душе моей я искренно полюбил его и уверен, что со временем он будет преполезный человек.

— Совершенно справедливо изволили выразиться, ваше превосходительство: истинно преполезный человек; может побеждать даром слова и владеет пером.

— Но пишет, я чай, пустяки, какие-нибудь стишки?

— Нет, ваше превосходительство, не пустяки... Он что-то дельное... Он пишет... историю, ваше превосходительство.

— Историю? о чем историю?

— Историю... — тут Чичиков остановился и, оттого ли, что перед ним сидел генерал, или просто чтобы придать более важности предмету, прибавил: — историю о генералах, ваше превосходительство.

— Как о генералах? о каких генералах?

— Вообще о генералах, ваше превосходительство, в общности. То есть, говоря собственно, об отечественных генералах.

Чичиков совершенно спутался и потерялся, чуть не плюнул сам и мысленно сказал в себе: «Господи, что за вздор такой несу!»

— Извините, я не очень понимаю... Что ж это выходит, историю какого-нибудь времени или отдельные биографии? и притом всех ли, или только участвовавших в двенадцатом году?

— Точно так, ваше превосходительство, участвовавших в двенадцатом году. — Проговоривши это, он подумал в себе: «Хоть убей, не понимаю».

— Так что ж он ко мне не приедет? Я бы мог собрать ему весьма много любопытных материалов.

— Робеет, ваше превосходительство.

— Какой вздор! Из какого-нибудь пустого слова, что между нами произошло... Да я совсем не такой человек. Я, пожалуй, к нему сам готов приехать.

— Он к тому не допустит, он сам приедет, — сказал Чичиков, оправился и совершенно ободрился, и подумал в себе: «Экая оказия! как генералы пришлись кстати! а ведь язык взболтнул сдуру».

В кабинете послышался шорох. Ореховая дверь резного шкафа отворилась сама собою, и на отворившейся обратной половине ее, ухватившись рукой за медную ручку замка, явилась живая фигурка. Если бы в темной комнате вдруг вспыхнула прозрачная картина, освещенная сильно сзади лампами, — одна она бы так не поразила внезапностью своего явления, как фигурка эта, представшая как бы затем, чтобы осветить комнату. С нею вместе, казалось, влетел солнечный луч, как будто рассмеялся нахмурившийся кабинет генерала. Чичиков в первую минуту не мог дать себе отчета, что такое именно пред ним стояло. Трудно было сказать, какой земли она была уроженка. Такого чистого, благородного очертанья лица нельзя было отыскать нигде, кроме разве только на одних древних камейках. Прямая и легкая, как стрелка, она как бы возвышалась над всеми своим ростом. Но это было обольщение. Она была вовсе не высокого роста. Происходило это <от> необыкновенно согласного соотношения между собою всех частей тела. Платье сидело на ней так, что, казалось, лучшие швеи совещались между собой, как бы получше убрать ее. Но это было также обольщение. Оделась <она> как <бы> сама собой: в двух, трех местах схватила игла кое-как неизрезанный кусок одноцветной ткани, и он уже собрался и расположился вокруг нее в таких сборах и складках, что если бы перенести их вместе с нею на картину, все барышни, одетые по моде, казались бы перед ней какими-то пеструшками, изделием лоскутного ряда. И если бы перенесть ее со всеми этими складками ее обольнувшего платья на мрамор, назвали бы его копиею гениальных.

— Рекомендую вам мою баловницу! — сказал генерал, обратясь к Чичикову. — Однако ж фамилии вашей, имени и отчества до сих пор не знаю.

— Должно ли быть знаемо имя и отчество человека, не ознаменовавшего себя доблестями? — сказал скромно Чичиков, наклонивши голову набок.

— Все же, однако ж, нужно знать...

— Павел Иванович, ваше превосходительство, — сказал Чичиков, поклонившись с ловкостью почти военного человека и отпрыгнувши назад с легкостью резинного мячика.

— Улинька! — сказал генерал, обратясь к дочери. — Павел Иванович сейчас сказал преинтересную новость. Сосед наш

Тентетников совсем не такой глупый человек, как мы полагали. Он занимается довольно важным делом: историей генералов двенадцатого года.

— Да кто же думал, что он глупый человек? — проговорила она быстро. — Разве один только Вишнепокромов, которому ты веришь, который и пустой, и низкий человек!

— Зачем же низкий? Он пустоват, это правда, — сказал генерал.

— Он подловат и гадковат, не только что пустоват. Кто так обидел своих братьев и выгнал из дому родную сестру, тот гадкий человек.

— Да ведь это рассказывают только.

— Таких вещей рассказывать не будут напрасно. Я не понимаю, отец, как с добрейшей душой, какая у тебя, и таким редким сердцем, ты будешь принимать человека, который как небо от земли от тебя, о котором сам знаешь, что он дурен.

— Вот этак, вы видите, — сказал генерал, усмехаясь, Чичикову, — вот этак мы всегда с ней спорим. — И, оборотясь к спорящей, продолжал: — Душа моя! ведь мне ж не прогнать его?

— Зачем прогонять? Но зачем показывать ему такое внимание? зачем и любить?

Здесь Чичиков почел долгом ввернуть и от себя словцо.

— Все требуют к себе любви, сударыня, — сказал Чичиков. — Что ж делать? И скотинка любит, чтобы ее погладили: сквозь хлев просунет для этого морду — на, погладь!

Генерал рассмеялся:

— Именно, просунет морду: погладь, погладь его! Ха, ха, ха! У него не только что рыло, весь, весь зажил в саже, а ведь тоже требует, как говорится, поощрения... Ха, ха, ха, ха! — И туловище генерала стало колебаться от смеха. Плечи, носившие некогда густые эполеты, тряслись, точно как бы носили и поныне густые эполеты.

Чичиков разрешился тоже междуиметием смеха, но, из уваженья к генералу, пустил его на букву э: хе, хе, хе, хе, хе! И туловище его также стало колебаться от смеха, хотя плечи не тряслись, потому что не носили густых эполет.

— Обокрадет, обворует казну, да еще и, каналья, наград просит! Нельзя, говорит, без поощрения, трудился... Ха, ха, ха, ха!

Болезненное чувство выразилось на благородном, милом лице девушки.

— Ах, папа! Я не понимаю, как ты можешь смеяться! На меня эти бесчестные поступки наводят уныние и ничего более. Когда я вижу, что в глазах совершается обман в виду всех и не наказываются эти люди всеобщим презреньем, я не знаю, что со мной делается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю... — И чуть сама не заплакала.

— Только, пожалуйста, не гневайся на нас, — сказал генерал. — Мы тут ни в чем не виноваты. Не правда ли? — сказал он, обратясь к Чичикову. — Поцелуй меня и уходи к себе. Я сейчас стану одеваться к обеду. Ведь ты, — сказал он, посмотрев Чичикову в глаза, — надеюсь, обедаешь у меня?

— Если только ваше превосходительство...

— Без чинов, что тут? Я ведь еще, слава Богу, могу накормить. Щи есть.

Бросив ловко обе руки наотлет, Чичиков признательно и почтительно наклонил голову книзу, так что на время скрылись из его взоров все предметы в комнате и остались видны ему только одни носки своих собственных полусапожек. Когда же, пробыв несколько времени в таком почтительном расположении, приподнял он голову снова кверху, он уже не увидел Улиньки. Она исчезнула. Наместо ее предстал, в густых усах и бакенбардах, великан камердинер, с серебряной лоханкой и рукомойником в руках.

— Ты мне позволишь одеваться при себе?

— Не только одеваться, но можете совершить при мне все, что угодно вашему превосходительству.

Спустя с одной руки халат и засуча рукава рубашки на богатырских руках, генерал стал умываться, брызгаясь и фыркая, как утка. Вода с мылом летела во все стороны.

— Любят, любят, точно любят поощрение все, — сказал он, вытирая со всех сторон свою шею. — Погладь, погладь его! а ведь без поощрения так и красть не станет! Ха, ха, ха!

Чичиков был в духе неописанном. Вдруг налетело на него вдохновенье. «Генерал весельчак и добряк — попробовать?» — подумал он и, увидя, что камердинер с лоханкой вышел, вскрикнул:

— Ваше превосходительство! так как вы уже так добры ко всем и внимательны, имею к вам крайнюю просьбу.

— Какую?

Чичиков осмотрелся вокруг.

— Есть, ваше превосходительство, дряхлый старичишка дядя. У него триста душ и две тысячи <десятин> и, кроме меня, наследников никого. Сам управлять именьем, по дряхлости, не может, а мне не передает тоже. И какой странный приводит резон: «Я, говорит, племянника не знаю; может быть, он мот. Пусть он докажет мне, что он надежный человек: пусть приобретет прежде сам собой триста душ; тогда я ему отдам и свои триста душ».

— Да что ж он, выходит, совсем дурак? — спросил <генерал>.

— Дурак бы еще пусть, это при нем бы и оставалось. Но положение-то мое, ваше превосходительство! У старикашки завелась какая-то ключница, а у ключницы дети. Того и смотри все перейдет к ним.

— Выжил глупый старик из ума, и больше ничего, — сказал генерал. — Только я не вижу, чем тут я могу пособить? — говорил он, смотря с изумлением на Чичикова.

— Я придумал вот что. Если вы всех мертвых душ вашей деревни, ваше превосходительство, передадите мне в таком виде, как бы они были живые, с совершеньем купчей крепости, я бы тогда эту крепость представил старику, и он наследство бы мне отдал.

Тут генерал разразился таким смехом, каким вряд ли когда смеялся человек. Как был, так и повалился он в кресла. Голову забросил назад и чуть не захлебнулся. Весь дом встревожился. Предстал камердинер. Дочь прибежала в испуге.

— Отец, что с тобой случилось? — говорила она в страхе, с недоумением смотря ему в глаза.

Но генерал долго не мог издать никакого звука.

— Ничего, друг мой, ничего. Ступай к себе; мы сейчас явимся обедать. Будь спокойна. Ха, ха, ха!

И, несколько раз задохнувшись, вырывался с новою силою генеральский хохот, раздаваясь от передней до последней комнаты.

Чичиков был в беспокойстве.

— Дядя-то, дядя! в каких дураках будет старик! Ха, ха, ха! Мертвецов вместо живых получит! Ха, ха!

«Опять пошел! — думал про себя Чичиков. — Эк его щекотливый какой».

— Ха, ха! — продолжал генерал. — Экой осел! Ведь придет же в ум требование: «Пусть прежде сам собой из ничего достанет триста душ, так тогда дам ему триста душ!» Ведь он осел!

— Осел, ваше превосходительство!

— Ну, да и твоя-то штука попотчевать старика мертвыми! Ха, ха, ха! Я бы Бог знает что дал, чтобы посмотреть, как ты ему поднесешь на них купчую крепость. Ну, что он? Каков он из себя? Очень стар?

— Лет восемьдесят.

— Однако ж и движется, бодр? Ведь он должен же быть и крепок, потому что при нем ведь живет и ключница?

— Какая крепость! Песок сыплется, ваше превосходительство!

— Экой дурак! Ведь он дурак?

— Дурак, ваше превосходительство.

— Однако ж выезжает? бывает в обществах? держится еще на ногах?

— Держится, но с трудом.

— Экой дурак! Но крепок, однако ж? Есть еще зубы?

— Два зуба всего, ваше превосходительство.

— Экой осел! Ты, братец, не сердись... Хоть он тебе и дядя, а ведь он осел.

— Осел, ваше превосходительство. Хоть и родственник, и тяжело сознаваться в этом, но что ж делать?

Врал Чичиков: ему вовсе не тяжело было сознаться, тем более что вряд ли у него был вовек какой дядя.

— Так, ваше превосходительство, отпустите мне...

— Чтобы отдать тебе мертвых душ? Да за такую выдумку я их тебе с землей, с жильем! Возьми себе все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старик-то, старик! Ха, ха, ха, ха! В каких дураках будет дядя! Ха, ха, ха, ха!..

И генеральский смех пошел отдаваться вновь по генеральским покоям[1].

[1] *Окончание главы в рукописи отсутствует.*

Глава третья

— Если полковник Кошкарев, точно, сумасшедший, то это недурно, — говорил Чичиков, очутившись опять посреди открытых полей и пространств, когда все исчезло и только остался один небесный свод да два облака в стороне.

— Ты, Селифан, расспросил ли хорошенько, как дорога к полковнику Кошкареву?

— Я, Павел Иванович, изволите видеть, так как все хлопотал около коляски, так мне некогда было; а Петрушка расспрашивал у кучера.

— Вот и дурак! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка бревно. Петрушка глуп; Петрушка, чай, и теперь пьян.

— Ведь тут не мудрость какая! — сказал Петрушка, полуоборотясь и глядя искоса. — Окроме того, что, опустясь с горы, взять лугом, ничего больше и нет.

— А ты, окроме сивухи, ничего и в рот не брал? Хорош, очень хорош! Уж вот, молено сказать, удивил красотой Европу! — Сказав это, Чичиков погладил свой подбородок и подумал: «Какая, однако ж, разница между просвещенным гражданином и грубой лакейской физиогномией!»

Коляска стала между тем спускаться. Открылись опять луга и пространства, усеянные осиновыми рощами.

Тихо вздрагивая на упругих пружинах, продолжал бережно спускаться незаметным косогором покойный экипаж и наконец понесся лугами мимо мельниц, с легким громом по мостам, с небольшой покачкой по тряскому мякишу низменной земли. И хоть бы один бугорок или кочка дали себя почувствовать бокам! Утешенье, а <не> коляска. Вдали мелькали пески. Быстро пролетали мимо их кусты лоз, тонких ольх и серебристых тополей, ударяя ветвями сидевших на козлах Селифана и Петрушку. С последнего ежеминутно сбрасывали они картуз. Суровый служитель соскакивал с козел, бранил глупое дерево и хозяина, который насадил его, но привязать картуза или даже придержать рукою все не хотел, надеясь, что в последний раз и дальше не случится. К деревьям же скоро присоединилась береза, там ель. У корней гущина; трава — синяя ирь и желтый лесной тюльпан. [Непробудный мрак бесконечного леса сгущался и, казалось,]

готовился превратиться в ночь. Но вдруг отовсюду сверкнули проблески света, как бы сияющие зеркала. Деревья заредели, блески становились больше, и вот перед ними озеро — водная равнина, версты четыре в поперечнике. На супротивном берегу, над озером, высыпалась серыми бревенчатыми избами деревня. Крики раздавалась в воде. Человек двадцать, по пояс, по плечи и по горло в воде, тянули к супротивному берегу невод. Случилась оказия: вместе с рыбою запутался как-то круглый человек, такой же меры в вышину, как и в толщину, точный арбуз или бочонок. Он был в отчаянном положении и кричал во всю глотку: «Телепень Денис, передавай Козьме! Козьма, бери конец у Дениса! Не напирай так, Фома Большой! Ступай туды, где Фома Меньшой. Черти! говорю вам, оборвете сети!» Арбуз, как видно, боялся не за себя: потонуть, по причине толщины, он не мог, и, как бы ни кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выкосила наверх; и если бы село к нему на спину еще двое, он бы, как упрямый пузырь, остался с ними на верхушке воды, слегка только под ними покряхтывая да пуская носом волдыри. Но он боялся крепко, чтобы не оборвался невод и не ушла рыба, и потому, сверх прочего, тащили его еще накинутыми веревками несколько человек, стоявших на берегу.

— Должен быть барин, полковник Кошкарев, — сказал Селифан.

— Почему?

— Оттого, что тело у него, изволите видеть, побелей, чем у других, и дородство почтительное, как у барина.

Барина, запутанного в сети, притянули между тем уже значительно к берегу. Почувствовав, что может достать ногами, он стал на ноги, и в это время увидел спускавшуюся с плотины коляску и в ней сидящего Чичикова.

— Обедали? — закричал барин, подходя с пойманною рыбою на берег, весь опутанный в сеть, как в летнее время дамская ручка в сквозную перчатку, держа одну руку над глазами козырьком в защиту от солнца, другую же пониже, на манер Венеры Медицейской, выходящей из бани.

— Нет, — сказал Чичиков, приподымая картуз и продолжая раскланиваться с коляски.

— Ну, так благодарите же Бога!

— А что? — спросил Чичиков любопытно, держа над головою картуз.

— А вот что. [Брось, Фома Меньшой, сеть, да приподыми] осетра из лоханки! Телепень Козьма, ступай помоги!

Двое рыбаков приподняли из лоханки голову какого-то чудовища.

— Вона какой князь! Из реки зашел! — кричал Круглый барин. — Поезжайте во двор! Кучер, возьми дорогу пониже, через огород! Побеги, телепень Фома Большой, снять перегородку! Он вас проводит, а я сейчас.

Длинноногий босой Фома Большой, как был, в одной рубашке, побежал впереди коляски через всю деревню, где у всякой избы развешены были бредни, сети и морды: все мужики были рыбаки; потом вынул из какого-то огорода перегородку, и огородами выехала коляска на площадь, близ деревянной церкви. За церковью, подальше, видны были крыши господских строений.

«Чудаковат этот Кошкарев», — думал Чичиков про себя.

— А вот я и здесь! — раздался голос сбоку.

Чичиков оглянулся. Барин уже ехал возле него, одетый: травяно-зеленый нанковый сертук, желтые штаны и шея без галстука, на манер купидона! Боком сидел он на дрожках, занявши собою все дрожки. Он хотел было что-то сказать ему, но толстяк уже исчез. Дрожки показались снова на том <месте>, где вытаскивали рыбу. Раздались снова голоса: «Фома Большой да Фома Меньшой, Козьма да Денис!» Когда же подъехал он к крыльцу дома, к величайшему изумлению его толстый барин был уже на крыльце и принял его в свои объятья. Как он успел так слетать — было непостижимо. Они поцеловались, по старому русскому обычаю, троекратно навкрест: барин был старого покроя.

— Я привез вам поклон от его превосходительства, — сказал Чичиков.

— От какого превосходительства?

— От родственника вашего, от генерала Александра Дмитриевича.

— Кто это Александр Дмитриевич?

— Генерал Бетрищев, — отвечал Чичиков с некоторым изумленьем.

— Незнаком, — сказал с изумлением х<озяин>.

Чичиков пришел еще в большее изумление.

— Как же это?.. Я надеюсь по крайней мере, что имею удовольствие говорить с полковником Кошкаревым?

— Нет, не надейтесь. Вы приехали не к нему, а ко мне. Петр Петрович Петух! Петух Петр Петрович! — подхватил хозяин.

Чичиков остолбенел.

— Как же? — оборотился он к Селифану и Петрушке, которые тоже оба разинули рот и выпучили глаза, один сидя на козлах, другой стоя у дверец коляски. — Как же вы, дураки? Ведь вам сказано: к полковнику Кошкареву... А ведь это Петр Петрович Петух...

— Ребята сделали отлично! Ступай на кухню: там вам дадут по чапорухе водки, — сказал Петр Петрович Петух. — Откладывайте коней и ступайте сей же час в людскую!

— Я совещусь: такая нежданная ошибка... — говорил Чичиков.

— Не ошибка. Вы прежде попробуйте, каков обед, да потом скажете: ошибка ли это? Покорнейше прошу, — сказал <Петух>, взявши Чичикова под руку и вводя его во внутренние покои. Из покоев вышли им навстречу двое юношей в летних сертуках — тонкие, точно ивовые хлысты; целым аршином выгнало их вверх [выше] отцовского роста.

— Сыны мои, гимназисты, приехали на праздники... Николаша, ты побудь с гостем; а ты, Алексаша, ступай за мною. — Сказав это, хозяин исчезнул.

Чичиков занялся с Николашей. Николаша, кажется, был будущий человек-дрянцо. Он рассказал с первых же разов Чичикову, что в губернской гимназии нет никакой выгоды учиться, что они с братом хотят ехать в Петербург, потому <что> провинция не стоит того, чтобы в ней жить...

«Понимаю, — подумал Чичиков, — кончится дело кондитерскими да булеварами...»

— А что, — спросил он вслух, — в каком состоянии именье вашего батюшки?

— Заложено, — сказал на это сам батюшка, снова очутившийся в гостиной, — заложено.

«Плохо, — подумал Чичиков. — Этак скоро не останется ни одного именья: нужно торопиться».

— Напрасно, однако же, — сказал он с видом соболезнованья, — поспешили заложить.

— Нет, ничего, — сказал Петух. — Говорят, выгодно. Все закладывают: как же отставать от других? Притом же все жил здесь: дай-ка еще попробую прожить в Москве. Вот сыновья тоже уговаривают, хотят просвещенья столичного.

«Дурак, дурак! — думал Чичиков, — промотает все, да и детей сделает мотишками. Именьице порядочное. Поглядишь — и мужикам хорошо, и им недурно. А как просветятся там у ресторанов да по театрам — все пойдет к черту. Жил бы себе, кулебяка, в деревне».

— А ведь я знаю, что вы думаете, — сказал Петух.

— Что? — спросил Чичиков, смутившись.

— Вы думаете: «Дурак, дурак этот Петух: зазвал обедать, а обеда до сих пор нет». Будет готов, почтеннейший. Не успеет стриженая девка косы заплесть, как он поспеет.

— Батюшка! Платон Михалыч едет! — сказал Алексаша, глядя в окно.

— Верхом на гнедой лошади! — подхватил Николаша, нагибаясь к окну.

— Где, где? — прокричал Петух, подступив <к окну>.

— Как это Платон <Михайлович>? — спросил Чичиков у Алексаши.

— Сосед наш, Платон Михайлович Платонов, прекрасный человек, отличный человек, — сказал сам <Петух>.

Между тем вошел в комнату сам Платонов, красавец, стройного роста, светло-русый: [блестящие кудри и темные глаза]. Гремя медным ошейником, мордатый пес, собака-страшилище, именем Ярб, вошел вослед за ним.

— Обедали? — спросил хозяин.

— Обедал.

— Что ж вы, смеяться, что ли, надо мной приехали? Что мне в вас после обеда?

Гость, усмехнувшись, сказал:

— Утешу вас тем, что ничего не ел: вовсе нет аппетита.

— А каков был улов, если б вы видели! Какой осетрище пожаловал! Какие карасищи, коропищи какие!

— Даже досадно вас слушать. Отчего вы всегда так веселы?

— Да отчего же скучать? помилуйте! — сказал хозяин.

— Как отчего скучать? — оттого, что скучно.

— Мало едите, вот и все. Попробуйте-ка хорошенько пообедать. Ведь это в последнее время выдумали скуку; прежде никто не скучал.

— Да полно хвастать! Будто уж вы никогда не скучали?

— Никогда! Да и не знаю, даже и времени нет для скучанья. Поутру проснешься — ведь тут сейчас повар, нужно заказывать обед. Тут чай, тут приказчик, там на рыбную ловлю, а тут и обед. После обеда не успеешь всхрапнуть — опять повар, нужно заказывать ужин. Когда же скучать?

Во все время разговора Чичиков рассматривал гостя, который его изумлял необыкновенной красотой своей, стройным, картинным ростом, свежестью неистраченной юности, девственной чистотой, ни одним прыщиком не опозоренного лица. Ни страсти, ни печали, ни даже что-либо похожее на волнение и беспокойство не дерзнули коснуться его девственного лица и положить на нем морщину, но с тем вместе и не оживили его. Оно оставалось как-то сонно, несмотря на ироническую улыбку, временами его оживлявшую.

— Я также, если позволите заметить, — сказал он, — не могу понять, как при такой наружности, какова ваша, скучать. Конечно, если недостача денег или враги, как есть иногда такие, которые готовы покуситься даже на самую жизнь...

— Поверьте, — прервал красавец гость, — что для разнообразия я бы желал иногда иметь какую-нибудь тревогу: ну, хоть бы кто рассердил меня, — и того нет. Скучно, да и только.

— Стало быть, недостаточность земли по имению, малое количество душ?

— Ничуть. У нас с братом земли на десять тысяч десятин и при них больше тысячи человек крестьян.

— Странно, не понимаю. Но, может быть, неурожаи, болезни? много вымерло мужеска пола людей?

— Напротив, всё в наилучшем порядке, и брат мой отличнейший хозяин.

— И при этом скучать! не понимаю, — сказал Чичиков и пожал плечами.

— А вот мы скуку сейчас прогоним, — сказал хозяин. — Бежи, Алексаша, проворней на кухню и скажи повару, чтобы поскорей прислал нам расстегайчиков. Да где ж ротозей Емельян и вор Антошка? Зачем не дают закуски?

Но дверь растворилась. Ротозей Емельян и вор Антошка явились с салфетками, накрыли стол, поставили поднос с шестью графинами разноцветных настоек. Скоро вокруг подносов и графинов обстановилось ожерелье тарелок со всякой подстрекающей снедью. Слуги поворачивались расторопно, беспрестанно принося что-то в закрытых тарелках, сквозь которые слышно было ворчавшее масло. Ротозей Емельян и вор Антошка расправлялись отлично. Названья эти были им даны так только — для поощренья. Барин был вовсе не охотник браниться, он был добряк. Но русский человек уж любит пряное слово. [Оно ему] нужно, как рюмка водки для сваренья в желудке. Что ж делать? такая натура: ничего пресного не любит.

Закуске последовал обед. Здесь добродушный хозяин сделался совершенным разбойником. Чуть замечал у кого один кусок, подкладывал ему тут же другой, приговаривая:

«Без пары ни человек, ни птица не могут жить на свете». У кого два — подваливал ему третий, приговаривая: «Что ж за число два? Бог любит троицу». Съедал гость три — он ему: «Где ж бывает телега о трех колесах? Кто ж строит избу о трех углах?» На четыре у него была тоже поговорка, на пять — опять. Чичиков съел чего-то чуть ли не двенадцать ломтей и думал: «Ну, теперь ничего не приберет больше хозяин». Не тут-то было: не говоря ни слова, положил ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренного на вертеле, с почками, да и какого теленка!

— Два года воспитывал на молоке, — сказал хозяин, — ухаживал, как за сыном!

— Не могу, — сказал Чичиков.

— Вы попробуйте да потом скажите: не могу!

— Не взойдет, нет места.

— Да ведь и в церкви не было места, взошел городничий — нашлось. А была такая давка, что и яблоку негде было упасть. Вы только попробуйте: этот кусок тот же городничий.

Попробовал Чичиков — действительно, кусок был вроде городничего. Нашлось ему место, а казалось, ничего нельзя было поместить.

«Ну, как этакому человеку ехать в Петербург или в Москву? С этаким хлебосольством он там в три года проживется в пух!» То есть он не знал того, что теперь это усовершенствовано: и без хлебосольства спустить не в три года, а в три месяца все.

Он то и дело подливал да подливал; чего ж не допивали гости, давал допить Алексаше и Николаше, которые так и хлопали рюмку за рюмкой; вперед видно <было, на> какую часть человеческих познаний обратят <они> внимание по приезде в столицу. С гостьми было не то: в силу, в силу перетащились они на балкон и в силу поместились в креслах. Хозяин, как сел в свое, какое-то четырехместное, так тут же и заснул. Тучная собственность его, превратившись в кузнецкий мех, стала издавать через открытый рот и носовые продухи такие звуки, какие редко приходят в голову и нового сочинителя: и барабан и флейта, и какой-то отрывистый гул, точный собачий лай.

— Эк его насвистывает! — сказал Платонов.

Чичиков рассмеялся.

— Разумеется, если этак пообедаешь, как тут прийти скуке! Тут сон придет. Не правда ли?

— Да. Но я, однако же, — вы меня извините, — не могу понять, как можно скучать. Против скуки есть так много средств.

— Какие же?

— Да мало ли для молодого человека? Танцевать, играть на каком-нибудь инструменте... а не то — жениться.

— На ком?

— Да будто в окружности нет хороших и богатых невест?

— Да нет.

— Ну, поискать в других местах, поездить. — И богатая мысль сверкнула вдруг в голове Чичикова. — Да вот прекрасное средство! — сказал он, глядя в глаза Платонову.

— Какое?

— Путешествие.

— Куда ж ехать?

— Да если вам свободно, так поедем со мной, — сказал Чичиков и подумал про себя, глядя на Платонова: «А это было бы

хорошо. Тогда бы можно издержки пополам, а подчинку коляски отнести вовсе на его счет».

— А вы куда едете?

— Покамест еду я не столько по своей нужде, сколько по надобности другого. Генерал Бетрищев, близкий приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить родственников... Конечно, родственники родственниками, но отчасти, так сказать, и для самого себя: ибо видеть свет, коловращенье людей — кто что ни говори, есть как бы живая книга, вторая наука. — И, сказавши это, помышлял Чичиков между тем так: «Право, было бы хорошо. Можно даже и все издержки на его счет, даже и отправиться на его лошадях, а мои бы покормились у него в деревне».

«Почему ж не проездиться? — думал между тем Платонов. — Дома же мне делать нечего, хозяйство и без того на руках у брата; стало быть, расстройства никакого. Почему ж, в самом деле, не проездиться?»

— А согласны ли вы, — сказал он вслух, — погостить у брата денька два? Иначе он меня не отпустит.

— С большим удовольствием. Хоть три.

— Ну, так по рукам! Едем! — сказал, оживясь, Платонов.

Они хлопнули по рукам: «Едем!»

— Куда, куда? — вскрикнул хозяин, проснувшись и выпуча на них глаза. — Нет, сударики! и колеса у коляски приказано снять, а вашего жеребца, Платон Михайлыч, угнали отсюда за пятнадцать верст. Нет, вот вы сегодня переночуйте, а завтра после раннего обеда и поезжайте себе.

Что было делать с Петухом? Нужно было остаться. Зато награждены они были удивительным весенним вечером. Хозяин устроил гулянье на реке. Двенадцать гребцов, в двадцать четыре весла, с песнями понесли их по гладкому хребту зеркального озера. Из озера они пронеслись в реку, беспредельную, с пологими берегами на обе стороны, подходя беспрестанно под протянутые вопоперек реки канаты для ловли. Хоть бы струйкой шевельнулись воды; только безмолвно являлись пред ними один за другим виды, и роща за рощей тешила взоры разнообразным размещением дерев. Гребцы, хвативши разом в двадцать четыре весла, подымали вдруг все весла вверх, и катер сам собой, как легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Парень-запевала,

плечистый детина, третий от руля, починал чистым, звонким голосом, выводя как бы из соловьиного горла начинальные запевы песни, пятеро подхватывало, шестеро выносило, и разливалась она, беспредельная, как Русь. И Петух, встрепенувшись, пригаркивал, поддавая, где не хватало у хора силы, и сам Чичиков чувствовал, что он русский. Один только Платонов думал: «Что хорошего в этой заунывной песне? От нее еще большая тоска находит на душу».

Возвращались назад уже сумерками. Впотьмах ударяли весла по водам, уже не отражавшим неба. В темноте пристали они к берегу, по которому разложены были огни; на треногах варили рыбаки уху из животрепещущих ершей. Все уже было дома. Деревенская скотина и птица уже давно была пригнана, и пыль от них уже улеглась, и пастухи, пригнавшие их, стояли у ворот, ожидая кринки молока и приглашения к ухе. В сумерках слышался тихий гомон людской, бреханье собак, где-то отдававшееся из чужих деревень. Месяц подымался, и начали озаряться потемневшие окрестности, и все озарилось. Чудные картины! Но некому было ими любоваться. Николаша и Алексаша, вместо того чтобы пронестись в это время перед ними на двух лихих жеребцах, в обгонку друг друга, думали о Москве, о кондитерских, о театрах, о которых натолковал им заезжий из столицы кадет. Отец их думал о том, как бы окормить своих гостей. Платонов зевал. Всех живей оказался Чичиков. «Эх, право! заведу когда-нибудь деревеньку!» И стали ему представляться и бабенка и Чичонки.

А за ужином опять объелись. Когда вошел Павел Иванович в отведенную комнату для спанья и, ложась в постель, пощупал животик свой: «Барабан! — сказал, — никакой городничий не взойдет!» Надобно <же быть> такому стеченью обстоятельств, что за стеной был кабинет хозяина. Стена была тонкая, и слышалось все, что там ни говорилось. Хозяин заказывал повару, под видом раннего завтрака на завтрашний день, решительный обед. И как заказывал! У мертвого родился бы аппетит.

— Да кулебяку сделай на четыре угла, — говорил он с присасыванием и забирая к себе дух. — В один угол положи ты мне щеки осетра да вязиги, в другой гречневой кашицы, да грибочков с лучком, да молок сладких, да мозгов, да еще чего знаешь там этакого, какого-нибудь там того... Да чтобы она с одного боку,

понимаешь, подрумянилась бы, а с другого пусти ее полегче. Да исподку-то, пропеки ее так, чтобы всю ее прососало, прыгало бы так, чтобы она вся, знаешь, этак растого — не то чтобы рассыпалась, а истаяла бы во рту, как снег какой, так чтобы и не услышал. — Говоря это, Петух присмактывал и подшлепывал губами.

«Черт побери! не даст спать», — думал Чичиков и закутал голову в одеяло, чтобы не слышать ничего. Но и сквозь одеяло было слышно:

— А в обкладку к осетру подпусти свеклу звездочкой, да снеточков, да груздочков, да там, знаешь, репушки да морковки, да бобков, там чего-нибудь этакого, знаешь, того-растого, чтобы гарниру, гарниру всякого побольше. Да в свиной сычуг положи ледку, чтобы он взбухнул хорошенько.

Много еще Петух заказывал блюд. Только и раздавалось: «Да поджарь, да подпеки, да дай взопреть хорошенько!» Заснул Чичиков уже на каком-то индюке.

На другой день до того объелись гости, что Платонов уже не мог ехать верхом. Жеребец был отправлен с конюхом Петуха. Они сели в коляску. Мордатый пес лениво пошел за коляской: он тоже объелся.

— Это уже слишком, — сказал Чичиков, когда выехали они со двора.

— А не скучает, вот что досадно! — сказал Платонов.

«Было бы у меня, как у тебя, семьдесят тысяч в год доходу, — подумал Чичиков, — да я бы скуку и на глаза к себе <не допустил>. Вон откупщик Муразов, — легко сказать, — десять миллионов... Экой куш!»

— Что, вам ничего заехать? Мне бы хотелось проститься с сестрой и с зятем.

— С большим удовольствием, — сказал Чичиков.

— Если вы охотник до хозяйства, — сказал Платонов, — то вам будет с ним интересно познакомиться. Уж лучше хозяина вы не сыщете. Он в десять лет возвел свое именье до <того>, что вместо тридцати теперь получает двести тысяч.

— Ах, да это, конечно, препочтенный человек! Это преинтересно будет с этаким человеком познакомиться. Как же? Да ведь это сказать... А как по фамилии?

— Костанжогло.

— А имя и отчество, позвольте узнать?

— Константин Федорович.

— Константин Федорович Костанжогло. Очень будет интересно познакомиться. Поучительно узнать этакого человека.

Платонов принял на себя руководить Селифаном, — что было нужно, потому что тот едва держался на козлах. Петрушка два раза сторчаком слетел с коляски, так что необходимо было наконец привязать его веревкой к козлам. «Экая скотина!» — повторял только Чичиков.

— Вот, поглядите-ка, начинаются его земли, — сказал Платонов, — совсем другой вид.

И в самом деле, через все поле сеяный лес — ровные, как стрелки, дерева; за ними другой, повыше, тоже молодник; за ними старый лесняк, и всё один выше другого. Потом опять полоса поля, покрытая густым лесом, и снова таким же образом молодой лес, и опять старый. И три раза проехали, как сквозь ворота стен, сквозь леса.

— Это все у него выросло каких-нибудь лет в восемь, в десять, что у другого и в двадцать <не вырастет>.

— Как же это он сделал?

— Расспросите у него. Это землевед такой, у него ничего нет даром. Мало что он почву знает, как знает, какое соседство для кого нужно, возле какого хлеба какие дерева. Всякий у него три, четыре должности разом отправляет. Лес у него, кроме того что для леса, нужен затем, чтобы в таком-то месте на столько-то влаги прибавить полям, на столько-то унавозить падающим листом, на столько-то дать тени. Когда вокруг засуха, у него нет засухи; когда вокруг неурожай, у него нет неурожая. Жаль, что я сам мало эти вещи знаю, не умею рассказать, а у него такие штуки... Его называют колдуном.

«В самом деле, это изумительный муж, — подумал Чичиков. — Весьма прискорбно, что молодой человек поверхностен и не умеет рассказать».

Наконец показалась деревня. Как бы город какой, высыпалась она множеством изб на трех возвышениях, увенчанных тремя церквами, перегражденная повсюду исполинскими скирдами и кладями. «Да, — подумал Чичиков, — видно, что живет хозяин-туз». Избы всё крепкие, улицы торные; стояла ли где

телега — телега была крепкая и новешенькая; мужик попадался с каким-то умным выражением лица; рогатый скот на отбор; даже крестьянская свинья глядела дворянином. Так и видно, что здесь именно живут те мужики, которые гребут, как поется в песне, серебро лопатой. Не было тут аглицких парков и газонов со всякими затеями, но, по-старинному, шел проспект амбаров и рабочих домов вплоть до самого дому, чтобы все было видно барину, что ни делается вокруг его; и в довершение — поверх дома фонарь обозревал на пятнадцать верст кругом всю окольность. У крыльца их встретили слуги, расторопные, совсем не похожие на пьяницу Петрушку, хотя на них и не было фраков, а казацкие чекмени синего домашнего сукна.

Хозяйка дома выбежала сама на крыльцо. Свежа она была, как кровь с молоком; хороша, как Божий день; походила как две капли на Платонова, с той разницей только, что не была вяла, как он, но разговорчива и весела.

— Здравствуй, брат! Ну, как же я рада, что ты приехал. А Константина нет дома; но он скоро будет.

— Где ж он?

— У него есть дело на деревне с какими-то покупщиками, — говорила она, вводя гостей в комнату.

Чичиков с любопытством рассматривал жилище этого необыкновенного человека, который получал двести тысяч, думая по нем отыскать свойства самого хозяина, как по оставшейся раковине заключают об устрице или улитке, некогда в ней сидевшей и оставившей свое отпечатление. Но нельзя было вывести никакого заключения. Комнаты все просты, даже пусты: ни фресков, ни картин, ни бронз, ни цветов, ни этажерок с фарфором, ни даже книг. Словом, все показывало, что главная жизнь существа, здесь обитавшего, проходила вовсе не в четырех стенах комнаты, но в поле, и самые мысли не обдумывались заблаговременно, сибаритским образом, у огня пред камином, в покойных креслах, но там же, на месте дела, приходили в голову, и там же, где приходили, там и претворялись в дело. В комнатах мог только заметить Чичиков следы женского домоводства: на столах и стульях были поставлены чистые липовые доски и на них лепестки каких-то цветков, приготовленные к сушке.

— Что это у тебя, сестра, за дрянь такая наставлена? — сказал Платонов.

— Как дрянь! — сказала хозяйка. — Это лучшее средство от лихорадки. Мы вылечили им в прошлый <год> всех мужиков. А это для настоек; а это для варенья. Вы всё смеетесь над вареньями да над соленьями, а потом, когда едите, сами же похваливаете.

Платонов подошел к фортепиано и стал разбирать ноты.

— Господи! что за старина! — сказал он. — Ну не стыдно ли тебе, сестра?

— Ну, уж извини, брат, музыкой мне и подавно некогда заниматься. У меня осьмилетняя дочь, которую я должна учить. Сдать ее на руки чужеземной гувернантке затем только, чтобы самой иметь свободное время для музыки, — нет, извини, брат, этого-то не сделаю.

— Какая ты, право, стала скучная, сестра! — сказал брат и подошел к окну. — А! вот он! идет! идет! — сказал Платонов.

Чичиков тоже устремился к окну. К крыльцу подходил лет сорока человек, живой, смуглой наружности, в сертуке верблюжьего <сукна?>. О наряде своем он не думал. На нем был триповый картуз. По обеим сторонам его, сняв шапки, шли два человека нижнего сословия, — шли, разговаривая и о чем-то с <ним> толкуя. Один — простой мужик, другой — какой-то заезжий кулак и пройдоха, в синей сибирке. Так как остановились они все около крыльца, то и разговор их был слышен в комнатах.

— Вы вот что лучше сделайте: вы откупитесь у вашего барина. Я вам, пожалуй, дам взаймы: вы после мне отработаете.

— Нет, Константин Федорович, что уж откупаться? Возьмите нас. Уж у вас всякому уму выучишься. Уж эдакого умного человека нигде во всем свете нельзя сыскать. А ведь теперь беда та, что себя никак не убережешь. Целовальники такие завели теперь настойки, что с одной рюмки так те живот станет драть, что воды ведро бы выпил. Не успеешь опомниться, как все спустишь. Много соблазну. Лукавый, что ли, миром ворочает, ей-Богу! Всё заводят, чтобы сбить с толку мужиков: и табак, и всякие такие... Что ж делать, Константин Федорович? Человек — не удержишься.

— Послушай, да ведь вот в чем дело.. Ведь у меня все-таки неволя. Это правда, что с первого разу все получишь — и корову

и лошадь; да ведь дело в том, что я так требую с мужиков, как нигде. У меня работай — первое; мне ли, или себе, но уж я не дам никому залежаться. Я и сам работаю как вол, и мужики у меня; потому что испытал, брат: вся дрянь лезет в голову оттого, что не работаешь. Так вы об этом все подумайте миром и потолкуйте между <собою>.

— Да мы-с толковали уж об этом, Константин Федорович. Уж это и старики говорят. Что говорить, ведь всякий мужик у вас богат: уж это недаром; и священники таки сердобольные. А ведь у нас и тех взяли, и хоронить некому.

— Все-таки ступай и переговори.

— Слушаю-с.

— Так уж того-с, Константин Федорович, уж сделайте милость... посбавьте, — говорил шедший по другую сторону заезжий кулак в синей сибирке.

— Уж я сказал: торговаться я не охотник. Я не то, что другой помещик, к которому ты подъедешь под самый срок уплаты в ломбард. Ведь я вас знаю всех: у вас есть списки всех, кому когда следует уплачивать. Что ж тут мудреного? Ему приспичит, ну, он тебе и отдаст за полцены. А мне что твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи: мне в ломбард не нужно уплачивать.

— Настоящее дело, Константин Федорович. Да ведь я того-с, оттого только, чтобы и впредь иметь с вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять. — Кулак вынул из-за пазухи пук засаленных ассигнаций. Костанжогло прехладнокровно взял их и, не считая, сунул в задний карман своего сертука.

«Гм! — подумал Чичиков, — точно как бы носовой платок».

Костанжогло показался в дверях гостиной. Он еще более поразил Чичикова смуглостью лица, жесткостью черных волос, местами до времени поседевших, живым выраженьем глаз и каким-то желчным отпечатком пылкого южного происхожденья. Он был не совсем русский. Он сам не знал, откуда вышли его предки. Он не занимался своим родословием, находя, что это в строку нейдет и в хозяйстве вещь излишняя. Он даже был совершенно уверен, что он русский, да и не знал другого языка, кроме русского.

Платонов представил Чичикова. Они поцеловались.

— Вот решился проездиться по разным губерниям, — сказал Платонов, — размыкать хандру. И вот Павел Иванович предложил ехать с ним.

— Прекрасно, — сказал Костанжогло. — В какие же места, — продолжал он, приветливо обращаясь к Чичикову, — предполагаете теперь направить путь?

— Признаюсь, — сказал Чичиков, приветливо наклоняя голову набок и в то же время поглаживая рукой кресельную ручку, — еду я покамест не столько по своей нужде, сколько по нужде другого: генерал Бетрищев, близкий приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить родственников. Родственники, конечно, родственниками, но с другой стороны, так сказать, и для самого себя, потому что, точно не говоря уже о пользе, которая может быть в геморроидальном отношении, увидать свет, коловращенье людей... есть, так сказать, живая книга, та же наука.

— Да, заглянуть в иные уголки не мешает.

— Превосходно изволили заметить: именно, истинно, действительно не мешает. Видишь вещи, которых бы не видел; встречаешь людей, которых бы не встретил. Разговор с иным тот же червонец, как вот, например, теперь представился случай... К вам прибегаю, почтеннейший Константин Федорович, научите, научите, оросите жажду мою вразумленьем истины. Жду, как манны, сладких слов ваших.

— Чему же, однако?.. чему научить? — сказал Костанжогло, смутившись. — Я и сам учился на медные деньги.

— Мудрости, почтеннейший, мудрости! Мудрости управлять трудным кормилом сельского хозяйства, мудрости извлекать доходы верные, приобресть имущество не мечтательное, а существенное, исполня тем долг гражданина, заслужа уваженье соотечественников.

— Знаете ли что, — сказал Костанжогло, смотря на него в размышлении, — останьтесь денек у меня. Я покажу вам все управление и расскажу обо всем. Мудрости тут, как вы увидите, никакой нет.

— Конечно, останьтесь, — сказала хозяйка и, обратясь к брату, прибавила: — Брат, оставайся, куды тебе торопиться?

— Мне все равно. Как Павел Иванович?

— Я тоже, я с большим удовольствием... Но вот обстоятельство: родственник генерала Бетрищева, некто полковник Кошкарев...

— Да ведь он сумасшедший.

— Это так, сумасшедший. Я бы к нему и не ехал, но генерал Бетрищев, близкий приятель и, так сказать, благотворитель...

— В таком случае, знаете что? — сказал <Костанжогло>, — поезжайте, к нему и десяти верст нет. У меня стоят готовые пролетки. Поезжайте к нему теперь же. Вы успеете к чаю возвратиться назад.

— Превосходная мысль! — вскрикнул Чичиков, взявши шляпу.

Пролетки были ему поданы и в полчаса примчали его к полковнику. Вся деревня была вразброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревен по всем улицам. Выстроены были какие-то домы, вроде присутственных мест. На одном было написано золотыми буквами: «Депо земледельческих орудий»; на другом: «Главная счетная экспедиция»; далее: «Комитет сельских дел», «Школа нормального просвещенья поселян». Словом, черт знает чего не было!

Полковника он застал за пульпитром стоячей конторки, с пером в зубах. Полковник принял Чичикова отменно ласково. По виду он был предобрейший, преобходительный человек: стал ему рассказывать о том, скольких трудов ему стоило возвесть имение до нынешнего благосостояния; с соболезнованием жаловался, как трудно дать понять мужику, что есть высшие побуждения, которые доставляет человеку просвещенная роскошь, искусство и художество; что баб он до сих <пор> не мог заставить ходить в корсете, тогда как в Германии, где он стоял с полком в четырнадцатом году, дочь мельника умела играть даже на фортепиано; что, однако же, несмотря на все упорство со стороны невежества, он непременно достигнет того, что мужик его деревни, идя за плугом, будет в то же время читать книгу о громовых отводах Франклина, или Виргилиевы «Георгики», или «Химическое исследование почв».

«Да, как бы не так! — подумал Чичиков. — А вот я до сих пор еще «Графини Лавальер» не прочел, все нет времени».

Много еще говорил полковник о том, как привести людей к благополучию. Костюм у него имел большое значение. Он ручался головой, что если только одеть половину русских мужиков в немецкие штаны — науки возвысятся, торговля подымется и золотой век настанет в России.

Посмотревши на него пристально, Чичиков подумал: «С этим, кажется, чиниться нечего», — и тут же объявил, что имеется надобность вот в каких душах, с совершеньем таких-то крепостей и всех обрядов.

— Сколько могу видеть из слов ваших, — сказал полковник, нимало не смутясь, — это просьба, не так ли?

— Так точно.

— В таком случае изложите ее письменно. Просьба пойдет в контору принятия рапортов и донесений. [Контора], пометивши, препроводит ее ко мне; от меня поступит она в комитет сельских дел; оттоле, по сделании выправок, к управляющему. Управляющий совокупно с секретарем...

— Помилуйте! — вскрикнул Чичиков, — ведь этак затянется Бог знает! Да как же трактовать об этом письменно? Ведь это такого рода дело... Души ведь некоторым образом... мертвые.

— Очень хорошо. Вы так и напишите, что души некоторым образом мертвые.

— Но ведь как же — мертвые? Ведь этак же нельзя написать. Они хотя и мертвые, но нужно, чтобы казались как бы были живые.

— Хорошо. Вы так и напишите: «но нужно, или требуется, желается, ищется, чтобы казалось, как бы живые». Без бумажного производства нельзя этого сделать. Пример — Англия и сам даже Наполеон. Я вам отряжу комиссионера, который вас проводит по всем местам.

Он ударил в звонок. Явился какой-то человек.

— Секретарь! Позвать ко мне комиссионера! — Предстал комиссионер, какой-то не то мужик, не то чиновник. — Вот он вас проводит <по> нужнейшим местам.

Чичиков решился из любопытства пойти с комиссионером смотреть все эти самонужнейшие места. Контора подачи рапортов существовала только на вывеске, и двери были заперты. Правитель дел ее Хрулев был переведен во вновь образовавшийся

комитет сельских построек. Место его заступил камердинер Березовский; но он тоже был куда-то откомандирован комиссией построения. Толкнулись они в департамент сельских дел — там переделка: разбудили какого-то пьяного, но не добрались от него никакого толку. «У нас бестолковщина, — сказал наконец Чичикову комиссионер. — Барина за нос водят. Всем у нас распоряжается комиссия построения: отрывает всех от дела, посылает куда угодно. Только и выгодно у нас, что в комиссии построения». Он, как видно, был недоволен на комиссию построения. Далее Чичиков не хотел и смотреть, но, пришедши, рассказал полковнику, что так и так, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и комиссии подачи рапортов и вовсе нет.

Полковник воскипел благородным негодованьем, крепко пожавши руку Чичикова в знак благодарности. Тут же, схвативши бумагу и перо, написал восемь строжайших запросов: на каком основании комиссия построения самоуправно распорядилась с неподведомственными ей чиновниками; как мог допустить главнокомандующий, чтобы представитель, не сдавши своего поста, отправился на следствие; и как мог видеть равнодушно комитет сельских дел, что даже не существует контора подачи рапортов и донесений?

«Ну, кутерьма!» — подумал Чичиков и хотел уже уехать.

— Нет, я вас не отпущу. Теперь уже собственное мое честолюбие затронуто. Я докажу, что значит органическое, правильное устройство хозяйства. Я поручу ваше дело такому человеку, который один стоит всех: окончил университетский курс. Вот каковы у меня крепостные люди... Чтобы не терять драгоценного времени, покорнейше <прошу> посидеть у меня в библиотеке, — сказал полковник, отворяя боковую дверь. — Тут книги, бумага, перья, карандаши, все. Пользуйтесь, пользуйтесь всем: вы — господин. Просвещение должно быть открыто всем.

Так говорил Кошкарев, введя его в книгохранилище. Это был огромный зал, снизу доверху уставленный книгами. Были там даже и чучела животных. Книги по всем частям: по части лесоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства; специальные журналы по всем частям, которые только рассылаются с обязанностью подписок, но никто <их> не читает. Видя, что всё это были книги не для приятного препровождения <времени>, он обратился

к другому шкафу — из огня в полымя: всё книги философии. Шесть огромных томищей предстало ему пред глаза, под названием: «Предуготовительное вступление в область мышления. Теория общности, совокупности, сущности, и в применении к уразумению органических начал обоюдного раздвоения общественной производительности». Что ни разворачивал Чичиков книгу, на всякой странице: *проявленье, развитье, абстракт, замкнутость и сомкнутость,* и черт знает чего там не было. «Это не по мне», — сказал Чичиков и оборотился к третьему шкафу, где были книги по части искусств. Тут вытащил какую-то огромную книгу с нескромными мифологическими картинками и начал их рассматривать. Такого рода картинки нравятся холостякам средних <лет>, а иногда и тем старикашкам, которые подзадоривают себя балетами и прочими пряностями. Окончивши рассматривание этой книги, Чичиков вытащил уже было и другую в том же роде, как появился полковник Кошкарев, с сияющим видом и бумагою.

— Все сделано, и сделано отлично! Человек, о котором я вам говорил, решительный гений. За это я поставлю <его> выше всех и для него одного заведу целый департамент. Вы посмотрите, какая светлая голова и как в несколько минут он решил все.

«Ну, слава Те, Господи!» — подумал Чичиков и приготовился слушать. Полковник стал читать:

— «Приступая к обдумыванию возложенного на меня вашим высокородием поручения, честь имею сим донести на оное:

1-е. В самой просьбе господина коллежского советника и кавалера Павла Ивановича Чичикова уже содержится недоразумение, ибо неосмотрительным образом ревизские души названы умершими. Под сим, вероятно, они изволили разуметь близкие к смерти, а не умершие. Да и самое таковое название уже показывает изучение наук более эмпирическое, вероятно ограничившееся приходским училищем, ибо душа бессмертна».

— Плут! — сказал, остановившись, Кошкарев с самодовольствием. — Тут он немножко кольнул вас. Но сознайтесь, какое бойкое перо!

— «Во II-х, никаких незаложенных, не только близких к смерти, но и всяких прочих, по именью не имеется, ибо все в совокупности не токмо заложены без изъятия, но и перезаложены, с прибавкой по полутораста рублей на душу, кроме

небольшой деревни Гурмайловки, находящейся в спорном положении по случаю тяжбы с помещиком Предищевым и вследствие того под запрещеньем, о чем объявлено в сорок втором номере «Московских Ведомостей».

— Так зачем же вы мне этого не объявили прежде? Зачем из пустяков держали? — сказал с сердцем Чичиков.

— Да! да ведь нужно было, чтобы <вы> все это увидели сквозь форму бумажного производства. Этак не штука. Бессознательно может и дурак увидеть, но нужно сознательно.

В сердцах, схвативши шапку, Чичиков — бегом из дому, мимо всяких приличий, да в дверь: он был сердит. Кучер стоял с пролетками наготове, зная, что лошадей нечего откладывать, потому что о корме пошла бы письменная просьба, и резолюция выдать овес лошадям вышла бы только на другой день. [Как ни был Чичиков груб и неучтив, но Кошкарев, несмотря на все, был с ним необыкновенно] учтив и деликатен. Он насильно пожал ему руку, прижал ее к сердцу и благодарил его за то, что он дал ему случай увидеть на деле ход производства; что передрягу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать и пружины управления заржавеют и ослабеют; что вследствие этого события пришла ему счастливая мысль — устроить новую комиссию, которая будет называться комиссией наблюдения за комиссиею построения, так что уже тогда никто не осмелится украсть.

Чичиков приехал, сердитый и недовольный, поздно, когда уже давно горели свечи.

— Что это вы так запоздали? — сказал Костанжогло, когда он показался в дверях.

— О чем вы это так долго с ним толковали? — сказал Платонов.

— Этакого дурака я еще отроду не видывал, — сказал <Чичиков>.

— Это еще ничего, — сказал Костанжогло. — Кошкарев — утешительное явление. Он нужен затем, что в нем отражаются карикатурно и видней глупости всех наших умников, — вот этих всех умников, которые, не узнавши прежде своего, набираются дури в чужи. Вон каковы помещики теперь наступили: завели и конторы, и мануфактуры, и школы, и комиссию, и черт их знает

чего не завели! Вот каковы эти умники! Было поправились после француза двенадцатого года, так вот теперь всё давай расстраивать сызнова. Ведь хуже француза расстроили, так что теперь какой-нибудь Петр Петрович Петух еще хороший помещик.

— Да ведь и он заложил теперь в ломбард, — сказал Чичиков.

— Ну да, все в ломбард, все пойдет в ломбард. — Сказав это, Костанжогло стал понемногу сердиться. — Вон шляпный, свечной заводы, — из Лондона мастеров выписали свечных, торгашами поделались. Помещик — этакое званье почтенное — в мануфактуристы, фабриканты! Прядильные машины... кисеи шлюхам городским, девкам.

— Да ведь и у тебя же есть фабрики, — заметил Платонов.

— А кто их заводил? Сами завелись! накопилось шерсти, сбыть некуда — я и начал ткать сукна, да и сукна толстые, простые — по дешевой цене их тут же на рынках у меня и разбирают, — мужику надобные, моему мужику. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берег в продолжение шести лет сряду промышленники, — ну куды ее девать? Я начал из нее варить клей, да сорок тысяч и взял. Ведь у меня всё так.

«Экой черт! — думал Чичиков, глядя на него в оба глаза, — загребистая какая лапа».

— Да и то потому занялся, что набрело много работников, которые умерли бы с голоду. Голодный год, и все по милости этих фабрикантов, упустивших посевы. Этаких фабрик у меня, брат, наберется много. Всякий год другая фабрика, смотря по тому, от чего накопилось остатков и выбросков. Рассмотри только попристальнее свое хозяйство — всякая дрянь даст доход, так что отталкиваешь, говоришь: не нужно. Ведь я не строю для этого дворцов с колоннами да с фронтонами.

— Это изумительно... Изумительнее же всего то, что всякая дрянь даст доход! — сказал Чичиков.

— Да помилуйте! Если бы только брать дело попросту, как оно есть; а то ведь всякий — механик, всякий хочет открыть ларчик с инструментом, а не просто. Он для этого съездит нарочно в Англию, вот в чем дело. Дурачье! — Сказавши это, Костанжогло плюнул. — И ведь глупее всотеро станет после того, как возвратится из-за границы.

— Ах, Константин! ты опять рассердился, — сказала с беспокойством жена. — Ведь ты знаешь, что это для тебя вредно.

— Да ведь как не сердиться? Добро бы, это было чужое, а то ведь это близкое собственному сердцу. Ведь досадно то, что русский характер портится. Ведь теперь явилось в русском характере донкишотство, которого никогда не было! Просвещение придет ему в ум — сделается Дон-Кишотом просвещенья: заведет такие школы, что дураку в ум не войдет! Выйдет из школы такой человек, что никуда не годится, ни в деревню, ни в город, — только что пьяница да чувствует свое достоинство. В человеколюбье пойдет — сделается Дон-Кишотом человеколюбья: настроит на миллион рублей бестолковейших больниц да заведений с колоннами, разорится, да и пустит всех по миру: вот тебе и человеколюбье!

Чичикову не до просвещенья было дело. Ему хотелось обстоятельно расспросить о том, как всякая дрянь дает доход: но никак не дал ему Костанжогло вставить слова. Желчные речи уже лились из уст его, так что уже он их не мог удержать.

— Думают, как просветить мужика! Да ты сделай его прежде богатым да хорошим хозяином, а там он сам выучится. Ведь как теперь, в это время, весь свет поглупел, так вы не можете себе представить. Что пишут теперь эти щелкоперы! Пустит какой-нибудь молокосос книжку, и так вот все и бросятся на нее. Вот что стали говорить: «Крестьянин ведет уж очень простую жизнь; нужно познакомить его с предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состоянья...» Что сами благодаря этой роскоши стали тряпки, а не люди, и болезней черт знает каких понабрались, и уж нет осьмнадцатилетнего мальчишки, который бы не испробовал всего: и зубов у него нет, и плешив, как пузырь, — так хотят теперь и этих заразить. Да слава Богу, что у нас осталось хотя одно еще здоровое сословие, которое не познакомилось с этими прихотями! За это мы просто должны благодарить Бога. Да хлебопашцы для меня всех почтеннее — что вы его трогаете? Дай Бог, чтобы все были хлебопашцы.

— Так вы полагаете, что хлебопашеством доходливей заниматься? — спросил Чичиков.

— Законнее, а не то что доходнее. Возделывай землю в поте лица своего, сказано. Тут нечего мудрить. Это уж опытом веков доказано, что в земледельческом звании человек нравственней,

чище, благородней, выше. Не говорю — не заниматься другим, но чтобы в основание легло хлебопашество — вот что! Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законные фабрики — того, что нужно здесь, под рукой человеку, на месте, а не эти всякие потребности, расслабившие теперешних людей. Не эти фабрики, что потом для поддержки и для сбыту употребляют все гнусные меры, развращают, растлевают несчастный народ. Да вот же не заведу у себя, как ты там ни говори в их пользу, никаких этих внушающих высшие потребности производств, ни табака, ни сахара, хоть бы потерял миллион. Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки! Пусть я буду перед Богом прав... Я двадцать лет живу с народом; я знаю, какие от этого следствия.

— Для меня изумительнее всего, как при благоразумном управлении, из останков, из обрезков получается, <что> и всякая дрянь дает доход.

— Гм! Политические экономы! — говорил Костанжогло, не слушая его, с выражением желчного сарказма в лице. — Хороши политические экономы! Дурак на дураке сидит и дураком погоняет. Дальше своего глупого носа не видит. Осел, а еще взлезет на кафедру, наденет очки... Дурачье! — И во гневе он плюнул.

— Все это так и все справедливо, только, пожалуйста, не сердись, — сказала жена, — как будто нельзя говорить об этом, не выходя из себя.

— Слушая вас, почтеннейший Константин Федорович, вникаешь, так сказать, в смысл жизни, щупаешь самое ядро дела. Но, оставив общечеловеческое, позвольте обратить внимание на приватное. Если бы, положим, сделавшись помещиком, возымел я мысль в непродолжительное <время> разбогатеть так, чтобы тем, так сказать, исполнить существенную обязанность гражданина, то каким образом, как поступить?

— Как поступить, чтобы разбогатеть? — подхватил Костанжогло. — А вот как...

— Пойдем ужинать, — сказала хозяйка; она, поднявшись с дивана, выступила на середину комнаты, закутывая в шаль молодые продрогнувшие свои члены.

Чичиков схватился со стула с ловкостью почти военного человека, коромыслом подставил ей руку и повел ее парадно через две комнаты в столовую, где уже на столе стояла суповая чаш-

ка и, лишенная крышки, разливала приятное благоуханье супа, напитанного свежею зеленью и первыми кореньями весны. Все сели за стол. Слуги проворно поставили разом на стол все блюда в закрытых соусниках и все, что нужно, и тотчас ушли. Костанжогло не любил, чтобы лакеи слушали господские <разговоры>, а еще более чтобы глядели ему в рот в то время, когда он <ест>.

Нахлебавшись супу и выпивши рюмку какого-то отличного питья, похожего на венгерское, Чичиков сказал хозяину так:

— Позвольте, почтеннейший, вновь обратить вас к предмету прекращенного разговора. Я спрашивал вас о том, как быть, как поступить, как лучше приняться...[1]

— Именье, за которое если бы он запросил и сорок тысяч, я бы ему тут же отсчитал.

— Гм! — Чичиков задумался. — А отчего же вы сами, — проговорил он с некоторою робостью, — не покупаете его?

— Да нужно знать, наконец, пределы. У меня и без того много хлопот около своих имений. Притом у нас дворяне и без того уже кричат на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными их положеньями, скупаю земли за бесценок. Это мне уж наконец надоело, черт их возьми.

— Как вообще люди способны к злословию! — сказал Чичиков.

— А уж как в нашей губернии — не можете себе представить! Меня иначе и не называют, как сквалыгой и скупцом первой степени. Себя они во всем извиняют. «Я, говорит, конечно, промотался, но потому, что жил высшими потребностями жизни, поощрял промышленников, мошенников то есть, а этак, пожалуй, можно прожить свиньей, как Костанжогло».

— Желал бы я быть этакой свиньей! — сказал Чичиков.

— И все это ложь и вздор. Какие высшие потребности? Кого они надувают? Книги хоть он и заведет, но ведь их не читает. Дело окончится картами да пьянством. И все оттого, что не задаю обедов да не занимаю им денег. Обедов я потому не даю, что это меня бы тяготило: я к этому не привык. А приезжай ко мне есть то,

[1] *Далее в рукописи отсутствуют две страницы.*

что я ем, — милости просим. Не даю денег взаймы — это вздор. Приезжай ко мне в самом деле нуждающийся да расскажи мне обстоятельно, как ты распорядишься с моими деньгами. Если я увижу из твоих слов, что ты употребишь их умно и деньги принесут тебе явную прибыль, — я тебе не откажу и не возьму даже процентов.

«Это, однако же, нужно принять к сведению», — подумал Чичиков.

— И никогда не откажу, — продолжал Костанжогло. — Но бросать денег на ветер я не стану. Уж пусть меня в этом извинят! Черт побери! он затевает там какой-нибудь обед любовнице, или на сумасшедшую ногу убирает мебелями дом, или с распутницей в маскарад, юбилей там какой-нибудь в память того, что он даром прожил, а ему давай деньги взаймы!..

Здесь Костанжогло плюнул и чуть-чуть не выговорил несколько неприличных и бранных слов в присутствии супруги. Суровая тень темной ипохондрии омрачила его лицо. Вдоль лба и вполерек его собрались морщины, обличители гневного движенья взволнованной желчи.

— Позвольте мне, досточтимый мною, обратить вас вновь к предмету прекращенного разговора, — сказал Чичиков, выпивая еще рюмку малиновки, которая действительно была отличная. — Если бы, положим, я приобрел то самое имение, о котором вы изволили упомянуть, то во сколько времени и как скоро можно разбогатеть в такой степени...

— Если вы хотите, — подхватил сурово и отрывисто Костанжогло, полный нерасположенья духа, — разбогатеть скоро, так вы никогда не разбогатеете; если же хотите разбогатеть, не спрашиваясь о времени, то разбогатеете скоро.

— Вот оно как, — сказал Чичиков.

— Да, — сказал Костанжогло отрывисто, точно как бы он сердился на самого Чичикова, — надобно иметь любовь к труду. Без этого ничего нельзя сделать. Надобно полюбить хозяйство, да! И, поверьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что в деревне тоска, — да я бы умер, повесился от тоски, если бы хотя один день провел в городе так, как проводят они в этих глупых своих клубах, трактирах да театрах. Дураки дурачье, ослиное поколенье! Хозяину нельзя, нет времени скучать. В жизни его и на полвершка нет

пустоты — все полнота. Одно это разнообразье занятий, и притом каких занятий! — занятий, истинно возвышающих дух. Как бы то ни было, но ведь тут человек идет рядом с природой, с временами года, соучастник и собеседник всего, что совершается в творении. Рассмотрите-ка круговой год работ: как еще прежде, чем наступит весна, всё уж настороже и ждет ее; подготовка семян, переборка, перемерка по амбарам хлеба и пересушка; установленье новых тягол. Весь <год> обсматривается вперед и все рассчитывается вначале. А как взломает лед, да пройдут реки, да просохнет все и пойдет взрываться земля — по огородам и садам работает заступ, по полям соха и бороны: садка, севы и посевы. Понимаете ли, что это? Безделица! грядущий урожай сеют! Блаженство всей земли сеют! Пропитанье миллионов сеют! Наступило лето... А тут покосы, покосы... И вот закипела вдруг жатва; за рожью пошла рожь, а там пшеница, а там и ячмень, и овес. Все кипит; нельзя пропустить минуты; хоть двадцать глаз имей — всем им работа. А как отпразднуется все да пойдет свозиться на гумны, складываться в клади, да зимние запашки, да чинки к зиме амбаров, риг, скотных дворов, и в то же время все бабьи <работы>, да подведешь всему итог и увидишь, что сделано, — да ведь это... А зима! Молотьба по всем гумнам, перевозка перемолотого хлеба из риг в амбары. Идешь на мельницу, идешь и на фабрики, идешь взглянуть и на рабочий двор, идешь и к мужику, как он там на себя копышется. Да для меня, просто, если плотник хорошо владеет топором, я два часа готов пред ним простоять: так веселит меня работа. А если видишь еще, что все это с какой целью творится, как вокруг тебя все множится да множится, принося плод да доход, — да я и рассказать не могу, что тогда в тебе делается. И не потому, что растут деньги, — деньги деньгами, — но потому, что все это дело рук твоих; потому что видишь, как ты всему причина, ты творец всего, и от тебя, как от какого-нибудь мага, сыплется изобилье и добро на всё. Да где вы найдете мне равное наслажденье? — сказал Костанжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Как царь в день торжественного венчания своего, сиял он весь, и казалось, как бы лучи исходили из его лица. — Да в целом мире не отыщете вы подобного наслажденья! Здесь, именно здесь подражает Богу человек. Бог предоставил Себе дело творенья, как высшее всех наслажденье, и требует

от человека также, чтобы он был подобным творцом благоденствия вокруг себя. И это называют скучным делом!..

Как пенья райской птички, заслушался Чичиков сладкозвучных хозяйских речей. Глотали слюнку его уста. Самые глаза умаслились и выражали сладость, и все бы он слушал.

— Константин! пора вставать, — сказала хозяйка, приподнявшись со стула.

Все встали. Подставив руку коромыслом, повел Чичиков обратно хозяйку. Но уже недоставало ловкости в его оборотах, потому что мысли были заняты действительно существенными оборотами.

— Что ни рассказывай, а все, однако же, скучно, — говорил, идя позади их, Платонов.

«Гость не глупый человек, — думал хозяин, — степенен в словах и не щелкопер». И, подумавши так, стал он еще веселее, как бы сам разогрелся от своего разговора и как бы празднуя, что нашел человека, умеющего слушать умные советы.

Когда потом поместились они все в уютной комнатке, озаренной свечками, насупротив балконной стеклянной двери в сад, и глядели к ним оттоле звезды, блиставшие над вершинами заснувшего сада, — Чичикову сделалось так приютно, как не бывало давно: точно как бы после долгих странствований приняла уже его родная крыша и, по совершенье всего, он уже получил все желаемое и бросил скитальческий посох, сказавши: «довольно!» Такое обаятельное расположенье навел ему на душу разумный разговор гостеприимного хозяина. Есть для всякого человека такие речи, которые как бы ближе и родственней ему других речей. И часто неожиданно, в глухом, забытом захолустье, на безлюдье безлюдном, встретишь человека, которого греющая беседа заставит позабыть тебя и бездорожье дороги, и неприютность ночлегов, и беспутность современного шума, и лживость обманов, обманывающих человека. И живо врежется, раз навсегда и навеки, проведенный таким образом вечер, и все удержит верная память: и кто соприсутствовал, и кто на каком месте сидел, и что было в руках его, — стены, углы и всякую безделушку.

Так и Чичикову заметилось все в тот вечер: и эта милая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженье, воцарившееся в лице умного хозяина, но даже и рисунок обоев

комнаты, и поданная Платонову трубка с янтарным мундштуком, и дым, который он стал пускать в толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смех миловидной хозяйки, прерываемый словами: «Полно, не мучь его», — и веселые свечки, и сверчок в углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, глядевшая к ним оттоле, облокотясь на вершины дерев, осыпанная звездами, оглашенная соловьями, громкопевно высвистывавшими из глубины зеленолиственных чащей.

— Сладки мне ваши речи, досточтимый мною Константин Федорович, — произнес Чичиков. — Могу сказать, что не встречал во всей России человека, подобного вам по уму.

Костанжогло улыбнулся. Он сам чувствовал, что не несправедливы были эти слова.

— Нет, уж если хотите узнать умного человека, так у нас действительно есть один, о котором, точно, можно сказать — умный человек, которого я и подметки не стою.

— Кто ж бы это такой мог быть? — с изумленьем спросил Чичиков.

— Это наш откупщик Муразов.

— В другой уже раз про него слышу! — вскрикнул Чичиков.

— Это человек, который не то что именьем помещика, целым государством управит. Будь у меня государство, я бы его сей же час сделал министром финансов.

— И, говорят, человек, превосходящий меру всякого вероятия: десять миллионов, говорят, нажил.

— Какое десять! перевалило за сорок. Скоро половина России будет в его руках.

— Что вы говорите! — вскрикнул Чичиков, вытаращив глаза и разинув рот.

— Всенепременно. Это ясно. Медленно богатеет тот, у кого какие-нибудь сотни тысяч; а у кого миллионы, у того радиус велик: что ни захватит, так вдвое и втрое противу самого себя. Поле-то, поприще слишком просторно. Тут уже и соперников нет. С ним некому тягаться. Какую цену чему ни назначит, такая и останется, некому перебить.

— Господи, Боже Ты мой! — проговорил Чичиков, перекрестившись. Смотрел Чичиков в глаза Костанжогло, — захватило дух в груди ему. — Уму непостижимо! Каменеет мысль от страха!

Изумляются мудрости Промысла в рассматриванье букашки: для меня более изумительно то, что в руках смертного могут обращаться такие громадные суммы. Позвольте спросить насчет одного обстоятельства: скажите, ведь это, разумеется, вначале приобретено не без греха?

— Самым безукоризненным путем и самыми справедливыми средствами.

— Невероятно! Если бы тысячи, но миллионы...

— Напротив, тысячи трудно без греха, а миллионы наживаются легко. Миллионщику нечего прибегать к кривым путям: прямой дорогой так и ступай, все бери, что ни лежит перед тобой. Другой не подымет: всякому не по силам, — нет соперников. Радиус велик, говорю: что ни захватит — вдвое или втрое противу <самого себя>. А с тысячи что? Десятый, двадцатый процент.

— И что всего непостижимей — что дело ведь началось с копейки.

— Да иначе и не бывает. Это законный порядок вещей, — сказал Костанжогло. — Кто родился с тысячами и воспитался на тысячах, тот уже не приобретет, у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нет! Начинать нужно с начала, а не с середины, — с копейки, а не с рубля, — снизу, а не сверху. Тут только узнаешь хорошо люд и быт, среди которых придется потом изворачиваться. Как вытерпишь на собственной коже то да другое, да как узнаешь, что всякая копейка алтынным гвоздем прибита, да как перейдешь все мытарства — тогда тебя умудрит и вышколит, что уж не дашь промаха ни в каком предприятье и не оборвешься. Поверьте, это правда. С начала нужно начинать, а не с середины. Кто говорит мне: «Дайте мне сто тысяч — я сейчас разбогатею», — я тому не поверю: он бьет наудачу, а не наверняка. С копейки нужно начинать.

— В таком случае я разбогатею, — сказал Чичиков, невольно помыслив о мертвых душах, — ибо действительно начинаю с ничего.

— Константин, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать, — сказала хозяйка, — а ты все болтаешь.

— И непременно разбогатеете, — сказал Костанжогло, не слушая хозяйки. — К вам потекут реки, реки золота. Не будете знать, куды девать доходы.

Как очарованный сидел Павел Иванович; в золотой области грез и мечтаний кружились его мысли. По золотому ковру грядущих прибытков золотые узоры вышивало разыгравшееся воображение, и в ушах его отдавались слова: «Реки, реки потекут золота».

— Право, Константин, Павлу Ивановичу пора спать.

— Да что ж тебе? Ну и ступай, если захотелось, — сказал хозяин и остановился, потому что громко по всей комнате раздалось храпенье Платонова, а вслед за ним Ярб затянул еще громче. Заметив, что в самом деле пора на ночлег, он растолкал Платонова, сказавши: «Полно тебе храпеть!» — и пожелал Чичикову спокойной ночи. Все разбрелись и скоро заснули по своим постелям.

Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Он обдумывал, как сделаться помещиком не фантастического, но существенного имения. После разговора с хозяином все становилось так ясно. Возможность разбогатеть казалась так очевидной! Трудное дело хозяйства становилось теперь так легко и понятно и так казалось свойственно самой его натуре! Только бы сбыть в ломбард этих мертвецов да завести не [фантастическое поместье]. Уже он видел себя действующим и правящим именно так, как поучал Костанжогло: расторопно, осмотрительно, ничего не заводя нового, не узнавши насквозь всего старого; все высмотревши собственными глазами, всех мужиков узнавши, все излишества от себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству. Уже заранее предвкушал он то удовольствие, которое будет он чувствовать, когда заведется стройный порядок и бойким ходом двигнутся все пружины хозяйственной машины, деятельно толкая друг друга. Труд закипит; и подобно тому <как> в ходкой мельнице шибко вымалывается из зерна мука, пойдет вымалываться из всякого дрязгу и хламу чистоган да чистоган. Чудный хозяин так и стоял пред ним ежеминутно. Это был первый человек во всей России, к которому почувствовал он уважение личное. Доселе уважал он человека или за хороший чин, или за большие достатки. Собственно за ум он не уважал еще ни одного человека. Костанжогло был первый. Он понял, что с этим нечего подыматься на какие-нибудь штуки. Его занимал другой прожект — купить именье Хлобуева. Десять тысяч у него было;

пятнадцать тысяч предполагал он попробовать занять у Костанжогло, так как он сам объявил уже, что готов помочь всякому желающему разбогатеть; остальные — как-нибудь, или заложивши в ломбард, или так просто, заставивши ждать. Ведь и это можно: ступай возись по судам, если есть охота. И долго он об этом думал. Наконец сон, который уже целые четыре часа держал весь дом, как говорится, в объятиях, принял, наконец, и Чичикова в свои объятия. Он заснул крепко.

Глава четвертая

На другой день все обделалось как нельзя лучше. Костанжогло дал с радостью десять тысяч без процентов, без поручительства — просто под одну расписку. Так был он готов помогать всякому на пути к приобретенью. Он показал Чичикову все свое хозяйство. Все было просто и так умно! Все было так устроено, что шло само собой. Ни минуты времени не терялось даром, ни малейшей неисправности не случалось у поселянина. Помещик, как бы всевидец какой, вдруг поднимал его на ноги. Не было ленивца нигде. Не могло не поразить даже и Чичикова, как много наделал этот человек, тихо, без шуму, не сочиняя проектов и трактатов о доставлении благополучия всему человечеству, и как пропадает без плодов жизнь столичного жителя, шаркателя по паркетам и любезника гостиных, или прожектера, в своем закутке диктующего предписания в отдаленном углу государства. Чичиков совершенно пришел в восторг, и мысль сделаться помещиком утверждалась в нем все более и более. Костанжогло, мало того что показал ему все, сам взялся проводить его к Хлобуеву, с тем чтобы осмотреть вместе с ним имение. Чичиков был в духе. После сытного завтрака все они отправились, севши все трое в коляску Павла Ивановича; пролетки хозяина следовали за ними порожняком. Ярб бежал впереди, сгоняя с дороги птиц. Целые пятнадцать верст тянулись по обеим сторонам леса и пахотные земли Костанжогло. Всё провожали леса в смешении с лугами. Ни одна травка не была здесь даром, всё как в Божьем мире, все казалось садом. Но умолкли невольно, когда началась земля Хлобуева: <пошли> скотом объеденные кустарники наместо лесов, тощая, едва подымавшаяся, заглушенная куколем рожь.

Наконец вот выглянули не обнесенные загородью ветхие избы и посреди их оставшийся вчерне каменный необитаемый дом. Крыши, видно, не на что было сделать. Так он и остался покрытый сверху соломой и почернел. Хозяин жил в другом доме, одноэтажном. Он выбежал к ним навстречу в старом сертуке, растрепанный и <в> дырявых сапогах, заспанный и опустившийся, но было что-то доброе в лице.

Обрадовался им, как Бог весть чему: точно как бы увидел он братьев, с которыми надолго расстался.

— Константин Федорович! Платон Михайлович! Вот одолжили приездом! Дайте протереть глаза! А уж, право, думал, что ко мне никто не заедет. Всяк бегает меня, как чумы: думает — попрошу взаймы. Ох, трудно, трудно, Константин Федорович! Вижу — сам всему виной. Что делать? свинья свиньей зажил. Извините, господа, что принимаю вас в таком наряде: сапоги, как видите, с дырами. Чем прикажете потчевать?

— Без церемонии. Мы к вам за делом. Вот вам покупщик, Павел Иванович Чичиков, — сказал Костанжогло.

— Душевно рад познакомиться. Дайте прижать мне вашу руку.

Чичиков дал ему обе.

— Хотел бы очень, почтеннейший Павел Иванович, показать вам имение, стоящее внимания... Да что, господа, позвольте спросить: вы обедали?

— Обедали, обедали, — сказал Костанжогло, желая отделаться. — Не будем мешкать и пойдем теперь же.

— Пойдем. — Хлобуев взял в руки картуз.

Гости надели на головы картузы, и все пошли улицею деревни.

С обеих сторон глядели слепые лачуги, с крохотными, заткнутыми онучей [окнами].

— Пойдем же осматривать беспорядки и беспутство мое, — говорил Хлобуев. — Конечно, вы сделали хорошо, что пообедали. Поверите ли, Константин Федорович, курицы нет в доме — до того дожил!

Он вздохнул и, как бы чувствуя, что мало будет участия со стороны Константина Федоровича, подхватил под руку Платонова и пошел с ним вперед, прижимая крепко его к груди своей.

Костанжогло и Чичиков остались позади и, взявшись под руки, следовали за ними в отдалении.

— Трудно, Платон Михалыч, трудно! — говорил Хлобуев Платонову. — Не можете вообразить, как трудно! Безденежье, бесхлебье, бессапожье. Ведь это для вас слова иностранного языка. Трын-трава бы это было все, если бы был молод и один. Но когда все эти невзгоды станут тебя ломать под старость, а под боком жена, пятеро детей — сгрустнется, поневоле сгрустнется...

— Ну, да если вы продадите деревню — это вас поправит? — спросил Платонов.

— Какое поправит! — сказал Хлобуев, махнувши рукой. — Все пойдет на уплату долгов, а для себя не останется и тысячи.

— Так что ж вы будете делать?

— А Бог знает.

— Как же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться из таких обстоятельств?

— Что ж предпринять?

— Что ж, вы, стало быть, возьмете какую-нибудь должность?

— Ведь я губернский секретарь. Какое же мне могут дать место? Место мне могут дать ничтожное. Как мне взять жалованье — пятьсот? А ведь у меня жена, пятеро детей.

— Пойдите в управляющие.

— Да кто ж мне поверит имение: я промотал свое.

— Ну, да если голод и смерть грозят, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не может ли брат мой через кого-либо в городе выхлопотать какую-нибудь должность.

— Нет, Платон Михайлович, — сказал Хлобуев, вздохнувши и сжавши крепко его руку. — Не гожусь я теперь никуды. Одряхлел прежде старости своей, и поясница болит от прежних грехов, и ревматизм в плече. Куды мне? Что разорять казну? И без того теперь завелось много служащих ради доходных мест. Храни Бог, чтобы из-за доставки мне жалованья увеличены были подати на бедное сословие.

«Вот плоды беспутного поведения, — подумал Платонов. — Это хуже моей спячки».

А между тем как они так говорили между собой, Костанжогло, идя с Чичиковым позади их, выходил из себя.

— Вот смотрите, — сказал Костанжогло, указывая пальцем, — довел мужика до какой бедности! Ведь ни телеги, ни лошади. Случился падеж — уж тут нечего глядеть на свое добро: тут все свое продай да снабди мужика скотиной, чтобы он не оставался и одного дни без средств производить работу. А ведь теперь и годами не поправишь. И мужик уже изленился, загулял, сделался пьяница. Да этим только, что один год дал ему пробыть без работы, ты уж его развратил навеки: уж привык к лохмотью и бродяжничеству. А земля-то какова? разглядите землю! — говорил он, указывая на луга, которые показались скоро за избами. — Всё поёмные места! Да я заведу лен, да тысяч на пять одного льну отпущу; репой засею, на репе выручу тысячи четыре. А вон смотрите — по косогору рожь поднялась; ведь это все падаль. Он хлеба не сеял — я это знаю. А вон овраги... да здесь я заведу такие леса, что ворон не долетит до вершины. И этакое сокровище-землю бросить! Ну, уж если нечем было пахать, так заступом под огород вскопай. Огородом бы взял. Сам возьми в руку заступ, жену, детей, дворню заставь; безделица! умри, скотина, на работе! Умрешь, по крайней мере исполняя долг, а не то обожравшись, — свиньей за обедом! — Сказавши это, плюнул Костанжогло, и желчное расположение осенило сумрачным облаком его чело.

Когда подошли они ближе и стали над крутизной, обросшей чилизником, и вдали блеснул извив реки и темный отрог, и в перспективе ближе показалась часть скрывавшегося в рощах дома генерала Бетрищева, а за ним лесом обросшая, курчавая гора, пылившая синеватою пылью отдаления, по которой вдруг догадался Чичиков, что это должно быть Тентетникова, <он сказал>:

— Здесь, если завести леса, деревенский вид может превзойти красотою...

— А вы охотник до видов? — спросил Костанжогло, вдруг на него взглянувши строго. — Смотрите, погонитесь так за видами — останетесь без хлеба и без видов. Смотрите на пользу, а не на красоту. Красота сама придет. Пример вам города: лучше и красивее до сих пор города, которые сами построились, где каждый строился по своим надобностям и вкусам. А те, которые выстроились по шнурку, — казармы казармами... В сторону красоту, смотрите на потребности...

— Жалко то, что долго нужно дожидаться. Так бы хотелось увидеть все в том виде, как хочется.

— Да что вы, двадцатипятилетний разве юноша? Вертун, петербургский чиновник? Чудно! Терпенье. Шесть лет работайте сряду: садите, сейте, ройте землю, не отдыхая ни на минуту. Трудно, трудно. Но зато потом, как расшевелите хорошенько землю да станет она помогать вам сама, так это не то, что какой-нибудь мил<лион>, — нет, батюшка, у вас сверх ваших каких-нибудь семидесяти рук будут работать семьсот невидимых. Всё вдесятеро. У меня теперь ни пальцем не двигнут — всё делается само собою. Да, природа любит терпение; и это закон, данный ей Самим Богом, ублажавшим терпеливых.

— Слушая вас, чувствуешь прибыток сил. Дух воздвигается.

— Вона земля как вспахана! — вскрикнул Костанжогло с едким чувством прискорбия, показывая на косогор. — Я не могу здесь больше оставаться: мне смерть — глядеть на этот беспорядок и запустенье. Вы теперь можете с ним покончить и без меня. Отберите у этого дурака поскорее сокровище. Он только бесчестит Божий дар. — И, сказавши это, Костанжогло уже омрачился желчным расположением взволнованного духа; простился с Чичиковым и, нагнавши хозяина, стал также прощаться.

— Помилуйте, Константин Федорович, — говорил удивленный хозяин, — только что приехали — и назад!

— Не могу. Мне крайняя надобность быть дома, — сказал Костанжогло, простился, сел и уехал на своих пролетках.

Казалось, как будто Хлобуев понял причину его отъезда.

— Не выдержал Константин Федорович, — сказал он, — не весело такому хозяину, каков он, глядеть на этакое беспутное управление. Поверьте, Павел Иванович, что даже хлеба не сеял в этом году. Как честный человек! Семян не было, не говоря уж о том, что нечем пахать. Ваш братец, Платон Михайлович, говорят, отличный хозяин; о Константине Федоровиче — что уж говорить! это Наполеон своего рода. Часто, право, думаю: «Ну зачем столько ума дается в одну голову? ну что бы хоть каплю его в мою глупую». Тут, смотрите, господа, осторожнее через мост, чтобы не бултыхнуть в лужу. Доски весною приказывал поправить. Жаль больше всего мне мужичков бедных: им нужен пример; но с меня

что за пример? Что прикажете делать? Возьмите их, Павел Иванович, в свое распоряжение. Как могу приучить их к порядку, когда сам беспорядочен? Я бы их отпустил давно на волю, но из этого не будет никакого толку. Вижу, что прежде нужно привести их в такое состояние, чтобы умели жить. Нужен строгий и справедливый человек, который пожил <бы> с ними долго и собственным примером неутомимой деятельности <действовал на них>. Русский человек, вижу по себе, не может без понукателя: так и задремлет, так и закиснет.

— Странно, — сказал Платонов, — отчего русский человек способен так задремать и закиснуть, что, если не смотришь за простым человеком, сделается и пьяницей и негодяем.

— От недостатка просвещения, — заметил Чичиков.

— Бог весть отчего. Ведь вот мы просветились, слушали в университете, а на что годимся? Ну, чему я выучился? Порядку жить не только не выучился, а еще больше — выучился искусству побольше издерживать деньги на всякие новые утонченности да больше познакомился с такими предметами, на которые нужны деньги. Выучился только издерживаться на всякий комфорт. Оттого ли, что я бестолково учился? Нет, ведь так и другие товарищи. Два, три человека извлекли себе настоящую пользу, да и то оттого, может быть, что и без того были умны, а прочие ведь только и стараются узнать то, что портит здоровье, да и выманивает деньги. Ей-Богу! А что я уж думаю: иной раз, право, мне кажется, что будто русский человек — какой-то пропащий человек. Хочешь все сделать — и ничего не можешь. Все думаешь — с завтрашнего дни начнешь новую жизнь, с завтрашнего дни сядешь на диету — ничуть не бывало: к вечеру того же дни так объешься, что только хлопаешь глазами и язык не ворочается; как сова сидишь, глядя на всех, — право! И этак все.

— Да, — сказал Чичиков, усмехнувшись, — эта история бывает.

— Мы совсем не для благоразумия рождены. Я не верю, чтобы из нас был кто-нибудь благоразумным. Если я вижу, что иной даже и порядочно живет, собирает и копит деньгу, не верю я и тому. На старости и его черт попутает: спустит потом все вдруг. И все так, право: и просвещенные и непросвещенные. Нет, чего-то другого недостает, а чего — и сам не знаю.

Так говоря, обошли они избы, потом проехали в коляске по лугам. Места были бы хороши, если бы не были вырублены. Открылись виды; в стороне засинел бок возвыш<енностей>, тех самых, где еще недавно был Чичиков. Но ни деревни Тентетникова, ни генерала Бетрищева нельзя было видеть. Они были заслонены горами. Опустившись вниз к лугам, где был один только ивняк и низкий топольник — высокие деревья были срублены, — они навестили плохую водяную мельницу, видели реку, по которой бы можно было сплавить, если б только было что сплавлять. Изредка кое-где паслась тощая скотина. Обсмотревши, не вставая с коляски, они воротились снова <в> деревню, где встретили на улице мужика, который, почесав у себя рукою пониже [спины], так зевнул, что перепугал даже старостиных индеек. Зевота была видна на всех строениях. Крыши также зевали. Платонов, глядя на них, зевнул. «Заплата на заплате», — [думал Чичиков, увидевши, как] на одной избе вместо крыши лежали целиком ворота. В хозяйстве исполнялась система Тришкина кафтана: отрезывались обшлага и фалды на заплату локтей.

— Вот оно как у меня, — сказал Хлобуев. — Теперь посмотрим дом, — и повел их в жилые покои дома.

Чичиков думал и там встретить лохмотье и предметы, возбуждающие зевоту, но, к изумлению, в жилых покоях было прибрано. Вошедши в комнаты дома, они были поражены как бы смешеньем нищеты с блестящими безделушками позднейшей роскоши. Какой-то Шекспир сидел на чернильнице; на столе лежала щегольская ручка слоновой кости для почесывания себе самому спины. Встретила их хозяйка, одетая со вкусом, по последней моде; четверо детей, также одетых хорошо, и при них даже гувернантка; они были все миловидны, но лучше бы оделись в пестрядевые юбки, простые рубашки и бегали себе по двору и не отличались ничем от крестьянских детей. К хозяйке скоро приехала гостья, какая-то пустомеля и болтунья. Дамы ушли на свою половину. Дети убежали вслед за ними. Мужчины остались одни.

— Так какая же будет ваша цена? — сказал Чичиков. — Спрашиваю, признаться, чтобы услышать крайнюю, последнюю цену, ибо поместье в худшем положенье, чем ожидал.

— В самом скверном, Павел Иванович, — сказал Хлобуев. — И это еще не все. Я не скрою: из ста душ, числящихся по ревизии, только пятьдесят в живых; так у нас распорядилась холера. Прочие отлучились беспашпортно, так что почитайте их как бы умершими. Так что, если их вытребовать по судам, так все имение останется по судам. Потому-то я и прошу всего только тридцать <пять> тысяч.

Чичиков стал, разумеется, торговаться.

— Помилуйте, как же тридцать пять? За этакое тридцать пять! Ну, возьмите двадцать пять тысяч.

Платонову сделалось совестно.

— Покупайте, Павел Иванович, — сказал он. — За именье можно всегда дать эту <цену>. Если вы не дадите за него тридцати <пяти> тысяч, мы с братом складываемся и покупаем.

— Очень хорошо, согласен, — сказал Чичиков, испугавшись. — Хорошо, только с тем, чтобы половину денег через год.

— Нет, Павел Иванович! это-то уж никак не могу. Половину мне дайте теперь же, а остальные через пятнадцать дней. Ведь мне эти же самые деньги выдаст ломбард. Было бы только чем пьявок кормить.

— Как же, право? я уж не знаю, у меня всего-навсего теперь десять тысяч, — сказал Чичиков; сказал и соврал: всего у него было двадцать, включая деньги, занятые у Костанжогло; но как-то жалко так много дать за одним разом.

— Нет, пожалуйста, Павел Иванович! Я говорю, что необходимо мне нужны пятнадцать тысяч.

— Я вам займу пять тысяч, — подхватил Платонов.

— Разве эдак! — сказал Чичиков и подумал про себя: «А это, однако же, кстати, что он дает взаймы».

Из коляски была принесена шкатулка, и тут же было из нее вынуто десять тысяч Хлобуеву; остальные же пять тысяч обещано было привезти ему завтра; то есть обещано; предполагалось же привезти три, другие — потом, денька через два или три, а если можно, то и еще несколько просрочить. Павел Иванович как-то особенно не любил выпускать из рук денег. Если ж настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То есть он поступал, как все мы. Ведь нам приятно же поводить просителя: пусть его натрет себе спину

в передней! Будто уж и нельзя подождать ему. Какое нам дело до того, что, может быть, всякий час ему дорог и терпят от того дела его: «Приходи, братец, завтра, а сегодня мне как-то некогда».

— Где же вы после этого будете жить? — спросил Платонов Хлобуева. — Есть у вас другая деревушка?

— Да в город нужно переезжать: там есть у меня домишка. Это нужно сделать для детей: им нужны будут учителя. Пожалуй, здесь еще можно достать учителя Закону Божию; музыке, танцеванью — ни за какие деньги в деревне нельзя достать.

«Куска хлеба нет, а детей учит танцеванью», — подумал Чичиков.

«Странно!» — подумал Платонов.

— Однако ж нужно нам чем-нибудь вспрыснуть сделку, — сказал Хлобуев. — Эй, Кирюшка! Принеси, брат, бутылку шампанского.

«Куска хлеба нет, а шампанское есть», — подумал Чичиков.

Платонов не знал, что и думать.

Шампанским <Хлобуев> обзавелся по необходимости. Он послал в город: что делать? — в лавочке не дают квасу в долг без денег, а пить хочется. А француз, который недавно приехал с винами из Петербурга, всем давал в долг. Нечего делать, нужно было брать бутылку шампанского.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуев развязался, стал мил и умен, сыпал остротами и анекдотами. В речах его обнаружилось столько познанья людей и света! Так хорошо и верно видел он многие вещи, так метко и ловко очерчивал немногими словами соседей помещиков, так видел ясно недостатки и ошибки всех, так хорошо знал историю разорившихся бар: и почему, и как, и отчего они разорились; так оригинально и смешно умел передавать малейшие их привычки, — что они оба были совершенно обворожены его речами и готовы были признать его за умнейшего человека.

— Мне удивительно, — сказал Чичиков, — как вы, при таком уме, не найдете средств и оборотов?

— Средства-то есть, — сказал Хлобуев и тут <же> выгрузил им целую кучу прожектов. Все они были до того нелепы, так странны, так мало истекали из познанья людей и света, что оставалось пожимать только плечами да говорить: «Господи Боже,

какое необъятное расстояние между *знаньем света* и уменьем пользоваться этим знаньем!» Все основывалось на потребности достать откуда-нибудь вдруг сто или двести тысяч. Тогда, казалось ему, все бы устроилось как следует: и хозяйство бы пошло, и прорехи все бы заплатались, и доходы можно учетверить, и себя привести в возможность выплатить все долги. И оканчивал он речь свою: — Но что прикажете делать? Нет, да и нет такого благодетеля, который бы решился дать двести или хоть сто тысяч взаймы. Видно, уж Бог не хочет.

«Еще бы, — подумал Чичиков, — этакому дураку послал Бог двести тысяч».

— Есть у меня, пожалуй, трехмиллионная тетушка, — сказал Хлобуев, — старушка богомольная: на церкви и монастыри дает, но помогать ближнему тугенька. Прежних времен тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней одних канареек сотни четыре, моськи, приживалки и слуги, каких уж теперь нет. Меньшому из слуг будет лет под шестьдесят, хоть она и зовет его: «Эй, малый!» Если гость как-нибудь себя не так поведет, так она за обедом прикажет обнести его блюдом. И обнесут. Вот какая!

Платонов усмехнулся.

— А как ее фамилия и где проживает? — спросил Чичиков.

— Живет она у нас же в городе, Александра Ивановна Ханасарова.

— Отчего ж вы не обратитесь к ней? — сказал с участием Платонов. — Мне кажется, если бы она вошла в положенье вашего семейства, она бы не могла отказать.

— Ну нет, может. У тетушки натура крепковата. Это старушка-кремень, Платон Михайлович! Да к тому ж есть и без меня угодники, которые около нее увиваются. Там есть один, который метит в губернаторы: приплелся ей в родню. Сделайте мне такое одолжение, — сказал он вдруг, обратясь <к Платонову>, — на будущей неделе я даю обед всем сановникам в городе...

Платонов растопырил глаза. Он еще не знал того, что на Руси, в городах и столицах, водятся такие мудрецы, которых жизнь — совершенно необъяснимая загадка. Все, кажется, прожил, кругом в долгах, ниоткуда никаких средств, а задает обед; и все обедающие говорят, что это последний, что завтра же хозяина потащат в тюрьму. Проходит после того десять лет — мудрец все еще держится

на свете, еще больше прежнего кругом в долгах и так же задает обед, на котором все обедающие думают, что он последний, и все уверены, что завтра же потащат хозяина в тюрьму.

Дом <Хлобуева> в городе представлял необыкновенное явление. Сегодня поп в ризах служил там молебен; завтра давали репетицию французские актеры. В иной день ни крошки хлеба нельзя было отыскать; в другой — хлебосольный прием всех артистов и художников и великодушная подача всем. Бывали такие подчас тяжелые времена, что другой давно бы на его месте повесился или застрелился; но его спасало религиозное настроение, которое странным образом совмещалось в нем с беспутною его жизнью. В эти горькие минуты читал он жития страдальцев и тружеников, воспитывавших дух свой быть превыше несчастий. Душа его в это время вся размягчалась, умилялся дух, и слезами исполнялись глаза его. Он молился, и — странное дело! — почти всегда приходила к нему откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь из старых друзей его вспоминал о нем и присылал ему деньги; или какая-нибудь проезжая незнакомка, нечаянно услышав о нем историю, с стремительным великодушьем женского сердца присылала ему богатую подачу; или выигрывалось где-нибудь в пользу его дело, о котором он никогда и не слышал. Благоговейно признавал он тогда необъятное милосердье Провиденья, служил благодарственный молебен и вновь начинал беспутную жизнь свою.

— Жалок он мне, право жалок, — сказал Чичикову Платонов, когда они, простившись с ним, выехали от него.

— Блудный сын! — сказал Чичиков. — О таких людях и жалеть нечего.

И скоро они оба перестали о нем думать: Платонов — потому, что лениво и полусонно смотрел на положенья людей, так же как и на все в мире. Сердце его сострадало и щемило при виде страданий других, но впечатленья как-то не впечатлевались глубоко в его душе. Он потому не думал о Хлобуеве, что и о себе самом не думал. Чичиков потому не думал о Хлобуеве, что все его мысли были заняты не на шутку приобретенною покупкою. Он стал задумчив, и предположенья и мысли стали степенней и давали невольно значительное выраженье лицу. «Терпенье! Труд! Вещь нетрудная: с ними я познакомился, так сказать, с пелен детских. Мне они не в новость. Но станет ли теперь, в эти годы,

столько терпенья, сколько в молодости?» Как бы то ни было, как ни рассматривал он, на какую сторону ни оборачивал приобретенную покупку, видел, что во всяком случае покупка была выгодна. Можно было поступить и так, чтобы заложить имение в ломбард, прежде выпродав по кускам лучшие земли. Можно было распорядиться и так, чтобы заняться самому хозяйством и сделаться помещиком по образцу Костанжогло, пользуясь его советами как соседа и благодетеля. Можно было поступить даже и так, чтобы перепродать в частные руки имение (разумеется, если не захочется самому хозяйничать), оставивши при себе беглых и мертвецов. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть из этих мест и не заплатить Костанжогло денег, взятых у него взаймы. Странная мысль! не то чтобы Чичиков возымел <ее>, но она вдруг сама собой предстала, дразня и усмехаясь, и прищуриваясь на него. Непотребница! Егоза! И кто творец этих вдруг набегающих мыслей? Он почувствовал удовольствие, — удовольствие оттого, что стал теперь помещиком — помещиком не фантастическим, но действительным, помещиком, у которого есть уже и земли, и угодья, и люди — люди не мечтательные, в воображенье пребываемые, но существующие. И понемногу начал он и подпрыгивать, и потирать себе руки, и подмигивать себе самому и вытрубил на кулаке, приставивши его себе ко рту, как бы на трубе, какой-то марш, и даже выговорил вслух несколько поощрительных слов и названий себе самому, вроде мордашки и каплунчика. Но потом, вспомнивши, что он не один, притихнул вдруг, постарался кое-как замять неумеренный порыв восторгновенья; и когда Платонов, принявши кое-какие из этих звуков за обращенную к нему речь, спросил у него: «Чего?» — он отвечал: «Ничего».

Тут только, оглянувшись вокруг себя, он увидел, что они уже давно ехали прекрасною рощей; миловидная березовая ограда тянулась у них справа и слева. Белые лесины берез и осин, блестя, как снежный частокол, стройно и легко возносились на нежной зелени недавно развившихся листьев. Соловьи взапуски громко щелкали из рощи. Лесные тюльпаны желтели в траве. Он не мог себе дать отчета, как он успел очутиться в этом прекрасном месте, когда еще недавно были открытые поля. Между дерев мелькала белая каменная церковь, а на другой стороне выказалась из рощи решетка. В конце улицы показался господин, шедший к ним

навстречу, в картузе, с суковатой палкой в руках. Аглицкий пес на высоких тонких ножках бежал перед ним.

— А вот и брат, — сказал Платонов. — Кучер, стой! — И вышел из коляски. Чичиков также.

Псы уже успели облобызаться. Тонконогий проворный Азор лизнул проворным языком своим Ярба в морду, потом лизнул Платонову руки, потом вскочил на Чичикова и лизнул его в ухо.

Братья обнялись.

— Помилуй, Платон, что это ты со мною делаешь? — сказал остановившийся брат, которого звали Василием.

— Как что? — равнодушно отвечал Платонов.

— Да как же в самом деле: три дни от тебя ни слуху ни духу! Конюх от Петуха привел твоего жеребца. «Поехал, говорит, с каким-то барином». Ну, хоть бы слово сказал: куды, зачем, на сколько времени? Помилуй, братец, как же можно этак поступать? А я Бог знает чего не передумал в эти дни.

— Ну что ж делать? позабыл, — сказал Платонов. — Мы заехали к Константину Федоровичу: он тебе кланяется, сестра — также. Павел Иванович, рекомендую вам: брат Василий. Брат Василий, это Павел Иванович Чичиков.

Оба приглашенные ко взаимному знакомству пожали друг другу руки и, снявши картузы, поцеловались.

«Кто бы такой был этот Чичиков? — думал брат Василий. — Брат Платон на знакомства неразборчив». И оглянул он Чичикова, насколько позволяло приличие, и увидел, что это был человек по виду очень благонамеренный.

Со своей стороны Чичиков оглянул также, насколько позволяло приличие, брата Василия и увидел, что брат ростом пониже Платона, волосом темней его и лицом далеко не так красив, но в чертах его лица было гораздо больше жизни и одушевления, больше сердечной доброты. Видно было, что он меньше дремал.

— Я решился, Вася, проездиться вместе с Павлом Ивановичем по святой Руси. Авось-либо это размычет хандру мою.

— Как же так вдруг решился?.. — сказал озадаченный брат Василий; и он чуть было не прибавил: «И еще ехать с человеком, которого видишь в первый раз, который, может быть, и дрянь, и черт знает что». Полный недоверия, он оглянул искоса Чичикова и увидел благоприличие изумительное.

Они повернули направо в ворота. Двор был старинный; дом тоже старинный, каких теперь не строят, — с навесами, под высокой крышей. Две огромные липы, росшие посреди двора, покрывали почти половину его своею тенью. Под ними было множество деревянных скамеек. Цветущие сирени и черемухи бисерным ожерельем обходили двор вместе с оградой, совершенно скрывавшейся под их цветами и листьями. Господский дом был совершенно закрыт, только одни двери и окна миловидно глядели сквозь их ветви. Сквозь прямые, как стрелы, лесины дерев сквозили кухни, кладовые и погреба. Все было в роще. Соловьи высвистывали громко, оглашая всю рощу. Невольно вносилось в душу какое-то безмятежное, приятное чувство. Так и отзывалось все теми беззаботными временами, когда жилось всем добродушно и все было просто и несложно. Брат Василий пригласил Чичикова садиться. Они сели на скамьях под липами.

Парень лет семнадцати, в красивой рубашке розовой ксандрейки, принес и поставил перед ними графины с разноцветными фруктовыми квасами всех сортов, то густыми, как масло, то шипевшими, как газовые лимонады. Поставивши графины, схватил он заступ, стоявший у дерева, и ушел в сад. У братьев Платоновых, так же как и у зятя Костанжогло, собственно слуг не было: они были все садовники, или, лучше сказать, слуги были, но все дворовые исправляли по очереди эту должность. Брат Василий все утверждал, что слуги не сословие: подать что-нибудь может всякий, и для этого не стоит заводить особых людей; что будто русский человек потуда хорош и расторопен и не лентяй, покуда он ходит в рубашке и зипуне, но что как только заберется в немецкий сертук, станет вдруг неуклюж и нерасторопен, и лентяй, и рубашки не переменяет, и в баню перестает вовсе ходить, и спит в сертуке, и заведутся у него под сертуком немецким и клопы, и блох несчетное множество. В этом, может быть, он был и прав. В деревне их народ одевался особенно щеголевато: кички у женщин были все в золоте, а рукава на рубахах — точные коймы турецкой шали.

— Это квасы, которыми издавна славится наш дом, — сказал брат Василий.

Чичиков налил стакан из первого графина — точный липец, который он некогда пивал в Польше; игра как у шампанского, а газ так и шибнул приятным кручком изо рта в нос.

— Нектар! — сказал он. Выпил стакан от другого графина — еще лучше.

— Напиток напитков! — сказал Чичиков. — Могу сказать, что у почтеннейшего вашего зятя, Константина Федоровича, пил первейшую наливку, а у вас — первейший квас.

— Да ведь и наливка тоже от нас; ведь это сестра завела. Мать моя была из Малороссии, из-под Полтавы. Теперь все позабыли хозяйство вести сами. В какую же сторону и в какие места предполагаете ехать? — спросил брат Василий.

— Еду я, — сказал Чичиков, слегка покачиваясь на лавке и рукой поглаживая себя по колену, — не столько по своей нужде, сколько по нужде другого. Генерал Бетрищев, близкий приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить родственников. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, так сказать, и для самого себя: ибо, не говоря уже о пользе в геморроидальном отношении, видеть свет и коловращенье людей есть уже само по себе, так сказать, живая книга и вторая наука.

Брат Василий задумался. «Говорит этот человек несколько витиевато, но в словах его, однако ж, есть правда», — подумал <он>. Несколько помолчав, сказал он, обратясь к Платону:

— Я начинаю думать, Платон, что путешествие может, точно, расшевелить тебя. У тебя не что другое, как душевная спячка. Ты просто заснул, — и заснул не от пресыщения или усталости, но от недостатка живых впечатлений и ощущений. Вот я совершенно напротив. Я бы очень желал не так живо чувствовать и не так близко принимать к сердцу все, что ни случается.

— Вольно ж принимать все близко к сердцу, — сказал Платон. — Ты выискиваешь себе беспокойства и сам сочиняешь себе тревоги.

— Как сочинять, когда и без того на всяком шагу неприятности? — сказал Василий. — Слышал ты, какую без тебя сыграл с нами штуку Леницын? Захватил пустошь. Во-первых, пустоши этой я ни за какие деньги <не отдам>. Здесь у меня крестьяне празднуют всякую весну Красную горку, с ней связаны воспоминания деревни; а для меня обычай — святая вещь, и за него готов пожертвовать всем.

— Не знает, потому и захватил, — сказал Платон, — человек новый, только что приехал из Петербурга; ему нужно объяснить, растолковать.

— Знает, очень знает. Я посылал ему сказать, но он отвечал грубостью.

— Тебе нужно было съездить самому, растолковать. Переговори с ним сам.

— Ну нет. Он чересчур уже заважничал. Я к нему не поеду. Изволь, поезжай сам, если хочешь ты.

— Я бы поехал, но ведь я не мешаюсь... Он может меня и провести и обмануть.

— Да если угодно, так я поеду, — сказал Чичиков, — скажите дельцо.

Василий взглянул на него и подумал: «Экой охотник ездить!»

— Вы мне подайте только понятие, какого рода он человек, — сказал Чичиков, — и в чем дело.

— Мне совестно наложить на вас такую неприятную комиссию. Человек он, по-моему, дрянь: из простых мелкопоместных дворян нашей губернии, выслужился в [Петербурге], женившись там на чьей-то побочной дочери, и заважничал. Тон задает. Да у нас народ живет не глупый: мода нам не указ, а Петербург не Церковь.

— Конечно, — сказал Чичиков, — а дело в чем?

— Видите ли? Ему, точно, нужна [земля]. Да если бы он не так поступал, я бы с охотою отвел в другом месте даром земли, не то что пустошь. А теперь... Занозистый человек подумает...

— По-моему, лучше переговорить: может быть, дело-то [обделать можно миролюбно]. Мне поручали дела и не раскаивались. Вот тоже и генерал Бетрищев...

— Но мне совестно, что вам придется говорить с таким человеком...[1]

— ...[2] и наблюдая особенно, чтоб это было втайне, — сказал Чичиков, — ибо не столько самое преступленье, сколько соблазн вредоносен.

— А, это так, это так, — сказал Леницын, наклонив совершенно голову набок.

[1] *Продолжение в рукописи утрачено.*

[2] *Начало фразы утрачено.*

— Как приятно встретить единомыслье! — сказал Чичиков. — Есть и у меня дело, и законное и незаконное вместе; с виду незаконное, в существе законное. Имея надобность в залогах, никого не хочу вводить в риск платежом по два рубли за живую душу. Ну, случится, лопну, — чего Боже сохрани, — неприятно ведь будет владельцу, я и решился воспользоваться беглыми и мертвыми, еще не вычеркнутыми из ревизии, чтобы за одним разом сделать и христианское дело и снять с бедного владельца тягость уплаты за них податей. Мы только между собой сделаем формальным образом купчую, как на живые.

«Это, однако же, что-то такое престранное», — подумал Леницын и отодвинулся со стулом немного назад.

— Да дело-то, однако же... такого рода... — начал <он>.

— А соблазну не будет, потому что втайне, — отвечал Чичиков, — и притом между благонамеренными людьми.

— Да все-таки, однако же, дело как-то...

— А соблазну никакого, — отвечал весьма прямо и открыто Чичиков. — Дело такого рода, как сейчас рассуждали: между людьми благонамеренными, благоразумных лет и, кажется, хорошего чину, и притом втайне. — И, говоря это, глядел он открыто и благородно ему в глаза.

Как ни был изворотлив Леницын, как ни был сведущ вообще в делопроизводствах, но тут он как-то совершенно пришел в недоуменье, тем более что каким-то странным образом он как бы запутался в собственные сети. Он вовсе не был способен на несправедливости и не хотел бы сделать ничего несправедливого, даже и втайне. «Экая удивительная оказия! — думал он про себя. — Прошу входить в тесную дружбу даже с хорошими людьми! Вот тебе и задача!»

Но судьба и обстоятельства как бы нарочно благоприятствовали Чичикову. Точно за тем, чтобы помочь этому затруднительному делу, вошла в комнату молодая хозяйка, супруга Леницына, бледная, худенькая, низенькая, но одетая по-петербургскому, большая охотница до людей comme il faut. За нею был вынесен на руках мамкой ребенок-первенец, плод нежной любви недавно бракосочетавшихся супругов. Ловким подходом с прискочкой и наклоненьем головы набок Чичиков совершенно обворожил петербургскую даму, а вслед за нею и ребенка. Сначала

тот было разревелся, но словами: «Агу, агу, душенька», — и прищелкиваньем пальцев, и красотой сердоликовой печатки от часов Чичикову удалось его переманить к себе на руки. Потом он начал его приподымать к самому потолку и возбудил этим в ребенке приятную усмешку, чрезвычайно обрадовавшую обоих родителей. Но от внезапного удовольствия или чего-либо другого ребенок вдруг повел себя нехорошо.

— Ах, Боже мой! — вскрикнула жена Леницына, — он вам испортил весь фрак!

Чичиков посмотрел: рукав новешенького фрака был весь испорчен. «Пострел бы тебя взял, чертенок!» — подумал он в сердцах.

Хозяин, хозяйка, мамка — все побежали за одеколоном; со всех сторон принялись его вытирать.

— Ничего, ничего, совершенно ничего! — говорил Чичиков, стараясь сообщить лицу своему, сколько возможно, веселое выражение. — Может ли что испортить ребенок в это золотое время своего возраста! — повторял он; а в то же время думал: «Да ведь как, бестия, волки б его съели, метко обделал, канальчонок проклятый!»

Это, по-видимому, незначительное обстоятельство совершенно преклонило хозяина в пользу дела Чичикова. Как отказать такому гостю, который оказал столько невинных ласк малютке и великодушно поплатился за то собственным фраком? Чтобы не подать дурного примера, решились решить дело секретно, ибо не столько самое дело, сколько соблазн вредоносен.

— Позвольте ж и мне, в вознагражденье за услугу, заплатить вам также услугой. Хочу быть посредником вашим по делу с братьями Платоновыми. Вам нужна земля, не так ли?[1]

<Заключительная глава>

Все на свете обделывает свои дела. «Что кому требит, тот то и теребит», — говорит пословица. Путешествие по сундукам произведено было с успехом, так что кое-что от этой экспедиции

[1] *На этом обрывается рукопись первых четырех глав второго тома «Мертвых душ».*

перешло в собственную шкатулку. Словом, благоразумно было обстроено. Чичиков не то чтобы украл, но попользовался. Ведь всякий из нас чем-нибудь попользуется: тот казенным лесом, тот экономическими суммами, тот крадет у детей своих ради какой-нибудь приезжей актрисы, тот у крестьян ради мебелей Гамбса или кареты. Что ж делать, если завелось так много всяких заманок на свете? И дорогие рестораны с сумасшедшими ценами, и маскарады, и гулянья, и плясанья с цыганками. Ведь трудно удержаться, если все со всех сторон делают то же, да и мода велит — изволь удержать себя! Ведь нельзя же всегда удерживать себя. Человек не Бог. Так и Чичиков, подобно размножившемуся количеству людей, любящих всякий комфорт, поворотил дело в свою пользу. Конечно, следовало бы выехать вон из города, но дороги испортились. В городе между тем готова была начаться другая ярмарка — собственно дворянская. Прежняя была больше конная, скотом, сырыми произведениями да разными крестьянскими, скупаемыми прасолами и кулаками. Теперь же все, что куплено на Нижегородской ярмарке краснопродавцами панских товаров, привезено сюда. Наехали истребители русских кошельков, французы с помадами и француженки с шляпками, истребители добытых кровью и трудами денег, — эта египетская саранча, по выражению Костанжогло, которая мало того что все сожрет, да еще и яиц после себя оставит, зарывши их в землю.

Только неурожай да несчастный в самом <деле год> удержали многих помещиков по деревням. Зато чиновники, как не терпящие неурожая, развернулись; жены их, на беду, также. Начитавшись разных книг, распущенных в последнее время с целью внушить всякие новые потребности человечеству, возымели жажду необыкновенную испытать всяких новых наслаждений. Француз открыл новое заведение — какой-то дотоле неслыханный в губернии воксал, с ужином, будто бы по необыкновенно дешевой цене и половину на кредит. Этого было достаточно, чтобы <не только> столоначальники, но даже и все канцелярские, в надежде на будущие взятки с просителей, <развернулись>. Зародилось желанье пощеголять друг перед другом лошадьми и кучерами. Уж это столкновенье сословий для увеселения!.. Несмотря на мерзкую погоду и слякоть, щегольские коляски пролетали взад и вперед. Откуда взялись они, Бог весть, но в Петербурге

не подгадили бы. Купцы, приказчики, ловко приподымая шляпы, запрашивали барыш. Редко где видны были бородачи в меховых горлатных шапках. Все было европейского вида, с бритыми подбородками, все исчахлое и с гнилыми зубами.

«Пожалуйте, пожалуйста! Да уж извольте только взойти-с в лавку! Господин, господин!» — покрикивали кое-где мальчишки.

Но уж на них с презрением смотрели познакомленные с Европой посредники: изредка только с чувством достоинства произносили: «Штакет», или: «Здесь сукны зибер, клер и черные».

— Есть сукна брусничных цветов с искрой? — спросил Чичиков.

— Отличные сукна, — сказал купец, приподнимая одной рукой картуз, а другой указывая на лавку.

Чичиков взошел в лавку. Ловко приподнял <купец> доску стола и очутился на другой стороне его, спиною к товарам, вознесенным от низу до потолка, штука на штуке, и — лицом к покупателю. Опершись ловко обеими руками и слегка покачиваясь на них всем корпусом, произнес:

— Каких сукон пожелаете?

— С искрой оливковых или бутылочных, приближающихся, так сказать, к бруснике, — сказал Чичиков.

— Могу сказать, что получите первейшего сорта, лучше которого только в просвещенных столицах можно найти. Малый! подай сукно сверху, что за тридцать четвертым номером. Да не то, братец! Что ты вечно выше своей сферы, точно пролетарий какой! Бросай его сюда. Вот суконцо! — И, разворотивши его с другого конца, купец поднес Чичикову к самому носу, так что тот мог не только погладить рукой шелковистый лоск, но даже и понюхать.

— Хорошо, но все не то, — сказал Чичиков. — Ведь я служил на таможне, так мне высшего сорта, какое есть, и притом больше искрасна, не к бутылке, но к бруснике чтобы приближалось.

— Понимаю-с: вы истинно желаете такого цвета, какой нонче в Петербурге <в моду> входит. Есть у меня сукно отличнейшего свойства. Предуведомляю, что высокой цены, но и высокого достоинства.

Европеец полез. Штука упала. Развернул он ее с искусством прежних времен, даже на время позабыв, что он принадлежит уже к позднейшему поколению, и поднес к свету, даже вышедши из лавки, и там его показал, прищурясь к свету и сказавши: «Отличный цвет! Сукно наваринского дыму с пламенем».

Сукно понравилось; о цене условились, хотя она и «с прификсом», как утверждал купец. Тут произведено было ловкое дранье обеими руками. Заворочено оно было в бумагу, по-русски, с быстротой неимоверной. Сверток завертелся под легкой бечевкой, охватившей его животрепещущим узлом. Ножницы перерезали бечевку, и все было уже в коляске.

— Покажите черного сукна, — раздался голос.

«Вот, черт побери, Хлобуев», — сказал про себя Чичиков и поворотился, чтобы не видать его, находя неблагоразумным с своей <стороны> заводить с ним какое-либо объяснение насчет наследства. Но <он> уже его увидел.

— Что это, право, Павел Иванович, не с умыслом ли уходите от меня? Я вас нигде не могу найти, а ведь дела такого <рода?>, что нам нужно сурьезно переговорить.

— Почтеннейший, почтеннейший, — сказал Чичиков, пожимая ему руки, — поверьте, что все хочу с вами побеседовать, да времени совсем нет. — А сам думал: «Черт бы тебя побрал!» И вдруг увидел входящего Муразова. — Ах, Боже, Афанасий Васильевич! Как здоровье ваше?

— Как вы? — сказал Муразов, снимая шляпу.

Купец и Хлобуев сняли шляпу.

— Да вот поясница, да и сон как-то все не то. Уж оттого ли, что мало движения...

Но Муразов, вместо того [чтобы углубляться] в причину припадков Чичикова, обратился к Хлобуеву:

— А я, Семен Семенович, увидавши, что вы взошли в лавку, — за вами. Мне нужно кое о чем переговорить, так не хотите ли заехать ко мне?

— Как же, как же, — сказал поспешно Хлобуев и вышел с ним.

«О чем бы у них разговоры?» — подумал <Чичиков>.

— Афанасий Васильевич — почтенный и умный человек, — сказал купец, — и дело свое знает, но просветительности нет. Ведь

купец есть негоциант, а не то, что купец. Тут с этим соединено и буджет, и реакция, а иначе выйдет паувпуризм.

Чичиков махнул рукой.

— Павел Иванович, я вас ищу везде, — раздался позади голос Леницына.

Купец почтительно снял шляпу.

— Ах, Федор Федорович!

— Ради Бога, едемте ко мне: мне нужно переговорить, — сказал <он>.

Чичиков взглянул — на нем не было лица. Расплатившись с купцом, он вышел из лавки.

[1] — Вас жду, <Семен Семенович>, — сказал Муразов, увидевши входящего Хлобуева, — пожалуйте ко мне в комнатку. — И он повел Хлобуева в комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливее которой нельзя было найти и у чиновника, получающего семьсот рублей в год жалованья.

— Скажите, ведь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши получше? После тетушки все-таки вам досталось кое-что.

— Да как вам сказать, Афанасий Васильевич. Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мне досталось всего пятьдесят душ крестьян и тридцать тысяч денег, которыми я должен был расплатиться с частью моих долгов, — и у меня вновь ровно ничего. А главное дело, что дело по этому завещанью самое нечистое. Тут, Афанасий Васильевич, завелись такие мошенничества! Я вам сейчас расскажу, и вы подивитесь, что такое делается. Этот Чичиков...

— Позвольте, Семен Семенович, прежде чем говорить об этом Чичикове, позвольте поговорить собственно о вас. Скажите мне: сколько, по-вашему заключению, было <бы> для вас удовлетворительно и достаточно затем, чтобы совершенно выпутаться из обстоятельств?

— Мои обстоятельства трудные, — сказал Хлобуев. — Да чтобы выпутаться из обстоятельств, расплатиться совсем и быть в возможности жить самым умеренным образом, мне нужно по крайней мере сто тысяч, если не больше, — словом, мне это невозможно.

[1] *Здесь в рукописи остался текст первой редакции, не согласованный с предшествующими исправлениями.*

— Ну, если бы это у вас было, как бы вы тогда повели жизнь свою?

— Ну, я бы тогда нанял себе квартирку, занялся бы воспитаньем детей. О себе нечего уже думать: карьер мой кончен, я уж никуды не гожусь.

— И все-таки жизнь останется праздная, а в праздности приходят искушения, о которых бы и не подумал человек, занявшись работою.

— Не могу, никуда не гожусь: осовел, болит поясница.

— Да как же жить без работы? Как быть на свете без должности, без места? Помилуйте! Взгляните на всякое творенье Божье: всякое чему-нибудь да служит, имеет свое отправление. Даже камень и тот затем, чтобы употреблять на дело, а человек, разумнейшее существо, чтобы оставаться без пользы, — статочное ли это дело?

— Ну, да я все-таки не без дела. Я могу заняться воспитанием детей.

— Нет, Семен Семенович, нет, это всего труднее. Как воспитать тому детей, кто сам себя не воспитал? Детей ведь только можно воспитать примером собственной жизни. А ваша жизнь годится им в пример? Чтобы выучиться разве тому, как <в> праздности проводить время да играть в карты? Нет, Семен Семенович, отдайте детей мне: вы их испортите. Подумайте не шутя: вас сгубила праздность. Вам нужно от ней бежать. Как жить на свете не прикрепленну ни к чему? Какой-нибудь да должно исполнять долг. Поденщик, ведь и тот служит. Он ест грошовый хлеб, да ведь он его добывает и чувствует интерес своего занятия.

— Ей-Богу, пробовал, Афанасий Васильевич, старался преодолеть. Что ж делать, остарел, сделался неспособен. Ну, как мне поступить? Неужели определиться мне в службу? Ну, как же мне, в сорок пять лет, сесть за один стол с начинающими канцелярскими чиновниками? Притом я не способен к взяткам — и себе помешаю, и другим поврежу. Там уж у них и касты свои образовались. Нет, Афанасий Васильич, думал, пробовал, перебирал все места, — везде буду неспособен. Только разве в богадельню...

— Богадельня <тем>, которые трудились; а тем, которые веселились все время в молодости, отвечают, как муравей стрекозе: «Поди попляши!» Да и в богадельне сидя, тоже трудятся

и работают, в вист не играют. Семен Семенович, — говорил <Муразов>, смотря ему в лицо пристально, — вы обманываете и себя и меня.

Муразов глядел пристально ему в лицо, но бедный Хлобуев ничего не мог отвечать. Муразову стало его жалко.

— Послушайте, Семен Семенович, но ведь вы же молитесь, ходите в церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни. Вам хоть и не хочется рано вставать, но ведь вы встаете же и идете, — идете в четыре часа утра, когда никто не подымается.

— Это другое дело, Афанасий Васильевич. Я знаю, что это я делаю не для человека, но для Того, Кто приказал нам быть всем на свете. Что ж делать? Я верю, что Он милостив ко мне, что как я ни мерзок, ни гадок, но Он меня может простить и принять, тогда как люди оттолкнут ногою и наилучший из друзей продаст меня, да еще и скажет потом, что он продал из благой цели.

Огорченное чувство выразилось в лице <Хлобуева>. Старик прослезился, но ничего не перечил.

— Так послужите же Тому, Который так милостив. Ему так же угоден труд, как и молитва. Возьмите какое ни на есть занятие, но возьмите как бы вы делали для Него, а не для людей. Ну, просто хоть воду толките в ступе, но помышляйте только, что вы делаете для Него. Уж этим будет выгода, что для дурного не останется времени — для проигрыша в карты, для пирушки с объедалами, для светской жизни. Эх, Семен Семенович! Знаете вы Ивана Потапыча?

— Знаю и очень уважаю.

— Ведь хороший был торговец: полмиллиона было; да как увидел во всем прибыток — и распустился. Сына по-французски стал учить, дочь — за генерала. И уже не в лавке или в биржевой улице, а все как бы встретить приятеля да затащить в трактир пить чай. Пил целые дни чай, ну и обанкротился. А тут Бог несчастье послал: сына не стало. Теперь он, видите ли, приказчиком у меня. Начал сызнова. Дела-то поправились его. Он мог бы опять торговать на пятьсот тысяч. «Приказчиком был, приказчиком хочу и умереть. Теперь, говорит, я стал здоров и свеж, а тогда у меня брюхо-де заводилось, да и водяная началась. Нет», — говорит. И чаю он теперь в рот не берет. Щи да кашу — и больше ничего, да-с. А уж молится он так, как никто из нас не молится.

А уж помогает он бедным так, как никто из нас не помогает; а другой рад бы помочь, да деньги свои прожил.

Бедный Хлобуев задумался.

Старик взял его за обе руки.

— Семен Семенович! Если бы вы знали, как мне вас жалко. Я об вас все время думал. И вот послушайте. Вы знаете, что в монастыре есть затворник, который никого не видит. Человек этот большого ума, — такого ума, что я не знаю. Я начал ему говорить, что вот у меня есть этакой приятель, но имени не сказал, что болеет он вот чем. Он начал слушать, да вдруг прервал словами: «Прежде Божье дело, чем свое. Церковь строят, а денег нет: сбирать нужно на церковь». Да и захлопнул дверью. Я думал, что ж это значит? Не хочет, видно, дать совета. Да и зашел к нашему архимандриту. Только что я в дверь, а он мне с первых же слов: не знаю ли я такого человека, которому бы можно было поручить сбор на церковь, который бы был или из дворян, или <из> купцов, повоспитанней других, смотрел бы на <то>, как на спасение свое? Я так с первого же разу и остановился: «Ах, Боже мой! Да ведь это схимник назначает эту должность Семену Семеновичу. Дорога для его болезни хороша. Переходя с книгой от помещика к крестьянину и от крестьянина к мещанину, он узнает и то, как кто живет и кто в чем нуждается, — так что воротится потом, обошедши несколько губерний, так узнает местность и край получше всех тех людей, которые живут в городах... А эдакие люди теперь нужны». Вот мне князь сказывал, что он много бы дал, чтобы достать такого чиновника, который бы знал не по бумагам дело, а так, как оно есть на деле, потому что из бумаг, говорит, ничего уж не видать: так все запуталось.

— Вы меня совершенно смутили, сбили, Афанасий Васильевич, — сказал Хлобуев, в изумлении смотря <на него>. — Я даже не верю тому, что вы, точно, мне это говорите, для этого нужен неутомимый, деятельный человек. Притом как же мне бросить жену, детей, которым есть нечего?

— О супруге и детях не заботьтесь. Я возьму их на свое попечение, и учителя будут у детей. Чем вам ходить с котомкой и выпрашивать милостыню для себя, благороднее и лучше просить для Бога. Я вам дам простую <кибитку>, тряски не бойтесь; это для вашего здоровья. Я дам вам на дорогу денег, чтобы вы

могли мимоходом дать тем, которые посильнее других нуждаются. Вы здесь можете много добрых дел сделать: вы уж не ошибетесь, а кому дадите, тот, точно, будет стоить. Эдаким образом ездя, вы точно узнаете всех, кто и как. Это не то, что иной чиновник, которого все боятся и от которого <таятся>; а с вами, зная, что вы просите на церковь, охотно разговорятся.

— Я вижу, это прекрасная мысль, и я бы очень <желал> исполнить хоть часть; но, право, мне кажется, это свыше сил.

— Да что же по нашим силам? — сказал Муразов. — Ведь ничего нет по нашим силам. Все свыше наших сил. Без помощи свыше ничего нельзя. Но молитва собирает силы. Перекрестясь, говорит человек: «Господи, помилуй», — гребет и доплывает до берега. Об этом не нужно и помышлять долго; это нужно просто принять за повеленье Божие. Кибитка будет вам сейчас гото́ва; а вы забегите к отцу архимандриту за книгой и за благословеньем, да и в дорогу.

— Повинуюсь вам и принимаю не иначе, как за указание Божие. — «Господи, благослови!» — сказал он внутренне и почувствовал, что бодрость и сила стала проникать к нему в душу. Самый ум его как бы стал пробуждаться надеждой на исход из своего печально-неисходного положенья. Свет стал мерцать вдали...

Но, оставивши Хлобуева, обратимся к Чичикову.

А между тем в самом деле по судам шли просьбы за просьбой. Оказались родственники, о которых и не слышал никто. Как птицы слетаются на мертвечину, так все налетело на несметное имущество, оставшееся после старухи: оказ<ались> доносы на Чичикова, на подложность последнего завещания, доносы на подложность и первого завещания, улики в покраже и в утаении сумм. Явились даже улики на Чичикова в покупке мертвых душ, в провозе контрабанды во время бытности его еще при таможне. Выкопали всё, разузнали его прежнюю историю. Бог весть откуда все это пронюхали и знали; только были улики даже и в таких делах, об которых, думал Чичиков, кроме его и четырех стен, никто не знал. Покамест все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя верная записка юрисконсульта, которую он вскоре получил, несколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткого содержания: «Спешу вас уведомить, что по делу будет возня, но помните, что тревожиться

никак не следует. Главное дело — спокойствие. Обделаем всё». Записка эта успокоила совершенно его. «[Этот человек], точно, гений», — сказал Чичиков. В довершенье хорошего, портной в это время принес платье. <Чичиков> получил желанье сильное посмотреть на самого себя в новом фраке наваринского пламени с дымом. Натянул штаны, которые обхватили его чудесным образом со всех сторон, так что хоть рисуй. Ляжки так славно обтянуло, икры тоже; сукно обхватило все малости, сообща им еще большую упругость. Как затянул он позади себя пряжку, живот стал точно барабан. Он ударил по нем тут щеткой, прибавив: «Ведь какой дурак! а в целом он составляет картину!» Фрак, казалось, был сшит еще лучше штанов: ни морщинки, все бока обтянул, выгнулся на перехвате, показавши весь его перегиб. На замечанье Чичикова, «<что> под правой мышкой немного жало, портной только улыбался: от этого еще лучше прихватывало по талии. «Будьте покойны, будьте покойны насчет работы, — повторял он с нескрытым торжеством. — Кроме Петербурга нигде так не сошьют». Портной был сам из Петербурга и на вывеске выставил: «Иностранец из Лондона и Парижа». Шутить он не любил и двумя городами разом хотел заткнуть глотку всем другим портным так, чтобы впредь никто не появился с такими городами, а пусть себе пишет из какого-нибудь «Карлсеру» или «Копенгара».

Чичиков великодушно расплатился с портным и, оставшись один, стал рассматривать себя на досуге в зеркало, как артист — с эстетическим чувством и con amore. Оказалось, что все как-то было еще лучше, чем прежде; щечки интереснее, подбородок заманчивей, белые воротнички давали тон щеке, атласный синий галстук давал тон воротничкам, новомодные складки манишки давали тон галстуку, богатый бархатный жилет давал тон манишке, а фрак наваринского дыма с пламенем, блистая, как шелк, давал тон всему. Поворотился направо — хорошо! Поворотился налево — еще лучше! Перегиб такой, как у камергера или у такого господина, который так <и> чешет по-французски, который, даже и рассердясь, выбраниться не умеет на русском языке, а распечет французским диалектом: деликатность такая! Он попробовал, склоня голову несколько набок, принять позу, как бы адресовался к даме средних лет и последнего просвещения: выходила просто картина. Художник, бери кисть и пиши! В удовольствии он

совершил тут же легкий прыжок вроде антраша. Вздрогнул комод, и шлепнула на землю склянка с одеколоном; но это не причинило никакого помешательства. Он назвал, как и следовало, глупую склянку дурой и подумал: «К кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше...» Как вдруг в передней — вроде некоторого бряканья сапогов со шпорами, и жандарм в полном вооружении, как <будто> в лице его было целое войско: «Приказано сей же час явиться к генерал-губернатору!» Чичиков так и обомлел. Перед ним торчало страшилище с усами, лошадиный хвост на голове, через плечо перевязь, через другое перевязь, огромнейший палаш привешен к боку. Ему показалось, что при другом боку висело и ружье, и черт знает что: целое войско в одном только! Он начал было возражать, страшило грубо заговорило: «Приказано сей же час!» Сквозь дверь в переднюю он увидел, что там мелькало и другое страшило; взглянул в окошко — и экипаж. Что тут делать? Так, как был, во фраке наваринского пламени с дымом, должен был сесть и, дрожа всем телом, отправился к генерал-губернатору, и жандарм с ним.

В передней не дали даже и опомниться ему. «Ступайте! вас князь уже ждет», — сказал дежурный чиновник. Перед ним, как в тумане, мелькнула передняя с курьерами, принимавшими пакеты, потом зала, через которую он прошел, думая только: «Вот как схватит да без суда, без всего прямо в Сибирь!» Сердце его забилось с такой силою, с какой не бьется даже у наиревнивейшего любовника. Наконец растворилась роковая дверь: предстал кабинет с портфелями, шкафами и книгами, и князь, гневный, как сам гнев.

«Губитель, губитель! — сказал Чичиков. — Погубит он мою душу. Зарежет, как волк агнца».

— Я вас пощадил, я позволил вам остаться в городе, тогда как вам следовало бы в острог, а вы запятнали себя вновь бесчестнейшим мошенничеством, каким когда-либо запятнал себя человек! — Губы князя дрожали от гнева.

— Каким же, ваше сиятельство, бесчестнейшим поступком и мошенничеством? — спросил Чичиков, дрожа всем телом.

— Женщина, — произнес князь, подступая несколько ближе и смотря прямо в глаза Чичикову, — женщина, которая подписывала по вашей диктовке завещание, схвачена и станет с вами на очную ставку.

Свет помутился в очах Чичикова.

— Ваше сиятельство! Скажу всю истину дела. Я виноват, точно, виноват, но не так виноват: меня обнесли враги.

— Вас не может никто обнесть, потому что в вас мерзостей в несколько раз больше того, что может <выдумать> последний лжец. Вы во всю жизнь, я думаю, не делали небесчестного дела. Всякая копейка, добытая вами, добыта бесчестно, есть воровство и бесчестнейшее дело, за которое кнут и Сибирь! Нет, теперь полно! С сей же минуты будешь отведен в острог, и там, наряду с последними мерзавцами и разбойниками, ты должен <ждать> разрешения участи своей. И это милостиво еще, потому что <ты> хуже их в несколько <раз>: они в армяке и тулупе, а ты... — он взглянул на фрак наваринского пламени с дымом и, взявшись за шнурок, позвонил.

— Ваше сиятельство, — вскрикнул Чичиков, — умилосердитесь! Вы отец семейства. Не меня пощадите — старуха мать!

— Врешь! — вскрикнул гневно князь. — Так же ты меня тогда умолял детьми и семейством, которых у тебя никогда не было, теперь — матерью.

— Ваше сиятельство! я мерзавец и последний негодяй, — сказал Чичиков голосом...[1] — Я действительно лгал, я не имел ни детей, ни семейства; но, вот Бог свидетель, я всегда хотел иметь жену, исполнить долг человека и гражданина, чтобы действительно потом заслужить уваженье граждан и начальства. Но что за бедственные стечения обстоятельств! Кровью, ваше сиятельство, кровью нужно было добывать насущное существование. На всяком шагу соблазны и искушенье... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была точно вихорь буйный или судно среди волн, по воле ветров. Я — человек, ваше сиятельство.

Слезы вдруг хлынули ручьями из глаз его. Он повалился в ноги князю, так, как был: во фраке наваринского пламени с дымом, в бархатном жилете, атласном галстуке, чудесно сшитых штанах и головной прическе, изливавшей ток сладкого дыхания первейшего одеколона, и ударился лбом.

— Поди прочь от меня! Позвать, чтобы его взяли, солдат! — сказал князь вошедшим.

[1] *В рукописи не дописано.*

— Ваше сиятельство! — кричал <Чичиков> и обхватил обеими руками сапог князя.

Чувство содроганья пробежало по всем жилам <князя>.

— Подите прочь, говорю вам! — сказал он, усиливаясь вырвать свою ногу из объятья Чичикова.

— Ваше сиятельство! не сойду с места, покуда не получу милости, — говорил <Чичиков>, не выпуская сапог князя и проехавшись вместе с ногой по полу во фраке наваринского пламени и дыма.

— Подите, говорю вам! — говорил он с тем неизъяснимым чувством отвращенья, какое чувствует человек при виде безобразнейшего насекомого, которого нет духу раздавить ногой. Он встряхнул так, что Чичиков почувствовал удар сапога в нос, губы и округленный подбородок, но он не выпустил сапога и еще <с> большей силой держал его в своих объятиях. Два дюжих жандарма в силах оттащили его и, взявши под руки, повели через все комнаты. Он был бледный, убитый, в том бесчувственно-страшном состоянии, в каком бывает человек, видящий перед собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему...

В самых дверях на лестницу — навстречу Муразов. Луч надежды вдруг скользнул. В один миг с силой неестественной вырвался он из рук обоих жандармов и бросился в ноги изумленному старику.

— Батюшка, Павел Иванович! что с вами!

— Спасите! ведут в острог, на смерть!..

Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промозглый, сырой чулан с запахом сапогов и онуч гарнизонных солдат, некрашеный стол, два скверных стула, с железной решеткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало, — вот обиталище, где помещен был наш <герой>, уже было начинавший вкушать сладость жизни и привлекать вниманье соотечественников, в тонком новом фраке наваринского пламени и дыма. Не дали даже ему распорядиться взять с собой необходимые вещи, взять шкатулку, где были деньги, быть может достаточные...[1] Бумаги, крепости на мертвые <души> — все было теперь у чиновников. Он повалился

[1] *В рукописи не дописано.*

на землю, и безнадежная грусть плотоядным червем обвилась около его сердца. С возрастающей быстротой стала точить она это сердце, ничем не защищенное. Еще день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свете. Но и над Чичиковым не дремствовала чья-то всеспасающая рука. Час спустя двери тюрьмы растворились: взошел старик Муразов.

Если бы терзаемому палящей жаждой, покрытому прахом и пылью дороги, изнуренному, изможденному путнику влил кто в засохнувшее горло струю ключевой воды — не так бы ею он освежился, не так оживился, как оживился бедный Чичиков.

— Спаситель мой! — сказал Чичиков и, схвативши вдруг его руку, быстро поцеловал и прижал к груди. — Бог да наградит вас за то, что посетили несчастного!

Он залился слезами.

Старик глядел на него скорбно-болезненным взором и говорил только:

— Ах, Павел Иванович, Павел Иванович! что вы сделали!

— Что ж делать! Сгубила, проклятая! Не знал меры; не сумел вовремя остановиться. Сатана проклятый обольстил, вывел из пределов разума и благоразумия человеческого. Преступил, преступил! Но только как же можно этак поступить? Дворянина, дворянина, без суда, без следствия, бросить в тюрьму! Дворянина, Афанасий Васильевич! Да ведь как же не дать время зайти к себе, распорядиться с вещами? Ведь там у меня все осталось теперь без присмотра. Шкатулка, Афанасий Васильевич, шкатулка, ведь там все имущество. Потом приобрел, кровью, летами трудов, лишений... Шкатулка, Афанасий Васильевич! Ведь всё украдут, разнесут!.. О Боже!

И, не в силах будучи удержать порыва вновь подступившей к сердцу грусти, он громко зарыдал голосом, проникнувшим толщу стен острога и глухо отозвавшимся в отдаленье, сорвал с себя атласный галстук и, схвативши рукою около воротника, разорвал на себе фрак наваринского пламени с дымом.

— Ах, Павел Иванович, как вас ослепило это имущество! Из-за него вы не видали страшного своего положения.

— Благодетель, спасите, спасите! — отчаянно закричал бедный Павел Иванович, повалившись к нему в ноги. — Князь вас любит, для вас все сделает.

— Нет, Павел Иванович, не могу, как бы ни хотел, как бы ни желал. Вы подпали под неумолимый закон, а не под власть какого человека.

— Искусил шельма сатана, изверг человеческого рода!

Ударился головою в стену, а рукой хватил по столу так, что разбил в кровь кулак; но ни боли в голове, ни жестокости удара не почувствовал.

— Павел Иванович, успокойтесь; подумайте, как бы примириться с Богом, а не с людьми; о бедной душе своей помыслите.

— Но ведь судьба какая, Афанасий Васильевич! Досталась ли хоть одному человеку такая судьба? Ведь с терпеньем, можно сказать, кровавым добывал копейку, трудами, трудами, не то, чтобы кого ограбил или казну обворовал, как делают. Зачем добывал копейку? Затем, чтобы [в довольстве остаток дней прожить, оставить что-нибудь детям, которых намеревался приобресть для блага, для службы отечеству]. Вот для чего хотел приобресть! Покривил, не спорю, покривил... что ж делать? Но ведь покривил только тогда, когда увидел, что прямой дорогой не возьмешь и что косой дорогой больше напрямик. Но ведь я трудился, я изощрялся. Если брал, так с богатых. А эти мерзавцы, которые по судам берут тысячи с казны, небогатых людей грабят, последнюю копейку сдирают с того, у кого нет ничего! Что ж за несчастье такое, скажите, — всякий раз, что как только начинаешь достигать плодов и, так сказать, уже касаться рукой... вдруг буря, подводный камень, сокрушенье в щепки всего корабля. Вот под три<ста> тысяч было капиталу. Трехэтажный дом был уже. Два раза уже деревню покупал. Ах, Афанасий Васильевич! за что ж такая <судьба>? За что ж такие удары?

Разве и без того жизнь моя не была как судно среди волн? где справедливость небес? где награда за терпенье, за постоянство беспримерное? Ведь я три раза сызнова начинал; все потерявши, начинал вновь с копейки, тогда как иной давно бы с отчаянья запил и сгнил в кабаке. Ведь сколько нужно было побороть, сколько вынести! Ведь всякая <копейка> выработана, так сказать, всеми силами души!.. Положим, другим доставалось легко, но ведь для меня была всякая копейка, как говорит пословица, алтынным гвоздем прибита, и эту алтынным гвоздем прибитую копейку я доставал, видит Бог, с этакой железной неутомимостью...

Он не договорил, зарыдал громко от нестерпимой боли сердца, упал на стул, и оторвал совсем висевшую разорванную полу фрака, и швырнул ее прочь от себя, и, запустивши обе руки себе в волоса, об укрепленье которых прежде старался, безжалостно рвал их, услаждаясь болью, которою хотел заглушить ничем неугасимую боль сердца.

Долго сидел молча пред ним Муразов, глядя на это необыкновенное <страдание>, в первый раз им виданное. А несчастный ожесточенный человек, еще недавно порхавший вокруг с развязной ловкостью светского или военного человека, метался теперь в растрепанном, непристойном <виде>, в разорванном фраке и расстегнутых шароварах, <с> окровавленным разбитым кулаком, изливая хулу на враждебные силы, перечащие человеку.

— Ах, Павел Иванович, Павел <Иванович>! Я думаю о том, какой бы из вас был человек, если бы так же, и силою и терпеньем, да подвизались бы на добрый труд, имея лучшую цель! Боже мой, сколько бы вы наделали добра! Если бы хоть кто-нибудь из тех людей, которые любят добро, да употребили бы столько усилий для него, как вы для добыванья своей копейки, да сумели бы так пожертвовать для добра и собственным самолюбием и честолюбием, не жалея себя, как вы не жалели для добыванья своей копейки, — Боже мой, как процветала <бы> наша земля! Павел Иванович, Павел Иванович! Не то жаль, что виноваты вы стали пред другими, а то жаль, что пред собой стали виноваты — перед богатыми силами и дарами, которые достались в удел вам. Назначенье ваше — быть великим человеком, а вы себя запропастили и погубили.

Есть тайны души: как бы ни далеко отшатнулся от прямого пути заблуждающийся, как бы ни ожесточился чувствами безвозвратный преступник, как бы ни коснел твердо в своей совращенной жизни; но если попрекнешь его им же, его же достоинствами, им опозоренными, в нем <все> поколеблется невольно, и весь он потрясется.

— Афанасий Васильевич! — сказал бедный Чичиков и схватил его обеими руками за руки. — О, если бы удалось мне освободиться, возвратить мое имущество! Клянусь вам, повел бы отныне совсем другую жизнь! Спасите, благодетель, спасите!

— Что ж могу я сделать? Я должен воевать с законом. Положим, если бы я даже и решился на это; но ведь князь справедлив, — он ни за что не отступит.

— Благодетель! вы все можете сделать. Не закон меня устрашит, — я перед законом найду средства, — но то, что непов<инно> я брошен в тюрьму, что я пропаду здесь, как собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... Спасите!

Он обнял ноги старика, облил их слезами.

— Ах, Павел Иванович, Павел Иванович! — говорил старик Муразов, качая <головою>, — как вас ослепило это имущество. Из-за него вы и бедной души своей не слышите.

— Подумаю и о душе, но спасите!

— Павел Иванович!.. — сказал старик Муразов и остановился. — Спасти вас не в моей власти, — вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сделать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павел Иванович, я попрошу у вас награды за труды: бросьте все эти поползновения на эти приобретенья. Говорю вам по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества, — а у меня его больше, чем у вас, — я бы не заплакал. Ей-ей, <дело> не в этом имуществе, которое могут у меня конфисковать, а в том, которого никто не может украсть и отнять. Вы уж пожили на свете довольно. Вы сами называете жизнь свою судном среди волн. У вас есть уже чем прожить остаток дней. Поселитесь себе в тихом уголке, поближе к церкви и простым, добрым людям; или, если знобит сильное желанье оставить по себе потомков, женитесь на небогатой доброй девушке, привыкшей к умеренности и простому хозяйству. Забудьте этот шумный мир и все его обольстительные прихоти; пусть и он вас позабудет: в нем нет успокоенья. Вы видите: все в нем враг, искуситель или предатель.

— Непременно, непременно! Я уже хотел, уже намеревался повести жизнь как следует, думал заняться хозяйством, умерить жизнь. Демон-искуситель сбил, совлек с пути, сатана, черт, исчадье!

Какие-то неведомые дотоле, незнакомые чувства, ему не объяснимые, пришли к нему, как будто хотело в нем что-то пробудиться, что-то далеко, что-то заранее <?> подавленное из детства суровым, мертвым поученьем, бесприветностью скучного детства, пустынностью родного жилища, бессемейным одиночеством,

нищетой и бедностью первоначальных впечатлений; и как будто то, что <было подавлено> суровым взглядом судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутное, занесенное зимней вьюгой окно, хотело вырваться на волю. Стенанье изнеслось из уст его, и, наложив обе ладони на лицо свое, скорбным голосом произнес он:

— Правда, правда!

— И познанье людей, и опытность не помогли на незаконном основанье, А если бы к этому да основанье законное!.. Эх, Павел Иванович, зачем вы себя погубили? Проснитесь: еще не поздно, есть еще время.

— Нет, поздно, поздно! — застонал он голосом, от которого у Муразова чуть не разорвалось сердце. — Начинаю чувствовать, слышу, что не так, не так иду и что далеко отступился от прямого <пути>, но уже не могу! Нет, не так воспитан. Отец мне твердил нравоученья, бил, заставлял переписывать с нравственных правил, а сам крал передо мною у соседей лес и меня еще заставлял помогать ему. Завязал при мне неправую тяжбу; развратил сиротку, которой он был опекуном. Пример сильней правил. Вижу, чувствую, Афанасий Васильевич, что жизнь веду не такую, но нет большого отвращенья от порока: огрубела натура; нет любви к добру, этой прекрасной наклонности к делам богоугодным, обращающейся в натуру, в привычку. Нет такой охоты подвизаться для добра, какова есть для полученья имущества. Говорю правду — что ж делать!

Сильно вздохнул старик.

— Павел Иванович, у вас столько воли, столько терпенья. Лекарство горько, но ведь больной принимает же его, зная, что иначе не выздоровеет. У вас нет любви к добру — делайте добро насильно, без любви к нему. Вам это зачтется еще в большую заслугу, чем тому, кто делает добро по любви к нему. Заставьте <себя> только несколько раз — потом получите и любовь. Поверьте, все делается. «Царство нудится», — сказано нам. Только насильно пробираясь к нему... насильно нужно пробираться, брать его насильно. Эх, Павел Иванович, ведь <у> вас есть эта сила, которой нет у других, это железное терпенье — и вам ли не одолеть? Да вы, мне кажется, были бы богатырь. Ведь теперь люди — без воли всё, слабые.

Заметно было, что слова эти вонзились в самую душу Чичикову и задели что-то славолюбивое на дне ее. Если не решимость, то что-то крепкое и на нее похожее блеснуло в глазах его.

— Афанасий Васильевич, — сказал он твердо, — если только вымолите мне избавленье и средства уехать отсюда с каким-нибудь имуществом, я даю вам слово начать другую <жизнь>: куплю деревеньку, сделаюсь хозяином, буду копить деньги не для себя, но для того, чтобы помогать другим, буду делать добро, сколько будет сил; позабуду себя и всякие городские объяденья и пиршества, поведу простую, трезвую жизнь.

— Бог вас да подкрепит в этом намерении! — сказал обрадованный старик. — Буду стараться изо всех сил, чтобы вымолить у князя ваше освобождение. Удастся или не удастся, это Бог <знает>. Во всяком случае, участь ваша, верно, смягчится. Ах, Боже мой! обнимите же, позвольте мне вас обнять. Как вы меня, право, обрадовали! Ну, с Богом, сейчас же иду к князю.

Чичиков остался <один>.

Вся природа его потряслась и размягчилась. Расплавляется и платина, твердейший из металлов, всех долее противящийся огню: когда усилится в горниле огонь, дуют мехи и восходит нестерпимый жар огня до <верху> — белеет упорный металл и превращается также в жидкость; подается и крепчайший муж в горниле несчастий, когда, усиливаясь, они нестерпимым огнем своим жгут отверделую природу.

«Сам не умею и не чувствую, но все силы употреблю, чтобы другим дать почувствовать; сам дурной и ничего не умею, но все силы употреблю, чтобы других настроить; сам дурной христианин, но все силы <употреблю>, чтобы не подать соблазна. Буду трудиться, буду работать в поте лица в деревне, и займусь честно, так, чтобы иметь доброе влиянье и на других. Что ж, в самом деле, будто я уже совсем негодный. Есть способности к хозяйству; я имею качества бережливости, расторопности и благоразумия, даже постоянства. Стоит только решиться».

Так думал Чичиков и полупробужденными силами души, казалось, что-то осязал. Казалось, природа его темным чутьем стала слышать, что есть какой-то долг, который нужно исполнять человеку на земле, который можно исполнять всюду, на всяком угле, несмотря на всякие обстоятельства, смятенья и движенья,

летающие вокруг человека. И трудолюбивая жизнь, удаленная от шума городов и тех обольщений, которые от праздности выдумал, позабывши труд, человек, так сильно стала перед ним рисоваться, что он уже почти позабыл всю неприятность своего положения и, может быть, готов был даже возблагодарить Провиденье за этот тяжелый <урок>, если только выпустят его и отдадут хотя часть... Но... одностворчатая дверь его нечистого чулана растворилась, вошла чиновная особа — Самосвистов, эпикуреец, собой лихач, в плечах аршин, ноги стройные, отличный товарищ, кутила и продувная бестия, как выражались о нем сами товарищи. В военное время человек этот наделал бы чудес: его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимые, опасные места, украсть перед носом у самого неприятеля пушку, — это его бы дело. Но, за неименьем военного поприща, на котором бы, может быть, его сделали честным человеком, он пакостил от всех сил. Непостижимое дело! странные он имел убеждения и правила: с товарищами он был хорош, никого не продавал и, давши слово, держал; но высшее над собою начальство он считал чем-то вроде неприятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всяким слабым местом, проломом или упущением.

— Знаем всё об вашем положении, всё услышали, — сказал он, когда увидел, что дверь за ним плотно затворилась. — Ничего, ничего! Не робейте: все будет поправлено. Все станем работать за вас и — ваши слуги. Тридцать тысяч на всех — и ничего больше.

— Будто? — вскрикнул Чичиков. — И я буду совершенно оправдан?

— Кругом! еще и вознагражденье получите за убытки.

— И за труд?..

— Тридцать тысяч. Тут уже всё вместе — и нашим, и генерал-губернаторским, и секретарю.

— Но позвольте, как же я могу? Мои все вещи, шкатулка, все это теперь запечатано, под присмотром.

— Через час получите всё. По рукам, что ли?

Чичиков дал руку. Сердце его билось, и он не доверял, чтобы это было возможно.

— Пока прощайте! Поручил вам <сказать> наш общий приятель, что главное дело — спокойствие и присутствие духа.

«Гм! — подумал Чичиков, — понимаю — юрисконсульт!»

Самосвистов скрылся. Чичиков, оставшись, все еще не доверял словам, как не прошло часа после этого разговора, как была принесена шкатулка: бумаги, деньги — все в наилучшем порядке. Самосвистов явился в качестве распорядителя: выбранил поставленных часовых за то, что небдительно смотрели, потребовал еще лишних солдат для усиленья присмотра, взял не только шкатулку, но отобрал даже все такие бумаги, которые могли бы чем-нибудь компрометировать Чичикова, связал все это вместе, запечатал и повелел самому солдату отнести немедленно к самому Чичикову, в виде необходимых ночных и спальных вещей, так что Чичиков вместе с бумагами получил даже и все теплое, что нужно было для покрытия бренного его тела. Это скорое доставление обрадовало его несказанно. Он возымел сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какие приманки: вечером театр, плясунья, за которою он волочился. Деревня и тишина стали казаться бледней, город и шум — опять ярче, ясней. О жизнь!

А между тем завязалось дело размера беспредельного в судах и палатах. Работали перья писцов, и, понюхивая табак, трудились казусные головы, любуясь, как художники, крючковатой строкой. Юрисконсульт, как скрытый маг, незримо ворочал всем механизмом; всех опутал решительно, прежде чем кто успел осмотреться. Путаница увеличилась. Самосвистов превзошел самого себя отважностью и дерзостью неслыханною. Узнавши, где караулилась схваченная женщина, он явился прямо и вошел таким молодцом и начальником, что часовой сделал ему честь и вытянулся в струнку.

— Давно ты здесь стоишь?

— С утра, ваше благородие.

— Долго до смены?

— Три часа, ваше благородие.

— Ты мне будешь нужен. Я скажу офицеру, чтобы наместо тебя отрядил другого.

— Слушаю, ваше благородие!

И, уехав домой, чтобы не замешивать никого и все концы в воду, сам нарядился жандармом, оказался в усах и бакенбардах — сам черт бы не узнал. Явился в доме, где был Чичиков, схватил первую бабу, какая попалась, и сдал ее двум чиновным

молодцам, докам тоже, а сам прямо явился, в усах и с ружьем, как следует, к часовым:

— Ступай, меня прислал командир выстоять наместо тебя смену. — Обменился и стал сам с ружьем.

Только этого было и нужно. В это время наместо прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куды-то так, что и потом не узнали, куда она делась. В то время когда Самосвистов подвизался в лице воина, юрисконсульт произвел чудеса на гражданском поприще: губернатору дал знать стороною, что прокурор на него пишет донос; жандармскому чиновнику дал знать, <что> секретно проживающий чиновник пишет на него доносы; секретно проживавшего чиновника уверил, что есть еще секретнейший чиновник, который на него доносит, — и всех привел в такое положение, что к нему должны все были обратиться за советами. Произошла такая бестолковщина: донос сел верхом на доносе, и пошли открываться такие дела, которых и солнце не видало, и даже такие, которых и не было. Все пошло в работу и в дело: и кто незаконнорожденный сын, и какого рода и званья у кого любовница, и чья жена за кем волочится. Скандалы, соблазны и все так замешалось и сплелось вместе с историей Чичикова, с мертвыми душами, что никоим образом нельзя было понять, которое из этих дел было главнейшая чепуха: оба казались равного достоинства. Когда стали, наконец, поступать бумаги к генерал-губернатору, бедный князь ничего не мог понять. Весьма умный и расторопный чиновник, которому поручено было сделать экстракт, чуть не сошел с ума: никаким образом нельзя было поймать нити дела. Князь был в это время озабочен множеством других дел, одно другого неприятнейших. В одной части губернии оказался голод. Чиновники, посланные раздать хлеб, как-то не так распорядились, как следовало. В другой части губернии расшевелились раскольники. Кто-то пропустил между ними, что народился антихрист, который и мертвым не дает покоя, скупая какие<-то> мертвые души. Каялись и грешили и, под видом изловить антихриста, укокошили неантихристов. В другом месте мужики взбунтовались против помещиков и капитан-исправников. Какие-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступает такое время, что мужики должны <быть> помещики и нарядиться во фраки, а помещики

нарядиться в армяки и будут мужики, — и целая волость, не размысля того, что слишком много выйдет тогда помещиков и капитан-исправников, отказалась платить всякую подать. Нужно было прибегнуть к насильственным мерам. Бедный князь был в самом расстроенном состоянии духа. В это время доложили ему, что пришел откупщик.

— Пусть войдет, — сказал князь.

Старик взошел.

— Вот вам Чичиков! Вы стояли за него и защищали. Теперь он попался в таком деле, на какое последний вор не решится.

— Позвольте вам доложить, ваше сиятельство, что я не очень понимаю это дело.

— Подлог завещания, и еще какой!.. Публичное наказание плетьми за этакое дело!

— Ваше сиятельство, — скажу не с тем чтобы защищать Чичикова. Но ведь это дело не доказанное. Следствие еще не сделано.

— Улика: женщина, которая была наряжена наместо умершей, схвачена. Я ее хочу расспросить нарочно при вас. — Князь позвонил и дал приказ позвать ту женщину.

Муразов замолчал.

— Бесчестнейшее дело! И, к стыду, замешались первые чиновники города, сам губернатор. Он не должен быть там, где воры и бездельники! — сказал князь с жаром.

— Ведь губернатор — наследник; он имеет право на притязания; а что другие-то со всех сторон прицепились, так это-с, ваше сиятельство, человеческое дело. Умерла-с богатая, распоряженья умного и справедливого не сделала; слетелись со всех сторон охотники поживиться — человеческое дело...

— Но ведь мерзости зачем же делать? Подлецы! — сказал князь с чувством негодованья. — Ни одного чиновника нет у меня хорошего, все мерзавцы!

— Ваше сиятельство, да кто ж из нас как следует хорош? Все чиновники нашего города — люди, имеют достоинства, и многие очень знающие в деле, а от греха всяк близок.

— Послушайте, Афанасий Васильевич, скажите мне, я вас одного знаю за честного человека, что у вас за страсть защищать всякого рода мерзавцев?

— Ваше сиятельство, — сказал Муразов, — кто бы ни был человек, которого вы называете мерзавцем, но ведь он человек. Как же не защищать человека, когда знаешь, что он половину зол делает от грубости и неведенья? Ведь мы делаем несправедливости на всяком шагу даже и не с дурным намереньем и всякую минуту бываем причиной несчастия другого. Ведь ваше сиятельство сделали также большую несправедливость.

— Как! — воскликнул в изумлении князь, совершенно пораженный таким нежданным оборотом речи.

Муразов остановился, помолчал, как бы соображая что-то, наконец сказал:

— Да вот хоть бы по делу Дерпенникова.

— Афанасий Васильевич! преступленье против коренных государственных законов, равное измене земле своей!

— Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который по неопытности своей был обольщен и сманен другими, осудить так, как и того, который был один из зачинщиков? Ведь участь постигла ровная и Дерпенникова, и какого-нибудь Вороного-Дрянного; а ведь преступленья их не равны.

— Ради Бога... — сказал князь с заметным волненьем, — вы что-нибудь знаете об этом? Скажите. Я именно недавно послал еще прямо в Петербург об смягчении его участи.

— Нет, ваше сиятельство, я не насчет того говорю, чтобы я знал что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило в его пользу, да он сам не согласится, потому <что> чрез это пострадал бы другой. А я думаю только то, что не изволили ли вы тогда слишком поспешить? Извините, ваше сиятельство, я сужу по своему слабому разуму. Вы несколько раз приказывали мне откровенно говорить. У меня-с, когда я еще был начальником, много было всяких работников, и дурных, и хороших. [Следовало бы тоже принять во вниманье] и прежнюю жизнь человека, потому что, если не рассмотришь все хладнокровно, а накричишь с первого раза — запугаешь только его, да и признанья настоящего не добьешься; а как с участием его расспросишь, как брат брата, — сам все выскажет и даже не просит о смягченье, и ожесточенья ни против кого нет, потому что ясно видит, что не я его наказываю, а закон.

Князь задумался. В это время вошел молодой чиновник и почтительно остановился с портфелем. Забота, труд выражались на его молодом и еще свежем лице. Видно было, что он недаром служил по особым порученьям. Это был один из числа тех немногих, который занимался делопроизводством con amore. Не сгорая ни честолюбьем, ни желаньем прибытков, ни подражаньем другим, он занимался только потому, что был убежден, что ему нужно быть здесь, а не на другом месте, что для этого дана ему жизнь. Следить, разобрать по частям и, поймавши все нити запутаннейшего дела, разъяснить его — это было его дело. И труды, и старания, и бессонные ночи вознаграждались ему изобильно, если дело, наконец, начинало пред ним объясняться, сокровенные причины обнаруживаться, и он чувствовал, что может передать его все в немногих словах, отчетливо и ясно, так что всякому будет очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученик, когда пред ним раскрывалась какая <нибудь> труднейшая фраза и обнаруживался настоящий смысл мысли великого писателя, как радовался он, когда пред ним распутывалось запутаннейшее дело. Зато...[1]

— [2] ..хлебом в местах, где голод, я эту часть получше знаю чиновников; рассмотрю самолично, что кому нужно. Да если позволите, ваше сиятельство, я поговорю и с раскольниками. Они-то с нашим братом, с простым человеком, охотнее разговорятся. Так, Бог весть, может быть, помогу уладить с ними миролюбно. А чиновники не сладят: завяжется об этом переписка, да притом они так уж запутались в бумагах, что уж дела из-за> б<умаг>и не видят. А денег-то от вас я не возьму, потому что, ей-Богу, стыдно в такое время думать о своей прибыли, когда умирают с голода. У меня есть в запасе готовый хлеб; я и теперь еще послал в Сибирь, и к будущему лету вновь подвезут.

— Вас может только наградить один Бог за такую службу, Афанасий Васильевич. А я вам не скажу ни одного слова, потому что, — вы сами можете чувствовать, — всякое слово тут

[1] *Далее часть рукописи отсутствует.*

[2] *Текст начинается с новой страницы, начало фразы в рукописи отсутствует.*

бессильно... Но позвольте мне одно сказать насчет той просьбы. Скажите сами: имею ли я право оставить это дело без внимания и справедливо ли, честно ли с моей стороны будет простить мерзавцев?

— Ваше сиятельство, ей-Богу, этак нельзя назвать, тем более что из <них> есть многие весьма достойные. Затруднительны положения человека, ваше сиятельство, очень, очень затруднительны. Бывает так, что, кажется, кругом виноват человек, а как войдешь — даже и не он.

— Но что скажут они сами, если оставлю? Ведь есть из них, которые после этого еще больше подымут нос и будут даже говорить, что они напугали. Они первые будут не уважать...

— Ваше сиятельство, позвольте мне вам дать свое мнение: соберите их всех, дайте им знать, что вам все известно, и представьте им ваше собственное положение точно таким самым образом, как вы его изволили изобразить сейчас передо мной, и спросите у них совета: что <бы> из них каждый сделал на вашем положении?

— Да вы думаете, им будут доступны движения благороднейшие, чем каверзничать и наживаться? Поверьте, они надо мной посмеются.

— Не думаю-с, ваше сиятельство. У [русского] человека, даже и у того, кто похуже других, все-таки чувство справедливо. Разве жид какой-нибудь, а не русский. Нет, ваше сиятельство, вам нечего скрываться. Скажите так точно, как изволили перед <мной>. Ведь они вас поносят, как человека честолюбивого, гордого, который и слышать ничего не хочет, уверен в себе, — так пусть же увидят всё, как оно есть. Что ж вам? Ведь ваше дело правое. Скажите им так, как бы вы не пред ними, а пред Самим Богом принесли свою исповедь.

— Афанасий Васильевич, — сказал князь в раздумье, — я об этом подумаю, а покуда благодарю вас очень за совет.

— А Чичикова, ваше сиятельство, прикажите отпустить.

— Скажите этому Чичикову, чтобы он убирался отсюда как можно поскорей, и чем дальше, тем лучше. Его-то уже я бы никогда не простил.

Муразов поклонился и прямо от князя отправился к Чичикову. Он нашел Чичикова уже в духе, весьма покойно занимавшегося

довольно порядочным обедом, который был ему принесен в фаянсовых судках из какой-то весьма порядочной кухни. По первым фразам разговора старик заметил тотчас, что Чичиков уже успел переговорить кое с кем из чиновников-казусников. Он даже понял, что сюда вмешалось невидимое участие знатока-юрисконсульта.

— Послушайте-с, Павел Иванович, — сказал он, — я привез вам свободу на таком условии, чтобы сейчас вас не было в городе. Собирайте все пожитки свои — да и с Богом, не откладывая ни минуту, потому что дело еще хуже. Я знаю-с, вас тут один человек настраивает; так объявляю вам по секрету, что такое еще дело одно открывается, что уж никакие силы не спасут этого. Он, конечно, рад других топить, чтобы нескучно, да дело к разделке. Я вас оставил в расположенье хорошем — лучшем, нежели в каком теперь. Советую вам-с не в шутку. Ей<-ей>, дело не в этом имуществе, из-за которого спорят люди и режут друг друга, точно как можно завести благоустройство в здешней жизни, не помысливши о другой жизни. Поверьте-с, Павел Иванович, что покамест, бросят все то, из-за чего грызут и едят друг друга на земле, не подумают о благоустройстве душевного имущества, — не установится благоустройство и земного имущества. Наступят времена голода и бедности, как во всем народе, так и порознь во всяком... Это-с ясно... Что ни говорите, ведь от души зависит тело. Как же хотеть, чтобы <шло> как следует! Подумайте не о мертвых душах, а <о> своей живой душе, да и с Богом на другую дорогу! Я тож выезжаю завтрашний день. Поторопитесь! не то без меня беда будет.

Сказавши это, старик вышел. Чичиков задумался. Значенье жизни опять показалось немаловажным. «Муразов прав, — сказал он, — пора на другую дорогу!» Сказавши это, он вышел из тюрьмы. Часовой потащил за ним шкатулку, другой — чемодан белья. Селифан и Петрушка обрадовались, как Бог знает чему, освобождению барина.

— Ну, любезные, — сказал Чичиков, обратившись <к ним> милостливо, — нужно укладываться да ехать.

— Покатим, Павел Иванович, — сказал Селифан. — Дорога, должно быть, установилась: снегу выпало довольно. Пора уж, право, выбраться из города. Надоел он так, что и глядеть на него не хотел бы.

— Ступай к каретнику, чтобы поставил коляску на полозки, — сказал Чичиков, а сам пошел в город, но ни <к> кому не хотел заходить отдавать прощальных визитов. После всего этого события было и неловко, — тем более что о нем множество ходило в городе самых неблагоприятных историй. Он избегал всяких <встреч> и зашел потихоньку только к тому купцу, у которого купил сукно наваринского пламени с дымом, взял вновь четыре аршина на фрак и на штаны и отправился сам к тому же портному. За двойную <цену> мастер решился усилить рвение и засадил всю ночь работать при свечах портное народонаселение иглами, утюгами и зубами, и фрак на другой день был готов, хотя и немножко поздно. Лошади все были запряжены. Чичиков, однако ж, фрак примерил. Он был хорош, точь-в-точь как прежний. Но, увы, он заметил, что в голове уже белело что-то гладкое, и примолвил грустно: «И зачем было предаваться так сильно сокрушенью? А рвать волос не следовало бы и подавно». Расплатившись с портным, он выехал наконец из города в каком-то странном положении. Это был не прежний Чичиков. Это была какая-то развалина прежнего Чичикова. Можно было сравнить его внутреннее состояние души с разобранным строеньем, которое разобрано с тем, чтобы строить из него же новое; а новое еще не начиналось, потому что не пришел от архитектора определительный план, и работники остались в недоуменье. Часом прежде его отправился старик Муразов, в рогоженной кибитке, вместе с Потапычем, а часом после отъезда Чичикова пошло приказание, что князь, по случаю отъезда в Петербург, желает видеть всех чиновников до едина.

В большом зале генерал-губернаторского дома собралось все чиновное сословие города, начиная от губернатора до титулярного советника: правители канцелярий и дел, советники, асессоры, Кислоедов, Красноносов, Самосвистов; не бравшие, бравшие, кривившие душой, полукривившие и вовсе не кривившие — все не без волненья и беспокойства ожидали выхода генерал-губернатора. Князь вышел ни мрачный, ни ясный; взор его был тверд так же, как и шаг. Все чиновное собрание поклонилось, многие — в пояс. Ответив легким поклоном, князь начал:

— Уезжая в Петербург, я почел приличным повидаться с вами со всеми и даже объяснить вам отчасти причину. У нас

завязалось дело очень соблазнительное. Я полагаю, что многие из предстоящих знают, о каком деле я говорю. Дело это повело за собою открытие и других, не менее бесчестных дел, в которых замешались даже, наконец, и такие люди, которых я доселе почитал честными. Известна мне даже и сокровенная цель спутать таким образом все, чтобы оказалась полная невозможность решить формальным порядком. Знаю даже, и кто главная пружина и чьим сокровенным...[1], хотя он и очень искусно скрыл свое участие. Но дело в том, что я намерен это следить не формальным следованьем по бумагам, а военным быстрым судом, как в военное <время>, и надеюсь, что государь мне даст это право, когда я изложу все это дело. В таком случае, когда нет возможности произвести дело гражданским образом, когда горят шкафы с <бумагами> и наконец излишеством лживых посторонних показаний и ложными доносами стараются затемнить и без того довольно темное дело, — я полагаю военный суд единственным средством и желаю знать мнение ваше.

Князь остановился, как <бы> ожидая ответа. Все стояло потупив глаза в землю. Многие были бледны.

— Известно мне также еще одно дело, хотя производившие его в полной уверенности, что оно никому не может быть известно. Производство его уже пойдет не по бумагам, потому что истцом и челобитчиком я буду уже сам и представлю очевидные доказательства.

Кто-то вздрогнул среди чиновного собрания; некоторые из боязливейших тоже смутились.

— Само по себе, что главным зачинщиком должно последовать лишенье чинов и имущества, прочим — отрешенье от мест. Само собою разумеется, что в числе их пострадает и множество невинных. Что ж делать? Дело слишком бесчестное и вопиет о правосудии. Хотя я знаю, что это будет даже и не в урок другим, потому что наместо выгнанных явятся другие, и те самые, которые дотоле были честны, сделаются бесчестными, и те самые, которые удостоены будут доверенности, обманут и продадут, — несмотря на все это, я должен поступить жестоко, потому что вопиет правосудье. Знаю, что меня будут обвинять в суровой жестокости,

[1] *В рукописи не дописано.*

но знаю, что те будут еще...[1] Я должен обратиться теперь только в одно бесчувственное орудие правосудия, в топор, который должен упасть на головы <виновных>.

Содроганье невольно пробежало по всем лицам. Князь был спокоен. Ни гнева, ни возмущенья душевного не выражало его лицо.

— Теперь тот самый, у которого в руках участь многих и которого никакие просьбы не в силах были умолить, тот самый бросается теперь к ногам вашим, вас всех просит. Все будет позабыто, изглажено, прощено; я буду сам ходатаем за всех, если исполните мою просьбу. Вот моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаньями нельзя искоренить неправды: она слишком уже глубоко вкоренилась. Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными. Знаю, что уже почти невозможно многим идти противу всеобщего теченья. Но я теперь должен, как в решительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякий гражданин несет все и жертвует всем, — я должен сделать клич хотя к тем, у которых еще есть в груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово «благородство». Что тут говорить о том, кто более из нас виноват. Я, может быть, больше всех виноват; я, может быть, слишком сурово вас принял вначале, может быть, излишней подозрительностью я оттолкнул из вас тех, которые искренно хотели мне быть полезными, хотя и я с своей стороны мог бы также сделать <им упрек?>. Если они уже действительно любили справедливость и добро своей земли, не следовало бы им оскорбиться на надменность моего обращения, следовало бы им подавить в себе собственное честолюбие и пожертвовать своею личностью. Не может быть, чтобы я не заметил их самоотверженья и высокой любви к добру и не принял бы наконец от них полезных и умных советов. Все-таки скорей подчиненному следует применяться к нраву начальника, чем начальнику к нраву подчиненного. Это законней по крайней мере и легче, потому что у подчиненных один начальник, а у начальника сотни подчиненных. Но оставим теперь в стороне, кто кого больше виноват.

[1] *Край листа рукописи оторван.*

Дело в том, что пришло нам спасать нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже мимо законного управленья образовалось другое правленье, гораздо сильнейшее всякого законного. Установились свои условия, все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как <ни> ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. Все будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстанья народов, вооружался против <врагов?>, так должен восстать против неправды. Как русский, как связанный с вами единокровным родством, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь <к> вам. Я обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятье какое-нибудь о том, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности, потому что это уже нам всем темно представляется, и мы едва...[1]

[1] *На этом рукопись обрывается.*

<Набросок к заключительной главе>

Всем жить на счет казны, сделать себе доходные места из службы, государство обратить в богадельню, долженствующую их всех кормить. Это устремленье всех в ряды чиновников и правителей. Рассмотрим же, кто же тогда останется в рядах управляемых, и станет ли средств, сил управляемы<м> содер<жать> громаду своих управляющих? Край лишается работающих рук. Земля не возделывается. Россия до сих пор остается в первоначальном пустынном виде. Нет, не возможно обратиться в рыбарей и удить рыбу. Следует оставить заботу о частной и личной <жизни> и нужно вспомнить о бедной России. Если мы сами не вспомним, если мы сами дружным усилием не подымем, то никакие гениальные соображенья свыше, никакие средства и силы...[1] Нет, следует обратить вниманье на то, откуда всему начало зло... Нет, следует, наконец, не шутя подумать о том, как повести простую жизнь, которая...[2] Все видят, даже и слепые, что взятки из желанья жить получше сколько-нибудь сообразно, пользоваться всеми удобствами и просвещенными прихотями нынешних...[3] Из-за этого и кражи, из этого и все побуждения установить места, будто бы необходимые, будто обмануть не мудрено. И мне были представлены проекты об установлении новых мест и так была ощутительно показана их необходимость, что и я их утвердил и представил на утверждение, и после уже нескоро увидел, что обманул своего [благодетеля] государя, и я стал обманщиком. Сколько этаких явлений на всяком шагу. Нет, нельзя. Нужно положить, наконец, это<му> конец, нужно бросить этакую жизнь, пото<му> что, наконец, с кражами и со взятками не могут дойти до того, чтобы исполнять все эти прихоти и условия, положенье света. Ради несчастных своих детей и особенно дочерей и со взятками и с кражами вы теперь едва имеете силы доставить это глупое несчастное воспитанье, которого требуют условия этой глупой жизни, которой никому из нас не хочется бросить.

Прежде всего обращаюсь к богатым и состоятельным. Вам следует <показать> пример. Уничтожьте мебели и все прихоти. Заведите простые, хоть на некоторое время, покуда не поправятся

[1] *В рукописи не дописано.*
[2] *В рукописи не дописано.*
[3] *В рукописи не дописано.*

обстоятельства все. Вы будете в барышах; у вас денег останется столько, что вы мог <ли бы> помогать и благотворить, чего вы теперь, я знаю, не в состоянии, ни доброго дела не можете сделать, потому что всё пошло на себя. Что до меня, даю слово не заводить у себя никакого щегольского экипажа и на самом парадном гулянье не буду иначе являться, как на извозчике, и жена не наденет другого, кроме самого обыкновенного, и на дочерях моих не будет никогда платья свыше десяти рублей ассигнациями и будет ими носиться до сносу, какие бы ни являлись нов<ые> картинки, хоть бы мода выворотила всё навыворот. А вам, Петр Николаевич, поручаю завести клуб вовсе другого рода, такой, чтобы всем можно было в нем быть не разорившись. Об этом посоветуйтесь с Муразовым. Он найдет честного рестора<н>а. Стыд, в провинции, где припасы продаются на рынок за бесценок, возвели обеды по рублю со стола. Я очень знаю, что на эти деньги три, даже четыре блюда из свежей провизии из этого, что под рукой, без выписных приправ. А француза прошу выгнать вон. Это для него еще благодеянье: если он поживет, он дурак обнакру<тится>. Ему никто долгов не заплатит. Сам виноват, брать десятерную цену! Мне нет дела до того, что ему нужно составить капитал, на который можно ему будет потом хорошо в Париже. Он может подкупать полицию..., но, как начальник, я этого не позволю, чтоб это было на счет несчастной невоздержн<ости>. Да и вообще прошу вас употреб<ить> все силы, чтобы дать возможность всем мастеров<ым> производить работы дешевле. Об этом прошу вас переговорить с Муразовым. Он теперь особенно занят классом мещан и ремесленников, и многих уже образовал. Я уверен, что если только уничтожить кое-какие сборы, которые платят в полицию, то всё будет гораздо <лучше>. Но лучше, если полицейские сами, не дожидая<сь>, ограничат свои поборы, потому что и к ним теперь взываю, как русским <по> сердцу, которым, полагаю-таки, близка Россия. Жертва потребна общая от всех нас, а не от одного кого-либо. Притом цены и дороговизна неминуемо д<олжны> упасть, стало быть, содержанье каждого станет дешевле.

Наконец, я умоляю прекращать все тяжбы между [собою миром] не смеши<ва>ть правительства в ссоры и...[1] и не давать

[1] *В рукописи одно слово не прочитано.*

пищи ябеде, размножению дел и вместе с ними новых должностей и нов<вых> чиновников, которые, бедные, против воли должны быть чужеядными растениями. Лучше прибегать, по старому русскому обычаю, к простому третейскому суду и, выбрав из себя людей, известных честностью и справедливостью, предоставить на их суд, как они решат, так тому <быть>. Во всяком случае даже и тот, кто проиграет, будет в барышах, в сравнении с тем, что он издержит по судам и всяким мытарс<твам>, которые могут проволочить его до глубокой старости и отравить всю его жизнь. Но я надеюсь, что суд будет безобиден. Если же в затруднительном деле, то я вам советую предоставить на суд человека, которого я не назову, но вы его угадаете, чья безукоризненная жизнь и деятельность, полная добрых подвигов, скажет сама. Очень может быть, что мы этим нечувствит<ельно> достигнем до того, до чего нельзя достигнуть никакими мудрейшими распоряжениями правительства, то есть до уничтоженья всех этих временных комиссий и комитетов, которые мы вся<кими> происками, ссорами постарались обратить в непременные. По крайней мере, это долг наш; мы должны об <этом> все стараться до единого, как сыны земли, как преданные и присягнувшие именем Бога служить верно земле. Очень может быть, что и теперь, после твердой нашей решимости, уменьшится количество дел и всяких бумажных производств. Но тем не менее я прошу всех исполнить в точности: в свое время быть в присутствии и в свое время выходить из присутствия. Только прошу всех правителей канцелярии не заводить этого педантства, этого наружного лицемерства, то есть, чтобы каждый *казался* занимающимся делом. Нет, достаточно, если он присутству<ет>. Нет, если нет дела, он может читать полезную книгу и пусть это будет его ученый кабинет. Пусть хоть здесь прочтутся те книги, которые делают человека степенным, рассудительным, приготовляют из него будущего государственно<го> мужа и сына земли своей. С завтрашне<го> же дни будет доставлено от меня во все отделения присутствия по экземпляру Библ<ии>, по экземпляру русских летописей и три-четыре классика, первых всемирных поэт<ов>, верных летописцев человеческой жизни. Я рад, что имею сделать это пожертвованье от себя насчет некоторых ограничен<ий>. Чувствую, что это важно. В последнее <время> головы всех так выветрились от этих мод<ных> водевилей,

от это<го> пустого чтенья минутных романов, извращаю<щих> наизнанку жизнь, мысли, мненья и понятья, что, право, пора прочесть то, что прежде всего сле<дует>. К стыду, у нас, может быть, едва отыщется чело<век>, который бы прочел Библию, тогда как эта книга затем, чтобы читаться вечно, не в каком-либо религиозном отношении, нет, из любопыт<ства>, как памятник народа, всех превзошедшего в мудрости, поэзии, законодательстве, котор<ую> и неверующие, и язычники считают высш<им> созданьем ума, учителем жизни и мудрости. Как же нам требовать еще, чтобы из нас выходили мужи, способные действ<овать> и поступать обдуманно. Как удивляются, что беспрестанно выходят скороспелки, выскочки, непостоянные, легкие люди, неугомонные коверкатели, опрометчивые нововводители, бессильные владетели страстей. И вот этаким-то людям начальство и правительство <доверяет>. Где ж их взять лучше? Нет, я обращусь к вам. Не о себе пожалеем, но пожалеем о детях, которых мы бросили в <чужие> руки и которых знать не хотим, тогда как кто лучшим бы мог быть воспитателем сына, как не отец? Да, ничего более, кроме только разумного чтения с ними этих книг, образующих уже измлада степенный, сильный характер, познанье жизни, познанье земли своей. Уже было <бы> в несколько раз полезней всей этой истрачиваемой кучи денег на учителей с ра<з>ными взглядами, разными понятия<ми>, со всех сторон загружающими до того голову, что он, наконец, не узнает до поздней старости, было ли в нем какое-нибудь собственное мнение или мысль, и готов, как послушная овца, последов<ать> за первым крикуном, за первой необдуманной брошюр<ой>. И будто бы уже отец, который сам учился и в университ<ете>, не мог сам приготов<ить> своего сына в заведение, когда и программа напечатана повсюду в известность. Времени нет? Но ведь для карт есть у нас время. Да в два вечера посреди своей семьи без книги можно дать...[1] всю науку, то есть всё содерж<ание>, в чем она состоит и для чего нам нужна, словом, дать ее почувствовать, так что и жена и дочери выслушают, а в сыне возродится желанье и любопытство прочесть и пополнить самому... И ничего собствен<но> кроме собственного удовольствия и собственного на<шего> вразумленья не доставили бы нам

[1] *В рукописи одно слово не прочитано.*

такие вечера. Страшным оскорбительным упреком и праведным гнев<ом> пораз<ит> нас негодующее потомство, что еще, играя, как игрушкой, святым словом просвещенья, правились швеями, парикмахера<ми>, модами, дерзали поставлять <себя> выше [простых] мужественных [предков...[1]]. Я это говорю, потому, что так чувствую и считаю долгом сказать вам всё, что чувству<ю>. В минуту прощания, которая все-таки торжественна, может быть, увидимся, может быть, и не увидим<ся>, не следует говорить пустых вещей. Может, над моими словами и надо мной посмеются, у кого дост<анет> духу посмеяться. Но я знаю, что те, которы<м> дорого счастье земли, которые еще русское во глуб<ине> и не успело выветриться, те согласятся со мной и с тем, что я говорю. Повторяю еще раз: я буду о всех хлопотать и всем до единого буду старать<ся> испросить прощенье, стало быть, я имею некоторое право потребовать от вас взвесить их хорошенько и подумать об это<м>.

[1] *В рукописи одно слово не прочитано.*

<Наброски к несохранившимся главам>

Вот оно, вот оно, что значит, а не то, что нынешнее прос<ещенье?>, которое превратило человека в машину, что весь век свой вытащивает одну...[1] Какой тесный круг, какое...[2] дело.

Учитель бесился, не зная, что сказать. Он говорил: как-де незачем ненужное. Человек <должен> всё делать.

Хорошо, так вы хотите отнять свободу у человека. Сами проповеду<ете> хорошо.

Учитель выходил <из себя>.

Что они так грызу<тся> из-за этого, спросил себя внутренне Чичиков. То или <другое>, ну лучше, да что же так спорить, что ж так выходить из себя, что за странная мода такая, что из всего, что услы<шат>, выводят какие-то все следствия. Разговор-то, <по правде> говоря, о дряни, о посторо<ннем>, а горяча<тся>, как бы дело шло о которых ста тыся<чах>.

Шутить, как известно, не любит наш век, а разом наденет на себя годовое пропитанье 20 семейств, да еще и похвастает благотворительнос<тью>, припевая: роскошь доставл<яет> хлеб работникам.

Шелки, атласы, платья по сотне и по двести и более, ни одно и не шилось в уезд<е>. Ту снарядила мадам Тун, другую мадам Кун, третью приехавшая вдруг за одним разом из Лондона, из Вены, из Парижа к нам какая-то загадочная Шприц-Флоден-Файк.

<…> со всех сторон к концу балу Чагравину насчет поведения жены его, называя его и рогоносцем и мужем-телепнем. Ему чуть не в глаза стали говорить: дур<ак>. Всё это ему не нравилось

[1] *В рукописи одно слово не прочитано.*

[2] *В рукописи одно слово не прочитано.*

сильно, особенно что губерния подня<ла> его на зубки, тогда как ему хотелось дать всем им [в себе] почувствовать, <что> он петерб<ургский> аристократ. [И] Когда разъехалось все это и в доме остались [изорванные] …[1] и следы би<т>вы: разбитые плошки, изорванные транспаранты, обгорелые фейервер<ки> и [раздалась перебранка слуг за рабитые] показались повсюду [заспавшие<ся>] лакеи <?> будто бы заспавшиеся, а между тем плохо выспавшиеся, наконец перебранки и споры слуг за разбитую посуду. Ему сделалось так же неприятно [как и всем] умным людям после балов. [Последние сцены предстали во всей живости] Колкие намеки и насмешки губернии предстали ему во всей живости. Самолюбие зашевелилось в нем сильно. Он решил [немедленно идти по<требовать>] тот же час идти к жене потребовать от ней прямо объяснения во всем и дать что-то вроде нагоняя.

Вошедши к ней в комнату он после нескольких весьма несвязных предисловий, которых она не совсем поняла, начал та<к>.

[1] *В рукописи одно слово не прочитано.*

<Набросок к окончанию «Мертвых душ»>

«Зачем же ты не вспомнил обо Мне, что Я на тебя гляжу, что Я твой? Зачем же ты от людей, а не от Меня ожидал награды и вниманья, и поощренья? [Зачем не шел ты до конца, закрывши глаза на людей и смотря только...] Какое бы тогда было тебе дело обра<щать внимание?>, как издержит твои деньги земной помещик, когда у тебя Небесный Помещик? Кто знает, чем бы кончилось, если бы <ты> до конца дошел, не устрашившись? Ты бы удивил величием характ<ера>, ты бы наконец взял верх и заставил изумиться; ты бы оставил имя, как вечный памятник доблести, и роняли бы ручьи слез, потоки слезные о тебе и как вихорь ты бы развевал в сердцах пламень добра».

Потупил голову, устыдившись, управитель, и не знал, куды ему деться.

И много вслед за ним чиновников и благородных, прекрасных людей, начавших служить и потом бросивших поприще, печально понурили головы.

Приложение

Повесть о капитане Копейкине

Первоначальная редакция

«После кампании двенадцатого года, сударь ты мой», — так начал почтмейстер, несмотря на то, что в комнате сидел не один сударь, а целых шестеро, — «после кампании двенадцатого года вместе с ранеными прислан был и капитан Копейкин. Под Красным ли, или под Лейпцигом, только, сударь мой, вы можете себе представить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сделано было насчет раненых никаких, знаете, эдаких распоряжений; этот какой-нибудь инвалидный капитал был уже заведен, можете вообразить себе, в некотором роде, гораздо после. Капитан Копейкин видит: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, левая. Наведался было домой к отцу; отец говорит: «Мне нечем тебя кормить: я», можете представить себе, «сам едва достаю хлеб». Вот мой капитан Копейкин решился отправиться, сударь мой, в Петербург, чтобы просить государя, не будет ли какой монаршей милости: что вот де так и так, в некотором роде, так сказать жизнию жертвовал, проливал кровь... Ну, как-то там, знаете, с обозами или фурами казенными — словом, сударь мой, дотащился он кое-как до Петербурга. Ну, можете представить себе: эдакой, какой-нибудь, то есть, капитан Копейкин и очутился вдруг в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире. Вдруг перед ним свет, так сказать, некоторое поле жизни, [как] сказочная Шехерезада, понимаете, эдакая. Вдруг какой-нибудь эдакой, можете представить себе, Невский проспект, или там, знаете, какая-нибудь Гороховая, черт возьми, или там эдакая какая-нибудь Литейная; там шпиц эдакой какой-нибудь в воздухе; мосты там висят эдаким чертом, можете представить себе, без всякого, то есть, прикосновения — словом, Семирамида, сударь, да и полно. Понатолкался было насчет квартиры, только все это кусается страшно: гардины там, шторы, понимаете, ковры — Персия такая; ну, просто, то есть, идешь по улице, а уж нос твой так и слышит, что пахнет тысячами; а у моего капитана Копейкина весь ассигнационный банк, понимаете, состоит из каких-нибудь четырех синеньких. Ну, как-то там приютился в Ревельском трактире за рубль в сутки: обед — щи эдакие, кусок битой говядины.

Ну, заживаться, видит, нечего; на другой же день, сударь мой, решился идти к министру. А государя, нужно вам знать, в то время не было еще в столице; войска, можете себе представить, еще не возвращались из-за границы. Копейкин мой, вставши поранее, поскреб себе левой рукой бороду, потому что платить цирюльнику — все это составит, в некотором роде, счет, натянул свою мундиришку и на деревяшке своей, можете вообразить, отправился к министру. Расспросил у будочника квартиру. «Вон», говорит — указал ему дом на Дворцовой набережной: избенка, понимаете, мужичья, стеклышки в окнах, можете себе представить, полуторасаженные зеркала, все это мрамор, везде металлические галантереи. Какая-нибудь ручка у дверей, что нужно, знаете, забежать прежде в мелочную лавочку, да купить на грош мыла, да прежде часа два тереть им руки, да потом уже решишься ухватиться за нее. Словом, сударь мой, гебены, лаки такие, что просто, в некотором роде, ума помрачение. Один швейцар уже смотрит генералиссимусом: вызолоченная булава, графская физиогномия, как откормленный жирный мопс какой-нибудь, батистовые воротнички, канальство!.. Копейкин мой встащился кое-как с своей деревяшкой в приемную, прижался там в уголку себе, чтобы не толкнуть локтем, можете себе представить, какую-нибудь Америку или Индию—раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумеется, что он настоялся там вдоволь, потому что, можете представить себе, пришел еще в такое время, когда министр, в некотором роде, едва поднялся с постели, и камердинер, может быть, поднес ему какую-нибудь серебряную лоханку для разных, понимаете, умываний эдаких. Ждет мой Копейкин часа четыре, как вот входит наконец адъютант или там другой дежурный чиновник: «министр», говорит, «сейчас выйдет в приемную». А в приемной уж, понимаете, народу, как бобов на тарелке, все это четвертого класса, полковники, а кое-где и толстые золотые макароны на эполетах — генералитет, словом, такой... Наконец, министр выходит. Ну, подошел к одному, к другому: «Зачем вы? зачем вы? что вам угодно?» Наконец — к Копейкину. Копейкин, собравшись с духом: «Так и так, ваше превосходительство, проливал, в некотором роде, кровь, лишился, так сказать, руки и ноги, работать не могу — осмелился просить монаршей милости». Министр видит: человек на деревяшке, и правый рукав

пустой пристегнут к мундиру: «хорошо», говорит, «понаведайтесь на днях». Вот, сударь мой, не прошло четырех или пяти дней, мой Копейкин является опять. Министр, понимаете, тотчас его узнал: «а!» говорит: «на этот раз ничего не могу вам сказать, как только то, что вам нужно будет ожидать приезда государя: тогда, без сомнения, будут сделаны распоряжения насчет раненых, а без монаршей, так сказать, воли я ничего не могу сделать». Поклон, понимаете, и — прощайте. Копейкин мой, можете вообразить себе, вышел в положении, в некотором роде, сомнительном, не получивши, так сказать, ни да, ни нет. А между тем, можете вообразить себе, столичная жизнь становится для него с каждым часом затруднительнее. Думает себе: «пойду опять к министру: как хотите, ваше высокопревосходительство, последний кусок доедаю; не поможете, должен умереть, в некотором роде, с голода». Приходит, — говорят: «нельзя, министр не принимает, приходите завтра»; на другой день — то же, а швейцар на него просто и смотреть не хочет. У моего Копейкина всего-навсего остается какой-нибудь полтинник. То бывало, едал щи, говядины кусок, а теперь в лавочке возьмет какую-нибудь селедку или огурец соленый да хлеб на два гроша — словом, голодает бедняга, а между тем, аппетит, просто, волчий. Проходит мимо эдакого какого-нибудь ресторана, повар там собака, можете себе представить, иностранец, белье на нем чистейшее голландское, работает там фензерв какой-нибудь, котлетки с трюфелями, — словом, рассупе-деликасет такой, что просто себя, то есть, съел от аппетита. Пройдет ли мимо Милютинских лавок, там из окна выглядывает, в некотором роде, семга эдакая, вишенки — по пяти рублей штучка, арбуз — громадище, дилижанс эдакой, высунулся из окна и, так сказать, ищет дурака, который бы заплатил сто рублей — словом, на всяком шагу соблазн такой — слюнки текут — а он слышит между тем все: «завтра». Так можете вообразить себе, каково его положение: тут с одной стороны, так сказать, семга и арбуз, а ему подносят все одно и то же блюдо: «завтра». Наконец сделалось бедняге, в некотором роде, невтерпеж: решился, во что бы ни стало, пролезть к министру. Дождался у подъезда, не пройдет ли еще какой проситель, и там с каким-то генералом, понимаете, проскользнул со своей деревяшкой в приемную. Министр, по обыкновению, выходит: «зачем вы? зачем вы?» «А!» говорит,

увидевши Копейкина: «ведь я уже объявил вам, что вы должны ожидать решения». — «Помилуйте, ваше высокопревосходительство: не имею, так сказать, куска хлеба»... «Что ж делать? Я для вас ничего не могу сделать, старайтесь, покамест, помочь себе сами, ищите сами средств». — «Но, ваше высокопревосходительство, сами можете в некотором роде судить, какие средства могу сыскать, не имея ни руки, ни ноги». Он-то хотел прибавить: «а носом и подавно ничего не сделаешь, только разве высморкаешься, да и для того нужно купить платок». Только министр, сударь мой, — или уж он ему надоел так, или в самом деле он, может, занят был делами государственными, — начал, можете себе представить, сердиться. «Ступайте же», говорит: «у меня много таких, как вы, ожидайте спокойно». А мой Копейкин, — голод, знаете, пришпорил его: «как хотите», говорит, «ваше высокопревосходительство, не сойду с места до тех пор, пока не дадите надлежащей резолюции». И, сударь мой! Можете себе представить, министр вышел из себя. В самом деле до тех пор, может быть, еще не было в летописях мира, так сказать, чтобы какой-нибудь Копейкин осмелился так говорить с министром. Можете себе представить, каков должен быть рассерженный министр, так сказать, государственный человек, в некотором роде. «Грубиян!» закричал он. «Где фельдъегерь? Позвать фельдъегеря, препроводить его», говорит, «с фельдъегерем на место жительства». А фельдъегерь уж там, понимаете, и стоит: трехаршинный мужичина какой-нибудь; ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиков — словом, дантист эдакой... Вот его, раба Божия, схватили, сударь мой, да в тележку с фельдъегерем. «Ну», Копейкин думает, «по крайней мере не нужно платить прогонов, спасибо и за то». Вот он, сударь мой, едет на фельдъегере, да, едучи на фельдъегере, в некотором роде, так сказать, рассуждает сам себе: «Когда министр», говорит, «сам сказал, чтобы я поискал средств помочь себе — хорошо», говорит, «я», говорит, «найду средства». Ну, уж как только его доставили на место и куды именно привезли, ничего этого неизвестно. Так, понимаете, и слухи о капитане Копейкине канули в реку забвения, в какую-нибудь эдакую Лету, как называют поэты. Но, позвольте, господа, вот тут-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. Итак, куда делся Копейкин, неизвестно; но не прошло, можете представить себе,

двух месяцев, как появилась в рязанских лесах шайка разбойников, и атаман-то этой шайки был, сударь мой, никто другой, как наш капитан Копейкин. Набрал из разных беглых солдат некоторым образом банду целую. Это было, можете себе представить, тотчас после войны: все привыкло, знаете, к распускной жизни, всякому жизнь — копейка, забубешь везде такой, хоть трава не расти — словом, сударь мой, у него просто армия. По дорогам никакого проезда нет, и все это собственно, так сказать, устремлено на одно только казенное. Если проезжающий по какой-нибудь своей надобности — ну, спросят только: «зачем?» да и ступай своей дорогой. А как только какой-нибудь фураж казенный, провиант или деньги — словом, все, что носит, так сказать, имя казны — спуска никакого. Ну, можете себе представить, казенный карман опустошается ужасно. Услышит ли, что в деревне приходит срок платить казенный оброк, — он уж там. Тот же час требует к себе старосту: «подавай, брат, казенные оброки и подати». Ну, мужик видит: эдакой безногий черт, на воротнике-то у него, понимаете, жар-птица, красное сукно пахнет, черт возьми, оплеухой. «На, батюшка, вот тебе, отвяжись только». Думает: «уж верно какой-нибудь капитан-исправник, а, может, еще и хуже». Только, сударь мой, деньги, понимаете, примет он, как следует, и тут же крестьянам пишет расписку, чтобы, некоторым образом, оправдать их: что деньги точно, мол, взяты и подати сполна все выплачены, а принял вот такой-то капитан Копейкин; еще даже и печать свою приложит — словом, сударь мой, грабит, да и полно. Посыланы были несколько раз команды изловить его, но Копейкин мой и в ус не дует. Голодеры, понимаете, собрались все такие... Но наконец, может быть, испугавшись, сам видя, что дело, так сказать, заварил не на шутку и что преследования ежеминутно усиливались, а между тем деньжонок у него набрался капиталец порядочный, он, сударь мой, за границу и за границу-то, сударь мой, понимаете, в Соединенные Штаты. И пишет оттуда, сударь мой, письмо к государю красноречивейшее, как только можете вообразить. В древности Платоны и Демосфены какие-нибудь — все это, можно сказать, тряпка, дьячок в сравнении с ним. «Не подумай, государь», говорит: «чтоб я того и того»... Круглоту периодов запустил такую... «Необходимость», говорит, «была причиною моего поступка; проливал кровь, не щадил,

некоторым образом, жизни, и хлеба, как бы сказать, для пропитания нет теперь у меня. Не наказуй», говорит, «моих сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, так сказать, собственно мною, а окажи лучше монаршую свою милость, чтобы впредь, то есть, если там попадутся раненые, так чтобы примером за ними эдакое, можете себе представить, смотрение...» — словом, красноречиво необыкновенно. Ну, государь, понимаете, был тронут. Действительно его монаршему сердцу было прискорбно: хотя он, точно, был преступник и достоин в некотором роде смертельного наказания, но, видя, так сказать, как может невинный иногда произойти — подобное упущение, да и невозможно, впрочем, чтобы в тогдашнее смутное время все было можно вдруг устроить, один Бог, можно сказать, только разве без проступков, — словом, сударь мой, государь изволил на этот раз оказать беспримерное великодушие: повелел остановить преследование виновных, а в то же время издал строжайшее предписание составить комитет исключительно с тем, чтобы заняться улучшением участи всех, то есть раненых — и вот, сударь мой, это была, так сказать, причина, в силу которой положено было основание инвалидному капиталу, обеспечившему, можно сказать, теперь раненых совершенно, так что подобного попечения действительно ни в Англии, ни в разных других просвещенных государствах не имеется. Так вот кто, сударь мой, этот капитан Копейкин. Теперь я полагаю вот что: в Соединенных Штатах денежки он, без сомнения, прожил да вот и воротился к нам, чтобы еще как-нибудь попробовать, не удастся ли, так сказать, в некотором роде, новое предприятие».

<Заметки> к 1-й части

Идея Города. Возникшая до высшей степени Пустота. Пустословие, Сплетни, перешедшие пределы, как все это возникло из безделья и приняло выражение смешного в высшей степени. Как люди неглупые доходят до делания совершенных глупостей. [Как с сп<летнями>]

Частности в разговорах дам. Как к общим сплетням примешиваются частные сплетни, как в них не щадят одна другую. Как созидаются соображения, как эти соображения восходят до верха смешного. Как все невольно занимаются сплетнями, и какого рода Бабичи и юпки образуются.

Как пустота и бессильная праздность жизни сменяются мутною, ничего не говорящею смертью. Как это страшное событие совершается бессмысленно. Не трогаются. Смерть поражает нетрогающийся мир. — И еще сильнее между тем должна предстать читателю Мертвая бесчувственность жизни.

Проходит [жизнь] страшная мгла жизни, и еще глубокая сокрыта в том тайна. Не ужасное ли это явление. Жизнь бунтующая, праздная, не страшно ли великое она явленье. Бал слепи<т>. Золото. Танец. Плечи. При бальном сиянии, при фраках, [при] сплетнях и визитных билетах [никто не заметит] никто не угадает последн<его часа>.

Частности. Дамы ссорятся именно из-за того, что одной хочется, чтобы Чичиков был [вот что] тем-то, другой тем-то, и потому принимает только те слухи, которые сообразны с ее идеями.

Явление других дам на сцену.

Дама приятная во всех отношениях имеет чувственные наклонности и любит рассказывать, как она иногда побеждала чувственные наклонности, и посредством ума своего, и чем умела не допустить до слишком коротких с нею изъяснений... Впрочем, это случалось само собою, очень невинным образом. До коротких объяснений никто не доходил уже потому, что она и в молодости своей имела что-то похожее на будочника, несмотря на все свои приятности и хорошие качества.

«Нет, милая, я люблю, понимаете, сначала мужчину приблизить и потом удалить; удалить и потом приблизить». Таким же образом она поступает и на бале с Чичиковым… У других тоже состраиваются идеи, как себя вести. Одна почтительна. Две дамы, взявшись под руки, ходили и решили хохотать, как можно дольше. Потом нашли, что совсем у Чичикова нет манер и внеш<ности?> хороших.

Дама приятная во всех отношениях любила читать всякие описания балов. Описание Венского конгресса ее очень занимает. Туалет любила дама, то есть, замечать на других, что на ком хорошо и что не хорошо.

Сидя рассматривают входящих. «Н<адворная> совет<ница> не умеет одеваться, совсем не умеет. Этот шарф так ей не идет.. .» «Как хорошо одета губерна<торская> дочка …[1]». «Милая, она так гадко одета». «Уж если и так [ну] …[2]

Весь Город со всем вихрем сплетней преобразование бездельности жизни всего человечества в массе. Рожден бал и все соединения. Сторона главная, бальная, общества.

Противуположное ему преобразование во II <части?>, занятой разорванным бездельем.

Как низвести все [безделья] мира безделья во всех рода<х> до сходства с городским бездельем? и как городское безделье возвести до преобразования безделья мира?

Для <этого?> включить все сходства и внести постепенный ход.

[1] *В рукописи два слова не прочитаны.*

[2] *В рукописи одно слово не прочитано. Далее в автографе две трети страницы остались незаполненными. Следующий далее текст:* Весь город… постепенный ход, — *написан на другом листе.*

<Окончание девятой главы в переделанном виде>

Судили, судили и решили на том, чтобы расспросить покупщиков, у которых Чичиков торговал и купил эти загадочные мертвые души. Прокурору выпал жребий [идти] переговорить к Собакевичу, а председатель вызвался сам идти к Коробочке. А потому отправимся и мы вослед за ними и посмотрим, что такое там разузнали.

Глава

Собакевич квартировал с супругой в доме несколько поодаль от шумных мест. Дом выбрал этакой крепкой, чтобы потолок не проломился и можно бы в нем жить благополучно. Хозяин был купец Колотыркин, человек тоже прочный. Собакевич был с супругой; детей при нем не было. Он начинал уже скучать и помышлял об отъезде, ожидал только оброка за землю, которую нанимали под репу трое городских мещан, да окончанья какого-то модного капота на вате, который вздумала заказать городскому портному [его] супруга. Он уже, сидя на кресле, начинал побранивать и мошенничеством, и прихоть, а сам всё глядел на угол. В это время вошел прокурор. Собакевич сказал: «Прошу», и, приподнявшись, сел опять на стул. Прокурор подошел к ручке Феодулии Ивановны и, приложившись к ней, сел также на стул. Феодулия Ивановна, получивши себе на руку поцелуй, села также на стул. Все три стула были выкрашены зеленой масляной краской с малеванными кувшинчиками по уголкам.

— Пришел с вами переговорить об деле, — сказал прокурор.

— Душенька, ступай в свою комнату. Там тебя, верно, ждет портниха.

Феодулия пошла в свою комнату. Прокурор начал так:

— Позвольте вас спросить: какого <рода> людей продали вы Павлу Ивановичу Чичикову?

— Как какого рода, — сказал Собакевич. — На это крепость есть; там означено, какого рода: один каретник.

— По городу, однако ж, — сказал прокурор, несколько замявшись, — по городу разнеслись [такие] [странные] слухи.

— Много в городе дураков, оттого и слухи, — сказал спокойно Собакевич.

— Однако ж, Михаил Семеныч, такие слухи, что просто голова кружится: что души не души, что цель совсем не та, чтобы переселить, и что сам Чичиков загадочный человек. Оказываются такие подозрения. По городу пошли такие пересуды.

— Да позвольте спросить вас: вы сами баба, что ли? — спросил Собакевич.

Этот вопрос озадачил прокурора. Он сам у себя никогда еще не спрашивал, баба ли он, или что другое.

— Вы бы с этакими запросами посовестились даже и приходить ко мне, — сказал Собакевич.

Прокурор начал извиняться.

— Вы бы пошли к каким-нибудь пряхам, что по вечерам говорят об ведьмах. Уж если Бог не дал о чем поумней завесть разговор, играли бы в бабки с малыми ребятами. Что вы в самом деле пришли смущать честного человека? Что я вам, в насмешку, что ли? В службе своей, как следует, не упражняетесь. Чтобы отечеству как-нибудь послужить и на пользу ближнему, храня товарищей, о том не думаете. А вот только, чтобы быть подальше других. Куда дураки подтолкнут, туда и плететесь. Так себе за ничто и пропадаете, и доброго следа после вас не останется.

Прокурор совсем не нашелся, что отвечать на такое неожиданное поучение. Разбитый в прах и уничтоженный пошел он от Собакевича. А Собакевич ему вслед: «Убирайся себе, собака!»

В это время вошла Феодулия.

— Что это от тебя прокурор так скоро вышел? — сказала она.

— Угрызенье совести ощутил, так и вышел, — сказал Собакевич. — Вот тебе, душа моя, в глазах пример. Какой старой человек, уж и волос седой в голове, а я знаю, что он до сих пор по чужим женам ходит. У них уж обычай у всех; собаки все. Мало того, что даром бременят землю, да еще дела такие делают, что скоту бы... и такие грехи творят, что их всех бы в один мешок да в воду. Весь город разбойничий вертеп. Незачем нам здесь оставаться больше, уедем!

Супруга хотела было представить, что еще не готов капот и нужно купить для праздника какие [-то] ленты на чепцы. Но Собакевич сказал:

«Это, душа моя, всё модные выдумки, они тебя к добру не доведут». Велел собирать всё в дорогу, сам пошел, вместе с квартальным, к мещанам и взял с них оброк за репу. Потом зашел к портнихе в взял капот недошитый, так как был в работе, с воткнутой иголкой и ниткой, с тем, чтобы дошить его в деревне, и выехал из города, приговаривая, что опасно даже заезжать в этот <город>, потому что мошенник сидит на мошеннике и можно легко самому погрязнуть вместе с ними во всяких пороках.

Прокурор между тем так был озадачен приемом Собакевича, что недоумевал, как и рассказать об этом председателю.

Но и председатель тоже немного успел в объяснениях. Начать <с> того, что, поехавши на дрожках, попал он в такой грязный и узкой переулок, что во всю дорогу то правое колесо выше левого, то левое выше правого. От этого ударил он…[1] самого себя весьма <сильно?> палкой в подбородок, потом затылком вылетел и в заключенье [везде] забрызгался грязью. Въехал он во двор к протопопу среди чавканья, шлепанья грязи, свиного хрюканья. Оставивши дрожки и пробравшись пешком позади всяких клетухов и вступил, наконец, в сени. Здесь он прежде спросил полотенце и вытер лицо. Коробочка встретила его так же, как и Чичикова, с тем же меланхолическим <видом?>. На шее у ней было что-то наверчено, вроде фланели. В комнате было бесчисленное множество мух и какое<-то> отвратительное для них блюдо, к которому они, казалось, уже привыкли. Коробочка попросила его садиться.

Председатель, начавши сначала тем, что знал некогда ее мужа, потом вдруг перешел к такому вопросу:

— Скажите, пожалуйста, точно ли к вам, в ночное время, с пистолетом в руке приезжал один человек, покушавшийся вас убить, если вы не отдадите каких-то душ? И не можете ли объяснить нам, какое было его намерение?

— Да уж как не могу! Возьмите ведь мое положение: двадцать пять рублей бумажками! Ведь я не знаю, право. Я вдова,

[1] *В рукописи одно слово не прочитано.*

я человек неопытный. Меня не трудно обмануть в [таком] деле, в котором я, признаться вам сказать, батюшка, ничего не знаю. Пеньке-то я знаю цену. Сало тоже продала третье...

— Да расскажите прежде пообстоятельнее: как это? Пистолеты при нем были?

— Нет, батюшка, пистолетов, оборони Бог, я не видала. А мое дело вдовье. Я не могу знать, почем ходят мертвые души. Уж, батюшка, не оставьте, поясните, по крайней мере, чтобы я знала цену-то настоящую.

— Какую цену? Что цена, матушка? Какая цена?

— Да мертвая-то душа почем теперь ходит?

«Да она дура от роду или рехнулась», — подумал председатель, глядя ей в глаза.

— Что ж, двадцать пять рублей? Ведь я не знаю, может быть, они пятьдесят, [сто] или больше.

— А покажите бумажку, — сказал председатель и посмотрел ее против света, не фальшивая <ли>. Но бумажка была как бумажка.

— Да расскажите же вы, как он у вас купил, что купил. Я в голову ничего не могу сообразить.

— Купил, — сказала Коробочка. — Да вы-то, батюшка, что ж вы-то не хотите мне сказать, почем ходит мертвая душа, чтоб я знала настоящую цену мертвых душ?

— Да помилуйте [полно мату<шка>] что это вы говорите, где ж видано, чтобы мертвых продавали?

— Да что ж вы цены не хотите сказать?

— Да что ж цены. Помилуйте, какая цена. Скажите мне сурьезно, как было дело. Угрожал он вам чем, хотел обольстить [что ли]?

— Нет, батюшка; да вы, право... Теперь я вижу [сама], что вы тоже покупщик. — И посмотрела подозрительно в глаза.

— Да я председатель, матушка, здешней палаты.

— Нет, батюшка, как хотите, вы это уж того изволите так, хотите сами меня обмануть. Да ведь что ж вам из того, ведь вам хуже. Я бы вам продала и птичьих <перьев>: у меня о Рождестве и птичьи перья будут.

— Матушка, говорю вам, что я председатель. Что мне ваши птичьи перья. Не покупаю ничего.

— Да ведь торг честное дело, — продолжала Коробочка. — Сегодня я тебе, завтра ты мне продашь. Что ж, если мы станем этак друг друга обманывать, да где ж и правда тогда? Ведь это [правда-то] перед Богом грех.

— Матушка, я не покупщик, я председатель!

— Да Бог знает. Может быть, вы и председаете; ведь я не знаю. Что ж? Я вдова. Да что ж вы так расспрашиваете? Нет, батюшка, я вижу, что вы сами, того, хотите купить их...

— Матушка, я вам советую полечиться, — сказал председатель, рассердившись. — У вас вот недостает... — сказал он, постучавши себя пальцем по лбу, и вышел [в сердцах] от Коробочки.

Коробочка так на этом и осталась, что это был откупщик, и удивлялась только тому, какой сердитый стал народ на белом свете и как трудно бедной вдове. Председатель изломал колесо в дрожках и забрызгался вонючею грязью. Вот всё, что приобрел он в этой неудачной экспедиции, включая сюда [также и] разбитый палкою подбородок. Подъезжая к дому, встретил он прокурора, который тоже ехал на дрожках не в духе, повесивши [голову].

— Ну, что узнали от Собакевича?

Прокурор повесил голову и сказал: [только что]

— Во всю жизнь не был трактован...

— А что?

— [А что?] Оплевал совсем [всего], — сказал прокурор с огорченным видом.

— Как?

— Говорит, что на службе от меня проку нет: ни одного доноса не подал на товарищей. В других местах прокурор, что [ни] неделя, [то и] посылает донос; я выставлял «чел» на всяком листке, даже и тогда, когда иной раз следовало бы подать доносом, не задерживал ни одной бумаги. Прокурор истинно сокрушался.

— Так что ж он <об> Чичикове говорит? — сказал п<редседатель>.

— Что говорит? Бабами назвал всех, обругал [всех] дураками [и сплетниками].

Председатель задумался. В это время подъехали третьи дрожки; на них сидел вице-губернатор.

— Господа, я должен вас известить, что нужно быть осторожну. Говорят, действительно в нашу губернию назначается генерал-губернатор.

И председатель и прокурор разинули рот. Председатель подумал про себя: «Вот кстати приедет на расхлебки. Заварили суп такой, что черт и вкус в нем какой отыщет. Увидит, какая бестолочь в городе». «Одно за другим», подумал огорченный прокурор.

— Не знаете о том ничего, кто назначен в генерал-губернаторы, какого нрава, какого свойства?

— Ничего еще неизвестно, — сказал <вице-губернатор>. В это время подъехал на дрожках почтмейстер.

— Господа, могу вас поздравить с [новым] генерал-губернатором.

— Слышали, да ведь еще неизвестно, — сказал вице-губернатор.

— Известно даже и кто, — сказал почтмейстер, — князь Однозоровский-Чементинский.

— Что ж говорят?

— Строжайший человек, судырь мой, — сказал почтмейстер. — Дальновиднейший и крутейшего нрава. Был он прежде в каком-то эдаком, понимаете, казенном большом построении. Завелись там кое-какие грехи. Всех, судырь, распушил, стер в прах, так что, понимаете, и подметать было нечего.

— А здесь в городе <нет> никакой надобности строгих мер.

— Палата, судырь мой, сведений; человек размера, понимаете, колоссального! — продолжал почтмейстер.

Случилось один раз...

— Однако ж, — сказал почтмейстер, — мы говорим на улице, при кучерах. Лучше ж заедем.

Все опомнились. А уже на улице собрались наблюдатели и глядели, разинув рты, на разговаривающих с ...[1] дрожек. Кучере [хлыснули] закричали, и четверо дрожек потянулись [на двор] к председателю.

«Кстати черт принес этого Чичикова», — думал председатель, снимая с себя в передней забрызганную грязью шубу.

[1] *В рукописи одно слово не прочитано.*

— Я всё не могу разобрать этого дела, — сказал вице-губернатор, скидая шубу.

Почтмейстер ничего не сказал, сбросил просто.

Вошли в комнату, где вдруг явилась закуска. Губернские власти <не обходятся?> без закуски, и если в губернии хоть два чиновника сойдется, сам-третей является закуска.

Председатель подошел и налил себе самой горькой полынной водки, сказавши:

— Я, хоть убей, не знаю, кто таков этот Чичиков.

— Я и подавно, — сказал прокурор. — Этакого запутанного дела я и в бумагах не читывал, и не имею духу приступить...

— А как человек между тем светского лоску, — сказал почтмейстер, наливая сначала темной и розовой [и желтой] и составив себе смесь из разных водок, — очевидно, был в Париже. Я думаю, что едва ли не дипломатом служил.

— Ну, господа! — сказал в это время, входя, полицеймейстер, известный благотворитель города [и] любимец купечества и чудотворец в угощениях. — Господа! О Чичикове я ничего не мог узнать. В собственных бумагах его порыться [никак] не мог. Из комнаты не выходит. На беду чем-то заболел. Расспрашивал людей. Лакей пришел Петрушка, кучер Селифан. Первый был не в трезвом состоянии, да и всегда быв<ает?> таков. — При этом полицеймейстер подошел к водке и составил смесь из трех водок. — Петрушка говорит, что барин как барин, водился с людьми, кажется, хорошими: с Перекроевым. Назвал много помещиков, всё коллежские и статские советники [иные даже и повыше]. Кучер Селифан: неглупым человеком показывался всеми за то, что службу хорошо исполнил. Был [говорит] в таможне, при каких-то казенных постройках, а в каких именно, не мог сказать. Лошади три: одна куплена, говорит, три года назад тому. Серая, говорит, выменена на серую, третий куплен. А сам Чичиков действительно называется Павел Иванович и точно коллежский советник.

Все чиновники задумались.

«Порядочный человек, и коллежский советник, — подумал прокурор, — и решиться на такое дело, как увозить губернаторскую дочку, или возыметь безумие покупать мертвые <души>. Пугать по ночам спокойных престарелых помещиц, это прилично какому-нибудь гусарскому юнкеру, а не коллежскому советнику».

«Если коллежский советник, как же пуститься в такое уголовное преступление, как делать бумажки», — подумал вице-губернатор, который был сам коллежский <советник>, любил играть на флейте и душу [скорей] имел склонную к искусствам изящным, а не к преступлению.

— Воля ваша, господа, а это дело как-нибудь нужно кончить: приедет генерал-губернатор, увидит, что у нас, просто, черт знает что.

— Как же вы думаете поступить?

Полиц<ей>мейстер:

— Я думаю, надобно поступить решительно.

— Как же решительно? — сказал председатель.

— Задержать его, как подозрительного человека.

— А если он нас задержит, как подозрительных людей?

— Как так?

— Ну, а если он подослан? Ну, что если он с тайными порученьями?

Мертвые души! А Бог знает, гм! Будто купить мертвые души, а может быть, это розыскание обо всех [душах] тех умерших, о которых было подано от неизвестных случаев.

Эти слова погрузили всех в молчание. Прокурора эти слова поразили. Председатель тоже, сказавши их, задумался. [Им обоим пришло на ум] Обоим прийти...

— Что ж, как поступить [вы полагаете] господа? — сказал полицеймейстер, благотворитель г<орода> и благодетель купечества, и, произведши смешение водки сладкой, горькой, выпил, закусивши.

Человек подал бутылку мадеры и рюмки.

— Я право, не знаю, как поступить, — [сказал председатель].

— Господа, — сказал почтмейстер, выпивши рюмку мадеры и засунувши в рот ломоть голландского сыру с балыком и маслом, — я того мненья, что это дело хорошенько нужно исследовать, разобрать хорошенько, и разобрать камерально [понимаете] сообща, собравшись всем, как в английском парламенте, понимаете, чтобы [это, так сказать,] досконально раскрылось до всех изгибов, понимаете.

— Что ж, соберемся, — сказал полицеймейстер.

— Да, — сказал председатель, — собраться и решить вкупе, что такое Чичиков.

— Это благоразумнее всего решить, что такое Чичиков.

— Да, отберем мненья у всех и решим, что такое Чичиков.

Сказавши это, в одно время все пожелали выпить шампанского и разошлись довольные [по крайней мере] тем, что комитет этот всё объяснит и покажет ясно и досконально, что такое Чичиков.

<Размышления о героях «Мертвых душ»>

Он даже и не задал себе запроса, зачем эти люди попали ему на глаза, как вообще все мы никогда не спрашиваем себя, зачем нас окружили такие-то обстоятельства, а не другие, зачем вокруг нас стали такие-то люди, а не другие, тогда как нет малейшего события в жизни, котор<ое> было даром, и все вокруг в наше наученье и вразумление. Но слова, что Свет есть живая книга, повторяются нами уж как-то особенно бестолково и глупо, так что невольно хочешь сказать даже дурака тому, кто это произносит. Он даже и не задумался над тем, от чего это так, что Манилов, по природе добрый, даже благородный, [без пользы] бесплодно прожил в деревне, ни на грош никому не доставил пользы, опошлел, сделался приторным своею доб<ротою>, а Плут Собакевич, уж вовсе не благородный по духу и чувствам, однако ж не разорил мужиков, не допустил их быть ни пьяницами, ни праздношатайками. И отчего коллежская регистраторша Коробочка, не читавшая и книг никаких, кроме часослова, да и то еще с грехом пополам, не выучась никаким изящным искусствам, кроме разве гадания на картах, умела, однако ж, наполнить рублевиками сундучки, и коробочки и сделать это [без всякого отягощенья мужикам, которые взносили ей все те же деньги] <так>, что порядок, какой он там себе ни был, на деревне все-таки уцелел, Души в ломбард не заложены, а Церковь [на селе] хоть и не [очень] богатая была [однако же] поддержана, и правились и заутрени и обедни исправно. Тогда как иные, живущие по Столицам, даже и Генералы по чину, образованные и начитанные, и тонкого вкуса и примерно человеколю<бивые>, беспрестанно заводящие всякие филантропические заведения, требуют, однако ж, от своих управителей всё денег, не принимая никаких извинений, что голод и неурожай. И все [души] Крестьяне заложены в ломбард и перезаложены, и во все магазины до единого и всем ростовщикам до последнего в городе должны. [Отчего это] так, над этим, Чичиков не задумался, так же, как и многие жители просвещенных городов, которые обыкновенно любят

в этом случае повторить известное изречение: Трудно даже и поверить, какие у нас живут оригиналы во многих губерниях и уездах... Помещики вылетели из Головы Чичикова, даже и сам Ноздрев. Он позабыл то, что наступил ему тот роковой возраст жизни, когда все становится ленивей в человеке, когда нужно его будить, будить, чтоб не заснул навеки. Он не чувствовал того, что [молодого еще кое-как спасае<т> [пылкое ретивое чувство] ретивый пыл] еще не так страш<но> <для> молодого — ретивый пыл юности, [еще гибкая не успевш<ая> застыть] гибкость не успевш<ей> окрепнуть природы бурлят и не дают мельчать чувствам, как начинающему стареть, которого нечувствительно, незаметно обхватывают со всех сторон пошлые привычки света, условия, приличия без дела движущегося общества, которые до того, наконец, все опутают и облекут человека, что и не останется в нем его сам<ого>, а куча только одних принадлежащих свету условий и привычек. А как попробуешь добраться до души, ее уж и нет. [Ка<мень>] Окременевший кус<ок>, и весь превратился человек в страшного Плюшкина, у которого если и выпорхнет иногда что похожее на чувство, то это похоже на последнее усилие утопающего человека.

Комментарии

«Дело, взятое из души...»

I

В мае 1842 года в книжных лавках Москвы и Санкт-Петербурга появилась новинка — книга с затейливым рисунком на обложке, где разными шрифтами было написано: «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя». На желтоватом фоне чередовались разнородные, иногда просто загадочные изображения: домики с колодезным журавлем, бутылки с рюмками, танцующие фигурки, греческие и египетские маски, лиры, сапоги, бочки, лапти, поднос с рыбой, множество черепов в изящных завитках, — а венчала всю эту причудливую картину стремительно несущаяся тройка. В названии бросалось в глаза слово «ПОЭМА», крупными белыми буквами на черном фоне. Рисунок, выполненный самим автором, очевидно, был важен для него, так как повторился и во втором прижизненном издании книги 1846 года.

Символика обложки сложна и имеет множество значений, но даже при первом взгляде на нее очевидна основная мысль автора: поэма должна явить собой многообразие русской жизни, схваченное в как бы случайных, но на самом деле — характерных деталях.

«Мертвые души» и были задуманы как эпическое произведение в трех томах, обнимающее собой «всю Русь» и «все человечество в массе». Поэма осталась незавершенной: вышел в свет только первый том, и после смерти Гоголя были найдены черновые наброски отдельных глав второго. Это в значительной мере затрудняет постижение сокровенного, символического смысла произведения. «Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет "Мертвых душ", — писал Гоголь А. О. Смирновой 25 июля (н. ст.) 1845 года. — Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах... Повторяю вам вновь, что это тайна, и ключ от нее покамест в душе у одного только автора».

Свою тайну Гоголь не унес с собой в могилу. В силу законов художественного творчества автор не в состоянии утаить своего «душевного дела». Ибо, как говорил сам Гоголь, «поэзия есть чистая исповедь души». Ключ к тайне «Мертвых душ» — в самой поэме.

Гоголь любил повторять, что не будут живы его образы, если каждый читатель не почувствует, что они взяты «из того же тела, из которого и мы». Это свойство гоголевских образов — некую «узнаваемость», близость душе каждого из нас — отмечали уже современники писателя.

«Не все ли мы после юности, так или иначе, ведем одну из жизней гоголевских героев? — записал в дневнике А. И. Герцен в июле 1842 года. — Один остается при маниловской тупой мечтательности,

другой буйствует a la Nosdreff, третий — Плюшкин...» «Каждый из нас, — говорил В. Г. Белинский, — какой бы он ни был хороший человек, если вникнет в себя с тем беспристрастием, с каким вникает в других, — то непременно найдет в себе, в большей или меньшей степени, многие из элементов многих героев Гоголя» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М., 1982. С. 312).

Как ни странно, у Герцена и Белинского духовный подход к проблеме: в православной аскетике есть понятие присутствия любого греха в человеке; если он обратится к своей душе, то увидит все... и среди всего — нечто *преобладающее.* Общепризнано, что определяющей чертой гоголевских типов является *пошлость.* Но что такое пошлость? В старом, первоначальном значении, ныне уже утраченном, *пошлый* — обыкновенный, заурядный, ничем не примечательный. В начале шестой главы «Мертвых душ» Гоголь употребляет это слово именно в таком значении. Автор говорит, что прежде, в лета его юности, ему случалось подъезжать к какому-нибудь новому месту и оно представало перед ним своею «не пошлою наружностью».

По словам Гоголя, главное свойство его таланта определил А. С. Пушкин: «Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та *мелочь,* которая ускользает от глаз, мелькнула бы *крупно* в глаза всем». В. Г. Белинский оспорил пушкинское определение дара Гоголя. Особенность таланта Гоголя, утверждал критик, «состоит не в исключительном только даре живописать ярко пошлость жизни, а проникать в полноту и реальность явлений жизни... Ему дался не пошлый человек, а человек вообще, как он есть, не украшенный и не идеализированный» (Там же. Т. 8. С. 313).

Однако чем же тогда пошлый человек отличается от не пошлого? Тот же Белинский писал, что «порядочный человек не тем отличается от пошлого, чтобы он был вовсе чужд всякой пошлости, а тем, что видит и знает, что в нем есть пошлого, тогда как пошлый человек и не подозревает этого в отношении к себе; напротив, емуто и кажется больше всех, что он истинное совершенство» (Там же. С. 312—313). Пошлость у Гоголя — это печать духовного убожества, которое можно найти в каждом человеке. Герои Гоголя пошлы, так как они мертвы духовно. Поэтому своеобразным ключом к смыслу поэмы является ее название.

Прежде всего оно имеет буквальное значение, связанное с сюжетом. Мертвые души — это «товар», который покупает Чичиков, а именно умерших крестьян — души, которые по ревизским сказкам (см. коммент. к с. 33) числятся живыми. Недаром Коробочка жалуется Чичикову: «Народ мертвый, а плати как за живого». Гоголь вкладывает в уста Чичикова и других героев поэмы по отношению к приобретенным душам слово «мертвые» вместо принятого в официальных документах «убылые». В этой связи М. П. Погодин писал

ему 6 мая 1847 года: «“Мертвых душ” в русском языке нет. Есть души ревизские, приписные, убылые, прибылые». Гоголь хотел придать этими словами особенный смысл не только афере Чичикова, но и всему произведению.

Гораздо важнее буквального — иносказательный, метафорический смысл названия поэмы. Мертвые души — это помещики и чиновники, сам Чичиков. Этот смысл был очевиден уже для первых читателей Гоголя. Так, А. И. Герцен записал в дневнике в 1842 году: «...не ревизские — мертвые души, а все эти Ноздревы, Маниловы и tutti quanti (*ит.* все прочие) — вот мертвые души, и мы их встречаем на каждом шагу».

Но есть в названии книги и глубокий *духовный* смысл. Он раскрыт Гоголем в предсмертной записи: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом...» По Гоголю, души его героев не вовсе умерли. В них, как и в каждом человеке, таится подлинная жизнь — образ Божий, а вместе с тем и надежда на возрождение. О том, что такое жизнь и смерть души, говорит один из великих учителей Церкви, преподобный Симеон Новый Богослов: «Христос приходит, и пришествием Своим воскрешает мертвую душу, и дает ей жизнь, и дарует благодать видеть, как Он Сам воскресает в ней и ее воскрешает. Таков закон новой жизни о Христе Иисусе, что Христос Господь благодатию Святаго Духа приходит к нам и воскрешает умерщвленные души наши, и дает им жизнь, и дарует очи видеть Его Самого, бессмертного и нетленного, живущим в нас. Прежде же чем душа соединится с Богом, прежде чем узрит, познает и восчувствует, что воистину соединена с Ним, — она бывает совсем мертва, слепа, бесчувственна; но при всем том, что мертва, все же по естеству своему бессмертна» (*Симеон Новый Богослов, прп.* Творения. Т. 1. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. Слово 29-е. С. 257).

В Толковом словаре В. Даля одно из значений слова «мертвый» — «человек невозрожденный, недуховный, плотской или чувственный». Это значение близко к тому, в котором употребляет данное слово и Гоголь. Например, Манилов ведет жизнь исключительно материальную (плотскую, чувственную), поэтому настоящей жизни (то есть духовной) в нем нет: он мертв, как и другие помещики, как и сам Чичиков.

Выражению «мертвые души» именно Гоголь придал тот специфический смысл, в котором мы употребляем его и сегодня. Однако писатель шел здесь от евангельской традиции, к которой и восходит понимание *мертвой* души как духовно умершей. Гоголевский замысел созвучен христианскому нравственному закону, сформулированному св. апостолом Павлом: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» (1 Кор. 15, 22). С этим связана и главная идея «Мертвых душ» — идея духовного воскресения падшего человека. Ее должен был воплотить в первую очередь главный герой поэмы. «И, может быть, в сем же самом Чичикове... заключено то,

что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес», — предсказывает автор грядущее возрождение своего героя, то есть оживление его души.

Есть основания полагать, что намек на предстоящее нравственное перерождение Павла Ивановича Чичикова содержится уже в самом его имени. В мировоззренческих представлениях Гоголя послания св. апостола Павла, который «всех наставляет и выводит на прямую дорогу» (из письма Гоголя к сестре Ольге Васильевне от 20 января (н. ст.) 1847 года), занимают исключительно важное место. Как известно, апостол Павел был одним из гонителей Христа, а потом стал распространителем христианства по всему миру. (Ср. в «Страшной мести»: «Слышала ли ты про апостола Павла, какой был он грешный человек, но после покаялся и стал святым».)

Было бы, однако, неверным думать, что в последующих томах Гоголь намеревался сделать Чичикова «добродетельным человеком». Гоголевские высказывания на этот счет, как и уцелевшие главы второго тома, не дают оснований для такого заключения. Архимандрит Феодор (Бухарев), не раз беседовавший с Гоголем о его сочинении, в позднейшем примечании к своей книге рассказывает: «Помнится, когда кое-что прочитал я Гоголю из моего разбора “Мертвых душ”, желая только познакомить его с моим способом рассмотрения этой поэмы, то и его прямо спросил, чем именно должна кончиться эта поэма. Он, задумавшись, выразил свое затруднение высказать это с обстоятельностию. Я возразил, что мне только нужно знать, оживет ли, как следует, Павел Иванович? Гоголь как будто с радостию подтвердил, что это непременно будет и оживлению его послужит прямым участием сам Царь, и первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма» (<*Феодор (Бухарев), архим.*> Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1861. С. 138).

По всей вероятности, Гоголь хотел провести своего героя через горнило испытаний и страданий, в результате которых он должен был бы осознать неправедность своего пути. Этим внутренним переворотом, из которого Чичиков вышел бы другим человеком, по-видимому, и должны были завершиться «Мертвые души». Знаменательно, что как в «Ревизоре» настоящий ревизор появляется по повелению царя, так и в поэме в воскрешении героя должен был принять участие сам Государь.

Предполагалось, что возродится душой не только Чичиков, но и другие герои, — даже Плюшкин, может быть, наиболее «мертвый» из всех. На вопрос отца Феодора, воскреснут ли прочие персонажи первого тома, Гоголь отвечал с улыбкой: «Если захотят». Духовное возрождение — одна из высших способностей, дарованных человеку, и, по Гоголю, этот путь открыт всем. Возрождение должно совершиться на основе «коренной природы нашей, нами позабытой», и послужить примером не только для соотечественников, но и для всего человечества.

Гоголь был глубоко оригинален и самобытен в своем творчестве. «У Гоголя не было предшественников в русской литературе, — утверждал В. Г. Белинский, — не было (и не могло быть) образцов в иностранных литературах. О роде его поэзии, до появления ее, не было и намеков» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 123). Впоследствии историками литературы было накоплено немало наблюдений о связи Гоголя с различными литературно-художественными явлениями и авторами — от Гомера и Библии до В. Скотта и малороссийской повести начала XIX века.

И все же вывод Белинского, думается, в значительной мере верен и сейчас. Еще первый биограф Гоголя П. А. Кулиш указывал на важнейший источник необычайной оригинальности его творений — народную стихию, их питающую (см.: <*Кулиш П. А.*> *Николай М.* Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. СПб., 1854. С. 84). В этом, как представляется, и заключается разгадка своеобразия творческой манеры Гоголя, особенностей его поэтики.

С самого начала «Мертвые души» были задуманы в общерусском, общенациональном масштабе. «Начал писать "Мертвых душ"... — сообщал Гоголь А. С. Пушкину 7 октября 1835 года. — Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь». Много позднее, в письме к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 года, Гоголь пояснял замысел своего творения: «Уже давно занимала меня мысль *большого сочиненья*, в котором бы предстало все, что ни есть и хорошего и дурного в русском человеке, и обнаружилось бы пред нами видней *свойство* нашей русской природы».

Воплощение такого грандиозного замысла требовало и соответствующих художественных средств. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1846) Гоголь указал на три источника самобытности, из которых должны черпать вдохновение русские поэты. Это народные песни, пословицы и слово церковных пастырей (в другом месте статьи он называет церковные песни и каноны). Можно с уверенностью сказать, что эти же самые источники имеют первостепенное значение и для эстетики Гоголя. Невозможно понять «Мертвые души» без учета фольклорной традиции и в первую очередь пословичной стихии, пронизывающей всю ткань поэмы.

«Чем более я обдумывал мое сочинение, — писал Гоголь в "Авторской исповеди" (1847), — тем более видел, что не случайно следует мне взять характеры, какие попадутся, но избрать одни те, на которых заметней и глубже отпечатлелись истинно русские, коренные свойства наши». И поскольку в русских пословицах и поговорках наиболее полно выразились важнейшие особенности национального характера, человеческие качества, одобряемые народом или отвергаемые им, в «Мертвых душах» «пословичный» способ обобщения стал одним из важнейших принципов художественной

типизации. Чем более обобщенный вид принимают образные картины и характеристики персонажей, в которых Гоголь выражает сущность того или иного явления, ситуации или человеческого типа, тем более они приближаются к традиционным народно-поэтическим формулам.

Характер Манилова — помещика «без задора», пустопорожнего мечтателя — объясняется так: «Один Бог разве мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан ни в селе Селифан, по словам пословицы». Медвежья натура Собакевича, имевшего «крепкий и на диво стаченный образ», в хозяйстве которого все было «упористо, без пошатки, в каком-то крепком и неуклюжем порядке», находит свое итоговое определение в пословичной формуле: «Эк наградил-то тебя Бог! Вот уж точно, как говорят, неладно скроен, да крепко сшит...»

Характеры эпизодических персонажей поэмы порою полностью исчерпываются пословицами или пословичными выражениями. «Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнет, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо, и хоть бы в рот хмельного». Заседатель Дробяжкин был «блудлив, как кошка...» Мижуев был один из тех людей, которые, кажется, никогда не согласятся «плясать по чужой дудке», а кончится всегда тем, что пойдут «поплясывать как нельзя лучше под чужую дудку, словом, начнут гладью, а кончат гадью».

Гоголь любил выражать заветные свои мысли в пословицах. Идея «Ревизора» сформулирована им в эпиграфе-пословице: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». В сохранившихся главах второго тома «Мертвых душ» важное значение для понимания авторского замысла имеет пословица: «Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит». «Известно, — говорил Гоголь, — что если сумеешь замкнуть речь ловко прибранной пословицей, то сим объяснишь ее вдруг народу, как бы сама по себе ни была она свыше его понятия».

Вводя пословицы в художественную ситуацию «Мертвых душ», Гоголь творчески использует заключенный в них смысл. В десятой главе почтмейстер, сделав предположение, что Чичиков есть «не кто другой, как капитан Копейкин», публично сознался, что совершенно справедлива поговорка: «Русский человек задним умом крепок». «Коренной русской добродетелью» — задним, «спохватным», покаянным умом в избытке наделены и другие персонажи поэмы, но прежде всего Павел Иванович Чичиков.

К этой пословице у Гоголя было свое, особое отношение. Обычно она употребляется в значении «спохватился, да поздно», и крепость задним умом расценивается как порок или недостаток. В Толковом словаре В. Даля находим: «Русак задом (задним умом) крепок»; «Умен, да задом»; «Задним умом догадлив». В его же «Пословицах русского народа» читаем: «Всяк умен: кто сперва, кто опосля»;

«Задним умом дела не поправишь»; «Кабы мне тот разум наперед, что приходит опосля». Но Гоголю было известно и другое толкование этой поговорки. Так, известный собиратель русского фольклора И. М. Снегирев усматривал в ней выражение свойственного русскому народу склада ума: «Что Русский и после ошибки может спохватиться и образумиться, о том говорит его же пословица: "Русский задним умом крепок"» (*Снегирев И.* Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках. Кн. 2. М., 1832. С. 27); «Так в собственно Русских пословицах выражается свойственный народу склад ума, способ суждения, особенность воззрения... Коренную их основу составляет многовековой, наследственный опыт, этот *задний ум,* которым *крепок Русский...*» (*Снегирев И.* Русские народные пословицы и притчи. М., 1848. С. XV).

В размышлениях Гоголя о судьбах родного народа, его настоящем и историческом будущем «задний ум или ум окончательных выводов, которым преимущественно наделен перед другими русский человек», является тем коренным «свойством русской природы», которое и отличает русских от других народов. С этим свойством национального ума, который сродни уму народных пословиц, «умевших сделать такие великие выводы из бедного, ничтожного своего времени... и которые говорят только о том, какие огромные выводы может сделать нынешний русский человек из нынешнего широкого времени, в которое нанесены итоги всех веков», Гоголь связывает высокое предназначение России.

Когда остроумные догадки и сметливые предположения чиновников о том, кто такой Чичиков (тут и «миллионщик», и «делатель фальшивых ассигнаций», и капитан Копейкин), доходят до смешного — Чичиков объявляется переодетым Наполеоном, — автор как бы берет под защиту своих героев. «И во всемирной летописи человечества много есть целых столетий, которые, казалось бы, вычеркнул и уничтожил как ненужные. Много совершилось в мире заблуждений, которых бы, казалось, теперь не сделал и ребенок». Принцип противопоставления «своего» и «чужого», отчетливо ощутимый с первой и до последней страницы «Мертвых душ», выдержан автором и в противопоставлении русского заднего ума ошибкам и заблуждениям всего человечества. Возможности, заложенные в этом «пословичном» свойстве русского ума, должны были раскрыться, по мысли Гоголя, в последующих томах поэмы.

Идейно-композиционная роль данной поговорки в гоголевском замысле помогает понять и смысл «Повести о капитане Копейкине», без которой автор не мыслил себе поэмы.

Повесть существует в трех основных редакциях. Канонической считается вторая, не пропущенная цензурой, которая и печатается в тексте поэмы во всех современных изданиях. Первоначальная редакция отличается от последующих прежде всего своим финалом, где рассказывается о разбойничьих похождениях Копейкина,

его бегстве за границу и письме оттуда Государю с объяснением мотивов своих поступков. В двух других вариантах Повести Гоголь ограничился лишь намеком, что капитан Копейкин стал атаманом шайки разбойников. Возможно, писатель предчувствовал цензурные затруднения. Но не цензура, думается, была причиной отказа от первой редакции. В своем первоначальном виде Повесть хотя и проясняла главную мысль автора, тем не менее не вполне отвечала идейно-художественному замыслу поэмы.

Принято считать, что под давлением цензуры Гоголь вынужден был приглушить сатирические акценты Повести, ослабить ее политическую тенденцию и остроту — «выбросить весь генералитет», сделать менее привлекательным образ Копейкина и так далее. Из писем Гоголя явствует, однако, что эпизод с Копейкиным был важен ему вовсе не тем, чему придавали значение петербургские цензоры. Писатель без колебаний идет на переделку всех предполагаемых «предосудительных» мест, могущих вызвать неудовольствие цензуры.

Во всех трех известных редакциях Повести сразу же после пояснения, кто такой капитан Копейкин, следует указание на главное обстоятельство, вынудившее Копейкина самому добывать себе средства: «Ну, тогда еще не сделано было насчет раненых никаких, знаете, эдаких распоряжений; этот какой-нибудь инвалидный капитал был уже заведен, можете представить себе, в некотором роде, гораздо после». Таким образом, инвалидный капитал, обеспечивавший раненых, был учрежден, да только уже после того, как капитан Копейкин сам нашел себе средства. Причем, как это следует из первоначальной редакции, средства эти он берет из «казенного кармана». Шайка разбойников, которой предводительствует Копейкин, воюет исключительно с казной. «По дорогам никакого проезда нет, и все это собственно, так сказать, устремлено на одно только казенное. Если проезжающий по какой-нибудь своей надобности — ну, спросят только: “зачем?” — да и ступай своей дорогой. А как только какой-нибудь фураж казенный, провиант или деньги — словом, все что носит, так сказать, имя казны, — спуска никакого».

Видя «упущение» с Копейкиным, Государь «издал строжайшее предписание составить комитет исключительно с тем, чтобы заняться улучшением участи всех, то есть раненых...» Высшие государственные власти в России, и в первую очередь сам Государь, способны, по Гоголю, сделать правильные выводы, принять мудрое, справедливое решение, да вот только не сразу, а «опосля». Раненых обеспечили так, как ни в каких «других просвещенных государствах», но только тогда, когда гром уже грянул... Капитан Копейкин подался в разбойники не из-за черствости высоких государственных чинов, а из-за того, что так уж на Руси все устроено, задним умом крепки все, начиная с почтмейстера и Чичикова и кончая Государем.

Готовя рукопись к печати, Гоголь сосредоточивает внимание прежде всего на самой «ошибке», а не на ее «исправлении». Отказавшись от финала первоначальной редакции, он сохранил нужный ему смысл Повести, но изменил в ней акценты. В окончательном варианте крепость задним умом в соответствии с художественной концепцией первого тома представлена в своем негативном, иронически сниженном виде. Способность русского человека и после ошибки сделать необходимые выводы и исправиться должна была, по мысли Гоголя, в полной мере реализоваться в последующих томах.

В общем замысле поэмы сказалась причастность Гоголя к народной философии. Народная мудрость неоднозначна. Своей настоящей, подлинной жизнью пословица живет не в сборниках, а в живой народной речи. Смысл ее может меняться в зависимости от ситуации, в которой она употребляется. Подлинно народный характер гоголевской поэмы заключается не в том, что в ней обилие пословиц, а в том, что автор пользуется ими в соответствии с их бытованием в народе. Оценка писателем того или иного «свойства русской природы» всецело зависит от конкретной ситуации, в которой это «свойство» проявляется. Авторская ирония направлена не на само свойство, а на его реальное бытие.

В анекдотических ситуациях, «вставных» эпизодах, пословицах Гоголь рассыпает «подсказки» читателю. Но всего этого ему как будто кажется недостаточно. Наконец, содержание первого тома он обобщает в маленькой лаконичной притче, сводя все многообразие героев поэмы к двум персонажам.

«...Жили в одном отдаленном уголке России два обитателя. Один был отец семейства, по имени Кифа Мокиевич, человек нрава кроткого, проводивший жизнь халатным образом. Семейством своим он не занимался; существованье его было обращено более в умозрительную сторону и занято следующим, как он называл, философическим вопросом: “Вот, например, зверь, — говорил он, ходя по комнате, — зверь родится нагишом. Почему же именно нагишом? Почему не так, как птица, почему не вылупливается из яйца? Как, право, того: совсем не поймешь натуры, как побольше в нее углубишься!” Так мыслил обитатель Кифа Мокиевич».

Для поэтики «Мертвых душ» чрезвычайно характерен язык художественных ассоциаций, скрытых аналогий и уподоблений, к которому постоянно прибегает автор. Не случайно Кифа Мокиевич занят философическим вопросом о рождении зверя из яйца. Этот гоголевский образ очень хорошо «укладывается» в известное пословичное выражение о «выеденном яйце» и создан, в сущности, как развертывание этого выражения, как реализация пословичной метафоры. В то время как «теоретический философ» Кифа Мокиевич занимается разрешением вопроса, не стоящего и выеденного яйца, его сын, богатырь Мокий Кифович, проявляет себя соответствующим образом на поприще практической деятельности.

«Был он то, что называют на Руси богатырь, — говорится в притче о Мокии Кифовиче, — и в то время, когда отец занимался рожденьем зверя, двадцатилетняя плечистая натура его так и порывалась развернуться. Ни за что не умел он взяться слегка: все или рука у кого-нибудь затрещит, или волдырь вскочит на чьем-нибудь носу. В доме и в соседстве все, от дворовой девки до дворовой собаки, бежало прочь, его завидя; даже собственную кровать в спальне изломал он в куски. Таков был Мокий Кифович...»

Образ Мокия Кифовича также восходит к фольклорной традиции. В одном из черновых вариантов притчи, где этот персонаж назван еще Иваном Мокиевичем, Гоголь прямо указывает на народно-поэтический первоисточник образа: «Обращик Мокиевича — Лазаревич...» (имеется в виду «Повесть о Еруслане Лазаревиче»). В основу образа Мокия Кифовича положены черты этого сказочного героя, ставшего символом русского национального богатыря. «И как будет Уруслан десяти лет, выдет на улицу: и ково возмет за руку, из того руку вырвет, а ково возмет за ногу, тому ногу выломат».

Традиционный эпический образ, широко известный по народным источникам, Гоголь наполняет нужным ему «современным» смыслом. Наделенный необыкновенным даром — невиданной физической силой — Мокий Кифович растрачивает его попусту, причиняя одно беспокойство и окружающим, и самому себе. Понятно, что речь в притче идет не об отрицании свойств и особенностей ее персонажей, а скорее об их недолжном проявлении. Плохо не то, что Кифа Мокиевич мыслитель, а Мокий Кифович — богатырь, а то, как именно они используют данные им от природы свойства и качества своей натуры. «Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? — восклицает автор в патетическом размышлении о Руси. — Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?»

Завершая первый том поэмы, Гоголь недаром обращается к иносказательной форме повествования — притче. «Красна речь с притчею», — гласит русская пословица. В контексте всего первого тома гоголевская притча приобретает особое, ключевое значение для восприятия поэмы. Вырастая в символ обобщающего значения, ее персонажи концентрируют в себе важнейшие, родовые черты и свойства других персонажей «Мертвых душ».

Философски-умозрительно — в духе Кифы Мокиевича — существование Манилова: «Дома он говорил очень мало и большею частью размышлял и думал... Хозяйством нельзя сказать, чтобы он занимался, он даже никогда не ездил на поля, хозяйство шло как-то само собою». О чем размышляет Манилов, в бесплодных мечтаниях издерживающий жизнь свою? О подземном ходе, мосте через пруд с лавками для крестьян, о том, как было бы хорошо «под тенью какого-нибудь вяза пофилософствовать о чем-нибудь, углубиться!..»

Неуклюжий Собакевич, подобно Мокию Кифовичу, не умеющему ни за что взяться слегка, уже «с первого раза» наступил Чичикову на ногу, сказавши: «Прошу прощения». О сапоге этого «на диво сформированного помещика» сказано, что он был «такого исполинского размера, которому вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особливо в нынешнее время, когда и на Руси начинают выводиться богатыри».

Образ Собакевича, унаследовавшего от своих древних предков недюжинную физическую силу и поистине богатырское здоровье («пятый десяток живу, ни разу не был болен»), создан с пародийным использованием традиционных элементов сказочной поэтики. Этот современный российский богатырь, совершающий свои подвиги за обеденным столом, съедает сразу целую «половину бараньего бока», ватрушки у него «каждая была гораздо больше тарелки», «индюк ростом в теленка». «У меня когда свинина — всю свинью давай на стол, баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся!»

Сам человек здоровый и крепкий, практичный помещик, Собакевич, «казалось, хлопотал много о прочности». Но практичность этого рачительного хозяина оборачивается самым настоящим расточительством. «На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновесные и толстые бревна, определенные на вековое стояние... Даже колодец был обделан в такой крепкий дуб, какой идет только на мельницы да на корабли».

Гротескно-выразительные образы Кифы Мокиевича и Мокия Кифовича помогают оглядеть героев поэмы со всех сторон, а не с одной только стороны, где они мелочны и ничтожны. «Все можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен, — писал Гоголь в статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности». — Но надобно смотреть на вещь в ее основании и на то, чем она должна быть, а не судить о ней по карикатуре, которую из нее сделали... Много есть таких предметов, которые страждут из-за того, что извратили смысл их; а так как вообще на свете есть много охотников действовать сгоряча, по пословице: "Рассердясь на вши, да шубу в печь", то через это уничтожается много того, что послужило бы всем на пользу».

Герои Гоголя вовсе не обладают заведомо отвратительными, уродливыми качествами, которые необходимо полностью искоренить для того, чтобы исправить человека. Богатырские свойства и практичность Собакевича, хозяйственная бережливость Плюшкина, созерцательность и радушие Манилова, молодецкая удаль и энергия Ноздрева — качества сами по себе вовсе не плохие и отнюдь не заслуживают осуждения. Но все это, как любил выражаться Гоголь, льется через край, доведено до излишества, проявляется в извращенной, гипертрофированной форме.

Обратимся теперь к Чичикову. В нем соединение всех «задоров» гоголевских героев. Ему автор заглядывает глубоко в душу,

подчас передоверяет свои задушевные мысли. Еще в детстве Павлуша обнаружил «большой ум со стороны практической». Выказывая «прямо русскую изобретательность» и удивительную «бойкость в деловых делах», Павел Иванович всю жизнь занимался делом. В наиболее концентрированной, афористической форме эта черта главного героя поэмы выражена в его «пословичном» монологе: «...зацепил — поволок, сорвалось — не спрашивай. Плачем горю не пособить, нужно дело делать». «Делом» именуется в поэме и афера Чичикова с мертвыми душами. Весь свой незаурядный практический ум, волю в преодолении препятствий, знание людей, упорство в достижении цели этот неутомимый и хитроумный русский Одиссей растрачивает в деле... не стоящем выеденного яйца. Именно так говорит о своем «деле» Чичиков, выведенный из себя непонятливостью Коробочки: «Есть из чего сердиться! Дело яйца выеденного не стоит, а я стану из-за него сердиться!»

Приобретение «херсонского помещика» расценивается чиновниками как «благое дело». По словам самого Чичикова, он «стал наконец твердой стопою на прочное основание» и «более благого дела не мог бы предпринять». На чем же пытается основать свое благополучие Павел Иванович? На мертвых душах! На том, чего нет, что ничего не стоит, чего быть не может! На пустоте. Тщета предприятий и замыслов Чичикова в том, что все они лишены духовного основания. Путь Чичикова бесплоден. Бесплодность эта и выражается через мудрость народного изречения о деле, не стоящем выеденного яйца. Эта пословица впервые появляется задолго до финала первого тома, и ею же Гоголь подводит итог делу Чичикова. И этот традиционный народный вывод, венчающий похождения героя, содержит в себе и приговор ему, и возможность, по мысли автора, его грядущего возрождения. Недаром во втором томе Муразов повторяет про себя: «Презагадочный для меня человек Павел Иванович Чичиков. Ведь если бы с этакой волей и настойчивостью, да на доброе дело!»

Художественному мышлению Гоголя свойственны архитектурные ассоциации. Хорошо известно его сравнение «Мертвых душ» с «дворцом, который задуман строиться в колоссальных размерах». В связи с этим становится понятным и упоминание о двух обитателях отдаленного уголка России, которые «нежданно, как из окошка, выглянули в конце нашей поэмы». Продолжая метафору писателя, можно сказать, что притча — это окошко, позволяющее заглянуть в глубину художественного мира его книги.

Сходный образ встречается в статье Гоголя «Шлецер, Миллер и Гердер» (1834): «Может быть, некоторым покажется странным, что я говорю о Шлецере как о великом зодчем всеобщей истории, тогда как его мысли и труды по этой части улеглись в небольшой книжке, изданной им для студентов, — но эта маленькая книжка принадлежит к числу тех, читая которые, кажется, читаешь целые томы; ее можно сравнить с небольшим окошком, к которому

приставивши глаз поближе, можно увидеть весь мир. Он вдруг осеняет светом и показывает, как нужно понять, и тогда сам собою наконец видишь все».

Гигантский замысел соответствовал необъятности темы, положенной в его основу. Тема эта — познание всей России. Начиная работать над вторым томом, Гоголь (живший тогда за границей) обращается к друзьям с неустанными просьбами присылать ему материалы и книги по истории, географии, фольклору, этнографии, статистике России, русские летописи и в особенности «воспоминания о тех характерах и лицах, с которыми случилось кому встретиться на веку, изображения тех случаев, где пахнет Русью».

В это же время он задумывает книгу о географии России. Любопытно, что во втором томе поэмы эти гоголевские штудии в ироническом преломлении отозвались в сочинении, которое пишет Тентетников, — оно «долженствовало обнять всю Россию со всех точек — с гражданской, политической, религиозной, философической, разрешить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временем, и определить ясно ее великую будущность — словом, большого объема».

В письмах 1840-х годов Гоголь настойчиво проводит мысль, что для продолжения поэмы и достижения ее главной цели необходимо конкретное изучение русского быта, экономики, обычаев — и самим автором, и всеми окружающими: «Велико незнанье России посреди России».

Но главный путь к постижению России — познание природы русского человека. Каков же, по Гоголю, путь этого познания? «Я видел ясно, как дважды два четыре, — писал он в "Авторской исповеди", — что прежде, покамест не определю себе самому определительно, ясно высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши, мне нельзя приступить; а чтобы определить себе русскую природу, следует узнать получше природу человека вообще и душу человека вообще...» Но познание «души человека вообще» оказывается невозможным без познания самого себя. Как писал Гоголь графу А. П. Толстому, «найди только прежде ключ к своей собственной душе, когда же найдешь, тогда этим же ключом отопрешь души всех». Анализ своей же собственной души привел Гоголя к убеждению, что «говорить и писать о высших чувствах и движеньях человека нельзя по воображенью: нужно заключить в себе самом хотя небольшую крупицу этого, словом — нужно сделаться лучшим».

Таков путь, который предстоит преодолеть Гоголю в ходе осуществления своего замысла: познание России через русский национальный характер, человеческую душу вообще и свою собственную в частности. Так работа над «Мертвыми душами» стала для Гоголя его «душевным делом».

По Гоголю, национальный характер не есть нечто раз и навсегда данное, неподвижное. Имея некоторые вечные, «субстанциальные» черты, он формируется и видоизменяется под влиянием определенных географических и исторических условий. «Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму, — говорил Гоголь, — еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней». И потому главная задача для художника национального масштаба, каким был Гоголь, — показать все «достоинства и недостатки наши», чтобы воспитать первые и избавиться от вторых.

Да и сама Россия мыслится Гоголем тоже в развитии, как и национальный характер. Мотив движения, дороги, пути пронизывает всю поэму. Действие развивается по мере путешествия Чичикова. «Пушкин находил, что сюжет "Мертвых душ" хорош для меня тем, — вспоминал Гоголь, — что дает полную свободу изъездить вместе с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров».

Дорога в поэме предстает прежде всего в своем прямом, реальном значении — это проселки, по которым колесит чичиковская бричка, — то ухабы, то пыль, то непролазная грязь. Огромны пространства России, здесь можно и заблудиться: Чичиков ехал к Собакевичу, попал к Коробочке, «дороги расползались во все стороны, как пойманные раки...» В знаменитом лирическом отступлении одиннадцатой главы эта дорога с несущейся бричкой неприметно превращается в фантастический путь, по которому летит Русь среди других народов и государств. Неисповедимые пути русской истории («Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа») пересекаются с путями мирового развития: «Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины...» Кажется, что это те самые дороги, по которым плутает Чичиков. Символично, что из захолустья Коробочки Чичикова выводит на дорогу неграмотная девчонка Пелагея (есть здесь и определенная перекличка с «Капитанской дочкой»), не знающая, где право, где лево. Так и конец пути, и его цель неведомы самой России, движущейся неизвестно куда по какому-то наитию («мчится вся вдохновенная Богом!..»).

В образе дороги воплощен и житейский путь Чичикова («но при всем том трудна была его дорога...»), и творческий путь автора: «И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями...» Но самое главное — дорога прообразует собой путь духовного восхождения героев, всего человечества и самого автора. Один из любимейших символических образов Гоголя — образ лестницы (по-церковнославянски — «лествица»), имеющий богатейшую мировую традицию. Лестница — это, собственно говоря, дорога вверх. В «Мертвых душах» она предстает в виде символической лестницы, ведущей человеческую душу к совершенству.

Итак, в движении, развитии находится не только Россия, но и сам автор. Судьба его неразрывно связывается с судьбой поэмы и судьбой страны. «Мертвые души» должны были разрешить загадку исторического предназначения России и загадку жизни их автора. Отсюда — эта немыслимая творческая дерзость в патетическом обращении Гоголя к России: «Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?..» Эти слова в свое время вызвали немало нареканий на автора. Но прав был Н. Г. Чернышевский, который утверждал: «Давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России» (*Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1947. Т. 3. С. 11).

Владимир Воропаев

II

Уже первые читатели «Мертвых душ» почувствовали, что имеют дело с произведением, скрывающим в себе какую-то тайну. Сам Гоголь в 1842 году, спустя три месяца после выхода в свет первого тома, писал о восприятии поэмы в читательских кругах С. Т. Аксакову: «...еще не раскусили, в чем дело... не узнали важного и главнейшего... Ваше мнение: нет человека, который бы понял с первого раза “Мертвые души”, совершенно справедливо и должно распространиться на всех, потому что многое может быть понятно одному только мне». Спустя пять лет, в «Авторской исповеди», он вновь отмечал, что первый том «составляет еще поныне загадку» для читателя. Прошло еще тридцать лет, и Ф. М. Достоевский, как бы подытоживая недоумения современников по поводу героев «Мертвых душ», писал: «Эти изображения, так сказать, почти давят ум глубочайшими непосильными вопросами, вызывают в русском уме самые беспокойные мысли, с которыми, чувствуется это, справиться можно далеко не сейчас; мало того, еще справишься ли когда-нибудь?» (*Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1876 // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972—1990. Т. 22. С. 106).

Позднее, спустя еще полвека, В. В. Зеньковский (известный впоследствии богослов, профессор и священник), как бы перенимая слово у Достоевского, заключал: «Гоголь, как мыслитель, еще более закрыт от нас его художественным творчеством, чем это можно сказать о Ф. М. Достоевском...» (*Зеньковский В. В., проф. прот.* Русские мыслители и Европа. (Критика европейской культуры у русских мыслителей). Париж, <1926>. С. 63). «Если о Достоевском и его миросозерцании написан уже ряд исследований, то о Гоголе, как мыслителе, имеются лишь отрывочные замечания: миросозерцание Гоголя никогда еще не было анализировано в целом... У нас до сих пор еще мало замечают за реалистичностью творчества Гоголя субъективные корни его образов; мало знают и мировоззрение Гоголя, изучение которого по-новому освещает и художественное его творчество» (*Зеньковский В. В., проф. прот.* Гоголь и Достоевский // О Достоевском. Прага, 1929. С. 65, 75).

Вывод этот во многом сохраняет свое значение и поныне. «...Мои сочинения... — замечал в 1843 году Гоголь по поводу желания публики видеть продолжение “Мертвых душ”, — писаны долго, в обдумывании многих из них прошли годы, а потому не угодно ли читателям моим тоже подумать о них на досуге и всмотреться пристальней» (письмо к Н. Я. Прокоповичу от 28 мая (н. ст.). Один из первых биографов Гоголя П. В. Анненков писал 13 октября (н. ст.) 1880 года М. Е. Салтыкову-Щедрину: «...Гоголь... на требования друзей о выпуске 2-й части “Мертвых душ” отвечал: пускай раскусят хорошенько первую. Литература, как сено: прессованное и в кольцо свернутое долее держится» (*Щедрин Н. (М. Е. Салтыков).* Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 19. С. 425).

«Загадочность» гоголевского творчества — проблема не только литературная. С завершением «Мертвых душ», задуманных как широкое эпическое полотно в трех томах, Гоголь предполагал не только раскрыть «тайну» его «поэмы», но и разрешить «загадку» всей своей жизни, которую связывал с «подвигом во имя любви к братьям» — об этом он писал в 1842 году друзьям А. С. Данилевскому, В. А. Жуковскому, С. Т. Аксакову. 9 мая 1842 года он сообщал Данилевскому: «Через неделю после этого письма ты получишь отпечатанные "Мертвые души", преддверие немного бледное той великой поэмы, которая строится во мне и разрешит, наконец, загадку моего существования». 26 июня (н. ст.) в письме к Жуковскому он повторял: «Посылаю вам Мертвые души. Это первая часть... Я переделал ее много с того времени, как читал вам первые главы, но все однако же не могу не видеть ее малозначительности в сравнении с другими, имеющими последовать ей частями... Чище горнего снега и светлей небес должна быть душа моя, и тогда только я приду в силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрешится загадка моего существованья». Позднее, в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу "Мертвых душ"», опубликованных в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», на вопрос о том, почему его герои, «будучи далеки от того, чтобы быть портретами действительных людей, неизвестно почему близки душе», Гоголь отвечал: «...все мои последние сочинения — история моей собственной души». В статье «О Современнике» он еще раз подчеркивал: «У меня никогда не было стремленья быть отголоском всего и отражать в себе действительность, как она есть... Все мною написанное замечательно только в психологическом значении...»

В исследовательской литературе давно уже делались попытки как-то объяснить эти гоголевские высказывания. В частности, С. А. Венгеров в 1913 году, приводя ряд фактов биографии писателя, выдвинул весьма смелое предположение, (перешедшее тут же в утверждение, что Гоголь «совсем не знал русской действительности»), что в основе «Ревизора» и «Мертвых душ» почти нет реальных наблюдений, и великорусский быт, Россию, русскую провинцию писатель «не только не наблюдал, но даже и возможности наблюдать не имел» (*Венгеров С. А.* Гоголь совсем не знал русской действительности // Собр. соч. СПб., 1913. Т. 2. С. 133, 136).

Справедливости ради можно сказать, что некоторые основания для такого вывода у исследователя были. Еще в 1830 году Гоголь на предположение матери, что роман А. К. Бошняка и П. П. Свиньина «Ягуб Скупалов» написан им — ее сыном, отвечал: «Сфера действия этого романа во глубине России, где до сих пор еще и нога моя не была. Если бы я писал что-нибудь в этом роде, то верно бы избрал для этого Малороссию, которую я знаю, нежели страны и людей, которых я не знаю ни нравов, ни обычаев, ни занятий» (письмо от 19 декабря 1830 года). С 1829 года вплоть до отъезда за границу в 1836 году Гоголь, не считая двух летних поездок на родину

в 1832 и 1835 годах, прожил почти все время в Петербурге. А 15 мая 1836 года, будучи уже за границей, признавался М. П. Погодину: «Провинция уже слабо рисуется в моей памяти, черты ее уже бледны...» Современные Гоголю критики — из его недоброжелателей — Ф. В. Булгарин, Н. И. Греч, О. И. Сенковский, Н. А. Полевой, барон Е. Ф. Розен — также отрицали сходство гоголевских изображений с отечественной действительностью. Да и сам Гоголь, получив известие о переводе первого тома «Мертвых душ» на немецкий язык, писал 8 января (н. ст.) 1846 года Н. М. Языкову: «...этому сочинению неприлично являться в переводе ни в каком случае до времени его окончания, и я бы не хотел, чтобы иностранцы впали в такую глупую ошибку, в какую впала большая часть моих соотечественников, принявшая “Мертвые души” за портрет России».

И все-таки суждение С. А. Венгерова и некоторых современников Гоголя о том, что писатель «не знал русской действительности», нельзя признать справедливым. «Если Гоголь (по собственному его смиренному сознанию) *не вполне* знал Россию, — замечал в 1852 году Г. П. Данилевский, полемизируя с Ф. В. Булгариным, — то кто же из нас может таким знанием похвалиться... По крайней мере, сравнительно, едва ли кто так художественно, так многосторонне взглянул на Россию, как Гоголь» (*<Данилевский Г. П.>* Отзыв провинциала на статью о Гоголе, помещенную в «Северной Пчеле», № 87 // Московские Ведомости. 1852. № 75. 21 июня). Цензор А. В. Никитенко в 1842 году писал Гоголю: «Какой глубокий взгляд на самые недра нашей жизни!.. и что это будет, когда все вы кончите... тут выйдет полная великая эпопея России XIX века». Реалистичность гоголевских картин отмечали и другие критики сразу по прочтении «Мертвых душ». Это безоговорочно признавали в поэме К. С. Аксаков, Н. М. Языков, Н. Д. Мизко, с оговорками — М. Сорокин, С. П. Шевырев и др. Сами гоголевские произведения свидетельствуют о том, что мало было на Руси писателей, кто обладал бы таким даром наблюдательности и так знал Россию, как Гоголь. На этот счет применительно к «Мертвым душам» имеются собственные гоголевские высказывания.

12 ноября (н. ст.) 1836 года Гоголь писал В. А. Жуковскому из Парижа: «Мертвые текут живо, свежее и бодрее, чем в Веве, и мне совершенно кажется, как будто я в России: передо мною все наши, наши помещики, наши чиновники, наши офицеры, наши мужики, наши избы, словом, вся православная Русь». В «Авторской исповеди» Гоголь признавался: «Я никогда ничего не создавал в воображении и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных мне известных... Чем более вещей принимал я в соображенье, тем у меня верней выходило созданье». По «мелочам и подробностям», замечал Гоголь в письме к А. О. Смирновой от 27 января (н. ст.) 1846 года, ему удавалось «узнать многое... в человеке, вовсе *не мелочное*, которое иногда он не только не открывает другим, но и сам не знает».

Одна из особенностей реализма Гоголя, вероятно, в том и заключалась, что душевное состояние человека он постигал и изображал через окружающий быт, и в частности через «страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь», на что прямо указывал в начале седьмой главы первого тома «Мертвых душ». Внешний реалистический рисунок потому и был так убедителен в его созданиях, что скрывал в себе правду более глубокую — душевную. Не случайно Пушкин, «который так знал Россию», тоже принял «Мертвые души» — «*дело, взятое из души*», — за «портрет России». В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь вспоминал: «...когда я начал читать Пушкину первые главы из М<ертвых> д<уш>, в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении... начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец сделался совершенно мрачен. Когда же чтенье кончилось, он произнес голосом тоски: "Боже, как грустна наша Россия!" Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тут-то я увидел, что значит дело, взятое из души, и вообще душевная правда...»

Это особое свойство гоголевского реализма, сочетающее глубокое проникновение в тончайшие излучины души с реалистическим бытописанием, хорошо поясняют строки самого Гоголя из его рецензии 1836 года для пушкинского «Современника», где он настаивает на притчеобразном характере современных «романов и повестей»: «Живой пример сильнее рассуждения, и никогда мысль не кажется так высока... как когда... разрешается пред нами живым, знакомым миром...» Спустя десять лет, в письме к А. О. Смирновой от 22 февраля (н. ст.) 1847 года, Гоголь повторял: «Не будут живы мои образы, если я не сострою их из нашего материала, из нашей земли, так что всяк почувствует, что это из его же тела взято. Тогда только он проснется и тогда только может сделаться другим человеком. Друг мой, вот вам исповедь литературного труда моего».

Между тем парадоксальное и заостренное до крайности утверждение С. А. Венгерова, что Гоголь «не знал русской действительности» (а знал только Петербург и Малороссию), как будто опять находит себе фактическое подтверждение в том, что герои-помещики первого тома «Мертвых душ» поразительно напоминают собой «пепельных» обитателей *петербургской* Коломны, изображенных Гоголем за год до начала работы над поэмой в повести «Портрет». «Здесь ничто не похоже на столицу, но вместе с этим не похоже и на провинциальный городок, — замечал Гоголь в повести о "нравах" и "занятиях" жителей Коломны, — потому что раздробленность многосторонней и, если можно сказать, цивилизованной жизни проникла и сюда и сказалась в таких тонких мелочах, какие может только родить многолюдная столица».

Обобщающая характеристика этих «полу-петербургских» героев — «они похожи на серенький день... когда на небе бывает ни се, ни то...» (в письме к матери от 30 апреля 1829 года Гоголь распространял эту характеристику и на весь Петербург) — прямо перекликается со строками поэмы о характере Манилова, который принадлежал к роду людей, «известных под именем: люди так себе, ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан...» (тут, при характеристике Манилова, «даже самая погода... прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета...»).

«Самые солидные» обитательницы Коломны — «вдовы-чиновницы» с их толками о «дороговизне», «гадкой собачонкой и старинными часами» — явно напоминают «коллежскую секретаршу» Коробочку с ее сторожевыми собаками, шипящими часами и беспокойством о ценах.

«За ними следуют актеры... народ свободный, как все артисты, живущие для наслаждения. Они... играют с пришедшим приятелем в шашки или в карты... примешивая к тому часто пунш». Под эту характеристику вполне подходит Ноздрев, игрок и в карты и в шашки, всем приятель и собутыльник.

«После этих тузов... — заключал Гоголь в "Портрете" перечисление коломенских обитателей, — следует необыкновенная дробь и мелочь; и для наблюдателя так же трудно сделать перечень всем лицам... как поименовать все то множество насекомых, которые зарождаются в старом уксусе... Старухи... старухи... старухи... которые... таскают с собою старые тряпья...» Эти слова как бы прямо указывают на старика Плюшкина, тем более что с насекомыми, зарождающимися в «старом уксусе», перекликается находящаяся в его заваленной тряпьем и хламом комнате «рюмка с какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмом».

Над всем этим «осадком» столицы возвышается в «Портрете» «капиталист»-ростовщик Петромихали — так же, как «кулак» Собакевич своей фигурой выделяется из всех героев «Мертвых душ».

Интересно еще одно наблюдение, сделанное еще в 1896 году В. И. Шенроком (см.: Соч. Н. В. Гоголя. 10-е изд. СПб., 1896. Т. 7. С. 487). Описание выезда Чичикова из губернского города NN во второй главе первого тома «Мертвых душ» почти совпадает с начальными строками черновой редакции статьи «Петербургские записки 1836 года», в основу которой были положены путевые записки Гоголя, сделанные при выезде *из Петербурга* весной 1835 года.

Черновые наброски «Петербургских записок 1836 года» начинаются фразой: «Эх, куда забросило русскую столицу! В Чухну, на край света, [сказал я, оборотив<шись>] назад, когда низенький и ровный Петербург утонул и пошли писать по обеим сторонам дороги кочки, обгорелые пни сосен, молодой ельник, торчавший как попало по какому-то серозеленому грунту. Как стрела летит шоссе сквозь это безбрежное пространство, пространство высохшего

болота. Крепче завернусь в мою бурку, зажмурю глаза. Бог с ними, с этими видами! На Руси их так много, что уж даже слишком».

Начало первой сохранившейся редакции первого тома «Мертвых душ», повествующее о выезде Чичикова из губернского города NN, дословно повторяет это описание отъезда из Петербурга автора «Петербургских записок...»: «Едва только выехал он за город, как пошла писать по нашему Рус<с>кому обычаю чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен и обгорелые стволы старых и тому подобный вздор... [На все это Чичиков, впрочем, не глядел, зная, что таких видов много на Руси.] Виды известные» (*РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 13. Л. 1).

По-видимому, в основу обоих этих отрывков Гоголем были положены его путевые впечатления, относящиеся к концу апреля 1835 года. 26 апреля этого года Гоголь выехал из Петербурга на родину, 1—2 мая был уже в Москве. Согласно этому сравнению, город NN в «Мертвых душах» — имеющий, несомненно, обобщающий, собирательный характер, но не лишенный и определенного географического «адреса» — расположенный ближе к Москве, но дальше от Казани (как это следует из замечаний «русских мужиков» в первой главе), — вобрал в себя немало петербургских впечатлений Гоголя.

И все-таки, думается, не о «незнании» Гоголем русской действительности свидетельствует то обстоятельство, что герои «Мертвых душ» напоминают изображенные им ранее петербургские типы.

Разгадка указанного соответствия кроется, видимо, в том, что рисует Гоголь в первом томе поэмы не столько саму русскую жизнь, сколько ее болезни и «уродства» — подобно тому, как, по его словам, А. С. Грибоедов изобразил в героях «Горя от ума» «русских уродов, временных, преходящих лиц». А потому, в соответствии со столичными прообразами «Портрета», не русское, а отклонение от русского — чаще всего «цивилизованное», западное, уродливо привившееся на русской почве, — и олицетворяют собой герои «Мертвых душ». Сообщая в январе 1842 года М. П. Балабиной о своих впечатлениях по приезде в Россию, Гоголь писал: «Вижу знакомые, родные лица; но они, мне кажется, не здесь родились, а где-то их в другом месте, кажется, видел...» В «Авторской исповеди», как бы подсказывая характер изображения русской провинции в «Мертвых душах», он также писал о своих приездах в Россию в период создания первого тома: «Провинции наши меня... изумили. Там даже имя Россия не раздается на устах. Раздавалось, как мне показалось, на устах только то, что было прочитано в новейших романах, переведенных с французского». Такими «переводами с французского» и являются в большинстве своем герои «Мертвых душ», «принявшие добровольно к себе в домы... чужеземных врагов... страшных врагов душевных».

Словно поясняя свое позднейшее признание в письме к А. О. Смирновой о том, что «вовсе не губерния и не несколько

уродливых помещиков... есть предмет “Мертвых душ”», Гоголь в восьмой главе первого тома поэмы, говоря о «блистательных» нарядах провинциальных губернских дам, замечал: «...кажется, как будто на всем было написано: нет, это не губерния, это столица, это сам Париж!». В письме к графу В. Д. Олсуфьеву от конца августа — сентября 1850 года Гоголь писал: «Сочинение мое “ Мертвые души” долженствует обнять природу русского человека во всех ее силах. Из этого сочинения вышла в свет одна только часть, содержащая в себе осмеянье всего того, что несвойственно нашей великой природе, что ее унизило...» Не случайно Д. Н. Свербеев, как бы угадывая этот авторский замысел, в письме к Н. М. Языкову от 2 января 1843 года, замечал, что «“Мертвые души” не нравятся, во-первых, всем мертвым душам, в которых западное воспитание и западный образ жизни умертвили всякое русское чувство» (*Шенрок В.И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1896. Т. 4. С. 104). В 1913 году критик Ф. Д. Батюшков, возражая Венгерову, писал: «Сколько бы ни было шаржа и “гиперболизма” в творчестве Гоголя, сколько бы ни склонен он был внешний опыт заменять углублением в себя, объективированием своих свойств и наклонностей, сколько бы он ни умел угадывать по интуиции, — утверждение, что “Гоголь *совершенно* не знал реальной русской жизни”, представляется нам парадоксом. Он почти не знал провинции в Центральной и Северной России; но разве Петербург — уже не есть Россия...» (*Батюшков Ф.* Знал ли Гоголь Россию? // Речь. 1913. 3 ноября. № 301. С. 2).

«Мертвые души» создавались Гоголем в основном за границей. Это тоже не могло не наложить соответствующего отпечатка на содержание поэмы. Едва выехав из России, Гоголь уже обещал В. А. Жуковскому приготовить для пушкинского «Современника» «кое-что... из немецкой жизни» — «будет смешно» (письмо от 28 июня (н. ст.) 1836 года). Школьному приятелю Н. Я. Прокоповичу Гоголь рассказывал о своих первых заграничных впечатлениях: «Из всех воспоминаний моих остались только воспоминания о бесконечных обедах, которыми [безжалостно] преследует меня обжорливая Европа...» (письмо от 27 сентября (н. ст.) 1836 года). Тогда же А. А. Краевский, получив от Гоголя письмо, сообщал М. П. Погодину: «Вся пройденная им Европа показалась ему трактиром: путешественники на каждом шагу; все только и делают, что пьют, едят, да газеты читают. Все города оценяет он одною меркою, запахом: в этом городе нет вони, а в этом очень воняет, потому что льют нечистоты на улицу» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1891. Т. 4. С. 340—341). Письмо Гоголя к его бывшей ученице М. П. Балабиной от 12 октября (н. ст.) 1836 года, озаглавленное «Путешествие из Лозанны в Веве», почти наполовину состоит из саркастического описания «утонченного» церемонного обряда европейского табльдота (общего обеденного стола) из более чем десятка блюд (именно в Веве Гоголь после годичного перерыва приступил к работе над «Мертвыми душами»).

В другом письме к Балабиной, от 7 ноября (н. ст.) 1838 года, Гоголь замечал о Германии: «Я по крайней мере в ней ничего не видел, кроме... бесконечных толков о том, из каких блюд был обед и в каком городе лучше едят...» Летом 1843 года в Баден-Бадене Гоголь говорил А. О. Смирновой: «...мне надоели немцы, которые с грациями поедают всякую жвачку...» (*Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 53).

Хотя произведения «из немецкой жизни» для пушкинского «Современника» Гоголь так и не написал, однако европейские впечатления нашли определенное отражение в его поэме. С. П. Шевыреву Гоголь говорил о своем пребывании за границей: «...из каждого угла Европы взор мой видит новые стороны России и... в полный охват ее обнять я могу только, может быть, тогда, когда огляну всю Европу» (письмо от 28 февраля (н. ст.) 1843 года). В повести «Рим» Гоголь замечал о своем герое, что «пребыванье» его вне отечества «в виду шума и движенья действующих народов и государств служило ему строгою поверкою всех выводов, сообщило многосторонность и всеобъемлющее свойство его глазу», дав возможность быть «беспристрастным» к своей родине, поражаясь «величием и блеском» ее «минувшей эпохи». В Западной Европе — а не только в воспоминаниях о России — Гоголь черпал материал для своей поэмы, объездив почти все европейские земли. Другими словами, «Мертвые души» изначально задумывались как произведение всемирно-исторического или, во всяком случае, общеевропейского масштаба.

Этот особый «общеевропейский» замысел, имевший целью изобразить прямую пагубность европейского «просвещения» для русской почвы, и заключают в себе образы гоголевской поэмы. «Мертвые души» — это, согласно замыслу Гоголя, прежде всего изображение последствий на русской почве, в русской душе западного развращающего влияния. Этим, в частности, и объясняется, почему одновременно с «Мертвыми душами» Гоголь — «возлюбивший, по его словам, спасенье земли своей» — создает вторую редакцию «Тараса Бульбы». Именно представлением о преимущественно западных истоках общемировой апостасии, изображенной в «Мертвых душах», во многом и объясняется патриотический замысел гоголевской казацкой эпопеи. С другой стороны, говоря о западноевропейских «прототипах» героев «Мертвых душ», следует подчеркнуть, что Гоголь, несомненно, понимал, что по-христиански начинать надо с себя: ибо, по словам св. апостола, «время начаться суду с дома Божия» (1 Пет. 4, 17). Однако, если сравнивать созданные Гоголем типы с западными «прообразами», то при этом уместны будут и другие слова апостола: «...если же прежде с нас *начнется*, то какой конец непокоряющимся Евангелию Божию. И если праведник едва спасается, то нечестивый и грешный где явится?» (1 Пет. 4, 17).

Определяющим для характера «образованнейшего» Манилова является соблюдение всевозможных светских приличий, любезности и «деликатности в поступках», то есть, говоря словами Гоголя в «Переписке с друзьями», «принятие глупых светских мелочей наместо главного», следование тому европейскому «комильфо», которое стало в России «сильнее всяких коренных постановлений» и сделало русских «ни русскими, ни иностранцами» — «ни то ни се». Обращенность разумной части души на мелочи, которые приобретают для гоголевского героя прямо-таки «религиозное» значение — от исполнения их Манилов испытывает, по его словам, «духовное наслаждение», делают его как духовно, так и практически бесплодным. Мелкий ум этого «по природе доброго, даже благородного» мечтателя, прообразующего собой, согласно размышлениям Гоголя, «донкишотскую сторону нашего европейского образования», не способен ни оценить «по достоинству» аферу Чичикова, ни догадаться о воровстве приказчика и пьянстве его крепостных. Под стать ему и жена, столь же мало заботящаяся об исполнении своих действительных обязанностей, но совершенная «комильфо» в пустом времяпровождении.

Примечательно, что и сама «приторность» Манилова — подобная «той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно, воображая ею обрадовать пациента», — также является для Гоголя приметой европейского «комильфо». Об этом, в частности, позволяют судить строки из письма В. А. Панова к К. С. Аксакову от 6 июня (н. ст.) 1841 года, где тот приводит отзыв Гоголя об известном немецком писателе и переводчике К. А. Фарнгагене фон Энзе: «Он вообще относится к разряду людей, которых Николай Васильевич называет сладкими и которых знакомство отчасти бывает тяжело» (Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 604). Согласно письму Гоголя к В. А. Панову от 24 сентября (н. ст.) 1841 года, от возможной встречи с Фарнгагеном фон Энзе осенью 1841 года в Берлине Гоголь постарался уклониться.

Определенной «карикатурой на русское» предстает, среди других героев «Мертвых душ», и помещица Коробочка, полностью погрязшая в «тине мелочей», исполненная страха, суеверия, подозрительности, обладательница «роскошных перин» и знающая о сибаритском чесанье пяток на ночь... — словом, соединяющая в себе все то, что, по словам Гоголя о героях «непросвещенья» комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», могло произойти от «долгого, бесчувственного, непотрясаемого застоя в отдаленных углах и захолустьях России». Причем, по Гоголю, проживание в Петербурге тоже отнюдь еще не спасает от этого провинциального «непросвещенья». Чего стоит, например, реплика *петербургской* свахи Феклы Ивановны в «Женитьбе», полагающей, что «все святые говорили по-русски». Невежество в вопросах веры — черта, по Гоголю, не только «захолустная», но и вполне «петербургская». Несомненно,

и чесанье пяток, предлагаемое Коробочкой Чичикову, может проистекать не только от «непотрясаемого» провинциального застоя, но под стать и самому последнему европейскому сибаритству. «Там пил он с сибаритским наслаждением свой жирный кофий из громадной чашки, нежась на эластическом, упругом диване...» — так описывает Гоголь парижскую «просвещенную» жизнь итальянского князя в повести «Рим».

Очевидно, что Коробочка по большей части также не сохранила в себе свой «первообраз» — те исконные обычаи старины, «свято» сохраняя которые народ «тогда только», по словам Гоголя в одной из статей «Арабесок», «достигает своего счастия» («Шлецер, Миллер и Гердер»). Весьма примечателен, например, еще один из недостатков Коробочки, а именно ее расчетливая скупость в приеме нежданного гостя. Только узнав, уже после утреннего чая, о «казенных подрядах», которые якобы ведет Чичиков, эта «старосветская помещица» решается наконец-то по-настоящему угостить своего гостя, а вернее, его «задобрить». Это не более как расчет торговца, купца, а отнюдь не то бескорыстное гостеприимство, которым издавна, согласно Гоголю (и Карамзину), были известны славяне (об этом Гоголь писал в своем классном сочинении 1828 года, в «Главе из исторического романа» 1830-го, а в «Мертвых душах» — в главе о Плюшкине).

В то же время следует подчеркнуть, что искажения русской жизни, воплощенные в образе Коробочки, казались Гоголю менее опасными и воспринимались скорее как некая недостаточность, могущая быть восполненной в будущем (согласно основанному на опыте убеждению многих современников Гоголя, что предрассудки невежества легче сглаживаются, чем предрассудки ложного просвещения, — по слову свт. Иоанна Златоуста, что «доброе неведение лучше худого знания». «Они были просты, прямодушны, — замечал, в частности, Гоголь о древних германцах в статье "О движении народов в конце V века", — их преступления были следствие невежества, а не разврата»). Более угрожающими представлялись Гоголю та разрушительная «ломка капитальных стен строения», увлечение ложными путями развития, которые со «страстью к обезьянству» водворялись со времен Петра I на Руси (набросок «Рассмотрение хода просвещения России» в записной книжке Гоголя 1846—1850 годов). Поэтому при всех отрицательных, «застойных» чертах Коробочки Гоголь ставил ее все-таки выше «просвещенных» соотечественников. В позднейшем наброске к «Мертвым душам» он писал: «...отчего коллежская регистраторша Коробочка, не читавшая и книг никаких, кроме Часослова... умела, однако ж... сделать... так, что порядок, какой он там себе ни был, на деревне все-таки уцелел... а церковь, хотя и небогатая, была поддержана... тогда как иные, живущие по столицам... образованные и начитанные... требуют от своих управителей все денег, не принимая никаких извинений, что голод и неурожай... и во все магазины... всем ростовщикам... в городе должны». Впрочем, все это еще не выкупает, по Гоголю,

главного недостатка Коробочки — вероятно, того, о котором он писал С. Т. Аксакову 18 августа (н. ст.) 1842 года, говоря о «простодушном богомольстве и набожности, которыми дышит наша добрая Москва, не думая о том, чтобы быть лучшею».

Прямой контраст Коробочке — Ноздрев, который весь энергия и движение. Но всё «усовершенствование» этого «исторического человека» — в пороках и мошенничестве (он даже «исхудал и позеленел», подбирая «из нескольких десятков дюжин карт одной талии»), все «подвиги» — за карточным и бильярдным столом. «“Сыграл, как младой полубог” (на бильярде)», — отметил Гоголь в своей записной книжке 1841—1844 годов одно из характерных выражений Ноздрева, «искусного» до «классического совершенства» в пустом времяпрепровождении. «Нет, вот попробуй он играть дублетом...» — оправдывает герой свой проигрыш майору. Подобным образом и «доблесть» Ноздрева проявляется почти исключительно в кутежах и расточительности: «Чуткий нос его слышал за несколько верст, где была ярмарка со всякими съездами и балами...» «Конечно, можно запрятаться к себе в кабинет и не дать ни одного бала, — рассуждает он в десятой главе о достоинствах нового генерал-губернатора, выдавая тем и свое пристрастие, — да ведь этим что ж? Ведь этим не выиграешь». «Европейская» суть этих привычек и пристрастий Ноздрева разъясняется в самой поэме.

«Кричат: “Бал, бал, веселость!” — бранит, например, с досады Чичиков “несколько справедливо” балы в восьмой главе, — просто дрянь бал, не в русском духе, не в русской натуре... В губернии неурожаи, дороговизна, так вот они за балы!.. А ведь на счет же крестьянских оброков... Набрались добра из чужого края. Умели самое лучшее перенять, как перевести последнюю копейку» (две заключительные фразы остались у Гоголя в рукописи). «У меня все, что ни привезли из деревни, продали по самой выгоднейшей цене... — говорит Чичикову возвращающийся с ярмарки без “часов” и “цепочки” Ноздрев. — Эх, братец, как покутили!» Далее следует воспоминание кутежа — перечисление французских вин и шампанских, продолжающееся и по приезде героев в имение Ноздрева. «Что ж делать, — замечает автор в заключительной главе второго тома “Мертвых душ», — если завелось так много всяких заманок на свете? И дорогие рестораны с сумасшедшими ценами... и плясанья с цыганками».

Среди главных соблазнов капитана Копейкина из вставной новеллы в десятой главе первого тома поэмы тоже упоминается роскошный французский ресторан. В этой же главе собрание чиновников сравнивается с «совещаниями, которые составляются для того, чтобы покутить или пообедать, как-то клубы и всякие воксалы на немецкую ногу», и здесь, как бы «естественно», появляется опять Ноздрев (постоянно «назирающий», по библейскому выражению, «где пирове бывают»; Притч. 23, 30), привлеченный

запиской городничего о предстоящей карточной игре и возможности обыграть новичка. Резко отрицательное отношение ко всем подобного рода европейским «новшествам» — ресторанам, игорным домам и пр. — разделяли многие современники Гоголя. (Азартные карточные игры были запрещены в России и законом.) Укажем, в частности, на произведения издателя «Отечественных Записок» П. П. Свиньина «Поездка в маскерад» и «Письмо в Москву о публичных удовольствиях в России», опубликованные в 1830 году в мартовской и апрельских книжках этого издания (в то время, когда в этом журнале активно сотрудничал Гоголь). В статьях Свиньина — представителя «первой славянофильской школы» русских литераторов (по словам Д. Н. Свербеева) — давалась нелицеприятная оценка одному из европейских разорительных новшеств — устройству в доме В. В. Энгельгардта на Невском проспекте публичных балов-маскарадов. Позднее, 18 мая 1849 года, А. О. Смирнова, в свою очередь, сообщала Гоголю о петербургском владельце ресторанов и увеселительных заведений И. И. Излере: «Скажу вам, что "Конкордия" и все заведения, покровительствуемые Излером, другом человечества, процветают. И тошно и гадко смотреть, как стараются заводить то, что обезобразило Париж и весь Запад».

Тип Собакевича во многом близок описанному Гоголем «вельможе» времен Петра I, который «бранит антихристову новизну, а между тем сам хочет сделать новомодный поклон и бьется из сил сковеркать ужимку французокафтанника» (из письма к М. П. Погодину от 1 февраля 1833 года). Браня городскую жизнь и новейшее «просвещенье», Собакевич, однако, во всем следует принципам этого «просвещенья». Под стать цивилизованной «обжорливой» Европе этот русский богатырь тщеславится тем, что готовят у него больше и лучше, чем повар-француз в городе у губернатора, что коляски его лучшей работы, чем столичная, что мужики его ведут в столице богатую торговлю. Сам он при этом, как и полагается «французокафтаннику», ходит в деревне во фраке. «...Гордыми сделало нас европейское наше воспитание...», — замечал Гоголь в «Театральном разъезде...» Указывая на то, что не столько патриотизм, сколько гордость и тщеславие (обязанные «европейскому нашему воспитанию») являются главными чертами характера Собакевича, автор поясняет, что если бы жил его герой в Петербурге, то ел бы тогда «какие-нибудь котлетки с трюфелями», «пощелкивал» бы своих подчиненных, «смекнувши», что они не его крепостные (от которых непосредственно зависит его благосостояние), и «грабил бы... казну». Да еще, «занявши место повиднее», выдумал бы — из того же желания «себя показать» — такое «мудрое постановление», что многим пришлось бы солоно. Уже и в своем настоящем, «захолустном» положении этот «совершенный медведь» в чаянии выгоды легко проявляет «некоторую даже ловкость, как такой медведь, который уже побывал в руках, умеет и перевертываться, и делать

разные штуки...» «А разогни кулаку один или два пальца, выйдет еще хуже», — заключает автор, как бы подразумевая «родство» этого героя с петербургским ростовщиком-«антихристом» Петромихали, что, подобно Плюшкину, «всех людей переморил голодом».

У следующего героя гоголевской галереи — «скряги» Плюшкина — есть со столичным ростовщиком «Портрета» еще несколько общих черт. В частности, содержимое кладовых Петромихали, где «кучами были набросаны... вазы, всякий хлам, даже мебели... старое негодное белье, изломанные стулья, даже изодранные сапоги», прямо напоминает заваленную хламом комнату Плюшкина. В одной из черновых редакций шестой главы сохранился отрывок из описания имения Плюшкина, позволяющий в свою очередь предполагать, что в его основу были положены петербургские впечатления писателя: «Изб было столько, что не перечесть. Они были такое старье и ветхость, что можно было дивиться, как они не попали в тот музей древностей, который еще не так давно продавался в Петербурге с публичного торга...» Перечисление вещей аукционной продажи, «набросанных горою на полу», прямо предваряет в «Портрете» рассказ о ростовщике.

Главное во всех этих описаниях — вещи. И обобщение, которое дал Гоголь в итоговом среди героев-помещиков образе Плюшкина, отражает проходящее через все творчество писателя представление о вещизме и мелочности современного, «цивилизованного» века — и его плодах на русской почве. В подобных множественности и дробности, порожденных как бы самим обилием накопленного исторического опыта, Гоголь видел именно признаки «старческого» возраста — возраста Плюшкина. «На бесчисленных тысячах могил возвышается, как феникс, великий 19 век, — писал он в 1833 году в отдельном наброске. — Сколько... происшествий! Сколько... дел, сколько... народов... сколько разных образов, явлений, разностихийных политических обществ, форм пересуществовало!.. Какую бездну опыта должен приобресть 19 век!». Словно прямо напоминая о заваленной старым хламом комнате Плюшкина, Гоголь в «Переписке с друзьями» замечал, что в «нынешнее» время в Россию «нанесены итоги всех веков и, как неразобранный товар, сброшены в одну беспорядочную кучу». По поводу разносчика, забросавшего комнату товарами, Гоголь однажды сказал: «Так и мы накупили всякой всячины у Европы, а теперь не знаем, куда девать» (*<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В 2 т. СПб., 1856. Т. 2. С. 242). Любопытно, что в трех сохранившихся черновых редакциях «Мертвых душ» в описании плюшкинского дома встречается прямое упоминание о Европе: «Дождь и время отвалили во многих местах со стен щекатурку и произвели на них множество больших пятен, из которых одно было несколько похоже на Европу...» На столь же безотрадный результат издержанной

на мелочи жизни указывает набросок Гоголя о «богатом и обширно развитом» XIX веке, сохранившийся среди рукописей заключительной главы первого тома. Речь в нем идет о ничтожном итоге всего исторического развития, заключающегося лишь в обилии «всяких вещей» — «добра, созданного модою», и этим только «одарившего» человечество «в награду его трудных и бедственных странствий».

Своеобразную аналогию к парадоксальному «старческому» итогу, перед которым оказалось вдруг русское «образованное» общество в XIX веке вследствие слепого подражания Западу, Гоголь находил в Римской истории. В одной из университетских лекций 1834 года, посвященной анализу причин, приведших к разрушению Римской империи, он замечал: «Нацию преобладающую составляли римляне, народ... еще... не достигший развития жизни гражданственной. Этот народ увидел... государство с просвещением, испорченною нравственностию, изобилием, естественною промышленностию и жадно бросился перенимать. Все, что заимствовал он... было блестящее и наружное — роскошь, без утонченного образа мыслей, понятий и жизни этих народов. Он сократил свой собственный переход и, не испытав мужества, прямо из юношеского состояния перешел к старости». Этот порожденный «обезьянством» (по выражению Гоголя) внезапный переход из юности в старость писатель называл позднее «собачьей старостью» (имея в виду детское заболевание с таким названием, атрофию, при которой больной становится похож на старую собаку; описание этой болезни см.: *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 90—91). Гоголь говорил: «Француз играет, немец читает, англичанин живет, а русский обезьянствует. Много собачьей старости» (<*Хитрово Е. А.*> Гоголь в Одессе. 1850—1851 // Русский Архив. 1902. № 3. С. 544).

* * *

В еще большей мере «европейские» черты — вещизм и жажда обогащения — проступают в характере главного героя поэмы — Чичикова. Анонимный рецензент «Литературной Газеты» писал в 1842 году о гоголевском герое: «В Ахиллесе этой русской Илиады, коллежском советнике Чичикове, вполне отпечатался наш общий недуг — неукротимая жажда корысти» (Лит. газета. 1842. 14 июня. № 25. С. 470—471). Профессор, протопресвитер В. В. Зеньковский позднее так определил «вечную» сущность этого гоголевского типа: «Современные, прошлые и будущие Чичиковы — это не просто дельцы, чем они внешне являются, — они находятся под “обольщением” богатства; в их трезвом реалистическом сознании они и романтики, ибо крепко убеждены, что жизнь и не может быть иной. Искание богатства есть их религия... Если Гоголю удалось вскрыть в умело нарисованном образе современного дельца самую сокровенную основу современности, — то в этом и есть сила его обобщения...» (*Зеньковский В., проф. прот.* Н. В. Гоголь. Париж, <1961>. С. 89—90).

«Чичиков в самом деле герой между мошенниками, поэт своего дела...» — замечал С. П. Шевырев (Москвитянин. 1842. № 7. С. 210). Стремление к личному обогащению — «главный фактор экономического прогресса Европы» (по словам протопресвитера В. Зеньковского) — на всем кладет свою печать. «В гениальном обобщении, которое дал Гоголь в Чичикове... с полной ясностью выступает разрушение душевной жизни, связанное с этим переводом на деньги всех душевных движений. Типично для Чичикова, что, когда он говорил о добродетели, он умел слезу пустить: он эксплуатировал в тех или иных житейских целях (над которыми всегда и во всем возвышалась верховная цель — обогащение) самые лучшие движения души. И это наблюдение Гоголя блестяще оправдалось в духовной жизни Европы: здесь надо искать ключи к пониманию того своеобразия экономической психологии современных людей, которое еще Герцен так едко высмеивал, как *духовное мещанство*» (*Зеньковский В., проф. прот.* Общие законы экономической жизни // Вестник Русского Христианского Движения. 1991. № 1 (161). С. 76, 88—89).

На «европейскую» суть характера Чичикова указывал еще в 1903 году Д. С. Мережковский, поясняя, в чем состоит сама обольстительная сила богатства. «Так называемый *"комфорт"*, — писал он, — то есть высший культурный цвет современного промышленно-капиталистического и буржуазного строя, комфорт, которому служат все покоренные наукою силы природы — звук, свет, пар, электричество, все изобретения, все искусства, — вот последний венец земного рая Чичикова... Несмотря на весь свой глубокий консерватизм, Чичиков — отчасти и западник. Подобно Хлестакову, он чувствует себя в русском провинциальном захолустье представителем европейского просвещения и прогресса: тут — глубокая связь Чичикова с "петербургским периодом" русской истории, с Петровскими преобразованиями. Чичикова тянет на Запад: он как будто предчувствует, что там его сила — его грядущее "царство"» (*Мережковский Д. С.* Судьба Гоголя // Новый путь. 1903. № 1. С. 58, 60—61).

«Приобретение — вина всего» — так определяет Гоголь главную страсть Чичикова в заключительной главе первого тома поэмы. «Еще ребенком он... из данной отцом полтины не издержал ни копейки, напротив — в тот же год уже сделал к ней приращения, показав оборотливость почти необыкновенную... Вышед из училища, он не захотел даже отдохнуть...» Слова эти перекликаются у Гоголя с характеристикой немца-ремесленника Шиллера из повести «Невский проспект»: «Еще с двадцатилетнего возраста, с того счастливого времени, в которое русской живет на фуфу, уже Шиллер размерил всю жизнь свою... Он положил себе в течение 10 лет составить капитал... и уже это было так верно и неотразимо, как судьба...»

С необыкновенной ловкостью и свободой — вполне «комильфо» — ведет себя «миллионщик» Чичиков на балу у губернатора,

где, как отмечалось, на всем словно было «написано», что «это не губерния», а «сам Париж».

В «Мертвых душах» Гоголь продолжает критику западной цивилизации, развитую им в других произведениях (более всего в повестях, включенных им в 3-й том Сочинений 1842—1843 годов; см. об этом в сопроводит. статье к т. 3 наст. изд.). Развенчание европейского культа денег, которым, как неким «эквивалентом», оцениваются даже душевные движения человека — и самая душа, определяет и то, как рассматривает Гоголь крепостное право. В отношении помещиков к крестьянам как к источнику своего личного обогащения и наживы видит Гоголь новое преломление все того же европейского культа «цены» и материального достатка.

Примечательно, как эта новоевропейская мораль сказалась на цензурной истории первого тома «Мертвых душ». Сообщая в письме к П. А. Плетневу от 7 января 1842 года неблагоприятные отзывы о поэме в московской цензуре, Гоголь, вслед за мнениями о ней «цензоров-азиатцев, то есть людей старых, выслужившихся и сидящих дома», передавал, в частности, толки «цензоров-европейцев» (получивших образование за границей) — «людей молодых»: «Что вы ни говорите, а цена, которую дает Чичиков (сказал один из таких цензоров, именно Крылов), цена два с полтиною, которую он дает за душу, возмущает душу... Этого ни во Франции, ни в Англии и нигде нельзя допустить». (С. Т. Аксаков в письме к сыну Ивану от 1 февраля 1842 года замечал также о московских цензорах: «Молодые профессора, образовавшиеся в чужих краях, хуже стариков, не выезжавших из Москвы...» — Лит. наследство. Т. 58. С. 612.)

В «Тарасе Бульбе» происхождение крепостного права Гоголь прямо объяснял иноземным влиянием — распространением торговых отношений и оскудением любви. «...Перенимают... бусурманские обычаи... свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке», — замечает Тарас в своей знаменитой речи о товариществе. В этом смысле гоголевские помещики, торгующие душами своих крепостных, оказываются прямыми приверженцами европейских («бусурманских») идеалов наживы и обогащения. Этим, кстати, объясняется, согласно авторскому замыслу, и почти европейская развитость ремесла в крепостном имении одного из героев-помещиков, Собакевича. «Совершенно практическое устремление жизни производит множество изобретений, относящихся к жизни практической», — писал Гоголь в заметке 1830-х годов по истории Древнего мира «Финикияне».

При всем этом необходимо подчеркнуть, что, осмысляя крепостное право как прямое следствие петровских преобразований, внесших в Россию европейский культ «цены», обогащения и еще более порабощающего промышленного развития (служения мамоне), Гоголь отделяет это «право» от тех патриархальных отношений между помещиками и крестьянами, которые служат взаимному спасению их душ. Как указывал в 1909 году К. С. Хоцянов, Гоголь

«санкционировал лишь то, что составляло священную обязанность помещиков по отношению к крестьянам, лишь то, что должно было сделать помещиков слугами крестьян» (*Хоцянов К.* Речь о Н. В. Гоголе по случаю столетия со дня его рождения (произнесенная 20 марта в Псковском Кадетском корпусе). Псков, 1910. С. 21). С этой мыслью Гоголь писал в 1847 году В. Г. Белинскому по поводу крепостного права: «...следует <тепе>рь подумать заблаговременно... чтобы... осво<божд>енье не было хуже рабства». В свое время Ф. М. Достоевский, отвечая либеральному публицисту А. Д. Градовскому, подвергнувшему критике речь Достоевского на Пушкинском празднике 8 июня 1880 года, писал: «...если б только Коробочка стала и могла стать ***настоящей***, совершенной уже христианкой, то крепостного права в ее поместье уже не существовало бы вовсе, так что и хлопотать бы не о чем было, несмотря на то, что все крепостные акты и купчие оставались бы у ней по-прежнему в сундуке... И какое дело тогда Коробочке, ***совершенной*** уже христианке, крепостные или некрепостные ее крестьяне? Она им "мать", настоящая уже мать, и "мать" тотчас же бы упразднила прежнюю "барыню". Это само собою бы случилось. Прежняя барыня и прежний раб исчезли бы как туман от солнца, и явились бы совсем новые люди, совсем в новых между собою отношениях, прежде неслыханных... крестьяне Коробочки сами бы тогда не пошли от нее, по той простой причине, что всяк ищет, где ему лучше. В учреждениях, что ли, ваших было бы ему лучше, чем у любящей их, родной уже матери помещицы?.. В христианстве, в настоящем христианстве, есть и будут господа и слуги, но раба невозможно и помыслить» (*Достоевский Ф. М.* Дневник писателя на 1880 год. Глава третья // Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 26. С. 162—163).

Заметим, что и сама афера Чичикова является, по Гоголю, прямым следствием «дела Петра» — введения в России европейского буржуазного права. Именно с ревизии, установленной Петром I, крестьяне были отданы в полную зависимость помещикам, причем бюрократизация жизни, отсюда последовавшая, и стала основой чичиковского мошенничества. «Народ наш не глуп, — писал Гоголь в статье «Русской помещик» (1846), — что бежит... от всякой письменной бумаги. Знает, что там притык всей человеческой путаницы, крючкотворства и каверзничеств». «Бумажное производство» и породило сюжет «Мертвых душ»: «"Да ведь они по ревизской сказке числятся?" — сказал секретарь. "Числятся", — отвечал Чичиков. "Ну, так чего же вы оробели?"». Примечательно в связи с этим свидетельство путешествовавшего в 1840-х годах по России немецкого барона А. Ф. Гакстгаузена, передававшего, в частности, слова одного из раскольников: «Разве не написано в книгах, что антихрист будет требовать податей с мертвых, и разве Петр I не сделал этого введением ревизии?» (*Гакстгаузен А.* Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России. М., 1870. Т. 1. С. 233). Сходные толки об антихристе среди

раскольников содержатся в заключительной главе второго тома «Мертвых душ». Профессор Н. Я. Аристов в 1882 году писал: «Глубокая идея о *мертвых душах* основывалась на ложной податной системе, введенной Петром Великим... История и показала, что плата за умерших, пока ревизия не исключала их из списков... произвела множество недоразумений и злоупотреблений. Во второй половине XVIII столетия появилось между раскольниками сатирическое сочинение “Об антихристе, еже есть Петр I”, где отвергаются все нововведения, пущенные под влиянием иноземных идей, отрицается ревизия душ, сословия и подушная раскладка подати. То же... отрицание не раз повторяли раскольники и в XIX столетии...» (*Аристов Н. Я.* Историческое значение сочинений Гоголя // *Аристов Н. Я.* Сочинения Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки. СПб., 1887. С. 26). «В раскольничьей литературе... — отмечал также И. С. Некрасов, — мы читаем жалобы на Петра I, что он “учини описание народное, исчисляя вся мужеска пола и женска... *и... с мертвых дани востребова...*” Вот то давнее недовольство, вот тот столетний ропот, которым воспользовался Павел Ив. Чичиков. Поэма захватывает, так сказать, всю основу механизма жизни послепетровской» (*Некрасов И. С.* Значение Гоголя в истории русской литературы // *Некрасов И. С.* О значении Лермонтова и Гоголя в истории русской литературы. Одесса, 1887. С. 35—36).

Выступая против формализации и бюрократизации жизни, Гоголь замечал в статье «О сословиях в государстве»: «Никто лучше мира не умеет, как разложить в сколько на кого, потому что они знают и свои состоянья и свои силы. Поэтому кто, не сообразив, и наложит на каждого заплатить по рублю, будет несправедлив, но, сложивши сумму, какая должна выйти, если положить рубль на человека, — потребовать эту сумму со всего мира. Это можно применить ко многому и в других сословиях». В резких, почти гротескных чертах тема европейского бумажного делопроизводства получает завершение у Гоголя в образе полковника Кошкарева во втором томе поэмы.

Появление авантюристов, ставших прототипами для гоголевского Чичикова, связано также, по замечанию С. Я. Борового, с развитием в России банковского дела. В частности, мошенники; стремившиеся получать ссуды под «мертвые», несуществующие души, появились в России с первых дней образования Дворянского банка, учрежденного в 1754 году (*Боровой С. Я.* Кредит и банки в России. (Середина XVII—1861 г.). М., 1958. С. 49). В этом отношении чичиковская афера была вполне понятна современникам Гоголя. Как отметил 24 октября (н. ст.) 1838 года в своем дневнике А. И. Тургенев, которому Гоголь читал в Париже отрывки из «Мертвых душ», Чичиков «покупает мертвых — для обмана ими правительства, для залога несуществующих крестьян в ломбард» (*Гиллельсон М.* Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2. С. 138).

Насколько современным и распространенным оказался тип, выведенный Гоголем в главном герое поэмы, можно судить из самых разнообразных свидетельств. Еще В. Г. Белинский в 1842 году замечал по поводу «Мертвых душ»: «Неужели в иностранных романах и повестях вы встречаете все героев добродетели и мудрости? Ничего не бывало! Те же Чичиковы, только в другом платье: во Франции и в Англии они не скупают мертвых душ, а подкупают живые души на *свободных* парламентских выборах! Вся разница в цивилизации, а не в сущности. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца нижнего земского суда; но в сущности оба они не лучше друг друга» (*Белинский В. Г.* Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке // Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. С. 133). Позднее, в 1911 году, американский профессор В. Фелпс замечал о Чичикове: «Это верный портрет американского прожектера или преуспевающего американского коммивояжера» (*Григорьев А. Л.* Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977. С. 146). «Бессмертным международным типом» называл Чичикова П. А. Кропоткин в курсе лекций, прочитанных в США в 1901 году (*Кропоткин П.* Идеалы и действительность в русской литературе // Соч. СПб., 1907. Т. 5. С. 88).

Эти «всемирность» и «бессмертность» гоголевского типа оказались поистине «непреходящими»: «...не надо протирать глаза, чтобы заметить в мчащемся по Тверской лимузине мутное лицо благонамеренного господина. Сто пятьдесят лет не тронули коллежского советника П. И. Чичикова. Да, он тоже отбывал срока, лишался порой последнего имущества, страдал, но — жив, жив» (*Шеваров Д.* Реабилитация Чичикова. 2 том «Мертвых душ» — это мы сами // Комсомольская правда. 1992. 17 июня. № 108. С. 4; см. также: *Крылов В.* Сон и явь Николая Гоголя // Советская Россия. 1997. 22 февраля. С. 4).

* * *

О Гоголе можно сказать то же, что сам он сказал об «Одиссее» Гомера: «И как искусно сокрыт весь труд многолетних обдумываний под простотой самого простодушнейшего повествования! Кажется... ведет он добродушный рассказ свой и только заботится о том, чтобы... не запугать неуместной длиннотой поученья...» Бросив взгляд на «европейские» черты гоголевских героев, нетрудно заметить, что сущность их этим вовсе не исчерпывается.

Действительно, если, скажем, по поводу героев «Горя от ума» Грибоедова — этого «скопища уродов общества, из которых каждый окарикатурил какое-нибудь мненье, правило, мысль...» — можно сказать, вслед за Гоголем, что «зритель остается в недоуменье... чем должен быть русский человек», то в отличие от них герои Гоголя обладают на этот счет гораздо большей «узнаваемостью», то есть несут в себе явный отпечаток того идеального типа, от которого они отступили. Под их грубой «корой» ощутимо для читателя

присутствует тот «самоцветный камень», тот талант, который они в себе не раскрыли. «...В уроде вы почувствуете идеал того, чего карикатурой стал урод», — писал Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» о людях, имеющих, подобно его героям, «отталкивающую наружность». «Чем более я обдумывал мое сочинение, тем более видел, что не случайно следует мне взять характеры, какие попадутся, но избрать одни те, на которых заметней и глубже отпечатлелись истинно русские, коренные свойства наши. Мне хотелось в сочинении моем выставить преимущественно те высшие свойства русской природы, которые еще не всеми ценятся справедливо, и преимущественно те низкие, которые еще недостаточно всеми осмеяны и поражены». «Герои мои вовсе не злодеи, — добавлял он в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”», — прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель помирился бы с ними всеми».

Эту загадку гоголевской поэмы также во многом проясняет история ее создания. По определению Гоголя в письме к С. Т. Аксакову от 28 декабря (н. ст.) 1840 года, сюжет «Мертвых душ» есть, собственно, сюжет «незначащий». Главное в нем — «психологическое значение», то есть возможность вывести различные художественные типы. По словам писателя в «Авторской исповеди», Пушкин находил, что сюжет «Мертвых душ» был хорош тем, что давал «полную свободу изъездить с героем всю Россию и вывести множество самых разнообразных характеров». «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение!» — говорил Пушкин, отдавая Гоголю сюжет.

В 1836 году в статье «Петербургская сцена в 1835—36 г.» Гоголь восклицал: «Русского мы просим! Своего давайте нам! Что нам французы и весь заморский люд, разве мало у нас нашего народа? Русских характеров, своих характеров!.. Бросьте долгий взгляд во всю длину и ширину животрепещущего населения нашей раздольной <Руси>, сколько есть у нас добрых людей, но сколько есть и плевел...» Из многочисленных высказываний Гоголя можно судить вполне определенно, чьи характеры — подразумевая и вполне конкретные лица — он считал средоточием «истинно русских коренных свойств наших». «...Поэт... чистейшее отражение... народа...» — замечал он в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». Советуя в 1848 году графине А. М. Виельгорской знакомиться с русскими литераторами, Гоголь писал: «Эти люди более русские, нежели люди других сословий, а потому вы необходимо узнаете многое такое, что объяснит вам еще удовлетворительнее русского человека» (письмо от 29 октября 1848 года).

Поскольку размышления Гоголя о том, какие характеры следует избрать для изображения в «Мертвых душах», хронологически должны быть приурочены к концу 1835 — началу 1836 года,

то неудивительно, что в одной из работ Гоголя этого периода — в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» (написанной в феврале — марте 1836-го) — и обнаруживается настоящий «ключ» к пониманию этой стороны замысла поэмы. Именно в этой статье встречается мысль о том, что русские поэты являются наиболее полным отражением черт народного характера.

Забегая вперед, отметим, что подобное понимание поэта как представителя всего народа прямо перекликалось с воззрениями на литературу тогдашнего министра народного просвещения С. С. Уварова, провозгласившего в своей деятельности следование началам Православия, Самодержавия и Народности. С Уваровым Гоголь, а также его ближайшие друзья П. А. Плетнев, В. А. Жуковский, М. П. Погодин, М. А. Максимович, С. П. Шевырев, однокашник К. М. Базили вступили в 1834 году в тесное сотрудничество. Принятый новым министром курс оказался вполне созвучен их собственным взглядам.

Наибольшие переклички с гоголевскими размышлениями обнаруживают две статьи, опубликованные в 1834 году в первом номере основанного Уваровым «Журнала Министерства Народного Просвещения» (именно этот номер Гоголь, по его свидетельству в письме к К. С. Сербиновичу от 11 февраля 1834 года, прочел весьма внимательно). Это статья П. А. Плетнева «О народности в литературе» и обзорная статья о деятельности Петербургского университета профессора Н. И. Бутырского. Оба автора выражали, по сути, не только собственные воззрения на литературу, но и взгляды министра Уварова. «...Словесность, — писал Плетнев, — представила нам первый и прекрасный образец народности» (О народности в литературе. Рассуждение, читанное в торжественном собрании Императорского С.-Петербургского университета профессором оного *П. А. Плетневым,* 31 августа 1833 года // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. Отд. 2. С. 5). Н. И. Бутырский в свою очередь указывал, что из всех сфер образования и культуры к народности прямое отношение имеет прежде всего словесность: «Все прочее можно заимствовать от чужестранцев, но Русскую Словесность должны мы создать сами: в противном случае останемся только подражателями...» (Краткое обозрение действий и состояния Императорского С.-Петербургского университета с его округом, по учебной части, за прошедший 1832—1833 академический год, читанное 31 августа 1833 года в торжественном собрании университета ординарным профессором оного *Бутырским* // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. 56, 58).

Не остался в стороне от правительственного курса и Гоголь. В частности, это прямо относится к его статье «Несколько слов о Пушкине» (1835). Хрестоматийной стала фраза из этой статьи о том, что «истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа», что «поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит

на него глазами своей национальной стихии». Определение это не отличалось ни новизной, ни оригинальностью. До Гоголя эту мысль почти в тех же выражениях высказывали в статьях о Пушкине Д. В. Веневитинов, Н. И. Надеждин, Кс. А. Полевой, М. А. Максимович. Важность гоголевской формулировки заключалась именно в ее актуальности — в отношении с пониманием народности, предложенным в те годы Уваровым.

Таким образом, можно догадываться, с кого «списывал» Гоголь своих героев. В статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» он замечал: «Писатели наши отлились совершенно в особенную форму и, ***несмотря на общую черту нашей литературы, черту подражания***, они заключают в себе чисто русские элементы...» (курсив наш. — *И. В.*). Без преувеличения можно сказать, что в этих строках изложена сама «концепция» образов «Мертвых душ» — как воплощения искаженных подражанием «русских элементов». По словам Плетнева в упомянутой статье «О народности в литературе», «народность не может совершенно исчезнуть... при самых уклонениях умственной деятельности от первого пути»: «Много было происшествий, которые... противодействовали направлению первобытной нашей словесности... Ни характер народа, ни его обыкновенный быт, ни язык самый не остались без изменения и чуждого влияния. Но посреди сих разрушительных явлений... прожила еще несколько столетий своеобразная Русская дума, которой воззрения на жизнь и природу... высказывались то в назидательном поучении, то в простодушной летописи, то в любопытном описании путешествия, то в аллегорической сказке, то в народных песнях, дышащих тою истиною, которая составляет верх совершенства в произведениях человека» (О народности в литературе. Рассуждение, читанное... *П. А. Плетневым...* С. 21).

По-видимому, это выступление Плетнева на торжественном заседании Петербургского университета послужило Гоголю основой для намеченной позднее в статье «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году» концепции образов «Мертвых душ». Сходное с гоголевским представление о русских писателях и поэтах как главных выразителях народности — несмотря на «чуждое влияние» и «уклонения» «первобытной нашей словесности» — является основополагающим для статьи Плетнева. Такими выразителями народности Плетнев называет Ломоносова, Державина, Фонвизина, Карамзина, Крылова. Таким же представлением о русских поэтах и писателях как «чистейшем отражении... народа» — «несмотря на общую черту нашей литературы, черту подражания» — руководствовался и Гоголь, предполагая «избрать» их «характеры» для воплощения в «Мертвых душах».

К содержанию статьи Плетнева «О народности в литературе», по-видимому, восходят и слова Гоголя в «Переписке с друзьями» о русских поэтах как собирателях и хранителях национальных

духовных «сокровищ наших» — «орудий» и «материалов» для будущего построения «нашей русской России». «Ежели в это время, — писал Плетнев об эпохе Екатерины II, — еще мало было писателей, блиставших свежими национальными красками, по крайней мере тогда началось приготовление необходимых для них материалов» (Там же. С. 26). «Где изучил певец Фелицы свое искусство? — замечал Плетнев о Державине. — Откуда он извлек этот неслыханный, но понятный всем язык?.. В нем все так могущественно, так стремительно, так ново и неуравнено, как сама Россия» (Там же. С. 25). Много лет спустя Гоголь писал: «...заговорит Державин о России — слышишь в себе неестественную силу и как бы сам дышишь величием России».

Все сказанное означает, что к изучению поэмы Гоголя мы имеем материал самый богатый — многочисленные его высказывания о русских писателях и, в частности, наиболее обширную из всех глав «Выбранных мест из переписки с друзьями» — упомянутую статью «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность». По признанию Гоголя в письме к П. А. Плетневу от 16 октября (н. ст.) 1846 года, эта статья была написана им «в объясненье элементов русского человека». Именно здесь писатель утверждает, что «свойства, обнаруженные нашими поэтами, есть наши народные свойства, в них только видней развившиеся». И сразу обращает на себя внимание главное. Характеристики пяти главных «строителей наших» — русских поэтов — в данной статье отчетливо напоминают типы, выведенные в образах пяти героев-помещиков первого тома «Мертвых душ».

Так, мечтательность Манилова отзывается в «отвлеченной идеальности» В. А. Жуковского, его стремлении к незримому и таинственному. Приземленность Коробочки — в погруженности в «очаровательную прелесть осязаемой существенности» К. Н. Батюшкова. Буйство Ноздрева напоминает удаль и восторг поэзии Н. М. Языкова. Неуклюжее богатырство Собакевича приводит на ум «невозделанную громадную скалу» Г. Р. Державина и его стремление «начертать образ какого-то крепкого мужа». («...Собакевич... это просто державинский величавый муж!» — <*Феодор (Бухарев), архим.*> Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. С. 88.) Что же касается всеядного, мелочного стяжательства Плюшкина, то соотнести его в гоголевской статье можно ни с чем иным, как только со всеслышащим «ухом» и всеотражающим «зеркалом» пушкинской поэзии, характеристика которой здесь доселе составляет непревзойденный образец критического разбора наследия поэта. — Вот те покрытые «корой» «самоцветные камни», те опутанные «тиной мелочей» непочатые силы, которые скрывают в себе гоголевские герои! «Все можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен, — писал Гоголь в статье "О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности". — Но надобно

смотреть на вещь в ее основании и на то, чем она должна быть, а не судить о ней по карикатуре, которую из нее сделали... Много есть таких предметов, которые страждут из-за того, что извратили смысл их...»

Статью о русской поэзии Гоголь начал в 1846 году прямо с того, на чем остановился десять лет назад в статье «О движении журнальной литературы...»: «Несмотря на внешние признаки подражания, в нашей поэзии есть очень много своего». Прямым извлечением на свет «самоцветного камня», сокрытого в мечтательности Манилова, звучат здесь строки Гоголя о Жуковском: «...ни в ком из переведенных им поэтов не слышно так сильно стремленье уноситься в заоблачное, чуждое всего видимого, ни в ком также из них не видится это твердое признание незримых сил, хранящих повсюду человека...» С созерцательностью и «отвлеченностью» поэзии Жуковского Гоголь связывал свойство поэта тонко «разбирать и оценивать» явления природы и искусства. А о маниловском «комильфо» (и не только о маниловском) Гоголь замечал: «...настоящее comme il faut (комильфо; *фр.* — *буквально*: как надо, как следует; прилично, в соответствии с правилами светского приличия), есть то, которое требует от человека Тот Самый, Который создал его, а не тот, который... сочиняет всякий день меняющиеся этикеты...»

Некоторое недоумение может вызвать соотнесенность образа Коробочки с поэзией Батюшкова, но и оно вполне разрешается, если вспомнить о судьбе Плюшкина (которого Чичиков называет даже «матушкой»), когда со смертью жены «часть ключей, а с ними мелких забот, перешла к нему». «...Жена должна быть помощницей мужа», — писал Гоголь в статье «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту...», напоминая библейскую заповедь (см. Быт. 2, 18); она служит ему «возбуждающею, стремящею силою» и «возложеньем на себя всех забот домоводства и мелочей жизни» доставляет ему возможность «всего» себя «отдать отчизне» — «его собственное хозяйство не его забота». Прикрепленность «к земле и телу» поэзии Батюшкова служит как бы отражением этого женского призвания. «И передо мною показались в эту минуту бледными все женские идеалы, создаваемые поэтами, — писал Гоголь о незаметном жизненном подвиге женщины, — они то же перед этой истиной, что бред воображенья перед полным разумом. Жалки мне также показались в эту минуту все те женщины, которые гонятся за блистающей известностью!». Слова эти прямо повторяют противопоставление в поэме «хозяйственной» жизни Коробочки и «нехозяйственной» — Маниловой: блестящего существования великосветской дамы, не ведающей о том, «что делается в ее доме и в ее поместьях, запутанных и расстроенных, благодаря незнанью хозяйственного дела», и внешне незавидной участи Коробочки, благодаря которой, согласно цитированному уже авторскому толкованию, и «порядок, какой он там себе ни был, на деревне уцелел», «и заутрени и обедни правились исправно».

Ноздрев, пожалуй, одна из самых впечатляющих фигур поэмы. И заключенные в нем дарования, с которых Гоголь снимает «кору» при характеристике поэзии Языкова, так же не менее ярки и впечатляющи: «Стихи его точно разымчивый <возбуждающий, забористый> хмель; но в хмеле слышна сила высшая, заставляющая его подыматься кверху. У него студентские пирушки не из бражничества и пьянства, но от радости, что есть мочь в руке и поприще впереди...»; «Все, что вызывает в юноше отвагу, — море, волны, буря, пиры и сдвинутые чаши, братский союз на дело, твердая как кремень вера в будущее, готовность ратовать за отчизну, — выражается у него с силой неестественной». «Беда только, — заключает Гоголь, — что хмель перешел меру и что сам поэт загулялся чересчур на радости от своего будущего, как и многие из нас на Руси, и осталось дело только в одном могучем порыве».

Черты «широкого размета души», проявляющиеся у Ноздрева, как и у запорожцев «Тараса Бульбы», в безумной расточительности (скрывающей душевную щедрость, силу и готовность к самопожертвованию), в духе товарищества (перехлестывающем у Ноздрева — то ли от избытка, то ли от неупотребления — на самих собак: на «любовь к скотине наместо человека») есть, по Гоголю, проявление «буйствующей» в стихах Языкова «молодой удали и отваги рвануться на дело добра... удали нашего русского народа... свойства, которое дает у нас вдруг молодость и старцу... если только предстанет случай рвануться всем на дело, невозможное ни для какого народа, — которое вдруг сливает у нас всю разнородную массу... и вся Россия — один человек».

Интересно отметить, что эту же способность к живому чувству Гоголь наблюдал за границей во время создания «Мертвых душ» в итальянском народе. Замечая в письме к М. П. Балабиной от апреля 1838 года о «пылкой природе» этого народа, «на которую холодный, расчетливый, меркантильный европейский ум не набросил своей узды», Гоголь восклицал: «Как показались мне гадки немцы после итальянцев, немцы, со всею их мелкою честностью и эгоизмом!» По свидетельству П. В. Анненкова, Гоголь даже не сердился «на те обыкновенные итальянские надувательства, которым... подвергался не раз», и когда в очередной раз кто-то заметил, что такого «никогда бы не могло случиться в Германии: там-де никто своего не даст и чужого не возьмет, — то Гоголь отвечал с досадой и презрением: “Да, но это только в картах хорошо!”» (*Анненков П. В.* Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года // *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1989. С. 73—74). Тот же Анненков, говоря о «страшной немецкой честности» и «совершенной... неспособности сделать что-нибудь не вседневное» (то есть невозможности совершить нечто героическое, связанное с самопожертвованием), с иронией отмечал: «Клеветники говорят, что в Германии случаются преступления: вы понимаете, как это мнение ложно и неприлично» (*Анненков П. В.* Письма из-за границы // *Анненков П. В.* Парижские

письма. М., 1983. С. 68). Со своей стороны Гоголь, замечая в повести «Рим», что «европейское просвещение как будто с умыслом не коснулось» итальянского народа и «не водрузило в грудь ему своего холодного усовершенствования», писал, что при всей «пылкости» и «невоздержности» природы итальянца «он весел и переносит все, и только в романах да повестях режет по улицам». По словам Н. М. Языкова, Гоголь почитал «всякого итальянца» чуть не «священною особою» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 171). О том, с каким уважением относился Гоголь к простому итальянскому народу, свидетельствует такой случай. При первой же встрече с Анненковым в Риме он остановил последнего, когда тот намеревался дать прислужнику в кафе денег более, чем полагалось. «Не делайте этого никогда, — сказал Гоголь. — Здесь есть обычаи, которые дороже вашей щедрости. Вы можете оскорбить человека. Везде вас поблагодарят за прибавку, а здесь посмеются». «Известно, что житейской мудрости в нем было почти столько же, сколько и таланта», — прибавлял Анненков (*Анненков П. В.* Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года. С. 40).

«Все показывало ему стихии народа сильного, непочатого, для которого будто бы готовилось какое-то поприще впереди», — подводил Гоголь итог впечатлений героя повести «Рим», вкладывая в эти строки свои размышления об итальянском народе. И эту же мысль он повторял позднее в «Выбранных местах из переписки с друзьями» по отношению к юной России, противопоставляя ее состарившимся и закосневшим в своих «национальных формах» западноевропейским народностям. В 1845 году в письме к Н. М. Языкову Гоголь, задавая поэту «тему» для стихотворения, писал: «...блажен тот, кто, оторвавшись вдруг от... подлой пресмыкающейся жизни... как бы вдруг пробуждается в великую минуту и так же *запоем*, как способен один только русский, который с горя вдруг вдается в пьянство, так же запоем из пьянства входит в трезвость души, великодушно объявляет брань самому себе, загорается еще сильнейшей жаждой небесною, чем всякой другой, и становится таким образом возвышеннее даже того, кто всю жизнь провел в честности».

Следует обратить внимание на то, что все гоголевские герои словно «нуждаются» друг в друге. Манилову недостает практичности Коробочки, Коробочке — созерцательности Манилова, обоим им — энергии и воодушевления Ноздрева... Словом, каждому, в котором, согласно замечанию Гоголя о свойствах русских поэтов, то или иное «из наших народных качеств... развилось видней», не хватает способностей другого. Эта особенность гоголевских героев также составляет одну из важнейших сторон замысла поэмы. В статье «О лиризме наших поэтов» Гоголь писал Жуковскому: «Вспомни сам, что в тебе не все стороны русской природы; напротив, некоторые из них взошли в тебе на такую высокую степень и так развились просторно, что через это не дали места другим...» «...Мы позабыли, — замечал он также в письме к С. Т. Аксакову

от 18 августа (н. ст.) 1842 года, — что человек уже так создан, чтобы требовать вечной помощи у других. У всякого есть что-то, чего нет у другого... и только дружный размен и взаимная помощь могут дать возможность всем увидеть... со всех сторон предмет».

Если взглянуть с этой точки зрения на Ноздрева, то вполне очевидно, что неупорядоченности и буйству сил этого героя явно недостает той душевной крепости, что присуща следующему типу гоголевской галереи — характеру Собакевича. Именно благодаря этой душевной крепости «вовсе не благородный по духу и чувствам» Собакевич не допустил, однако, своих мужиков «быть ни пьяницами, ни праздношатайками». Другими словами, вполне «запорожской» удали Ноздрева, его «горячей прыткости рыцаря прошедших времен» (за которую Гоголь равно упрекал в своих письмах и славянофила К. С. Аксакова, и западника В. Г. Белинского) необходимо то организующее начало, без которого невозможен «дружеский размен и взаимная помощь» между людьми.

Эту «потребность» Собакевича для других героев поэмы, в частности для Ноздрева, Гоголь, очевидно, и поясняет в заключительной главе первого тома притчей о подобном Манилову «созерцательном» отце семейства Кифе Мокиевиче и его непутевом сыне — подобном Ноздреву буйном богатыре Мокии Кифовиче: в то время как «кроткий» отец занимался «умозрительными» вопросами, сын совершал «богатырские подвиги» — «или рука у кого-нибудь затрещит, или волдырь вскочит на чьем-нибудь носу», так что все «в доме и в соседстве... бежало прочь, его завидя...» Поскольку, согласно притче, жалобы пострадавших Кифе Мокиевичу «Манилову» на сына Мокия Кифовича «Ноздрева» ни к чему не приводили («Да, шаловлив, шаловлив, — говорил обыкновенно на это занятый “философией” отец, — да ведь как быть: драться с ним поздно, да и меня же все обвинят в жестокости...»), то именно это и подразумевает необходимость внешнего принудительного воздействия — «железного закона», олицетворением которого и является в поэме Собакевич.

Думается, в этом Гоголь следовал опять-таки библейской истории, в частности рассказу о «погибельных сыновьях» священника Илия в Первой книге Царств, в преступлениях которых в значительной мере был повинен и отец, который «знал, как сыновья его нечествуют, и не обуздывал их» (гл. 3, ст. 13). Рассказ этот непосредственно предваряет в Библии повествование о происхождении монархии в богоизбранном народе. За нечестие сыновей Бог лишил потомство священника Илия служения у жертвенника и избрал Себе отрока Самуила. Когда же в свою очередь св. пророк Самуил состарился, то и в его сыновьях не нашлось достойной ему замены, и тогда народ потребовал: «...вот, ты состарился, а сыновья твои не ходят путями твоими; итак поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов» (1 Цар. 8, 5). «И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними...

послушай голоса их и поставь им царя» (1 Цар. 8, 7, 22). Первый призванный Богом царь Израиля, Саул, одержав ряд блестящих побед над иноплеменниками, не оказался, однако, столь же благонадежен по своим внутренним достоинствам.

Пояснением к образу «неблагородного по духу и чувствам», но приносящего свою пользу Собакевича могут служить также строки письма Гоголя к родным в Васильевку от 1 мая (н. ст.) 1846 года, обращенные к сестре Ольге Васильевне: «Приказчику ты должна говорить, что ему поручена власть, а власть такого роду дело, которое установлено от Бога. “Несть власти, аще не от Бога” — сказано в Св. Писании <Рим. 13, 1>... Мужикам также расскажи, чтобы они... умели бы повиноваться, несмотря на то, кто ими повелевает, хотя бы он был и худший их...» С этими же размышлениями связана заметка Гоголя в записной книжке 1841—1846 годов: «Начальника над артельщиками выбрал мастер, и на вопрос: зачем выбрал, хорош поведеньем, что ли? — Нет, нехорош. — Не пьет, что ли? — Нет, пьяница. — Умен? — Нет, не умен. — Так что ж он? — Повелевать умеет».

Объединение и упорядочение, олицетворением которых является в поэме Собакевич, Гоголь связывал в статье о русской поэзии с преобразованиями первого русского императора Петра I, совершившего, по словам писателя, переворот в государственном управлении России «в таком порядке, как блистательный маневр хорошо выученного войска». В эпоху Екатерины II, продолжившей дело Петра — «когда на всех поприщах стали выказываться русские таланты», — появился и непосредственный «прообраз» будущего гоголевского героя — поэт Державин, обращавшийся, по словам Гоголя, «к людям всех сословий и должностей» и стремившийся в своих стихах «начертать закон правильных действий человека во всем, даже в самых его наслаждениях», создав образ «непреклонного, твердого мужа в каком-то библейско-исполинском величии... готового на битву не с одним каким-нибудь временем, но со всеми веками...»

Открывающуюся здесь историческую концепцию писатель воплотил ранее именно на «запорожском» материале — в повести «Тарас Бульба» (с запорожцами, как уже говорилось, имеет много общего в своих сокрытых возможностях Ноздрев). Здесь возрождение опустошенной набегами «монгольских хищников» южной России объясняется тем, что «гетманы, избранные из среды самих же казаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округи», а будущее всей России связывается с пророческим восклицанием Тараса о русском царе.

Обратимся вновь к статье Гоголя «Несколько слов о Пушкине», имеющей, как уже говорилось, прямое отношение к поставленной С. С. Уваровым перед литераторами проблеме народности. Можно заметить, что именно пушкинские принципы народности — как их формулирует сам Гоголь в статье о Пушкине — становятся для него

собственными творческими принципами в период создания «Портрета», «Ревизора» и «Мертвых душ». И главным в гоголевском определении народности оказывается, наряду с пожеланием художнику быть верным «истине», критический пафос.

Так, в судьбе художника Черткова в «Портрете», начавшего льстить самолюбию своих заказчиков, прямо угадываются следующие строки статьи о Пушкине: «Масса публики, представляющая в лице своем нацию, очень странна в своих желаниях; она кричит: “Изобрази нас так, как мы есть, в совершенной истине, представь дела наших предков в таком виде, как они были”. Но попробуй поэт... изобразить все в совершенной истине... она тотчас заговорит: “...это нехорошо...”. Масса народа похожа в этом случае на женщину, приказывающую художнику нарисовать с себя портрет совершенно похожий... Поэту оставалось два средства: или натянуть сколько можно выше свой слог... или быть верну одной истине... Но в этом случае прощай толпа!»

Какой же главный «недостаток» отечественной истории отмечает Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине»? «Русская история, — пишет он, — только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость (титул императора был принят в 1721 году Петром I. — *И. В.*); до того характер народа большею частию был бесцветен...»

Именно отсутствие народного единодушия, распри и несогласия между князьями, составляющие принадлежность русской истории, вызывали в наибольшей степени «скуку» и раздражение Гоголя. В письмах к земляку М. А. Максимовичу от 28 мая и 10 июня 1834 года, написанных в связи с представлявшейся возможностью преподавательской деятельности в Киевском университете, Гоголь, в частности, говорил: «Я с ума сойду, если мне дадут русскую историю»; «Если бы это было в Петербурге, я бы, может быть, взял ее, потому что здесь я готов, пожалуй, два раза в неделю отдать себя скуке». С этими размышлениями перекликается и ироническое замечание рассказчика в черновой редакции повести «Портрет» о затруднительности для него «перечесть по именам удельных князей, наполняющих Русскую историю».

В одном из отрывков «Истории Малороссии» (1834) Гоголь писал: «Народ... принадлежавший Петру... имел не только необходимость, но даже нужду... покориться. Их необыкновенный повелитель стремился к тому, чтобы возвысить его, хотя лекарства его были слишком сильные».

Гоголь объяснял причины петровских преобразований необходимостью «пробуждения» русского народа, а также тем, что «слишком вызрело европейское просвещение, слишком велик был наплыв его, чтобы не ворваться рано или поздно со всех сторон в Россию и не произвести без такого вождя, каков был Петр, гораздо большего разладу во всем, нежели какой действительно потом наступил...» («Выбранные места из переписки с друзьями»). Это объединяющее

«пробуждение» народа под воздействием враждебного «просвещения», какое в полной мере совершилось, по Гоголю, в Северной России — Великороссии — лишь в эпоху Петра I, гораздо ранее уже произошло, по его мнению, при тех же обстоятельствах в южнорусских землях.

Примечательно, что с безотрадной картины княжеских междоусобиц на Руси в XIII веке и начинается статья Гоголя «Взгляд на составление Малороссии». Воинственный Ноздрев — любитель охоты, пиров и ссор — прямой «наследник» этих княжеских междоусобиц. По наблюдению исследователя, реплика героя, показывающего гостям свои земли: «Вот граница!.. Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону... все мое», — невольно ассоциируется с речами воинственных удельных князей из «Слова о полку Игореве»: «...рекоста бо брат брату: "се мое, а то мое же"» (*Медриш Д. Н.* Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. Изд-во Саратовского ун-та, 1980. С. 131).

В противовес эпохам «безвластия» с их «бесцветными» представителями, значительность характеров, воскрешение «мертвых душ» Гоголь непосредственно связывал с самодержавным правлением. В статье «О преподавании всеобщей истории» можно найти прямую параллель к этой важной составляющей замысла «Мертвых душ». Говоря о завершении древней истории, Гоголь замечал: «Наконец на весь Древний мир непостижимо находит летаргический сон, та страшная неподвижность, то ужасное онемение жизни, когда просвещение не двигается ни вперед, ни назад, сила и характер исчезают, все обращается в мелкий, ничтожный этикет, жалкую развратную бесхарактерность».

Так, по Гоголю, наступает эпоха «мертвых душ» — то самое состояние человечества, которое повторится потом, много веков спустя, при наступлении периода новейшей европейской цивилизации, — когда Париж сделается «всемирною столицею... и французский язык, французские нравы, французский этикет и обычаи» распространятся «по всей Европе» («О преподавании всеобщей истории»).

Возрождению «мертвых душ» Древнего мира послужила, по Гоголю, духовная и светская власть папы. «Не стану говорить о злоупотреблении и о тяжести оков духовного деспота, — писал он в статье "О Средних веках". — Проникнув более в это великое событие, увидим изумительную мудрость Провидения... власть папам... дана была для того, чтобы в продолжение этого времени юные государства окрепли и возмужали... чтобы сообщить им энергию, без которой жизнь народов бесцветна и бессильна». Говоря о завершении Средних веков, характеризовавшихся объединительными, но недостаточными усилиями папы («...еще государь звучит одним именем своим, и вместо того миллионы владельцев, из которых каждый — маленький император...»), Гоголь продолжал: «Духовная власть пала. Государи становятся сильнее... Государства, народы сливаются плотнее

в нераздельные массы. Нет того разъединения власти, как в Средние века. Она сосредоточивается более в одном лице. И как оттого сильные характеры становятся виднее, круг государей, министров, полководцев обширнее!» («О преподавании всеобщей истории»).

Такой же расцвет талантов при единодержавном правлении отмечал позднее Гоголь и в России, говоря о веке продолжательницы дела Петра Екатерины II. «В эпоху Екатерины, царствование которой можно назвать блестящей выставкой первых русских произведений, когда на всех поприщах стали выказываться русские таланты, — с битвами вознеслись полководцы, с учрежденьями внутренними государственные дельцы, с переговорами дипломаты, с академиями словесники и ученые...» «Есть царствования... которых образы уже стоят пред нами колоссальные, как у Гомера...» — замечал также Гоголь об эпохе Екатерины II в письме к князю П. А. Вяземскому от июля — сентября 1842 года.

На это исключительное значение монарха для народной жизни указывал Гоголь и в более раннем периоде русской истории. В июле 1849 года он, по свидетельству А. О. Смирновой, «вспоминал, как в царствование Алексея Михайловича один путешественник, посетив Россию, написал, что население ее скудно, народ измельчал и обеднел, а другой, приехавши к нам через двадцать пять лет после первого, нашел города и деревни обильно населенными, нашел народ здоровый, рослый, цветущий и богатый. Гоголь это приписывал благочестивой жизни Царя, который везде в государстве водворил порядок, безопасность и спокойствие» (*<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. Т. 2. С. 224). В статье «Взгляд на составление Малороссии», говоря о раздорах русских князей в XIII веке (а также о неумении, «незнании» настоятелей и митрополитов, «как схватить с помощью... веры власть над народом», «настроив» его «к великому»), Гоголь в свою очередь замечал: «Это был хаос браней за временное, за минутное, браней разрушительных, потому что они мало-помалу извели народный характер, едва начинавший принимать отличительную физиогномию при сильных норманнских князьях».

Напомним в связи с этим, что именно царь, по воспоминаниям архимандрита Феодора (Бухарева), должен был послужить воскрешению души главного героя гоголевской поэмы — Чичикова (*<Феодор (Бухарев), архим.>*. Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. С. 138—139). Участие царя в судьбе Чичикова подразумевает, по-видимому, то, что долгие скитания героя по Руси должны были в итоге привести его в Петербург. Подтверждением тому, что именно в Петербурге должен был, подобно капитану Копейкину, оказаться со временем «рыцарь копейки» Чичиков, служит свидетельство младшего современника Гоголя Д. К. Малиновского в его статье «О том, как надо разуметь смешное в произведениях Гоголя» (содержание этой статьи было навеяно беседами с самим Гоголем). Имея в виду «Выбранные места из переписки с друзьями» и «петербургские» повести Гоголя, Малиновский писал: «О *современности*,

о содержании столицы поэт начинает говорить в особой книге, которая была принята за плод болезни. В самом деле это плод болезненного беспокойства, но... такого беспокойства, которое в зародышах мы уже встретили в разобранных нами повестях его, — беспокойства, к которому приводит поэта картина *передовой* жизни народа, картина наших *успехов просвещения*... В самых "Мертвых душах" еще нет того, что уже есть в "Шинели", в "Портрете", в "Невском проспекте", — несообразного из высших слоев общества, которое пока в состоянии привести писателя в совершенное расстройство, в какое не приведут его ни Селифан, ни Петрушка, ни сам Чичиков... Впрочем, подождем, что заговорит он тогда, когда Бог велит в столицу благополучно прибыть Чичикову» (*Малиновский Д. К.* О том, как надо разуметь смешное в произведениях Гоголя // Н. В. Гоголь и Православие. М.: К единству! 2004. С. 471).

Только Государь, призванный подвигнуть своих подданных к исполнению долга, может, полагал Гоголь, «вооружить каждого из нас тем высшим взглядом на себя, без которого невозможно... воздвигнуть в себе самом... брань всему невежественному и темному... чтобы... устремить... весь народ свой к тому верховному свету, к которому просится Россия» («О лиризме наших поэтов»). В содержании статьи «О лиризме наших поэтов» и видел архимандрит Феодор (Бухарев) идею будущего воскрешения — при посредстве царя — «мертвых душ», изображенных Гоголем в его поэме. «Полномощная власть монарха, — писал Гоголь, — не только не упадет, но возрастет выше по мере того, как возрастет выше образование всего человечества. Чем более всякое звание и должность станут входить в свои законные пределы, и отношения между собою всех станут определяться точней, тем более окажется потребность верховодящей силы, которая, собравши в себе всю силу отдельных единиц, показала бы в себе доблести высшие, приближающие человека прямо к Богу...» В чем заключаются эти «доблести», Гоголь объяснял, напоминая слова св. апостола Павла в Первом послании к Коринфянам (см. гл. 12, ст. 12, 26): монарх, «все полюбивши в своем государстве, до единого человека всякого сословья и званья, и обративши все, что ни есть в нем, как бы в собственное тело свое... приобретет тот всемогущий голос любви, который... один может только внести примиренье во все сословия и обратить в стройный оркестр государство».

Потому «не полон и суров выйдет русский муж, начертанный Державиным, — продолжал Гоголь в статье о русской поэзии, — если не будет в нем чутья откликаться живо на всякий предмет...» Этим-то свойством душевной «чуткости», выражающимся как в чувстве сострадания к «несчастному, упадшему» человеку, так и в способности «изумляться на всяком шагу красоте Божьего творения» (так свойственным, кстати, второму — после Саула — царю Израиля, св. псалмопевцу пророку Давиду), и обладал, по определению Гоголя, во всей полноте Пушкин.

Но именно этим, «пушкинским» свойством — имеющим, по словам Гоголя, в русском народе множество «оттенков и уклонений», отраженных в названиях: «*ухо*, которое дается такому человеку, в котором все жилки горят и говорят, который миг не постоит без дела; *удача* — всюду спеющий и везде поспевающий», — обладал в лучшую пору своей жизни и помещик Степан Плюшкин, обширное хозяйство которого «текло» ранее «живо», «везде, во все входил зоркий взгляд хозяина», и сам он «бегал расторопно по всем концам своей хозяйственной паутины».

«Гений — богач страшный», — писал в 1834 году Гоголь в статье «Об архитектуре нынешнего времени». Основа для сравнения «богатства гения» с «богатством» помещика — гениальной «чуткости» поэта с расторопной деятельностью «идеального» хозяина — заключалась для Гоголя в их общем христианском начале. Подлинные ум и гениальность были неразрывно связаны для него с совершенствованием христианина («Христианин идет вперед»). Известно, с какой настойчивостью Гоголь защищал Пушкина от обвинений в вольнодумстве: «Безделица — выставить наиумнейшего человека своего времени не признающим христианства!» В свою очередь в статье «Русской помещик» Гоголь замечал: «...в которую деревню заглянула только христианская жизнь, там мужики лопатами гребут серебро». Духовное и материальное богатство и их основа — то единое «народное свойство», которое в поэте проявилось способностью «изумляться на всяком шагу красоте Божьего творения», а в идеальном хозяине — способностью «везде поспевать», — являются, по Гоголю, прямым наследием христианства.

Свойства душевной чуткости, ума, а также незаурядные телесные силы и способности были, по Гоголю, в равной мере присущи Пушкину. В 1851 году в Одессе Гоголь, размышляя об этих качествах поэта, вновь упомянул о «деятельности» и расторопности русского человека — о затруднительности для него «миг постоять без дела». В соответствии со своим советом «русскому помещику» в одноименной статье («В комнате не засиживайся, но появляйся почаще на крестьянских работах... так, чтобы от твоего прихода глядело все живей и веселей...») Гоголь говорил Е. А. Хитрово: «Пушкин был необыкновенно умен... И силы телесные были таковы, что (их достало бы) у него на девяносто лет жизни. Тяжело Русскому человеку быть в бездействии в чужих краях; сейчас заметишь Русского: все действует, на месте не посидит!» «...Я уверен, — продолжал Гоголь, — что Пушкин бы совсем стал другой. И как переменился. А это замечательное сочинение... Он хотел оставить Петербург...» В воспоминаниях Е. А. Хитрово после слов «замечательное сочинение» следует, по замечанию П. И. Бартенева, «пропуск в полстроки» (<*Хитрово Е. А.*> Гоголь в Одессе. С. 554). Судя по следующей за пропуском фразе («Он хотел оставить Петербург...»), мемуаристка не нашлась, как обозначить неизвестное в то время название стихотворения Пушкина «Странник» (1835). Это стихотворение

было впервые опубликовано в девятом томе посмертного Собрания сочинений Пушкина в 1841 году под названием «Отрывок». В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь дважды особо отмечал это сочинение Пушкина: «Вспомни только... этот таинственный побег из города, напечатанный уже после его смерти... стихотворенье, в котором звуками почти апокалипсическими изображен побег из города, обреченного гибели, и часть его собственного душевного состояния». Возможно, со строками этого пушкинского стихотворения и связано упоминание о Плюшкине в статье Гоголя «Предметы для лирического поэта в нынешнее время»: «О, если бы ты мог сказать ему то, что должен сказать мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома “Мертв<ых> душ”!» «Словами Плюшкина» — свидетельством его «воскресения» — вполне могли стать в третьем томе поэмы следующие строки этого стихотворения: «Я осужден на смерть и позван в суд загробный — / И вот о чем крушусь: к суду я не готов...» На христианской почве зарождалось сопоставление идеального поэта и идеального хозяина, христианским финалом оно должно было увенчиваться.

Оттого и грусть, и скорбные чувства автора о «неузнаваемости» в Плюшкине его «прообраза» — потому что от всего «богатства гения» осталась у гоголевского героя только привязанность к «бумажкам и перышкам, которые он собирал в своей комнате...» Подобным образом и христианские задатки (отголоски которых слышны в речах Плюшкина: «Ах, Господи Ты мой! ах, святители вы мои!.. Такое сребролюбие! Я не знаю, как священники-то не обращают на это внимание...»), любовь и сострадание к ближнему («милость к падшим», по определению Пушкина) вытеснены у этого пушкинского антипода страшной в своей слепоте «гордостью чистотой своей», по которой Плюшкин осуждает всех и вся в мире и которая, по словам Гоголя в статье «Светлое Воскресенье», дошла у современного человека до «страшного духовного развития».

В одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» Гоголь писал о героях первого тома поэмы: «Эти ничтожные люди, однако ж, ничуть не портреты с ничтожных людей; напротив, в них собраны черты от тех, которые считают себя лучшими других, разумеется только в разжалованном виде из генералов в солдаты». Очевидна главная, определяющая идея, заключенная в сходстве «пошлых» гоголевских героев с лучшими из русских поэтов: каждый человек, созданный по образу и подобию Божию, несет на себе отпечаток этой Божественности — более или менее зримый «первообраз», который он исказил или извратил в себе, отступая от Отеческого замысла о нем Творца.

Возможно отчасти проследить, каким образом вызревало это «двойное видение» создателя «Мертвых душ». Гоголю вообще было свойственно представлять, как один и тот же психологический тип проявляет себя на разных «поприщах». Говоря о создании поэмы,

он признавался: «...взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом званьи и на другом поприще...» Складывался же «прообразовательный» метод Гоголя еще задолго до начала работы над поэмой. По воспоминаниям П. В. Анненкова, еще в начале 1830-х годов имена известных европейских писателей Гоголь давал своим друзьям и знакомым. Он наделил тогда «всех своих товарищей по Нежинскому лицею и их приятелей» «прозвищами, украсив их именами *знаменитых* французских писателей, которыми тогда восхищался Петербург. Тут были Гюго, Александры Дюма, Бальзаки и даже один скромный приятель, теперь покойный, именовался София Ге». «Не знаю, почему, — добавлял Анненков, — я получил титул Жюль Жанена...». (*Анненков П. В.* Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года. С. 37—38).

Известно также, что еще в Нежине Гоголь дал своему однокашнику Н. В. Кукольнику ироническое прозвище «Возвышенный» — с намеком на Ф. Шиллера. Позднее в «Невском проспекте» он назвал именами Шиллера и Гофмана «пошлых» петербургских немцев-ремесленников. Впрочем, отношение Гоголя к Шиллеру, как и к тогдашним французским знаменитостям, тоже было критическим — в подлинном «достоинстве» модных писателей Гоголь разобрался довольно рано. Как свидетельствовал тот же Анненков о петербургском периоде жизни Гоголя, «он не любил уже в то время французской литературы, да не имел большой симпатии и к самому народу за “моду, которую они ввели по Европе”, как он говорил: “быстро создавать и тотчас же, по-детски, разрушать авторитеты”» (*Анненков П. В.* Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года. С. 53). Именно «европейские» черты выведенных героев и стали впоследствии объектом критики в «Мертвых душах».

В формировании гоголевского «двойного видения», возможно, сыграла роль и одна из шуток школьного приятеля Гоголя А. Л. Гинтовта, о которой вспоминал позднее их однокашник Н. И. Билевич: «Был в Нежине погребщик Солунский, у которого по праздникам предавались кутежу и ученики и учители. На другой день после такого кутежа, учитель Лат<инской> Слов<есности> (вероятно, С. М. Андрущенко. — *И. В.*), еще носивший сонные следы веселья, говорил об Саллустие (знаменитый римский историк. — *И. В.*), что это отличный Римский писатель. Ученик Гинтофт, кутивший накануне вместе с учителем, сказал, как будто в просонках: да, Солунский отличный писатель. Все засмеялись. Учитель также. И после имени Саллустия уже произнести невозможно было в классе без смеха. Эта шутка Гинтофта приобрела ему дружбу Г<оголя>, который с тех пор с ним очень сблизился» (*Виноградов И. А.* Воспоминания о Н. В. Гоголе Н. И. Билевича в путевом дневнике С. П. Шевырева // Вестник Литературного ин-та им. А. М. Горького. М., 2007. С. 78). Шутка А. Л. Гинтовта позднее могла, в частности, подать Гоголю идею об именовании в повести «Вий» разгульных бурсаков именами Брутов и Тибериев, призванными в данном случае явить ничтожность и «пошлость» носителей громких имен.

Но наибольшее влияние на созревание прообразовательного замысла поэмы произвело, по-видимому, одно внешне непримечательное событие, которое Гоголь пережил в самые первые дни по приезде в Петербург и которое навсегда сообщило его «мертвым душам» «неизгладимый» петербургский «колорит». У Гоголя был двоюродный дядя — поэт Иван Петрович Косяровский, который написал в 1826 году стихотворную поэму «Нина», опубликовал ее в Петербурге отдельным изданием и подарил книгу племяннику. (В первой половине 1820-х годов И. П. Косяровский служил с братьями на Кавказе в войсках А. П. Ермолова, а с 1826 года проживал в Петербурге.) Очевидно, пример дяди — воина и поэта — и само его сочинение произвели весомое впечатление на юного Гоголя (может быть, не меньшее, чем творения известных писателей — в поэме описывались места и люди, знакомые Гоголю с детства), так что содержание сочинения И. П. Косяровского нашло прямое отражение в первом поэтическом опыте самого Гоголя — идиллии «Ганц Кюхельгартен» (см.: *Виноградов И. А.* Новые мемуарные источники о Гоголе // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1. С. 281—282; см. также коммент. к идиллии в Т. 7 наст. изд.). Отправляясь в Петербург, Гоголь, несомненно, собирался навестить дядю и, возможно, чему-нибудь у него поучиться. С чем же столкнулся будущий создатель «Мертвых душ», приехав в конце декабря 1828 года в Северную столицу? Спустя несколько дней, 9 января 1829 года, он сообщал матери: «Из прочих же, к кому письма имел, нашел одного только Ив. Косяровского, от которого думал выведать несколько сведений насчет житья в Петербурге. Но он хотя живет здесь долго, но столько же знает толку, сколько и всякой провинциал, не понимаю, как они живут здесь, ничего не видя и не слыша». Очевидно, с феноменом Башмачника, для которого вне его служебного занятия «ничего не существовало», Гоголь столкнулся уже в первые дни по приезде в Петербург. Черты своего старшего родственника Гоголь, по-видимому, и использовал позднее во втором томе «Мертвых душ» при характеристике дяди Тететникова, объясняющего племяннику, что для карьеры в столице «главное дело — в хорошем почерке», и убеждающего его, что нельзя же «запропастить себя» в деревне «между мужичьем». «Сам же он, — поясняет автор, — во. всю жизнь свою не ходил по другой улице, кроме той, которая вела к месту его службы, где не было никаких публичных красивых зданий; не замечал никого из встречных, был ли он генерал, или князь; в глаза не знал прихотей, какие дразнят в столицах людей, падких на невоздержанье, и даже отроду не был в театре».

Неожиданное превращение в глазах Гоголя боевого офицера и поэта в заурядного петербургского обывателя — в одну из «пошлых», обыкновенных «мертвых душ» — не могло не поразить впечатлительного писателя, уже тогда обратив его к размышлениям над печальным сочетанием «пошлости» и гениальности в человеке.

Дорожа сокрытыми в героях «Мертвых душ» — и в своих современниках — непочатыми дарами и силами, Гоголь, естественно, не мог не думать об их возрождении. Такая задача «преображения» русского человека была поставлена писателем еще в 1835 году в статье «Несколько слов о Пушкине»: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет». С этими размышлениями связан замысел продолжения Гоголем своей поэмы, возникший у него уже в начале работы над произведением и получивший первое воплощение на бумаге в 1840—1841 годах — еще до напечатания первого тома. Само название поэмы как бы естественно «требует» ее продолжения — воскрешения «мертвых душ».

Об окончании поэмы архимандрит Феодор (Бухарев) сообщал: «Помнится... я... его прямо спросил, чем именно должна кончиться эта поэма. Он, задумавшись, выразил свое затруднение высказать это с обстоятельностью. Я возразил, что мне только нужно знать, оживет ли как следует Павел Иванович? Гоголь, как будто с радостию, подтвердил, что это непременно будет и... первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма... А прочие спутники Чичикова в “Мертвых душах”? — спросил я Гоголя, — и они тоже воскреснут? — “Если захотят”, — ответил он с улыбкою...» (<*Феодор (Бухарев), архим.*> Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году. С. 138—139).

Упоминание о «желании» (или «нежелании») героев «воскреснуть» говорит, конечно, прежде всего о том, что, создавая художественные образы, Гоголь думал о своих современниках. Если обратиться опять к той обобщающей характеристике «пепельных» героев петербургской Коломны в повести Гоголя «Портрет», что определили создание отрицательных типов «Мертвых душ», то можно догадаться, что умеренное их «ни то ни се» указывает на самом деле на приговор весьма суровый: «...знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 15—16).

О том, что это бесчувственное, «обуморенное» (*церк.-сл.* обморочное) нравственное состояние Гоголь расценивал именно как явление, не свойственное коренной русской жизни, наносное, можно, в частности, судить по еще одной характеристике писателем в повести «Рим» итальянского народа, с бытом которого, как отмечалось, прямо сравнивал Гоголь «первообразную» жизнь России. «В его природе заключалось что-то младенчески благородное... — замечал Гоголь об итальянском народе, — в нем добродетели и пороки в своих самородных слоях... не смешались, как у образованного человека, в неопределенные образы, у которого всяких страстишек понемногу под верховным начальством эгоизма». Профессор Н. Я. Аристов в 1882 году свидетельствовал: «Прежде еще можно было различить в быту боярском, что свое, доморощенное, и что заносное, чужое»; во второй четверти XIX века «явилась безобразная и неопределенная смесь.

Иностранное влияние становится преобладающим, всплывает поверх русского незаметного наслоения и проникает его...» (*Аристов Н. Я.* Иноземное влияние в России, изображенное Гоголем в его сочинениях // *Аристов Н. Я.* Сочинения Н. В. Гоголя со стороны отечественной науки. СПб., 1887. С. 77—78). Не случайно определение «ни то ни се» Гоголь в своих письмах и художественных произведениях употребляет главным образом для характеристики европейски «образованного» Петербурга. Еще в 1829 году он писал матери: «...на Петербурге... нет никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцев, а русские в свою очередь объиностранились и сделались ни тем ни другим». «Трудно схватить общее выражение Петербурга, — добавлял Гоголь в "Петербургских записках 1836 года". — Есть что-то похожее на европейско-американскую колонию; так же мало коренной национальности и так же много иностранного смешения...» О каком Петербурге при этом шла речь, позволяет, в частности, судить письмо юного Федора Васильевича Чижова (впоследствии друга Гоголя) к его матери У. Д. Чижовой от 17 марта 1827 года из Петербурга: «Здесь все равно, что Страстная, что Святая неделя, здесь не почитают за непременный долг идти к заутрене в Светлое Воскресенье, сидят часов до 12-ти или 2-х ночи в Страстную субботу за картами и проч., и не только сами не постятся, но даже смеются над теми, кто постится...» (*Симонова И. А.* Федор Чижов. М., 2002. С. 20).

Мысль о духовно бесплодном европейском образовании современного светского человека не переставала занимать Гоголя во все периоды его жизни. 2 октября 1833 года он писал матери о воспитывавшейся в петербургском Патриотическом институте сестре Елисавете: «...меня смущает... характер Лизы. За нею не водится больших шалостей, капризов, это все из нее вывели... Но это еще хуже, я бы хотел... чтобы на нее жаловались, были ею недовольны; но чтобы она имела доброе сердце. У ней же... нет никакого сердца, ни доброго, ни злого... Никого она не любит... Вид несчастия... ее не тронет; за пустую игрушку она забывает все на свете». В этих словах уже вполне определенно обозначена тема «мертвой души» обыкновенного, ничем не выдающегося человека, не считающего самого себя грешником и не почитаемого таким другими. Размышляя о том, что «незаметный» грех «обыкновенного» человека — не являющегося очевидным преступником — не менее тяжек, а может, и более опасен именно в силу своей «невыразительности», кажущейся «невинности», — Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» писал: «Никто не станет спорить, что дикий горец... что зарезал своего врага, притаясь в ущелье, или выжег целую деревню... более поражает...» Но не меньшее зло в мир несет, по замечанию Гоголя, и «наш судья в истертом фраке, запачканном табаком, который невинным образом, посредством справок и выправок, пустил по миру множество всякого рода крепостных и свободных душ». Герой

«Записок сумасшедшего» замечает по этому поводу: «С виду такой тихенький, говорит так деликатно: “Одолжите ножичка починить перышко”, — а там обчистит так, что только одну рубашку оставит на просителе». Гоголевское сравнение «дикого горца» с мнимо «невинным» чиновником проливает дополнительный свет и на истинное отношение автора к основанному, как уже говорилось, на фальшивых «справках и выправках» мошенничеству главного героя поэмы — человека чрезвычайно «любезнейшего и обходительнейшего», ревностного исполнителя «священнейшего долга» светского комильфо. Такими же «деликатными» разбойниками оказываются, согласно Гоголю, по отношению к своим крепостным и живущие «по столицам» европейски «просвещенные» помещики — «образованные и начитанные, и тонкого вкуса и примерно человеколю<бивые>», — требующие, «однако ж, от своих управителей всё денег, не принимая никаких извинений, что голод и неурожай».

А. О. Смирнова вспоминала о своих беседах с Гоголем в Риме в начале 1843 года: «Понемногу я рассказывала ему о тревогах своей совести, о моих сомнениях, отчаянии, о сознании, что поступки мои не соответствуют моим верованиям… что… я… слишком отдаюсь светской жизни… Наконец, все эти слабости нашей совести, за которые краснеешь и которые напоминают мне ужасные слова Ж. де Местра: “Я не знаю, что такое совесть преступника, но знаю совесть честного человека (ибо я большой грешник, но не преступник) и в ужасе от этого сознания!” Я говорила все это Гоголю на другой день после посещения Колизея, и он мне вдруг ответил: “Я тоже переживаю все это”…» (Записки *А. О. Смирновой*. СПб., 1895. Т. 2. С. 77). Позднее, в письме к Гоголю от 11 апреля 1845 года, Смирнова, жалуясь на «несносное ни то ни се», замечала: «Слова ваши всегда оправдываются… Ничего нет труднее, как плавать меж двух вод, — не делать ничего положительно дурного и ничего положительно хорошего, а пока принадлежишь свету, невольно светское овладевает душою, до того мельчаешь, доходишь до таких подлых и низких движений, что, не закрасневшись, нельзя в них признаваться». «Есть много в нашем обществе *des tièdes* <умеренных, тепловатых; *фр.*>, — замечала она в другом письме к Гоголю, от 14 января 1846 года, — а это зло горше гонителей».

Проблему, которую поднимал Гоголь, — отсутствие в современных христианах «холодности» ко злу и «горячности» к добру, — конечно, не могли не затрагивать и церковные пастыри. По оценке гоголевского современника, иерея Тарасия Серединского, Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями» даже недооценил степень расцерковленности тогдашнего «образованного» сословия: «Вообще автор… слишком идеально смотрит на состояние веры в России. Обратись он к жалкой действительности, он сказал бы совершенно не то, что теперь сказал. Ибо даже в высшем обществе он встретил бы такое невежество истин религии, что и сам закрыл бы глаза от стыда» (Неизданный Гоголь. М., 2001. С. 422).

«Теплому», равнодушному состоянию современного общества Гоголь противопоставлял то религиозное одушевление, которое отличало христиан во времена бедствий и испытаний. Так, например, в своих лекциях 1834 года по истории Средних веков он обращал внимание слушателей на то, как христианство в Испании, окруженное враждебными народами — «язычниками и жидами», «отличалось стремительною ревностию». В том же, 1834 году Гоголем была написана героическая повесть-эпопея «Тарас Бульба», где мысль о том, что пламенная вера только укрепляется от выпадающих на ее долю испытаний, является одной из ключевых. «Мы никогда не поймем... появления “Ревизора” и т. п. вещей», — замечал в 1874 году украинский историк М. П. Драгоманов, если «не оценим того контраста, какой представляют... образы» этой эпопеи «с теми “мелочами и пошлостью, опутавшими нашу жизнь”, какие видел Гоголь около себя в действительности» (*Драгоманов М.* М. А. Максимович. Его литературное и общественное значение // Вестник Европы. 1874. № 3. С. 450). Во многом подобным контрастом окружающей «пошлости» Гоголь осмыслял и Отечественную войну 1812 года, во время которой религиозное и патриотическое одушевление народа сплотило его, а также, по свидетельству многих современников той эпохи, сделало из самых заурядных и «пошлых» обитателей отдаленных уголков России пламенных патриотов, живо интересующихся судьбами отечества. «В это время все наши помещики, чиновники, купцы, сидельцы и всякий грамотный и даже неграмотный народ, — замечал автор в “Мертвых душах”, — сделались, по крайней мере, на целые восемь лет заклятыми политиками».

Гоголь, родившийся в 1809 году, мог судить об этом одушевлении только из рассказов старших современников. Но подобный интерес к истинно общественной жизни он еще юношей наблюдал в 1820-х годах, когда внимание русского общества, и в частности обитателей Нежина, где учился Гоголь, было обращено к событиям религиозного и национально-освободительного движения греков против турецкого владычества.

В написанной в 1827 году в Нежине поэме «Ганц Кюхельгартен» Гоголь прямо упоминал об этих событиях. Интерес к ним проявляют в юношеской поэме Гоголя именно патриархальные деревенские обыватели, которые рассуждают здесь:

...про новости газет,
...про греков и про турок,
Про Мисолунги, про дела войны,
Про славного вождя Колокотрони...

Речь идет о героической обороне защитников греческого города Миссолунги, о доблестном вожде греческих повстанцев Теодорисе Колокотронисе...

Но именно портрет последнего героя вместе с портретами других героев освободительной войны греков — Маврокордато, Миаулиса и Канариса и портретом героя Отечественной войны

Багратиона висит в доме помещика Собакевича в «Мертвых душах». О греческом восстании призваны, по-видимому, напоминать и имена сыновей Манилова — Фемистоклюс и Алкид. Некую готовность выступить на брань — если «предстанет случай рвануться всем на дело, невозможное ни для какого другого народа» — прообразуют сходные реалии в описании других героев поэмы: портрет Кутузова в доме Коробочки, упоминание о Суворове в связи с «геройской» атакой Ноздревым Чичикова, намек на армейское прошлое Манилова, «пожелтевший гравюр какого-то сражения, с огромными барабанами, кричащими солдатами в треугольных шляпах и тонущими конями» в комнате Плюшкина и даже упоминание о «пожелтевшей» зубочистке этого героя, «которою хозяин... ковырял в зубах своих еще до нашествия французов». Участники «кампании двенадцатого года» есть и среди городских чиновников первого тома «Мертвых душ». Да и сам Чичиков, которого эти «догадливые» чиновники сравнивают в поэме то с разбойником Копейкиным, то с самим Наполеоном, способен, по убеждению автора, к лучшему применению своих недюжинных способностей. «Я все думаю о том, — говорит Чичикову Муразов во втором томе поэмы, — какой бы из вас был человек, если бы так же, и силою и терпением, да подвизались бы на добрый труд и для лучшей <цели>!»

«Но возможно ли преображение души, не знающей иных целей, кроме житейского устроения с помощью материальных средств? — вопрошал В. В. Зеньковский. — Это и для нас, вообще для всей темы христианской культуры есть радикальный и решающий пункт: возможно ли религиозное преображение современности, до последних глубин связавшей себя с материальными ценностями?» (*Зеньковский В., проф. прот.* Н. В. Гоголь. С. 89). По убеждению отца Василия Зеньковского, «*чичиковщина не есть Чичиков*, — и типическое относится к Чичикову *лишь как воплощение чичиковщины*. Как ни подавлена свобода Чичикова "обольщением богатства"... его свобода все же в нем остается — *что и есть просвет*. Сила художественного зрения Гоголя в том и заключалась, что, добравшись до самой "сути" и "сущности" всякой чичиковщины, он тем самым понял возможность победы Чичикова над чичиковщиной. Отсюда и вырос план дальнейших частей "Мертвых душ"» (Там же. С. 90). Поэтому-то, имея в виду соотношение пагубной, «европейской» оболочки характеров своих героев с их «коренной», сокрытой под иноземной «корой» «самоцветной» основой, Гоголь в письме к графине Л. К. Виельгорской «Страхи и ужасы России» писал: «То, что вы мне объявляете по секрету, есть еще не более как одна часть всего дела... если бы я вам рассказал то, что я знаю... тогда бы, точно, помутились ваши мысли и вы сами подумали бы, как бы убежать из России. Но куды бежать? вот вопрос. Европе пришлось еще трудней, нежели России. Разница в том, что там никто еще этого вполне не видит...»

В заключении статьи «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» Гоголь прямо указывает на ту брань, которая предстоит его героям, — «другую, высшую битву... уже не за временную нашу свободу, права и привилегии наши, но за нашу душу...» «...И если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, — повторял он еще раз в статье «Светлое Воскресенье», — хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека, что с болью собственного тела, не пожалев самих себя, как в двенадцатом году, не пожалев имуществ, жгли домы свои и земные достатки, так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас...» И — «...праздник Воскресения Христова воспразднуется прежде у нас, чем у других».

Об этом же пророчески предвозвещает и финал первого тома поэмы: «Русь, куда же несешься ты? дай ответ. Не дает ответа... летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Игорь Виноградов

Мертвые души

Текст печатается по изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994. В отдельных случаях текст заново сверен с автографами и прижизненными изданиями. Отсутствующие в рукописи, но необходимые по смыслу слова обозначены угловыми скобками; слова, зачеркнутые в рукописи автором, — квадратными.

В комментариях использованы мемуарные свидетельства, записные книжки Гоголя, содержащие различные подготовительные материалы к «Мертвым душам»: сведения по сельскому и домашнему хозяйству, ремеслам, чиновничьему быту, объяснения охотничьих и карточных терминов, народных речений и т. п.; а также материалы задуманного Гоголем «объяснительного словаря» русского языка, свидетельствующие о той тщательности, с которой он собирал и записывал коренные русские слова. В предисловии к этому словарю Гоголь писал: «В продолжение многих лет занимаясь русским языком, поражаясь более и более меткостью и разумом слов его, я убеждался более и более в существенной необходимости такого объяснительного словаря, который бы выставил, так сказать, лицом русское слово в его прямом значении, осветил бы его; выказал бы ощутительней его достоинство, так часто не замечаемое, и обнаружил бы отчасти самое происхождение. Тем более казался мне необходимым такой словарь, что посреди чужеземной жизни нашего общества, так мало свойственной духу земли и народа, извращается прямое, истинное значенье коренных русских слов, одним приписывается другой смысл, другие позабываются вовсе».

Том первый

Впервые напечатано (за исключением предисловия «К читателю от сочинителя», опубликованного во втором издании): Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. М., 1842.

Гоголь приступил к работе над «Мертвыми душами» в середине 1835 года. В «Авторской исповеди» он подробно рассказал о том, как возник замысел поэмы. А. С. Пушкин заметил ему однажды: «Как с этой способностью угадывать человека и несколькими чертами выставлять его вдруг всего, как живого, с этой способностью не приняться за большое сочинение! Это просто грех!» — и привел пример Сервантеса, который «хотя и написал несколько очень замечательных и хороших повестей, но, если бы не принялся за Донкишота, никогда бы не занял того места, которое занимает теперь между писателями». В заключение Пушкин рассказал Гоголю одно происшествие — это и был сюжет «Мертвых душ».

В то же время анекдотический случай, положенный в основу произведения, носил жизненный характер. Факты скупки «мертвых душ» были достаточно распространены и могли быть известны

Гоголю и ранее. Об одном из них рассказывает, например, дальняя родственница писателя М. Г. Анисимо-Яновская (см.: *Гиляровский В. А.* На родине Гоголя. М., 1902. С. 47—48).

Переписка Гоголя, его автобиографические заметки и свидетельства современников дают возможность восстановить ход работы над поэмой с достаточной полнотой. По словам Гоголя, он принялся за нее, не имея поначалу определенного плана, не давши себе отчета, что такое должен быть сам герой. «Я думал просто, что смешной проект, исполнением которого занят Чичиков, наведет меня сам на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мне самом охота смеяться создаст сама собою множество смешных явлений, которые я намерен был перемешать с трогательными».

Набросав первые главы, Гоголь прочел их Пушкину, и поэт, который всегда смеялся при его чтении, становился все сумрачнее и сумрачнее и наконец сделался мрачен. По окончании чтения он произнес с тоской: «Боже, как грустна наша Россия!» Озадаченный тягостным впечатлением, которое произвело начало поэмы на Пушкина, Гоголь принялся за его переработку. В ноябре 1836 года он писал В. А. Жуковскому из Парижа: «Все начатое переделал я вновь, обдумал более весь план и теперь веду его спокойно, как летопись... Если совершу это творение так, как нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нем! Это будет первая моя порядочная вещь, которая вынесет мое имя». Из письма видно, как по мере обдумывания плана разрастается замысел, Гоголь проникается ощущением значительности своего сочинения: «Огромно велико мое творение, и не скоро конец его».

К концу 1840 года первый том вчерне был окончен и Гоголь приступил к работе над вторым. 28 декабря (н. ст.) он сообщал С. Т. Аксакову: «Я теперь приготовляю к совершенной очистке первый том “Мертвых душ”... Между тем дальнейшее продолжение его выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые мои силы. По крайней мере, верно, немногие знают, на какие сильные мысли и глубокие явления может навести незначащий сюжет...»

П. В. Анненков, живший летом 1841 года в Риме с Гоголем и переписывавший главы первого тома под диктовку автора, утверждает со всей определенностью, что именно в эту пору Гоголем был «предпринят» второй том. Очевидно, работа продвигалась настолько быстро, что появились слухи об окончании поэмы. М. П. Погодин даже уверял читателей «Москвитянина», что два тома уже написаны, третий пишется и все сочинение выйдет в продолжение года (см.: Москвитянин. 1841. Ч. 1. С. 616). Однако в письмах начала 1840-х гг. Гоголь все чаще дает понять, что второй том окончен скоро не будет и что на это есть веские причины.

В октябре 1841 года Гоголь возвращается в Россию для напечатания первого тома «Мертвых душ». История прохождения книги в цензуре — один из драматических эпизодов биографии писателя. «Никогда, может быть, не употребил он в дело такого количества житейской опытности, сердцеведения, заискивающей ласки и притворного гнева, как в 1842 году, когда приступил к печатанию “Мертвых душ”, — свидетельствовал П. В. Анненков и, не касаясь фактической стороны дела, не без остроумия замечал: — Тот, кто не имеет “Мертвых душ” для напечатания, может, разумеется, вести себя непогрешительнее Гоголя и быть гораздо проще в своих поступках и выражении своих чувств» (*Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1983. С. 59).

7 января 1842 года Гоголь сообщал П. А. Плетневу о судьбе поэмы в московской цензуре: «Удар для меня никак не ожиданный: запрещают всю рукопись. Я отдаю сначала ее цензору Снегиреву, который несколько толковее других, с тем, что если он находит в ней какое-нибудь место, наводящее на него сомнение, чтоб объявил мне прямо, что я тогда посылаю ее в Петербург. Снегирев через два дни объявляет мне торжественно, что рукопись он находит совершенно благонамеренной, и в отношении к цели и в отношении к впечатлению, производимому на читателя, и что, кроме одного незначительного места: перемены двух-трех имен (на которые я тот же час согласился и изменил), — нет ничего, что бы могло навлечь притязанья цензуры самой строгой. Это же самое он объявил и другим. Вдруг Снегирева сбил кто-то с толку, и я узнаю, что он представляет мою рукопись в комитет. Комитет принимает ее таким образом, как будто уже был приготовлен заранее и был настроен разыграть комедию: ибо обвинения все без исключения были комедия в высшей степени».

Из дневника И. М. Снегирева известно, что рукопись Гоголь привез ему 7 декабря 1841 года (см.: Дневник И. М. Снегирева. М., 1904. Т. 1. С. 309). Целью этого визита было выяснить, может ли поэма быть пропущена московской цензурой или ее следует отправить в Петербург, где у писателя были влиятельные друзья. Через два дня многоопытный цензор дал свой в высшей степени благоприятный отзыв. Гоголь, возможно, ожидал, что Снегирев самолично пропустит рукопись. Мнение цензора, правда, должно было утверждаться цензурным комитетом, но в практике Снегирева были случаи, когда он сам подписывал рукописи к печати.

Все отношения Гоголя со Снегиревым до сих пор носили неофициальный характер, и рукопись поэмы цензор прочел как частное лицо. По существующим правилам Снегирев не имел права цензуровать «Мертвые души» без соответствующего постановления цензурного комитета. Он мог только высказать личное мнение о книге («Это же самое он объявил и другим»). К тому же Снегирев, видимо, не захотел брать на себя ответственности в таком сложном деле и решил действовать согласно правилам цензурного устава.

Из слов Гоголя следует, что рукопись была представлена в комитет Снегиревым. Однако в книге рукописей Московского цензурного комитета (хранящейся ныне в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы) записано, что «Мертвые души» поступили в комитет «от Погодина» (Центральный исторический архив г. Москвы (*ЦИАМ*). Ф. 31. Оп. 1. Д. 14. Л. 121 об.). По-видимому, Снегиреву неудобно было самому представлять рукопись в цензурный комитет, и это сделал М. П. Погодин, в доме которого жил тогда Гоголь. Кстати сказать, после выхода книги из печати гоголевская рукопись хранилась у Погодина в его знаменитом древлехранилище.

Согласно записи в книге рукописей, «Мертвые души» поступили в комитет 12 декабря 1841 года и в тот же день были переданы на рассмотрение цензору И. М. Снегиреву. Мнения цензоров, пересказанные в гоголевском письме, не были занесены в протокол заседания. Не было вынесено комитетом и постановления о запрещении книги. По всей видимости, на заседании комитета ее членами (не читавшими рукописи) были высказаны неблагоприятные суждения о поэме, так что Снегиреву пришлось защищать ее, о чем Гоголь сообщает в том же письме к П. А. Плетневу. «Наконец сам Снегирев, увидев, что дело зашло уже очень далеко, стал уверять цензоров, что он рукопись читал и что о крепостном праве и намеков нет... что это ряд характеров, внутренний быт России и некоторых обитателей, собрание картин самых невозмутительных. Но ничего не помогло».

Узнав, по всей видимости, от самого Снегирева о толках цензоров, Гоголь поспешно забрал рукопись и через В. Г. Белинского отправил ее в Петербург. Вместе с рукописью, которую Белинский должен был передать князю В. Ф. Одоевскому, Гоголь вручил письмо к нему, в котором сообщал о запрещении «Мертвых душ»: «Рукопись моя запрещена. Проделка и причина запрещения все смех и комедия. Вы должны употребить все силы, чтобы доставить рукопись Государю».

В петербургской цензуре главное затруднение возникло с «Повестью о капитане Копейкине». В письме от 1 апреля 1842 года цензор А. В. Никитенко извещал Гоголя: «Совершенно невозможным к пропуску оказался эпизод Копейкина — ничья власть не могла защитить его от гибели, и вы сами, конечно, согласитесь, что мне тут нечего было делать» (Русская Старина. 1889. № 8. С. 385).

Запрещение Повести Гоголь воспринял как непоправимый удар. «Выбросили у меня целый эпизод Копейкина, для меня очень нужный, более даже, нежели думают они (цензоры. — *И. В., В. В.*). Я решился не отдавать его никак», — сообщал он 9 апреля 1842 года Н. Я. Прокоповичу. «Уничтожение Копейкина меня сильно смутило! — писал Гоголь на следующий день П. А. Плетневу. — Это одно из лучших мест в поэме, и без него — прореха, которой я ничем не в силах заплатать и зашить. Я лучше решился переделать его,

чем лишиться вовсе. Я выбросил весь генералитет, характер Копейкина означил сильнее, так что теперь видно ясно, что он всему причиною сам и что с ним поступили хорошо. Присоедините ваш голос и подвиньте кого следует».

Вместе с письмом к Плетневу Гоголь послал новую редакцию Повести для передачи ее цензору Никитенко. А ему самому в тот же день писал, имея в виду историю капитана Копейкина: «...вы сами можете видеть, что кусок этот необходим, не для связи событий, но для того, чтобы на миг отвлечь читателя, чтобы одно впечатление сменить другим, и кто в душе художник, тот поймет, что без него остается сильная прореха. Мне пришло на мысль: может быть, цензура устрашилась генералитета. Я переделал Копейкина, я выбросил все, даже министра, даже слово «превосходительство». В Петербурге за отсутствием всех остается только одна временная комиссия. Характер Копейкина я вызначил сильнее, так что теперь ясно, что он сам причиной своих поступков, а не недостаток состраданья в других. Начальник комиссии даже поступает с ним очень хорошо. Словом, все теперь в таком виде, что никакая строгая цензура, по моему мнению, не может найти предосудительного в каком бы ни было отношении».

Но вот все благополучно окончилось. Успешно пройдя петербургскую цензуру, которая внесла ряд малосущественных поправок в текст поэмы и изменила ее название, гоголевская рукопись вернулась в Москву для напечатания. Билет на выпуск в свет поэмы Н. Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души» был выдан цензором Снегиревым (*ЦИАМ.* Ф. 31. Оп. 5. Д. 168. Л. 71).

Вокруг первого тома поэмы сразу же разгорелись жаркие споры. «Между восторгом и ожесточенной ненавистью к “Мертвым душам” середины решительно нет...» — писал Н. Я. Прокопович Гоголю 21 октября 1842 года. Одни обвиняли автора в клевете на Россию, другие, напротив, увидели в поэме апофеоз Руси. Суждения порой доходили до крайности: так, известный дуэлянт и карточный игрок — граф Ф. И. Толстой (по прозванию Американец) при многолюдном собрании говорил, что Гоголь «враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь» (Гоголь в воспоминаниях современников. Без м. изд., 1952. С. 122).

На выход «Мертвых душ» не замедлили откликнуться и журналы. Наиболее подробные и интересные разборы дали С. П. Шевырев в «Москвитянине» и П. А. Плетнев в «Современнике» — как раз те критики, которые ближе других стояли к Гоголю и более чем кто-либо были посвящены в его замыслы. Так, Плетнев писал, что «на книгу Гоголя нельзя иначе смотреть, как только на вступление к великой идее о жизни человека, увлекаемого страстями жалкими, но неотступно действующими в мелком кругу общества» (Современник. 1842. Т. 27. С. 21). Замечание Шевырева о «неполноте комического взгляда, берущего только вполобхвата предмет», особенно понравилось Гоголю.

В том же 1842 году в Москве вышла брошюра К. С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова, или Мертвые души”», в которой он сравнивал Гоголя с Гомером, находя у них общий взгляд на мир — «всеобъемлющее эпическое созерцание». По мысли критика, поэма Гоголя возрождала в русской литературе традиции гомеровского эпоса. «...Уж не тайна ли русской жизни лежит, заключенная в ней, не выговорится ли она здесь художественно?» — вопрошал Аксаков, разумея всю поэму в целом (*Аксаков К. С.* Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 79).

Брошюра вызвала резкий отклик В. Г. Белинского, оспорившего многие положения К. С. Аксакова и предложившего свое понимание значения Гоголя для современной литературы. Сравнение с Гомером казалось критику неприемлемым: «В смысле *поэмы* “Мертвые души” диаметрально противоположны “Илиаде”. В “Илиаде” жизнь возведена на апофеозу; в “Мертвых душах” она разлагается и отрицается...» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. С. 58). Однако именно Белинскому принадлежит определение поэмы Гоголя как «творения чисто русского, национального, выхваченного из тайника народной жизни... дышащего страстною, нервистою, кровною любовию к плодовитому зерну русской жизни», а самого автора — как «русского национального поэта во всем пространстве этого слова» (Там же. С. 51—52).

К читателю от сочинителя

Впервые напечатано: Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. М., 1846.

Предисловие написано в 1846 году и находится в тесной связи с книгой «Выбранные места из переписки с друзьями» (вышедшей в свет в начале 1847 года). 20 января (н. ст.) 1847 года Гоголь писал С. П. Шевыреву из Неаполя: «Если ты поудержал выпуском в продажу второе издание “Мертвых душ”, то сделал хорошо, потому что предисловие может быть понятно читателям только по прочтении моей “Переписки”. А без этого все это будет дико, и никто не увидит сильной нужды в исполнении моей просьбы».

Гоголевское предисловие вызвало почти единодушное осуждение в критике. В. Г. Белинский увидел в нем «столько неумеренного смирения и самоотрицания, что они невольно заставляют читателя предполагать тут чувства совершенно противоположные...» По словам критика, это предисловие «внушает живые опасения за авторскую славу в будущем» и «грозит русской литературе новою великою потерею прежде времени...» (*Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. С. 511). Настороженно встретил критик и обещание Гоголя издать первый том «в другом и лучшем виде». Аналогичное мнение высказал и В. Н. Майков в «Отечественных Записках»: «Мы полагаем, что величайшее достоинство второго издания “Мертвых душ” заключается в тождестве его текста с текстом первого издания»

(*Майков В. Н.* Литературная критика. Л., 1985. С. 296). С одобрением отнесся к предисловию С. П. Шевырев. «Твое предисловие мне пришлось по сердцу, — писал он Гоголю, — мне кажется из него, что ты растешь духовно» (Отчет Императорской публичной библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. Приложение. С. 27).

В «Авторской исповеди» Гоголь писал, поясняя замысел своего предисловия: «Я сделал... воззванье ко всем читателям “Мертвых душ”, — воззванье несколько неприличное и не весьма ловкое. Я очень знал, что над ним многие посмеются; но я готов был выдержать всякое осмеяние, лишь бы только добиться своего. Я думал, что, может, хоть пять, шесть человек захотят исполнить мою просьбу так, как я желал. Я не требовал собственно поправок на “Мертвые души”: мне хотелось, под этим предлогом, добыть частных записок, воспоминаний о тех характерах и лицах, с которыми случилось кому встретиться на веку, изображений тех случаев, где пахнет Русью... Я думал, что теперь, более чем когда-либо, нужно нам обнаружить внаружу все, что ни есть внутри Руси... Я питал втайне надежду, что чтенье “Мертвых душ” наведет некоторых на мысль писать свои собственные записки, что многие почувствуют даже некоторое обращение на самих себя, потому что и в самом авторе, в то время, когда писаны были “Мертвые души”, произошло некоторое обращенье на самого себя... Но на мое приглашение я не получил записок; в журналах мне отвечали насмешками».

Однако некоторые читатели откликнулись на призыв Гоголя. Так, К. И. Марков, помещик Лебединского уезда Харьковской губернии, отставной поручик, писал Гоголю 23 ноября 1849 года: «Искренность, которою дышат мысли ваши в предисловии ко второму изданию “Мертвых душ”, ободряет меня воспользоваться вызовом вашим сказать вам мое мнение о вашем творенье».

...издание новое этой книги, в другом и лучшем виде. — Мысль **к стр. 8**
издать первый том «Мертвых душ» в исправленном виде возникла у Гоголя еще в 1843 г. 14 ноября (н. ст.) 1842 г. В. А. Жуковский писал Гоголю: «Еще я не послал к вам критики на ваши “Души”, потому что это работа большая, а я не скоро могу решиться на длинное письмо. Вам же моя критика не так теперь необходимо нужна — книга уже напечатана. Вообще же мое мнение о знакомых мне отрывках вы знаете». В письме от 21 ноября 1842 г. с предложением Жуковскому написать разбор «Мертвых душ» обратился князь П. А. Вяземский (*Гиллельсон М. И.* Переписка П. А. Вяземского и В. А. Жуковского (1842—1852) // Памятники культуры. 1979. Л., 1980. С. 38—39). Спустя некоторое время Жуковский послал Гоголю еще одно письмо, на которое Гоголь 5 мая (н. ст.) 1843 г. отвечал: «Благодарю вас еще за третье удовольствие, которое принесло мне письмо ваше, именно за два слова о М<ертвых> д<ушах> и за обещание поговорить при свидании об этом предмете подробно. Судя по всему, дело кажется не обойдется без ругани. Это я люблю, тем более, что я не почитаю

вовсе дело конченным, если вещь напечатана, а как, отчего и почему — об этом мы поговорим с вами и вы в этом согласитесь со мною. Обещанием *похерить* многое вы меня сильно разлакомили. Я и прежде любил, когда меня побранивали, а теперь просто всякое слово упрека в грехе для меня червонец». Задумав переделку, Гоголь предполагал выпустить новое издание к 1845 году. 28 мая (н. ст.) 1843 г. он обращался к Н. М. Языкову: «…перечти еще один раз Мер<твые> души. Во второй раз дело будет очевиднее и всякие ошибки яснее. Мне это слишком нужно. В течение двух лет, т. е. прежде совершенного исправления всего, мне нужно увидеть все дыры и прорухи. Особенно мне нужны теперь вот какие замечания: какая глава сильнее, какая глава слабее другой, где, в каком месте возрастает более сила всего, где устает автор, вял или, если на последнее слово, по деликатности или недальнозоркости своей, ты не согласен, то где по крайней мере он уступает самому себе, оказавшемуся в других местах».

20 марта (н. ст.) 1846 г. Гоголь писал П. А. Плетневу: «...второе издание 1-й части будет только тогда, когда она выправится и явится в таком виде, в каком ей следует явиться...» За неделю перед тем, 15 марта (н. ст.), Гоголь просил Жуковского, чтобы тот, отправляя его книги в Москву, «вынул из них два экземпляра "Мертвых душ"»: «...первая часть мне потребна при писании второй, и притом нужно ее самую значительно выправить». Намерение «выправить» первый том «Мертвых душ» Гоголь не оставлял и позднее. 16 мая 1849 г. он писал В. И. Белому: «Очень благодарен за ваши замечания. О детстве Чичикова я думал уже сам, предполагая напереть особенно на эту сторону при третьем (исправленном) издании».

Глава первая

к стр. 9 *…рессорная небольшая бричка…* — *Бричка* — легкая повозка с откидным кожаным верхом.

Штабс-капитан — офицерский чин в пехоте, артиллерии и инженерных войсках, выше поручика и ниже капитана. Введен в 1801 г.

…вон какое колесо!.. — Замечание мужиков о колесе чичиковской брички отозвалось в одиннадцатой, заключительной главе. В самый неподходящий момент, когда герой собрался бежать из города, ему пришлось перетягивать шину на колесе.

...канифасовых панталонах, весьма узких и коротких... — Канифас — плотная льняная ткань, преимущественно полосатая. Отмечено, что это была мода 1820-х гг., подтверждаемая «Отечественными Записками» П. П. Свиньина (1820. Ч. 2. № 4), где сообщалось, что щеголи носят «белые матросские брюки из канифаса, короткие, так чтоб из-под них до половины можно было видеть сапоги» (см.: *Данилов В. В.* «Мертвые души» Гоголя как хроника русской жизни 20-х и 30-х годов // Родной язык в школе. 1923. Кн. 4. С. 6).

…видна была манишка… — *Манишка* — накрахмаленный нагрудник, преимущественно из белой ткани, приложенный или пришитый к мужской сорочке.

...застегнутая тульскою булавкою с бронзовым пистолетом... — Булавкой в виде пистолета работы тульских мастеров.

...демикотонном сюртуке... — Демикотон — плотная хлопчатобумажная ткань.

...по всей деревянной галдарее... — *Галдарея* (галерея) — коридор с наружной стороны здания.

...не был выщекатурен... — То есть не выштукатурен. П. В. Анненков, переписывавший последние главы первого тома «Мертвых душ» под диктовку самого автора, вспоминает: «Случалось также, что он прекращал диктовку на моих орфографических заметках, обсуживал дело и, как будто не было ни малейшего перерыва в течении его мыслей, возвращался свободно к своему тону, к своей поэтической ноте. Помню, например, что, передавая ему написанную фразу, я вместо продиктованного им слова: "щекатурка" — употребил "штукатурка". Гоголь остановился и спросил: "Отчего так?" — "Да правильнее, кажется". — Гоголь побежал к книжным шкафам своим, вынул оттуда какой-то лексикон, приискал немецкий корень слова, русскую его передачу и, тщательно обследовав все доводы, закрыл книгу и поставил опять на место, сказав: "А за науку спасибо"» (Гоголь в воспоминаниях современников. Без м. изд., 1952. С. 270—271). Исправив слова «щекатурную» и «щекатурка» в шестой и девятой главах поэмы, Гоголь, однако, сохранил в данном случае прежнее написание. Неустойчива орфография этого слова и в позднейших письмах Гоголя к матери 1850 г. (В Толковом словаре В. Даля к слову «щекотурить» сделана помета: «свойственнее языку нашему, чем "штукатурить"). В комедии «Женитьба» Гоголь использовал замечание Анненкова для создания особого стилистического эффекта. В разговоре Подколесина с Агафьей Тихоновной он последовательно исправил: «щекотурщик щекотурит» — «штукатурщик щекотурит» — «щекатурщик штукатурит». к стр. 10

...помещался сбитенщик с самоваром... — *Сбитенщик* — продавец сбитня, горячего напитка с медом и пряностями.

...а еще более туземными... — *Туземный* — здесь: местный, коренной, а не приезжий.

...купцы... приходили сюда сам-шест и сам-сём... — Вшестером и всемером.

...испивать... известную пару чаю... — Чай в трактирах подавался в двух чайниках: в большом был кипяток, в маленьком — заварка. к стр. 11

...пулярка жареная... — *Пулярка* — молодая откормленная курица.

...председатель палаты... — *Палата* — название многих административных учреждений: существовали палаты казенная (ведомства Министерства финансов), гражданская (высшее в губернии судебное учреждение) и др.

Прокурор — «блюститель выгод казны и законов... Все дела ему присылаются на просмотр... Словом, он — око закона» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

к стр. 12 *Коллежский советник* — Согласно «Табели о рангах», введенной Петром I в 1722 г., чиновники гражданского ведомства делились на четырнадцать классов: 1-й (высший чин) — канцлер, 2 — действительный тайный советник, 3 — тайный советник, 4 — действительный статский советник, 5 — статский советник, 6 — коллежский советник, 7 — надворный советник, 8 — коллежский асессор, 9 — титулярный советник, 10 — коллежский секретарь, 11 — корабельный секретарь, 12 — губернский секретарь, 13 — провинциальный секретарь, сенатский, синодский регистратор, 14-й (самый младший чин) — коллежский регистратор. *Коллежский советник* приравнивался к званию полковника на военной службе.

...вывески с... подписью какого-то Аршавского портного... магазин с... надписью: «Иностранец Василий Федоров»... — Подобные вывески действительно существовали в Москве, о чем, в частности, в 1831 г. извещала читателей газета «Молва»: «"*Здесь портной А. Финс* Никулин" — этот очевидно метит в немцы; другой: "здесь *иностранец* мужской портной Николай Рахманов" — в этом преобладает космополитизм: не говорит, какой нации, только не русской. Есть еще портной "*новоприбывший* из *Парижа*", и засаленная вывеска пятнадцать лет настойчиво уверяет в том всех идущих и едущих» (*Каллаш В. В.* Заметки о Гоголе // Исторический Вестник. 1902. № 2. С. 681). По свидетельству князя П. А. Вяземского, в 1820-х гг. в Москве, на Арбате или Поварской, можно было видеть вывески: «Гремислав, портной из Парижа», «Tailleur Effremoff de Paris» (*фр.* портной Ефремов из Парижа) и др. (Там же. С. 681).

к стр. 13 *...пряниками, похожими на мыло...* — С. Т. Аксаков, путешествовавший вместе с Гоголем из Москвы в Петербург в 1839 г., рассказывает следующий забавный эпизод, приключившийся на дороге: «Не помню, где-то предлагали нам купить пряников. Гоголь, взявши один из них, начал с самым простодушным видом и серьезным голосом уверять продавца, что это не пряники; что он ошибся и захватил как-нибудь куски мыла вместо пряников, что и по белому их цвету это видно, да и пахнут они мылом, что пусть он сам отведает и что мыло стоит гораздо дороже, чем пряники. Продавец сначала очень серьезно и убедительно доказывал, что это точно пряники, а не мыло, и, наконец, рассердился» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 103).

...двуглавых государственных орлов, которые теперь уже заменены... надписью: «Питейный дом». — До 1827 г. в России существовала монополия на продажу вина и на кабацких вывесках помещались двуглавые орлы — малый государственный герб России. После перехода к свободной продаже спиртных напитков кабаки стали называться «питейными домами».

Расспросивши подробно будочника... — *Будочник* — нижний полицейский чин, городской сторож; нес караульную службу в полосатой будке на перекрестках дорог.

...давалась драма г. Коцебу... — *Коцебу* Август Фридрих (1761—1819), немецкий драматург. Его пьесы ставились в школьном театре

в Нежине. Драма, о которой идет речь, называлась «Гишпанцы в Перу, или Смерть Роллы» (о покорении испанцами Америки).

к стр. 14 *...бутылкою кислых щей...* — *Кислые щи* — здесь: прохладительный напиток вроде шипучего кваса, приготовленный из ржаного и ячменного солода и пшеничной муки.

...имел на шее Анну... — Орден Святой Анны 2-й степени в виде креста, носился «на шее», т. е. на мундире у воротника.

...представлен к звезде... — К ордену Святого Станислава 1-й степени; носился с лентой через плечо, жаловался высшим чинам за особые заслуги перед государством.

...сам вышивал иногда по тюлю... — Вышивание и прочие женские рукоделья были довольно распространены и среди мужчин в русском дворянском обществе начала XIX в. Гоголь также умел вышивать. Об этом сохранилось свидетельство дочери М. П. Погодина Александры Михайловны, в замужестве Зедергольм. «В памяти А. М. Зедергольм запечатлелась очень ярко такая сцена. Гоголь любил вышивать по канве, но об этом никому не говорил и скрывал это от посторонних. Однажды, в то время, когда Гоголь проживал у М. П. Погодина, он был остановлен в зале, куда выходила дверь его комнаты, воспитательницей г-жи Зедергольм, которая неосторожно спросила о его успехах в вышивании. Гоголь мрачно ответил: “Кто вам это сказал? Пустяки, пустяки”, — и быстро, видимо очень недовольный, прошел дальше» (*В. С.* Из воспоминаний о Н. В. Гоголе // Новое Время. 1909. 20 марта. № 11861. С. 4).

Полицеймейстер — начальник полиции города.

Откупщик — частное лицо, получившее от государства за определенную плату право на монопольную торговлю. С 1827 г. в России широкое распространение получил винный откуп.

...сказал даже ошибкою два раза: «ваше превосходительство»... — *«Ваше превосходительство»* — обращение к лицам в генеральском звании и высшим чиновникам гражданской службы (начиная с 4-го класса), так называемым «штатским генералам». См. примеч. к с. 12.

Бостончик (бостон) — карточная игра, носившая спокойный характер и не связанная с риском большого проигрыша; была популярна в чиновничьей среде.

к стр. 15 *...форейторские крики...* — *Форейтор* — верховой ездок, управлявший передней парой лошадей, запряженных цугом (друг за другом).

Рафинад — очищенный сахар в кусках или в виде конусообразной «сахарной головы».

к стр. 16 *Вист* — карточная игра, в которой участвовали четверо. Играли обычно за столом, обтянутым зеленым сукном, на котором мелом записывались взятки. Считался игрой степенных, солидных людей.

к стр. 18 *...серебряную с финифтью табакерку...* — *Финифть* — эмаль, наносимая на металлические изделия для украшения.

к стр. 19 *Городской глава* (голова) — выборный представитель от купечества.

Казенная палата — «хранит казенные подряды, торги и все, что ныне составляет палату государственных имуществ: правление казенными крестьянами, оброчные статьи — в отдаче на подряд лугов, земель, мельниц, рыболовств. Источник всех взятков с подрядчика» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

Горячее вино — здесь: хлебное вино, водка.

...или, как говорят в провинциях, пассаж... — *Пассаж* — неожиданный случай.

Глава вторая

к стр. 20 *...чтению книг, содержанием которых не затруднялся...* — В рецензии на книгу «Путешествие к святым местам...» (М., 1836) Гоголь замечал: «Путешествия в Иерусалим производят действие магическое в нашем народе. Это одна из тех книг, кот<орые> больше всего и благоговейнее всего читаются... Прочие книги русский народ читает для <того> только, чтобы прочитать что-нибудь в случае показать себе и другим, что он может прочесть по верхам то, что другой читает по складам — без малейшего внимания к содержанию книги. И потому для народа нашего чрезвычайно трудно выбрать чтения».

к стр. 21 *...будучи человек весьма щекотливый и даже в некоторых случаях привередливый...* — «Привередлив — брезглив, разборчив» (из записной книжки Гоголя 1841—1845 гг.).

...страсть сильная зазнаться... — *Зазнаться* — здесь: познакомиться, знаться.

Надворные советники, может быть, и познакомятся с ним... — *Надворный советник* приравнивался к званию подполковника на военной службе.

к стр. 22 *...чинам генеральским...* — См. примеч. к с. 14.

...шинель на больших медведях... — Т. е. на медвежьем меху.

Проходивший поп снял шляпу... — *Поп* (от *греч.* papas — православный священник, иерей). В XIX в. это слово не имело того уничижительного оттенка, который появился в советскую эпоху. По народному поверью, встреча с попом предвещает недоброе. В Толковом словаре В. Даля отмечено: «Встретил попа — не хорош выход»; «Поп, монах дорогу перешел»; «Поп... — дурная встреча». Примета эта одна из самых древних. Упоминание о ней можно найти в русских летописях. Так, в «Повести временных лет», в записи под 1068 годом, летописец упрекает христиан в том, что они верят в языческие приметы: «Аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается... то не поганьскы ли се есть?» («Ведь если кто встретит черноризца, то возвращается... разве это не по-язычески?») (Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978. С. 182—183). Встрече с попом Чичиков не придал значения. Но автор поэмы знает больше, чем его герой: Павлу Ивановичу не будет удачи в его предприятии.

...дикий вереск... — *Вереск* — «жесткое растение полукустами, вечно зеленеющее» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

...потрафить на лад... — Здесь: сделать правильно, так, как требуется.

Аглицкие сады — сады на английский манер со свободной планировкой и близкие природному ландшафту. Вошли в моду в России в конце XVIII в. к стр. 23

...два деревянные кляча... — *Кляч* — «палка, за которую влекут сеть, тянут невод» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

...шалоновом сюртуке... — Шалон — тонкая шерстяная ткань (от названия города Шалона во Франции, где изготовлялась эта ткань). к стр. 24

У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки... — По наблюдению Г. Л. Лозинского, рассуждение о «задорах» представляет собой реминисценцию из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина: «У всякого своя охота, / Своя любимая забота: / Кто целит уток из ружья, / Кто бредит рифмами, как я, / Кто бьет хлопушкой мух нахальных, / Кто правит в замыслах толпой, / Кто забавляется войной, / Кто в чувствах нежится печальных, / Кто занимается вином: / И благо смешано со злом». Эти строки 36-й строфы четвертой главы романа были опубликованы в 1828 г. при первом издании четвертой и пятой глав «Евгения Онегина» и опущены в последующих изданиях (*Лозинский Г. Л.* Пушкин и Гоголь («Евгений Онегин» и «Мертвые души» // Трудный путь. Зарубежная Россия и Гоголь. М., 2002. С. 137; статья была впервые напечатана в 1937 г. в Париже).

Флигель-адъютант — почетное звание, присваивавшееся офицерам, состоявшим в свите Императора. Флигель-адъютанты носили особый мундир и аксельбанты.

...заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке... — *Заломить угол* — термин карточной игры. Как отмечает В. Даль в Толковом словаре, «угол в банковой игре — четверть ставки, причем загибают угол карты», т. е. у карты, которой идут против банкомета, загибался («заламывался») угол.

...личности станционного смотрителя... — *Личность* — здесь: лицо, физиономия. *Станционный смотритель* — начальник почтовой станции, в ведении которого находились казенные и почтовые лошади; чиновник самого низшего, 14-го класса.

...подать заработать... — *Подать* — подушный налог, взимавшийся с крестьян.

...все эти прожекты так и оканчивались только одними словами... — *Прожект* — здесь: неосуществимый, несбыточный план.

...тремя античными грациями... — *Грация* (от *лат.* gracia — привлекательность, изящество) — название трех греческих богинь, спутниц Афродиты, олицетворявших женскую красоту. В римской мифологии — богини красоты и изящества. Образ трех античных граций получил широкое отражение в искусстве. к стр. 26

...перламутным щегольским щитом... — *Щит* — щиток из перламутра (фарфора или цветного стекла), скрадывающий резкость пламени свечи.

к стр. 27 *...вязание кошельков и других сюрпризов.* — В письме к матери (май 1849 г.) Гоголь называл подобные занятия «рукодельями для пустых украшений».

к стр. 29 *...только иногда почитаешь «Сын Отечества».* — *«Сын Отечества»* — исторический, политический и литературный журнал, издававшийся в Петербурге. Основан Н. И. Гречем в 1812 г.

к стр. 30 *...извините, если у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах...* — Ср. письмо Гоголя к матери от 25 января (н. ст.) 1847 г., которое может служить своеобразным комментарием к этому эпизоду: «Писал я также о гостеприимстве и хлебосольстве, но о хлебосольстве всем тем, что Бог послал, что производит собственная земля и хозяйство, а не тем, что берется в городе из бакалейных лавок и что привозят разносчики. Этой дрянью никого не удивишь и не насытишь, — только что трата насчет неимущих, потому что, если рассмотришь к концу года расходы да подведешь итог и смету всему, так увидишь, что на это ушла одна и другая тысяча.... гостю будут в несколько раз приятнее эти простые и вкусные блюда, чем те, которые хотят быть на манер немецкий и выходят ни се ни то. А домашние хорошо сделанные наливки ему понравятся гораздо больше французских порченых, и таким образом одна-другая тысяча осталась бы в кармане, и, может быть, от нее досталось бы на долю и тем, которые умирают от нужды. Истинное хлебосольство не в том, чтобы завести у себя стол ничем не хуже других людей, обезьянничая на манер других и боясь на всяком шагу того, чтобы гость не осудил чего и не посмеялся над чем. Истинное хлебосольство состоит в радушном внимании к гостю... в уменьи сказать ему утешительное слово, так чтобы ему... стало бы легко на душе и показалось бы... что он был у близких и родных себе людей».

к стр. 31 *Я его прочу по дипломатической части.* — Размышляя о будущности своего племянника Н. П. Трушковского, Гоголь в декабре 1847 г. писал сестре Анне Васильевне: «...Мысль о дипломатии ни к чему не показывает наклонности. Там большею частью праздные места и должности без занятий, куда назначаются только богатые и знатные люди, да и притом мало одного французского языка. Нужно их знать много». Тогда же он писал С. П. Шевыреву: «У меня есть племянник, почти брошенный мальчик, которому получить воспитанья блестящего не удастся, но если в нем... возбудится *желанье* любить и знать Россию, то это все, что я желаю; это, по-моему, лучше, чем если бы он знал языки и всякие науки. Об участи его я тогда не буду заботиться: он, верно, и сам пойдет своей дорогой и будет добрым служакой где-нибудь в незаметном уголку государства. А этого и предовольно для русского гражданина. Все прочее может поселить только заносчивость...»

к стр. 32 *...в картузах и в табачнице...* — *Картуз* — здесь: плотный бумажный пакет.

к стр. 33 *Поручик* — младший офицерский чин, выше подпоручика и ниже штабс-капитана. Введен в XVII в.

Ревизская сказка — поименный список крепостных крестьян, составлявшийся при переписи (ревизии). Ревизия производилась раз в семь — десять лет для исчисления подушной подати, которая взималась по числу мужчин-крепостных. Крестьяне, внесенные в список, назывались «ревизскими душами». Число это оставалось неизменным до следующей переписи.

...подбавлял на тягла победнее... — *Тягло* — здесь: крестьянская семья (два взрослых работника, мужчина и женщина), облагавшаяся крепостной повинностью (податью или оброком). В материалах для «объяснительного словаря» русского языка Гоголь отметил: «Тягло́, подать, бирка, число работящих крестьян».

к стр. 34 *...сделай подробный реестрик...* — *Реестрик* — реестр, список.

...с землею или просто на вывод... — *На вывод* — То есть для переселения на жительство в другие губернии.

к стр. 35 *Купчая крепость* — утвержденный («скрепленный») в суде договор купли-продажи, в данном случае — крепостных душ.

к стр. 36 *...или, чтоб еще более, так сказать, выразиться, негоция...* — *Негоция* — торговая сделка.

к стр. 39 *...с таким высоким бельведером, что можно оттуда видеть даже Москву...* — *Бельведер (ит.* belvedere, букв.: прекрасный вид) — вышка, надстройка над зданием, с которой открывается вид на окрестности.

Глава третья

...катившейся... по столбовой дороге. — *Столбовая дорога* — большая дорога, размеченная верстовыми столбами.

к стр. 40 *...чубарому пристяжному коню...* — *Чубарый* — пятнистой масти, т. е. с темными пятнами по светлой шерсти.

...коренной гнедой... — *Гнедой* — красновато-рыжей масти, с черным хвостом и гривой.

...пристяжной каурой масти... — *Пристяжной* — лошадь, запрягаемая в пристяжку (сбоку от оглобель в помощь коренной). *Каурой масти* — светло-каштановый, рыжеватый.

...приобретен от какого-то заседателя... — *Заседатель* — здесь: выборный представитель от дворян, член земского (уездного) суда.

к стр. 43 *...покрытая армяком...* — *Армяк* — длинный крестьянский кафтан из домотканого полотна, носившийся с кушаком.

к стр. 44 *...отхватывал наскоро, как пономарь...* — *Пономарь* — церковнослужитель, в обязанности которого входит смотрение за чистотою храма и звоном в колокола; во время богослужения принимает участие в чтении и пении. Ср. у А. С. Грибоедова в «Горе от ума»: «Читай не так, как пономарь...»

...звенел, как почтовый звонок... — *Почтовый звонок* — колокольчик под дугой почтовой тройки.

...картины с какими-то птицами... — О том, какие именно птицы были изображены на картинах в комнате Коробочки, можно, кажется, с достаточным основанием судить по описанию соответствующих лубочных картинок у Д. А. Ровинского (см.: *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 1. С. 488).

...пестрядевые мешочки... — Пестрядь — грубая домашняя материя из разноцветных ниток.

...целковики... четвертачки... — *Целковик* (целковый) — серебряная монета в один рубль. *Четвертачок* — четверть рубля, серебряная монета в 25 копеек.

к стр. 45 *...распоротого салопа...* — *Салоп* (*фр.* salope) — верхняя женская одежда в виде широкой длинной накидки с прорезями для рук или небольшими рукавами, часто на подкладке, вате или меху.

...со всякими пряженцами... — *Пряженцы* — «маленькие пирожки с мясом и луком; подается к ним суп или бульон» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

Слова хозяйки были прерваны странным шипением... стенным часам пришла охота бить. — По воспоминаниям А. О. Смирновой, записанным П. А. Висковатым, Д. Н. Свербеев «в шипевших часах Коробочки, столь удививших Павла Ивановича Чичикова, узнал старинные часы в столовой своего поместья, потерявшие бой и хрипевшие» (Русская Старина. 1902. № 9. С. 467).

к стр. 47 *...портрет Кутузова...* — *Кутузов* Михаил Илларионович (1745—1813), светлейший князь Смоленский, полководец, генерал-фельдмаршал.

...при Павле Петровиче. — *Павел I Петрович* (1754—1801), российский император с 1796 г.

...улисывать арбузные корки... — Отмечено, что в данном случае имеет место украинская реминисценция. К Коробочке «арбузные корки попали со двора украинской усадьбы. В представлениях Гоголя, вынесенных из далекого детства, эти корки — такой непременный аксессуар деревенского двора, что он переносит их и на дворик мелкого великорусского поместья» (*Данилов В. В.* Украинские реминисценции в «Мертвых душах» Гоголя // Наукові записки. Ніжинський державний педагогічний інститут ім. М. В. Гоголя. Чернигов, 1940. Т. 1. С. 81).

к стр. 49 *Прометей, решительный Прометей!* — *Прометей* — в греческой мифологии титан, похитивший у богов с Олимпа огонь и передавший его людям.

...такое превращение, какого и Овидий не выдумает... — *Овидий* Назон (43 до Р. Х. — ок. 18) — римский поэт, автор книги «Метаморфозы», заключающей в себе изложение греческих и римских мифов о чудесных превращениях (метаморфозах).

к стр. 52 *...уступила... протопопу двух девок...* — *Протопоп* (протоиерей) — старший священник (главный среди священников данной церкви).

...пятнадцать рублей ассигнациями. — *Ассигнации* — бумажные деньги, бывшие в обращении в России до 1843 г. наряду со звонкой

монетой. Все торговые цены исчислялись в ассигнациях, курс которых колебался (в 1820-е гг. ассигнационный рубль равнялся приблизительно 25 копейкам серебром). В некоторых губерниях ассигнаций совсем не было, что вызывало затруднения в осуществлении торговых операций и уплате налогов.

...морили пчел... — *Морить пчел* — одурманивать их дымом, чтобы вынуть соты. к стр. 53

...синими ассигнациями... — Т. е. пятирублевыми ассигнациями синего цвета.

...и казенные подряды тоже веду... — *Казенный подряд* — закупка хозяйственных и других товаров для учреждений, поручавшаяся чиновникам или частным лицам (подрядчикам). к стр. 54

...для песочницы... — *Песочница* — здесь: баночка с мелким сухим песком, который использовали вместо промокательной бумаги.

...билетами визитными, похоронными... — То есть визитными карточками, извещениями о смерти.

...очинив перо, начал писать. — *Очинить перо* — расщепить и заострить кончик гусиного пера, которым пользовались до изобретения стальных перьев.

...сколько у тебя тут гербовой бумаги... — *Гербовая бумага* — бланк с государственным гербом для подачи просьб, совершения торговых сделок, договоров и т. п. Была различной стоимости в зависимости от характера операции. к стр. 56

Петр Савельев Неуважай-Корыто — это имя гоголевского персонажа стало нарицательным. Ср. у А. И. Герцена: «...но ведь это вина не материализма — а тех Неуважай-Корыто, которые его скотски понимают» (из письма И. С. Тургеневу от 21 (9) апреля 1862 г.). Ср. также у А. П. Чехова: «...у нас обыщите все деревни и найдете разве только Неуважай-Корыто в пиджаке или черном сюртуке, делающего в слове "еще" четыре ошибки» (*Чехов А. П.* Моя жизнь. Рассказ провинциала).

...скородумки, шанишки, пряглы... — *Скородумка* — яичница-глазунья, приготовленная вместе с хлебом и ветчиной. *Шанишки* — «род вотрушки, немного меньше» (из записной книжки Гоголя 1841—1845 гг.). *Пряглы* — то же, что пряженцы, т. е. приготовленное на сковороде; «пышки, оладьи» (из той же записной книжки Гоголя).

...лепешки со всякими припеками... — *Припека* — посыпка на лепешки, блины (мак, лук, яйца и проч.) (Толковый словарь В. Даля).

...припекой со сняточками... — *Сняточки* (снетки) — мелкая промысловая озерная рыба.

...мука... неавантажная... — Т. е. неважная, невысокого качества (от *фр.* avantage — выгода, преимущество). к стр. 57

У меня о святках и свиное сало будет. — Коробочка рассчитывает время по народному календарю, в котором все хозяйственные дела приурочивались к церковным праздникам. Святки (зимние) — праздничное время от Рождества до Крещения (25 декабря — 6 января).

У меня к Филиппову посту будут и птичьи перья. — *Филиппов пост* (или Филипповки) — народное название Рождественского поста, который начинался после дня памяти св. апостола Филиппа (14 ноября с. ст.). В эту пору в средней полосе России обычно били птицу.

...выносившую из кладовой деревянную побратиму... — *Побратима* — «шарообразный сосуд деревянный, с узким горлом; кладут мед, варенья» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

к стр. 58 *...в платье из домашней крашенины...* — *Крашенина* — грубый крашеный домотканый холст, обычно синего цвета.

к стр. 60 *...дал ей медный грош...* — *Грош* — медная монета в 2 копейки; после денежной реформы 1838 г. — полкопейки.

Глава четвертая

...отправляющиеся в Карлсбад или на Кавказ. — *Карлсбад* — европейский город-курорт с минеральными водами (ныне Карловы Вары в Чехии). Гоголь лечился на карлсбадских водах в июле 1845 г.

...кулебякой с сомовьим плёсом... — *Сомовий плёс* (плеск) — «хвост у сома, весь из жира» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.). «*Кулебяка* — из одного лука и хвоста сомового или плеска, который весь из жиру, которого вбирает <в> себя всего тесто» (из той же записной книжки Гоголя).

к стр. 62 *...в темно-синей венгерке...* — *Венгерка* — короткая куртка с нашитыми на груди поперечными шнурами по образцу форменной одежды венгерских и российских гусар.

...в полосатом архалуке. — *Архалук* — род короткого кафтана из цветной шерстяной или шелковой материи, собранный у талии и застегивающийся спереди крючками.

к стр. 63 *...на обывательских приехал...* — Т. е. на лошадях, нанятых у местных жителей, обывателей.

Не загни я после пароле на проклятой семерке утку, я бы мог сорвать весь банк. — *Пароле* — удвоенная ставка в карточной игре. «*Пароле* или с углом — выигрывает втрое» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.). *Утка* — прибавка к ставке. «*Загнуть утку* — прибавляет, волен на раз, на два» (из той же записной книжки Гоголя). *Сорвать банк* — выиграть всю казну банкомета. См. коммент. к с. 65.

...играть дублетом... — «не отделять от выигрыша, а пускать вдвое»; «С тобой играть — с бритвы мед лизать, — употребляют с теми, которые играют в дублет» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

к стр. 64 *Штабс-ротмистр* — офицерский чин в кавалерии, выше поручика и ниже ротмистра. Введен в 1801 г.

Бордо — сорт легкого французского красного вина (от названия города Бордо — центра виноделия во Франции).

Сандал — сильно пахнущий краситель, полученный из древесины сандалового дерева.

...ну просто... находишься в эмпиреях. — Т. е. в блаженстве.

...не клико, а какое-то клико-матрадура, это значит двойное клико. — *Клико* — марка шампанского (по названию французской фирмы, основанной мадам Клико). *Двойное клико* — высший сорт той же марки шампанского.

к стр. 65

...и в гальбик, и в банчишку... — *Гальбик* — азартная карточная игра. *Банчишка* (банк) — карточная игра, в которой одно лицо (банкомет) ставит определенную сумму денег против всех остальных игроков (понтёров). Формально азартные игры были запрещены, но фактически были общераспространенным явлением.

...en gros (*фр.*) — в большом количестве.

В фортунку крутнул... — *Фортунка* (от «фортуна» — судьба) — азартная лотерейная игра.

...рюши на ней и трюши... — *Рюши* (*фр.* ruche) — обшивка из сборчатой легкой ткани. *Трюши* — слово, выдуманное по созвучию со словом «рюши».

...это такая бестия... — *Бестия* — плут, ловкий пройдоха.

...попользоваться насчет клубнички. — Это выражение Ноздрева, означающее нечто скабрезное, связанное с любовными похождениями, вошло в оборот после «Мертвых душ».

...Оподелдок Иванович! — Имя образовано от названия жидкой душистой мази для растирания — оподелдок (опоподельдок; *англ.* opodeldoc; *фр.* opodeldoch). Мазь, которая употреблялась иногда как средство против ревматизма, составлялась из марсельского мыла, камфары, майоранового и розмаринового масел, очищенного и нашатырного спиртов; представляла собой один из парфюмерных товаров, предметов роскоши. Упоминается, в частности, в прейскуранте товаров 1831 г. петербургского торговца Х. Гельта среди разных сортов мыла, помад, духов, масел, курительных порошков и пр.: «*Благовонные предметы...* Духи... французские... Одеколон... Оделаван... Одеперл... Оподельдок в больших склянках — 15 руб<лей>; то же в маленьких — 10 руб<лей>. Душистое масло для волос... Ессенций для курения. Курительные порошки... Пудра для курения...» (Прейскурант товарам, изготовленным у Христофора Гельта, парфюмера в Санктпетербурге. На Невском проспекте, против Гостиного Двора, в доме Паскова, под № 54. Приложение к газете «Санктпетербургские Ведомости» от 29 ноября 1831 г. № 281 (на рус. и нем. языках). Отметим, что в числе товаров, которые приобретает на ярмарке Ноздрев, значатся и «курительные свечки».

к стр. 66

...это просто жидомор! — *Жидомор* — «скряга, жидоморля» (из записной книжки Гоголя 1841—1845 гг.).

Фенарди... вертелся мельницею. — *Фенарди* — известный в 20-е гг. XIX в. цирковой акробат и фокусник.

к стр. 67

Настоящий мордаш... — *Мордаш* — порода малорослых головастых охотничьих собак.

к стр. 68

...двугривенник всего... Дай ей полтину... — Старуха запросила серебряный двугривенный, который тогда равнялся приблизительно 80 копейкам ассигнациями. Ноздрев же велит уплатить ей полтину (то есть 50 копеек) ассигнациями.

к стр. 69 *...зная много разных передержек...* — *Передержки* — жульнические приемы при игре в карты.

к стр. 70 *Курительные свечки* — специальные свечи из ароматических смол, зажигавшиеся в комнате для благовония.

к стр. 72 *...крепость черных мясов...* — *Черные мяса* — мышцы ляжки у собаки. Одну из отличительных «ста́тей» охотничьей собаки составляют «толщина и крепость черных мясов» (записная книжка Гоголя 1841—1844 гг.). В конце 1841 г. — в период завершения первого тома «Мертвых душ» — Гоголь по приезде из-за границы в поисках словарного материала обратился к С. Т. Аксакову, почерпнув в беседах с ним ряд слов, появившихся тогда в двух его записных книжках 1841—1844 и 1841—1845 гг. и частично использованных в первом и втором томах поэмы. Гоголь занес тогда в записные книжки сведения об охотничьих собаках, псовой охоте, «птичьих и звериных криках», «рыбных ловлях», о промыслах «в Оренбургской губернии», о лесах, болотной, речной, степной и лесной дичи и др. Все эти заметки перекликаются с содержанием написанных позднее книг С. Т. Аксакова «Записки об уженье рыбы» (1847), «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852), «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855).

...щиток — игла! — *Щиток* (щипок, щипец) — острая морда у борзых. Ср.: «Щипец, чтоб длинен и тонок» (из той же записной книжки Гоголя).

Густопсовые — «с шерстью длинною по всей собаке»; *чистопсовые* — «гладкие, с шерстью длинною на хвосте и на ляшках, то есть на черных мясах»; *муругая* — «искрасна-черная, с черным рылом»; *черные с подпалинами* — «с красной мордой»; *полво-пегие* — «по белому желтые пятна»; *муруго-пегие* — «по желтому черные пятна» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

...клички, все повелительные наклонения... — Почти все эти клички встречаются в записной книжке Гоголя.

Скосырь — хват, забияка. В записной книжке Гоголя 1841—1845 гг. среди слов Владимирской губернии отмечено: «Скосырь — без достоинств, но надменный человек».

Черкай — кличка образована, по всей видимости, от слова «черкаться» (чертыхаться).

Северга — стрела; здесь: быстрый, нетерпеливый.

...хвосты, зовомые у собачеев правилами... — Ср. в записной книжке Гоголя 1841—1844 гг.: «*Хвост* называется правилом; достоинство его в тонкости: хорошее правило то, которое *в серпе. Правило в серпе* — хвост, имеющий форму серпа».

Крымская сука — «с длинными ушами висячими» (из той же записной книжки Гоголя).

...водяную мельницу, где недоставало порхлицы... — *Порхлица* — «на мельнице железо, в которое вделывается камень, быстро движущийся на веретене, порхающий» (из той же записной книжки Гоголя).

...между перелогами и взбороненными нивами. — *Перелог* — «свежее поле, недавно обработанное» (гоголевские материалы для «объяснительного словаря» русского языка). к стр. 73

— *Эх, ты, Софрон!* — «Софрон — простак» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

«Мальбруг в поход поехал» — французская шуточная песня, связанная с именем герцога Мальборо (или Мальбрука, как называли его французы, 1650—1722), командовавшего английскими войсками в войне за Испанское наследство. В конце XVIII в. песня была переведена на многие языки, в том числе и русский. В России она получила широкое распространение во время Отечественной войны 1812 г. (неудачный поход Мальбрука связывался с поражением Наполеона), включалась в различные песенники (см., например: Новейший Российский избранный песенник... М., 1817. Ч. 2) и была популярна как в народной массе, так и среди литераторов. А. С. Пушкин участвовал в сочинении пародий на «Мальбрука» (см.: *Лернер Н. О.* Пушкинологические этюды // Звенья: Сб. V. М.; Л., 1935. С. 50—58).

...трубки... пенковые... — курительные трубки из пенки, легкого огнестойкого пористого материала. к стр. 74

...субдительной суперфлю, — слово... означавшее... высочайшую точку совершенства. — Это выражение Ноздрева образовано от слов «субтильный» (*фр.* subtilité — тонкий, изящный, хрупкий) и superflu (*фр.* — лишний, бесполезный); здесь: изысканный.

...налил гостям по большому стакану... госотерна, потому что в губернских и уездных городах не бывает простого сотерна. — *Госотерн* — высший сорт сотерна, французского белого вина.

...велел принести бутылку мадеры... — *Мадера* — сорт сладкого крепкого вина (по названию острова, где произрастает виноград, из которого выделывается это вино).

...купцы, зная уже вкус помещиков, любивших добрую мадеру... вливали туда и царской водки, в надежде, что всё вынесут русские желудки. — *Царская водка* — смесь азотной и соляной кислоты; сильнейший окислитель, способный растворять золото и платину.

Смерть не люблю таких растепелей! — *Растепель* — рохля, растрепа, неряха. к стр. 75

Фетюк — *разиня,* простофиля. В двух первых (прижизненных) изданиях «Мертвых душ» слово *Өетюк* писалось с прописной (заглавной) буквы. Отмечено происхождение этого слова от *венг.* fattyú — внебрачный ребенок (см.: *Добродомов И. Г.* Ноздрёвское слово «фетюк» или «Фетюк»? // Гоголь и Общество любителей российской словесности. М., 2005).

...я вовсе не какой-нибудь скалдырник... — *Скалдырник* — «человек, который со всего хочет выгоды схватить» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.). к стр. 78

Брудастая — породистая борзая, «с усами и с торчащей шерстью» (из той же записной книжки Гоголя). к стр. 79

Бочковатость ребр уму непостижимая... — «Достоинство ребер: бочковатость, выпукловат<ость>» («статья» охотничьей собаки в записной книжке Гоголя 1841—1844 гг.).

...лапа вся в комке, земли не заденет. — «Достоинство ног — в прямизне, сухости и в сжатости пальцев. Когти называются зацепами; чем более она стоит на корточках и менее захватыва<ется> земля. Лапа в комке — сжатая лапа» (из той же записной книжки Гоголя).

к стр. 80 *Такая, право, ракалия!* — *Ракалия* (*фр.* racaille) — негодяй, пройдоха. По объяснению В. Даля в Толковом словаре, — «(от *рака* и *каналья*) негодяй, бестия, наглый подлец».

Обе талии ему показались очень похожими на искусственные... — *Талия* (от *фр.* tailler — метать банк) — две колоды карт для игры.

...крап глядел... подозрительно. — *Крап* — обратная сторона игральных карт, на которую шулеры наносили едва заметные знаки, при помощи которых плутовали в игре.

Такой шильник... — *Шильник* — плут, мошенник. Ср. у И. М. Снегирева: «Москвичи дали новгородцам прозвание шильников за их бродяжничество...» (*Снегирев И. М.* Русские в своих пословицах. М., 1834. Кн. 4. С. 165).

к стр. 82 *Прокинем хоть талию!* — *Талия* — здесь: промет всей колоды до конца или до срыва банка.

«Сем-ка я, — подумал про себя Чичиков, — *сыграю с ним в шашки!* — *Сем-ка* — давай-ка.

к стр. 83 *...щенка средней руки...* — Т. е. средних достоинств.

...печатку к часам. — В старину письма запечатывались небольшими печатками, на которых вырезывались дворянские гербы их владельцев, инициалы, символические знаки и проч.; носились как брелок на цепочке от часов.

к стр. 85 *...перед ним носится Суворов...* — *«Ребята, вперед!»* — Эта сцена штурма неприступной крепости, которую олицетворял собой Чичиков, построена, очевидно, на ассоциации со взятием Измаила А. В. Суворовым, прозванным современниками Генералом-Вперед. Событие это было иллюстрировано в лубочной картинке и связывалось в народном сознании с «отчаянной, сумасшедшей храбростью» русских. Ср., например, описание этого «отчаянного дела» у Д. А. Ровинского (*Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Т. I. С. 155).

к стр. 86 *Капитан-исправник* — начальник уездной полиции, избиравшийся из дворян.

Глава пятая

к стр. 87 *...что, примером, нам кошт, то для него овес...* — *Кошт* — содержание, пропитание.

к стр. 89 *Пришпандорь кнутом вон того... солового...* — *Пришпандорить* — приударить. *Соловый* — светлой масти, т. е. со светлыми хвостом и гривой.

к стр. 91

...не было кирчёных стен... — «*Кирченая* изба — вытесанная, когда бревна стесаны в гладкую стену» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

к стр. 92

...называемые горлянками... — *Горлянка* — тыква, имеющая форму бутылки.

к стр. 93

...греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато... Миаули, Канари. — В картинной галерее Собакевича висят портреты героев греческого национально-освободительного движения 1821—1829 гг.: Александроса Маврокордатоса (1791—1865), Андреаса Миаулиса (1763—1835), Константиноса Канариса (ок. 1790—1877). Однако эти лубочные портреты (ознакомиться с ними можно в книге С. Н. Глинки «Картина историческая и политическая Новой Греции. С одиннадцатью гравированными портретами». М., 1829) менее всего есть портреты в обычном смысле этого слова. Уже первый исследователь русского лубка И. М. Снегирев подчеркивал его гротесковый характер, усматривая в этом проявление специфических черт народной эстетики. Лубочные картинки, изображающие известных исторических деятелей, — это скорее карикатуры («нарисованными карикатурами» называет Гоголь народные картинки в повести «Портрет»), чем портреты в обычном понимании.

Между крепкими греками... поместился Багратион... — *Багратион* Петр Иванович (1765—1812) — князь, российский полководец; был смертельно ранен в Бородинском сражении.

...героиня греческая Бобелина... — Имеется в виду популярный лубочный портрет Бобелины, ставшей олицетворением женщины высокого роста и богатырского телосложения. Историческая Бобелина (точнее Боболина) имеет весьма отдаленное отношение к своему лубочному портрету, украшающему гостиную Собакевича. Вот что писал, например, об этой греческой героине в первом русском энциклопедическом словаре один из ближайших друзей Гоголя К. М. Базили: «В портретах Боболины, которые разнеслись по всей Европе и над которыми трудились также наши лубочные художники, она представлена какою-то Амазонкою, страшного вида и в полном вооружении; она никогда не носила оружия и никогда не одевалась в мужское платье; даже наружность ее не имела ничего воинственного...» (Энциклопедический лексикон Плюшара. Т. 6. СПб., 1836. С. 136). Бобелина приобрела широкую известность в России. В 1823 г. на русский язык был переведен роман немецкого писателя Христиана Августа Вульпиуса «Бобелина, героиня Греции нашего времени». О ее подвигах рассказывали русскому читателю С. Н. Глинка (Картина историческая и политическая Новой Греции. С. 43—44; здесь же помещен «портрет» Бобелины) и К. М. Базили (Архипелаг и Греция в 1830 и 1831 гг. СПб., 1834. Ч. 2. С. 59—60). Лубок, изображающий греческую богатыршу Бобелину, был необычайно популярен в народе. Один из корреспондентов журнала «Московский Телеграф», описывая свое путешествие по России, назвал портрет Бобелины «всегдашним украшением почтовых станций и постоялых дворов» (Московский

Телеграф. 1830. Ч. 33. № 10. С. 168. На факт популярности лубочного портрета Бобелины указала Е. С. Смирнова-Чикина). В свою очередь поэма Гоголя способствовала еще большей популярности Бобелины, сделала это имя нарицательным для обозначения женщины «богатырской величины и роста» (выражение из черновой редакции).

...мериносовым платком... — из тонкой овечьей шерсти.

к стр. 94 *Он да еще вице-губернатор — это Гога и Магога!.. Все христопродавцы.* — При создании образа Собакевича Гоголь, возможно, воспользовался чертами его дальнего родственника, бывшего министра Д. П. Трощинского. В частности, строки из письма Трощинского к Л. И. Голенищеву-Кутузову из Яресек в Петербург от 29 июня 1821 г. весьма напоминают реплики гоголевского героя: «При всеобщем бедственном и безответственном разврате людей, гг. вице-губернаторы и их клевреты так наживаются, как никогда откупщикам и в мысль того не приходило: ибо на сих был суд и управа, а на тех и жалобы нигде и никому принести нельзя. Словом сказать, привилегированные воры и грабители, и я думаю, что они по сему так пристрастились, что кроме висильницы иным ничем уже вылечить их нельзя» (Российская национальная библиотека (*РНБ*). Ф. 791. Ед. хр. 24. Л. 93). *Гога и Магога* — некий царь Гог и его земля Магог, о которых упоминается в Библии. Означают совокупность богоборческих сил, объединяемых диаволом в войне против Христа (см. коммент. к с. 193). О Гоге и Магоге как о царях «нечистивых народов» рассказывается в популярных на Руси сказаниях об Александре Македонском, перешедших в народные сказки и лубочные картинки.

к стр. 95 *...кусок няни, известного блюда, которое подается к щам...* — *Няня* (или *моня*) — «желудок, бараний или другой, начиняется кашей гречневой, мозгом и ножками» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

к стр. 96 *...не те фрикасе, что делаются на барских кухнях...* — *Фрикасе* — жареное или вареное мясо с приправой.

...съем в меру, как душа требует. — Ср. у И. М. Снегирева: «Так как нельзя положить точной меры для употребления пищи и питья, то ее простой народ полагает в душе, говоря: *"Душа мера"*, т. е. человек по какому-то инстинкту ведает, сколько чего ему надобно...» (*Снегирев И.* Русские в своих пословицах. Кн. 2. С. 74—75).

к стр. 97 *В тюрьме колодники лучше живут...* — *Колодники* — арестанты, узники.

к стр. 100 *...трех аршин с вершком ростом!* — По установившейся традиции рост человека обозначался в вершках сверх двух аршин (вершок — 4, 45 см, аршин — 71 см). Следовательно, рост Степана Пробки был около 218 см.

к стр. 101 *...висевшим на стене портретам Багратиона и Колокотрони...* — *Колокотрони* (Колокотронис) Теодорос (1770—1843) — один из руководителей греческого национально-освободительного движения.

«Экой кулак!» — В материалах для «объяснительного словаря» русского языка Гоголь отметил: «Кулак, скупщик». В очерке Безыменского «Московские кулаки» дана следующая характеристика кулака: «Кулаками называются собственно промышленники площадные, которые без денег перекупают хлеб у крестьян и перепродают его за малую выгоду; но это имя можно распространить и на других торгашей...» (Москвитянин. 1841. Ч. IV. С. 267—268). к стр. 102

Хотите угол? — *Угол* — «двадцатипятирублевая ассигнация» (из записной книжки Гоголя 1841—1845 гг.). к стр. 103

...какие-нибудь котлетки с трюфелями. — *Трюфели* — род грибов, растущих под землей, своеобразного затхло-пряного вкуса и запаха; употребляются в качестве гарнира к различным блюдам; изысканное и дорогое кушанье. к стр. 104

...их не обидишь, потому что они твои... Ср. в статье «Занимающему важное место» (1845): «...следует склонить дворян... чтобы позаботились о них ("вверенных им крестьянах". — *И. В., В. В.)* истинно, как о своих кровных и родных, а не как о чужих людях...»

...а тогда бы у тебя были чиновники, которых бы ты сильно пощелкивал, смекнувши, что они не твои же крепостные... — Ср. в той же статье «Занимающему важное место»: «...на русском языке... начальник называется отцом. Будьте же с ними (чиновниками. — *И. В., В. В.),* как отец с детьми...»

...попавши где-то на дороге претолстое бревно... — *Попавши* — *здесь:* нашедши, захватив (от *укр.* попадати — попадать, поймать, захватить, найти). к стр. 106

...чухонских... племен... — *Чухонцы* — старинное название эстонцев и финнов, населявших окрестности Петербурга.

Глава шестая

Прежде, давно, в лета моей юности... О моя юность! о моя свежесть! — Эта знаменитая лирическая тирада Гоголя вызвала к жизни стихотворение в прозе И. С. Тургенева «О моя молодость! О моя свежесть!», а также «Не жалею, не зову, не плачу...» С. А. Есенина. В свою очередь, как отмечает Е. А. Смирнова, смысл и интонация этого зачина шестой главы «позволяют думать, что лирической "канвой", по которой Гоголем "вышит" образ Плюшкина, послужила "Песня" Жуковского 1820 г. ("Отымает наши радости..."). Если содержание первых строф "Песни" стало основой зачина главы, четвертая строфа подсказала Гоголю важные в смысловом отношении детали для изображения самого Плюшкина ("На минуту ли улыбкою Мертвый лик наш оживет...") и его сада ("Сверху лист благоухающий. Прах и тление под ним")» (*Смирнова Е. А.* О многосмысленности «Мертвых душ» // Контекст—1982. М., 1983. С. 171). к стр. 107

Размышления Гоголя, которыми открывается данная глава, могли быть навеяны ему сходными лирическими медитациями в заключении шестой (XLIII—XLVI строфы) и начале седьмой (I—III строфы)

глав «Евгения Онегина». Общим для обоих отрывков является мотив охлаждения души, утраты привычных связей с окружающей действительностью, встречающих художника на пороге зрелости. Как «душу мертвую» ощущает это состояние Пушкин, как приближение старости переживает его Гоголь и воплощает в образе Плюшкина. Спасение же от старости и смерти видит Гоголь в Церкви. «...Пересмотри жизнь всех святых, — пишет он в статье "Христианин идет вперед" (1846), — ты увидишь, что они крепли в разуме и силах духовных по мере того, как приближались к дряхлости и смерти... у них пребывала всегда та стремящая сила, которая обыкновенно бывает у всякого человека только в лета его юности...»

...купца, мелькнувшего в сибирке на беговых дрожках... — *Сибирка* — короткий кафтан в талию со сборками и невысоким стоячим воротником. *Беговые дрожки* — легкий одноместный открытый экипаж на рессорах.

к стр. 108 *...дворовая девка в монистах...* — *Монисто* — ожерелье из монет.

...не пошлою наружностью... — *Пошлый* — здесь: заурядный, ничем не примечательный. Ср. в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.: «низкий качеством, весьма обыкновенный».

...глядит в календарь... — Имеется в виду Адрес-календарь, содержащий общую роспись чинов Российской империи; издавался почти ежегодно.

...крыши сквозили, как решето; на иных оставался только конек вверху, да жерди по сторонам в виде ребр. Кажется, сами хозяева снесли с них дранье и тес, рассуждая... что в дождь избы не кроют... — Ср. в записной книжке Гоголя 1841—1844 гг.: «Изба разделяется на две части: на избу и чулан... *Реши, решети* — кладенные вдоль края от одного лбища к другому, сверх которых кроют досками... Бревно на верху кровли от лбища до другого называется *конек*. Крыши кроются *драньем*, тесом и соломою...»

к стр. 109 *...были заткнуты тряпкой или зипуном...* — *Зипун* — кафтан из толстого сермяжного сукна.

...тянулись... рядами огромные клади хлеба... — В записной книжке 1841—1844 гг. Гоголь отметил: *«Клади хлебные и стоги* — сверху укрываются соломою, сверх которой кладутся *переметины* — две хворостины, связанные верхушка<ми> и перекинутые — одна на одну, другая — на другую, противоположную, сторону клади».

...капустник, обнесенный... изломанною городьбою. — *Капустник* — «огород, засеянный капустой» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.). *Городьба* — «жердьми вбиваются колья по два вместе, на расстоянии 4 аршин на полторасажени; потом впоперек кладут жерди, расстоянья на поларшину между ними, привязываясь ивовыми прутьями» (из той же записной книжки Гоголя).

Стены дома ощеливали местами нагую штукатурную решетку и, как видно, много потерпели от всяких непогод, дождей, вихрей, осенних перемен. — В первой сохранившейся редакции было: «Дождь

и время отвалили во многих местах со стен щекатурку и произвели на них множество больших пятен, из которых одно было несколько похоже на Европу [похоже на карту]; кое-где торчала щекатурочная решетка».

Старый, обширный... сад... — П. В. Анненков рассказывает в своих мемуарах, имея в виду описание плюшкинского сада: «Никогда еще пафос диктовки, помню, не достигал такой высоты в Гоголе, сохраняя всю художническую естественность, как в этом месте. Гоголь даже встал с кресел (видно было, что природа, им описываемая, носится в эту минуту перед глазами его) и сопровождал диктовку гордым, каким-то повелительным жестом. По окончании всей этой изумительной шестой главы я был в волнении и, положив перо на стол, сказал откровенно: “Я считаю эту главу, Николай Васильевич, гениальной вещью”. Гоголь крепко сжал маленькую тетрадку, по которой диктовал, в кольцо и произнес тонким, едва слышным голосом: “Поверьте, что и другие не хуже ее”» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 271—272).

...седой чапыжник... — *Чапыжник* — «мелкий, кривой, дрянной лес, кустами поросший от корней, объеденный скотом» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.). к стр. 110

...походили на юфть, какая идет на сапоги... — *Юфть* — сорт кожи, выделанной особым способом на дегте; обычно черного цвета. к стр. 113

...амбары и сушилы... — *Сушилы* — «верхний этаж над амбарами, ледниками и проч., где лежит пух, окорока, рыба высушенная, овчины, кожи разные, сыромятные, крылья гусиные, балыки, мед, крупа мелкая, орехи, холст, сукна» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.). к стр. 114

...всякой овощью, или губиной. — *Губина* — «все, что подходит под губу, съедобное, всякая овощь, кроме хлеба и мяса» (из той же записной книжки Гоголя).

...не попал ли он как-нибудь в Москву на щепной двор... — *Щепной двор* — рынок, где продавался щепной товар — деревянные изделия: миски, ложки, кадушки и проч.

...бочки, пересеки... лагуны, жбаны... лукошки, мыкольники, куда бабы кладут свои мочки... коробья из тонкой гнутой осины, бураки из плетеной берестки... — *Пересек* — «бочка, разделенная надвое, ушат». *Лагун* — «форма ведра с закрышкой». *Жбан* — «сосуд узкий к верху, с рыльцем — для квасу». *Лукошко* — «из <гнутого> дерева, круглое для пересыпки зернов<ого> хлеба». *Мыкольник* (мыкальник) — «овальная большая коробка, где бабы кладут веретена, мочки, мыканные из льну» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.). *Мочки* — пучки льна, приготовленные для прядения. *Коробья* — «тонкая посуда из гнутого дерева; шьется дерелыком». *Бурак* — «из берестовой... коры, длинный цилиндр с крышкой, во внутрь входящей, для икры и проч.» (из той же записной книжки Гоголя).

...двигались мельницы, валяльни... — *Валяльня* — место, где сбивался (валялся) войлок, изготовлялись валенки и другие изделия.

к стр. 115 *Антресоли* — низкое помещение, составляющее верхний полуэтаж дома.

Компатриотка — соотечественница.

к стр. 116 *...поставов холста...* — Постав — «мера аршин в 25, накладывается на бабу в год два постава» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

к стр. 119 *...пеннику, чай, насмерть придерживается.* — *Пенник* — крепкая очищенная водка.

к стр. 120 *Приказные* — мелкие чиновники, канцелярские служащие.

...да и красную бумажку прибавь... — *Красная бумажка* — десятирублевая ассигнация красного цвета.

к стр. 122 *...однокорытниками были...* — *Однокорытники* — однокашники, соученики.

к стр. 123 *...по глазам вижу, что подтибрила.* — *Подтибрить* — «украсть» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

к стр. 127 *Я ему подарю... часы... серебряные часы, а не то чтобы какие-нибудь томпаковые... оставлю их ему после моей смерти, в духовной, чтобы вспоминал обо мне.* — У Гоголя были часы, принадлежавшие А. С. Пушкину, которые после смерти поэта были подарены Гоголю П. В. Нащокиным. Последний в 1844 г. писал М. П. Погодину: «...вещи Пушкина с удовольствием вам доставлю, но их у меня осталось очень немного, и не все налицо: недавно у меня жил мальчик, который всего меня обокрал и в том числе архалук Пушкина, который один и найден, но еще мне не возвращен; еще книжник покойника, в коем было семьдесят пять рублей, найденных после его смерти; но такова моя была нужда, что я их израсходовал; часы, которые он носил, тоже были мне отосланы и мною получены, но я их подарил Н. В. Гоголю, у которого они еще и теперь находятся...» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 7. С. 310). (Предание о том, что часы Пушкина были подарены Гоголю В. А. Жуковским, недостоверно.) Сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «Брат заметил, что я не люблю подарки; как видно, ему хотелось что-нибудь дать мне, поэтому давал мне прятать клеенчатую тальму, говорил: можешь надевать от дождя, — и складной аршин. Потом дает часы и говорит: “Спрячь, это память Пушкина. На таком часе и минуте остановились, когда его не стало”» (Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары *О. В. Гоголь-Головни*). Ред. и прим. В. А. Чаговца. Киев, 1909. С. 47). *Томпаковые* — из дешевого сплава меди с цинком. По замечанию В. Даля в Толковом словаре, «томпаковые часы, гитара и янтарный мундштук считались принадлежностью всякой лакейской лотереи». *Духовная* — духовное завещание, содержащее распоряжение об имуществе на случай смерти.

к стр. 128 *...ступай в часть...* — *Часть* — полицейский участок.

...какого-нибудь замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой... он в небесах и к Шиллеру заехал в гости... — В образе «замечтавшегося двадцатилетнего юноши» угадывается школьный приятель Гоголя Н. В. Кукольник с его

увлечением шиллеровскими драмами и игрой на гитаре. 8 февраля 1833 г. Гоголь писал однокашнику А. С. Данилевскому из Петербурга: «Весна! как странно для меня звучит это имя. Я его точно так же повторяю, как Кукольник (NB который находится опять здесь и успел уже написать 7 трагедий) повторял, помнишь — Поза, Поза, Поза (маркиз Поза — герой «Дон Карлоса» Шиллера, испанец, возвышенный мечтатель. — *И. В., В. В.)*. Кстати, о Возвышенном, он нестерпимо скучен сделался. Тогда было соберет около себя толпу и... движет эту толпу за собою испанскими звуками гитары. Теперь совсем не то». «Возвышенный» — прозвище, данное Гоголем Кукольнику еще в Нежине. Именно Кукольник написал позднее воспоминания о нежинском преподавателе немецкой словесности Ф. И. Зингере, привившем ученикам вкус к Шиллеру (см.: Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. СПб., 1881. С. 262). Не избежал в то время увлечения Шиллером и Гоголь. В письме к матери от 6 апреля 1827 г. из Нежина он сообщал, что за «Шиллера», выписанного из Лемберга, он заплатил по тем временам немалую сумму — 40 рублей. Очевидно, что «всемирный поэт», о котором заходит речь в начале следующей, седьмой главы «Мертвых душ», — «который не изменял ни разу ***возвышенного*** строя своей лиры» и, «не касаясь земли, весь повергался в свои далеко отторгнутые от нее... образы», — именно Шиллер (курсив наш. — *И. В., В. В.*). Ср.: «...он в небесах и к Шиллеру заехал в гости...» По сравнению с восприятием Шиллера Н. В. Кукольником и своим юношеским увлечением Гоголь относится к Шиллеру критически: «Он окурил упоительным куревом людские очи; он чудно польстил им, показав им прекрасного человека», его «высокое значение» (ср. в черновике: «Оттолкни прочь раболепную просьбу, жажду людей самозабвения. Не окуривай головы; прочь желание лести человеческой гордости»). Противопоставление в поэме мечтаний «двадцатилетнего юноши», поклонника Шиллера, низменной жизни «работников и особенного рода существ, в виде дам», напоминает у Гоголя тот же «раздор мечты с существенностью», который он изобразил прежде в «Невском проспекте». В то же время упоенный грезами богатства Чичиков, ничего вокруг себя, подобно восторженному юноше, не замечающий, имеет, как было отмечено, много общего в своем стяжании и с «однофамильцем» немецкого поэта — немцем-ремесленником Шиллером из «Невского проспекта» (см. сопроводит. статью к наст. тому). С очевидностью повторяет себя в поэме и борьба Гоголя с шиллеровской эстетикой — культом красоты, оборачивающимся на деле (в «существенности») тягостным владычеством ремесленной разорительной роскоши и пленом развратительных «мелочных убранств» (см. сопроводит. статью к т. 3 наст. изд.). В седьмой главе «Мертвых душ» «возвышенному» поэту Гоголь противопоставляет другого (имея в виду, по-видимому, самого себя) — «дерзнувшего вызвать наружу... всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь...» *Шиллер* Иоганн Фридрих (1759—1805) — немецкий поэт, драматург и теоретик искусства Просвещения.

Сенная площадь — торговая площадь в Петербурге; служила местом публичных наказаний. Близ Сенной площади жил в Петербурге в конце 1829 — начале 1830-х гг. Гоголь.

Глава седьмая

к стр. 130 *...видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы!* — Возможно, что поэтическая мысль, заключенная в этом выражении, навеяна Гоголю словами А. С. Пушкина из его рецензии на «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1836): «С жадностью все прочли “Старосветских помещиков”, трогательную идиллию, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления».

...грозная вьюга вдохновенья... — Н. С. Тихонравов в примечании к этому месту приводит известные стихи А. С. Пушкина: «И внемлет арфе Серафима / В священном трепете поэт» («В часы забав иль праздной скуки...») (См.: Соч. *Н. В. Гоголя.* 10-е изд. М., 1889. Т. 3. С. 487). Современный исследователь в качестве параллели к данному лирическому пассажу указывает также на пушкинские строки из послания «Жуковскому»: «И быстрый холод вдохновенья / Власы подъемлет на челе...» (*Смирнова Е. А.* О многосмысленности «Мертвых душ». С. 183).

к стр. 131 *...сафьянные сапоги...* — Сафьян — тонкая мягкая кожа высокого качества.

Торжок — город в Тверской губернии, издавна славившийся кожевенными изделиями.

Земский суд — низший административный и судебный орган, в обязанности которого входило исполнение указов губернского правления, а также разбирательство незначительных дел. Возглавлялся земским исправником, выбираемым местным дворянством, и включал в себя несколько земских заседателей из дворян.

...не платить ничего подьячим... — *Подьячий* — мелкий судебный чиновник, писец.

к стр. 132 *...и государственную зашивал в холстяные штаны...* — *Государственная* — двухсотрублевая ассигнация.

...учился ты у немца... и... пошел попивать да валяться по улицам... — В основе рассуждений Чичикова о Максиме Телятникове лежит конкретный жизненный материал. В этом образе Гоголь осмысляет лопнувшую затею его матери с открытием в 1832—1834 гг. в Васильевке доходной кожевенной и сапожной фабрики. «Заводчиком» ее был какой-то «австрийский подданный» (вероятно, славянин, прошедший «немецкую выучку» в Австрии), имевший, подобно Максиму Телятникову, «слабость пить». Результатом такой «европейской» предприимчивости («кожи... все испортились, и он бежал») стало то, что имение Гоголей было заложено на 26 лет для уплаты огромных долгов. (См. письма Гоголя матери на всем протяжении этих лет — особенно письмо от 12 апреля 1835 г., а также ее воспоминания: Русский Архив. 1902. № 4. С. 708.)

Материал к осмыслению образа Максима Телятникова дает фамилия еще одного крепостного Собакевича — Еремея *Скороплехина.* Фамильное прозвище, несомненно, указывает на освоенное героем в совершенстве скорое «плетение лаптей» (из списка «крестьянских ремесел» на одной из страниц записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.; здесь же встречаются фамилии и других приобретенных Чичиковым «мужичков»: Фыров, Милушкин). С Максимом Телятниковым Еремей Скороплехин имеет нечто общее по самому инструменту, которым пользуются оба в своей работе, — «шилу». Ср. инструмент Еремея Скороплехина: «Кочедык — плоское, кривое, большое шило, которым плетут лапти» (записная книжка Гоголя 1841—1845 гг.). Собакевич говорит о своем крепостном: «Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнет, то и сапоги...» За названием этого инструмента кроется разгадка прозвища еще одного гоголевского героя, обнаруживающего с Максимом Телятниковым определенное «родство», — казацкого атамана Мосия *Шила* в «Тарасе Бульбе». Воровство и пьянство Максима Телятникова после «немецкой выучки» в «Мертвых душах» перекликаются с воровством и пьянством Мосия Шила в «Тарасе Бульбе» по возвращении из турецкого плена. «Фаворитизм» Мосия Шила у турецкого паши напоминает похвалы ремесленника-немца Максиму Телятникову. Невольничество же казаков на турецкой галере прямо соотносится с домашним «заключением» Максима Телятникова и его товарищей, которых немец «бил по спине ремнем за неаккуратность и не выпускал на улицу повесничать». Собакевич — обладатель сапогов «исполинского» размера и «шильник» (т. е. плут, мошенник; ср. характеристику Ноздревым Чичикова: «...совершенный Собакевич... такой шильник...»), расхваливая своих ремесленников, говорит: «Милушкин, кирпичник!.. Максим Телятников, сапожник... Еремей Скороплехин!.. одного оброку приносил по пятисот рублей. Ведь вот какой народ!» В отношении Собакевича к своим крепостным как источнику обогащения и заключается, по Гоголю, его «шильничество». Об этом позднее Гоголь размышляет в статье «Русской помещик», призывая дворян отказаться от «обычая» видеть в своих крестьянах товар — предмет и источник товарооборота — в доказательство чего советует даже сжечь перед ними ассигнации. Собакевич оказывается, таким образом, прямым приверженцем европейских «идеалов» наживы и обогащения. Этим объясняется почти европейская развитость ремесла в его имении.

Однако, осмысляя крепостное право как прямое следствие петровских преобразований, внесших в Россию европейский культ «цены», обогащения и еще более порабощающего промышленного развития (служения мамоне), Гоголь отделяет это «право» от тех патриархальных отношений между помещиками и крестьянами, которые служат взаимному спасению их душ. С этой мыслью он пишет в 1847 г. В. Г. Белинскому по поводу крепостного права: «...следует каждому из нас подумать заблаговременно... чтобы... освобожденье

не было хуже рабства». Сходную позицию в этом вопросе занимал И. В. Киреевский, который 20 февраля 1851 г. писал А. И. Кошелеву: «...Дай Бог, чтобы он не трогался до тех пор, пока... западный дух не перестанет господствовать в наших понятиях и в нашей жизни... Криками и толками можно вызвать дело... от которого будет плакать русский человек» (*Киреевский И. В.* Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 2. С. 252—253). Еще раньше (в 1811 г.) подобную мысль высказал и Н. М. Карамзин: «...Будут ли земледельцы счастливее, освобожденные от власти господской, но преданные в жертву их собственным порокам, откупщикам и судьям бессовестным?» (*Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Лит. учеба. 1988. Кн. 4. С. 119). В соответствии с этими размышлениями Гоголь вносит во второй том «Мертвых душ» разговор помещика Костанжогло с крестьянским посланником от целого села, а также реплику Хлобуева о своих пристрастившихся к пьянству крепостных.

...говоря с женой или с камрадом... — *Камрад* (*нем.* Kamerad) — приятель, товарищ.

Фу ты пропасть: баба!.. и даже имя оканчивалось на букву ъ, то есть не Елизавета, а Елизаветъ. — Книжная форма женского имени Елизавет (точнее Елисавет) — обычная для церковнославянского языка. Собакевич воспользовался этим, чтобы обмануть покупщика. См.: *Огиенко И. И.* Елизавета Воробей. Два слова в оправдание Собакевича // Филологические записки. Воронеж, 1917. Вып. 1; *Опришко А. Я.* Елизавета Воробей // Русская речь. М., 1985. № 2.

к стр. 133 *...ременные... рукавицы...* — Кожаные, из ремней.

к стр. 134 *...инвалидов, набивающих... колодки...* — *Инвалиды* — отставные солдаты, ветераны; нередко служили в арестантских командах. *Колодки* — массивные деревянные оковы (бруски с выемками), надевавшиеся на шею, руки или ноги заключенного.

Царевококшайск — город в Казанской губернии на реке Малая Кокшага, основан в 1584 г. по указанию царя Феодора Иоанновича (ныне Йошкар-Ола).

Весьегонск — уездный город Тверской губернии, основан в 1776 г. В конце августа 1841 г. Весьегонск посетил М. П. Погодин. Существует предположение, что именно рассказ Погодина о пребывании в этом «пребеднейшем городишке» побудил Гоголя заменить Волоколамск (так именовался город в черновой редакции) на Весьегонск (см.: *Зелов Н.* Был ли Гоголь в Весьегонске? // Лит. Россия. 1967. 7 апр.).

к стр. 135 *Суда-суряки* — речные суда, название которых происходит от реки Суры, притока Волги. Подготовительные материалы к картине гулянья бурлаков на хлебной пристани содержатся в записной книжке Гоголя 1841—1844 гг.: «По смолотии хлеб кладется бунтами в мешках наподобие ядер. Как весна, обкалывают лед около судов, и суда называются *сурякми*. Обколовши, начинают грузить суда и стараются их приготовить, чтобы они вместе со льдом вышли

в Волгу. Грузка есть праздник бурлаков; задатки, начинают разгуливать и праздничать, прощаются и расстаются с женами, которые приходят в лентах, разряженные подареньем любовников и супругов. Тут же весенние песни и гульба на пристани между хлебами... Нагрузкой занимаются особые наемщики с крючками на веревке, которыми подымают мешки и кули и взваливают на спину; иногда подымают до 9 пудов, при бранях, криках и понуканьях. Бурлаки же в это время гуляют с лентами за шляпой; бабы плетут хороводы. Девки все высокорослы и стройны. (Горох идет на флот — морякам.)»

Там-то вы наработаетесь, бурлаки!.. — Ср. далее в той же записной книжке Гоголя: «...скорое путешествие зависит от большого разлива. В начале июня уже бывают в Рыбинске невзгодья на пути: мели, карши».

...подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрые ночи, когда нужно было прекратить брань любезных ему героев или дать им средство додраться... — В черновой редакции было: «...так же у Гомера боги приказывают продлиться дню, чтобы дать возможность додраться своим любимцам». Подразумевается один из эпизодов, описанных в поэме древнегреческого эпического поэта Гомера «Илиада» (песнь 2, ст. 412—414; песнь 18, ст. 239— 243). *Зевс* — в греческой мифологии верховное божество, владыка богов и людей.

...извозчичьи биржи... — место стоянки извозчиков. к стр. 136

...неподкупные головы жрецов Фемиды... — *Фемида* — в греческой мифологии богиня правосудия. *Жрецы Фемиды* — служители закона.

...не то снимут сапоги и просидишь... шесть суток не евши. — к стр. 137
Речь идет об обычном наказании провинившихся мелких чиновников-писцов: начальник приказывал отобрать у чиновника сапоги, чтобы он не мог никуда уйти из присутствия, пока не перепишет нужных бумаг.

...как некогда Виргилий прислужился Данту. — Имеется в виду к стр. 139
«Божественная комедия» Данте Алигьери (1265—1321), в которой римский поэт Вергилий (70—19 до Р. Х.) ведет ее автора по девяти кругам ада.

Зерцало — трехгранная призма, на гранях которой были написаны указы Петра I; стояла в присутственных местах как символ правосудия.

...пятый десяток живу, ни разу не был болен... — Мысль о зна- к стр. 140
чении болезней и страданий человека для его духовного возрождения развита Гоголем в статье «Значение болезней» (1846) и втором томе «Мертвых душ».

...веред или чирей выскочил... — *Веред* — болячка, нарыв.

...все делает стряпчий Золотуха... — *Стряпчий* — губерн- к стр. 141
ский чиновник, помощник прокурора.

...вольнодумную химеру юности. — *Химера* — здесь: несбыточ- к стр. 142
ная мечта, фантазия.

к стр. 143 *...в Херсонскую губернию.* — *Херсонская губерния* входила в состав Новороссии, присоединенной к России после войн с Турцией в XVIII в. Земли для заселения предоставлялись здесь на льготных условиях.

к стр. 144 *...с принятием полупроцентовых и за припечатку в «Ведомостях»...* — Речь идет о пошлине за судебное решение о купчих крепостях и публикации этого решения в «Сенатских Прибавлениях», выходивших в качестве приложения к газете «Сенатские Ведомости».

...Чичикову пришлось заплатить самую малость. — В черновой редакции далее было: «Так уж исстари всегда водилось на свете. Богатому ничего не нужно платить, нужно только быть богату. Ему и место дадут славное, и в ход пустят, и деньги останутся в шкатулке; платит только тот, которому нечем платить». Ср. также заметку Гоголя в записной книжке 1841—1844 гг. о взятках, даваемых откупщиком при оформлении откупа: «Чем он беднее и менее к нему доверенности, тем больше дает». И малороссийскую пословицу в гоголевской «Книге всякой всячины...» «Як будеш пан, то все будеш мати даром».

...за труды дали только одну беленькую. — *Беленькая* — двадцатипятирублевая ассигнация белого цвета.

к стр. 145 *...кликнул квартального...* — *Квартальный* — полицейский чиновник, в ведении которого находился определенный квартал города.

...пирог с головизною... — «То есть со всей головой осетра, с хрящем и со щеками и потрохами; входит и тешка — нижняя часть» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

...пряженцы, маслянцы, взваренцы... — *Пряженцы* — см. коммент. к с. 56. *Маслянцы* — «мука в разных мелких кусках опускается в растопленное масло» (из записной книжки Гоголя 1841—1845 гг.). *Взваренцы* — вареные фрукты и ягоды, подслащенные медом.

Гостиный двор — здесь: торговые ряды.

...доиграть когда-нибудь в горку. — *Горка* — карточная игра.

к стр. 146 *...все сидельцы... с удовольствием посматривали друг на друга...* — *Сиделец* — лавочник, продавец, находящийся на жалованье у купца.

...пришипился так, как будто и не он... — *Пришипиться* — притаиться, присмиреть. Это слово Гоголь употребил в письме к Н. М. Языкову от 26 октября (н. ст.) 1844 г., где писал, имея в виду М. П. Погодина, самовольно опубликовавшего его портрет в журнале «Москвитянин»: «И ведь между прочим пришипился, как бы ничего не было...»

к стр. 147 *«Ах ты такой и этакой камаринский мужик».* — Популярная русская народная плясовая песня, героем которой является «камаринский мужик».

...раскупорили венгерское... — *Венгерское* — крепкое сладкое виноградное вино.

Трехпольное хозяйство — система полеводства с делением пашни на три поля, каждое из которых засевалось сначала озимыми, затем яровыми, а на третий год оставлялось под паром.

...послание в стихах Вертера к Шарлотте... — *Вертер* и *Шарлотта* — герои романа И. В. Гете «Страдания юного Вертера», опубликованного в 1774 г. и получившего всемирную известность. На мотивы этого романа написан ряд стихотворений русских поэтов. Чичиков читает, по-видимому, послание В. И. Туманского «Вертер к Шарлотте (за час перед смертью)», напечатанное в журнале «Благонамеренный» (1819. Ч. VI): «Светильник дней моих печальных угасает, / Шарлотта! чувствую: мой тихий час настал; / В последний раз твой верный друг взирает / На те места, где счастье он вкушал...» и т. д.

...в нагольных тулупах... — сшитых кожей наружу и не покрытых тканью.

...во фризовой шинели. — Фриз — грубая ворсистая ткань типа байки. к стр. 148

...большой... охотник до сапогов... — По свидетельству Л. И. Арнольди, в лице поручика из Рязани, большого охотника до сапогов, Гоголь смеялся над собственной слабостью. «Кто поверит, что этот страстный охотник до сапогов не кто иной, как сам Гоголь? И он даже нисколько не скрывал этого и признавался в этой слабости, почитая слабостью всякую привычку, всякую излишнюю привязанность к чему бы то ни было. В его маленьком чемодане всего было очень немного, а сапогов было всегда три, часто даже четыре пары, и они никогда не были изношены. Очень может быть, что Гоголь тоже, оставаясь у себя один в комнате, надевал новую пару и наслаждался, как и тот капитан (у Гоголя — поручик. — *И. В.*, *В. В.*), формою своих сапогов, а после сам же смеялся над собою» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 482). Барон А. И. Дельвиг вспоминал о встрече с Гоголем в Москве в конце декабря — первой половине мая 1840 г.: «...я встретился с ним в Москве у сапожника Таке, у которого он очень хлопотал о том, чтобы сапоги ему были красиво сшиты... Таке... был художник своего дела. Сапоги, им шитые, были и прочны и изящны; со всех работанных им сапогов у него были колодки, расположенные в известном порядке. Это был своего рода музей, так как в его долговременную и большую практику у него набралось множество колодок. Постарев и нажив хороший капитал, он продал свой магазин, бывший в Большой Дмитровке» (Полвека русской жизни. Воспоминания *А. И. Дельвига*. 1820—1870. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 199). 7 июля (н. ст.) 1840 г. Гоголь писал С. Т. Аксакову из Вены: «Обнимаю от души Константина Сергеевича... и между прочим прошу его к наданным от меня комиссиям прибавить еще несколько... главное — купить... у лучшего сапожника петербургской выделанной кожи, самой мягкой, для сапог... пары две, или три. Случилась беда: все сапоги, сделанные Таке, оказались короткими... Хорошо бы было, если бы мне были доставлены эти кожи, а делают сапоги здесь недурно». к стр. 149

Глава восьмая

к стр. 151 *...об Ланкастеровой школе взаимного обученья.* — *Ланкастерова* (или ланкастерская) *школа взаимного обученья* — обучение в начальной школе по системе английского педагога Джозефа Ланкастера (1776 или 1778—1838), при котором учитель обучает лучших учеников, а те, в свою очередь, ведут занятия с остальными. В России ланкастерская система взаимного обучения получила распространение в 20-х гг. XIX в., ее, в частности, использовали декабристы с целью распространения грамотности и вольнодумных идей среди солдат.

«Шпрехен зи дейч, Иван Андрейч?» (*нем.* Sprechen Sie deutsch?) — Говорите ли вы по-немецки?

...знал наизусть «Людмилу» Жуковского, которая еще была тогда непростывшею новостию... — *«Людмила»* — баллада В. А. Жуковского (1787—1852), впервые опубликованная в 1808 г.; является вольным переложением баллады «Ленора» (1773) немецкого поэта Г. А. Бюргера (1774—1794).

...читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы «Ночи» и «Ключ к таинствам натуры» Эккартсгаузена... — *Юнговы «Ночи»* — поэма английского поэта Эдуарда Юнга (1638—1765) «Жалоба, или Ночные думы о жизни, смерти и бессмертии». Поэма переводилась на русский язык неоднократно. Почтмейстер, по-видимому, читал ее в переводе Сергея Глинки, носившем название «Юнговы ночи, в стихах (4 песни)», вышедшем в 1820 г. третьим изданием. *«Ключ к таинствам натуры»* — сочинение немецкого писателя-мистика Карла Эккартсгаузена (1752—1803), пользовавшееся популярностью в масонских кругах русского общества начала XIX в.; в 1821 г. вышло второе издание книги.

к стр. 152 *...кто читал Карамзина, кто «Московские Ведомости»...* — *Карамзин* Николай Михайлович (1766—1826), писатель, критик, историк. Основоположник русского сентиментализма. *«Московские Ведомости»* — старейшая русская газета, издававшаяся Московским университетом; выходила с 1756 г.

...то, что называют презентабельны... — *Презентабельный* — видный, представительный.

...как... поддержать этикет... наблюсти моду... в этом они опередили даже дам петербургских и московских. — О пагубной власти мод и светского этикета Гоголь писал в статьях «Выбранных мест из переписки с друзьями» «Что такое губернаторша», «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России» и др.

...ливрея в золотых позументах. — *Позумент* — шитая золотом или серебром тесьма, предназначенная для украшения одежды.

...манкировала контрвизитом. — *Манкировать* — пренебречь, непочтительно отнестись к чему-либо.

...приличием в словах и выражениях. — По воспоминаниям А. С. Данилевского, однажды они с Гоголем присутствовали при

споре А. С. Пушкина со вдовой Н. М. Карамзина, Екатериной Андреевной. «Карамзина выразилась о ком-то: "она в интересном положении". Пушкин стал горячо возражать против этого выражения, утверждая с жаром, что его напрасно употребляют вместо коренного, русского выражения: "она брюхата", что последнее выражение совершенно прилично, а, напротив, неприлично говорить: "она в интересном положении"» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1. С. 362).

...заметили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви... — *Руло* — обруч из китового уса или конского волоса, вшитый в подол платья. к стр. 155

...частный пристав... дал приказание подвинуться народу... поближе к паперти... — *Частный пристав* — начальник полицейской части, в которую входило несколько кварталов города. *Паперть* — возвышенная площадка, крыльцо перед входом в церковь.

...чтоб как-нибудь не измялся туалет ее высокоблагородия. — По воспоминаниям В. И. Любича-Романовича, учившегося вместе с Гоголем в Нежине (записанным С. И. Глебовым), Гоголь-гимназист не одобрял «степеней и градаций в церкви и толкал мужика вперед, говоря: "Тебе Бог нужнее, чем другим, иди к Нему ближе"... Не находя ничего лучшим для себя, как сделать что-нибудь для мужика полезное, он нередко обращался к нему в церкви с вопросом: "Есть ли у тебя деньги на свечку?" и, получив отрицательный ответ, сейчас же вынимал из кармана какую-нибудь монету и отдавал ее мужику, говоря: "На, поди, поставь свечку кому ты пожелаешь, да сам поставь, это лучше, чем кто другой за тебя поставит"...Гоголь был счастлив... Он торжествовал, что его цель была достигнута, и мужик подошел к алтарю, опередив все мундиры, стоящие перед амвоном... Ему только того и нужно было... чтобы мужик потерся зипуном о блестящие мундиры и попачкал бы их своей пыльцой» (Исторический Вестник. 1902. № 2. С. 554—555).

«Нет, я должна к тебе писать!» — В письме незнакомки к Чичикову пародийно звучат мотивы сентиментально-романтической поэзии, очевидно здесь и подражание письму Татьяны к Онегину.

...люди в душных оградах не пользуются воздухом... — Пародийная парафраза слов Алеко из пушкинской поэмы «Цыганы» (1824): «Там люди, в кучах, за оградой, / Не дышат утренней прохладой...»

Две горлицы покажут... во слезах. — Неточная цитата из стихотворения Н. М. Карамзина «Доволен я судьбою...» (1794). В последней строке у Карамзина: «Он умер во слезах!»

В postscriptum (лат.) — в приписке.

Самое довольное расположение сопровождало его во все время одевания... — Возможно, к этому месту относится набросок на отдельном листе: «Кто что ни говори, а балы хорошая вещь, — думал Чичиков. — Холод ли, неурожай, или какой иной случай... а как соберешься вместе, позабудешь обо всем. Всем есть что-нибудь. Карты к стр. 156

для почтенных людей. Можно и на танцующих поглядеть, и в вист наиграться, и много значит этак общество, толпа. Все это веселится, пестро. Притом и ужин... Будет майонез с рябчиками. Может быть, еще холодных две осетринки свежей с трюфелями, каперсами, кореньями и травкой... Потом зальем шипучкой, выстоявшейся на льду... как в жизни много есть всего. Люблю приятное, безобидное общество».

к стр. 157 *Конфектный билет* — обертка конфеты с напечатанным на ней стихотворением, изречением и т. п.

...насквозь была продушена резедой... — Резеда — душистое масло, получаемое из цветков резеды — садового травянистого растения с кистеобразными пахучими соцветиями.

...муслины... кисеи... — Муслин — легкая тонкая хлопчатобумажная или шелковая ткань. *Кисея* — прозрачная тонкая ткань.

к стр. 158 *...душистых шемизеток и платьев. — Шемизетка* (*фр.* chemisette) — женская накидка, блузка или пышная вставка из легкой материи на груди.

Галопад летел во всю пропалую... — Галопад (галоп) (от *фр.* galopad, galop) — бальный танец в быстром темпе, впервые появился в 1825 г. «В этом танце кавалер с дамою, обняв стан друг у друга, скачут оба вместе, одной ногой вперед и описывают таким образом, как в вальсе, вокруг зала эллипс» (Энциклопедический лексикон Плюшара. Т. 13. С. 204).

к стр. 159 *...из патриотизма выстроят для себя на даче избу в русском вкусе.* — Л. Ф. Львов писал, что в Петергофе в средине 1840-х гг. «между прочими украшениями Государь на импровизированном озере выстроил крестьянский домик или, лучше сказать, усадьбу, которую и назвал Никольским. Этот домик очень занимал его как наружным видом, так и внутренним устройством. Столы, скамейки были из полированного, как зеркало, дуба; стены бревенчатые, но как сложены! Посуда, как и все, была простая русская; но все до последней мелочи доказывало, что хозяин усадьбы мужичок очень богатый. В сенях висела на вешалке солдатская шинель Измайловского полка, которую Государь надевал, когда Императрица приезжала в Никольское кушать чай. Тут Государь, как хозяин, угощал свою хозяйку; тут и садик был разведен, и две коровки были на случай, если Государыня пожелает откушать молочка» (Из воспоминаний *Леонида Федоровича Львова* // Русский Архив. 1885. Т. 1. С. 347—348). И. С. Аксаков в письме к отцу из Калуги от 18 июня 1846 г. рассказывал о том, как А. О. Смирнова, известная приятельница Гоголя, ко дню рождения одной из своих дочерей также велела выстроить для детей в саду (видимо, в подражание Государю) «избу, немножко меньше настоящей, хорошенькую, как игрушечка, при ней хлев, курятник с настоящей коровой и курами и разными подобными затеями. Дети со своей неразлучной англичанкой будут там играть и забавляться, болтая только по-французски, немецки и английски. — У ней уж это намерение было давно; она воображает, что все славяне придут от этого

в умиление; я, впрочем, ее разуверил, сказавши, что у ней с ее детьми это выходит не только забава, но просто комедия» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844—1849. М., 1988. С. 271).

к стр. 160
...семенил ножками... — «Семенить — подступать мелким шагом» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

...старички щеголи... называемые мышиными жеребчиками... — *Мышиный жеребчик* — здесь: старый волокита (*мышиный* — особой конской масти; в переносном значении: седеющий). Ср. у Н. А. Некрасова в «Балете» (1866): «Накрахмаленный денди и щеголь / (То есть купчик, кутила и мот) / И мышиный жеребчик (так Гоголь / Молодящихся старцев зовет)».

...величественное выражение в лице, что-то даже марсовское и военное... — *Марс* — в римской мифологии бог войны, здесь: олицетворение суровости и мужества.

к стр. 161
...Звонские, Линские, Лидины, Гремины... — характерные, «звучные» фамилии героев произведений 20—30-х гг. XIX в. Так, Лидин упоминается в «Графе Нулине» А. С. Пушкина, Гремин — персонаж повести А. А. Бестужева-Марлинского «Испытание» (1830).

к стр. 162
...на кивера и ружья проходящего полка... — *Кивер* — высокий военный головной убор из твердой кожи, принятый в отдельных частях армии и гвардии.

...приключившегося... небольшого инкомодите в виде горошинки на правой ноге... — *Инкомодите* (*фр.* L'incommodité) — неудобство, затруднение.

к стр. 163
...плисовые сапоги... — Плис — хлопчатобумажная ткань с ворсом, похожая на бархат.

...откалывали мазурку... — *Мазурка* — бальный танец в быстром темпе. В записной книжке 1841—1845 гг. Гоголь отметил: «В Перми откалывают мазурку».

к стр. 164
...получать форс... — *Форс* (*фр.* la force — сила, вес) — здесь: преимущество.

Адельгейда — героиня с таким именем встречается в романтической новелле Н. А. Полевого «Блаженство безумия» (1833).

к стр. 165
...коснулся было греческого философа Диогена... — Диоген Синопский (около 400 — около 325 до Р. Х.) — греческий философ-аскет, один из основателей школы киников (циников). По преданию, жил в бочке.

к стр. 166
...захлебнув куражу... (от *фр.* courage — отвага, смелость) — здесь: будучи навеселе, под хмельком.

к стр. 167
...влеплю один безе. — *Безе* (*фр.* le baiser) — поцелуй.

к стр. 168
...позабыв, что по третьей не бьют... — По замечанию М. И. Михельсона, «по третьей не бьют» — «закон, освященный всемирным конгрессом винтеров, играющих в винт или в вист» (*Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Т. 2. СПб., 1904. С. 107).

...поведение его чересчур становилось скандалезно. — *Скандалезно* — скандально, непристойно.

Посреди котильона он сел на пол... — *Котильон* (*фр.* cotillon) — танец в быстром темпе, вид кадрили; носил игривый, непринужденный характер, обычно им завершался бал.

к стр. 169 *...кто выдумал эти балы!* — К этому месту относится набросок на отдельном листе: «“Балы! Ну, что... Балы... сколько на платье да тряпки денег усадят! Сколько муж ни делает канальства, безделья ничества и мерзостей из-за того, чтоб жене достать денег на наряд, а жена рядится затем, чтобы мужу же поставить рога!.. Балы!.. так перепуталось все, что не знаешь теперь, кто с кем живет... Все стало родня! Балы! Подумаешь, человек разумное животное, и этак проводит время. Оденется, как прилично взрослому человеку во фрак, а ногою дряг, дряг. Видно, что весельчак. Народ, по крайней мере, если веселится, так и вскрикивает, и приседает, видно, что веселится. А здесь выступает мелочно. Дурак, глядит сова совою, а ногою дряг, точно как будто блохи кусают его за ногу. Говорят друг с другом о сурьезном, а ногою дряг, дряг... Разве это веселость... Балы. Балы! В губернии голод, а они балы. Ведь именья, небось ведь, или закладывает или продает! Всяк лезет в чиновники, чтобы на счет всех жить, а не на свой. Чтобы кутить да пьянствовать”. Так говорил Чичиков, как будто сам был вовсе не охотник кутить и как будто тоже не хотел пожить за счет других.

“Все балы, балы. Мужиков общипают, затем взятки берут, чтобы балы или съездить на бал... тысячи три-четыре бросить в один вечер — это считается как будто нужное, как будто деньги были, для этого есть лишние, а ведь кругом все жалуется на деньги и видишь, что алтынным гвоздем всякая копейка прибита. Набрались добра из чужого края. Умели самое лучшее перенять, как перевести последнюю копейку”. Так бранил Чичиков с досады несколько справедливо балы».

Позднее Гоголь, по воспоминанию А. О. Смирновой, восхищаясь умением С. П. Апраксиной, сестры графа А. П. Толстого, «дать бал хорошо и экономно», говорил о балах: «Если этому надо быть, то чтобы меньше было времени и денег» (*Смирнова А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 40).

...или на разные625 роброны... — *Роброн* — женское платье с широкой юбкой на каркасе в виде обруча.

...какая-нибудь подстёга Сидоровна... — *Подстёга* — По объяснению В. Даля в Толковом словаре, — «развратная женщина».

к стр. 170 *...светильня давно уже накрылась нагоревшею черною шапкою...* — *Светильня* — здесь: фитиль.

к стр. 171 *...напичкан... кокурками... кренделями из заварного теста.* — *Кокурка* — сдобная булочка с начинкой. *Заварное тесто* — «тесто, прежде замешанное круто, опущенное в горячую воду и потом запеченное» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

Пирог-курник и пирог-рассольник выглядывали даже наверх. — *Пирог-курник* — сдобный пирог с курицей. *Пирог-рассольник* — «пирог с курицей, гречневой кашей, в начинку подливается рассол. Яйца рубленые» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

...из домашней пеструшки... — домотканой пестрой ткани.

...подняв свою алебарду... — *Алебарда* — вооружение будочника в виде копья с топориком или секирой на конце.

Глава девятая

...щегольском клоке... — *Клок* — широкая дамская накидка, род салопа. к стр. 172

...золотым галуном... — *Галун* — нашивка из золотой или серебряной тесьмы.

Фестончики, всё фестончики: пелеринка из фестончиков... — *Фестоны* (*фр.* feston) — зубчатая кайма отделки. *Пелеринка* — короткая накидка на плечи. к стр. 175

...как, бывало, в старину фижмы... — *Фижмы* (от *нем.* Fischbein — китовый ус) — каркас в виде обруча из китового уса, придававший пышность фигуре; принадлежность женской модной одежды XVIII в.

...совершенная бель-фам. — *Бель-фам* (от *фр.* belle femme) — видная, представительная женщина.

Сконапель истоар (искаж. *фр.* ce qu'on appelle histoire) — То, что называется историей. к стр. 176

...и протопопше строил куры? — *Строить куры* (*фр.* fair la cour) — ухаживать. к стр. 177

...вооруженный с ног до головы, вроде Ринальда Ринальдина... — Сцена появления Чичикова в доме Коробочки ночью — измазанного в грязи и встречаемого лаем собак — представляет собой реминисценцию из «Путешествия в Арзрум» А. С. Пушкина (1836). Ср.: «Мне сказали, что до города... оставалось не более как десять верст... Эти десять верст стоили добрых двадцати. Наступил вечер; я шел вперед... местами глинистая грязь... доходила мне до колена... Я слышал вой и лай собак... Наконец увидел я огни и около полуночи очутился у домов... Появление мое... произвело большое действие... Я требовал... комнаты, где бы мог раздеться... К счастию, нашел я в кармане подорожную, доказывавшую, что я мирный путешественник, а не Ринальдо Ринальдини». *Ринальдо Ринальдини* — герой романа немецкого писателя X. А. Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини, знаменитый атаман итальянских разбойников» (1797), который был переведен почти на все европейские языки и вызвал бесчисленные подражания. В России роман вышел вторым изданием в 1818 г.

...ну просто оррёр... — *Оррёр* (*фр.* une horreur) — ужас.

...иора-охотник... — *Иора* (ёра) — лихач, удалец, забияка. «Иорник — маленький чиновник, который денег не заплотит, маленький подлец. Другой не заплотит, потому что и денег нет, а иора не заплотит, потому что не хочет. Иора герой» (из записной книжки Гоголя 1841—1846 гг.). к стр. 178

...оттопанный доезжачими заяц... — *Оттопать* — «вогнать опять в лес, чтоб выгнать на барина» (из записной книжки Гоголя

1841—1844 гг.). *Доезжачий* — старший псарь, обучающий гончих собак и распоряжающийся ими во время охоты.

Арапник — длинная витая охотничья плеть с короткой рукояткой.

к стр. 182 *...подъезжает... необыкновенным подлецом...* — *Подъезжать подлецом* — делать что-нибудь униженно, угодливо (от слова «подличать» — вести себя подобострастно, угодничать). «Человекоугодник, вроде подлеца», — пояснял Гоголь в «объяснительном словаре» русского языка.

...не из того ли угла получила имя такая-то страна?.. — В черновой редакции было: «...не с того ли... угла получила название Русь?..» Фраза представляет собой отзвук полемики Гоголя с О. И. Сенковским, доказывавшим в печати, что «нравственное и политическое состояние России в первой эпохе ее истории» было «полным и ярким отражением Скандинавии» и что оттуда Русь и получила свое название (*Сенковский О. И.* Скандинавские саги // Библиотека для Чтения. 1834. Т. 1). В статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» Гоголь писал: «Как ученый, г-н Сенковский поместил довольно большую статью о сагах, статью, исполненную ипотез, не собственных, но схваченных наудачу из разных бегло прочитанных книг, ипотез, вовсе не принадлежащих русской истории... эти саги он ставит краеугольным камнем русской истории и не приводит ни одного доказательства, поверенного критикою...»

к стр. 183 *...в носу у него сидит гусар.* — Данный эпизод навеян Гоголю нежинскими воспоминаниями (см.: <*Кулиш П. А.*> *Николай М.* Опыт биографии Н. В. Гоголя. С. 12—13).

...слепые деньги... — деньги, доставшиеся по воле слепого случая или воровским способом; «слепым товаром» называли контрабанду (см. Толковый словарь В. Даля).

к стр. 184 *...Андроны едут...* — *Андроны* — специальные, для перевозки снопов и сена телеги с жердями, концы которых сзади тащатся по земле и гремят. Выражение употребляется в значении «вздор, чепуха, бессмыслица».

Вылезли из нор все тюрюки и байбаки... — *Тюрюк* (тюрик) — бумажный кулек; «мешок, который надевают на голову преступнику при казненьи» (гоголевский «объяснительный словарь» русского языка). *Байбак* — «так называют на Дону сурков» (Описание Украйны. Соч. *Боплана.* СПб., 1832. С. 159); зимний сон сурка продолжается с октября по апрель.

...заехать к Сопикову и Храповицкому... — Смысл фразы может быть ясен из письма Гоголя к Н. М. Языкову из Дрездена от 27 сентября (н. ст.) 1841 г.: «Выехавши из Ганау, мы на второй станции подсадили к себе в коляску двух наших земляков, русских помещиков, Сопикова и Храповицкого, и провели с ними время до зари».

На улицах показались... неведомые линейки... колесосвистки... — *Линейка* — длинный открытый многоместный экипаж, служил городским общественным транспортом. *Колесосвистки* — повозки, издающие свист и скрип при вращении заржавелых колес.

...что называют в столицах комеражами... — *Комеражи* (*фр.* le commérage) — сплетни, толки, пересуды.

к стр. 185
...сделал декларацию насчет руки дочери... — *Декларация* — здесь: официальное предложение о браке.

...tête-à-tête... (*фр.*) — разговор с глазу на глаз.

к стр. 186
...назначен был новый генерал-губернатор... — *Генерал-губернатор* — начальник одной или нескольких губерний, обладавший высшей военно-административной властью. В записной книжке 1841—1844 гг. в наброске «Дела, предстоящие губернатору» Гоголь отметил: «Генерал-губернатор может много иметь влияния нравственного как лицо совершенно первенствую<щее> и стоящее выше личностей...»

к стр. 187
...сольвычегодскими купцами... задавшими... пирушку... устьсысольским купцам... — *Сольвычегодск* — уездный город Вологодской губернии, основан в XIV в. на правом берегу реки Вычегды у Соляного озера. *Усть-Сысольск* — уездный город Вологодской губернии, образованный на слиянии двух судоходных рек — Вычегды и Сысолы (ныне столица Коми Сыктывкар). Известен с XVI в.

Аршады — прохладительные напитки, миндальное молоко с сахаром.

...под микитки и в подсочельник... — «*Микитки,* хватить кулаком под микитки — под ребра» (из записной книжки Гоголя 1841—1845 гг.); *в подсочельник...* — «под живот» (из той же записной книжки Гоголя).

Казенные крестьяне — лично свободные крестьяне, которые жили на казенных землях и несли повинность в пользу государства; административную власть здесь осуществляли чиновники.

к стр. 188
...был-де блудлив, как кошка... — Ср. «Блудлив, как кошка, а труслив, как заяц» (Собрание 4291 древних Российских пословиц. Печатано при имп. Московском университете. 1770 г. С. 8).

к стр. 189
Решено было... сделать несколько расспросов тем, у которых были куплены души... — В бумагах Гоголя сохранился набросок, представляющий более пространную редакцию окончания этой главы. См. <Окончание девятой главы в переделанном виде> в разделе «Приложение».

Глава десятая

к стр. 191
...принять да отправить экспедиции... — *Экспедиция* — здесь: посылка, корреспонденция.

...клубы и всякие воксалы на немецкую ногу. — *Воксал* (вокзал; от *англ.* vauxholl) — здесь: место общественных увеселений.

к стр. 193
Под Красным ли, или под Лейпцигом... — В кровопролитном сражении под Красным (близ Смоленска) 3—6 ноября 1812 г. русские войска под командованием генералов М. А. Милорадовича и Д. В. Голицына нанесли ряд ударов по отступавшей французской армии. Потеряв свои лучшие войска, Наполеон вынужден был отступать к Березине. В битве под Лейпцигом 4—7 октября 1813 г.,

получившей название «Битвы народов», союзные русская, австрийская, прусская и шведская армии нанесли поражение наполеоновской Франции.

Инвалидный капитал — образованный из частных пожертвований фонд для выдачи пенсий и пособий раненым воинам; в 1814 г. поступил в ведение вновь созданного Комитета для призрения заслуженных воинов. Десять процентов от сумм, пожалованных в разные годы Гоголю Государем, также неизменно отчислялись в пользу увечных. 15 июля 1837 г. министр финансов граф Е. Ф. Канкрин писал управляющему императорской канцелярией А. С. Танееву по поводу выдачи Высочайше пожалованной Гоголю суммы, что деньги будут выданы ему «за вычетом из оных 10% в пользу увечных» (*Виноградов И. А.* «Спасен я был Государем». Неизвестное письмо Н. В. Гоголя к Императору Николаю Павловичу и его отношение к монархии // Литература в школе. 1998. № 7. С. 8) 5 февраля 1846 г. П. А. Плетнев сообщал В. А. Жуковскому: «Деньги для Гоголя, со дня подписания указа и до числа, выставленного в посольском сертификате, я получил. Из денег этих вычли однако же 10 проц<ентов> на инвалидов» (Соч. и переписка П. А. Плетнева. СПб., 1885. Т. 3. С. 569).

...с обозами или фурами казенными... — *Фура* — большая длинная телега для клади.

Шехерезада — героиня сказок «Тысяча и одна ночь» — памятника средневековой арабской литературы.

Гороховая... Литейная... — улицы в Петербурге.

Семирамида — легендарная царица Ассирии (конец IX в. до Р. Х.), с именем которой связывают сооружение в Вавилоне роскошных архитектурных ансамблей и «висячих садов» — одного из семи чудес света.

к стр. 194 *...из каких-нибудь десяти синюх.* — *Синюха* — пятирублевая ассигнация синего цвета.

...приютился в ревельском трактире... — трактире, содержавшемся выходцем из города Ревеля (ныне Таллин).

Генерал-аншеф (*фр.* general en chef) — полный генерал; высший генеральский чин в XVIII в., стоявший рангом ниже фельдмаршала; отменен при Императоре Павле I.

...Государя... не было еще в столице... — Император Александр I вернулся в Петербург в 1815 г., после взятия Парижа русскими войсками.

...дом на Дворцовой набережной. Избенка, понимаете, мужичья... — Ср. описание Зимнего дворца в стихотворении княгини З. А. Волконской «Песнь Невская», написанном по случаю пожара во дворце, случившегося 17 декабря 1837 г.: «А причина всему изба ветхая: / Изба ветхая на Неве видна. /.../ Стены крыты все тканью шелковой; /Зеркала на стенах исполину в рост: /А под ними столы ведь сибирские / Малахитные, изумрудные; А в окнах цветы кашемирские, / Итальянские и голландские». Гоголь переписал для себя это стихотворение в начале 1838 г.

...драгоценные марморы... — *Мармор* (*лат.* marmor) — мрамор.

...забежать наперед в мелочную лавочку... — *Мелочная лавка* — лавка, где продавались хозяйственные товары. В записной книжке 1846—1850 гг. в разделе «Черты городов» Гоголь отметил: «Мелочные лавчонки, где продавался чай, деготь, сахар и хомуты».

...швейцар... смотрит генералиссимусом... — *Генералиссимус* (*лат.* generallissimus — самый главный) — высшее воинское звание, дававшееся за особо выдающиеся военные заслуги.

Палкинский трактир — дорогой ресторан на Невском проспекте в Петербурге. к стр. 195

Лондон — название популярного ресторана при одноименной гостинице на Невском проспекте.

...приказал подать... котлетку с каперсами, пулярку... с разными финтерлеями... — *Каперсы* — острая приправа, приготовленная из почек кустарника того же названия. *Финтерлеи* — причуды, затеи.

...фензерв какой-нибудь... — *Фензерв* (*фр.* fines herbes — душистые травы) — пряный соус, приправа. к стр. 196

Милютинские лавки — торговые ряды на Невском проспекте близ Гостиного двора, где продавался изысканный гастрономический товар.

Позвать фельдъегеря! — *Фельдъегерь* — военный или правительственный курьер для доставки особо важных документов.

...дантист эдакой... — *Дантист* — здесь: человек, прибегающий к кулачной расправе, «зубодробитель».

...по крайней мере не нужно платить прогонов... — *Прогоны* — здесь: установленная плата за проезд на казенных почтовых лошадях. Существовал указ от 13 июля 1826 г. «О выдавании прогонов на одну лошадь арестантам из дворян и отставным офицерам, не имеющим состояния, при пересылке их под караулом». В «Полном собрании законов Российской Империи» (СПб., 1830. Т. 1) этот указ следует за Именным указом по делу о декабристах и манифестом «О совершении приговора над государственными преступниками», которые датированы тем же числом.

...канули... в какую-нибудь этакую Лету... — *Лета* — в греческой мифологии река забвения в подземном царстве; *кануть в Лету* — навсегда исчезнуть, быть забытым.

...не есть ли Чичиков переодетый Наполеон... — Это нелепое на первый взгляд предположение чиновников имело вполне реальные основания. Сама российская действительность давала немало примеров подобных алогичных ситуаций и нелепиц. Так, князь П. А. Вяземский в своей «Старой записной книжке» рассказывает, что еще в кампанию 1806 г. и учреждения народной милиции «имя Бонапарта (немногие называли его тогда Наполеоном) сделалось очень известным и *популярным* во всех уголках России». Один из знакомых Вяземского, состоявший по милицейской службе, рассказывал, как однажды на почтовой станции одной из отдаленных губерний к стр. 199

заметил в комнате смотрителя портрет Наполеона, приклеенный к стене. “Зачем держишь ты у себя этого мерзавца?” — спросил он хозяина. — “А вот затем, ваше превосходительство, — отвечал тот, — что, если неравно, Бонапартий, под чужим именем или с фальшивою подорожною, приедет на мою станцию, я тотчас по портрету признаю его, голубчика, схвачу, свяжу да и представлю начальству”» (Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского. Т. VIII. СПб., 1883. С. 255—256).

...выпустили его с острова Елены, и вот он теперь и пробирается в Россию, будто бы Чичиков... — Наполеон I, взятый в плен в битве при Ватерлоо в 1815 г., последние годы жизни провел на острове Св. Елены пленником англичан. Ср. аналогичный эпизод в «Старосветских помещиках»: гость Афанасия Ивановича «с значительным видом и таинственным выражением лица выводил свои догадки и рассказывал, что француз тайно согласился с англичанином выпустить опять на Россию Бонапарта...» Возможно, что подобные разговоры были вызваны слухами о побеге Наполеона с острова Эльба и его вторичном правлении во Франции (20 марта — 22 июня 1815 г.).

Купцы... верили предсказанию одного пророка... что Наполеон есть антихрист... — *Антихрист* (*греч.* противохристос) — противник Христа. Означает всех вообще противников христианства — христианских мучителей и гонителей, основателей ересей и расколов, явных безбожников. В особенном смысле антихрист — «человек греха, сын погибели», который явится пред кончиною мира и по попущению Божию прельстит неутвержденных в вере ложными чудесами и знамениями (2 Фес. 2, 3, 11). Будучи прямым орудием диавола, он будет выдавать себя за Бога и на краткое время воцарится над миром. Антихристу будет сопутствовать лжепророк, который наложит на правую руку и чело людей печать, без которой нельзя будет ничего покупать и продавать (Откр. 13, 16—17). Последнее обстоятельство, вероятно, более всего и тревожит купцов, занятых «прибыточными сделками».

...разорвет цепь и овладеет всем миром. — Согласно Откровению св. Иоанна Богослова, пораженный Крестным страданием Спасителя диавол на тысячу лет (т. е. на продолжительное время) лишен власти над миром, «связан» и «заключен в бездну» — «дабы не прельщал уже народы» (Откр. 20, 3). По истечении символического тысячелетия, означающего время евангельской проповеди в мире, на краткий срок «сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы... Гога и Магога», собирая их на окончательную брань против Церкви Христовой (Откр. 20, 3, 7). Сам Гоголь считал сатану уже «развязанным», чем и объясняется его обостренное восприятие всех обольщений мира, в том числе и соблазнов, распространяемых торговлей. («Много соблазну. Лукавый, что ли, миром ворочает, ей-Богу!» — замечает один из героев в третьей главе второго тома «Мертвых душ».) В своей предсмертной записке Гоголь писал: «...Господи! Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповедимого Креста!» С этой же темой связано упоминание в заключительной

главе второго тома о слухах среди раскольников, «что народился антихрист, который и мертвым не дает покоя, скупая какие-то мертвые души». О Чичикове как об антихристе, рыскающем по Руси подобно Мефистофелю или «вечному искусителю», см. также в коммент. к с. 199.

к стр. 200
Апокалипсические цифры. — Апокалипсис (*греч.* — откровение) — одна из книг Нового Завета, содержащая пророчества о конце мира. Имя антихриста обозначено в ней числом 666, которое получило название апокалипсического числа. Во время Отечественной войны 1812 г. имя Наполеона Бонапарта иногда переводили на цифры (в церковнославянском языке цифры пишутся буквами) и путем различных выкладок получали число 666, приходя к выводу, что Наполеон и есть предсказанный в Апокалипсисе антихрист.

...выдумает... какой-нибудь декохт из невесть какой дряни... — *Декохт* (декокт) — густой отвар из лечебных трав.

к стр. 201
...чистить меделянскому щенку пуп... — *Меделянский щенок* — из породы крупных охотничьих собак, выведенных в Северной Италии (от *лат.* названия города Милана — Mediolanum). Щенки этой породы стоили недешево, что, однако, не останавливало охотников-собачеев. Ср. в набросках Гоголя 1830-х гг. по русской истории: «Охоту, как доблестнейшее занятие, лучшие государи советовали — отцы сыновьям. Смотри завещание Мономаха» (заметка «Обычаи»); «Мужество князей росло в охотах, ими они тщеславились. Смотри завещание Мономаха» (заметка «Внутреннее устройство»).

к стр. 202
...перевенчал лабазника Михайла на куме... — *Лабазник* — торговец, хозяин лабаза, помещения для продажи и хранения муки, зерна, крупы.

к стр. 204
...но смеется текущее поколение... также потом посмеются потомки. — Ср. с репликой Городничего, обращенной в зрительный зал: «Чему смеетесь? — Над собою смеетесь!..» («Ревизор», действие 5, явление 8).

...полоскал... горло молоком с фигой... — *Фига* — плод фигового дерева, инжир.

...том герцогини Лавальер... — Имеется в виду роман французской писательницы Мадлен-Фелисите Жанлис (1746—1830) «Герцогиня де Лавальер», русский перевод которого выдержал несколько изданий. *Герцогиня Лавальер* — фаворитка французского короля Людовика XIV — была популярна в России. Портрет ее висел в доме «старосветских помещиков».

к стр. 205
...так себе, шушера какой-нибудь! — *Шушера* — «ничтожные, малозначащие вещицы и людишки»; «ничтожный человек, дрянцо» (из записной книжки Гоголя 1841—1845 гг.).

к стр. 207
...ты просто поддедюлил меня. — *Поддедюлить* — «украсть, унести» (из той же записной книжки Гоголя); здесь: обмануть.

...подержу венец тебе... — *Венец* — корона, возлагаемая на вступающего в брак при церковном обряде венчания; ее держит над головой жениха шафер.

Глава одиннадцатая

к стр. 209 *...шибень такой везде пошел...* — *Шибень* (или шибель) — «выбоины, бугорки» (из записной книжки Гоголя 1841—1845 гг.).

...когда уж почти начеку: сесть бы да ехать... — *Начеку* — от слова *чик* — торговое, бойкое место; быть начеку — «совсем готовым, ожидая чего» (Толковый словарь В. Даля).

к стр. 210 *...я тебя... в рог согну и узлом завяжу!* — В черновой редакции: «Я тебя не обвостря вколочу в землю!» В записной книжке Гоголя 1841—1845 гг. есть несколько народных выражений, которые отмечены как поговорки Михаила Николаевича Загоскина: «Не обвостря в землю тебя вколочу. Я тебя узлом завяжу, в бараний рог сверну».

...кузнецы, как водится, были отъявленные подлецы и... заломили ровно вшестеро. — Ср. в статье А. С. Пушкина о А. Н. Радищеве, опубликованной посмертно в 1841 г. в XI т. его Сочинений: «Путешествие наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притесняли...»

...толкующих об своих гривнах... — *Гривна* — гривенник, десять копеек.

к стр. 212 *Это, однако ж, хорошо, что встретились похороны...* — По народной примете, встреча с покойником — доброе предзнаменование. «Покойника встретить — к счастью» (Толковый словарь В. Даля). Встреча со смертью, по мысли Гоголя, должна напомнить человеку о его бренности, заставить строже взглянуть на самого себя, подумать о собственной душе. Узнав о смерти своей сестры Марии, Гоголь писал матери 12 июня (н. ст.) 1844 г.: «Счастлив еще бывает тот, которому Бог пошлет какое-нибудь страшное несчастие, и несчастием заставит пробудиться и оглянуться на себя». В другом письме, объясняя причины, побудившие его напечатать «Завещание» в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь наставлял мать и сестер: «...оно нужно затем, чтобы напомнить многим о смерти, — о которой редко кто помышляет из живущих... По тех пор, покуда человек не сроднится с мыслью о смерти и не сделает ее как бы завтра его ожидающею, он никогда не станет жить так, как следует, и всё будет откладывать от дня до дня на будущее время» (из письма М. И. Гоголь от 25 января (н. ст.) 1847 г.).

...помещичьи рыдваны... — *Рыдван* — старый громоздкий экипаж.

к стр. 213 *Открыто-пустынно и ровно все в тебе... неприметно торчат среди равнин невысокие твои города... Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря и до моря, песня?.. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда сама ты без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?* — Среди строк, посвященных объяснению этого знаменитого воззвания в одном из гоголевских «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» (1843), есть следующие: «Кому при взгляде на эти пустынные, доселе не заселенные

и бесприютные пространства не чувствуется тоска... Но правительство во все время действовало без устани». Такая авторская интерпретация этого лирического отступления позволяет предполагать, что ему соответствует одна из статей Гоголя, написанная в 1836 г. для пушкинского «Современника», но в нем не появившаяся. Это рецензия на книгу М. А. Байкова «Обозрение сельского хозяйства удельных имений в 1832-м и 1833-м гг.» (СПб., 1836). Ср. в рецензии слова о «необыкновенном пространстве» русской земли, «еще несоразмерно превышающем население», — о «страшном преобладании земли над жителями в России» и будущем рождении народа-«богатыря»: «Что... такое русской крестьянин? Он раскинут или, лучше сказать, рассеян нечасто, как семена по обширному полю, из которого будет густой хлеб, но только не скоро... Во всяком случае правительство действует...»

Вот я тебя палашом! — Палаш — длинная сабля с прямым и широким клинком, обоюдоострым к концу. к стр. 214

«Не белы снеги» — старинная народная рекрутская песня. Она собственноручно записана известным собирателем русских народных песен П. В. Киреевским, постоянно включалась в различные песенники (одну из первых ее публикаций см. в сб.: Новейший российский песенник, содержащий в себе собрание новейших и употребительнейших всякого рода песен. СПб., 1818). «...Вряд ли найдется русский человек, который не знал бы знаменитых “Не белы снеги” — этой песни с напевом победно-торжественного марша, мощного и беспредельно широкого» (*Лопатин Н. М., Пронин В. П.* Русские народные лирические песни. М., 1956. С. 216).

Верста с цифрой — верстовой столб, отмечающий количество верст до какого-либо населенного пункта.

А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез... — к стр. 215 Н. В. Берг в своих мемуарах передает рассказ Гоголя в 1850 г. о том, как однажды в Италии он остановился на дороге в трактире с бильярдом в главной комнате, где вечно шумят шары и слышится разговор на разных языках. «В то время я писал первый том “Мертвых душ”, — рассказывал Гоголь, — и эта тетрадь со мною не расставалась. Не знаю почему, именно в ту минуту, когда я вошел в этот трактир, захотелось мне писать. Я велел дать столик, уселся в угол, достал портфель и под гром катаемых шаров, при невероятном шуме, беготне прислуги, в дыму, в душной атмосфере, забылся удивительным сном и написал целую главу, не сходя с места. Я считаю эти строки одними из самых вдохновенных. Я редко писал с таким одушевлением» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 505—506). Г. П. Данилевский также свидетельствовал (возможно, со слов Н. В. Берга), что лирическое отступление в начале седьмой главы первого тома «Мертвых душ» Гоголь написал в июле 1838 г. в трактире местечка Манчиано, в нескольких километрах от Рима: «...знают ли читатели, где он писал все лучшие лирические места в своей поэме (“Счастлив путник, когда после далекой дороги...” и др.)? Он их писал, полный тоски по родине, близ местечка *Манчиани*, в одной таверне на большой дороге в Рим,

в нижнем этаже, почти под землею, приютившись у треножного столика, под шум и говор игроков, игравших на бильярде, в верхней комнате таверны, под свинцовою крышею, раскаленною зноем полуденного солнца! Его спасало то, что он тогда не знал еще по-итальянски и потому не понимал говора толпы, беспрестанно входившей и выходившей из таверны» (*Д<анилевский Г. П.>*. Петербургская жизнь // Московские Ведомости. 1852. 21 авг. № 101. С. 1049). 21 марта 1851 г. Гоголь повторил этот рассказ в беседе с Е. А. Хитрово (см. коммент. к с. 297 — *...для обдумыванья своих планов и мыслей ему не надобно было кабинета с пружинными креслами и всякими покойными удобствами...*)

к стр. 216 *...увидят, как глубоко заронилось в славянскую природу то, что скользнуло только по природе других народов...* — Ср. в статье Гоголя «Светлое Воскресенье» (1846): «...Есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа...»; а также в письме к графине А. М. Виельгорской от 30 марта 1849 г.: «Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово Евангельское, возводящее к совершенству человека».

...столбовые или личные... — Дворянское сословие в России разделялось на *столбовое* (потомственное) и *личное.* Потомственные дворяне получали это звание по наследству от предков, из рода в род владевших землями и крестьянами. Имена потомственных дворян заносились в особые родословные книги (до XVII в. записывались в столбцы — узкие длинные бумажные полосы, скатанные в трубки). Личные дворяне получали дворянство за службу и не имели права передавать его потомкам.

...которых обыкновенно называют пигалицами... — *Пигалица* (пиголица) — «птица-луговка; малого роста женщина» (из записной книжки Гоголя 1841—1845 гг.).

...в длинном сюртуке на мерлушках и в вязаных хлопанцах... — *Мерлушка* — мех, выделанная овечья шкура. *Хлопанцы* — «туфли» (из записной книжки Гоголя 1841—1845 гг.).

к стр. 217 *...мухортая пегая лошадка...* — *Мухортая* — рыжеватой масти с желтыми подпалинами.

к стр. 218 *...пустился на... спекуляции...* — Ср. в «Коммерческом словаре» гоголевской «Книги всякой всячины...»: «*Спекуляция*, исследование, то есть знать место, где торговать, знать товар, какой куда посылать для продажи; вообще, как производить выгодную торговлю».

к стр. 219 *...хотя он Солона заткни за пояс!* — *Солон* (между 640 и 635 — около 559 до Р. Х.) — политический деятель и реформатор древних Афин, один из семи греческих мудрецов.

«По мне, уж лучше пей, да дело разумей». — Цитата из басни И. А. Крылова «Музыканты» (1808), ставшая пословицей. К этой басне Гоголь вновь обращается в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» при характеристике Крылова: «Особенно слышно, как он везде держит сторону ума, как просит

не пренебрегать умного человека, но уметь с ним обращаться. Это отразилось в басне “Хор певчих” («Музыканты». — *И. В., В. В.*), которую заключил он словами: “По мне, уж лучшей пей, да дело разумей!” Не потому он это сказал, чтобы хотел похвалить пьянство, но потому, что заболела его душа при виде, как некоторые, набравши к себе наместо мастеров дела, людей Бог весть каких, еще и хвастаются тем, говоря, что хоть мастерства они и не смыслят, но зато отличнейшего поведенья. Он знал, что с умным человеком все можно сделать и не трудно обратить его к хорошему поведенью, если сумеешь умно говорить с ним, но дурака трудно сделать умным, как ни говори с ним. “В воре — что в море, а в дураке — что в пресном молоке”, говорит наша пословица».

...подавал учителю... треух... — *Треух* — здесь: теплая шапка с наушниками и опускающимся задком.

...получил полное удостоение во всех науках... — Т. е. был аттестован, признан достойным.

...приносили частые жертвы Вакху... — Т. е. пьянствовали. *Вакх* к стр. 221
(Бахус) — в античной мифологии бог вина и веселья.

...попал под начальство... престарелому повытчику... — *Повытчик* — столоначальник; чиновник, следивший за порядком и хранением поступавших бумаг (от слова «выть» — отдел, часть). В материалах для «объяснительного словаря» русского языка Гоголь отметил: «Повытно, частями; повыток, отдел, часть».

...в конце февраля, перед Великим постом будет свадьба. — к стр. 222
Великий пост — семинедельный пост перед Пасхой, в течение которого предписывается воздержание от скоромной пищи, запрещается принимать участие в различных увеселениях и вступать в брак.

...рекомендательные письма за подписью князя Хованского... — к стр. 223
Ироническое название взяток. *Князь Хованский* Александр Николаевич (1771—1857) — управляющий Государственным ассигнационным банком; его подпись стояла на всех ассигнациях.

...комиссия для построения какого-то казенного весьма капи- к стр. 224
тального строения. — В первоначальной редакции содержалось более конкретное указание на то, какую именно комиссию имел в виду Гоголь: это была комиссия по построению Храма Христа Спасителя в Москве. 10 февраля 1831 г. Гоголь писал матери по поводу дела г-жи Клименко, вдовы одного из членов этой комиссии, отрешенного от должности за хищения: «Одна только сильная протекция могла бы сделать что-нибудь в ее пользу, но и то не в таких обстоятельствах, как ее нынешние. Вам, я думаю, известно, что комиссия построения храма в Москве уничтожена по причине страшных сумм, истраченных ее чиновниками. Все они находятся едва ли до сих пор не под следствием...»

...школы для кантонистов... — *Кантонисты* (*нем.* Kantonist — к стр. 225
новобранец) — сыновья солдат, причисленные со дня рождения к военному ведомству и воспитывавшиеся в специальных военных школах; большинство из них зачислялось на 20 лет в солдаты.

...как рыбак острогой преследует какую-нибудь мясистую белугу... — В записной книжке 1841—1844 гг. Гоголь отметил: «*Ловля острогой* — выезжают с лодкой ночью, к носу лодки укреплена *коза,* железная жаровня, величиной в большую тарелку, в ней раскладывают огонь. Кладут *смольё,* сосновый корень, расколотый в щепу. Жаровня освещает дно реки и показывает рыбу. На лодке трое: один у огня, другой гребет веслом, третий бьет острогой, — острога род граблей с шестью и более зубьев крючковатых — опускает в воду тихо, и потом бьет вдруг. Нужно метить в голову, чтобы попасть в хвост. *Строжить* — ловить острогой. Это ловля всегда осенняя, сентябрь».

...уничтоженье запачканного послужного списка... — *Послужной список* — документ, содержащий сведения о прохождении службы.

к стр. 227 *...сама судьба определила ему быть таможенным чиновником.* — Одним из прототипов Чичикова был общий приятель А. С. Пушкина, П. А. Плетнева и Гоголя Семен Данилович Шаржинский, служивший на таможне (см.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. С. 552—553). В апреле 1843 г. художник А. Г. Венецианов писал Л. А. Стромиловой о Шаржинском: «...Плетнев мне сказал, что Шаржинский по ветрености своей не может кому-либо помогать, но свои здесь долги худо платит» (*Корнилова А. В.* А. Г. Венецианов. Л., 1980. С. 204).

...мог сказать вдруг, сколько в нем фунтов... — *Фунт* — мера веса, равная 409,5 г; применялась до введения метрической системы.

к стр. 229 *...пронесли под тулупчиками на миллион брабантских кружев.* — *Брабантские кружева* — кружева, производившиеся в бельгийской провинции Брабант.

к стр. 230 *...и там заклекнет навеки...* — *Заклекнуть* — завянуть, засохнуть.

к стр. 231 *Опекунский совет* — учреждение, ведавшее воспитательными домами, сиротскими приютами, богадельнями и т. п., а также занимавшееся выдачей ссуд под залог имений или крепостных.

...заняться званием поверенного... — *Поверенный* — человек, уполномоченный действовать от чьего-либо имени.

к стр. 232 *...недавно была эпидемия, народу вымерло... немало.* — Возможно, что подразумевается эпидемия холеры 1830—1831 гг.

...не платить за них подушных денег... — *Подушные деньги* — налог за ревизские души.

к стр. 233 *...где бы можно удобнее и дешевле накупить потребного народа.* — Ср. в черновом наброске на отдельном листе: «Он вовсе не наезжал на помещиков без всякого разбора и говорил им: продайте мне вымерших крестьян. Совсем нет, он очень знал, к какого рода владельцам нужно обращаться. Он искал по темным захолустьям и, как мы уже видели, искал или скряг или промотавшихся и, как Мефистофель или тот искуситель вечный, который был еще недавно в моде в Европе, как и то таинственное лицо, посещал тюрьмы, жилища нищеты и где люди были более готовы решиться на грех». (Ср. в первой редакции «Портрета» об «адском духе»: «...он именно

выбирает то время, когда величайшие несчастия постигают нас».) Согласно этому отрывку, героев-помещиков первого тома «Мертвых душ» можно разделить на «скряг» (Коробочка, Собакевич, Плюшкин) и «промотавшихся» (Манилов, Ноздрев).

Но есть страсти, которых избранье не от человека. — Ознакомившись в Оптиной Пустыни с рукописной книгой св. Исаака Сирина, Гоголь против этого места собственноручно написал карандашом на экземпляре «Мертвых душ» (первого издания), принадлежавшем графу А. П. Толстому: «Это я писал в “прелести” (обольщении. — *И. В., В. В.*), это вздор; прирожденные страсти — зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении прирожденных страстей — теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о “гнилых словах”, здесь написанных. Мне чуялось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении прирожденных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых душ”. Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравую психологию и не кривое, а прямое понимание души, встречаем лишь у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, — не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души» (*Матвеев П.* Гоголь в Оптиной Пустыни // Русская Старина. 1903. № 2. С. 303). к стр. 234

И, может быть, в сем же самом Чичикове... заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес. — Это предсказание грядущего возрождение героя, т. е. оживления его души, является парафразой новозаветного эпизода превращения Савла в Павла: «...внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна» (Деян. 9, 3—5). См. также сопроводит. статью к наст. тому. к стр. 235

...к карточному столу, тешащему всю Россию. — Однажды, 21 января 1851 г., Гоголь на вопрос своей одесской знакомой Е. А. Хитрово, что он любил в юности, ответил: «А прежде, маленьким, еще карты». «Это значит — деятельность духа», — сказала Е. А. Хитрово. «Какая деятельность духа! Пол-России только и делает. Это — бездействие духа» (<*Хитрово Е. А.*> Гоголь в Одессе. С. 550).

Еще падет обвинение на автора со стороны так называемых патриотов... — Действительно, сразу же после выхода «Мертвых душ» Гоголю были предъявлены обвинения в отсутствии патриотизма. Так, Н. А. Полевой писал в рецензии на поэму: «Берем на себя кажущееся смешным автору название *патриотов*, даже “так называемых патриотов” — пусть назовут нас Кифами Мокиевичами, но мы спрашиваем его: почему, в самом деле, современность представляется ему в таком неприязненном виде, в каком изображает он ее в своих

"Мертвых душах"...» (Русский Вестник. 1842. № 5—6. Критика. С. 54). Интересно отметить, что оскорбление национального чувства при чтении поэмы испытывали не только Н. А. Полевой, но и люди, духовно близкие Гоголю. В письме к нему от 4 марта 1847 г. Ф. В. Чижов рассказывал о том впечатлении, которое произвели на него «Мертвые души»: «...когда я прочел, чувство русского, простого русского до того было оскорблено, что я не мог свободно и спокойно сам для себя обсуживать художественность всего сочинения» (Русская Старина. 1889. № 8. С. 369—370).

к стр. 236 *Был он то, что называют на Руси богатырь...* — В «богатырских подвигах» Мокия Кифовича легко узнать баловство русских древних чудо-богатырей. Новгородский удалец Василий Буслаев, будучи семи годов, стал по городу похаживать, шуточки пошучивать: «Которого дернет за руку — рука прочь, / Которого за ногу — нога прочь, / Двух-трех вместе столкнет — без души лежат» (Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. 1. Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861. С. 345). Русский славный богатырь Илья Муромец, почуяв в себе силу великую, вышел на улицу и начал с ребятами поигрывать: «которого возмет за руку — руку оторвет, которого за ногу — ногу оторвет, а кого возмет за голову — голову оторвет» (Илья Муромец. М.; Л., 1958. С. 366).

...такой припертень! — *Припертень* — притеснитель, обидчик.

к стр. 239 *Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься?* — Сравнение Руси с птицей-тройкой построено по принципу народной лирической песни (см.: Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л., 1976. С. 289—290).

Сохранившиеся главы второго тома

Впервые напечатано племянником Гоголя Н. Трушковским в качестве дополнительного тома ко второму изданию Сочинений Гоголя: Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти: Похождения Чичикова, или Мертвые души: Поэма Н. В. Гоголя. Том второй (5 глав). М., 1855.

Сохранившиеся автографы первых четырех глав представляют собой текст, переписанный Гоголем в период с марта по начало июля 1849 года с не дошедшей до нас в полном объеме рукописи, которая была привезена им в апреле 1848 г. из-за границы. Этими автографами начальных глав Гоголь пользовался вплоть до весны 1850 г., внося в них исправления по ходу работы (порой в результате периодически устраиваемых публичных чтений), а оставил не позднее осени 1851 г. (В 1851 г. Гоголь уже работал над поэмой по новому списку, до нас не дошедшему.)

Первоначальный текст автографа заключительной главы относится к заграничному периоду — осени 1847 — зиме 1847/48 г. Этот автограф отличается от рукописей первых четырех глав (бумага другого производства и формата, различный характер правки). По-видимому, представляет собой фрагмент (окончание) той не дошедшей до нас в полном объеме рукописи, которая была привезена Гоголем из-за границы и стала перерабатываться сразу по приезде в Россию. Спустя год в результате переработки начальные главы были переписаны (часть этой работы — сохранившиеся четыре главы), а в заключительной появился слой исправлений (датируется 1849—1850 гг.). (Характер работы Гоголя над рукописями см., в частности, в коммент. к с. 381 — *...заочное производство дел между людьми, которых... и в глаза не видал... управление провинциями, отстоящими за тысячи верст...*)

Вопреки бытующим представлениям о характере некоторых «положительных» героев второго тома («чудном наставнике» Александре Петровиче, помещике Костанжогло, откупщике Муразове), «идеальных» среди них нет. Задачи, которые ставил перед собой Гоголь, были иными (см. коммент. к с. 309 — *Я спрашивал вас о том, как быть, как поступить, как лучше приняться...*). О проблемах интерпретации и текстологии второго тома см.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1. Обстоятельства сожжения Гоголем рукописей перед смертью излагаются во вступ. статье к первому тому наст. изд.

Еще прежде появления в печати глав второго тома они стали известны довольно широкому кругу читателей. Н. Г. Чернышевский писал в «Очерках гоголевского периода русской литературы» о дошедших до нас главах второго тома: «В уцелевших отрывках есть очень много таких страниц, которые должны быть причислены к лучшему, что когда-либо давал нам Гоголь, которые приводят

в восторг своим художественным достоинством и, что еще важнее, правдивостью и силою благородного негодования» (*Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1947. Т. 3. С. 13).

Текст печатается с исправлениями по автографу. В разделе «Ранняя редакция» помещается первоначальный, «нижний слой» текста сохранившихся рукописей глав второго тома, в разделе «Позднейшая редакция» — текст тех же автографов с последующей правкой.

Ранняя редакция

Глава первая

к стр. 242 *Чилига* (чилизник) — кустарник, вид желтой акации; гороховое дерево. Слово «чилига» несколько раз встречается в выписках Гоголя из книги известного путешественника и натуралиста П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства в 1768—1773 гг.» (СПб., 1773—1788), причем в различных значениях, что зависело от неопределенности народной ботанической терминологии (см. об этом: *Данилов В. В.* Украинские реминисценции в «Мертвых душах» Гоголя. С. 83). О постоянном интересе Гоголя к ботанике свидетельствуют как его записные книжки, так и многочисленные воспоминания его современников. По словам Л. И. Арнольди, Гоголь говорил ему во время совместной поездки в Калугу летом 1849 г., что «всегда любил ботанику и в особенности любил знать свойства, качества растений и доискиваться, под какими именами эти растения известны в народе и на что им употребляются» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 479). Князь Д. А. Оболенский вспоминает, что на обратном пути из Калуги в Москву «при всякой остановке выходил Гоголь на дорогу и рвал цветы, и ежели при том находились мужик или баба, то всегда спрашивал название цветов; он уверял меня, что один и тот же цветок в разных местностях имеет разные названия и что, собирая эти разные названия, он выучил много новых слов, которые у него пойдут в дело» (Там же. С. 547). О ботанических увлечениях писателя см.: *Карташов В. С.* Гоголь и ботаника // Гоголевский вестник. Вып. 1. М., 2007.

к стр. 243 *...зеленели и синели... леса... За лесами... желтели пески.* — Ср. заметку в записной книжке Гоголя 1846—1851 гг.: «И вдруг яр среди ровной дороги — обрыв во глубину и вниз, и в глубине леса, и за лесами — леса, за близкими, зелеными — отдаленные синие, за ними легкая полоса песков серебряно-соломенного цвета, и потом еще отдаленные леса, легкие как дым, самого воздуха легчайш<е>. Над стремниной и кручей махала крыльями скрипучая ветряная мельница».

...помещику Тремалаханского уезда... Тентетникову... — Отмечено, что слово «Тремалаханский» составлено из двух французских слов: tres — очень и mal — плохо, и потому *Тремалаханский уезд* следует поставить в тот же ряд названий, что и пушкинское село Горюхино, некрасовские Неелово, Горелово и т. д. (см.: *Данилов В. В.* Украинские

реминисценции в «Мертвых душах» Гоголя. С. 84). Фамилия *Тентетников* происходит от украинского слова «тендітний» — нежный, тонкий, встречающегося в «Старосветских помещиках» (см.: *Васильев Л.* Что значит фамилия Тентетников // Русский Филологический Вестник. 1909. № 2). Слово это имеется и в гоголевском «Лексиконе малороссийском» из «Книги всякой всячины»: «Тендітний, нежный». Ср. также в словаре «Малороссийских слов, встречающихся в 1 и 2 томах» сочинений Гоголя издания 1842 г.: «Тендитный — слабосильный, нежный».

...принадлежавший к фамилии отставных штаб-офицеров, брандеров... — *Штаб-офицеры* — старшие офицерские чины (от майора до полковника). *Брандёр* — судно, предназначенное для поджога неприятельского флота; здесь: отчаянный, вспыльчивый человек. к стр. 244

Александр Петрович имел дар слышать природу русского человека... — Князь Д. А. Оболенский, слушавший эту главу в чтении Гоголя, вспоминает, как А. О. Россет, также присутствовавший на этом чтении, спросил автора: «“Что, вы знали такого Александра Петровича (первого наставника Тентетникова) или это ваш идеал наставника?”» При этом вопросе Гоголь несколько задумался и, помолчав, отвечал: “Да, я знал такого”» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 552). Прототипом Александра Петровича послужил директор Нежинской гимназии высших наук Иван Семенович Орлай де Карва (см.: *Виноградов И.* «Небыкновенный наставник»: И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Новые гоголеведческие студии. Вып. 2. Симферополь, 2005). Одним из источников для размышлений о «науке жизни» наставника Александра Петровича послужили Гоголю также письма его младшего современника, студента математического факультета Московского университета Дмитрия Константиновича Малиновского (1825 или 1826—1871). Некоторыми чертами Д. К. Малиновского Гоголь воспользовался и при создании образа Тентетникова (см.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования. С. 184—198). к стр. 246

...дядя... объявил, что главное дело — в хорошем почерке... — В образе дяди Тентетникова отразились, по-видимому, черты двоюродного дяди Гоголя И. П. Косяровского (см. об этом в сопроводит. статье к наст. изд.). к стр. 250

...которых имена не находились у швейцара на листе... — Имеется в виду распространенный в чиновничьей среде обычай поздравления начальства по праздникам, который состоял в том, что поздравляющий расписывался на листе у швейцара, а тот передавал потом список начальнику. к стр. 251

Осокор (осокорь) — разновидность тополя, то же, что черный тополь. к стр. 253

Узнавши о приезде барина, населенье всей деревни собралося к крыльцу. — В описании радушной встречи Тентетникова крестьянами нашли отражение впечатления самого Гоголя по приезде в Васильевку 9 мая 1848 г. — после почти тринадцатилетнего отсутствия. к стр. 254

Сестра Гоголя Елисавета Васильевна 11 мая 1848 г. записала в своем дневнике: «Утром созвали людей из деревни; угощали, пили за здоровье брата. Меня очень тронуло, что они были так рады его видеть!» (*Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 703). Гоголь привез тогда из Иерусалима для раздачи крестьянам маленькие сердоликовые крестики; 21 мая он передал их сестре (Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары *О. В. Гоголь-Головни*). С. 30; *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. V. С. 36; *Шенрок В. И.* Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. С. 704). Мать Гоголя в 1852 г. рассказывала С. П. Шевыреву о сыне: «Всякий раз, при приезде и выезде, угощал крестьян. Любил разрезывать сам куски и приговаривал: "когда бы мог я каждого удовлетворить лучши<м> куском?"» (*Виноградов И. А.* Неопубликованные воспоминания о Н. В. Гоголе его матери // Acta Philologica. Филологические записки. М., 2007. Вып. 1. С. 349). С хозяйскими распоряжениями Гоголя весны 1848 г. перекликаются и попытки Тентетникова наладить полевые работы в имении. Другая сестра Гоголя, Ольга Васильевна, вспоминала: «Потом брат просил у матери дать ему полведра наливки и велел напечь пирожков с сыром. Когда все было готово, велел позвать тяглых мужиков, то есть тех, у кого рабочие волы, на крыльце поставили наливку и пироги, мужики стояли около крыльца и брат сам наливал наливку, угощал их, они пили, конечно, с пожеланием ему всего хорошего, потом брат дал каждому по два рубля и сказал: спасибо вам, что вы своими волами моей матери орали. Это он делал для поощрения, чтобы и другие старались быть хорошими хозяевами» (Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары *О. В. Гоголь-Головни*). С. 35).

Поемные места — заливные, затопляемые водой при разливе.

Повойник — головной убор русских замужних крестьянок в виде повязки, носимый под платком.

Ишь куды полезла, корявая! — «*Корявый* — измятый, рожа темного цвета с морщинами и наростами и всякой гадостью» (из записной книжки Гоголя 1841—1845 гг.).

...приказчик был баба и дурак... то есть вел аккуратно счет кур и яиц, пряжи и полотна, приносимых бабами... а в прибавленье ко всему подозревал мужиков в покушенье на жизнь свою. — Ср. заметку «Приметы дурного управителя» в записной книжке Гоголя 1841—1844 гг.: «Василий Сергеевич строг при сборе холстов и яиц; строго взыскивает, чтобы баба принесла положенный кузов грибов и проч. Всегда плохой управитель подозревает, что покушаются на его жизнь, и боится, чтоб его не убили. Бывает покровительствуем барыней, потому что строг по ее части, то есть следит за приносом ягод...»

...на гумне, в овинах... — *Гумно* — «кладенник, где складывается хлеб кладами»; *овин* — «большой крестьянский хлев называется овинный» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

к стр. 255 *...приказал выдать... по чапорухе водки...* — *Чапоруха* — «чарка» (из той же записной книжки Гоголя).

...давно колосилась рожь... и кустилось просо... — «Рожь, ячмень, пшеница *колосятся,* когда из трубки показывается колос»; «Просо не колосится, а *кистится»* (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

...пятка колоса еще не завязывалась. — В той же записной книжке Гоголь отметил: *«Завязалась пяточка* — сначала образуется род молочка, когда снизу шелуха начинает затвердевать».

...красноносый, красноногий мартын... — *Мартын* — «водя- к стр. 256
ная птица, питающаяся рыбою, которую ловит не с налету, как рыболов, а у берегов; величиною с утку, цвет белый с черной головой, красным носом и ногами» (из той же записной книжки Гоголя).

...а иногда и просто шишом. — *Шиш* — «копны вместе, конусом вверх» (из той же записной книжки Гоголя).

Бьет перепел, дергает в траве дергун... — В той же записной книжке Гоголь отметил специальные народные обозначения птичьих голосов: «перепел бьет»; «дергун, коростель дергает»; «кулик кулика́ет».

...и суд, и всякие расправы... — «Сельский суд и расправа» — на- к стр. 257
звание одной из статей «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Вишнепокромов — фамилия образована, видимо, по цвету голубей. В записной книжке 1841—1844 гг. Гоголь отметил: «Вишнепокромой — с каймой на крыльях вишневого цвета».

Имя ей было Улинька. — *Улинька* (Уленька, Ульяна, Иулиа- к стр. 259
ния) — женское имя, имеющее житийно-монашеский оттенок; было широко распространено в украинском фольклоре (где оно встречается в бытовых и обрядовых песнях) и в малороссийской культурной среде (см.: *Данилов В. В.* Украинские реминисценции в «Мертвых душах» Гоголя. С. 89—90). Ср. в словаре «Имен, даемых при крещении» гоголевской «Книги всякой всячины...»: «Уляна, Улька, Улочка — Ульяния». Младший современник Гоголя Г. П. Данилевский указывал: «Имя жены А. С. Данилевского, *Юлии*, Улиньки, дало Гоголю, как слышно, мысль назвать героиню второй части "Мертвых душ" — Улинькою» (*Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем. (Из литературных воспоминаний) // Исторический Вестник. 1886. № 12. С. 500). С другой стороны, по свидетельству И. С. Аксакова, прототипом Улиньки послужила Гоголю графиня Анна Михайловна Виельгорская (в замужестве княгиня Шаховская, 1822—1861). 21 августа 1854 г. И. С. Аксаков писал родным: «Вы не получаете от <И. С.> Тургенева писем: здесь мне рассказывали про него, что он женится, одни говорят — на какой-то Тургеневой же <речь идет об О. А. Тургеневой>, другие — на граф<ине> Велиегорской. Я рад был бы за Тургенева, если б случилось это последнее. Граф<иня> Велиегорская, служившая прототипом Гоголевой Улиньке, может иметь на Тургенева благодетельное влияние, разорвет узы, связывающие его с грязным и безнравственным обществом Ив<ана> Панаева и компании. Я думаю, ей будет около 28 лет» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849—1856. М., 1994. С. 299—300). В 1848 г. Гоголь в «воспитательных целях» писал графине А. М. Виельгорской: «...Вам... совсем не к лицу

танцы: ваша фигура не так стройна и легка. Ведь вы нехороши собой. Знаете ли вы это достоверно? Вы бываете хороши только тогда, когда в лице вашем появляется благородное движенье; видно, черты лица вашего затем уже устроены, чтобы выражать благородство душевное; как скоро же нет у вас этого выражения, вы становитесь дурны» (письмо от 29 октября).

...античных камеях... — *Камея* — драгоценный полированный камень с рельефной художественной резьбой. На древних, античных камеях изображались главным образом боги, мифологические герои и т. п.

к стр. 262 *...опоясавший себя носовым платком.* — В XIX в. носовые платки были иногда значительных размеров. Так, гоголевский Акакий Акакиевич «вынул шинель из носового платка, в котором ее принес... потом свернул его и положил в карман для употребления» («Шинель»).

Общество было устроено с целью доставить прочное счастье всему человечеству от берегов Темзы до Камчатки. Касса денег потребовалась огромная... — Возможная реминисценция из заключительной главы третьей части романа В. Т. Нарежного «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (СПб., 1814), где пронырливый мошенник-масон вместе со своими «собратьями» разоряют богатого неумного русского барина под предлогом «просвещения» (модной роскоши) и благотворительности: «...в течение двух с небольшим месяцев мы высосали у него до полумиллиона, — то на выкуп пленных или содержащихся в тюрьмах, то на вспоможение благородным фамилиям, кочующим в Камчатке, на берегах Урала, Енисея и проч.».

к стр. 263 *...какой-нибудь любознательный ученый-профессор, который ездит по России...* — Отмечено, что данное предположение Тентетникова является «очевидною реминисценциею образа Палласа» (*Данилов В. В.* Украинские реминисценции в «Мертвых душах» Гоголя. С. 83).

...усадил... гостя в большие вольтеровские кресла... — *Вольтеровские кресла* (или вóлтеровские) — кресла известного английского мебельщика XVIII в. Уолтера (Walter). Иногда связываются с именем французского писателя Вольтера. Именно в таком кресле — с высокой прямой спинкой и подлокотниками — изобразил Вольтера французский скульптор Ж. А. Гудон (1781); в настоящее время статуя находится в Эрмитаже в Санкт-Петербурге.

...уподобил жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду ветрами... — Сравнение грешного человека с судном, плавающим по бурному морю, — одно из самых употребительных в христианской литературе, как богослужебной, так и дидактической.

...высморкался... так громко, как Андрей Иванович еще и не слыхивал. — В Институте русской литературы (Пушкинский Дом) хранится писцовая копия трех начальных глав второго тома «Мертвых душ», в которой после приведенной фразы следует: «Борзой

кобель, забравшийся под диван, так удивился, что долгом счел подойти к господину, обнюхать его между фалдами фрака и сесть перед ним, смотря ему прямо в глаза, в ожидании еще чего-нибудь необыкновенного...» (см.: *Воропаев В. А.* Три этюда о Гоголе (Из архивных разысканий) // Н. В. Гоголь: История и современность. М., 1985). В дошедшем до нас автографе второго тома этих строк нет.

...другой ломберный... — *Ломберный стол* — обтянутый зеленым сукном квадратный раскладной стол для игры в карты (от названия коммерческой карточной игры ломбер). к стр. 264

Жилеты... белого пике... — *Пике* (*фр.* piqué) — хлопчатобумажная или шелковая ткань с рельефным узором.

...сапоги с новыми головками... — *Головки* (головы) — нижняя передняя часть сапог, обнимающая пальцы и верхнюю часть ступни.

...свежая орань черной полосою проходила по зелени... — Ср. заметку Гоголя в записной книжке 1846—1850 гг.: «Круто выпуклилась степовая равнина, чтобы лучше показаться, и полосно пестрела гладкая покатость. По зелено-пепельному грунту резко пробивалась темно-красная орань, только что взрытая плугом. За ней лентой яркого золота — нива сурепицы, и вновь бледно-зеленый грунт и как снег белые кусты». *Орань* — нива, пашня. к стр. 266

...тридцать тысяч с лишком верст... — Приблизительное расстояние кругосветного путешествия. к стр. 267

...кабак, которому имя было: «Акулька»... — Ср. список «Кабаки» в записной книжке Гоголя 1841—1844 гг.: «Зацепа, Кружало, Навозной, Агашка, Московской». к стр. 268

...пелись песни, заплетались и расплетались... хороводы... — Г. П. Данилевский вспоминал о вечере, проведенном у Аксаковых 31 октября 1851 г., где Н. С. Аксакова по просьбе Гоголя пела украинские песни («Чоботы», потом «Могилу», «Солнце низенько» и другие): «Помню, что спели какую-то украинскую песню даже общим хором. Кто-то в разговоре, которым прерывалось пение, сказал, что кучер Чичикова, Селифан, участвующий, по слухам, во втором томе “Мертвых душ” в сельском хороводе, вероятно, пел и только что исполненную песню. Гоголь, взглянув на Н. С. Аксакову, ответил с улыбкой, что, несомненно, Селифан пел и “Чоботы”, и даже при этом лично показал, как Селифан высокоделикатными, кучерскими движениями, вывертом плеча и головы, должен был дополнять, среди сельских красавиц, свое “заливисто-фистульное” пение» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 442—443).

...у всех глаза рекой, у всех глаза с поволокой... — Ср. в записной книжке Гоголя 1841—1845 гг.: «Глаза рекой, с поволокой — 1) глаза миндальные, 2) глаза томные».

...померкала вокруг окольность... — *Окольность* — окрестности; близлежащие, окружающие места.

Раздобаривая... с дворовыми людьми... — *Раздобаривать* — разговаривать, беседовать. Ср. в «Пропавшей грамоте»: «Нашего запорожца раздобар взял страшный».

к стр. 272 *...дорогу, прорезавшую дуброву... — Дуброва* — «когда деревья растут разбросанные по полю. Дерево самое имеет другую форму, ибо растительная сила идет в ширину и ветви» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

Глава вторая

к стр. 274 *Надворный суд* — высшая в губернии судебная инстанция по гражданским и уголовным делам.

к стр. 277 *Женился на институтке, молоденькой, субтильной... — Субтильный* — См. примеч. к с. 74.

к стр. 278 *...полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит.* — В данном эпизоде Гоголь воспользовался рассказом М. С. Щепкина, в основе которого лежало действительно случившееся происшествие (см.: *Афанасьев А. Н.* М. С. Щепкин и его записки // Библиотека для Чтения. 1864. № 2. Отд. XI. С. 7). Об этом же сообщает М. А. Щепкин со слов отца (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 528). См. также мемуары самого М. С. Щепкина (Записки актера Щепкина. М., 1983. С. 130). Н. А. Некрасов, возражая А. Ф. Писемскому, который находил чичиковский анекдот неудачным, писал в «Современнике»: «Не забудем также, что анекдот о “черненьких и беленьких” обошел всю Россию, прежде чем вторая часть “Мертвых душ” явилась в печати, возбуждая всюду смех, тысячи забавных применений и служа коротким и резким определением множества однородных с ним фактов: значение, которому суждено долго за ним оставаться. Нет, мы сомневаемся, что кем-либо мог быть выбран пример с большей меткостью и вместе умеренностию, обличающею такт истинного художника» (*Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 1950. Т. 9. С. 343—344).

к стр. 282 *И генеральский смех пошел отдаваться вновь по генеральским покоям.* — Л. И. Арнольди, присутствовавший при чтении Гоголем второго тома летом 1849 г. в Калуге, в своих воспоминаниях наиболее полно, сравнительно с другими современниками, передал дальнейшее содержание главы. Его рассказ позволяет представить себе последующее развитие событий. Имя одного из упоминаемых здесь героев — испанца или португальца *Экспантона* (занимающего генерала после обеда игрой в шахматы) — имеет в гоголевском «объяснительном словаре» русского языка соответствие в слове «Протáзан, эспонтон» (алебарда; от *фр.* pertuisane — копье с плоским наконечником и *исп.* espada — шпага, меч). Вероятно, необычное имя героя призвано указать на браннолюбивый дух самого генерала, бесплодно издерживающего в мирное время свою жизнь в шахматных баталиях.

«Чичиков остался обедать. К столу явились, кроме Улиньки, еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то испанец или португалец, проживавший у Бетрищева в деревне с незапамятных времен и неизвестно для какой надобности. Первая была девица средних лет, существо бесцветное, некрасивой наружности, с большим тонким носом и необыкновенно быстрыми

глазами. Она держалась прямо, молчала по целым дням и только беспрерывно вертела глазами в разные стороны с глупо-вопросительным взглядом. Португалец, сколько я помню, назывался Экспантон, Хситендон или что-то в этом роде; но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто — Эскадрон. Он тоже постоянно молчал, но после обеда должен был играть с генералом в шахматы.

За обедом не произошло ничего необыкновенного. Генерал был весел и шутил с Чичиковым, который ел с большим аппетитом; Улинька была задумчива, и лицо ее оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетникове. После обеда генерал сел играть с испанцем в шахматы и, подвигая шашки вперед, беспрерывно повторял: “Полюби нас беленькими...” — “Черненькими, ваше превосходительство”, — перебивал его Чичиков. “Да, повторял генерал, полюби нас черненькими, а беленькими нас Сам Господь Бог полюбит”. Через пять минут он опять ошибался и начинал опять: “Полюби нас беленькими”, и опять Чичиков поправлял его, и опять генерал, смеясь, повторял: “Полюби нас черненькими, а беленькими нас Сам Господь Бог полюбит”.

После нескольких партий с испанцем генерал предложил Чичикову сыграть одну или две партии, и тут Чичиков выказал необыкновенную ловкость. Он играл очень хорошо, затруднял генерала своими ходами и кончил тем, что проиграл; генерал был очень доволен тем, что победил такого сильного игрока, и еще более полюбил за это Чичикова. Прощаясь с ним, он просил его возвратиться скорее и привезти с собою Тентетникова. Приехав к Тентетникову в деревню, Чичиков рассказывает ему, как грустна Улинька, как жалеет генерал, что его не видит, что генерал совершенно раскаивается и, чтобы кончить недоразумение, намерен сам первый к нему приехать с визитом и просить у него прощения. Все это Чичиков выдумал. Но Тентетников, влюбленный в Улиньку, разумеется, радуется предлогу и говорит, что если все это так, то он не допустит генерала до этого, а сам завтра же готов ехать, чтобы предупредить его визит. Чичиков это одобряет, и они условливаются ехать вместе на другой день к генералу Бетрищеву.

Вечером того же дня Чичиков признается Тентетникову, что соврал, рассказав Бетрищеву, что будто бы Тентетников пишет историю о генералах. Тот не понимает, зачем это Чичиков выдумал, и не знает, что ему делать, если генерал заговорит с ним об этой истории. Чичиков объясняет, что и сам не знает, как это у него сорвалось с языка; но что дело уже сделано, а потому убедительно просит его, ежели он уже не намерен лгать, то чтобы ничего не говорил, а только бы не отказывался решительно от этой истории, чтоб его не скомпрометировать перед генералом. За этим следует поездка их в деревню генерала; встреча Тентетникова с Бетрищевым, с Улинькой и наконец обед. Описание этого обеда, по моему мнению, было лучшее место второго тома. Генерал сидел посредине, по правую его руку Тентетников, по левую Чичиков, подле Чичикова Улинька, подле Тентетникова испанец, а между испанцем и Улинькой англичанка; все казались довольны

и веселы. Генерал был доволен, что помирился с Тентетниковым и что мог поболтать с человеком, который пишет историю отечественных генералов; Тентетников — тем, что почти против него сидела Улинька, с которою он по временам встречался взглядами; Улинька была счастлива тем, что тот, кого она любила, опять с ними и что отец опять с ним в хороших отношениях, и, наконец, Чичиков был доволен своим положением примирителя в этой знатной и богатой семье. Англичанка свободно вращала глазами, испанец глядел в тарелку и поднимал свои глаза только тогда, когда вносили новое блюдо. Приметив лучший кусок, он не спускал с него глаз во все время, покуда блюдо обходило кругом стола или покуда лакомый кусок не попадал к кому-нибудь на тарелку.

После второго блюда генерал заговорил с Тентетниковым о его сочинении и коснулся 12-го года. Чичиков струхнул и со вниманием ждал ответа. Тентетников ловко вывернулся. Он отвечал, что не его дело писать историю кампании, отдельных сражений и отдельных личностей, игравших роль в этой войне, что не этими геройскими подвигами замечателен 12-й год, что много было историков этого времени и без него; но что надобно взглянуть на эту эпоху с другой стороны: важно, по его мнению, то, что весь народ встал как один человек на защиту отечества; что все расчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, как все сословия соединились в одном чувстве любви к отечеству, как каждый спешил отдать последнее свое достояние и жертвовал всем для спасения общего дела; вот что важно в этой войне и вот что желал он описать в одной яркой картине, со всеми подробностями этих невидимых подвигов и высоких, но тайных жертв! Тентетников говорил довольно долго и с увлечением, весь проникнулся в эту минуту чувством любви к России. Бетрищев слушал его с восторгом, и в первый раз такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, как бриллиант чистейшей воды, повисла на седых усах. Генерал был прекрасен; а Улинька? Она вся впилась глазами в Тентетникова, она, казалось, ловила с жадностию каждое его слово, она, как музыкой, упивалась его речами, она любила его, она гордилась им! Испанец еще более потупился в тарелку, англичанка с глупым видом оглядывала всех, ничего не понимая.

Когда Тентетников кончил, водворилась тишина, все были взволнованы... Чичиков, желая поместить и свое слово, первый прервал молчание. “Да, — сказал он, — страшные холода были в 12-м году!” “Не о холодах тут речь”, — заметил генерал, взглянув на него строго. Чичиков сконфузился. Генерал протянул руку Тентетникову и дружески благодарил его; но Тентетников был совершенно счастлив тем уже, что в глазах Улиньки прочел себе одобрение. История о генералах была забыта. День прошел тихо и приятно для всех. — После этого я не помню порядка, в котором следовали главы; помню, что после этого дня Улинька решилась говорить с отцом своим серьезно о Тентетникове. Перед этим решительным разговором, вечером, она ходила на могилу матери и в молитве искала подкрепления своей

решимости. После молитвы вошла она к отцу в кабинет, стала перед ним на колени и просила его согласия и благословения на брак с Тентетниковым. Генерал долго колебался и наконец согласился. Был призван Тентетников, и ему объявили о согласии генерала. Это было через несколько дней после мировой. Получив согласие, Тентетников, вне себя от счастия, оставил на минуту Улиньку и выбежал в сад. Ему нужно было остаться одному, с самим собою: счастье его душило!..

Тут у Гоголя были две чудные лирические страницы. — В жаркий летний день, в самый полдень, Тентетников — в густом, тенистом саду, и кругом его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описан был этот сад, каждая ветка на деревьях, палящий зной в воздухе, кузнечики в траве и все насекомые и, наконец, все то, что чувствовал Тентетников, счастливый, любящий и взаимно любимый! Я живо помню, что это описание было так хорошо, в нем было столько силы, колорита, поэзии, что у меня захватывало дыхание.

Гоголь читал превосходно! В избытке чувств, от полноты счастья, Тентетников плакал и тут же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невесте. В эту минуту в конце аллеи показывается Чичиков. Тентетников бросился к нему на шею и благодарит его. "Вы мой благодетель, вам обязан я моим счастием; чем могу возблагодарить вас?.. всей моей жизни мало для этого..." У Чичикова в голове тотчас блеснула своя мысль: "Я ничего для вас не сделал, это случай, — отвечал он, — я очень счастлив, но вы легко можете отблагодарить меня!" — "Чем, чем? — повторил Тентетников. — Скажите скорее, и я все сделаю". Тут Чичиков рассказывает о своем мнимом дяде, о том, что ему необходимо хотя на бумаге иметь триста душ. "Да зачем же непременно мертвых?" — говорит Тентетников, не хорошо понявший, чего, собственно, добивается Чичиков. "Я вам на бумаге отдам все мои триста душ, и вы можете показать наше условие вашему дядюшке, а после, когда получите от него имение, мы уничтожим купчую". Чичиков остолбенел от удивления! "Как, вы не боитесь сделать это?.. Вы не боитесь, что я могу вас обмануть... употребить во зло ваше доверие?" Но Тентетников не дал ему кончить. "Как? — воскликнул он, — сомневаться в вас, которому я обязан более чем жизнию!" Тут они обнялись, и дело было решено между ними. Чичиков заснул сладко в этот вечер.

На другой день в генеральском доме было совещание, как объявить родным генерала о помолвке его дочери, письменно, или через кого-нибудь, или самим ехать. Видно, что Бетрищев очень беспокоился о том, как примут княгиня Зюзюкина и другие знатные его родные эту новость. Чичиков и тут оказался очень полезен: он предложил объехать всех родных генерала и известить о помолвке Улиньки и Тентетникова. Разумеется, он имел в виду при этом все те же мертвые души. Его предложение принято с благодарностию. Чего лучше? — думал генерал, он человек умный, приличный; он сумеет объявить об этой свадьбе таким образом, что все будут довольны. Генерал для этой поездки предложил Чичикову дорожную

двухместную коляску заграничной работы, а Тентетников — четвертую лошадь. Чичиков должен был отправиться через несколько дней. С этой минуты на него все стали смотреть в доме генерала Бетрищева, как на домашнего, как на друга дома.

Вернувшись к Тентетникову, Чичиков тотчас же позвал к себе Селифана и Петрушку и объявил им, чтоб они готовились к отъезду. Селифан в деревне Тентетникова совсем изленился, спился и не походил вовсе на кучера, а лошади совсем оставались без присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими девками. Когда же привезли от генерала легкую, почти новую коляску и Селифан увидел, что он будет сидеть на широких козлах и править четырьмя лошадьми в ряд, то все кучерские побуждения в нем проснулись и он стал с большим вниманием и с видом знатока осматривать экипаж и требовать от генеральских людей разных запасных винтов и таких ключей, каких даже никогда и не бывает. Чичиков тоже думал с удовольствием о своей поездке: как он разляжется на эластических с пружинами подушках, и как четверня в ряд понесет его легкую, как перышко, коляску» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 483—487).

Из рассказа С. П. Шевырева, переданного князем Д. А. Оболенским, мы узнаем о дальнейшей судьбе Тентетникова. «В то время, когда Тентетников, пробужденный от своей апатии влиянием Улиньки, блаженствует, будучи ее женихом, его арестовывают и отправляют в Сибирь; этот арест имеет связь с тем сочинением, которое он готовил о России, и с дружбой с недоучившимся студентом с вредным либеральным направлением. Оставляя деревню и прощаясь с крестьянами, Тентетников говорит им прощальное слово (которое, по словам Шевырева, было замечательное художественное произведение). Улинька следует за Тентетниковым в Сибирь, — там они венчаются и проч.» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 555—556).

К застольной беседе о 12-м годе у генерала Бетрищева имеет, вероятно, отношение следующий набросок в записной книжке Гоголя 1846—1850 гг.: «Он вспоминал, как гренадер Коренной, когда уже стихнули со всех сторон французы и офицеры были переранены, закричавши: “Ребята, не сдаваться“, отстреливался и потом отбивался штыком, когда прижали их теснее и когда всех их перебили, один остался и не сдавался и в ответ на предложенье, схвативши ружье за дуло, отбивался прикладом и ляд<ункой> (коробчатая кожаная сумка для патронов. — *И. В., В. В.*), так что [изумляясь] не хотели погубить, ранили только легкой раной. Взявши в плен, Наполеон приказал выпустить.

Чепышенко в Турецкую войну 1828 года, будучи ранен пулей близ груди, вытащил окровавленную пулю и, зарядив ее в ружье, выстрелил по неприятелю, сказавши: “Лети туда, откуда пришла”. Сам перевязал рану наскоро и не оставлял сраженья до окончанья дела.

Рядовой 5 егерской роты Гаврилов, находясь конвойным при начальнике стрелковой цепи 2 баталиона, стрелял редко, говоря: “Берегу

патроны вашего благородия: стреляю только по тех, кто на вас прицелится». И, сказавши эти слова, выстрелил в ту же минуту и положил француза, прибавя: "Он на вас целил"».

Как указал В. М. Гуминский, в первом абзаце этого наброска речь идет о подвиге георгиевского кавалера (за Бородино) ефрейтора лейб-гвардии пехотного Финляндского полка флангового гренадера Леонтия Коренного на поле «битвы народов» под Лейпцигом в атаке на селение Гроссу в октябре 1813 г. На теле ефрейтора после битвы французы насчитали 18 штыковых ран. Подвиг Леонтия Коренного был отмечен в наполеоновском приказе по армии, и он вскоре действительно был отпущен из плена. Гренадер стал героем песни лейб-гвардии Финляндского полка «Мы помним дядю Коренного...» и был сразу же произведен в подпрапорщики с назначением знаменосцем полка. Существует гравюра «Подвиг гренадера Коренного под Лейпцигом в 1813 г.» (*Гуминский В. М.* Гоголь, Александр I и Наполеон // Наш современник. 2002. № 3. С. 216).

Глава третья

...окроме сивухи, ничего больше, чай, и в рот не брал? — *Сивуха* — плохо очищенная слабая хлебная водка.

...не то чтобы платок... или кокошник на голове, а немецкий капор... — *Кокошник* — головной убор русских замужних женщин с высоким расшитым полукруглым щитком. *Капор* (*гол.* Kaper — шапка) — женский головной убор с лентами или тесемками, завязываемыми под подбородком. к стр. 283

...на манер Венеры Медицейской, выходящей из бани. — *Венера Медицéйская* — знаменитая статуя (III в. до Р. Х.), найденная в 1680 г. на вилле императора Адриана в Тибуре и приобретенная семейством Медичи (отсюда ее название). В России была очень популярна и считалась образцовым произведением древнего ваяния. Гоголь мог видеть ее в оригинале во время своего пребывания в Италии, а еще раньше — в многочисленных копиях, например, в парке города Павловска и Петербургской Академии художеств. к стр. 285

...вместе с коропами и карасями... — *Короп* — карп (или сазан).

Тéлепень — «язык у колокола» (из записной книжки Гоголя 1841—1845 гг.); здесь: вялый, глупый, разиня, увалень.

...нанковый сюртук... — Нанка — грубая хлопчатобумажная ткань (от названия города Нанкина в Китае, где изготовлялась эта ткань). к стр. 286

Петр Петрович Петух. — В образе помещика Петуха Гоголем были использованы некоторые черты С. Т. Аксакова (см.: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования. С. 104—107).

Ротмистр — офицерский чин в кавалерии, соответствовал чину капитана в пехоте и других войсках. к стр. 287

...завязался спор о гнедом и чагравом. — *Чагравый* — темно-пепельного цвета, с отметкой на груди. к стр. 288

к стр. 289 *...Парид...* — Так в рукописи. Следует: Парис.

к стр. 290 *...этот кусок — тот же городничий.* — Анекдот о городничем, которому нашлось место в переполненной донельзя церкви, был сообщен Гоголю М. С. Щепкиным (см.: Гоголь в воспоминаниях современников. С. 528).

к стр. 292 *...протянутые вопоперек реки канаты для ловли рыбы снастью.* — «*Ловля снастьею* — через реку протягивается веревка с крючками, вся в крючках, и поплавком; подъезжающий на лодке узнает и вытаскивает веревку, отцепляя с крючков рыбу. Так ловится вся красная рыба: осетр, белуга, стерлядь, шип (середня между осетром и стерлядью), севрюга» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

к стр. 294 *...приговаривал тоненькой фистулой...* — *Фистулá* — голос высокого тембра, фальцет.

...щеки осетра да вязигу... — *Вязига* — по объяснению В. Даля в Толковом словаре, «сухожилье из красной рыбы, связки, лежащие вдоль всего хребта; она идет вареная в пироги».

Сычуг — «свиной желудок, начиненный рубленой свининой; кладутся легкие духи, перец, гвоздика. Кладут льду кусочек, который растянет страшно» (из записной книжки Гоголя 1841—1845 гг.).

к стр. 295 *...приказано было все поставить в коляску — пашкеты и пироги.* — *Пашкет* (паштет) — пирог с мясной начинкой.

Скудронжогло. — В ранней редакции фамилия героя писалась как Скудронжогло, Попонжогло, Гоброжогло и Берданжогло. В дальнейшем Гоголь изменил ее на Костанжогло. О «греческом происхождении» данного персонажа см.: *Данилов В. В.* Украинские реминисценции в «Мертвых душах» Гоголя. С. 86—88. По мнению М. П. Погодина, поддержанному В. И. Шенроком и другими исследователями, прототипом для Костанжогло послужил Дмитрий Егорович Бенардаки (1799—1870), миллионер-откупщик, человек большого жизненного опыта, прекрасно знавший Россию. Гоголь познакомился с ним в Мариенбаде в 1839 г. «Из русских был здесь Б<енардаки>, лицо очень примечательное своим умом, — рассказывал М. П. Погодин. — Оставив по неприятности военную службу, он с капиталом в 30 или 40 т<ысяч> р<ублей> пустился в обороты и в короткое время хлебными операциями приобрел большие деньги. Чем более умножались его средства, тем шире распространял он круг своего действия, принял участие в откупах, продолжая хлебную торговлю, скупал земли, приобрел заводы и в течение пятнадцати лет нажил такое состояние, которое дает ему полумиллион дохода... Быв в сношении в течение двадцати лет с людьми всех состояний, от министров до какого-нибудь побродяги, приносящего в кабак последний свой грош, он был для меня профессором, которого лекции о состоянии России, о характере, достоинствах и пороках тех и других действующих лиц, об отношениях их к просителям и делам, о состоянии судопроизводства... о помещиках и их хозяйстве, о хозяйстве крестьянском, о положении городов и их местных выгодах, — лекции, оживленные множеством анекдотов, слушал

я с жадностью. Всякий день после ванны ходили мы втроем — я, он и Г<оголь> — по горам и долам и рассуждали о любезном отечестве. Г<оголь> выспрашивал его о разных исках и верно дополнил свою галерею оригинальными портретами, которые когда-нибудь увидим мы на сцене» (*Погодин М. П.* Год в чужих краях. М., 1844. Ч. IV. С. 74—75). Бенардаки стал также одним из прототипов откупщика Муразова.

Видите ли этот молодняк… — *Молодняк* — молодой лесок.

...полю удобренье от листьев... — Ср. в заметке Гоголя «Хлебопа- к стр. 296
шество» в его тетради с выписками из «Домостроя» (М., 1849) и народными травниками: «Удобренье пашен состоит в одном наземе всякого скота без разбора. Но его не бывает достаточно. Можно бы удобрять пашню опадающим и согревающим *листом дерев.* Но это не в обычае».

Торная улица — широкая, просторная. В записной книжке 1841—1845 гг. Гоголь отметил: «Торная дорога — битая дорога; откуда: простор, расторопный».

...мужики, которые гребут, как поется в песне, серебро лопатой. — Ср. с эпизодом гадания в пушкинском «Евгении Онегине»: «И вынулось колечко ей / Под песенку старинных дней: / *Там мужички-то все богаты, / Гребут лопатой серебро...*» (гл. 5).

На крыше большой фонарь… — *Фонарь* — здесь: башня с окнами, выходящими на четыре стороны.

...для обдумыванья своих планов и мыслей ему не надобно было к стр. 297
кабинета с пружинными креслами и всякими покойными удобствами... — 21 марта 1851 г. Гоголь в беседе с Е. А. Хитрово говорил: «Думают, что уединение что-нибудь сделает для настроения духа. Вот мне так никогда так много не случалось работать, как тогда, когда у меня был кабинет в биллиардной. Я работаю, а подле меня стукотня шарами. Избаловать себя немудрено» (<*Хитрово Е. А.*> Гоголь в Одессе. С. 558). См. также коммент. к с. 215 — *А сколько родилось в тебе чудных замыслов, поэтических грез…*

…триповый картуз. — Трип — шерстяная ворсистая ткань, грубого бархата.

…я не то, что другой помещик, к которому ты подъедешь под к стр. 298
самый срок уплаты в ломбард. — Ср. в записной книжке Гоголя 1841—1844 гг., в заметке «Хлебная продажа»: «Около генваря месяца... помещики запрашивают огромную цену, а купцы, зная хорошо характер каждого помещика, и сколько у него хлеба, и какого достоинства хлеб, и когда ему сроки в Опекунский совет, соображая с этим дают ему цены».

Выстроены были какие-то дома вроде присутственных мест. — к стр. 301
По словам М. С. Щепкина, «разнообразные присутственные места, упоминаемые при описании имения Кошкарева, действительно существовали некогда в малороссийском поместье графа Кочубея» (Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. М., 1984. Т. 2. С. 317).

У нас всем… распоряжается комиссия построения… — *Комис-* к стр. 303
сия построения — комиссия по строительству.

к стр. 307 *...всякая дрянь даст доход...* — Ср. сходное выражение в письме Гоголя к С. П. Шевыреву от 17 ноября н. ст. 1842 г.: «Мне даже критики Булгарина приносят пользу, потому что я, как немец, снимаю плеву со всякой дряни».

к стр. 308 *...нашлись умники, говорят: «...Он ведет слишком грубую, простую жизнь: нужно познакомить его с предметами роскоши».* — Ср. в записной книжке Гоголя 1846—1850 гг.: «О, да будет проклят, кто научил людей покинуть простоту для просвещенья».

...слава Богу, что у нас осталось хотя одно еще здоровое сословие... — В 1831 г. М. Л. Магницкий в записке, поданной Императору Николаю I, писал о русском народе: «...добрый и верный Богу и Царю народ наш отделен по счастию от Европы как медною стеной, — верою, языком, климатом, пищею и всеми своими обычаями и привычками. — Как ни старались сделать его, в иллюминатском смысле, *европейским,* — прошло более полувека и сие не удалось. Провидение как бы сберегает на что-то сей новоизбранный Свой Израиль, подобно древнему, невредимым, посреди отпадающих от Него и мятущихся народов» (Русская Старина. 1899. № 3. С. 619—620). Ср. гоголевскую характеристику в повести «Рим» итальянского народа: «Европейское просвещение как будто с умыслом не коснулось его и не водрузило в грудь ему своего холодного усовершенствования». О черкесах Гоголь, в свою очередь, замечал (в письме к графу А. П. Толстому от 8 августа (н. ст.) 1847 г.): «...мне кажется, вряд ли удастся и модному просвещению одолеть этот народ. Бог недаром оберегает простоту некоторых народов и хранит в ущельях и горах остатки патриархального быта». Об Испании (в том же письме): «Я пробежал на днях напечатанные в “Современнике” письма русского там бывшего, <В. П.> Боткина, которые, во многих отношениях, очень интересны, особенно там, где обнаруживают свежесть сил народа и характер, очень похожий на характер добрых, простых народов, образовавшийся, однако ж, в это время смут, которые не допустили воцариться там ни новой гражданственности, ни новой роскоши». Ср. также в конспекте-очерке «Калмыки», составленном Гоголем в середине 1830-х гг. по книге Н. Нефедьева «Подробные сведения о волжских калмыках» (СПб., 1834): «В религии калмыков таятся слишком замечательные начала, говорящие много о внутренней силе этого беспечного народа» (этой фразы нет у Н. Нефедьева; она принадлежит Гоголю); «Мы подействовали на них просвещением... сообщили картежную игру, до которой они стали страстные охотники...» (слова о «просвещении» также прибавлены Гоголем).

Возделывай землю в поте лица своего. — Имеется в виду выражение из Библии: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3, 19).

к стр. 309 *Я спрашивал вас о том, как быть, как поступить, как лучше приняться...* — О вероятном содержании утраченного далее в рукописи листа позволяет судить одна из выписок Гоголя из опубликованного впервые в 1849 г. в Москве «Домостроя». Думается, что помещику

Скудронжогло (Костанжогло), отвечающему на вопрос Чичикова, «как поступить, чтобы... разбогатеть», принадлежит в этих выписках следующее наставление: «Что слишком дешево, купи, коли хозяин, хоть и не надобно, наверстаешь в другом с прибылью, чего много запас» (см. в т. 8 наст. изд.). Из сравнения гоголевской выписки с источником обнаруживается, что если основной упор в «Домострое» делается на проповеди запасливости и бережливости, то главная «мораль» процитированной выписки (переделанной Гоголем, как выясняется, довольно существенно) — выгода. Ср. соответствующее место в «Домострое»: «...а чего дешево, хоть и не надобе, а в ту пору купи: и свою нужу исполнишь, — а чего запасено с лишком, на том деньги будут с прибылью» (Домострой Благовещенского попа Сильвестра. М., 1849. С. 71—72).

Предположение, что настоящая выписка-переделка из «Домостроя» понадобилась Гоголю именно для того, чтобы вложить ее в уста Костанжогло, подтверждается тем, что смысл ее определенно угадывается в образе того же Костанжогло, когда он (впервые появляясь перед читателем) подходит к крыльцу своего дома, окруженный продавцом и покупателем. У первого, «простого мужика», Костанжогло покупает здесь что-то ему ненужное (и даже навязываемое). А имеет он возможность это сделать именно потому, что, будучи *хозяином* (владельцем), он одновременно продает другому своему собеседнику, «заезжему кулаку», *другой* товар по твердо установленной им высокой цене (покупая же «ненужный» товар, он, вероятно, платит недорого).

Два выделенных здесь слова полностью обнимают собой суть того, что Гоголь внес от себя в переписанный им текст «Домостроя» («Что слишком дешево, купи, *коли хозяин,* хоть и не надобно, наверстаешь *в другом* с прибылью, чего много запас»). В отличие от древнего памятника, который показывал движение лишь одного товара, Гоголь изображает уже настоящий их кругооборот в налаженном и устойчиво-прибыльном хозяйстве. Возможно, отсюда и имя «хозяина» — Константин, т. е. «стойкий, постоянный» (*лат.*).

Однако устойчивость Костанжогло, как полагает Гоголь, относительна. На ее зыбкость и намекает в разговоре у крыльца «заезжий кулак»—покупатель, когда в ответ на отказ Костанжогло «посбавить» цену говорит, что просил его об этом «оттого только», чтобы и впредь иметь с ним «касательство». Этой репликой Гоголь как бы подсказывает, что участь Плюшкина, гноящего свой товар, вполне реально угрожает и Костанжогло. Вспомним строки из первого тома поэмы о Плюшкине: «...Неуступчивее становился он к покупщикам, которые приезжали забирать у него хозяйственные произведения, покупщики торговались, торговались и наконец бросили его вовсе...» Ср. слова Костанжогло: «Уж я сказал: торговаться я не охотник». При этой неразрывно связанной с положением «хозяина» неуступчивости Костанжогло, по Гоголю, может избежать участи Плюшкина двумя путями: либо «съесть» все, произведенное в его имении (образ Петуха во втором томе), либо, что вероятнее, самому выйти на рынок и торговать

уже без «заезжих» посредников, т. е. ... стать Муразовым (который у Гоголя так же далек от идеальности, как и Костанжогло, хоть именно в нем и намечается «третий путь» хозяйствования; см. коммент. к с. 363 — *...стыдно в такое время думать о своей прибыли... У меня есть в запасе готовый хлеб; я и теперь еще послал в Сибирь...*).

Имеются, таким образом, основания полагать, что воплощающий в своей жизни мораль «домостроевской» выписки Костанжогло должен был, по замыслу Гоголя, и открыто поведать ее Чичикову (Костанжогло — человек искренний). Эта «поучение» Костанжогло и содержалось, вероятно, на утраченном листе рукописи.

Добавим также, что к числу не дошедших до нас наставлений Костанжогло — у которого «всякая дрянь дает доход» (а как добиться этого, тоже жаждет услышать Чичиков) — относится и дважды встречающееся среди выписок Гоголя из «Домостроя» и *отсутствующее в тексте самого памятника* наставление «Ничего не бросай (-ать)», — наставление, заметим, совершенно в духе Плюшкина.

Напомним, что Костанжогло, по определению самого Гоголя, отнюдь не является «идеальным» героем, — ибо он «обо всем заботится, но о главном не заботится» (эти слова Гоголя дошли до нас в воспоминаниях А. О. Смирновой: *Смирнова А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 66). В этом свете становятся более понятными и строки Гоголя о том, что во втором томе он намеревался «бороться» с характерами «сильнейшими» (неотправленное письмо к В. Г. Белинскому 1847 г.), стремясь, по его словам, «показать, как и лучшие люди могут вредить не хуже худших, если не легло в основанье их характеров *главное*» (письмо к В. И. Белому от 16 мая 1849 г.).

к стр. 310 *...иначе и не называют, как сквалыгой и скупердяем...* — *Сквалыга* — «кулак», «скупердяй» (из записной книжки Гоголя 1841—1845 гг.).

к стр. 311 *Еще не появилась весна, а уж зачинаются работы...* — В бумагах Гоголя сохранился лист почтовой бумаги с календарем сельскохозяйственных работ, который лег в основу речи Костанжогло:

«*Март.* Оканчивается пилка леса на дрова. — Мужики поочередно говеют — Подвозка дров и сена в ожидании распутицы. — Приготовление семен. — Перемерка и пересушка на солнце хлеба в амбарах. — Окончание молотьбы. — Установление новых тягел, бобылей. — Мужики мнут и треплют пеньку. — Делаются экономические постройки на фундаментах, поставленных с осени. — Подвозка материала к летним постройкам.

Апрель. Посев гороха, овса. — Продолжаются постройки наемными. — Скот начинает выходить на пастбища. — Случают кобыл. — Унаваживают коноплянники. — Сажают картофель. — Из-под леса расчищают нови, наймом. — Пересаживают деревья. — Посев ячменя, яровой пшеницы. — Скородьба озимой пшеницы.

Май. Посев конопли. — Вообще продолжают сеять яровые до половины месяца, в конец сеют горячиху. — Начинают унаваживать паровое поле. — По мере унаваживания подымают пар, также вспахивают и неунавоженный.

Июнь. Продолжается возка навоза, пахота и скородьба до последней четверти месяца. — Тогда начинается покос на неделю до Петрова дня.

Июль. Покос. — Перепахивание (двоение) пара, особенно где грунт тяжелый глинистый. — Около половины месяца начинается жатва ржи. — Тут даже наемные постройки прекращаются.

Август. Уборка всех хлебов кроме конопли большею частью оканчивается около половины этого месяца. — Но даже если уборка не кончена, и тогда делается посев озимого хлеба около этого времени, сеют дней 10 господский и мужицкой пар, а в конце месяца оканчивают уборку горячихи и начинают дергать коноплю.

Сентябрь. Уборка конопли. — Продолжают постройки весенние. — Пашут ржаной клин под зиму для овса. — Мужики мочат пеньку. — Чинят скотные дворы, конюшни, амбары, рыги, — начинается молотьба. — Копают фундаменты строений.

Октябрь. Делают то же, что в сентябре. — Молотят хлебный опыт до зимнего пути.

Ноябрь, Декабрь, Генварь и *Февраль.* Молотят и возят в города хлеб. — Первое делают бабы, второе мужики. — Возят дрова, напиленные прошлою зимою, а Великим постом пилят для будущей возки. — Дальние пути совершаются, пока дороги гладки, а короткие, домашние перевозки — когда большие дороги делаются ухабисты. — Внутри имения перевозят чистый хлеб из рыг в амбары. — Подвозят лес и кирпич для строений. — Корм скоту и лошадям. Дрова для домашнего употребления и проч.».

Г. П. Георгиевский, опубликовавший этот календарь (см.: Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя. СПб., 1909. Вып. 3. С. 207—208), предположил, что он представляет собой расписание сельскохозяйственных работ Черниговской губернии, полученное Гоголем в конце 1849 г. от А. М. Маркевича (см. письма Гоголя к Маркевичу от 1 июля и 6 декабря этого года). Исследователем при этом не было замечено, что календарь был положен Гоголем в основу речи Констанжогло. Поскольку же эта речь находится уже в первоначальном слое автографа (написанном в период с марта по начало июля 1849 г.), то очевидно, что указанный календарь был в обращении у Гоголя уже с весны 1849 г. Таким образом, приведенный календарь не может быть признан календарем Маркевича, т. к. соответствующее место во втором томе появилось раньше не только присылки Маркевичем просимого календаря (не сохранившегося), но даже того времени, когда Гоголь обратился к Маркевичу с этой просьбой. Добавим также, что Гоголь просил Маркевича прислать ему календарь «по дням, т. е. с какого святого какая начинается работа, как она и с какими обрядами производится и какие существуют по этому поводу народные поговорки и замечания» — и даже приложил образец подобного календаря, взяв за основу майскую часть календаря Симбирской губернии, присланного ему ранее П. М. Языковым (Гоголь дополнил этот календарь поговорками). Календарь же, сохранившийся в бумагах Гоголя,

написан не по дням, а по месяцам; в нем нет ни описаний обрядов, ни поговорок. Таким образом, календарь, использованный Гоголем при создании главы о Костанжогло, по своему содержанию не соответствует тому, о котором просил Гоголь Маркевича. Очевидно, уже использовав материал указанного календаря во втором томе, Гоголь обратился к Маркевичу с просьбой прислать сходный календарь, который понадобился ему, вероятно, либо для уточнения деталей, либо для работы над другой, не дошедшей до нас главой.

...установленье новых тягол. — См. примеч. к с. 33. *Установление новых тягол* производилось в зависимости от семейных перемен в крестьянских хозяйствах.

...чинка амбаров, риг... — *Рига* — сарай для сушки снопов с местом для обмолота. В записной книжке 1841—1844 гг. Гоголь отметил: хлеб «господский называется рижный».

к стр. 314 *...всякая копейка алтынным гвоздем прибита...* — *Алтын* — старинная русская монета в три копейки. В «Словаре Академии Российской, по азбучному порядку расположенном» (СПб., 1806) указано: «Алтынник — означает обироху, который под разными прицепками собирает взятки, или и малой корысти не упускает... Отсюда присловица, означающая скупягу: *У него каждая копейка алтынным гвоздем прибита*».

...да как перейдешь все мытарства... — *Мытарства* (от *церк.-слав.* мытарь — сборщик податей) — истязания от демонов в совершенных грехах, которые проходит душа по разлучении от тела. Уличенные на мытарствах души подвергаются вечному осуждению. Здесь: мучения, испытания.

к стр. 316 *...купить именье Хлобуева.* — Прототипом Хлобуева явился друг А. С. Пушкина Павел Воинович Нащокин (1801—1854). Гоголь рекомендовал его в качестве наставника к детям Д. Е. Бенардаки (см.: *Ланской Л.* Исповедь Хлобуева (Неизвестное письмо П. В. Нащокина к Гоголю) // Вопросы литературы. 1969. № 2).

Глава четвертая

к стр. 319 *...случился падеж... свое продай, да снабди мужика скотиной, чтобы он не оставался и одного дни без средств производить работу.* — Сходное наставление встречается в повести графа В. А. Соллогуба «Тарантас» (1845): «Первое мое правило... чтобы у мужика все было в исправности. Пала у него лошадь — на тебе лошадь, заплатишь помаленьку. Нет у него коровы — возьми корову, деньги не пропадут. Главное дело — не запускать». 12 мая 1849 г. Гоголь писал матери в Васильевку: «Посылаю, добрая матушка, полтораста рублей серебром не для вас собственно, но для раздачи тем бедным мужичкам нашим, которые больше всех других нуждаются, на обзаведенье и возможность производить работу в текущем году, и особенно тем, у которых передох весь скот. Авось они помолятся обо мне».

...ведь это все падаль. — *Падаль* — здесь: высыпавшееся зерно, самосев.

...в замасленной дерюге... — *Дерюга* — «грубое рядно на мешки, дерущее, шероховатое» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.). к стр. 321

...система Тришкина кафтана... — «Тришкин кафтан» — басня И. А. Крылова (1815).

Это долг... Они меня также угощали. — Ср. заметку «Характер» в записной книжке Гоголя 1845—1846 гг.: «Не в силах победить себя в отношении к ничтожным приличиям. Из гордости благородной... и в несчастнейшем положении все еще отплатит за одолженье одолженьем равной цены. Богатому отплатит он таким же порядком. Умный человек, и не в силах победить ни одного из самых пустых приличий». к стр. 326

...поп в ризе... — *Риза* — верхнее облачение священника при богослужении.

...в... рубашке розовой ксандрейки... — *Ксандрейка* (александрейка) — простая хлопчатобумажная ткань красного цвета в полоску. В записной книжке 1841—1844 гг. Гоголь отметил: «Рубаха из ксандрейки — красной китайки». к стр. 330

...без слуг можно обойтись. — Ср. в записной книжке Гоголя 1841—1844 гг.: «Дворовых мужики называют дармоедами».

...точно липец... — *Липец* — напиток из душистого липового меда. Ср. в записной книжке Гоголя 1841—1844 гг.: «Медом славится Оренбургская губерния. Красный или хлебный <продается> от 2 до 10 <рублей за пуд>. Липец беложелтоватой от 20 до 25. Травяной, зеленой даже 30. Пчелы находятся в диком состоянии, заводят гнезда в древесных дуплах; такое дерево называется борть. В грамотах древних упоминаются бортевые и бортяные угодья». к стр. 331

...где у нас празднуют Красную горку. — *Красная горка* — народное название воскресенья на Фоминой неделе (первой после Пасхи), иногда так называли и всю Фомину неделю — время, когда обычно игрались свадьбы. В записной книжке 1846—1850 гг. Гоголь отметил: «Первый весенний праздник *Красная горка.* Состоит из хороводов по улице, изображающих сеянье проса». к стр. 332

<Заключительная глава>

...в... халате из золотистой термаламы... — плотной шелковой ткани. к стр. 335

...на радзивилловской таможне... — *Радзивилов* — уездный город Волынской губернии близ австрийской границы, где находилась таможня и шла бойкая торговля.

...надел на голову ермолку... — *Ермолка* — маленькая круглая шапочка без околыша, из мягкой материи, плотно прилегающая к голове.

...читает по праздникам Апостола в церквах. — *Апостол* — богослужебная книга, содержащая в себе Деяния и Послания св. апостолов, разделенная на отрывки для чтения в церкви на каждый день года. к стр. 336

к стр. 337 *...дать синицу в руки.* — *Синица* — здесь: пятирублевая ассигнация синего цвета. Ср. в «Сорочинской ярмарке»: «Вот тебе синица в задаток» и в «Пропавшей грамоте»: «Как велела ему насыпать целую шапку синицами...»

к стр. 339 *Ведь только в мутной воде и ловятся раки.* — По замечанию И. М. Снегирева, подобное выражение встречается в указах Петра I. «Как блюстители законов и знатоки вершенных дел или процессов, дьяки были часто и толкователями оных — и, по выражению Петра I, *как карты прибирали законы масть к масти, дабы в мутной воде удобнее рыбу ловить*» (*Снегирев И.* Русские в своих пословицах. Кн. 3. М., 1832. С. 269).

...с красными товарами... — *Красный товар* — мануфактурные ткани.

к стр. 341 *...цвету наваринского дыму с пламенем...* — То есть темного цвета с красноватым оттенком (от названия греческого портового города Наварин; в 1827 г. вблизи него произошло морское сражение, в котором русско-английско-французский флот разгромил египетско-турецкий).

к стр. 342 *...давай балы, производи благодетельную роскошь, которая дает хлеб мастерам, ремесленникам.* — В 1849 г., в ночь с 9 на 10 февраля, в Москве в доме генерал-губернатора графа А. А. Закревского состоялся маскарад, организованный супругой Закревского Аграфеной Федоровной. С. П. Шевырев писал об этом маскараде: «Москве, непрерывно благотворящей, можно иногда и повеселиться. Торговля оживилась. Магазины и лавки не наготовлялись товару. Фабрики приходили в деятельность. Заработная плата умножалась. Портные и ремесленники не находили времени. Около богатеющего купца, около довольного ремесленника сытнее был и бедный. Признано экономами за лучшее средство благотворения народу и обществу возбуждать труд, деятельность, давать повод к работе» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 10. С. 206). И. С. Аксаков 1 марта 1849 года писал отцу по поводу статьи Шевырева: «...заметили вы тут слова о благотворительности, о пользе роскоши и расточительности? И какой вздор все это! Никогда не полезна роскошь, ибо она непроизводительна и расточает капиталы, которые, действуя как капиталы, в тысячу раз полезнее, нежели в бесконечно малом раздроблении. По крайней мере так учила меня политическая экономия...» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844—1849. С. 476). Как явствует из ответа С. Т. Аксакова, при чтении письма Ивана Аксакова присутствовал Гоголь (см.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Ч. 1. Т. 2. С. 116).

к стр. 347 *...Афанасий Иванович...* — Следует: Афанасий Васильевич.

От архиерея вы получите благословенье и шнурованную книгу... — *Архиерей* (*греч.* первосвященник) — общее название высших церковных иерархов (епископов, архиепископов, митрополитов). *Шнурованная книга* — книга, с которой ходил сборщик средств на Церковь и в которую записывались пожертвования.

Раскольники (или старообрядцы) — приверженцы церковных обрядов, существовавших в России до реформ, проведенных в XVII в. патриархом Никоном.

Карлсеру — искаж. Карлсруэ — город на Рейне в Германии. Гоголь бывал в нем неоднократно. к стр. 350

Копенгар — искаж. Копенгаген — столица Дании.

...con amore (ит.) — с любовью.

Перегиб такой, как у камергера... — Камергер — высшее придворное звание (для лиц, имевших чин 3-го и 4-го классов).

...страшилище с усами, лошадиный хвост на голове, через плечо перевязь, через другое перевязь, огромнейший палаш привешен к боку. — Таким изобразил жандарма художник А. А. Иванов на картоне с рисунками к немой сцене «Ревизора» (1840-е гг.). к стр. 351

...запахом сапогов и онуч... — Онýчи — куски плотной материи, наматываемой на ноги при ношении лаптей. к стр. 353

...поручено было сделать экстракт... — Экстракт — здесь: выписка, краткое изложение какого-либо документа. к стр. 360

...по делу Дерпенникова. — Дерпенников — так назывался Тентетников в более ранней редакции, к которой принадлежит настоящая глава. «Делу Дерпенникова» в первой главе соответствует эпизод участия Тентетникова в некоем «филантропическом обществе» и его работа над сочинением о России. См. также коммент. к с. 243. к стр. 362

...какого-нибудь Вороного-Дрянного... — Об этом персонаже известно немного. А. О. Смирнова говорила П. А. Кулишу, что в опубликованном тексте второго тома «недостает описания деревни Вороного-Дрянного, из которой Чичиков переезжает к Костанжогло» <*Кулиш П. А.*> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. Т. 2. С. 226).

...стыдно в такое время думать о своей прибыли... У меня есть в запасе готовый хлеб; я и теперь еще послал в Сибирь... — Вопреки пожеланиям европейски «просвещенных» героев второго тома — помещика Вишнепокромова и безымянного купца-«европейца» в лавке («Имеешь деньги, — ну, сообщай другим: угощай, давай балы, производи благодетельную роскошь, которая дает хлеб мастеровым, ремесленникам»; «Обед мне уж должен кондитер поставлять, а не то что кухарка...»), — Муразов обнаруживает в своей заботе о голодающих истинную просвещенность, поступая прямо в соответствии со словами апостольского Послания: «Ныне ваш избыток в *восполнение* их недостатка; а после их избыток в *восполнение* вашего недостатка, чтобы была равномерность...» (2 Кор. 8, 14). Оставляя, таким образом, расхожее представление западноевропейской морали, будто любовь и общение между людьми осуществляются в торговле, купец Муразов начинает строить свою деятельность на ином основании. Так, по словам св. Иоанна Златоуста (в известном Гоголю «Толковании на святого Матфея евангелиста»), Бог «поставил всех во взаимной нужде» не для того, чтобы люди промышляли торговлей, но «чтобы любовь одного к другому сделать более пламенною» (беседа LXXVII). к стр. 363

Св. апостол Павел в Первом послании к Тимофею пишет: «Богатых в настоящем веке увещевай... чтобы они... были щедры и общительны, собирая себе... доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни» (гл. 6, ст. 17—19)

Однако «общительность» в милостыне — это, как мыслил Гоголь, только одно из качеств откупщика Муразова. Другая, «теневая» его сторона — именно занятие торговлей, забота о «своей прибыли». Примечательно, как сам он сообщает о некоем «обанкрутившемся» купце Иване Потапыче: «У него уж набралось бы опять, да он говорит: “Нет, Афанасий Иванович, служу я теперь уже не себе и <не> для себя...”» Костанжогло в свою очередь заявляет, защищая Муразова, что, дескать, в отличие от «тысяч», которые трудно скопить «без греха», «миллионы наживаются легко» и «миллионщику нечего прибегать к кривым путям»; но он же тут и замечает, что дело Муразова «началось из копейки». С другой стороны, и когда «приращенье» капиталов идет уже «с быстротой невероятной», это, по Гоголю, совершается также отнюдь не «без греха». По этому поводу в записной книжке 1841—1844 гг. он замечает: «Сила откупщика так велика, что его нельзя ограничить, потому что он лопнет, если скрутить его, и потому все, даже честные, берут от него взя<тки>».

Двойственность образа Муразова явно проступает и в тех «резонах», которые приводит он Хлобуеву: «Ведь обстоятельства ваши таковы, что вы в моих руках: ведь дело идет к тому, чтобы умирать с голоду. Тут уж *на все* нужно решаться» (курсив наш. — *И. В., В. В.)* Согласно зачеркнутым строкам позднейшей редакции именно Муразов покупал имение Хлобуева; см. коммент. к с. 316). Здесь опять можно вспомнить св. Иоанна Златоуста: «...когда диавол непоклоняющихся злату велит ввергнуть в пещь нищеты, то будь не в числе ввергающих, а ввергаемых...» (беседа IV). Двусмысленность еще более нагнетается Гоголем в дальнейших словах Муразова: «Вы здесь две службы сослужите: одну службу Богу, а другую — мне». Последняя фраза прямо перекликается со словами Спасителя, которые, как представляется, и «разрывают» образ «миллионщика» Муразова: «Никакой слуга не может служить двум господам... Не можете служить Богу и мамоне» (Лк. 16, 13). Примечательно, что сообщает Муразов о характере этой «второй службы»: «...узнаете, где действительно терпит человек... а где от собственного неспокойного нрава, да и расскажете мне потом все это... генерал-губернатор особенно теперь нуждается в таких людях...» (ср. слова Гоголя в статье «Занимающему важное место»: «...вы не будете употреблять шпионов»). (Примечательно, что в позднейшей редакции наиболее резкие черты двойственности в облике Муразова Гоголь снимает.)

...брося все то, из-за чего грызут и едят друг друга на земле... — Реминисценция слов св. апостола Павла в Послании к Галатам: «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (гл. 5, ст. 15).

...покамест... не подумают о благоустройстве душевного имущества, не установится благоустройство и земного имущества. — Ср. в статье Гоголя «Русской помещик»: «О главном только позаботься, прочее все приползет само собою. Христос недаром сказал: “Сия вся всем приложится” <Мф. 6, 33; Лк. 12, 31>».

Наступят времена голода и бедности как во всем народе, так и порознь во всяком... — Ср.: «И один из них, по имени Агав, встав, предвозвестил Духом, что по всей вселенной будет великий голод, который и был при кесаре Клавдии. тогда ученики положили, каждый по достатку своему, послать пособие братьям» (Деян. 11, 28, 29).

...нашествия двадцати иноплеменных языков... — Так говорилось о вторжении армии Наполеона в Россию в 1812 г., составленной из войск разных европейских народов.

Позднейшая редакция

Глава первая

Искусственным насажденьем — север и юг растительного к стр. 370
царства собрались сюда вместе. — Подобный уголок Гоголь намеревался создать в конце жизни в своем родном имении Васильевке (согласно плану садовых работ, составленному им на осень 1848 г. и весну 1849 г.). Пояснить это намерение Гоголя позволяют строки его повести «Рим», не попавшие в окончательную редакцию: «...чуял он другим высшим чутьем, что не умерла Италия... что вечно веет над нею ее великий гений, — он, уже в самом начале завязавший в груди ее судьбу Европы, внеся крест в европейские темные леса... назначив в сем классическом углу свиданье дикому северному воображенью с роскошью востока и юга, зародившей две природы в европейце...» (*Бодрова А. С.* «...Поправки были важные...»: К истории текста повести Н. В. Гоголя «Рим» // Гоголь: Материалы и исследования. М., 2009. Вып. 2. С. 33). Соединение в «вечном городе» Севера и Юга Европы, олицетворяемых в повести «Рим» «цивилизованным» Парижем и патриархальной Италией, с которыми Гоголь не раз соотносил в своих письмах Петербург и Малороссию, по-видимому, прообразовательно являет собой в размышлениях писателя соединение в «Третьем Риме» — Москве — двух ветвей русского народа — северной и южной: великороссов и малороссов. В своей записной книжке 1846—1850 гг. он замечал: «Обнять обе половины русского народа, северную и южную, сокровище их духа и характера». См. также письма Гоголя к А. О. Смирновой от 24 октября (н. ст.) 1844 г. и от 24 декабря (н. ст.) того же года. (Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Москва и Рим в творчестве Гоголя // Москва в русской и мировой литературе. М., 2000; *Виноградов И. А.* Гоголь и славянство (К проблеме языкового единства славян) // Язык классической литературы. М., 2007. Т. 1).

к стр. 380 *Здесь все-таки... газовое освещение, промышленная Европа...* — 7 августа (н. ст.) 1841 г. Гоголь писал своему другу А. С. Данилевскому, побуждая его оставить Петербург и поселиться в деревне: «Неужели до сих пор не видишь ты, во сколько раз круг действия в Семереньках (имение Данилевского. — *И. В., В. В.*) может быть выше всякой должностной и ничтожно-видной жизни, со всеми удобствами, блестящими комфортами и проч. и проч.».

к стр. 381 *...заочное производство дел между людьми, которых... и в глаза не видал... управление провинциями, отстоящими за тысячи верст...* — Появляющейся здесь новой мотивировкой оставления Тентетниковым службы Гоголь обязан Ю. Ф. Самарину, который прослушал главу в гоголевском чтении 4 марта 1850 г. Точная дата этого чтения известна из письма С. Т. Аксакова к сыну Ивану от 7 марта того же года: «...Самарин приезжает к нам по вечерам... Как я рад, что третьего дня Гоголь прочел ему и Хомякову 1-ю главу "Мертвых душ", слышанную тобой. Разумеется, Самарин вполне оценил это великое произведение» (Лит. наследство. Т. 58. С. 734). Спустя некоторое время Ю. Ф. Самарин писал Гоголю, что от людей с «ученым образованием» «уже не требуют изящного почерка; их не сажают за переписывание бумаг. Их определяют прямо в столоначальники или в помощники столоначальника, а столоначальники занимаются тем самым, чем занимаются начальники отделения и директор». А потому мучит молодых образованных чиновников вовсе не мелочность, но «отвлеченность их деятельности. Им совестно решать дела на бумаге, из которых ничего не видно, на бумаге, которая в жизнь не перейдет. Чем значительнее обязанность, на них налагаемая, тем совестнее. Их сокрушает не ничтожность предмета занятий, а ничтожность, ограниченность взгляда на предмет... В этом случае страждет не самолюбие, а другая, лучшая потребность» (Русская Старина. 1889. № 7. С. 174—176). В позднейшей редакции главы, прочитанной осенью 1851 г. князю Д. А. Оболенскому, Гоголь дал своему герою должность столоначальника: «...у него в руках дела, направление которых уже много от него зависит. Он пишет, пишет новые законы, пишет распоряжения о благоустройстве отдаленнейших мест, о которых не имеет ни малейшего понятия. Пишет заочно наказы, разрешающие участь целого народонаселения, о действительных нуждах которого он ничего хорошенько не знает. Решает на бумаге дела людей, живущих за три тысячи верст» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 550).

Обращение к автографу также позволяет увидеть, как Гоголь откликнулся на замечание Ю. Ф. Самарина. Первоначальный текст одного из тех мест рукописи, которые Гоголь исправил, учитывая его мнение, выглядит следующим образом: «Учившись, воспитавшись, просветившись, сделавши порядочный запас тех именно сведений, какое требуются для... исполнения многообразных обязанностей помещика... вверить это место невеже управителю. И выбрать вместо этого что же? — переписыванье бумаг, что может вместо меня несравненно лучше производить ничему не учившийся кантонист.

И еще раз дал себе название дурака Андрей Иванович Тентетников» (*РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 8). Последние две фразы (начиная со слов: «И выбрать вместо этого что же?») Гоголь в автографе зачеркнул и сначала карандашом, а потом чернилами вписал между зачеркнутых строк: «а себе предпочесть заочное производство дел между людьми, которых я и в глаза не видал, которых я ни характеров, ни качеств не знаю, предпочесть настоящему управлению это бумажно фантастическое управление провинциями [за ты<сячи>], отстоящих за тысячи верст, где не была никогда нога моя и где могу наде<лать> только кучи несообразностей и глупостей» (*РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 8).

Правка другого места автографа, связанная с замечанием Ю. Ф. Самарина, не была доведена до конца. От первоначальной редакции первой части этого фрагмента до нас дошел только отрывок, т. к. лист, на котором он начинался, Гоголем был переписан и заменен другим. Таким образом, от первоначального варианта осталось лишь его окончание. Этот отрывок занимал начало следующего листа, и Гоголь просто его зачеркнул: «...нельзя попасть не приобретя прежде порядочного хорошего почерка. [А Тентетников писал тем самым письмом, о котором [выр<ажаются>] говорят: писала сорока лапой, а не человек.] Нечего делать, нужно было облагороживать свой почерк, который у бедного Андрея Ивановича был похож больше на то, как писала сорока лапой, а не человек» (*РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 6).

Не дошедшее до нас начало цитированного фрагмента после переписки стало выглядеть следующим образом: «Он объявил, что главное дело [в пор<ядочном>] в хорошем подчерке, [а не в чем-либо другом]» (*РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 5 об.). Далее, на нижнем поле страницы, Гоголь вписал карандашом: «что нужно прежде начать с чистописанья. Он был <*6 нрзб.*>. Может быть в ином и справедл<иво>, все так, но этого не любит слушать пылкое <*2 нрзб.*>. Вот он вырвался сразу на поприще. Вот он столон<а>чал<ьник>, решит и строит дела, 20-летний [юноша] [чертит] бойко сочиняет уже проект всеобщего благоде<нствия> одной подо<*нрзб.*>ной <*1 нрзб.*> Пылкий студент хочет принести благо, пользу Государству» (*РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 5 об.). Затем поверх слов: «Он был <*6 нрзб.*>», было вписано чернилами: «что без этого не попадешь ни в министры, ни в государственные [сов<етники>] люди» (*РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 5 об.). Таким образом сложился текст: «Он объявил, что главное дело в хорошем почерке, что нужно прежде начать с чистописанья, что без этого не попадешь ни в министры, ни в государственные люди. Может быть в ином и справедл<иво>...» и т. д. Учитывая замечание Ю. Ф. Самарина, Гоголь, очевидно, попытался в данном случае все-таки сохранить в образе героя те черты, которые роднили его с Акакием Акакиевичем Башмачкиным в «Шинели» — черты мелкого чиновника-переписчика. Однако текст вставки не был приведен в единство с исправлениями, сделанными дальше. (Об общности героев, Тентетникова и Башмачкина, см.: *Виноградов И. А.* «Я брат твой». О повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Евангельский текст в русской

литературе XVIII—XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сборник научных трудов. Вып. 3. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2001. С. 214—239; см. также коммент. к с. 250 — *...дядя... объявил, что главное дело — в хорошем почерке...*)

Фрагмент, подвергшийся правке на следующей странице, в первоначальном виде выглядел так: «С большим трудом и с помощью дядиных протекций [проведя два месяца в каллиграфических уроках, достал он, наконец, место списывателя бумаг в каком-то департаменте], наконец, он определился в какой-то департамент. [Когда взошел он в светлый зал, где за письменными лакированными столами сидели пишущие господа, шумя перьями и наклоня голову на бок, и когда посадили его самого, предложа ему тут же переписать какую-то бумагу, — необыкновенно странное чувство его проникнуло. Ему на время показалось, как бы он очутился в какой-то малолетней школе, затем, чтобы сызнова учиться азбуке.] Когда ввели его в великолепный светлый зал, с паркетами и письменными лакированными столами, походивший на то, как <бы> заседали здесь первые вельможи государства, трактовавшие о судьбе всего государства, и увидел <он> легионы красивых пишущих господ, шумевших перьями и склонивших голову набок, и посадили его самого за стол, предложа тут же переписать какую-то бумагу, как нарочно несколько мелкого содержания — переписка шла о трех рублях, производившаяся полгода, — необыкновенно странное чувство проникнуло неопытного юношу [Не только не показалось это ему похожим на существенные подвиги, ему на время показалось], как бы за проступок перевели его из верхнего класса в нижний».

На полях, напротив слов: «первые вельможи государства», Гоголь вписал карандашом: «И посадили его самого, и стал он, по примеру других столоначальников, решать [дела людей] на бумаге дела людей [за], живущих за три тысячи верст, чуть не предписывать законы, правил<а>. Чувство самолюбивой гордости в нем сильно зашевелилось. Но честолюбие продолж<ало> <занимать его не долго>. Слава Богу, ослеплен <был> не до того. Случай привел увидеть, в каком виде исполняется на деле то, что красно на словах, и дыбом поднялся у него на голове <волос>. С ужасом увидел, сколько может наделать вреда [всякий] даже и стремящийся пр<иносить> пользу. Как безумны столоначальники думающие, что они могут заглазно управлять и заочно решать. Он охладил вдруг честолюбивое стремленье» (*РГБ*. Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 34. Л. 6).

Еще одна не обведенная чернилами карандашная вставка, связанная с замечанием Ю. Ф. Самарина, была сделана в тексте четвертой главы. Речь здесь идет о Костанжогло. (Факт этот приоткрывает характерную черту замысла и композиции второго тома поэмы: проблемы, поднятые в первой, «тентетниковской» главе, получают развитие в образах других помещиков — Петуха, Кошкарева, Костанжогло...) В соответствии с новой характеристикой Тентетникова Гоголь пишет о Костанжогло: «Не могло не поразить даже и Чичикова, как много

наделал этот человек, ти<хо>, без шуму, не сочиняя проэктов и трактатов [о сча<стье>] о доставлении благополучия всему челове<честву> и как... проходит без плодов жизнь [городская] столичного жителя, шаркате<ля> [по гостиным] по паркетам и любезника гостиных, или прожектера, в своем закутке диктующего предписания в отда<ленном> углу государства» (*РГБ.* Ф. 74. К. 1. Ед. хр. 37. Л. 6).

Кички... сороки... — женские головные уборы, характерные для русских южных областей. Название их происходит от разных частей убора: *кичка* — нижняя твердая часть; *сорока* — верхняя нарядная часть из ткани. В записной книжке Гоголя 1841—1845 гг. отмечено: «Сорока — головной наряд женский сверх кички». к стр. 382

...блеет поднявшийся на воздух барашек... — *Барашек* — болотная птица из семейства куликов. к стр. 384

Творец! как еще прекрасен Твой мир... вдали от подлых больших дорог... — В 1854—1855 гг. П. А. Кулиш записал со слов поэта А. М. Жемчужникова одну из строк позднейшей редакции второго тома поэмы, относящуюся к описанию имения Тентетникова: «Старший Жемчужников (поэт): В описании усадьбы Тентетникова была фраза, которую Гоголь читал очень выразительно: "И при виде такой природы еще сильнее думал о комфорте скотина Чичиков!"» (впервые опубликовано: *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования. С. 140). В письме к В. А. Жуковскому осенью 1849 г. Гоголь еще дважды называет Чичикова «скотиной»: «Скотина Чичиков едва добрался до половины своего странствования... Автору "Мерт<вых> д<уш>" нужно быть гораздо лучше душой, нежели скотина Чичиков». До настоящего времени сведениями о том, что А. М. Жемчужников присутствовал на одном из чтений глав второго тома «Мертвых душ», исследователи не располагали. По-видимому, либо сам Жемчужников, либо его двоюродный брат граф А. К. Толстой присутствовали на одном из позднейших чтений, поскольку указанной фразы нет в автографах сохранившихся глав второго тома «Мертвых душ». Известно, что граф А. К. Толстой присутствовал на чтении Гоголем глав второго тома в первой половине июля 1849 г. в Калуге вместе с А. О. Смирновой и Л. И. Арнольди (см.: *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 66). А. М. Жемчужников, вероятно, побывал на гоголевском чтении позднее, после весны 1850 г. 24 мая 1850 г. Гоголь писал матери: «Опечалило меня... известие, что через нашу деревню хотят пролагать дорогу. От этого только новые повинности, новые заботы и разврат, присутствующий всегда в деревнях, находящихся при больших дорогах. Всякая проезжая сволочь будет подущать и развращать мужиков, которые, слава Богу, до сих пор все еще нравственней других. Доселе деревенька наша, если заманивала меня, так это только тем, что она в стороне от большой дороги».

...недокончивший учебного курса эстетик... — Намек на В. Г. Белинского, в неотправленном письме к которому 1847 г. Гоголь замечал: «Вспомните, что вы учились кое-как, не кончили даже университетского курса». к стр. 388

к стр. 392 *В деревне пошли хороводы. Гулянью был простор.* — Ср. заметку в записной книжке Гоголя 1846—1850 гг.: «*Гулянка,* которой ждали целый год поселяне, была в полном своем разгаре».

Глава третья

к стр. 407 *...синяя ирь...* — *Ирь* (аир) — болотное растение с длинными листьями, «лилия; синяя ирь, ирис цвет<ок>» (гоголевский «объяснительный словарь» русского языка).

к стр. 409 *...развешены были... сети и морды...* — *Морда* — плетеная верша из ивовых прутьев для ловли рыбы.

к стр. 411 *...просветятся... у ресторанов...* — Т. е. у содержателей ресторанов, ресторатов.

к стр. 416 *...заезжий из столицы кадет.* — *Кадет* (от *фр.* cadet — младший) — недоросль, дворянский сын; воспитанник кадетского корпуса (среднего военного училища).

к стр. 419 *...казацкие чекмени синего домашнего сукна.* — *Чекмень* — верхняя мужская одежда.

...лепестки каких-то цветков, приготовленных к сушке... Это лучшее средство от лихорадки... Вы все смеетесь над вареньями да над соленьями, а потом, когда едите, сами же похваливаете. — Эти строки были внесены Гоголем в позднейшую редакцию по совету А. О. Смирновой: «Когда он читал главу о Костанжогло, я ему сказала: «Дайте хоть кошелек жене его, пусть она шали вяжет» (*Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 66). 1 августа 1849 г. она повторила эту просьбу в письме: «...дайте работу жене Костанжогло: она уже слишком жалка» (Русская Старина. 1890. № 12. С. 656). Откликнувшись на пожелание А. О. Смирновой, Гоголь, внося дополнительные черты в облик жены Костанжогло, воспользовался содержанием своей тетради с выписками из «Домостроя» (М., 1849) и народными травниками.

к стр. 423 *...читать книгу о громовых отводах Франклина...* — *Франклин* Бенджамин (1706—1790) — американский государственный деятель, ученый-физик, известен своими трудами по электричеству, изобретатель молниеотвода.

...Виргилиевы «Георгики»... — *Вергилий* Марон Публий (70—19 до Р. Х.), римский поэт, автор поэмы «Георгики», посвященной земледелию. В конце 30-х гг. XX в. русский ученый и путешественник академик Н. И. Вавилов писал: «Как 2000 лет тому назад земледельцы заслушивались стихами этой агрономической поэмы, так и теперь "Георгики" служит настольной книгой каждого крестьянина Италии» (*Вавилов Н. И.* Пять континентов. Л., 1987. С. 154). Пафос Гоголя, очевидно, направлен не против самой поэмы, но против искусственного перенесения ее наставлений на русскую почву. В заметке, посвященной «рассмотрению хода просвещения России», он, в частности, писал: «Множество переводных книг о земледелии, о всех отраслях садоводства спутали хозяев. Каждый переломал, перековеркал

все у себя и ничего не установил нового. Те, которые поумнее, перепробовав все, возвратились вновь к прежнему простому первобытному, близкому к природе той земли, в которой он родился» (записная книжка 1846—1850 гг.).

...«Химическое исследование почв». — Имеется в виду одна из работ Юлиуса Либиха (1803—1873), агрохимика, пользовавшегося известностью в России, — «Химия в приложении к земледелию и физиологии растений» (1840) или «Органическая химия, приложенная к растительной физиологии и земледелию», вышедшая в русском переводе в 1842 г. (см.: *Смирнова-Чикина Е. С.* Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души». Комментарий. Л., 1974. С. 312).

...потребности, расслабившие теперешних людей. — Ср. в «Исторических афоризмах Михаила Погодина» (М., 1836; на эту книгу Гоголь написал пространную рецензию): «Табак, чай, кофе, сахар, — нельзя ли поставить рядом с порохом, как средства, ведущие к одной цели: ослаблению физической силы...» к стр. 430

...высшие потребности... — Выражение встречается в «Тарантасе» (1845) В. А. Соллогуба. См. здесь характеристику вышедшего из дворни чиновника: «Он имеет уже высшие потребности и потому крадет уже ассигнациями. Ему ведь надо пить донское, курить табак Жукова, играть в банчик, ездить в тарантасе, выписывать для жены чепцы с серебряными колосьями и шелковые платья».

...ни табака... — Размышления о табаке встречаются у Гоголя уже в незавершенном романе «Гетьман» (1830—1832): «...табак, — это странное растение, которое с такою изумительною быстротою разнесла во все концы мира новооткрытая часть света». 25 января 1851 г. в Одессе Гоголь, беседуя с князем В. Н. Репниным, который собирался «делать сигары», чтобы получить требуемую ему сумму денег, сказал: «...ведь это безнравственно. Нельзя: совестно!» Князь: «Что до этого — ведь не остановить». — Гоголь: «Все так, да как-то совестно!» (<*Хитрово Е. А.*> Гоголь в Одессе. С. 550—551).

...ни сахара... — Ср. в письме Гоголя к матери от 5 июня 1851 г.: «Как вспомню о бедной Елизавете, которая уже оттого только, что недоставало сахару для гостей, издавала вопли отчаянья, — что же будет с нею потом, когда пойдут недостатки поважней недостачи сахара для гостей?» Сахар в XIX в. был почти исключительно «привилегией» высших сословий и в крестьянском быту не употреблялся. «Хотя употребление сахара в физическом смысле не токмо безвредным, но еще приятным и полезным почитается, но, судя по чрезвычайно возвысившейся цене его, ежегодно составляющей знатные суммы, для Отечества нашего можно почесть оный весьма вредным, как для частных людей, так и для блага всего народа. Сие доказывается и тем, что во многих местах стараются возможнейшим образом приготовлять сахар из домашних произведений. Сие также есть единственное средство избавить себя от корыстолюбия иностранных народов» (<*Члены Государственной Медицинской Коллегии.*> Предуведомление // <*Эллизен И. Г. Д.*> Способ заменять иностранный сахар домашними

произведениями. Напечатан по Высочайшему Е. И. В. повелению. СПб., 1799. С. 3—4).

Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки! — Реминисценция слов Спасителя: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18, 7).

Глава четвертая

к стр. 449 *И кто творец этих вдруг набегающих мыслей?* — Ср. запись в дневнике одесской знакомой Гоголя Е. А. Хитрово от 3 марта 1851 г.: «Когда бывало сказано: “Диавол прииде”, он говорил: “т. е. помышление” (<*Хитрово Е. А.*> Гоголь в Одессе. С. 556).

к стр. 454 *...comme il faut* (*фр.* как надо, как следует). — *Комильфо* — прилично, в соответствии с правилами светского приличия. В статье «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту, при нынешнем порядке вещей в России» (1846) Гоголь писал: «...настоящее comme il faut есть то, которое требует от человека Тот Самый, Который создал его, а не тот... который сочиняет всякий день меняющиеся этикеты...»

<Заключительная глава>

к стр. 455 *«Что кому требит, тот то и теребит»...* — *Тре́бить* — быть потребну, надобиться (Толковый словарь В. Даля).

к стр. 456 *...ради мебелей Гамбса...* — *Гамбс* Эрнст (1805—1849) — владелец модного мебельного магазина в Петербурге.

...скупаемыми прасолами и кулаками. — *Прасол* — «перепродавец» (гоголевский «объяснительный словарь» русского языка); «мужик, торгующий всем, не определяя себе рода торговли; не пропускает ничего и почти во всем знаток» (записная книжка Гоголя 1841—1844 гг., заметка «Торговля»). *Кулак* — См. коммент. к с. 102.

...куплено на Нижегородской ярмарке краснопродавцами панских товаров... — В записной книжке Гоголя 1841—1846 гг. содержится выписка «О Нижегородской ярмарке», извлеченная из «Журнала Министерства Внутренних Дел» (1837. Ч. XXIV. № 6. С. 539—541 и Ч. XXVI № 10. С. 165—190). Ср. также запись «Предмет ярманки Нижегородской» в записной книжке 1841—1844 гг. *Краснопродавцы* — тогующие красным товаром. См. коммент. к с. 339.

...дотоле неслыханный в губернии воксал... — *Воксал* — см. коммент. к с. 191.

к стр. 457 *Здесь сукны зибер, клер и черные.* — Ср. в записной книжке Гоголя 1846—1850 гг.: «Сукна-зибер: клер и черные и темное зеленое, коричневые, синие и серые».

к стр. 458 *...о цене условились, хотя она и «с прификсом», как утверждал купец.* — *Прификс* (*фр.* prix fixe) — твердая цена, без запроса.

«О чем бы у них разговоры?» — подумал <Чичиков>. — Далее было: «Да ведь он именье у него купил».

Ведь купец есть негоциант, а не то, что купец. — Негоциант — купец, ведущий крупную оптовую торговлю с другими странами или внутри страны, значимую для ее экономики в целом. (Ср. реплику Манилова: «...не будет ли эта негоция несоответствующею гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?») к стр. 459

Тут с этим соединено и бюджет, и реакция, а иначе выйдет паувпуризм. — Бюджет (бюджет) — предварительная смета расходов и доходов государства на определенный срок. *Паувпуризм* (пауперизм; *фр.* paupérisme — обнищание, *лат.* pauper — бедный) — нищета, отсутствие необходимых средств существования.

...зашел к нашему архимандриту. — Архимандрит — церковный сан, получаемый настоятелями монастырей и другими монашествующими, занимающими важные административные должности. к стр. 462

Схимник — монах, принявший схиму, высшую монашескую степень в Православии.

Перекрестясь, говорит человек: «Господи, помилуй», — гребет и доплывает до берега. — Ср. в письме Гоголя к Н. М. Языкову от 2 января (н. ст.) 1844 г.: «Гребу решительно противу волн, иду против себя самого, то есть противу находящего бездействия и томительного беспокойства». С этими строками перекликается и содержание гоголевской выписки «О покаянии» из «Некоторых мыслей Георгия, затворника Задонского Богородицкого монастыря» в рукописном сборнике «Выбранные места из творений св. отцов и учителей Церкви», составленном зимой 1843/44 г.: «Жить по чувствам, как плыть по течению воды, никакого нет труда; но жить по разуму и покорять пристрастную чувственность — то же, что плыть против воды; надобно трудиться и претерпевати до самого конца, до самого вечного премирного пристанища». к стр. 463

«Царство нудится». — Т. е. добывается трудом, терпением и подвигами — «От дний же Иоанна Крестителя доселе Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е» (Мф. 11, 12), т. е. употребляющие усилие достигают его. к стр. 472

<Набросок к заключительной главе>

«Всем жить на счет казны...»

Впервые напечатано: Соч. Н. В. Гоголя / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. 10-е изд. Т. 7. СПб., 1896.

В гоголевских бумагах сохранилось четыре написанных подряд наброска, которые, по всей видимости, предшествуют созданию речи генерал-губернатора в заключительной главе второго тома «Мертвых душ».

Первый набросок: «У исповеди собрать все сословия, все как равные между собою. Все дело имеют с Богом». Его содержание перекликается, в частности, с пожеланием, высказанным генерал-

губернатору Муразовым: «Скажите им так, как бы вы не пред ними, а пред Самим Богом принесли свою исповедь».

Второй набросок, более пространный, представляет собой, по-видимому, слова, обращенные от лица генерал-губернатора (как «министра внутренних дел, остановившегося на дороге», по словам статьи Гоголя «Занимающему важное место») к местному губернатору: «Помещики, они позабыли свою обязанность. Зачем ты вместо того, чтобы им напоминать весь долг и приводить в знанье и себя самого и чес<т>и, стал ограничивать их мелочными чиновник<ами> и ограниченьями. Завел новую сложность дел, так что и у них самих закружилось и все перепуталось, и они уже сами позабыли свои выг<оды>. Или нельзя было на них подействовать, или они не лучше других воспитали [понятье о чести]. Или не восприимчивее была их душа, чем необразованного человека? Или на голос Отчизны не откликнулось дело их? Или не из среды их мелькнули Суворовы, Мордвиновы, Чичаговы, Орловы, Румянцевы и ряды героев самоотверженья, которых не уместит на страницах своих подробнейшая летопись» (печатается по автографу).

Непосредственное отношение к речи генерал-губернатора имеет и содержание третьего наброска, написанного в автографе непосредственно вслед за вторым, после небольшого отступа: «Нет, Власть, действуй прямо. Укажи нам всем долг наш, но не связывай в то же время и рук наших и не бесчесть нас обидным подозреньем. Говори с нами благородным голосом и будет благороден ответ» (печатается по автографу).

Содержание четвертого наброска позволяет приоткрыть прообразовательный (символический) подтекст речи генерал-губернатора и одновременно заглянуть в окончание поэмы, которая должна была, по всей вероятности, завершиться картиной Страшного суда и ответа чиновников Богу, послужив тем самым к назиданию гоголевских современников (см. коммент. к <Наброску к окончанию «Мертвых душ»> («Зачем же ты не вспомнил обо Мне...»)

к стр. 486 *...повести простую жизнь...* — 4 марта 1851 г. Гоголь писал матери и сестрам: «Другую, другую жизнь нужно повести, — простую, простую, какую ведет уже человек, думающий о Боге. Для этой жизни немного нужно. Для жизни евангельской, какую любит Христос, немного издержек».

...проекты об установлении новых мест... — Ср. заметку Гоголя о содержании предполагаемой беседы в записной книжке 1846—1850 гг.: «С Бенардаки о государственной неэкономии от умножения мест и департаментов».

Прежде всего обращаюсь к богатым... Уничтожьте мебели и все прихоти. — «Менее заглядывайте в окна магазинов, — обращается к читателю рассказчик в повести “Невский проспект”, — безделушки, в них выставленные, прекрасны, но пахнут страшным количеством ассигнаций». «Честный, но близорукий богач», поясняет позднее

Гоголь свою мысль в статье «Нужно проездиться по России», «убирая свой дом и заводя у себя все на барскую ногу (превращая его в роскошный "магазин", в витрину. — *И. В., В. В.)*, вредит соблазном, поселяя в другом, менее богатом, такое же желание, который из-за того, чтобы не отстать от него, разоряет не только собственное, но и чуждое имущество, грабит и пускает по миру людей...» Мысль Гоголя восходит к словам св. апостола Павла в Послании к Римлянам: «Ради пищи не разрушай дела Божия. Все чисто, но худо человеку, который ест на соблазн. Лучше не есть мяса, не пить вина и не делать ничего такого, отчего брат твой претыкается, или соблазняется, или изнемогает» (гл. 14, ст. 20—21).

К стыду, у нас, может быть, едва отыщется чело<век>, который бы прочел Библию... — Гоголь знал и любил Священное Писание. В статье «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» (1844) он писал, обращаясь к Н. М. Языкову: «Разогни книгу Ветхого Завета: ты найдешь там каждое из нынешних событий, ясней как день увидишь, в чем оно преступило пред Богом, и так очевидно изображен над ним совершившийся Страшный суд Божий, что встрепенется настоящее». к стр. 489

...кто лучшим бы мог быть воспитателем сына, как не отец? — Ср. дневниковую запись Е. А. Хитрово от 14 января 1851 г.: «Как-то Гоголь говорил о семействе Капниста: воспитывались дома и более из разговоров отца учились всему» (<*Хитрово Е. А.*> Гоголь в Одессе. С. 548).

...разными понятия<ми>, со всех сторон загружающими... голову... — Ср. в той же записи Е. А. Хитрово: «Еще раз он говорил: "Еще не догадались, что нет добра в том, чтоб слишком занимать детей"» (Там же).

<Наброски к несохранившимся главам>

Некоторые сведения о героях несохранившихся глав второго тома «Мертвых душ» дошли до нас в отзывах и воспоминаниях лиц, слушавших эти главы в чтении Гоголя. Так, по свидетельству протоиерея Матфея Константиновского, «в одной или двух» главах «был описан священник» (*Образцов Ф., прот.* О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. По моим воспоминаниям // Тверские Епархиальные Ведомости. 1902. № 5. 1 марта. Часть неофициальная. С. 138). Об этом же вспоминала А. О. Смирнова, прослушавшая несколько начальных глав второго тома летом 1849 г. На ее вопрос: «...неужели будут в поэме еще поразительнейшие явления?» — Гоголь отвечал: «...погодите, будут у меня еще лучшие вещи: будет у меня священник, будет откупщик, будет генерал-губернатор» (<*Кулиш П. А.*> *Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. Т. 2. С. 227). Та же А. О. Смирнова, в подмосковном имении которой Гоголь жил в конце июня — начале июля 1851 г., видела, по ее словам, «у него тетр<ади>

в лист очень мелко. Покрыв<ал> платком. Я сказ<ала>, что я прочла — “Никита и генерал-губ<ернатор> разговарив<ают>”. “А вот как! вы подглядываете! так я же буду запирать”» (*Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 40).

25—26 июля 1851 г. Гоголь писал С. П. Шевыреву, которому незадолго перед тем в обстановке полной секретности прочел пятую и шестую главы: «Убедительно прошу тебя не сказывать никому о прочитанном, ни даже называть мелких сцен и лиц героев. Случились истории. Очень рад, что две последние главы, кроме тебя, никому не известны. Ради Бога, никому». 27 июля Шевырев отвечал Гоголю: «Успокойся. Даже и жене я ни одного имени не назвал, не упомянул ни об одном событии. Только раз при тебе же назвал штабс-капитана Ильина, но и только. Тайна твоя для меня дорога, поверь. С нетерпением жду 7-й и 8-й главы. Ты меня освежил и упоил этим чтением».

Кроме того, в записной книжке Гоголя 1846—1850 гг. сохранились два отрывка, посвященных, по-видимому, въезду Чичикова в город Тьфуславль. Первый набросок начинается с половины фразы: «...и заходящему солнцу краснели скирды сена, телеги и люди... Дорога спускалась вниз; внизу полукругом необозримая над долиной по ту сторону ровная линия, и гребнем ряд дерев. На правый бок линия прерывалась снова в бок горы с городом наверху; церкви, колокольни, дерева, домы чуть были видны сквозь сизый туман. Коляска спускалась ближе к гребле по мосту (по долине проходила река). Скоро *<1 нрзб.>* возвышенья понизились также. И город скрылся. С обоих боков сходили к долине круглобокие горы, насупротив одна против <другой>, а за ними третья насупротив Чичикова, облаченная туманом...» Далее, после заметки «Черты городов», в записной книжке располагается второй набросок: «Становилось душнее по мере приближения к городу. Воздух начал сгущаться от пыльных облаков, воздымаемых скрыпучими колесами телег, тяжело нагруженных мешками. Город на оврагах предстал пред глаза; овраги блистали, как бы исподнизу освещали<сь> где<-то> скрывшимся солнцем из-за дерев. Дерева же темного цвета громовой тучи. Открывшийся город как бы из двух состоял половин: одна выдвигалась длинной цепью домов и колокольней вперед, другая, позади, освещалась, блестя, солнцем».

«Вот оно, вот оно, что значит...»

Впервые напечатано: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 7. Без м. изд., 1951.

«Шутить, как известно, не любит наш век...»

Начало и конец отрывка (в иной последовательности) впервые напечатаны А. Ф. Бычковым в кн.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895. Полностью опубликовано

(также в иной последовательности) Г. М. Фридлендером в кн.: Литературный архив. М.; Л., 1953. Вып. 4 и в изд.: *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: В 14 т. Т. 9. Без м. изд., 1952. Печатается по автографу, из анализа которого можно предположить, что первоначально Гоголем был написан фрагмент «Шутить, как известно, не любит наш век...», а отрывок «Шелки, атласы, платья…» набросан позже вверху листа.

…да еще и похвастает благотворительнос<тью>, припевая: роскошь доставл<яет> хлеб работникам… — См. коммент. к с. 342 — *…давай балы, производи благодетельную роскошь, которая дает хлеб мастерам, ремесленникам…* к стр. 491

«...Со всех сторон к концу бала Чагравину...»

Впервые напечатано: Соч. Н. В. Гоголя / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. Т. 7. СПб., 1896. Отрывок датируется предположительно 1841 г. Его содержание перекликается с записью Гоголя в альбом М. А. Власовой, сделанной, вероятно, в этом году в Риме (см.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М., 1994). Текст печатается по автографу.

Чагравин. — Фамилия образована по цвету голубей: «Чагравый — голубь очень темный... имеет отметину на груди» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.). См. также коммент. к с. 288. к стр. 491

...насчет поведения жены его... — По воспоминаниям А. О. Смирновой, в одной из глав второго тома описывалось «имение Чагранова, управляемое молодым человеком, недавно выпущенным из университета. Тут Платонов, спутник Чичикова, ко всему равнодушный, заглядывается на портрет, а потом они встречают, у брата генерала Бетрищева, живой подлинник этого портрета, и начинается роман, из которого Чичиков, как из всех других обстоятельств, каковы б они ни были, извлекает свои выгоды» (*<Кулиш П. А.> Николай М.* Записки о жизни Н. В. Гоголя. Т. 2. С. 227). Позднее А. О. Смирнова привела еще ряд подробностей к содержанию этой главы: «Чичиков уже ездил с Платоновым, который от нечего делать присоединился к этому труженику и вовсе не понимал, что значила покупка мертвых душ. Наконец, приезд в деревню Чаграновых, где Платонов влюбился в портрет во весь рост этой петерб<ургской> львицы. Обед управляющего из студентов с высшими потребностями. Стол был покрыт: хрусталь, серебро, фарфор саксонский. Бедный студент запил и тут высказал то, что тайно подрывало его энергию и жизнь. Сцена так была трагически жива, что дух занимало. Все были в восторге» (*Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания. С. 66).

Еще более подробно передавал содержание «романа» Платонова и Чагравиной брат А. О. Смирновой Л. И. Арнольди, которому она пересказала этот сюжет: «Она рассказывала мне после, что удивительно хорошо отделано было одно лицо в одной из глав; это лицо:

эманципированная женщина-красавица, избалованная светом, кокетка, проведшая свою молодость в столице, при дворе и за границей. Судьба привела ее в провинцию; ей уже за тридцать пять лет, она начинает это чувствовать, ей скучно, жизнь ей в тягость. В это время она встречается с везде и всегда скучающим Платоновым, который также израсходовал всего себя, таскаясь по светским гостиным. Им обоим показалась их встреча в глуши, среди ничтожных людей, их окружающих, каким-то великим счастием; они начинают привязываться друг к другу, и это новое чувство, им не знакомое, оживляет их; они думают, что любят друг друга, и с восторгом предаются этому чувству. Но это оживление, это счастие было только на минуту, и через месяц после первого признания они замечают, что это была только вспышка, каприз, что истинной любви тут не было, что они и не способны к ней, и затем наступает с обеих сторон охлаждение и потом опять скука и скука, и они, разумеется, начинают скучать в этот раз еще более, чем прежде. Сестра уверяла меня, а С. П. Шевырев подтвердил, что характер этой женщины и вообще вся ее связь с Платоновым изображены были у Гоголя с таким мастерством, что ежели это правда, то особенно жаль, что именно эта глава не дошла до нас...» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 478—488).

Вероятно, одним из прототипов Чагравиной послужила Гоголю А. О. Смирнова. Недаром одну из рукописей своего мемуарного цикла — так называемого «Баденского романа» (название дано публикаторам Л. В. Крестовой в 1931 г.) она озаглавила «Биография Александры Осиповны Чаграновой».

<Набросок к окончанию «Мертвых душ»>

«Зачем же ты не вспомнил обо Мне...»

Впервые напечатано: Соч. Н. В. Гоголя / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. Т. 6. СПб., 1896.

Набросок представляет, судя по содержанию, одну из заключительных сцен поэмы, а именно обличение Богом на Страшном суде малодушных чиновников и управителей, «начавших служить» и потом, подобно одному из героев второго тома — Андрею Ивановичу Тентетникову — оставивших поприще. В «Авторской исповеди» Гоголь писал, что брать должность или «место» следует «с тем именно... чтобы на нем исполнить долг таким образом, чтобы не стыдно было дать и за который дашь ответ Небу». Та же мысль высказана Гоголем и в «Развязке Ревизора» (1846): «Страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба». Замысел Гоголя проясняют также строки статьи «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», адресованные Н. М. Языкову: «Разогни книгу Ветхого Завета, ты найдешь

там каждое из нынешних событий, ясней как день увидишь, в чем оно преступило пред Богом, и так очевидно изображен над ним совершившийся Страшный суд Божий, что встрепенется настоящее».

Толчком к созданию сцены, возможно, послужил Гоголю один из святоотеческих учительных приемов, заключающийся в том, что пастырь, напоминая в своей речи те или иные заповеди, начинает передавать их от первого лица — они исходят как бы из уст Самого Бога. Такие примеры Гоголь мог не раз встречать в статьях журнала «Христианское чтение», из которых пополнял свое духовное образование в 1840-е гг. Можно предположить, что в настоящем наброске Гоголь попытался «заглянуть» в конец своей поэмы, тогда как другие главы последнего тома им еще не были написаны. В то же время содержание отрывка дает ключ к пониманию речи генерал-губернатора в заключительной главе второго тома, написанной, вероятно, позднее (см. коммент. к <Наброску к заключительной главе> («Всем жить за счет казны»).

Зачем же ты от людей, а не от Меня ожидал награды и вниманья, и поощренья? — Ср. со словами Муразова к Хлобуеву, сетующему на то, что он стал непригоден к службе: «Поверьте, что если <бы> вы взялись за должность свою таким образом, как бы в уверенности, что служите Тому, Кому вы молитесь, у вас бы появилась деятельность, и вас никто из людей не в силах <был бы> охладить» (ранняя редакция); «Возьмите какое ни на есть занятие, но возьмите как бы вы делали для Него, а не для людей» (позднейшая редакция). к стр. 493

Приложение

Повесть о капитане Копейкине
(Первоначальная редакция)

Впервые напечатано: Соч. Н. В. Гоголя / Под ред. Н. С. Тихонравова. 10-е изд. Т. 3. М., 1889.

Первоначальная редакция Повести закончена Гоголем в Риме летом 1841 г. П. В. Анненков, переписывавший ее под диктовку самого автора, вспоминал: «Когда, по окончании повести, я отдался неудержимому порыву веселости, Гоголь смеялся вместе со мною и несколько раз спрашивал: “Какова повесть о капитане Копейкине?” “Но увидит ли она печать когда-нибудь?” — заметил я. “Печать — пустяки, — отвечал Гоголь с самоуверенностью. — Все будет в печати”» (Гоголь в воспоминаниях современников. С. 271).

Как уже не раз отмечалось исследователями, гоголевский образ капитана Копейкина восходит к фольклорному источнику — народным разбойничьим песням о воре Копейкине (см.: *Смирнова-Чикина Е. С.* Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души»: Комментарий. С. 169—170; *Степанов Н. Л.* Гоголевская «Повесть о капитане

Копейкине» и ее источники // Известия АН СССР. ОЛЯ. Т. XVIII. Вып. 1. М, 1959. С. 40—44).

Интерес и любовь Гоголя к народному песнетворчеству общеизвестны. В «Петербургских записках 1836 года», призывая к созданию русского национального театра, изображению характеров в их «национально вылившейся форме», Гоголь высказал суждение о творческом использовании народных традиций в опере и балете. «Руководствуясь тонкою разборчивостью, творец балета может брать из них (народных, национальных танцев. — *И. В., В. В.*) сколько хочет для определения характеров пляшущих своих героев. Само собою разумеется, что, схвативши в них первую стихию, он может развить ее и улететь несравненно выше своего оригинала, как музыкальный гений из простой, услышанной на улице песни создает целую поэму». «Повесть о капитане Копейкине», в буквальном смысле слова вырастающая из песни, и явилась воплощением этой гоголевской мысли. Угадав в песне «стихию характера», писатель, говоря его же словами, «развивает ее и улетает несравненно выше своего оригинала». Приведем одну из песен цикла о разбойнике Копейкине:

Собирается вор Копейкин
На славном на устье Карастане.
Он со вечера, вор Копейкин, спать ложился,
Ко полуночи вор Копейкин подымался,
Он утренней росой умывался,
Тафтяным платком утирался,
На восточну сторонушку Богу молился.
«Вставайте, братцы полюбовны!
Нехорош-то мне, братцы, сон приснился:
Будто я, добрый молодец, хожу по край морю,
Я правою ногою оступился,
За кропкое деревце ухватился,
За кропкое дерево, за крушину.
Не ты ли меня, крушинушка, сокрушила:
Сушит да крушит добра молодца печаль-горе!
Вы кидайтеся-бросайтеся, братцы, в легки лодки,
Гребите, ребятушки, не робейте,
Под те ли же под горы, под Змеины!»
Не лютая тут змеюшка прошипела,
Свинцовая тут пулюшка пролетела.

(Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Памятники русского фольклора. Л., 1977. Т. 1. С. 226; Песни, собранные П. В. Киреевским / Изданы Обществом любителей российской словесности под редакцией и с дополнениями П. Бессонова. Наш век в русских исторических песнях. М., 1874. Вып. 10. С. 108.) *Кропкий* — ломкий, хрупкий.

Сюжет разбойничьей песни о Копейкине записан в нескольких вариантах. Как это обычно и бывает в народном творчестве, все известные образцы помогают уяснить общий характер произведения. Центральный мотив этого песенного цикла — вещий сон атамана Копейкина. Вот еще один из вариантов этого сна, предвещающего гибель герою.

...Будто я ходил по конец синего моря;
Как синё море все всколыхалося,
Со желтым песком все сомешалося;
Я левой ноженькой оступился,
За крепкое деревце рукой ухватился,
За крепкое деревце, за крушину,
За самую за вершину:
У крушинушки вершинушка отломилась,
Будто буйная моя головушка в море свалилась.

Атаман разбойников Копейкин, каким он изображен в народной песенной традиции, «ногою оступился, рукою за кропкое деревце ухватился». Эта окрашенная в трагические тона символическая подробность и является главной отличительной чертой данного фольклорного образа.

Поэтическую символику песни Гоголь использует в описании внешнего облика своего героя: «ему оторвало руку и ногу». Создавая портрет капитана Копейкина, писатель приводит только эту подробность, связывающую персонажа поэмы с его фольклорным прототипом. Следует также подчеркнуть, что в народном творчестве оторвать кому-нибудь руку и ногу почитается за «шутку» или «баловство». Гоголевский Копейкин вовсе не вызывает к себе жалостливого отношения. Это лицо отнюдь не страдательное, не пассивное. Капитан Копейкин — прежде всего удалой разбойник. В 1834 г. в статье «Взгляд на составление Малороссии» Гоголь писал об отчаянных запорожских казаках, «которым нечего было терять, которым жизнь — копейка, которых буйная воля не могла терпеть законов и власти... Это общество сохраняло все те черты, которыми рисуют шайку разбойников...»

Созданная по законам сказовой поэтики (ориентация на живой разговорный язык, прямое обращение к слушателям, использование простонародных выражений и повествовательных приемов), гоголевская Повесть требует и соответствующего прочтения. Ее сказовая форма отчетливо проявляется и в слиянии народно-поэтического, фольклорного начала с реально-событийным, конкретно-историческим. Народная молва о разбойнике Копейкине, уходящая в глубь народной поэзии, не менее важна для понимания эстетической природы Повести, чем хронологическая закрепленность образа за определенной эпохой — кампанией 1812 г. В изложении почтмейстера история капитана Копейкина менее всего есть пересказ реального происшествия. Действительность здесь преломлена через сознание

героя-рассказчика, воплощающего, по Гоголю, особенности народного, национального мышления. Исторические события, имеющие государственное, общенациональное значение, всегда порождали в народе всевозможные устные рассказы и предания. При этом особенно активно творчески переосмыслялись и приспосабливались к новым историческим условиям традиционные эпические образы.

Художественное своеобразие «Повести о капитане Копейкине», этой, по словам почтмейстера, «в некотором роде целой поэмы», помогает уяснить и эстетическую природу «Мертвых душ». Создавая свое произведение — поэму подлинно народную и глубоко национальную, — Гоголь опирался на традиции народно-поэтической культуры.

Образ капитана Копейкина, ставший, подобно другим гоголевским образам, нарицательным, прочно вошел в русскую литературу и публицистику. В характере его осмысления сложились две традиции: одна в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина и Ф. М. Достоевского, другая — в либеральной печати. В щедринском цикле «Культурные люди» (1876) Копейкин предстает ограниченным помещиком из Залупска: «Недаром мой друг, капитан Копейкин, пишет: "Не езди в Залупск! у нас, брат, столько теперь поджарых да прожженных развелось — весь наш культурный клуб испакостили!"» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. Т. 12. М., 1971. С. 297).

В резко отрицательном духе интерпретирует гоголевский образ и Ф. М. Достоевский. В «Дневнике писателя» за 1881 год Копейкин предстает как прообраз современных «карманных промышленников». «...Страшно развелось много капитанов Копейкиных, в бесчисленных видоизменениях... И все-то на казну и на общественное достояние зубы точат» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Л., 1984. С. 12).

С другой стороны, в либеральной печати существовала иная традиция — «сочувственного отношения к гоголевскому герою как к человеку, борющемуся за свое благополучие с равнодушной к его нуждам косной бюрократией» (Там же. С. 308). Примечательно, что столь непохожие по своей идеологической ориентации писатели, как Салтыков-Щедрин и Достоевский, придерживавшиеся к тому же различной художественной манеры, в одном и том же негативном ключе интерпретируют образ гоголевского капитана Копейкина. Было бы неверным объяснять позицию писателей тем, что их художественное истолкование основывалось на смягченном по цензурным условиям варианте Повести, что Щедрину и Достоевскому была неизвестна ее первоначальная редакция, отличающаяся, по общему мнению исследователей, наибольшей социальной остротой. Еще в 1857 году Н. Г. Чернышевский в рецензии на посмертное Собрание сочинений и писем Гоголя, изданное П. А. Кулишом, полностью перепечатал впервые опубликованное тогда окончание Повести, заключив его следующими словами: «Да, как бы то ни было, а великого ума и высокой натуры был тот, кто первый представил

нас нам в настоящем нашем виде...» (*Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 4. С. 665).

Дело, по всей видимости, в другом. Щедрин и Достоевский почувствовали в гоголевском Копейкине те нюансы и особенности его характера, которые ускользали от других, и, как это не раз бывало в их творчестве, «выпрямили» образ, заострили его черты. Возможность подобной интерпретации капитана Копейкина заключается, несомненно, в нем самом.

<Заметки> к 1-й части

Впервые напечатано П. А. Кулишом в кн.: Соч. и письма Н. В. Гоголя. Т. 4. СПб., 1857. Текст печатается по автографу.

Эти черновые заметки к первому тому «Мертвых душ», по единодушному мнению исследователей, имеют исключительно важное значение для понимания замысла произведения и его художественной структуры в целом. Гоголевские заметки не датированы. В основном они касаются второй, городской части первого тома, однако в конце их намечается переход ко второму тому. («Противуположное ему преобразование во II <части?>, занятой разорванным бездельем».) По всей видимости, заметки следует датировать 1841 годом — временем завершающей стадии работы над первым томом (см.: *Воропаев В. А.* О датировке гоголевских заметок «К 1-й части» «Мертвых душ» // Русская литература. 1987. № 1).

Ключевая идея заметок — мысль о «городском безделье», прообразующем, то есть символизирующем, «бездельность жизни всего человечества в массе». «Безделье» — это не просто пребывание без дела, в праздности: в мире Гоголя можно быть очень деятельным и в то же время не заниматься делом. Иными словами, это деятельность, лишенная внутреннего содержания. В этом смысле вся жизнь неутомимо деятельного Чичикова есть лишь иллюзия деятельности. Так или иначе печатью «безделья» отмечены и другие герои «Мертвых душ». Приведем лишь один пример. «Ноздрев был занят важным делом; целые четыре дня уже не выходил он из комнаты, не впускал никого и получал обед в окошко, — словом, даже исхудал и позеленел. Дело требовало большой внимательности: оно состояло в подбирании из нескольких десятков дюжин карт одной талии, но самой меткой, на которую можно было бы понадеяться, как на вернейшего друга. Работы оставалось еще, по крайней мере, на две недели...»

Понятие «безделья» наполнено у Гоголя глубоким философским содержанием, несет в себе огромный заряд смысла и обобщения. «Бездельность жизни» — отличительная черта не только отдельных героев поэмы, но и всего города в массе. Сколько толков и мнений чиновников о «мужике» Чичикова: гадали, «как искоренить буйный дух, обуревавший крестьян Чичикова», и т. д. и т. п.

Если не знать, что является предметом обсуждения, может показаться, что чиновники о деле спорят. Но «мужика»-то и нет. «Ведь предмет просто: фу-фу», как говорит сам Чичиков. Город взбудоражен, живет деятельной, насыщенной жизнью, но внутри всего этого — страшная пустота (аналогичная ситуация в «Ревизоре»).

«Идея города», выраженная в наброске в понятийной форме и воплощенная в поэме в художественных образах, не осталась вне поля зрения современной Гоголю критики. С. П. Шевырев в рецензии на «Мертвые души» останавливается как раз на тех моментах, которые были особенно важны для Гоголя и которые есть в заметках. Касаясь, в частности, городских сплетен и слухов о Чичикове, он пишет: «Как будто сам демон путаницы и глупости носится над всем городом и всех сливает в одно: здесь, говоря словами Жан-Поля, не один какой-нибудь дурак, не одна какая-нибудь отдельная глупость, но целый мир бессмыслицы, воплощенный в полную городскую массу» (Москвитянин. 1842. № 8. С. 351).

В рецензии С. П. Шевырева можно найти и другие совпадения (иногда дословные) с гоголевскими заметками. Так, например, он пишет о «пустоте жизни» людей типа Манилова (Там же. № 7. С. 211), «пустой бессмыслице в действиях города N» (Там же. С. 227). В другом месте рецензент замечает: «...мы видим, как пустая и праздная жизнь может низвести человеческую натуру до скотской» (Там же. С. 220) и т. д. Трудно сказать наверное, проявилось ли в данном случае эстетическое чутье критика или он был посвящен в замыслы Гоголя. Как бы то ни было, нельзя не признать, что «идея города» передана им достаточно верно и в выражениях, близких гоголевским.

к стр. 501 *...какого рода бабичи и юпки образуются.* — *Бабич* — «любящий разговориться и водиться с бабами» (из записной книжки Гоголя 1841—1844 гг.).

Жизнь бунтующая... — Т. е. бестолковая, беспорядочная.

к стр. 502 *...любила читать всякие описания балов. Описание Венского конгресса ее очень занимает.* — С сентября 1814 по июнь 1815 г. в Вене после крушения наполеоновской Франции заседал конгресс представителей европейских держав, на котором была выработана система новых государственных границ. Он сопровождался непрерывными балами, приемами и празднествами, за что получил название «танцующего конгресса». Описанием балов увлекаются у Гоголя и другие герои. Ср. в «Записках сумасшедшего»: «...читал очень приятное изображение бала, описанное курским помещиком». И в «Ревизоре»: «Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: “Жизнь моя, милый друг, течет, говорит, в эмпиреях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...” — с большим, с большим чувством описал».

Весь город со всем вихрем сплетней — преобразование бездельности жизни всего человечества в массе. — *Преобразование* — здесь: прообразование.

<Окончание девятой главы в переделанном виде>

Впервые напечатано: Русский Вестник. 1856. Кн. 1.

Отрывок представляет собой фрагмент позднейшей переделки Гоголем первого тома «Мертвых душ» (см. коммент. к с. 9 — К читателю от сочинителя). Фамилия упоминаемого здесь купца — Колотыркин — образована Гоголем от слова, встречающегося в его записной книжке 1841—1845 гг.: «*Колотыркий*, колотырка — промышляющий подлостью, низостью, смут<ами>, сплетнями». Ср. также в гоголевском «объяснительном словаре» русского языка: «Колотырник, -ница, скупой; колотырничать, колотырить, продавать по мелочам»; «Колотырство, сплетня». Слова прокурора о том, что он «выставлял “чел” на всяком листке... когда иной раз следовало бы подать доносом», восходят к записям Гоголя его бесед с графом А. П. Толстым в мае — июне 1844 г., содержащимся в записной книжке 1841—1844 гг. Ср.: «Его обязанность давать протесты на все то, что делается незаконно... Никакое производство дела не имеет исполнения без его пометки: “читал”». В то же время повествование об употреблении героями водок разных цветов и настоев в заключении отрывка перекликается с заметками Гоголя, сделанными весной 1849 г. при чтении «Домостроя»: «...наливки всех сортов и водка всяких таких настоев»; «Водки точно разноцветные хрустали».

...разобрать камерально... собравшись всем, как в английском парламенте... — *Разобрать камерально* — обдумать сообща. Возможно, подразумевается игра слов: «камера» — палата английского парламента (ср. в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «О камерах, присяжных...») и «камерно» — в своем кругу, без особой публичности. к стр. 510

<Размышления о героях «Мертвых душ»>

Впервые напечатано: Соч. Н. В. Гоголя / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока. Т. 7. СПб., 1896. Отрывок представляют собой, по-видимому, позднейший набросок к заключительной главе первого тома поэмы. Текст печатается по автографу.

...не читавшая и книг никаких, кроме Часослова... — *Часослов* — богослужебная книга, в которой содержится последование часов и некоторых других церковных служб (вечерни, повечерия, полунощницы и утрени). Часы — краткие церковные службы, состоящие из трех псалмов, нескольких стихов и молитв. к стр. 512

к стр. 513 *...страшного Плюшкина... последнее усилие утопающего человека.* — Ср. в письме к Н. М. Языкову «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» (1844): «Воззови, в виде лирического сильного воззванья, к прекрасному, но дремлющему человеку. Брось ему с берега доску и закричи во весь голос, чтобы спасал свою бедную душу... О, если бы ты мог сказать ему то, что должен сказать мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома...»

Игорь Виноградов, Владимир Воропаев

Содержание

Мертвые души
Поэма

Том первый

К читателю от сочинителя 6
Глава первая 9
Глава вторая 20
Глава третья 39
Глава четвертая 60
Глава пятая 87
Глава шестая 107
Глава седьмая 129
Глава восьмая 149
Глава девятая 172
Глава десятая 190
Глава одиннадцатая 209

Том второй
Сохранившиеся главы

Ранняя редакция

Глава первая 242
Глава вторая 272
Глава третья 282
Глава четвертая 316
<Заключительная глава> 335

Позднейшая редакция

Глава первая 370
Глава вторая 398
Глава третья 407
Глава четвертая 438
<Заключительная глава> 455
<Набросок к заключительной главе> 486
<Наброски к несохранившимся главам>. 491
<Набросок к окончанию «Мертвых душ»>. 493

Приложение

Повесть о капитане Копейкине (Первоначальная редакция) 496
<Заметки> к 1-й части. 502

<Окончание девятой главы в переделанном виде> 504
<Размышления о героях «Мертвых душ»> 513

Комментарии

Игорь Виноградов, Владимир Воропаев. «Дело, взятое из души...» . . . 516
Игорь Виноградов, Владимир Воропаев. Мертвые души. Том первый (573); К читателю от сочинителя (578); Глава первая (580), вторая (584), третья (587), четвертая (590), пятая (594), шестая (597), седьмая (602), восьмая (608), девятая (613), десятая (615), одиннадцатая (620); Сохранившиеся главы второго тома (627); Ранняя редакция (628); Позднейшая редакция (651); Набросок к заключительной главе (659); Наброски к несохранившимся главам (661); Набросок к окончанию «Мертвых душ» (664); Повесть о капитане Копейкине (Первоначальная редакция) (665) ; Заметки к 1-й части (669); Окончание девятой главы в переделанном виде (671); Размышления о героях «Мертвых душ» (671).

УДК 820 (73)
ББК 76.006.5
Г58

Гоголь Н. В.

Г58 Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 5: Мертвые души / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. — М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. — 680 с.— цв. вклейка 1 с.

Пятый том включает главное творение Гоголя — поэму «Мертвые души», ставшую «той подвижнической кельей, в которой он бился и страдал до тех пор, пока вынесли его бездыханным из нее» (П. В. Анненков).

ISBN 978-5-88017-087-6
ISBN 978-5-88017-084-5

Координатор проекта
иеромонах Симеон (Томачинский)

Издательство Московской Патриархии
выражает благодарность за содействие
в издании Полного собрания сочинений
и писем Н. В. Гоголя

Раздорожному Валерию Викторовичу
Чип Олегу Александровичу
Биденко Николаю Андреевичу
Шевченко Тарасу Вячеславовичу
Швецу Николаю Николаевичу

Составление, подготовка текстов и комментарии:
И. А. Виноградов, доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы РАН
В. А. Воропаев, доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова,
председатель Гоголевской комиссии
Научного совета
«История мировой культуры» РАН
Художественное оформление:
В. А. Белан, А. В. Белан

Николай Васильевич
ГОГОЛЬ

Полное собрание сочинений
в семнадцати томах

Том V

Мертвые души

Издательство Московской Патриархии

Главный редактор
протоиерей Владимир Силовьев

Заведующая редакцией
Т. А. Тарасова

Редакторы
Т. В. Редькина, А. Г. Васильева

Выпускающий редактор
О. А. Темнова

Художественное оформление
В. А. Белан, А. В. Белан

Технический редактор
З. С. Кондрашова

Корректоры
Е. Ю. Пятаева, А. Г. Васильева

Верстка
Ю. В. Рахманина

На фронтисписе портрет Н. В. Гоголя
работы Ф. Моллера (1840 г.)

Дар «Полтавского землячества»